

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2019

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2019

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, Т.В. Марченко,
М.Ю. Сорокина (отв. секретарь), Г.А. Тюрина*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Ирина Антанасиевич (Белград, Сербия)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Федор Поляков (Вена, Австрия)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Иван Толстой (Прага, Чехия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Милан, Италия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ РЕЧИ

(28 мая 2019 г.)

28 мая 2019 года открылся Музей русского зарубежья в рамках единого культурно-просветительского и научного комплекса — Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Уникальная структура — Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, — призванная сосредотачивать, сохранять, изучать и популяризировать наследие русской эмиграции, пополнилась еще одной неотъемлемой частью — Музеем русского зарубежья. Богатейшие фонды, собранные Домом благодаря усердию его сотрудников и дарам русских эмигрантов и их потомков, стали доступны для посетителей. На более чем 1000 квадратных метрах экспозиционных площадей собраны ценнейшие материалы, свидетельствующие о жизни и духовном подвиге русского изгнанничества, о трагической истории гражданского раскола некогда единой нации...

Торжественную церемонию открытия начал директор Дома В.А. Москвин.

МОСКВИН: Ваши Высокопреосвященства, высокие гости, милостивые государи и государыни, сегодня важный день, важный не только для Дома русского зарубежья, но и для всей России — открытие Музея. О музее на Родине — в России мечтали поколения русских эмигрантов, собирая и бережно сохраняя в разных странах русское культурное и историческое наследие. Мы с вами открываем первый государственный музей русского зарубежья, музей для 30 миллионов наших соотечественников. Сегодня я буду говорить слова благодарности, и буду говорить их много раз. За этот Дом, за огромную помощь, которая была оказана в его создании, первая благодарность Президенту РФ В.В. Путину, который поддерживает нашу работу уже много лет, поддерживает действенно и зримо. И я хотел бы попросить выступить Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Игоря Олеговича Щёголева.

Приветствие от имени Президента РФ зачитал его Полномочный представитель в Центральном федеральном округе И.О. Щёголев.

ЩЁГОЛЕВ: Сегодня у меня приятная миссия огласить приветствие Президента РФ участникам и гостям торжественной церемонии открытия Музея русского зарубежья.

ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА

Дорогие друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Музея русского зарубежья.

Создание этого уникального культурно-просветительского, образовательного и экспозиционного пространства — большое событие в общественной жизни нашей страны, важный и востребованный временем проект в сфере международного гуманитарного взаимодействия.

За прошедшие годы сотрудниками Дома русского зарубежья имени А. Солженицына была собрана впечатляющая коллекция архивных документов, книг, картин, фотографий, посвященных Русскому миру, людям, которые были вынуждены покинуть Россию, но сохранили с ней особую духовную связь и всегда чувствовали сопричастность к судьбе Родины.

Уверен, что столь масштабная, содержательная экспозиция будет интересна широкому кругу посетителей. И конечно, музей обязательно станет авторитетной диалоговой площадкой, послужит укреплению культурного, научного сотрудничества между нашими соотечественниками во всем мире.

Желаю вам успехов и всего наилучшего.

Владимир Путин

МОСКВИН: Русские живут в 98 странах мира. За четверть века наш Дом работал в 60 странах. И конечно, эта работа немыслима без помощи и содействия МИД. И все эти годы нам помогали послы, сотрудники министерства и главный наш помощник, конечно, Сергей Викторович Лавров, который всегда откликнулся на все наши просьбы, на все наши письма. Спасибо Вам, Сергей Викторович. Прошу Вас сказать Ваше слово.

Сергей Викторович, присутствовавший в том числе и на церемонии символического разрезания ленточки нового музея, ответил на слова благодарности директора ДРЗ приветственной речью, тепло воспринятой собравшимися в новом конференц-зале музейного комплекса.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.В. ЛАВРОВА

Уважаемая Наталия Дмитриевна,
уважаемый Виктор Александрович,
коллеги, друзья!

Сегодня мы собрались по случаю действительно очень знаменательного события как для нашей страны, так и для многомиллионного Русского мира, открытия первого государственного Музея русского зарубежья. Его экспозиция посвящена истории многонациональных и многоконфессиональных российских общин за рубежом. Рад приветствовать членов Всемирного координационного совета российских соотечественников. Хотел бы вас искренне поблагодарить за неоценимый вклад в реализацию данного благородного начинания.

Инициатива по созданию музея была поддержана Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, о чем только что было сказано. Президент неоднократно отмечал важность усилий Дома русского зарубежья по возвращению наследия выдающихся россиян, которые волею судеб были вынуждены покинуть историческую Родину, однако, находясь на чужбине, никогда не прерывали связь с Отечеством. Делали все, чтобы их потомки не забывали о своих корнях.

Двадцатый век для нашего народа оказался очень непростым. Многие россияне были вынуждены покинуть страну. Однако, несмотря на сложные жизненные обстоятельства, им удалось сохранить свою культурно-цивилизационную идентичность, передать ее детям и внукам. А также сбересть семейные реликвии, фотографии, дневники, письма, способные многое рассказать о драматических поворотах в судьбах их владельцев, истории нашей страны в целом.

Создателями Музея была проделана серьезная кропотливая работа по возврату культурно-исторических ценностей, связанных с летописью эмиграции. Соотечественниками переданы бесценные предметы — живые свидетельства ушедших эпох. Пользуясь случаем, хотел бы от всей души поблагодарить всех дарителей, наверняка невозможно их перечислить в одном или даже в десяти выступлениях. Такие благородные жесты — это яркий пример подлинной любви к Отечеству, которую удалось пронести, несмотря на различные исторические перипетии и невзгоды.

Гордимся тем, что Министерство иностранных дел, Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом также внесли свою лепту в создание Музея. Виктор Александрович, спасибо за теплые слова. Мы в основном помогали через налаживание диалога с российскими общинами, их подключение к формированию экспозиции. В результате сопряжения усилий многих участников Музею удалось собрать многочисленные предметы, повествующие о масштабном интеллектуальном и культурном наследии русского зарубежья.

Открытие Музея — еще одно подтверждение того, что эпоха разобщенности, вызванная различными историческими обстоятельствами, навсегда канула в Лету. Сегодня мы продолжаем делать все необходимое, чтобы соотечественники чувствовали себя сопричастными к делу построения сильной, процветающей, уверенной в себе России. Чтобы вносили вклад в сохранение и приумножение общего духовного и культурного достояния, завещанного нам предками. Приветствуем и поддерживаем инициативы соотечественников и их начинания, включая создание, силами энтузиастов, музеев русской истории и культуры в странах, где сейчас проживают наши соотечественники. Убежден, что такая работа, направленная на дальнейшее сплочение многонационального, многоконфессионального, многогранного Русского мира, в полной мере сохраняет свою важность, может быть, даже становится еще более важной.

Уважаемые друзья!

Потенциал соотечественников в деле социально-экономического подъема страны, поддержания дружественных, взаимоуважительных отношений с государствами проживания поистине неисчерпаем. Его дальнейшее раскрытие особенно востребовано сегодня, когда ситуация в мире остается напряженной, а против России развязана масштабная кампания, направленная на сдерживание нашего развития во всех областях. Сомнений быть не должно, такие антироссийские кампании и акции абсолютно бесперспективны. Их зачинатели начинают в этом убеждаться. На протяжении веков мы неоднократно сталкивались с самыми суровыми испытаниями. И каждый раз выходили из них окрепшими. Уверен, так будет и впредь.

Сегодня мы при любых условиях сохраним свой суверенитет, сможем обеспечить свою национальную безопасность, защитить наших граждан, историю и нашу цивилизационную принадлежность. Конечно же, будем всегда в состоянии отстаивать права наших соотечественников и их достоинство.

У меня нет сомнений, что Музей станет важнейшим духовным, интеллектуальным центром по сохранению и продвижению российского наследия за рубежом, полезной площадкой для плодотворного диалога с соотечественниками во всем мире. Будет способствовать обеспечению преемственности нашей истории, поддержанию связи времен и поколений, увековечиванию имен тех, кто, находясь на чужбине, не забывал о своей Родине.

Думаю, московские школы проявят интерес к тому, чтобы здесь специально устраивать уроки по истории русского зарубежья, по сопричастности к тому, что делали поколения, которые предшествовали нам.

Министерство иностранных дел, со своей стороны, будет и далее оказывать Музею всяческое содействие, в том числе через наши совместные проекты с Домом русского зарубежья.

Спасибо всем за внимание. Еще раз спасибо всем дарителям.

МОСКВИН: К созданию музея мы шли более четверти века, и все эти годы нам содействовала и помогала Русская Православная Церковь. Когда открывали еще крошечную библиотеку «Русское Зарубежье», свое слово 7 декабря 1995 года сказал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Святейший Патриарх. И я очень рад, что сегодня у нас митрополит Волоколамский Иларион, председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Прошу Вас, Владыка, выступить.

Митрополит ИЛАРИОН: Уважаемая Наталия Дмитриевна, уважаемый Виктор Александрович, Игорь Олегович, уважаемые высокие гости, дорогие братья и сестры, Христос Воскресе.

От имени святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и от себя лично сердечно приветствую всех участников торжественного открытия Музея русского зарубежья. Гостеприимный Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына собрал сегодня представителей государственной власти России, правительства Москвы, руководителей организаций соотечественников, в том числе международных, видных представителей общественности, религиозных деятелей, ученых и журналистов. Особенно мне приятно видеть наших братьев и сестер, прибывших из-за рубежа, имена которых тесно связаны с историей русской эмиграции первой четверти XX века. Сегодня мы совершили молитву, освятив музей и благое начинание, собрание и сохранение для последующих поколений исторических свидетельств, документов времени, повествующих о жизни выходцев из России в зарубежье. Драматические события в России, Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за тем Гражданская война, курс новых советских властей на построение общества, в котором не будет места религии, породили многомиллионный исход населения России на чужбину. Вынужденная необходимость проститься с Отечеством породила в наших братьях и сестрах тяжелые переживания и боль. Они усиливались разрывом семей и родственных отношений. Это стало истинной трагедией для нашего народа. И до сих пор нам сложно оценить невосполнимые потери, которые понесла наша страна, лишившись многих богатых духовным опытом, творческих и высокообразованных людей. Трагедия рассеивания не обошла стороной и Русскую Православную Церковь. Многие иерархи и священнослужители также были вынуждены разделить участь изгнанников. Мне особенно приятно, что в открытом ныне музее свое достойное место заняла экспозиция, посвященная церкви в зарубежье. Она включает в себя фотографии и исторические документы, связанные с жизнью иерархов, священнослужителей и многих благочестивых мирян, потрудившихся над устройством церковной жизни в среде русской эмиграции. Их непростое служение и труды свидетельствовали о христианской жертвенной любви тем, кто нуждался в пасторской заботе и окормлении. Церковь не могла оставить свою паству и потому разделила с ней все горести и невзгоды. Благодаря православной вере, готовности воплощать в своей жизни евангельские идеалы, следовать заветам предков, нашим соотечественникам удалось сохранить свою цивилизационную и культурную идентичность, родной язык и родную культуру. Все это сформиро-

вало феномен русского рассеяния, который превосходит по своему значению внимание диаспоры и общины и является консолидирующим пространством ценностей. Подобные феномены способны порождать только сильные духом народы, именно такое качество было присуще русским эмигрантам. Почувствовать дух и атмосферу времени, понять мысли и чаяния наших соотечественников призван открытый сегодня музей. Он должен стать местом встречи и общения людей, искренне любящих свое Отечество, независимо от того, где они проживают, в России или за рубежом, местом не только воспоминаний о прошлом, но и созидания будущего нашей страны и народа. Твердо верю в успех данного проекта и его ценность для будущих поколений. Хочу пожелать Вам, Виктор Александрович, и всем сотрудникам музея благословенных успехов в дальнейших трудах. Храни вас всех Господь.

МОСКВИН: Спасибо, Владыка. Наш Дом русского зарубежья — московский музей, и с самых первых лет создания еще библиотеки московские власти оказывали нам помощь и поддержку на разном уровне. И я хотел бы здесь поблагодарить управу Таганского района, префектуру Центрального административного округа, Департамент культуры города Москвы, Правительство города Москвы. Здание музея построено благодаря усилиям Департамента строительства и, конечно, благодаря московским градоначальникам. Юрий Михайлович Лужков нам очень много помогал, Сергей Семенович Собянин приехал в декабре 2010 года и обещал построить здание музея. Здание построено, и превеликое ему спасибо. Я хотел бы пригласить к микрофону министра Правительства Москвы, руководителя Департамента культуры Александра Владимировича Кибовского.

КИБОВСКИЙ: Уважаемая Наталия Дмитриевна, дорогие друзья, позвольте от имени мэра Москвы и Правительства Москвы передать поздравления всем собравшимся и всем соотечественникам с открытием Музея русского зарубежья, с этим большим праздником для нас всех. Действительно, очень трогательно, когда сейчас вспоминали ту самую районную библиотеку № 17, которая в 1995 году стала первой колыбелью, организационно Домом русского зарубежья. Но какой большой путь пройден за эти годы, и с 2005 года здесь, на Нижней Радищевской, появился вот тот комплекс, который уже стал привлекать к себе внимание соотечественников всего мира. И с вашей помощью мы стали спасать, в буквальном смысле этого слова, те реликвии, которые удалось сохранить сквозь поколения, но которые в начале уже этого столетия оказались под угрозой исчезновения просто в силу того, что развивается по-своему жизнь людей, и на самом деле за эти годы сделано очень многое... У нас коллекция Дома русского зарубежья насчитывает 250 тысяч единиц, 350 личных фондов, это огромные коллекции, и конечно, желание ее выставлять, не только собирать, но и дать ей возможность быть доступной для всех — стало крайне важной задачей. И нам приятно, что в соответствии с указом Президента эта почетная миссия сделать все-таки музей по самому современному слову музейного дела была доверена Правительству Москвы. Этот объект был одним из приоритетных для мэра Москвы с самого

начала его вступления в должность, о чем, спасибо, сегодня вспомнили, на этом объекте мэр бывал неоднократно, Марат Шакирзянович Хуснуллин как вице-мэр, курирующий строительство, здесь в еженедельном режиме проводил штабы, поэтому вот вы сами можете видеть, какой огромный комплекс с оборудованием, со всеми необходимыми возможностями построен в крайне, ну, даже в сжатые сроки — это ничего не сказать. Здесь в данном случае, кроме того, что мы видим — 4 этажа, еще 2 этажа под нами. Таким образом, со всеми коммуникациями, сетями, вы сами понимаете, кто у нас живет в городе Москве, насколько трудно такие работы проводить в центре города Москвы при уплотненной, как принято говорить, застройке. Все это мы начали строить в 2015 году, люди вышли на площадку. Сегодня мы с вами уже открываем готовый музей с оборудованием, со всеми экспозициями, со всеми необходимыми возможностями для его полноценного существования, который еще связан в единое целое с тем комплексом, который появился раньше. Таким образом, сегодня мы обладаем огромной площадкой, которая действительно достойна того замысла, который был тогда, когда в библиотеке № 17 открывался этот центр. Мне очень приятно, что мы сегодня присутствуем при этом событии, и, конечно, это значение — его трудно переоценить — это не просто музей, это очень живая структура, это центр притяжения, где у нас проходит огромное количество событий, мероприятий, и даже по самым скромным оценкам мы ожидаем, что уже в этом году мы здесь примем около 100 тысяч посетителей, в этом комплексе, это самые скромные оценки из опыта работы нашего соседнего объема. И мне кажется, символично, что мы уже сегодня об этом говорили с присутствующими в кулуарах, сегодня наша страна отмечает День пограничника, ну, так совпало... Мне кажется, что очень здорово, что мы в этот день фактически проводим мероприятие, которое говорит, напротив, что у Русского мира нет границ, и нам приятно, что центр его сегодня — Москва. Спасибо большое, поздравляю!

МОСКВИН: Спасибо огромное, Александр Владимирович. Исключительно важную роль в создании Дома сыграли Александр Исаевич и Наталия Дмитриевна Солженицыны. Наталия Дмитриевна, прошу Вас.

СОЛЖЕНИЦЫНА: Высокочтимый Владыка Иларион, уважаемый Игорь Олегович, дорогой Александр Владимирович, Виктор Александрович, уважаемые члены координационного комитета Конгресса соотечественников и все дорогие друзья и гости нашего Дома, пришедшие разделить сегодняшнее наше торжество.

Три четверти XX века лучшие духовные плоды русской эмиграции не имели никакого доступа на Родину. Достоинейшие имена в науке, искусстве, живописи и литературе, музыке оставались неизвестными целым поколениям, новым поколениям советских людей. В середине 1960-х Александр Исаевич писал в «Архипелаге»: «Отток значительной части духовных сил, произошедший в Гражданскую войну, увел от нас большую и важную ветвь русской культуры. И каждый, кто истинно любит ее, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей в метрополии и зарубежье. Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит способ-

ность к не ущербному развитию. Я мечтаю дожить до того дня». Ему посчастливилось не только мечтать, но и много поработать для этого заветного воссоединения и дожить до начала его. В 1974 году взорвался Архипелаг Гулаг и взрывной волной автора выбросило на тот берег. И ему довелось послужить своего рода живым мостом между двух берегов разрубленной русской культуры, раздвоенной исторической памяти. Живых современников русской бурной поры становилось все меньше, и Александр Исаевич поспешил обратиться к ним через эмигрантские газеты и журналы с воззванием. Он писал: «Я призываю своих соотечественников теперь же сесть писать воспоминания, чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее». Он брал на себя обязательство надежного хранения, каталогизации рукописей, а как только наступит благоприятное время, возможность — передать их всех в Россию. Вполне возможно, что тогда многим в русской эмиграции, пережившим десятилетия невзгод на чужбине, казалось, что благоприятное время не наступит никогда. Тем не менее отклик на это воззвание был обильным. Нам в Вермонт прислали около 700 уникальных рукописей, коротких и длинных, написанных от руки и напечатанных на машинке, в почтовых конвертах и увесистых бандеролях, и Александр Исаевич сам вел дневник, журнал поступлений. И эта рукописная тетрадь его почерком отныне стала тоже экспонатом Музея русского зарубежья, и вы сможете увидеть ее в солженицынской витрине. Старая русская эмиграция приняла нас тепло. Александр Исаевич встречно поражался ее подвигу, ее верности и ее при этом удивительной скромности. В дневнике романа, которым он сопровождал свою работу над «Красным Колесом», есть запись от 20 сентября 1977 года: «Если придется получить бодрое письмо, то только от бывшего белогвардейца. Пережившие тьму, унижения, нищету эмиграции, в возрастах по 80 лет, передают мне в письмах свою твердость, верность России, ясный взгляд на вещи. Столько перестрадать и так сохраниться духом». К некоторым из этих воспоминателей обращены строки сердечной благодарности в очерках изгнания. «В работе над Красным Колесом величайшую подмогу оказали старики, вот те старые эмигранты революционных лет. Они одаряли меня и эпизодами, и самим духом времени, которые только и передадут не исторические, рядовые люди. В моем просторном кабинете, всегда худо натопленном зимой, сколько-сколько вечеров я согревался над их воспоминаниями. Над листами светила настольная лампа, а весь темный простор высоченного кабинета был как наполнен живой, сочувственной, дружественной толпой этих белогвардейцев. Вот уж одинок я не бывал ни минуты. Я чувствовал себя мостом, перекинутым из России дореволюционной в Россию послесоветскую, будущую, мостом, по которому перетаскивается тяжело груженный обоз истории, чтобы бесценная поклажа его не пропала для будущего. Этот тяжело груженный обоз перетаскивался не сам по себе, и застрял бы ему, и пылиться бы ему на полках в подвалах архивов, если бы не издательство, не одно, а много, созданные эмигрантами, в уверенности, что печатное-то слово не пропадет». Для Солженицына таким издательством была в первую очередь ИМКА-Пресс, а постоянным издателем — незабвенный Никита Алексеевич Струве. С ним нас связали многие годы совместной работы и друж-

бы. Будучи эмигрантом от рождения и в то же время гражданином мира, он всю свою жизнь беззаветно служил России, ее культуре. А при том ни разу не бывал в России до своих 60 лет, когда в разгар перестройки он привез в Россию плоды многолетних трудов его старейшего эмигрантского издательства. И вот этот его приезд, и та выставка, которая была тогда устроена в Иностранке, они потом обернулись фактически первым шагом к созданию потом этого Дома русского зарубежья. А мы же, как и обещали, привезли в Россию все собранные за 20 лет изгнания рукописи эмигрантов. И уже много лет здесь, в библиотеке Дома русского зарубежья они доступны исследователям и любознательным читателям. История этого Дома, теперь вместившая в себя и музей, когда-нибудь будет написана. Но я назову лишь несколько людей, чьи имена несомненно будут в первых строках этой истории: Александр Ильич Музыкантский, префект Московского Центрального округа в 90-е годы, Юрий Михайлович Лужков, мэр столицы, построивший первую очередь Дома, Сергей Семенович Собянин, наш нынешний московский градоначальник, построивший вторую очередь Дома, где к сегодняшнему дню завершена экспозиция Музея русского зарубежья, о чем, согласитесь, три четверти века можно было только мечтать, и Виктор Александрович Москвин, 25 лет не сходявший с капитанского мостика этого корабля. Земной поклон им и многим-многим другим, чей труд присутствует здесь. Мы с вами — свидетели чуда. Но сколько доносит предание, писал Солженицын, не посылается чудо тем, кто не трудится ему навстречу.

МОСКВИН: Спасибо огромное, Наталия Дмитриевна, за очень яркие проникновенные слова. Наш Дом сотрудничает со многими российскими организациями. В последние годы получаем ощутимую поддержку от Российского исторического общества. Я хотел бы пригласить к микрофону члена Президиума Общества Константина Ильича Могилевского, он же является также исполнительным директором Фонда «История Отечества». Прошу Вас, Константин Ильич.

МОГИЛЕВСКИЙ: Уважаемый Виктор Александрович, дорогие друзья. Председатель Российского исторического общества, председатель Совета Фонда «История Отечества» Сергей Евгеньевич Нарышкин, к сожалению, сам не смог сегодня приехать, но здесь ряд руководителей Российского исторического общества — Александр Оганович Чубарьян, Андрей Николаевич Артизов, Александр Владимирович Кибовский. И я хотел бы, с вашего разрешения, огласить приветствие Сергея Евгеньевича Нарышкина.

УЧАСТНИКАМ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ МУЗЕЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Дорогие друзья. Революционные события 1917–1922 годов раскололи российское общество, породив трагическую двойственность отечественной культуры. За пределами Родины вынужденно оказались многие представители ее политической и творческой элиты, предприниматели и уче-

ные, военные деятели и религиозные мыслители, объединенные любовью к своей стране и стремлением сохранить ее исконные традиции; они создали для себя и своих детей поистине вторую Россию, организованную, с богатой культурной жизнью и сопоставимую по численности со средней европейской страной. Кандинский, Набоков, Шалапин, Бунин — тысячи ярчайших талантов сделали добровольными архитекторами русского мира, своего рода послами отечества в самых отдаленных уголках земного шара. Интерес к их творчеству, к их колоссальному интеллектуальному вкладу не иссякает в мире до сих пор. За прошедшие 20 лет уникальная коллекция Дома русского зарубежья пополнилась более 1000 экспонатов, многие из которых были переданы сюда нашими соотечественниками. Убежден в том, что новый музей, созданный на этой прочной основе, станет важнейшим историко-культурным центром нашей страны. Председатель Российского исторического общества, Председатель Совета Фонда «История Отечества» Сергей Евгеньевич Нарышкин. Спасибо.

МОСКВИН: Дорогие друзья, наш Дом уникален и в том, что он создан на основе даров, мы ничего за эти годы не покупали, здесь все подарено. Более 3000 дарителей из разных стран мира. И наша экспозиция открывается большим списком людей, которые внесли свой вклад в создание Дома. Хотел бы еще раз сказать сердечное спасибо всем нашим русским людям из разных стран, которые помогли создать Дом, чудо в Москве, чудо в России — Музей русского зарубежья. Сердечное спасибо! И разрешите пригласить к микрофону Александра Александровича Трубецкого, одного из ярчайших представителей русского зарубежья.

ТРУБЕЦКОЙ: Уважаемый Игорь Олегович, уважаемый Александр Владимирович, Сергею Викторовичу передайте мой персональный привет, уважаемая Наталия Дмитриевна, дамы и господа. Сегодня мы собрались, чтобы быть свидетелями очень важного момента в истории России. Открытие Музея русского зарубежья является апофеозом замечательного вклада Александра Исаевича Солженицына, а также его последователей, которые продолжают его начинание. И сегодня я стою перед вами, чтобы выполнить доверенное мне 50 лет тому назад завещание последних офицеров лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, которые до победного конца жили за рубежом, исполняя свою гвардейскую присягу «за Веру и Верность». Они мне доверили хранить некоторые спасенные полковые реликвии и накопленный ими в эмиграции полковой архив. И сейчас я приведу их слова — их цель была, чтобы я передал это России, когда наступит приемлемый режим. Почему я говорю эти слова, потому что, конечно, под словами «приемлемый режим» они подразумевали, что Родина, которой они давали присягу, за которую они воевали, должна называться Россия, а не иначе, и должны быть герб «двуглавый орел», флаг-триколор и в стране должно соблюдаться свободное вероисповедание. Вот три главных критерия завещания. Я посоветовался с потомками офицеров полка, их здесь немало, князь Чавчавадзе, Георгий

Михайлович Осоргин и другие, естественно, моя семья, здесь мои сыновья с невестками, мы все единогласно решили, что наиболее подходящим местом для хранения этих полковых реликвий и архивов является Дом русского зарубежья. Дом зарубежья — это не просто музей, вы здесь не просто в музее, это гораздо больше, здесь библиотека, здесь и живое свидетельство неопределимого вклада в российскую историю и культуру, который внесла русская эмиграция, в том числе и военная, которая оказалась разбросана по всему миру. Вот я держу в руках несколько ценных предметов. Вот это — кусочек древка от штандарта, знамени, лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Как часть штандарта, древко всегда сопровождало в эмиграции офицеров полка, на церемониях полковых парадов и в момент их отпевания. Я передал также несколько других вещей. Комментируя эту рамку, она интересна тем, что написано сзади — солдатские, георгиевские кресты и медали, которые были посланы в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, но не были выданы, потому что началась революция. Есть еще книга из семи томов, которую мы передаем с помощью Елизаветы Платоновны, это 7 томов истории полка, которую написали офицеры полка в эмиграции. А есть еще многие другие реликвии, которые вы увидите в будущем, все показать невозможно. В настоящее время из Парижа отгружено 8 ящиков с архивом и несколькими предметами. Передавая от имени последних офицеров лейб-гвардии Конно-гренадерского полка эти реликвии и архив, мы, их потомки, убеждены, что они найдут должное место здесь, в Доме, в Музее зарубежья. И что здесь историки смогут изучать неопределимую частицу истории императорской гвардии. Говоря о книгах с историей, добавлю, что они являются богатой исторической, библиографической ценностью. И я хочу надеяться (может, даже среди вас найдем), что с помощью Дома зарубежья, музея и, вероятно, спонсоров появится возможность их переиздать. Виктор Александрович, я рад Вам передать вот эти реликвии и то, что отгружено, а на самом деле я передаю Вам и Вашим сотрудникам ответственность за то, что мы хранили 50 лет.

МОСКВИН: Спасибо, Александр Александрович! Позвольте пригласить к микрофону Дмитрия Михайловича Шаховского.

ШАХОВСКОЙ: Милостивые государи и государыни. Я приветствую этот Дом. Этот Дом, который заслужил уже определенные страницы в истории русской культуры. Я испытываю глубокое волнение именно к созданию музея. У меня впечатление, что именно Дом, благодаря своему коллективу, осуществил одну мечту. Это, конечно, свидетельства русской эмиграции, свидетельства о своей верности к русскому духу. Но надо сказать, что Дом, благодаря своей деятельности и своему директору, Виктору Александровичу, осуществил что-то даже более значительное. Дело в том, что, получая в дар целый ряд рукописей, целый ряд свидетельств, он осуществил их вход в русскую общественность. Одно — собирать, одно — показывать, но другое — передавать. И что меня первым делом одухотворило и дало чувство особой признательности, это издательская деятельность, которая, я надеюсь, будет продолжаться и для которой нужна помощь не только каждого из

нас, который приносит свои дары и как-то участвует, но отчасти и всего государства. Меня глубоко удручает, когда ведение русской истории не сохраняется, когда забываются корни. Я часто слышу исторические или там разные сообщения, которые опираются на определенные числа недавнего прошлого, предыдущих десятилетий. Но, вы меня извините, что такое эти десятилетия, которые, вполне возможно, канут, в Лету, перед нашей тысячелетней историей. Надо сказать, что, испытывая вот это волнение, я, живя, в общем, за рубежом, с волнением слежу за восприятием России и внешнего мира. Я замечаю одно, если вернуться к истокам, вы вспомните, что в XI веке митрополит Иларион преклонялся перед православными святынями всего мира. Прошло несколько веков, и в XVI веке князь Курбский, наблюдая за тем, что творилось в мире, говорил: «Все в упадке. Только ты одна, Москва, сохраняешь верность нашим духовным истокам». И это привело князя Одоевского в XIX веке сказать, что в общем все гибнет. Так нет, если все гибнет на Западе, то все-таки есть искра надежды у нас, потому что мы касаемся не только исторических ценностей, но и духовных ценностей. Я желаю музею самой замечательной кипучей деятельности, и именно консолидации этого моста, который переброшен между, я скажу, не двумя мирами, а между поколениями. Я желаю всего-всего наилучшего милому Русскому дому и замечательному музею. Спасибо за внимание.

МОСКВИН: Спасибо, Дмитрий Михайлович. Вскоре после создания библиотеки русского зарубежья в 1997 году Никита Алексеевич Струве познакомил меня с замечательным человеком — Людмилой Сергеевной Флам-Оболенской и в США был создан комитет «Книги для России». И контейнерами, морскими контейнерами к нам стали приходиться книги, журналы, картины, аудио-, видеозаписи, и несколько лет тому назад Людмила Сергеевна передала эту миссию Людмиле Ростиславовне Селинской. Мы не так давно получили новый контейнер с огромными ценностями из США. Людмила Ростиславовна, пожалуйста, скажите Ваше слово.

СЕЛИНСКАЯ: Спасибо, Виктор Александрович, за такое вступление. Милостивые государи и милостивые государыни. Когда я училась в субботней церковной школе, на Рождественской елке я декламировала стихотворение «Россию я никогда не видала». И это стихотворение заканчивалось словами «но я вернусь к тебе не как чужая, а как родная любящая дочь». Да, я родилась в зарубежье, и я могу считаться третьим поколением, так как мой дед, который служил в штабе Верховного главнокомандующего при генералах Деникине, потом Врангеле и с ним отступил, с ним уехал мой годовалый тогда отец, которому в этом году исполнилось 100 лет. Он один из больших дарителей, а в общественной жизни он был членом многих организаций, в том числе той организации, в которой я воспитывалась, организации российских юных разведчиков, а это скауты, но по-русски это разведчики. И вот мой крестный отец написал песню «Костер разведчика», которую мы поем до сих пор, и там есть такие слова: «Когда же покинем чужбину, костры по России зажжем». И вот так мы воспитывались. Когда

говорят, вот, зарубежье, если подумать — отцу 100 лет в этом году, в следующем году 100 лет русскому зарубежью... Какие еще есть случаи в истории, где, скажем, эмиграция или диаспора вот так держалась. Но почему? Я могу только к этому добавить. У меня здесь сын, который уже четвертое поколение, и он говорит, как я, и мы тоже члены тех же самых организаций. А организаций у нас в зарубежье было очень много, и они как раз работали над тем, чтобы сохранить ту Россию, за которую они боролись, которую они любили, которую они не предали. Эта эвакуация, которая произошла (в следующем году этому событию будет 100 лет, в 1920 году), она не была бегством, это было отступление с оружием в руках, чтобы продолжать борьбу за освобождение России. Потом эта борьба перешла в то, чтобы бороться за следующее поколение, которое может вернуться. Когда мой отец рос в Югославии, учительницы в начальной школе говорили: «Да, мы все учим по-русски». «А как же вы, по-сербски не занимаетесь с детьми?» «Да мы же скоро вернемся». И вот на чемоданах сидели-сидели, и когда было ясно, что это не случится скоро, главной задачей было хранить то, что мы с собой вывезли (я говорю образно, конечно, не я), ту веру, преданность, любовь к своей Отчизне, потому что это действительно наша Отчизна, где бы мы ни жили. Конечно, наше зарубежье сделало огромный вклад в культуру, науку тех стран, где мы проживаем. И это неизбежно, и очень жалко, что Россия лишилась вот именно этих генеральных людей, таких, например, как Сикорский, чей архив был передан сейчас, вот этим контейнером, о котором говорил Виктор Александрович... И материалы Набокова... Я не буду перечислять все имена, но их достаточно, чтобы вы поняли, что это такое. И естественно, факт, что это Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, это давало столько уверенности мне лично, когда я перенимала от Людмилы Сергеевны эту должность. Потому что, когда я говорила, что это Дом имени именно Александра Солженицына, а не просто еще какой-то проект, то тогда люди верили и дарили. И в этом контейнере и картины, и архивы, и очень-очень многое. И он, конечно, не последний, и будут следующие. Мне хотелось тоже отметить, что у нас в зарубежье был объединяющий момент, когда было тысячелетие крещения Руси. И здесь, конечно, объединилось все зарубежье в этот праздник. И в Нью-Йорке я была автором постановки, художественной, в которой приняли участие и наши коллеги из Южной Америки, из Европы, из Австралии, там участвовало 38 русских организаций. И слова заключительной части были... Да, и я должна сказать, что это все было сделано как монтаж русских классиков, лучше этого никто ничего не придумает и не напишет, и это было с симфоническим оркестром, костюмами и декорацией, и произвело огромное впечатление... И мы сказали, что раз в тысячу лет нам надо объединяться обязательно. И вот, когда в это время все только начало меняться, мы мечтали об этом... И я говорю, последние слова были: «Воскреснет святая Русь, вернется к святотомасовским заветам, и сбудутся пророческие слова святого Серафима Саровского, что среди лета запоят Пасху. Сейчас почти лето, и первые слова высокопочтеннейшего Митрополита были “Христос воскрес”». И в каком-то смысле, я думаю, что это, естественно, не единственное то, о чем мы тогда говорили, но это часть этого возрождения, воссоединения. И я тоже

лично участвовала в перезахоронении генерала Деникина, у которого мой дед служил. И это было с помощью Российского фонда культуры, и это было при участии многих других, но для меня это было глубоко символично. И одновременно перезахоронили прах Ивана Ильина. И как раз вчера мы были опять на кладбище, где мы возложили цветы и им, и на могилу Александра Исаевича. И после этого последовало воссоединение церквей. И я состою в приходе, который является храмом-памятником воссоединения наших церквей. А в этом приходе были прихожанами семья генерала Врангеля и не только. И как раз мы поддерживали вот это воссоединение, несмотря на то, что некоторые, но меньшинство, были против. И вот, мы потихоньку, все эти годы возвращали все, что мы могли, наши молодежные организации, разведчики, сокола, витязи, все это начало здесь опять развиваться, к большому нашему счастью. Потому что мы знали, что все эти годы, практически 100 лет это все стремилось к тому, чтобы можно было это сделать сейчас. И оттого я мечтаю о том, чтобы и в России, и в странах ближнего зарубежья, куда из-за этой огромной трагедии попало свыше 30 миллионов русских людей, это больше, чем население Австралии, больше, чем население Канады... И вот это может быть примером, как выживать, ведь 100 лет мы прожили в этих разных странах, и теперь они тут близко и хотят выжить. И моя мечта, чтобы Дом русского зарубежья был бы и там, и в этих странах. И я благодарю Господа Бога за то, что это случилось, это да, чудо, я благодарю, конечно, всех тех, кто потруился, и руководство Дома русского зарубежья, и всех-всех, кто помог, чтобы это чудо действительно произошло. Спасибо!

МОСКВИН: Спасибо большое, Людмила Ростиславовна, хотелось бы очень многое сказать, но скажу лишь несколько слов. Сергей Викторович Лавров говорил, что хорошо бы нам работать с молодежью. У нас уже несколько месяцев каждое воскресенье собирается московский отряд витязей. 26 мая, позавчера, они проводили торжественный сбор по случаю окончания зимней учебы. С московскими скаутами у нас очень добрые, хорошие отношения, и я надеюсь, что скоро, поскольку помещения у нас позволяют, здесь будут собираться и скауты. И это движение тоже набирает силу в Москве и в России. Хотел бы попросить Вас, Людмила Ростиславовна, передать огромный привет Вашему папе Ростиславу Владимировичу Полчанинову, недавно мы устроили видеоконференцию и поздравляли его со столетием отсюда, из нашего Дома. В экспозиции его прекрасное интервью, очень маленький фрагмент, а он на своем 101-м году наговорил пять с половиной часов своих воспоминаний на видео. Это потрясающе.

Дорогие друзья, милостивые государыни, милостивые государи. Наша первая часть подходит к концу, и дальше будет небольшой концерт московского мужского камерного хора «Кастальский» под управлением Александра Рудневского. В программе концерта прозвучат произведения Александра Кастальского, Николая Кедрова, Николая Осоргина, Константина Шведова и Ивана Лямина, после чего можно будет посмотреть экспозицию более подробно, более обстоятельно, наверное, покритиковать нас за какие-нибудь недостатки — каюсь, они точно есть, и что-то мы уже сами знаем, что-то поправим, а что-то вы подскажете, тоже

постараемся изменить, поменять, сделать лучше. Наш музей — он будет живым музеем. Поэтому и экспозиции будут постепенно меняться, поскольку приходят новые дары, их много, и мы очень надеемся, что наша деятельность будет расширяться.

Спасибо сердечное всем, кто сегодня пришел в наш Дом.

ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В.В. ПУТИНА
(24 июля 2019 г.)

24 июля 2019 года президент России В.В. Путин посетил Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и поздравил с юбилеем президента Русского благотворительного фонда А. Солженицына Н.Д. Солженицыну.

Президента России В.В. Путина ждали на открытии Музея русского зарубежья 28 мая 2019 года, но тогда из-за напряженного графика он не смог принять участие в торжестве. И вот теперь президент приехал посмотреть музей и поздравить Наталию Дмитриевну с юбилеем. Во встрече приняли участие мэр г. Москвы С.С. Собянин и постоянный представитель президента России в Центральном федеральном округе И.О. Щеголев.

Краткую экскурсию по музею провел директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин, о Солженицынском разделе выставки, о работе А.И. Солженицына над многотомным романом об эпохе революции «Красное Колесо» рассказала Н.Д. Солженицына.

Президент оставил запись в книге почетных гостей, где поблагодарил организаторов музея за создание «замечательного, интересного и поучительного для современников музейного пространства о жизни русской эмиграции». Он отметил, что «особенностью русской эмиграции всегда была связь с Родиной, духовная связь с Россией».

После осмотра экспозиции президент В.В. Путин передал в дар музею экземпляры старейших изданий русского сообщества за рубежом: первой газеты русского сообщества в США «Вестник Аляски» (издание 1868 года) и «Вестника русского христианского движения», философско-литературного журнала русской эмиграции, где впервые в 1981 году был опубликован роман А.И. Солженицына «Красное Колесо».

ЮБИЛЕЙНОЕ
К 80-летию Н.Д. Солженицыной

НАТАЛИЯ ДМИТРИЕВНА СОЛЖЕНИЦЫНА:
«У НАС ОБОИХ БЫЛО НЕ “ЗАЯЧЬЕ СЕРДЦЕ”»

*Интервью Катерине Гордеевой**

— Сто лет, что исполняется Солженицыну в этом году, — нормальная цифра с точки зрения читателей, литературы, масштаба истории. Но вы были любимы и любили конкретного, живого человека. И значит, цифра должна и пугать, и отдалять от живой памяти.

— Нет. Меня не пугает и не отдаляет, все эти цифры кажутся условностью. Александр Исаевич был довольно необычным человеком во многих отношениях, в том числе физически. Он был энергичен, силен, молод, невероятен — очень долго. И невозможно было представить ни его старости, ни того, что ему может быть сто лет. Так было довольно долго.

Но потом он заболел. Болел последние пять лет жизни. Но и тогда он выглядел раненым воином, понимаете? Да, старый воин, но ранение — временное: если бы не оно, он был бы так же готов к жизни и битве, ко всему. Так казалось. В девяносто лет его не стало. А мне скоро будет восемьдесят — выравнивается возраст. Но я его помню таким, каким он ушел, он для меня не стареет. Это не связано с цифрами.

— Большие цифры вытесняют живую память: образ великого писателя застывает, покрываясь бронзой.

— Для кого-то — бронзой. Для кого-то — глиной. Бывает и грязь. Он весь облеплен легендами и ярлыками, среди которых есть вполне доброжелательные, но все равно не слишком правдоподобные, а есть и злонамеренные. Вы правы, если в бронзе застывает неверный образ — это большая проблема, но она создалась не благодаря Солженицыну, а из-за обстоятельств его жизни, из-за КГБ, который целенаправленно запускал клевету, ложь без возможности публично ответить, — в конечном счете все это стало частью «бодания теленка с дубом». При бодании с таким дубом теленок вынужден быть суровым, а когда-то и казаться суровее, чем был на самом деле.

Но он бывал и другим! В надежном месте, с друзьями, про которых мы точно знали, что они — друзья. Вот тут он шутил, улыбался, смеялся. Но этот образ не стал публичным, к сожалению.

* Интервью записано в декабре 2017 г. на выставке «Писатель и тайна: Александр Солженицын» (Государственный музей-заповедник «Царицыно») в преддверии 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына. Опубликовано 30 января 2018 г.: <https://www.colta.ru/articles/literature/17197-u-nas-oboih-bylo-ne-zayachie-serdtse>.

— *Друзей, которые его таким видели и помнят, — много?*

— В России было очень много. На Западе гораздо меньше. Но и там друзья у нас тоже были. А в России одних только «невидимок», перечисленных в «Теленке», — 115 человек. Это много! Это всё люди, с которыми были личные контакты.

— *Именно друзья, не соратники?*

— Разделения на друзей и соратников тогда не было. Друзья того времени были вовлечены в его работу или осведомлены о ней, они были и друзья, и соратники. С ними он разделял дело всей жизни — донести до людей ту реальность, которая была скрыта, преступно спрятана людоведским режимом.

— *Выставка «Писатель и тайна», которая в канун юбилейного года открылась в Царицыне, — пример противоестественности существования человека, писателя в таких условиях.*

— Смысл этой выставки — предостережение. «Не ходите, дети, в Африку гулять»: посмотрите, что режим делал с людьми, и давайте вместе построим жизнь так, чтобы никогда больше ни одному пишущему человеку в России не понадобилось делать похоронки и захоронки того, что он пишет.

— *Многое ли из того, что Солженицын не смог запомнить или спрятать, было утеряно безвозвратно?*

— По счастью, немного. В лагере бумагу и пишущие средства давали два раза в год, когда по распоряжку разрешали писать письма домой. В остальное время разве только случайный клочок попадет. Но, даже если умудриться записать на нем какие-то строки, хранить это было нельзя.

Когда он вышел из лагеря в казахстанскую ссылку, то должен был регулярно отмечаться в комендатуре, без разрешения не мог выезжать за границы поселка. Именно тогда все сочиненное и запомненное в лагере он записал, из головы вынудив и положив на бумагу. Но времени и сил ему едва хватало. У него была двойная школьная нагрузка, он жил один, а помощи ждать было неоткуда: отец погиб еще до рождения сына, мать умерла в 44-м, когда он на фронте воевал, жена не дождалась и вышла замуж за другого. Ему было всего 34 года. И тут его настигли метастазы рака. Вот только он даже не знал, что у него рак!

— *Это как?*

— Ему вырезали опухоль в лагере, но злокачественная она или нет, он не знал, этого хирург, делавший операцию, не сказал. Самого хирурга на следующий день этапом выслали из лагеря. Он только крикнул в окошко: «Я твой анализ послал в Омск. Запомни!» Он запомнил, но не понял и не знал, зачем это нужно. Но, когда болезнь вернулась, слова хирурга пригодились. В «Раковом корпусе» описана история его исцеления.

— *И в этой же ссылке начинается история восстановления и сохранения всего того, что Солженицын решил записать. Как это стало возможно?*

— В ссылке он рано вставал и уходил в школу: преподавал физику, математику, астрономию и вел разные кружки. Он любил преподавать, любил школу, она была для него спасением. Но в его отсутствие опер мог зайти в хибарку, осмотреть вещи, найти записи. Надо было их прятать. На учительскую зарплату через некоторое время он смог купить фотоаппарат. Много снимал окружающую жизнь, стариков, детей, колючки степные, что угодно. Фотографировать ему нравилось. Но главное было приучить людей к тому, что он всегда с фотоаппаратом, такой вот увлеченный любитель-фотограф. На самом же деле фотоаппарат был ему нужен, чтобы переснимать рукописи. Пленку ведь легче прятать! Пересняв написанное, он сжигал оригиналы. Поэтому рукописных оригиналов его ранних работ не существует: ни поэмы «Дороженька», ни пьес, ни «В круге первом», который он начал писать в Кок-Тереке. Ни одной рукописи до «Ракового корпуса» не сохранилось. Позже он сам перепечатал все тексты с пленок, так что все ранние вещи теперь существуют в виде авторской машинописи.

Но, знаете, ведь были и другие, более поздние, потери. В 65-м году КГБ устроил обыск у одного из его друзей, точнее, у человека, которому этот друг без ведома Александра Исаевича доверился и у которого держал часть рукописей. А среди них был и «Пир победителей», откровенно антисоветский. С этого момента, с 65-го года, власть окончательно сочла Солженицына врагом, не-ис-пра-ви-мым. Что справедливо. Он действительно был непримиримым врагом большевистского строя.

— Но он — один из немногих, кто вышел из этой схватки победителем. И в творческом смысле, и в духовном.

— Хорошо, что вы так думаете. Хотя, мне кажется, это несколько преждевременно. Да, он вышел победителем той системы, которая владычествовала тогда. Но сказать, что наша страна в своем нынешнем состоянии преодолела страшные стигмы, которые оставил коммунизм, нельзя. У нас они вполне еще цветут.

— В чем вы видите их проявления?

— Откройте интернет — посмотрите, сколько там сайтов неокommунистических, неокommсомольских. Молодые и старые люди мечтают о возвращении прежнего.

— Распространенность этих идей и их влияние сильно меньше тех, что исходят от правящей сегодня партии и разнообразных ее ответвлений.

— Ошибаетесь! Это вообще нельзя сравнивать. Единороссы — то ли партия, то ли клуб, то ли вообще неизвестно что. От них, в общем, мало что зависит, и мало чем они управляют в стране. А между тем коммунистические идеи реют все настойчивее, и они опасны тем, что дают ложные ответы на совершенно справедливое негодование людей. Это негодование имеет под собой почву, и не только у нас в стране, где угодно: вся Греция теперь разгуливает под красными знаменами. Какая-нибудь Нигерия тоже разгуливает! Это, кстати, совершенно противоречит расхожему на Западе мнению, что коммунизм — порождение русских. Александр

Исаевич с этим постоянно спорил, спрашивая: так вы против коммунизма или против России как таковой? Но — «угодило зернышко промеж двух жерновов» — на Родине он не устраивал коммунистов и на Западе не угодил: его сочли русским националистом, поскольку он защищал историческую Россию, говоря, что нелепо считать камбоджийский, или вьетнамский, или еще чей-нибудь коммунизм порождением Ивана Грозного. Но его оппоненты настаивали: коммунизм — русская практика, он совершенно органичен для русского народа. Вроде как русские — такой отдельный рабский народ, который хочет над собой кнута и для которого только такой способ устройства жизни и возможен. Вполне расистский взгляд.

— *С тем, что в России довольно сильно скучают по сильной руке, не поспоришь.*

— Да, русские, будучи в высшей степени и многогранно талантливым народом, к сожалению, мало способны к самоорганизации. Вероятно, это сложилось в силу природных свойств и исторических особенностей. Пространства огромные, климат суровый. Выживание на таких просторах и в таком климате требует, наверное, более жесткой организации, чем каждый человек хотел бы над собой учредить. В северных странах, в Англии, Норвегии, Швеции, как мы знаем, сохранились королевы и короли. Да, они теперь не управляют политической жизнью. Но это не просто рудимент, они сохранились не только как символы, зачем-то они своим странам нужны.

— *Вашу мысль можно продолжить таким образом, что раз где-то хороша монархия, то, возможно, каким-то странам зачем-то нужен и очень подходит коммунизм.*

— Нельзя продолжить таким образом. Коммунизм никому не подходит, в его идее заложен обман. Он декларирует и обещает такое равенство, которое невозможно. Люди рождаются неравными. Делать их равными, следуя коммунистической логике, означает каждому, кто над строем возвышается, отсекал либо ноги, либо голову. И недостаток у людей не может быть равным, потому что один способный, а другой неспособный и обстоятельства у всех разные.

Правильное равенство — это равенство перед законом. Такое действительно необходимо каждому родившемуся человеку. И оно должно быть обеспечено. Но уж при коммунизме справедливого суда ждать не приходится, это наша недавняя история доказала.

Коммунизм вообще — страшная штука, он требует от людей не только дисциплины, физического подчинения, всех сил, ума, таланта и неустанной работы. Нет. Сверх всего этого коммунизм требует душу. В этом различие тоталитарной власти и авторитарной: тоталитарная требует еще и душу, авторитарная — только подчинения.

— *То есть, выбирая из двух зол...*

— Это даже смешно — выбирать! Они рядом не стояли. Тоталитаризм — это не просто молчать, зная, что твоего невинного брата, или соседа, или друга зака-

тали, это еще и аплодировать на общем собрании и кричать: «Собаке — собачья смерть!» И быть одного со всеми мнения, а другое нигде никогда не высказывать. Такого ни в какой Англии ни при каком Кромвеле не было; нигде не было.

И сегодня многие наши трудности — из-за родовых пятен 75-летнего тоталитаризма, который одних растлил, в других вселил позвоночный страх, и это в нескольких поколениях. Но и это не все: он исказил историю и спрятал ее от нас, не допуская никаких дискуссий по существу. С момента разгона Учредительного собрания 100 лет назад до сегодняшнего дня у нас не было и нет настоящего парламента.

— *Справедливости ради, и последний Съезд народных депутатов 1989 года, и Дума первых созывов 90-х подразумевали, как тогда говорили, плюрализм. Дискуссии там велись жаркие.*

— Только не о главных вопросах государственного устройства и национального бытия. Да и то было недолго. Нынешняя Дума и ее депутаты не представляют общественного интереса. От них за редким, частным исключением — кому-то помочь с жильем или лечением — ничего не зависит. Это тупик.

— *В 1994 году, когда вы с Солженицыным возвращались в Россию, была надежда на то, что все будет иначе. Никто не мог представить себе, что вместо логичного движения вперед будет сделан шаг назад.*

— Вполне можно было представить. Не бывает исторического развития по прямой, всякое развитие идет петлями. А петля на каком-то этапе имеет обратное направление движения.

— *Вы в это верите?*

— Это не вопрос веры, это просто так и есть. Посмотрите на Польшу или Чехословакию, да где угодно — там тоже все сделало петлю: избрали опять коммунистов, просто у них коммунисты немного другие.

— *Но у нас-то не избрали. Наоборот, сделали все, чтобы в 96-м не избрать.*

— В 96-м и у нас избрали. А сделали все, чтобы это скрыть, не признать. И мы видим, как участвовавшая тогда в манипуляции с выборами «говорящая» и близко стоявшая к власти часть общества все дальше и дальше отрывается от неговорящей части. На ней огромная ответственность.

— *А сама власть, выходит, опять ни при чем?*

— Власть всегда при чем, всегда больше ответственна, чем рядовые люди. У власти бóльшая возможность маневра, чем у общества. И хотя бы только поэтому власть всегда виновата больше. И Николай Второй больше виноват в революции, чем противостоявшее ему общество. Но общество тоже виновато! Виновато в расколе, который длился полтора века и не поддавался никаким разумным компромиссам, виновато во взаимном пафосе разрушения.

Так и сегодня. Во всем, что может плохого произойти, власть будет виновата больше. Но от этого никому не легче, и это не снимает ответственности с нас как граждан.

— *Вы часто говорите о губительной силе раскола и необходимости общих переживаний, которые бы нас объединяли. А что считать точкой окончательного раскола? Крым?*

— Что вы! Мы давно в расколе, со времен Гражданской войны. Как раз Крым был — для огромной части общества — возможностью пережить общие чувства. Откололась в тот момент совсем небольшая часть. Для большинства же Крым был общей позитивной эмоцией, на которую власть какое-то время очень опиралась.

Потому что прежде опираться особо было не на что: в 90-е под тяжестью внезапных перемен общество атомизировалось, люди перестали поддерживать друг друга, помогать, каждый вдруг стал выживать сам по себе; дети стали упрекать родителей, что у соседей там квартира-машина, потому что «их отец правильно жил и сумел устроиться», а мы вот все по-старому, потому и в нищете; люди перестали ходить друг к другу в гости. Перестали знать друг о друге и хотеть что-то знать. Слава богу, эта ушибленность проходит постепенно. И обретается понимание, что одними деньгами счастья не купишь. Как-то возвращаемся в человечество постепенно. Но ироническое выражение «за державу обидно» на самом деле имеет вовсе не ироническую подоплеку, это чувство по-прежнему не утонуло. Поэтому Крым и был воспринят так бурно-радостно: это было ощущение справедливости, потому что, конечно, Крым — это Россия. Исторически он чей угодно — турецкий, греческий, хазарский, — но не украинский! Это уж каждому ясно, в том числе нормальным украинцам. Другое дело, что юридически это было сделано, очевидно, с нарушением правил. Но эти нарушения были заложены в момент распада СССР, в 90-х годах. И, кстати, Солженицын об этом тогда говорил публично. И Ельцину писал письмо (оно опубликовано и известно), что разделение страны по ленинским границам может очень тяжело сказаться в близком будущем. Ведь эти границы были искусственно нарезаны в 1922 году большевиками из соображений сохранения своей власти. И поскольку мы от этой власти уходим, то мы не должны считать эти границы священными и не можем признавать их без юридических оговорок. Это просто опасно!

Тогда на него вся наша интеллигенция окрысилась невероятно, и первой Елена Георгиевна Боннэр, царствие ей небесное, закричала: «Что вы, что вы! Сейчас невозможно даже шепотом такое произносить. Замолчите, Солженицын! Замолчите, потому что это может привести к югославскому варианту».

Не прошло и двадцати лет, как Россия вернула Крым под ликование своих граждан. Да, были нарушения международного права. Но кто в этом разбирается из граждан? У нас граждане в собственных счетах не разбираются, какое уж тут международное право. К тому же оно в мире нарушается то и дело. Сейчас Турция вторглась в Сирию, нарушив всякое право, — и ни Америка, и никто, кроме Сирии, не называет это агрессией.

— Почему юбилейный год Солженицына решено было начать именно с выставки в Царицыне?

— Можно считать ее началом. А можно считать началом то, что за три дня до открытия выставки, в день рождения Александра Исаевича, была открыта мемориальная доска на доме, где мы жили, где родились все наши «солженята», где Александра Исаевича [в 1974 году] арестовали и откуда его выслали.

— И где будет, по идее, мемориальная квартира. Какая-то часть выставки «Писатель и тайна» туда попадет?

— Возможно. Но не как отдельная тема. А как часть той нашей повседневной жизни. Ну, скажем, ящичек с двойным дном, который стоял у нас в прихожей, с гуталином и щетками. Мы действительно этими щетками чистили обувь. Но в нем было двойное дно, куда мы засовывали те рукописи, над которыми Александр Исаевич в данный момент работал. Много рукописей дома хранить было невозможно, все хранилось у друзей, по разным адресам. Но нужное для работы было при себе, и, если все уходило из дома, мы не оставляли их открытыми на столе. У нас было два таких ящичка, он еще из ссылки их привез.

— Из сегодняшнего дня вся эта конспирация может показаться...

— Удивительной?

— Нет. Скорее, преувеличенной.

— Нет. Она не была преувеличенной. Если бы это было найдено [в ссылке], он тут же получил бы второй срок. Сразу, понимаете? Потому что он писал на лагерные темы, а при советской власти это считалось антисоветским занятием. И он бы получил второй срок, из которого, возможно, не вернулся бы. Но главное — погибла бы сама работа. И это волновало его больше всего. И позже, в наши совместные годы, прятали от обыска еще не опубликованные работы. Обыски же то у одних, то у других были постоянной реальностью.

— Насколько вы сами тогда свыклись с чувством постоянного страха?

— У меня не было страха вплоть до самой развязки. А в 1973-м и начале 1974-го угрожали уже прямо — и Александру Исаевичу, и семье. Стало страшно за детей. Шла серьезная травля. У нас даже сохранились записки с прямыми угрозами, опустили в почтовый ящик.

— Кто это писал?

— КГБ, конечно.

— То есть не соседи?

— Ну что вы, какие соседи? В это время вокруг уже были нормальные люди, которые скорее переживали за нас. Кто-то не боялся и поддерживал, а кто-то, конечно, боялся, но находил способ выразить сочувствие. И таких — по крайней

мере, в Москве — было большинство. Но вот вы спросили: было ли страшно? Понимаете, мы были готовы — и он, и я — к самому худшему повороту событий. Если не быть готовым, нельзя ступить в брод. Было ясно, что все может кончиться очень плохо. В этот момент ты решаешь: либо продолжать, либо отступить. Отступить — это всегда смертельный номер. Если такой мощный враг чувствует слабость, он дожует тебя. И дожует очень быстро. Значит, путь был только один: идти до конца. При этом «конец», как вы понимаете, определяем не мы. Наш вклад — это твердость и готовность к концу. И вот когда они ощущают эту готовность идти до конца, наша позиция становится очень сильной.

Разумеется, тогда мы никаких теорий не строили. Исход был во многом вопросом личных качеств и умения владеть собой. Если у тебя «заячье сердце», выход один: скрепить сердце разумом и идти вперед. Если тебе это удастся, то ты даже больший герой, чем тот, у кого не «заячье сердце», кто и с самого начала не так уж боится.

У нас обоих, наверное, было не «заячье сердце». Но я понимала, что его могут убить. Что все может кончиться трагически.

— *Неужели ни разу не дрогнул у вас голос попросить его замереть, затаиться? Четверо маленьких детей — аргумент.*

— Что значит «затаиться»? Не писать? Но все уже было написано: и «Архипелаг», и «В круге первом». Да, написано втайне, но еще до «Архипелага» они сочили его врагом. А «Архипелаг» — это просто голова на плаху.

И что значит «не пиши»? Это просто смешно, потому что он не мог не писать, он для этого, очевидно, был рожден. Это — во-первых. Во-вторых, это ничего бы не изменило. В-третьих, наш союз с самого начала был построен именно на том, что мы одинаково понимали задачу: не самому сохраниться, а сохранить написанное. Донести до людей. И он — писал. А я устраивала все это хранение, чтобы у него голова была свободна.

— *Вы влюбились в него сразу по-женски, без оглядки? Или сперва было понимание, что это великий писатель?*

— Как в писателя я, конечно, в него влюбилась ровно так же, как многие, кто прочитал в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год «Один день Ивана Денисовича». Мне было сразу понятно, что это огромный писатель. Но мы не были знакомы. Хотя удивительным образом с разницей в 20 лет у нас были довольно похожие обстоятельства детства: достаточно суровые, закалившие и сформировавшие каждого. Но к моменту нашего знакомства я довольно мало реального знала о лагерях. Разумеется, я знала о том, что они были, но, как и почти все, я не знала, как на самом деле жили заключенные. Вот этот внутренний быт лагеря был неизвестен. При том что мы с бабушкой много лет отправляли посылки в лагерь моему арестованному деду, а его уже не было на свете.

— *В годы реабилитации, кажется, выяснится, что он умер от инфаркта?*

— Да. Будучи атлетического здоровья, он умер в лагере в 1943 году. А сидел с 1938-го. Потом написали — от инфаркта. Может, еще от чего-то. Важно, что

его уже не было, но нам это никто не сообщал. И мы собирали ему посылки, но почему-то отправляли не из Москвы — видимо, бабушка боялась; ездили электричками за сто километров. Тяжело, голодно жили (три женщины: бабушка — неработающий инвалид, мама и я), собирали непортящиеся продукты, зашивали ящик в мешковину, писали чернильным карандашом адрес и ехали, чтобы отправить дедушке. А его уже не было. Но ни одна посылка не вернулась.

Дедушкин арест вкатился в жизнь семьи черной шаровой молнией, но как шла потом его лагерная жизнь, мы плохо представляли. Александр Исаевич был именно тем человеком, который такую жизнь описал. И дальше я читала все солженицынское, что появлялось в «Новом мире» и в самиздате, — и «В круге первом», и «Раковый корпус» и, конечно, была влюблена в него как в писателя. Но это неправильное слово: «влюблена». Я понимала, что он — колоссальное явление литературы и жизни нашей. А познакомила нас Наталья Ивановна Столярова, наш общий близкий друг.

— *Как это получилось?*

— Александр Исаевич жил в Рязани, но наезжал в Москву, ему нужны были исторические книги и материалы для работы, и нужно было хранить написанное, где-то держать рукописи и рабочие наброски, которых становилось все больше. Нужны были друзья, которые бы разгрузили его и как-то помогли в этих заботах. Я была одной из тех, кого в помощь ему нашла Наталья Ивановна. И все произошло стремительно: я впряглась в работу, он мне дал как раз перепечатывать «В круге первом». Я нашла там неточности по линии истории партии, что его очень поразило (а я их нашла потому, что еще в школьные годы с большим интересом читала стенограммы съездов, оставшиеся от деда). И начались очень интенсивная работа и мощное сотрудничество, которое скоро перешло в бурный роман.

— *Вы отдавали себе отчет в том, что это та самая любовь — на всю жизнь?*

— Не думаю, что я себе это так проговаривала. Но, безусловно, это была именно та любовь, от которой рождаются дети. И которая детьми не кончается.

— *У вас восемь внуков от четверых сыновей. Вы часто говорите с ними о дедушке? Что?*

— Пятеро из них помнят Александра Исаевича, они его застали. Нет особой нужды как-то специально говорить о дедушке, но вся атмосфера нашей жизни им пропитана.

— *Вы хорошая бабушка?*

— Плохая. То есть я хорошая бабушка в том смысле, что когда я нахожу на них время, то польза от этого немалая: за несколько лет мы с ними поставили вместе «Ромео и Джульетту», «Двенадцатую ночь», «Сирано де Бержерака» Ростана разучили, но пока не довели до представления. Я сама сокращаю пьесы исходя из величины «труппы», мы разучиваем роли, ставим спектакль. Но я — «работающая бабушка» и занимаюсь с внуками лишь тогда, когда удастся быть вместе.

А Александр Исаевич был хорошим отцом: он занимался с сыновьями каждый день. Каждый день один час был «школьный»: он обучил сыновей алгебре, геометрии и тригонометрии, физике и астрономии.

— Кричал?

— Нет. Не было нужды. Они были такие дети, на которых — по крайней мере, ему — не надо было повышать голос. Я и кричала, и сердилась. Но я касалась другой стороны жизни. К тому же я убеждена, что родительский гнев имеет огромное воспитательное значение. Только важно не делать его обыденным, потому что маленькие дети в такой момент думают, что все кончено — они навсегда лишились родительской любви. И это колоссальная трагедия и встряска. И в этот момент можно многое в их понимании и поведении повернуть, исправить. Но, конечно, если это случается часто, то это уже не инструмент.

Все наши мальчики рано выучились читать и вообще рано выучились заниматься себя сами: у меня не было времени, я много работала, а никаких телевизоров или других «удержателей» внимания не было. Но были диафильмы, которые мы вместе смотрели каждый вечер. И каждый из них боролся за то, чтобы именно ему поручили читать подписи. Степа [1973 года рождения] сидел всегда унылый, потому что он был самый младший и понимал, что, когда дорастет до того, что ему поручат читать, старшим уже не будет интересно. Но вышло не так: мы с мамой еще смотрели диафильмы, когда подписи уже бегло читал Степа.

— Сколько было мальчикам, когда вас выслали из СССР?

— Степану было шесть месяцев, Игнагу — полтора года, старшему из «солженият», Ермолаю, — три года и два месяца. Моему старшему сыну Мите было десять.

— Каждый из «солженият» очевидно успешен в своей области. А это совершенно разные области человеческой деятельности: урбанистика, управление, музыка. Как вы растили детей, как направляли?

— Мы никогда не направляли их проповедями и нравоучениями. Такого не было даже в мыслях. Но они никогда не видели ни меня, ни Александра Исаевича в безделье. Мы всегда работали. Само собой, безо всяких слов разумелось, что праздность — состояние недолжное, что человек должен постоянно что-то делать для других. Жить только для себя безнравственно. Когда мальчики подросли, я им говорила в полушутку: «Не страшно, если жена будет некрасивая или даже глупая (конечно, лучше, чтобы и красивая, и умная). Страшно, если она будет ленивая и злая». Но, если серьезно, самой главной задачей в изгнании было сохранить русский язык. Они же были младенцами, когда нас выслали, и вокруг них сначала был океан немецкого, а потом — океан английского языка. С этой задачей мы справились. Не только наши дети, но и все внуки говорят, читают и пишут по-русски.

— После смерти Солженицына в общественном сознании вы остались будто ответственной и за себя, и за него. Часто ваши высказывания интерпретируют в духе «вот так бы сказал Солженицын».

— Я категорически не согласна и вообще никогда не отвечаю на вопрос «А что бы сказал Александр Исаевич?».

— *Но ваши ответы так интерпретируют.*

— Это уже на совести интерпретирующих. К тому же это и объективно неверно: мы в жизни с ним так много спорили, часто не соглашались. То есть, как он пишет, «позывы к бою у нас всегда сходились» — это правда. В кардинальных, стратегических вещах мы были согласны. Он, например, спрашивал: «Ну и что мы сейчас будем делать?» Я говорю: «Не ввязываемся в драку. Ждем!» Или наоборот: «Надо вступать в бой немедленно». Но по тактическим вещам мы, бывало, расходились. Он был выдающийся стратег, но не столь одаренный тактик.

Однако никакое мое знание Александра Исаевича не позволяет мне за него отвечать на вопросы или додумывать, фантазировать на тему «что бы он сказал». Хотя, разумеется, некоторые вещи я знаю наверняка.

— *Например?*

— Я совершенно точно знаю, что, увидев, как горят крыши на Майдане в Киеве в 2014 году, он бы умер. Если бы он до тех пор дожил, он бы умер в ту же ночь. Его дед Захар по материнской линии — украинец. Любимый дед, который погиб в ГПУ в 1932 году, единственный, в общем, мужчина в его жизни (отца не было, другого деда тоже не было). Для деда Захара Саня — обожаемый внук. И Солженицын сохранил память о нем и обо всем, что дед говорил. Александр Исаевич любил украинский язык, Украину. Но никогда не считал украинцев полностью сформировавшимся, отдельным народом, прежде всего, потому, что признак народа — это развитая культура. У украинцев изумительные песни, изумительное то, изумительное се, свой быт. Но развитую словесную культуру, литературу им еще предстоит создать. Потому что, кроме Леси Украинки и Тараса Шевченко, ничего пока не создано.

— *Ну а как создать, если не оторваться?*

— Может, не обязательно и создавать, не обязательно отрываться? Это две ветви одного народа когда-то. Однако теперь уже — ради бога: оторвались, создавайте. Но совершенно неправильно для того, чтобы выработать свою культуру, топтать ногами ту, из которой вырос. Они это делают. Необходимость топтать предшественников — верный знак небогатой ветви.

— *Считаете ли вы, что части проблем, которые обрушились на постсоветское общество, можно было бы избежать, если бы в 1991-м была не просто распущена, но и запрещена КПСС, а коммунистическая идеология получила государственное осуждение с последующими люстрациями?*

— Я считаю, что моральное осуждение коммунизма и запрещение Коммунистической партии были необходимы. Но это не было сделано. Что же касается люстраций, это вопрос гораздо более сложный, чем кажется. Потому сложный,

что в нашей стране преступный коммунизм не только убивал своих граждан, но и развращал тех, кого не убивал.

Множество людей фактически принимали сторону палачей, доносили на соседей, предавали друзей — и не потому, что родились плохими. Они были отравлены этой идеологией либо запуганы до потери себя. И вот это преступление, эта порча и калечение душ изуродовали общество. Когда в 90-х открыли архивы и люди могли видеть следственные дела своих близких, некоторые выходили оттуда больными, разрушенными, потому что оказывалось, например, что дружеская семья, которая была вроде действительно дружеской и помогала детям, сама же и участвовала в доносах и тем самым в гибели их родителей. Люди были поставлены в невыносимые условия. Население было растлено. В нашей стране люстрация могла бы стать концом вообще всех.

— *Не думаю, что это послужило причиной того, что люстраций не было.*

— Их не было. И действие этого подкоммунистического растления продолжается. То, до какой степени у наших людей засверкали «баксы» в глазах и затмили все остальное, — это тоже последствия многих лет лишения самых обычных бытовых вещей. И это стирает всякие границы, в том числе и нравственные, заставляя выбирать не профессию, которая развивала бы призвание, не дело, которое несло бы пользу, а деньги, которые якобы решают все. Это ужасные травмы долгого коммунизма. Из-за них мы и капитализм плохо строим. Он у нас хуже, дичее, чем в Восточной Европе, где коммунизм властвовал в два раза короче.

— *Когда в 1991 году сносили памятник Дзержинскому, толпа так и осталась на площади, а в здание Лубянки не вошла, документов, которые там хранились, на божий свет не вынесла. Поименно никого из преступников преступниками не назвали.*

— Если помните, во время того, как люди разрушали Берлинскую стену, в Штази жгли документы.

— *Ничего такого про Лубянку мы не знаем. Туда никто не пытался войти.*

— А если бы и вошли, я думаю, в нашем случае КГБ был защищеннее, чем Штази.

— *Мне кажется, момент, когда общество могло изменить будущее, просто говоря о прошлом в полный голос, все же был. Но его целебность была упущена.*

— То десятилетие искренних надежд на светлое будущее было еще и временем фатальных ошибок, которые допустили люди, ставшие в то время капитанами, лидерами страны и общества. Они оказались плохими психологами и никакими не лидерами, потому что лидер обязан уметь видеть мир, в том числе и глазами тех, для кого он — лидер. А они, придя к власти или к полувласти, в упоении новыми возможностями решили, что весь народ знает столько же, сколько они, все читали тот же самиздат, что и они, все, разумеется, хотят перемен, так сказать, «по умолчанию». Это было совершенно не так. В первую очередь, надо было заниматься декоммунизацией, во вторую — созданием реального рынка и конку-

рентной среды; они же занялись залоговыми аукционами, в результате чего мы и оказались там, где оказались.

— Но выбора становится все меньше. Путин, например, у власти без малого двадцать лет. И кажется, что конца и края этому нет. Как это можно менять?

— Спокойная, без коллизий, смена власти — это объективно самая трудная задача любой молодой демократии. Да и в зрелой демократии бывает негладко — смотрите, как уже целый год бьется в конвульсиях внутренняя жизнь в США, оттого что кандидат элит проиграл выборы. Но все равно выборы — это основной инструмент смены власти. Я, например, всегда хожу на выборы. Даже если результат ясен. В предвыборном процессе можно хотя бы познакомиться с альтернативными идеями, если они есть у претендентов. Досадно, что сейчас нет у нас реальных программ, которые публиковали бы партии и их кандидаты. Нечего обсуждать!

— Программы публикуются.

— Да, навстречу выборам. И их никто и не читает. А я вот — читаю. И это, по большей части, программы «за все хорошее», за прекрасный результат, но не предлагающие конкретных путей для воплощения их в жизнь. Печально.

Но есть еще местные выборы, которые сейчас во многом даже важнее. И на местах очень даже есть за кого голосовать. Последние московские выборы тоже это показали: есть несколько округов, где выбрали людей, которые реально будут работать, а не для галочки стоять. И на местном уровне уже появляется большая линейка кандидатов, из которой можно выбрать достойных людей. Так ты не ленись, заранее прочитай, кто он, где, что собирается делать, пойди на встречу с ним, расспроси. Это мы можем и должны, это в нашей компетенции. Мы можем повлиять на местные власти, на организацию ежедневной жизни там, где мы живем. Увы, этого люди в массе своей не делают. И это тоже растление со времен советской власти: все привыкли, что от них ничего не зависит, так, значит, и делать ничего не надо. Пусть за нас решают. А зря.

— Вы говорите про граждан. А что должно перемениться на государственном уровне?

— Я не знаю, что нужно и что должно делать на государственном уровне. Это мне не по уму. Но я знаю твердо, что прямая и необходимая задача, стоящая перед каждым, кто хочет своей стране лучшего будущего, — это хорошо воспитывать детей. Своих детей. Воспитывать из них свободных людей, потому что государство всегда старается, в первую очередь, воспитать послушных граждан, не доставляющих хлопот. Но без свободных людей никогда не будет ни нормального парламента в стране, ни вообще свободной страны. Значит, надо учить детей быть даже в условиях любой несвободы максимально свободными. И с честью, с совестью, с достоинством стараться распространять такое умение вокруг себя. Это просто непреложная задача каждого из нас. Задача трудная, требующая напряжения всей жизни. Не то что я повоспитываю два года, пять, а потом в школу отдаю, а через десять выдайте мне, пожалуйста, гражданина. Нет. Так не сработает.

И особенно сейчас, когда школа тоже вся в конвульсиях разного рода, а в общественной жизни, контролируемой государством, все еще масса неизжитых манер публичного и личного поведения из страшных лет нашего прошлого. Словом, эта задача очень трудная, очень личная, очень понятная каждому. Но не каждому понятно, как ее исполнять. Многие хотят сразу участвовать в перестройке государства и мало кто — в перестройке сознания людей, которые в государстве живут. Но эта перестройка — как раз то, что нам нужнее всего. И на это больше всего времени и уйдет: вырастить свободных и разумных граждан.

Поверьте, это гораздо важнее любой политической задачи. И, в отличие от нее, — выполнимо. Это тот посильный личный вклад, который каждый способен внести в переустройство общества, а тем самым и государства. Многие обманывают себя, пытаются не соприкоснуться с действительностью, сбежать в частную жизнь, в обывательские развлечения или в интеллектуальные игры. Но не могут тебя во все не касаться ежедневные проблемы, которые касаются твоих соотечественников, тех, кто живет рядом. Мол, кто-то за все отвечает, а я буду только предъявлять претензии или брезгливо отворачиваться. Самоуправление, которое так необходимо нашей стране, начинается как раз с личного участия. В том же, что такое самоуправление необходимо — и даже более, чем что бы то ни было другое, — у меня сомнений нет. Его надо постепенно выстраивать. Такой огромной страной, как Россия, невозможно управлять исключительно централизованно, из Кремля.

— По-моему, вы — как раз тот человек, который может лично поговорить об этом и о многом другом с президентом России.

— Это чистый бред.

— Мне казалось, что у вас есть возможность непублично встретиться. И, что важнее, — Путин к вам прислушивается.

— Никакой подобной возможности у меня нет. С определенным внутренним вниманием Владимир Владимирович, насколько я могу судить, относился к Александру Исаевичу.

— Можно ли сказать, что Путин прислушивался?

— Не знаю.

— Насколько вообще, по-вашему, власть обязана слушать просвещенное меньшинство?

— Что обязана делать власть, я не знаю, пусть сама думает. Но я абсолютно не разделяю чистоплюйства, которое свойственно людям, так часто повторяющим: «Мы с этой властью рядом не сядем и ни о чем договариваться не будем».

— Вы считаете — можно договориться?

— Нужно пытаться. У нас страна с огромным количеством тяжелых изъянов, которые можно и нужно исправлять. И многие из них исправить помимо власти невозможно. Но теперь не тоталитарный режим, слава Богу.

— Глобально ничего не изменилось.

— Давайте же правильно оценивать исторический момент: да, мы живем в стране, изуродованной язвами. Однако принципиально эти язвы исправимы, в чем опять же разница между авторитарным и тоталитарным режимами: из авторитарии есть выход в демократию (это доказано много раз историей, которая на наших глазах совершалась). Из тоталитаризма выйти почти невозможно. Слава перестройке — мы вырвались. Никого больше не расстреливают, и многое стало мягче. Да, в авторитарной стране и институты, соответственно, авторитарные, и нет полной свободы прессы: у нас она неполная, урезанная (кстати, не без самоцензуры прагматичных журналистов). Но никто больше не прячет в стол того, что пишет. И есть интернет, при котором существенные ограничения информации невозможны.

— *Может, и так, но мне кажется гораздо более важным то, что в стране есть политические заключенные, заказные дела, очевидное слияние церкви и государства, отсутствие свободы слова, сверхъестественная коррупция и общая духота. Это неполный список.*

— Все это очень плохо. Но самое неконструктивное — считать виноватыми во всем всех, кроме себя. Тут и нашей вины немало. Мы позволили, чтобы так было.

— Как не позволять?

— Не устраниваться, не сидеть сложа руки. В конце концов, власть и население — сообщающиеся сосуды. С нами делают ровно то, что мы позволяем с собой делать.

— *Исходя из этих соображений вы пошли на открытие памятника князю Владимиру?*

— В том числе.

— *В либерально настроенной части общества это вызвало протест.*

— Что поделать. Когда я решила, идти или нет, меньше всего меня интересовала реакция либерально настроенной части общества. Я пошла для того, чтобы в присутствии первых лиц сказать на всю страну, что нельзя заметать под ковер память о нашем прошлом, что не будет чистой обстановки и мы не выстроим нормального, здорового общества, если не будем помнить о темных страницах нашей недавней истории. Согласитесь, дорогого стоит в их присутствии это сказать.

— *Если они способны услышать и понять смысл сказанного, то да, дорогого.*

— Дорого совсем не потому. Я обращалась не к властям, а к согражданам, которых красноречивые лидеры все чаще призывают к патриотизму типа «гром победы, раздавайся», а о поражениях, мол, забудем, это «ослабляет дух народа». Недаром Зюганов в печати выразил возмущение моей речью. Выходит, тут либерально настроенная часть общества с ним совпала.

— Вы говорили о том, что открывающийся памятник — «не просто еще одно украшение столицы, но и вызов каждому из нас: как мы выглядим на его фоне?». Потом вы говорили «о преображающей силе христианства» на примере князя Владимира, а в конце — о том, что нам следовало бы «уважать свою историю. Гордиться свершениями народа, его героями и его праведниками. Но это также значит иметь честность и мужество осудить зло, не оправдывать его и память о нем не замечать под ковер, чтобы не было видно». Как вы думаете, какие из этих слов были неверно поняты теми, кто вас осуждал?

— Не знаю, как можно неверно понять и что возразить на эти слова. Предполагаю, что те, кто возмущался, и не слушали, и не прочитали того, что я сказала. Они возмущались самим фактом, притом возмущались хором. Никакой отдельный, разумный, внятный голос не раздался. Как ни странно, людей, у которых сильно стадное чувство, никак не меньше в образованщине, чем среди простого народа. Один не прочел, но громко возмутился, другие за ним повторяют. Это несерьезно и не повод сколько-нибудь огорчиться или задуматься.

— Многих ли друзей из среды либерально настроенной интеллигенции вы потеряли за это время, со многими ли расстались?

— Ни с кем из тех, с кем я дружу, расставаться не пришлось, слава Богу. А те люди, на которых вы указываете, — с ними я незнакома, для меня это стадный глас.

Конечно, приятнее, если все тобой довольны, и менее приятно, если чем-то недовольны. Но когда недовольны тем, что сами себе придумали, — это пустое. Гораздо ценнее то, сколько людей мне говорило потом: «Спасибо за то, что мы увидели лицо Зюганова (его крупным планом показывали по телевизору в репортаже об открытии памятника), который стоял напротив и готов был сожрать вас с потрохами, как Полкан». Потому что это все было против них.

— То есть вы все еще сражаетесь с коммунизмом?

— Да. И вам советую. Мы должны все знать и помнить, осуждать содеянное — и только потом прощать. И это именно те мои слова, которые процитировал президент, открывая Стену скорби. Те самые слова, по поводу которых Людмила Михайловна Алексеева возглавила петицию, что их надо изменить.

— В чем суть конфликта?

— Эти слова были напечатаны в «Российской газете». Они получились как формула: «Знать, не забыть, осудить. И простить». Я считаю, что это именно тот набор действий и та их последовательность, которые нам сейчас необходимы. Но тут раздался возмущенный хор: «Как это? Кому это дано право прощать государству? Не простим!»

Милые мои, у вас либо слух извращенный, либо сознание! Не о государстве речь! Не государству простить — друг другу простить, той половине, или четверти, или трети, или шестой части общества, которая участвовала в посадках и расстрелах. Друг другу простить, понимаете? Иначе как мы дальше жить будем

вместе? Мы с людьми живем, а не с властью. Власть никто из нас ни прощать, ни любить не обязана, и никто никогда ее не любит. И не нужно ее любить. Никакую, даже хорошую.

— *Насколько вам кажется трагической ситуация, в которой кто-то кого-то не смог, а потом и не успел простить?*

— Иногда это действительно трагедия.

— *Все чаще прямо на глазах кто-то уходит из жизни, не успев простить, быть прощенным, не успев договорить или что-то доделать. Меня лично это очень всегда задевает. Как, впрочем, и необходимость жить изо дня в день, осознавая собственную смертность и смертность дорогих мне людей. Вы боитесь смерти?*

— Нет. Совсем не боюсь. Другое дело, что до смерти надо успеть сделать то, что он мне завещал и что я обещала закончить.

— *Речь о полном собрании сочинений?*

— Оно не будет полным, конечно. Полное — это далекое будущее. Полное включало бы всю переписку и многое другое, чем мы только начали заниматься. Но это нормально. Для писателя время, когда надо издавать полное собрание сочинений, наступает через много лет после смерти. С ухода Солженицына прошло только десять. А наследие огромно. Поэтому то, что сейчас выходит, — это, разумеется, не полное собрание сочинений. Но оно настолько большое, насколько мы с ним вместе планировали. Это тридцать томов.

— *Двадцать уже вышло.*

— Да. Значит, нужно составить, подготовить и издать еще десять достаточно сложных томов, которые нуждаются в точной и внимательной подготовке текста, а желательно и комментировании. Именно этим я и занята. Это работа, которая должна быть сделана обязательно.

— *Она вам тяжело дается?*

— Наоборот. Это единственное, что я люблю. Из всего, что я обязана делать и что процентов на восемьдесят состоит из того, что не любишь, но считаешь необходимым, двадцать процентов — это любимое дело. И я к нему через восемьдесят процентов обязательств прорываюсь. И очень бы хотелось успеть.

Но страха нет. Я не боюсь смерти. У меня с ней связано довольно странное мнящее чувство, возникшее, когда я была совсем молодой студенткой: после смерти мы будем все знать. Знать все безумно хочется: знать вперед то, что мы не можем знать при жизни, знать назад — что было задолго до нас, знать, что происходит с нашими родными. И еще мне кажется, что и после смерти мы будем также загружены, у нас также будут задания. Кому какое достанется — знать не можем. Это только предстоит постичь. Но я уверена, что ни покоя, ни нирваны, ни какой-то неподвижной белой пустыни не будет. Вот в каждое мгновение мы наполняем обе чаши весов нашими поступками и мыслями, и к концу земной жизни мы в

этих чашах собрали, можно сказать, полный материал, все показания на себя для Страшного суда. И если считать, что дальше ничего невозможно изменить, что все дурное, что ты сделал — кому-то позавидовал, кого-то обокрал, солгал, изменил, — перевесило чашу твоих добрых поступков, то выходит — всё! Страшный суд ты сам над собой совершил, и это точка! Но Суд-то вершим не мы, а Судья, и он милостив. Не может быть, чтобы после смерти нам не было позволено хоть как-то поправлять то коромысло, те чаши, тот суд, который заработали сами себе при жизни. У нас будет какая-то возможность движения, вверх или вниз. И какая-то деятельность.

И я не боюсь смерти. Не тороплю ее, но и гнать не буду. И мне интересно. Только успеть бы выполнить все, что обещала Александру Исаевичу.

— *Вам очень его не хватает.*

— Да.

— *Родство душ подразумевает постоянный диалог. Смерть как будто обрывает его на полуслове.*

— Не совсем так. Я иногда могу с ним говорить. Не на все, но на некоторые темы, которые и прежде нас обоих волновали. Я прямо слышу, что он мне отвечает.

— *Как вы называли мужа дома?*

— Саня.

— *Вы никогда не говорите так в публичной речи: в интервью, в воспоминаниях всегда — Александр Исаевич.*

— Это естественно. Я редко вообще говорю о нашем внутреннем. И даже если рассказала сейчас о чем-то личном, это все равно не выставляет на всеобщее обозрение, не нарушает сакральности того общения, которое между нами на самом деле было.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЕВ

Т.В. Марченко

И.С. ШМЕЛЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ
В ФОНДАХ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗДАНИЯ

Для изучения жизни и творчества писателя основным фундаментом является его архив — рукописи, письма, документы, фотографии. Архивный фонд Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), сформированный в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, находится в настоящий момент на стадии завершения научно-технической обработки. В преддверии 70-летия со дня смерти писателя, когда по закону об авторских правах его наследие открывается для свободной публикации¹, фонд станет доступен во всей своей полноте для исследований и изданий.

Мы стоим на пороге нового этапа шмелеведения — фундаментального постижения творческого наследия писателя, целью которого является полное академическое (научно-критическое) собрание сочинений.

Иван Сергеевич Шмелев неизменно пользовался повышенным вниманием издателей, читателей и исследователей. Его творчество стало объектом научного изучения еще в 1930-е гг., когда о нем — о первом и единственном в межвоенное время среди писателей русского зарубежья — была написана диссертационная работа с красноречивым названием: «Иван Шмелев: Жизнь и творчество великого русского писателя» («Iwan Schmeljow: Leben und Schaffen des grossen russischen Schriftstellers») [Aschenbrenner 1937]. Немецкий славист Михаэль Ашенбреннер из Кёнигсбергского университета (Альбертины) состоял в переписке со Шмелевым и первым предпринял попытку библиографической систематизации публикаций писателя и критических работ о его произведениях. Позже племянница Шмелева и его душеприказчица Ю.А. Кутырина также озаботилась составлением библиографического указателя (хранится в архиве ДРЗ, ф. 214), а в известной серии парижского Института славянских исследований библиография Шмелева появилась в 1980 г. [Ivan Chmelev 1980]. Вскоре состоялось триумфальное «возвращение» Ивана Шмелева на родину: его имя сразу было включено во все справочные издания по истории русской эмиграции и литературе русского зарубежья, массово публиковалось художественное, публицистическое, эпистолярное наследие писателя, в Алуште был создан посвященный ему или, скорее, его эпопее «Солнце

¹ Согласно статьям 1281–1282 Гражданского кодекса РФ, после смерти автора исключительное право на произведение действует в течение семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. По истечении этого срока произведение переходит в общественное достояние и может свободно использоваться, с сохранением авторства, имени автора и неприкосновенности произведения. По законодательству исключительные авторские права на произведения И.С. Шмелева истекают 1 января 2021 г.

мертвых» музей — Музей писателя И.С. Шмелева. В 1999 г. внучатый племянник Шмелева Ив Жантийом (Gentilhomme; 1920–2016) безо всяких условий передал архив писателя Российскому фонду культуры; в 2000 г. в Москве, в некрополе Донского монастыря, был перезахоронен прах писателя и его супруги.

В 1998 г. издательство «Русская книга» выпустило первое в современной России собрание сочинений писателя (составители О.Н. Михайлов, Е.А. Осьминина); в 2000-е гг. появилось еще несколько собраний сочинений писателя. Как правило, все они опираются на публикации его произведений в эмигрантской периодике и издательствах, без текстологической опоры на автографы². К главным изданиям обширного эпистолярия Шмелева — писатель не вел дневник, а в письмах изливался откровенно, исповедально — следует отнести переписку с И.А. Ильиным, К.Д. Бальмонтом, О.А. Бредиус-Субботиной. Поэтике Шмелева посвящен ряд монографий (назовем книги [Спиридонова 2014] и [Руднева 2018]), его творчество рассматривается сквозь магический кристалл христианской традиции [Есаулов 2017], духовного реализма [Любомудров 2003], межкультурной коммуникации [Шешунова 2018], интертекстуальности [Коршунова 2013], Нобелевской премии и европейской рецепции [Марченко 2017]; научные чтения-биеннале проходят ежегодно — в Институте мировой литературы и в Алуштинском музее писателя, отметившем в 2018 г. свой четвертьвековой юбилей. Казалось бы — мощное, разноплановое исследование жизни и творчества бесспорно великого русского писателя.

Но вместе с тем шмелеведение долгое время развивалось как частная исследовательская инициатива, усилия ученых не были объединены крупным общим проектом, каким обычно становится подготовка полного собрания сочинений и писем. С одной стороны, свободная, незашоренная, независимая исследовательская мысль привела к появлению оригинальных работ о творческом наследии писателя. Изданы несколько впечатляющих массивов переписки писателя (с философом И.А. Ильиным [Ильин 2000], поэтом К.Д. Бальмонтом [Бальмонт 2005], а также с О.А. Бредиус-Субботиной [Роман в письмах 2005]), ставшие ценнейшим источником по истории русской эмиграции, ее духовной и интеллектуальной культуре. С другой стороны, многие важные, действительно актуальные вопросы в шмелеведении либо не поставлены, либо находятся на периферии исследований; в частности, это относится к восприятию и интерпретации творчества писателя в иноязычной критике. Один пример: восемьдесят лет остается не востребованной, критически не проанализированной и не цитируемой первая монографическая работа о писателе — упомянутое выше диссертационное сочинение М. Ашенбрэннера. Архив Ивана Шмелева поражает еще одним собранием: исключительным по объему и разнообразию разделом читательских писем, приходивших из всех уголков русского рассеяния и, собственно, являющихся живым искренним голосом самой зарубежной России.

Главная научно-исследовательская база — архив И.С. Шмелева (ДРЗ, ф. 41) после проведения выставки «Я возвращаю себе Россию...» (2015) был на четыре года закрыт для исследователей. В Доме русского зарубежья шла работа над постоян-

² В наши задачи не входит исчерпывающая библиография работ по текстологии И.С. Шмелева; назовем имена исследователей, обращавшихся в своих работах к различным текстологическим аспектам шмелеведения: Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина, Л.В. Хачатурян, Н.А. Герчикова и др.

ной экспозицией Музея русской эмиграции «Пути и судьбы русского зарубежья» (открытие состоялось 28 мая 2019 г.), а параллельно велась научно-техническая обработка архива писателя и ассоциированных с ним архивов Ю.А. Кутыриной и ее мужа, писателя И.И. Новгород-Северского (ДРЗ, ф. 224). Научно-техническая обработка и описание фондов фактически завершены, и уже можно дать общую характеристику материалов архива И.С. Шмелева для выработки стратегии их введения в научный оборот (исследования и публикация). С целью консолидации научных сил и координации дальнейшей исследовательской работы сообщество шмелеведов собралось 19 марта 2019 г. в Доме русского зарубежья на круглый стол «Архивное наследие И.С. Шмелева. Проблемы изучения и издания».

На обсуждение был вынесен обзор фонда, подготовленный по его описям и по просмотру источников *de visu* Т.В. Марченко при участии Е.В. Кривцовой, прозвучали доклады сотрудников отдела архивно-рукописных и печатных источников О.Н. Патоки и А.Д. Зориной. Архивисты рассказали о научно-технической обработке фондов, об истории их поступления и формирования, сообщили о составе и содержании материалов, отложившихся в бесценных архивных коллекциях И.С. Шмелева и его близких. Перечислим главных участников дискуссии: доктора филологических наук Т.В. Марченко, Д.Д. Николаев, С.В. Шешунова, кандидаты филологических наук А.В. Бакунцев, О.В. Быстрова, Ю.М. Егорова, Ю.У. Каскина, А.Г. Плотникова, кандидат культурологии Л.В. Хачатурян, кандидат педагогических наук Н.А. Егорова, главный хранитель фондов ДРЗ Е.В. Кривцова. Обозначим три комплекса проблем современного шмелеведения так, как они прозвучали в дискуссиях круглого стола.

Во-первых, наследие И.С. Шмелева в формате «электронного архива». Л.В. Хачатурян, чья научно-исследовательская деятельность тесно связана с созданием нового типа архивного хранения — электронного, с оцифровкой бумажных документов и их размещением на интернет-порталах, познакомила собравшихся с рядом уже осуществленных проектов, переводящих фотодокументальные, рукописные фонды в электронные ресурсы. Электронное создание резервных копий (сканирование) шмелевского архива с последующим размещением на сайте станет важнейшим инструментом изучения творчества писателя. В частности, излюбленный метод писателя — наклеивать машинопись на оборот печатных гранок, рукописную страницу — на газетный лист с публикацией, куда внесена последующая авторская правка, — чрезвычайно усложняет текстологическую работу. В электронном виде и лицевая, и оборотная страница документа будут равно доступны, могут находиться в работе у нескольких исследователей. Кроме того, сканирование архивной коллекции позволит обеспечить ее физическую сохранность. Бумага ветшает и осыпается, протирается на стигах; выцветают чернила. Сейчас исследователям все больше и больше приходится иметь дело с электронными носителями, читать рукописи на экране в хорошем разрешении. Но это уже вопрос электронной текстологии, пока только ждущий своей постановки на базе шмелевского архива.

Во-вторых, библиография. Прижизненная библиография сочинений писателя ведется довольно давно (пополнением индексов интернет-ресурсов о И.С. Шмелеве и его творчестве, а также библиографии его изданий на родине и за рубежом российские исследователи обязаны Н.А. Егоровой и О.В. Быстровой; к сожалению

нию, их библиографические изыскания не носят регулярного характера). Библиографические лакуны в шмелеведении связаны с малодоступностью ряда периодических изданий как дореволюционного времени, так и эмигрантских; в последних одно и то же произведение могло перепечатываться не раз. Кроме того, в библиографиях редко учитываются переводы на иностранные языки. Помимо необходимости сверить и свести воедино все имеющиеся библиографические указатели произведений писателя и литературы о нем, следует также пополнять текущую библиографию на всех доступных языках.

В-третьих, публикация архивной коллекции. Именно она определит тематику и структуру будущих «Материалов и исследований» — серии, которую было решено издавать как переходную ступень к академическому тому «Литературного наследства» и Полному собранию сочинений писателя под общим грифом Академии наук и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Очевидно, что, помимо публикации рукописного наследия (прежде всего обширного эпистолярия), в томá посвященных Шмелеву «Материалов и исследований» будут включены и опыты комментирования его сочинений, и статьи для будущей Шмелевской энциклопедии, и исследования по переводу, изданиям и рецепции произведений писателя за рубежом, и богатая коллекция фотографий, и, во главе угла, библиографические разыскания. Параллельно должна идти работа над электронной публикацией полного комплекса документов.

Отметим, что богатый личный фонд Шмелева в ДРЗ — не единственное место, где сосредоточены архивные материалы писателя. В фонде Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки также есть архивный фонд писателя (ф. 387 «Шмелев Иван Сергеевич»). В нем отложились материалы более чем за век — 1885–2001. Это главным образом творческое наследие дореволюционного периода: рукописи (черновые автографы — варианты, ранние редакции, вставки, отрывки, разрозненные листы, беловые автографы), машинопись с авторской правкой, письма 1900-х — начала 1920-х гг., а также очень большой объем документов, связанных с семьей И.С. и О.А. Шмелевых, с их сыном Сергеем, с семейством Охтерлони (из этого рода происходила жена писателя). В фонде НИОР РГБ также сосредоточены различные материалы, собранные или написанные Ю.А. Кутыриной. Насколько они дублируются с фондом 214 (Ю.А. Кутырина) в архиве ДРЗ, еще предстоит установить, поскольку научно-техническая обработка этого фонда пока не завершена.

В РГАЛИ фонд 1198 «Шмелев Иван Сергеевич» также охватывает почти сто лет — 1876–1973. Это рукописи произведений Шмелева — как дореволюционного времени, так и эмигрантского периода (поступившие вместе с материалами О.А. Бредиус-Субботиной), эпистолярий, фотографии, отзывы о творчестве писателя. Кроме того, материалы, связанные со Шмелевым, рассредоточены по нескольким десяткам фондам архива. В Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова хранятся письма И.С. Шмелева к И.А. Ильину, а также фотографии писателя и книги и рукописи философа, относящиеся к творчеству Шмелева. Оцифровка архива Ивана Ильина ведется с 2015 г. Обзор зарубежных архивов, где хранятся материалы, имеющие отношение к И.С. Шмелеву, его письма — например к Р. Роллану в На-

циональной библиотеке Франции или к А.В. Амфитеатрову в Библиотеке им. Лилли Университета Индианы, Блумингтон (США), — предмет для особого разговора.

Изучение творчества Ивана Шмелева ведется давно и целенаправленно, хотя, конечно, не так интенсивно, как штудирование Владимира Набокова или Марины Цветаевой. Между тем публикация — бумажная и/или электронная всего художественного и документального наследия писателя — отстает от исследовательской практики, особенно в сравнении с теми темпами, которые в последнее десятилетие набрало отечественное буниноведение. Огромную роль на новом этапе научно-критического издания Шмелева играют две серии изданий, в течение четверти века выходявшие в свет благодаря Шмелевским чтениям — московским, проходящим по инициативе Отдела изучения и издания творчества А.М. Горького в ИМЛИ и под руководством Л.А. Спиридоновой [Шмелевские чтения 2007; 2011; 2015; 2019], и крымским, устраиваемым на базе Алуштинского музея И.С. Шмелева его директором В.П. Цыганником [Крымские Шмелевские чтения 1994; 2004а; 2004б; 2004в; 2008; 2018]. Если малотиражные сборники московского института можно заказать в любой профильной библиотеке, то издаваемые тиражом в двести экземпляров сборники крымчан (составитель и редактор В.П. Цыганник)³ — особенно в первые полтора десятилетия XXI в. — стали практически недоступными. И это еще одна задача современного шмелеведения: объединение усилий московских и крымских, всех отечественных и зарубежных исследователей — авторов работ о жизни и творчестве крупнейшего русского писателя XX столетия. Это объединение может произойти вокруг архива писателя в Доме русского зарубежья при академической поддержке Института мировой литературы.

Для исследователей, монографически занимающихся творчеством писателя, соблазнительной и самой главной задачей являются подготовка и издание полного научного собрания сочинений писателя⁴. Такое ПСС Ивана Шмелева — перспективная цель, но не ближайшая задача. Богатейшие архивные фонды писателя заслуживают издания в самой авторитетной научной серии — в «Литературном наследстве», причем это должны быть два параллельных издания, бумажное и электронное. Для «Неупиваемой чаши» и «Солнца мертвых» давно пришла пора издания в серии «Литературные памятники»; в приложении к «Солнцу мертвых» может быть издан и самый пронзительный эго-документ Шмелева — его записная книжка крымского периода, со снами о «Сережечке» (убитом большевиками сыне). Все эти и еще целый ряд проектов, связанных с изучением и изданием архивов И.С. Шмелева и Ю.А. Кутыриной, представляют собой приоритетные проекты на нынешнем — действительно новом — этапе шмелеведения.

Пылкий, яростный, тенденциозный, «русейший» писатель XX в. Иван Сергеевич Шмелев не представим в академическом фраке. Но его наследие, его произведение, навсегда ставшие классикой русской литературы, безусловно, достойны академического научного изучения и издания.

³ Отметим, что некоторые сборники выходили в Москве или в сотрудничестве с московскими коллегами: [Шмелев 1999; Шмелев 2004; Шмелев 2013].

⁴ Ср. целенаправленные усилия, предпринимаемые на этом пути петрозаводскими исследователями, причем не в бумажном, а в электронном формате [Соболев 2017; Соболев, Сосновская 2017].

Источники и литература

- ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
 НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- Бальмонт 2005 — Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву: Письма и стихотворения. 1926–1936 / изд. подгот. К.М. Азадовский и Г.М. Бонгард-Левин. М.: Собрание, 2005.
- Есаулов 2017 — *Есаулов И.А.* Русская классика: новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2017.
- Ильин 2000 — *Ильин И.А.* Собр. соч. Переписка двух Иванов: [Т. 1] (1927–1934); [Т. 2] (1935–1946); [Т. 3] (1947–1950) / И.А. Ильин, И. Шмелев; сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000.
- Коршунова 2013 — *Коршунова Е.А.* Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева: К 140-летию со дня рождения И.С. Шмелева. Харьков: Бровин А.В., 2013. 215 с.
- Крымские Шмелевские чтения 1994 — И.С. Шмелев и русская литература XX века: III Крымские Шмелевские чтения: Тез. докл. науч. конф., 19–26 сентября 1994 г. / под ред. В.П. Цыганника. Алушта: <б. и.>, 1994.
- Крымские Шмелевские чтения 2004а — И.С. Шмелев и духовные традиции славянской культуры: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. 11–15 сент. 2002 г., г. Алушта: XI Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта: Алуштинский лит.-мемор. музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2004.
- Крымские Шмелевские чтения 2004б — Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянской культуры: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., 11–15 сент. 2003 г.: XII Крымские международные Шмелевские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения И.С. Шмелева и 10-летию со дня открытия Алуштинского музея И.С. Шмелева. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.
- Крымские Шмелевские чтения 2004в — Творчество И.С. Шмелева в аксиологическом аспекте: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., 10–15 сентября 2004 г.: XIII Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта, 2004.
- Крымские Шмелевские чтения 2008 — И.С. Шмелев и литературно-эмиграционные процессы XX века: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., 14–17 сентября 2005 г.: XIV Крымские международные Шмелевские чтения. Наследие И.С. Шмелева: текст, контекст, интертекст: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., 19–24 сентября 2006 г.: XV Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта: Алуштинский лит.-мемор. музей С.Н. Сергеева-Ценского, [2008] (на титульном листе указано: 2005–2006).
- Крымские Шмелевские чтения 2018 — И.С. Шмелев и писатели русского зарубежья: XXII–XXIII Крымские Международные Шмелевские чтения: Сб. статей Междунар. конф. Симферополь: Антикава, 2018.
- Кутырина 1960 — *Кутырина Ю.А.* Иван Сергеевич Шмелев / [вступ. И. Пузына]. Париж: Русский научный институт, 1960.
- Любомудров 2003 — *Любомудров А.М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 289 с.
- Марченко 2017 — *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.
- Письма Шмелева 2010 — Письма И.С. Шмелева доктору С.М. Серову — прототипу врача в романе «Иностранец» / предисл., сост. и подгот. текста Н.П. Белевцевой // Ежегодник

- Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Роман в письмах 2005 — Роман в письмах: в 2 т. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина / сост. Л.В. Хачатурян и др. М.: РОССПЭН, 2003; Т. 3 (доп.): Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Ч. 1–2. Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2005.
- Руднева 2018 — Руднева Е.Г. Избранные статьи о творчестве И.С. Шмелева: К 25-летию Алуштинского музея писателя И.С. Шмелева. М.: Макс-Пресс, 2018. 202 с.
- Соболев 2017 — Соболев Н.И. Повесть И. С. Шмелева «Росстани»: критика текста, поэтика, материалы творческих рукописей: научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017.
- Соболев, Сосновская 2017 — Соболев Н.И., Сосновская О.А. Повесть И.С. Шмелева «Гражданин Уклейкин»: материалы творческих рукописей: научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017.
- Современные записки 2014 — «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. О. Коростелёва, М. Шрубы. М.: НЛЮ, 2014. Т. 4.
- Спиридонова 2014 — Спиридонова Л.А. Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 238 с.
- Шешунова 2017 — Шешунова С.В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М.: Ленанд, 2017. 194 с.
- Шмелев 1999 — И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века: 125 лет со дня рождения И.С. Шмелева: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф.: VII Крымские международные Шмелевские чтения / [М-во культуры АР Крым; Алуштинский лит.-мемор. музей С.Н. Сергеева-Ценского; Алуштинский дом-музей И.С. Шмелева; Институт мировой лит. им. А.М. Горького РАН; редкол.: Л.А. Спиридонова и др.]. Алушта: Таврия-плюс, [1999] (на титульном листе указано: 1998).
- Шмелев 2004 — И.С. Шмелев и литературный процесс XX–XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы: X Крымские международные Шмелевские чтения: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., 12–15 сент. 2001 г. / сост., ред. В.П. Цыганник. М.: Рос. архив, 2004.
- Шмелев 2013 — XXI Крымские международные Шмелевские чтения. И.С. Шмелев и писатели литературного зарубежья: Сб. науч. статей Междунар. конф., 15–19 сентября 2013 г. / Алуштинский лит.-мемор. музей С.Н. Сергеева-Ценского; Алуштинский лит. музей И.С. Шмелева; Российский фонд культуры. Алушта: Антиква, 2013.
- Шмелевские чтения 2007 — Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. 2003 и 2005 гг. / под ред. Л.А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2007.
- Шмелевские чтения 2011 — Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева: Мат-лы междунар. науч. конф. «Шмелевские чтения» 2007 и 2009 гг. / отв. ред. Л.А. Спиридонова; ред. О.В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2011.
- Шмелевские чтения 2015 — И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство): Мат-лы междунар. науч. конф. «Шмелевские чтения» 2011 и 2013 гг. / отв. ред. Л.А. Спиридонова; ред. О.В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2015.
- Шмелевские чтения 2019 — Проблемы исторической памяти и творчество И.С. Шмелева: Мат-лы междунар. науч. конф. «Шмелевские чтения» 2015 и 2017 гг. / отв. ред. Л.А. Спиридонова; ред. О.В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2019.
- Aschenbrenner 1937 — *Aschenbrenner M.* Iwan Schmeljow: Leben und Schaffen des grossen russischen Schriftstellers. Königsberg (Pr.); Berlin: Ost-Europa Verlag, 1937.
- Ivan Chmelev 1980 — Ivan Chmelev. Bibliographie: Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev / établie par Dimitri Schakhovskoy. Paris: Institut d'études slaves, 1980.

Т.В. Марченко, О.Н. Патока

АРХИВНОЕ СОБРАНИЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА. ФОНД 41 «ШМЕЛЕВ ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И ОБЗОР ФОНДА

В Доме русского зарубежья им. А. Солженицына хранится фонд под номером 41 «Шмелев Иван Сергеевич». Составившие его архивные документы поступали на хранение поэтапно: с 1998 по 2000 г. — в дар от директора УМСА-Press Н.А. Струве (Франция), в 2014 г. — переданы Российским фондом культуры (РФК). Научно-техническая обработка первой части поступления проведена в 2005–2007 гг. На сегодняшний день весь материал разобран, структурирован и зафиксирован в четырех архивных описях.

Опись 1 составляют 22 единицы хранения (99 писем). Это письма И.С. Шмелева к супругам С.М. Серову и М.А. Серовой и их дочери Ирине — всего 20 единиц хранения за 1928–1950 гг. (89 писем и открыток И.С. Шмелева к доктору Сергею Михеевичу Серову (1884–1960) и еще 3 письма Ольги Александровны Шмелевой); письмо И.С. Шмелева к Б.П. Вышеславцеву — 1 единица хранения за 1926 г.; 6 писем к Б.М. Крутикову — всего 1 единица хранения за 1947–1950 гг. Письма писателя к доктору Серову, ставшему прототипом врача в незаконченном романе «Иностранец» (1935; 1938), расшифрованы и опубликованы Н.П. Белевцевой [Письма Шмелева 2010].

Опись 2 включает две единицы хранения: машинопись с правкой автора и корректуру книги «Куликово Поле» (1939–1947).

В описи 3 и 4 вошли материалы, поступившие из РФК.

Отметим, что первым хранителем архива И.С. Шмелева и его первым обработчиком является Ю.А. Кутырина (Юлия Александровна Кутырина-Жантийом (Gentilhomme); 1891, Москва — 1979, Нуази-ле-Гран), племянница жены писателя О.А. Шмелевой. В 1951 г. Ю.А. Кутырина создала Общество друзей и почитателей памяти И.С. Шмелева, затем — музей-квартиру (позже называлась Архив-музей) писателя в Ванве (под Парижем). Юлия Александровна была организатором собраний, посвященных И.С. Шмелеву, где выступала с докладами и чтением произведений писателя, и автором книги «Жизнь и творчество И.С. Шмелева» [Кутырина 1960]. С 1965 г. Кутырина работала в Национальном центре научных исследований (Centre national de la recherche scientifique) над литературным наследием писателя. Юлия Александровна по-своему сгруппировала архив — сохранились оригинальные (т. е. владельческие) папки, надписанные ею.

Документальное наследие И.С. Шмелева поступило из РФК в частично разобранном и описанном виде, однако без справочного аппарата и без профессионального архивного описания, что затрудняло задачи бережного и тактичного

структурирования материала. Параллельно предварительному архивному описанию (составлению так называемых передаточных описей) шел процесс активного выставочного использования материалов. Поэтому на конвертах, папках, владельческих обложках существуют рабочие пометы пользователей, двойная, а то и тройная нумерация неустановленного происхождения. Таким образом, трудно понять, насколько сохранена и сохранена ли вообще структура архива фондообразователя. К сожалению, в результате непростой и долгой «дороги домой» своеобразие и «лицо» писательского архива отчасти утрачены. Однако предварительная обработка архива силами РФК и привлекавшихся им исследователей способствовала архивному структурированию и научному описанию поступивших материалов, проведенным в 2017–2018 гг. О.Н. Патокой.

В описи 3 документа охватывают период 1904–1981 гг. и составляют 909 единиц хранения, которые распределены по нескольким основным разделам:

1. Литературные рукописи И.С. Шмелева: автографы, машинописные копии его произведений с авторскими пометами и пометами разных лиц.
2. Документы И.С. Шмелева — как личные, так и отражающие различные стороны его творческой и общественной деятельности.
3. Печатный материал: газетные и журнальные публикации сочинений И.С. Шмелева и отзывов о них, в том числе на разных иностранных языках.
4. Письма И.С. Шмелева (неотправленные письма, копии рукой автора или других лиц, фотокопии, машинопись, в том числе авторизованная).
5. Письма И.С. Шмелеву от разных лиц.
6. Фотографии И.С. Шмелева, его семьи и лиц из его окружения и небольшой по объему раздел изобразительных материалов (в основном рисунки). Эта часть материалов находится на стадии описания и в обзор не включена.
7. Материалы к биографии И.С. Шмелева.
8. Материалы, касающиеся родных и близких писателя (О.А. Шмелева, С.И. Шмелев, Ю.А. Кутырина и ее семья, И. Жантийом и И.И. Новгород-Северский).
9. Материалы разного рода, отложившиеся в фонде Шмелева.

Среди материалов к биографии И.С. Шмелева (65 ед.) необходимо отметить паспорт, а также договоры, пропуска консульств, письма издательств и под. В фонде хранятся материалы членов семьи И.С. Шмелева (55 ед.): жены — О.А. Шмелевой, сына — Сергея Шмелева, племянницы жены — Ю.А. Кутыриной, ее сына — Ива и мужа — И.И. Новгород-Северского. Остановимся подробнее лишь на двух разделах — литературные произведения и письма.

I.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШМЕЛЕВА

Крайние даты документов — 1906–1950 гг. Дореволюционные произведения, отложившиеся в архиве, — это либо машинопись, либо листы, отпечатанные в ти-

пографии. В данную часть описи вошли переводы на иностранные языки, в том числе дореволюционных произведений, хотя публикации относятся к 1920–1950 гг.

Особую часть раздела представляют собой крымские материалы (знаменитая записная книжка; наброски, зарисовки, «рассказы, записанные под диктовку»).

Выделяются компактные разделы — стихотворений, принадлежащих И.С. Шмелеву, и публицистики (статьи, тексты воззваний, открытые письма и под.).

Рукописи составляют 178 единиц хранения. В этот раздел вошли полные или фрагментированные (чистовые или в черновиках) произведения писателя:

— рассказы, письма в редакцию, статьи, очерки и их варианты (91 наименования): «Ужасы дня», «Гражданин Уклеikin», «Иван Кузьмич», «Рванный барин. Рассказ приятеля», «Пряник» = «Рассказ доктора», «Abschied vom Leben / Росстани» на немецком языке, «Под небом», «В норе», «На том берегу» (неполный), рассказы «Родное» и «Голос Зари», записанные сыном писателя под диктовку; «Защитнику русского офицера Конради — г-ну Оберу, как материал для дела», «Воззвание Русского общества друзей международной борьбы с большевизмом», варианты сценария по роману «Это было», «Убийство», «Забавное приключение / Zabavan dogadaj» на сербохорватском языке, «Крестный ход», «Океан», «Каменный век», «Письмо молодого казака», «Христос Воскресе», «Душа родины», «Слово о “Татьяне”», «Кошкин дом», «Крушение кумиров», «Весенний плеск», «Большой без козырей», «Пути мертвые и живые», «Голос совести», «Драгоценный металл», «Орел / L'Aigle» на французском языке, «Чертов балаган», «Ответ на анкету о революции», «К писателям мира», «Как нам быть?», «Душа России», «Вечный завет», «Подвиг», «Анри Барбюс и российская корона», «Наша масленица», «К родной молодежи», «Для России», «Панорама», «Событие», «Помни Россию», «Крест просвещения», «Мученица Татьяна», «У дьявола на пиру», «Светлый день» = «Перстень», «Музыкальная история», «Слово на чествовании И.А. Бунина, 29 ноября 1933 г.», «Мартын и Кинга» (авторская машинопись), «Как я встречался с Чеховым», «Как я покорила немца (Рассказ моего приятеля)», «Небывалый обед», «Милость преп. Серафима», «Как я ходил к Толстому», «У старца Варнавы», «Крест», «Стенька рыбака. Рассказ доктора», «Верный идеал», «Встреча. 50 лет творчества К.Д. Бальмонта», сценарии «Княжна Тамара», «...Однажды ночью. Рассказ доктора» = «Однажды ночью. Рассказ доктора», «Ентрыга», «Виноград», «Лампадочка», «Страх», «Заветная встреча» = «Слово о Пушкине», «Вещий», «Сынам России», «Тайна Пушкина», «Глас в нощи», «Кровавый грех. Рассказ сестры милосердия», «Слово о русской культуре», «Подвижники», «Трапезондский коньяк» = «Ich bin deine Frau / Я твоя жена» на рус. яз. и на нем. яз., «Куликово поле», «Певец ледяной пустыни», [«Рубеж»] = «На рубеже», «Рождество в Москве. Рассказ делового человека», «Свет», «Почему так случилось», «Творчество А.П. Чехова», «О важном... Из письма к европейскому читателю. О “Мисюс” и “Рыбий глаз” — о русских женщинах», «Врешь, есть Бог...», «Необходимый ответ», «Еловые лапы», «1147–1947» = «800 лет Москве. 1147–1947», «Послесловие (о романе Достоевского “Идиот”», «Приволье»;

— романы или главы из романов: «История любовная», «Няня из Москвы», «Солдаты», «Лето Господне» (210 л. и 293 л.), «Пути Небесные» (42 л. и 273 л. второй части романа);

- 2 фрагмента неустановленных произведений;
- фрагменты записной книжки, наброски, литературная зарисовка, 16 стихотворений;
- записи личного характера: [«Сны о Сереже»] из записной книжки, воспоминания о супруге Ольге Александровне после ее кончины.

Шмелев часто использовал газетные публикации как подложку для тонких машинописных листов, так что листы некоторых единиц хранения содержат машинопись какого-либо художественного произведения (главы, фрагмента) и одновременно газетную публикацию на обороте. Например¹:

77	Шмелев И.С. «Мученица Татьяна». Статья. Наклеенные вырезки из газеты «Сегодня». 1930. Янв. Севр (Франция). Типографская печать. Микрофильмы	Январь 1930	16	Статья в 3-х экз. На обороте — фрагменты машинописи романа И.С. Шмелева «История любовная»
80	Шмелев И.С. «У дьявола на пиру». Статья. Наклеенные газетные вырезки из газеты «Россия и славянство». 1930. 18 янв. № 60. С. 7. Севр (Франция). Типографская печать с надписью рукой Ю.А. Кутыриной	18 янв. 1930	6	На обороте — фрагменты машинописи романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы»

Иногда и на лицевой, и на оборотной сторонах — художественные тексты Шмелева, часто из одного произведения. Но привычка сохраняется: на журнальный/газетный лист с отпечатанным произведением наклеена машинопись:

83	Шмелев И.С. «Светлый день» = «Перстень». Рассказ. Наклеенные вырезки из журнала «Иллюстрированная Россия». 1935. 27 апр. № 18 (520). Париж (Франция). Типографская печать с авторскими пометами	Апрель 1932–1935	8	На обороте — фрагменты машинописи романов И.С. Шмелева «Няня из Москвы» и «История любовная»
87	Шмелев И.С. «Искушение». Фрагменты романа «Няня из Москвы». Наклеенные газетные вырезки. Франция. Типографская печать	Дек. 1932	7	На обороте — фрагменты машинописи романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы»

¹ Таблица ориентирована на структуру описи, колонки которой представляют следующие разделы: номер единицы хранения; название; дата; количество листов; особые пометы.

Это может выглядеть и так, например:

95	Шмелев И.С. «Как я встречался с Чеховым. I. За карасями. II. “Книжники... но не фари-сеи”. III. “Веселенькая свадьба”». Биографические очерки. Алемон (Франция). Авторизованная машинопись с авторской правкой	Июль — сент. 1934	28	3 очерка. Л. 1 — Оглавление. Впервые было опубликовано: Возрождение. 1934. 29 июля — 16 сент. № 3343, 3364, 3392.
98	Шмелев И.С. «Лето Господне. Праздники. На Ледоколье = Ледоколе». Варианты глав. Париж (Франция). Машинопись с авторской правкой	Декабрь 1934	11	2 варианта. Л. 11 об., 2 об., Л. 3 об., Л. 5 об. — фрагменты статьи И.С. Шмелева «Событие» (1928, окт.); Л. 6 об., Л. 7 об., Л. 8 об., Л. 10 об. — фрагменты рассказа «Как я встречался с Чеховым. III. “Веселенькая свадьба”»

Или так:

101	Шмелев И.С. «Михайлов день» = «День Ангела». Глава романа. Париж (Франция). Машинопись	Январь 1935	11	Л. 1 об. – 4 об., 7 об. – 11 об. — фрагменты главы «Михайлов день»; Л. 6 об. — фрагмент варианта главы «Веселенькая свадьба»
112	Шмелев И.С. «Крест». Рассказ. Париж (Франция). Авторизованная машинопись	Март 1936	9	Л. 2 — на обороте машинопись письма Р. Киплинга к И.С. Шмелеву от 9 марта 1924. Л. 3–9 — на обороте фрагменты машинописи повести И.С. Шмелева «Как я встречался с Чеховым. III. “Веселенькая свадьба”». Опубликовано: ИЛ (Париж). 1936. 21 марта. № 13. С. 1–4
113	Шмелев И.С. «Стенька рыбак. Рассказ доктора». Рассказ. Франция. Машинопись с авторской правкой	Март 1936	8	На оборотной стороне листов — фрагменты машинописи рассказа И.С. Шмелева «Как я встречался с Чеховым. III. “Веселенькая свадьба”»

Подобный обычай хранить рукописи потребует расшифровки археографических лабиринтов. Это означает прежде всего, что первостепенной задачей становится создание страховых копий архивных документов, т. е. сканирование единиц хранения как с лицевой, так и с оборотной сторон, их дополнительная пагинация и последующая систематизация и параллельное размещение по содержательному (содержательно-хронологическому принципу). Отметим, не комментируя, наличие «склеенных листов». Фрагментов листов, ветхих или разорванных страниц в

этой части архива крайне мало. В архивном описании фонда встречаются и спорные обозначения двойного толкования, в частности:

35	Шмелев И.С. «Каменный Век». Повесть. Фрагменты. Ланды (Франция). Авторская машинопись	Сент. 1924	9	Листы разорваны. Обрывки не совпадают
----	---	------------	---	---------------------------------------

Что такое «авторская машинопись»? Машинопись с пометами автора?

Что кроется за «несовпадающими» фрагментами текста? Есть небольшие лакуны, сохранились не все страницы, сколько частей текста утрачено, какого объема?

Некоторые единицы хранения представляют собой собранные в единый текст автографы писателя, машинопись, ксерокопии его автографа и/или авторизованной машинописи:

23	Шмелев И.С. По роману «Это было». Варианты сценария. Черновые записи. [Франция]. Автограф. Ксерокопия автографа. Ксерокопия машинописи с пометами автора. Машинопись	1923–1950	31	Л. 14–25 — обложки с надписью рукой Ю.А. Кутыриной
----	--	-----------	----	--

В результате обзора этой части фонда появляются вопросы, которых не избежать на этапе проектирования собрания сочинений писателя. Так, в фонде Шмелева довольно много «этюдов», подготовительного и дополнительного материала к роману «Солдаты», а также тематически примыкающие к нему статьи «Душа России», «Вечный завет», «Подвиг». Между тем при издании эти статьи традиционно размещаются в разделе «Публицистика». Такова обычная практика собраний сочинений, когда художественные произведения и публицистика печатаются отдельно, в разных томах. Данную проблему еще предстоит решать.

Отметим, что автографов Шмелева в разделе литературного (литературно-публицистического) наследия фонда представлено крайне мало. Это некоторые части романа «Пути небесные», рассказ «Куликово поле», «Мысли и воспоминания о супруге Ольге Александровне после ее кончины» (22 июня — дек. 1936 г.), стихотворения 1940-х гг. и обзор публикаций писателя за то же время, незаконченный очерк о Пушкине 1949 г., а также «фрагмент не установленного произведения» — и не датированного, на склеенных листах и на разорванных.

Для подавляющего большинства «единиц хранения» этого раздела установлены место и дата издания. Публикации в иностранной периодике нуждаются в серьезной уточняющей работе. Приведем конкретный пример:

6	Шмелев И.С. «Abschied vom Leben / Восстани». Пер. с русского на нем. Р. Кандрейа. Повесть опубликована в газете «Tages-Anzeiger für Stadt und Kanton Zurich». 2 апр. 1949. На нем. яз. Цолликон (Швейцария). Типографский шрифт	1913	14	
---	---	------	----	--

Газета «Der Tages-Anzeiger» (сокращенно ТА, в просторечии Tagi) — межрегиональная швейцарская ежедневная газета с местом издания в Цюрихе. Первый номер вышел 2 марта 1893 г. Но в самой газете довольно объемная повесть, очевидно, не могла быть напечатана. Однако газета «Тages Анцайгер» выходила с субботним приложением — «Das Magazin» (= «Журнал»), а 2 марта 1949 г. было как раз субботой. Именно в этом субботнем приложении журнального формата и опубликована повесть. Но «Дас Магацин» являлся не простым газетным приложением, а приложением сразу к четырем газетам немецкоязычной Швейцарии. Он также выходил в Цюрихе и представлял собой «авторский журнал», ориентированный в качестве образца на журнал «Нью-Йорк Таймс», с упором на серьезные интервью, репортажи, эссе, эстетическую независимость и оригинальность публикуемых писателей.

Впрочем, что касается художественного наследия писателя, то в фонде Шмелева в Доме русского зарубежья открытий практически нет. Помимо уже отмеченных особенностей, отпечатанные тексты (в частности, романа «История любовная») содержат авторскую правку, что, безусловно, повлияет на установление основного текста романа при подготовке собрания сочинений.

Наиболее тревожным моментом в описи являются пометы «фотокопия», которые могут относиться к автографам, машинописи и даже к типографской печати. На вопрос, где находится (либо существует ли он в принципе) оригинал, пока нет ответа. Ср.:

114	Шмелев И.С. «Верный идеал». Очерк о Пушкине. Париж (Франция). Машинопись. Фотокопии машинописи и типографской печати	Апрель 1936	13	Опубликовано: [Русский день. 1936. 26 апр. № 9]
-----	--	-------------	----	---

Этот вопрос открыт для обсуждения.

Следует также учитывать пометы, сделанные рукой Ю.А. Кутыриной и «неустановленных лиц». Будут ли эти лица установлены или проигнорированы при научно-критической подготовке текстов писателя к печати, — решение принимать предстоит текстологам и научным редакторам.

И наконец, заметим не без удовольствия, что практически все материалы, включенные в архивные описи фонда 41, датированы, и это существенно облегчает текстологические решения.

II.

ЭПИСТОЛЯРИЙ И.С. ШМЕЛЕВА

Переписка, состоящая из множества писем (315 писем от И.С. Шмелева и 1468 писем к нему), связывает писателя более чем с 500 корреспондентами. Это издатели, писатели, критики, журналисты, общественные деятели, а также многочисленные читатели из среды русского зарубежья и России, что свидетельствует

о том, как Иван Сергеевич дорожил письменными контактами, бережно хранил получаемую корреспонденцию. На сохранных в большинстве случаев конвертах (что упрощает датировку) позднее появлялись пометы рукой самого писателя или рукой Ю.А. Кутыриной, имеющие значение интереснейшего литературного и биографического комментария. Письма охватывают весь эмигрантский период жизни И.С. Шмелева — с 1922 по 1950 г.

Писем И.С. Шмелева в архиве отложилось 315 (77 ед. хр.). В фонде хранится 146 писем писателя к Ю.А. Кутыриной-Жантийом. Как правило, это автографы или авторизованная машинопись; реже — копии и ксерокопии (33 письма из комплекса). Крайние даты: 23 ноября 1922 г. — 8 марта 1949 г. Еще 25 писем адресованы И. Жантийому (фотокопия автографа, машинопись). Сразу отложим в сторону письма к О.А. Бредиус-Субботиной (автографы, фотокопии, негативы), опубликованные с хорошо проработанным научным аппаратом [Роман в письмах 2005].

Остальные письма из этой части коллекции — автографы, авторизованная машинопись, машинопись. Письма самого писателя часто превращаются в подлинно художественные тексты, и их можно рассматривать как факт литературы. Письма касаются творчества и быта писателя, литературно-издательской деятельности, содержат информацию семейно-дружеского характера. Но письма Шмелева — это одновременно и колоритный документальный источник по истории русской эмиграции; они полны замечательных фактов и суждений о литературе, о политике, об общих настроениях или о личных взглядах многих видных деятелей на судьбу России.

Адресаты сохранившихся в копиях писем Шмелева — это представители литературных кругов: М.А. Алданов — 1 письмо, Н.Н. Берберова — 1 письмо, В.Н. Бунина — 2 письма, З.Н. Гиппиус — 1 письмо (авторская машинопись/фотокопия/ксерокопия), Л.Ф. Зуров — 5 писем, А.И. Куприн — 5 писем, Г.В. Месняев — 1 письмо (копия заверена адресатом), В.Н. Немировичу-Данченко — 1 письмо, К.С. Попов — 1 письмо, А.В. Амфитеатров — 33 письма (ксерокопии автографа; ксерокопии машинописи; копии рукой неустановленного лица). В архиве содержатся также (как правило, машинописные) копии писем зарубежным писателям, переводчикам, русским эмигрантским журналистам и общественным деятелям, церковным иерархам.

Иван Шмелев был адресатом огромного потока писем, причем подавляющее большинство его корреспондентов представлено в архиве писателя 1–3 письмами. Перечислим в первую очередь и в алфавитном порядке эпистолярные подборки, более значительные по объему.

Это автографы (с указанием количества писем и крайних дат):

— М.А. Алданова, 13 писем, 26 июля 1927 — 30 июня 1935;

— А.В. Амфитеатрова, 10 писем, 21 апр. 1933 — 28 июня 1936;

— митрополита Анастасия, 32 письма, 2 открытки, 1924 — 1 февр. 1950 (есть машинописные копии);

— М. Ашенбреннера (Aschenbrenner), 7 писем, 11 марта 1935 — 9 янв. 1938 (см.: [Aschenbrenner 1937]). В архиве отложились также библиография, составленная

Ашенбреннером на немецком и русском языках, и вырезка из газеты «Сегодня» с рецензией П.М. Пильского «Немецкая книга о Шмелеве»;

— К.Д. и Е.К. Бальмонтов, 24 письма, 18 нояб. 1927 — 20 июля 1936 (см.: [Бальмонт 2005]);

— Н.В. Борзова (1871–1955; писатель, преподаватель, церковный и общественный деятель), 22 письма, 7 мая 1936 — 28 февр. 1950;

— В.Д. Брянского (председателя Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде), 12 писем, 23 нояб. 1928 — 18 марта 1937 (комиссия прекратила свою деятельность в 1934 г.);

— М.В. Вишняка, 12 писем, 24 сент. 1926 — 21 июня 1932;

— М.Т. Волошиной², 14 писем, 1 июня 1948 — 20 февр. 1950;

— И.В. Гессена, 16 писем, 15 февр. 1923 — 16 дек. 1930;

— Сергея Горного (Оцуп А.А.), 33 письма и 10 фотографий, 1934–1948;

— М.Л. Гофмана, 7 писем, 1 июня — 19 дек. 1929;

— Г.И. Гроссена, 7 писем, 12 июня 1948 — 25 марта 1950;

— В.Л. Загибаловой-Гулиной (художница), 10 писем, 6 дек. 1946 — сент. 1950;

— Б.К. Зайцева, 27 писем, 29 апр. 1924 — 13 сент. 1940;

— К.И. Зайцева, 3 письма, 5 июля 1930 — 10 февр. 1932;

— В.Ф. Зеелера, 17 писем, 23 авг. 1928 — 20 апр. 1950;

— Л.Г. и Р.Г. Земмеринг, 54 письма, 1933 — 24 мая 1950;

— Р. Кандрейя (переводчицы на немецкий язык), 66 писем, 25 сент. 1927 — 27 апр. 1950;

— В.А., М.В. и М.В. Карамзиных, 14 писем, 10 нояб. 1934 — 11 июля 1939;

— А.В. и П.П. Карташевых, 56 писем, 19 сент. 1923 — 31 марта 1950;

— Климовых (разных членов семьи: Г.Е., Е.Е., К.Е., М.А., С.Т.), 25 писем с приложениями (рисунки, фотографии), 1 окт. 1935 — 5 марта 1950;

— Н.К. и Н.И. Кульманов, 49 писем, 19 апр. 1925 — 29 окт. 1936;

— А.Ф. Лютера, 15 писем, 31 окт. 1932 — 31 окт. 1946;

— С.К. Маковского, 12 писем, 29 авг. 1927 — 12 окт. 1928;

— В.И. Немировича-Данченко, 11 писем, 29 окт. 1928 — 25 июня 1936;

— Д.И. Ознобишина (генерал, коллекционер), 23 письма, 15 апр. 1947 — 29 апр. 1950;

— Кэте Розенберг, 27 писем, 15 окт. 1924 — 10 апр. 1928;

— В.В. Руднева, 11 писем, 26 дек. 1932 — 3 июня 1936 (см.: [Современные записки 2014]);

— Серафима (Иванова) (с 1935 г. архимандрит, с 1946 г. епископ, с 1959 г. архиепископ), 24 письма, 28 дек. 1935 — 23 февр. 1950;

— П.Б. Струве, 14 писем, 7 июня 1925 — 26 окт. 1939; также на 3 негативных пленках 9 писем, 14 мая 1925 — 26 окт. 1939;

— Л.М. Тюриной (Смолл), 13 писем, 3 дек. 1923 — 12 янв. 1928;

— И.И. Фондаминского, 12 писем, 5 дек. 1924 — 27 марта 1932;

² Швейцарская знакомая И.С. Шмелева, жена физика Ф.Е. Волошина, почитательница творчества писателя; ухаживала за ним после операции. На ее руках писатель скончался в Бюсси-ан-От.

— М.Ф. Хандамирова, 7 писем, 15 февр. 1924 — 11 янв. 1927;

— Ч. Дж. Хогарта³, 51 письмо, 11 июля 1923 — 24 янв. 1931;

— из издательства С. Фишер (Verlag S. Fischer A.G.), 8 писем, 27 июля 1925 — 6 февр. 1928.

Фотокопии (автографов/авторизованной машинописи):

— И.А. и В.Н. Буниных, 29 писем, 31 дек. 1922 — 24 июня 1936. В фонде отложились «записки, касающиеся собрания писем И.А. и В.Н. Буниных — И.С. Шмелеву» (1936–1979).

О письмах И.А. и Н.Н. Ильиных — их всего 6 (!), 7 апр. 1924 — 5 авг. 1949, нет необходимости говорить при наличии издания «Переписка двух Иванов» [Ильин 2000]. Письма И.С. Шмелеву от И.А. Ильина хранятся в фонде 47 «Ильин Иван Александрович» Фундаментальной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Поскольку писем к И.С. Шмелеву шло огромное количество из разных уголков русского рассеяния, то представляется логичным при дальнейшей публикации сгруппировать письма по тематическому (корреспонденция с издательствами и органами периодической печати; переписка с представителями Русской Православной Церкви) и географическому принципам (Прага, Рига; швейцарские корреспонденты, итальянские корреспонденты и под.). К тематической группе переписки с редакциями органов печати и издательств относится и большинство документов раздела «Материалы к биографии Шмелева» (договоры, финансовые документы, расписки, справки, благодарственные письма и письма — отказы в публикации и под.); как правило, один документ — это одна единица хранения, но встречаются и целые «дела», состоящие из многостраничных подборок.

Отдельный интерес представляет общение И.С. Шмелева с европейской литературной и славистической средой, с переводчиками его произведений на иностранные языки. Задача публикации материалов архива в этом случае решается двумя путями. Во-первых, письма европейских писателей Шмелеву (реже — сохранившаяся переписка, как в случае с Роменом Ролланом) следует опубликовать в одном месте с современным научным аппаратом и всеми необходимыми пояснениями, чтобы при дальнейшем цитировании именно эта публикация считалась авторитетной. Во-вторых, переписка с переводчиками (К. Розенберг, Р. Карманн, Э. Руделиус, Р. Ведин-Ротштейн, Г. Руофф, А. Монго и др.) неотделима от проблемы рецепции творчества писателя, и в этом случае необходимо соединить ее с разделом зарубежной критики о писателе (в переводе). К указанным материалам примыкает переписка с Н. Ван-Вейком и некоторыми другими славистами. Вместе с громадным массивом писем от Р. Кандрейя данный раздел получает самостоятельную ценность.

Однако не менее, а в некотором смысле и более важное значение обретают письма читателей, заботливо сохраненные в архиве И.С. Шмелева. Некоторые письма от собратьев по перу являются также, по сути, читательскими, содержат мнение о произведениях писателя, их восторженную оценку. Вопрос о формиро-

³ Hogarth (1869–1942), переводчик с русского языка на английский, не имеет никакого отношения к издательству Вульффов «Hogarth Press».

вании этого раздела утрачивает мнимую простоту, если задуматься о месте размещения писем З.Н. Гиппиус — в разделе переписки с писателями или в разделе читательских откликов? Столь же непростым является и вопрос о публикации письма А.М. Ремизова — единственный и вполне художественный автограф в фонде 41 представляет собой, по сути, адрес переводчицы с русского языка на немецкий К. Розенберг и деловой комментарий к нему. В большинстве писем даже «рядовых читателей» — в действительности, образованных, начитанных представителей интеллигенции разных поколений — содержатся не просто благодарности и похвалы писателю, но весьма интересные, глубокие, не расхожие оценки, замечания, суждения, которые имеют не только биографическое, но и историко-литературное значение. Таковы, например, 3 письма Е.А. Ляцкого — в частных посланиях он остается критиком, очень верно и точно улавливая особенности произведений Шмелева, афористично их формулируя.

Материалы о И.С. Шмелеве (46 ед.) представлены подборкой критических статей о его творчестве в зарубежной и советской печати. Отметим, что большую подборку откликов о писателе в прессе содержит также архив Ю.А. Кутыриной. Подборка газетных вырезок на русском и иностранных языках в фонде И.С. Шмелева производит весьма внушительное впечатление. Если публикации в русской эмигрантской печати, как правило, известны и введены в научный оборот, то публикации в зарубежной прессе, критика о писателе до сих остаются в шмелеведении практически белым пятном. Замечательно, что, например, Р. Кандрейя присылала Шмелеву из швейцарской немецкоязычной периодики отзывы на его книги в осуществленных ею переводах — но не в виде газетных вырезок, а как часть письма и в переводе на русский язык.

К описи 3 фонда 41 «Шмелев Иван Сергеевич» О.Н. Патока составила Аннотированный именной указатель — не только персональный, но и включающий в свой состав общества, организации, издательства.

В опись 4 в основном включены фотографии, касающиеся жизни и деятельности И.С. Шмелева. Работа над этим материалом находится на этапе уточнения атрибуции и научного описания.

О.Н. Патока

КУЛЬТУРА СЕРДЦА

Пусть мы теперь в чужом, но родное нетленно в нас.
Шмелев И.С. «Пасха нетленная — мира спасение!»

Самое удивительное, что происходит на свете, — это знакомство с людьми. Особенно щедры на удивительные встречи архивы русской эмиграции. Неизвестное или малознакомое имя побуждает к поиску, за которым открывается целый мир.

Я познакомилась с необыкновенным человеком — Вадимом Вадимовичем Петровым — благодаря замечательному русскому писателю И.С. Шмелеву. Разбирая архив Ивана Шмелева, хранящийся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, натолкнулась на письмо Варвары Николаевны Петровой от 28 февраля 1928 г. из Мукачева¹. Нигде не могла найти ее биографические данные. Поисковый запрос в интернете «Петровы в Чехословакии» привел к чешско-русскому композитору Вадиму Петрову. Я рискнула связаться с ним, расспросить его. Какой же взаимной была радость, когда оказалось, что В.Н. Петрова — его родная бабушка. Мы стали переписываться, и Вадим Вадимович многое рассказал о своих предках, о семье, прислал фотографии и музыкальные записи. Сын русского эмигранта, потомок древнего дворянского рода Репнинских (чья семейная родословная восходит к 842 г.), Вадим Вадимович Петров — композитор, педагог, пианист — родился 24 мая 1932 г. Живет в Праге.

Из почерпнутых в переписке сведений сложилась мозаика истории. Предоставим слово нашему герою:

*Композитор
Вадим Вадимович Петров*

Мой дед Василий Петров (1872–1949) был главным цензором в Польше, которая до революции была частью Российской империи. И мой папа родился в Варшаве. После того как началась Первая мировая война, наша семья вер-

¹ В 1919 г. город Мукачево входил в состав Русской Краины — полуавтономного образования в составе Венгрии, в 1920 г., как и вся Подкарпатская Русь, стал частью Чехословакии, в 1938 г. вместе с равнинной территорией Закарпатья был передан Венгрии. 26 ноября 1944 г. Мукачево заняли советские войска, и город вместе с Закарпатьем вошел в состав Украинской ССР, где и находился до 1991 г.

нулась в Россию. Но вскоре произошла революция, и пришлось вновь уезжать... Выезжали через Польшу, однако на границе поляки всех задержали, посчитав агентами большевиков. Дедушка принял решение обосноваться в Закарпатье, в Мукачево, откуда потом уже перебрались в Прагу. Когда он жил в Праге, был важной личностью для русской общественной жизни в Чехии, связанной с православным храмом Свв. Кирилла и Мефодия², а также близко дружил с епископом Гораздом (Павликом) и капелланом Владимиром Петреком, принявшими мученическую смерть от нацистов за участие в движении сопротивления³. Семейная история говорит о том, что в ночь перед арестом епископ Горазд (канонизирован Православной Церковью земель Чешских и Словакии) был в гостях у семьи Петровых.

Вадим Петров учился в русской гимназии в районе Панкрац, где преподавали такие же эмигранты, как его отец и дед. Отец — Вадим Александрович Петров — врач, имевший собственную практику в г. Жижкове, мать — Адель Тумова

*Свадебная фотография
В.А. Петрова и В.Н. Репнинской*

из г. Турнова на севере Чехии — певица, солистка Певческого общества пражских учительниц, старейшего женского хора Богемии. В шесть лет Вадим начал учиться игре на скрипке и на фортепиано, а с тринадцати — на органе. Он посещал русскую гимназию в Праге, где познакомился с русской культурой, пел в хоре, а со временем дирижировал им, занимался обработкой чешских и русских песен. В 1956 г. В. Петров окончил Академию исполнительского искусства (Akademii múzických umění) по классу композиции, написав «Симфоническую поэму о Виткове» по мотивам

² Главная православная церковь Праги с кафедрой предстоятеля Чехословацкой Православной Церкви. Построенное в XVIII в. для католического прихода Св. Карло Борромео в барочном стиле, здание почти полтора века пребывало в запустении и лишь в 1933 г. передано православным. В соборе в 1942 г. укрывались десантники после убийства наместник Чехии Р. Гейдриха. Сейчас в крипте собора музей, посвященный героям Сопротивления во время Второй мировой войны.

³ Священномученик Горазд (Матей Павлик; 1879–1942) по рождению в Южной Моравии, входившей в состав Австро-Венгрии, принадлежал римско-католической церкви. В 1920 г., когда в Чехословакии начались церковная реформа и создание Чехословацкой национальной церкви, активно выступал за православие, что не отвечало государственной политике, проводимой Т.Г. Масариком. В 1921 г. постригся под именем Горазд, стал епископом Моравским и Силезским, издавал журнал «За правду». Однако Чехословацкая церковь пошла по пути протестантизма, епископ Горазд оставался православным священником, строил и открывал на территории Чехословакии православные церкви и монастыри. В 1942 г. владыка Горазд был арестован гестапо и вместе с Владимиром Петреком (Петреком; Петршеком), Яном Зонненвендом и Вацлавом Чиклом подвергся пыткам и был расстрелян. Священномученик Горазд (Павлик), епископ Чешский и Моравско-Силезский, канонизирован в 1987 г. Священным Синодом Православной Церкви Чехословакии.

чешской национальной истории. В 1958 г. он основал Народную консерваторию в составе Муниципального дома просвещения в Праге и разработал программу, которую успешно использовали музыкальные учебные заведения в Берлине, Будапеште и Граце. В музыкальной Праге Вадим Петров преподавал в консерваториях Ярослава Ежека и Яна Дейла, а в 1976–1992 гг. вел педагогическую работу в Пражской консерватории в должности профессора композиции и теории музыки.

Как композитор Вадим Петров специализировался на музыке для театра, радио, телевидения и кино; им записано 42 DVD. Поражает список произведений композитора: саундтреки более чем к 1300 фильмам (самые известные — сказки-мультфильмы о Кроте), музыкальное оформление радиопрограмм и театральных постановок; симфонии и концерты, хоры и песенные циклы. Вадим Петров — победитель многих национальных и международных конкурсов. Среди его наград — Золотая пластинка SUPRAPHON 2001 и платиновая пластинка SUPRAPHON 2003. Вадим Петров был очень популярным композитором в Чехии. Но многим он известен и в России, где знают и любят музыку к мультфильму о Кротике и к чехословацким фильмам для детей. Тема России всегда пробивалась в творчестве Вадима Петрова и была им собрана в альбоме «Ностальгия». Детям композитор дал русские имена — Вадим, Татьяна, Екатерина; на обложке альбома композитор сфотографирован вместе с внучкой — известной чешской моделью Линдой Войтовой (Vojtová).

О судьбе оставшихся в России родственников Вадим Петров узнал только в 1990-е гг.

Русская ветвь моей семьи, — рассказывает Вадим Вадимович Петров, — жила под постоянным давлением, поэтому <мои родные> распространяться об этом не хотели. Они гово-

Первая любовь - музыка к телевизионному фильму по роману И.С.Тургенева.

Элегия - смысл и значение военной обороны своей Родины, убеждение в восстановлении мирной жизни после победы.

Рапсодия - осенняя песня.

Ноктюрн - наша жизнь нам дана и предопределена для того, чтобы каждый чело век шел по ней, твёрдо следуя своей мечте и жизненной цели.

Голубые просторы - музыка к телефильму о волевом преодолении жизненных невзгод. Из космоса наша планета кажется голубой, и образ её необозримых голубых просторов питает надежду и веру человека в счастливое будущее.

Русское Евангелие - размышления о значении основ православия в жизни и вопросах единения нашей семьи. Воспоминания о православных праздниках и богослужениях.

Воспоминания - воспоминания о радостных событиях в прошлом укрепляют нашу надежду и веру в возможность преодоления трудностей и в наше время.

Былое - обработка для телевидения темы русской сказки о Снегурочке. Размышления об осознании российской государственности, роли царя-государя и православия в жизни русского человека.

Серебряная серенада - музыка к телефильму о вострече одноклассников спустя 40 лет после окончания Русской гимназии в Праге.

Люблю Тебя - признание в любви.

Романс - тема тоски русских эмигрантов по России.

Далёкий берег - фрагменты из моих произведений на темы ностальгии, грусти, веры, надежды, любви.

Признания - сколько искренних признаний способен сделать человек? В любви, при раскаянии, выражении уважения, осмыслении вины и подобных присущих человеку эмоциональных чувств.

Русские вариации - возврат к истокам моего творчества.

Вальс дедушки - музыкальная обработка на тему романа Н.В.Гоголя "Мёртвые души".

Заморе - чувство удовлетворения и позитивное настроение от преодоления возникших в жизни превратностей судьбы.

Венгерка - музыкальный фрагмент радиопередачи по роману Н.В.Гоголя "Мёртвые души".

Полька - то же

А годы как птицы летят - тема романа А.С.Макаренко "Флаги на башиях".

Ваш Вадим Петров

Фотография обложки альбома «Ностальгия». В.В. Петров и его внучка Линда Войтова.
Содержание

Фотография семьи Репнинских 1897 или 1898 г.

Слева направо: Василий Александрович Петров (стоит); Варвара Николаевна Репнинская (в замужестве Петрова — сидит с грудным младенцем); Антон Николаевич Репнинский (подросток в гимназической форме — будущий морской офицер); Нина Николаевна Репнинская (стоит); Надежда Павловна Репнинская (мать семейства); Евдокия Николаевна Репнинская (стоит); Николай Яковлевич Репнинский (отец семейства, сын поэта Якова Николаевича Репнинского-старшего); Яков Николаевич Репнинский (стоит в студенческой форме — автор знаменитой русской песни «Варяг» («Плещут холодные волны...»)); Надежда Николаевна Репнинская (сидящая девочка)

*Герб дворянского
рода Репнин-
Репнинских*

рили мне, <что,> когда я подрасту, они все мне объяснят. Они только сказали мне, что половина семьи бежала из Советского Союза, что у нас есть какая-то тетя в Бельгии. В 1948 году мы отправили туда <в СССР> фотографию нашей семьи с поздравлением. Однако после <в ЧСР> случился коммунистический переворот, и всякое общение прекратилось. Полвека спустя появился интернет, и все изменилось. Один мой племянник нашел в интернете некоего Репнина в Париже. Он ему написал, не знает ли тот случайно Репниных, эмигрировавших в ЧСР. Оказалось, что он знает и что во Франции пользуется титулом Репнин-Репнинский. Еще через полгода пришло письмо из Нью-Йорка, в котором была фотография, отправленная моими родителями в Бельгию в 1948 году. Отправители спрашивали, имеем ли мы какое-то отношение к этой фотографии. Так мы нашли своих родственников и постепенно узнали историю семьи. Нашлась и одна родственница в Санкт-Петербурге.

Сам композитор считает себя в первую очередь уроженцем Жижкова:

Это была такая особенная каста людей. Они были честными, очень стойкими, порядочными, могли говорить откровенно обо всем и не мириться с несправедливостью. Там я и вырос. Поскольку я из Жижкова, я так никогда и не перенял русский менталитет. Я большой чешский патриот из Жижкова.

О его бабушке, Варваре Николаевне Петровой (1875–1942), узнать удалось очень немного.

Вадим Вадимович Петров вспоминает:

Василий Александрович Петров с женой — Варварой Николаевной Петровой, рожденной Репнинской, и детьми эмигрировали после революции в Польшу и далее в Чехословакию. Дедушка на первые годы устроился в Мукачеве, где работал профессором иностранных языков.

В 1932 году бабушка с дедушкой переехали в Прагу, где прожили до своей смерти. Папа после экзаменов был принят на медицинский факультет и со временем стал выдающимся пражским врачом.

Сохранившееся в шмелевском архиве письмо Варвары Николаевны касается мукачевского периода, Подкарпатская Русь тогда находилась в юрисдикции Чехословакии. Оно приоткрывает нам особенности личностей этой замечательной четы: прямоту, благородство, религиозность, патриотизм и высокое национальное самосознание. В письме В.Н. Петровой к писателю Ивану Шмелеву от 28 февраля 1928 г. читаем:

На прилагаемой открытке Вы видите старый храм. Старый Новгородский стиль. Ему 300 лет, и он был закрыт в деревне. Ему на смену пришел новый, «модерный», как говорят здесь, куда униаты перенесли свои богослужения из старого, где три века молились православные. Внутренность вся в исправности, все дубовое, вековое. Иконы, судя по истории церкви, еще

*Варвара Николаевна Петрова,
урожденная Репнинская
(1910–1920-е гг.)*

Школа в Мукачеве

В.А. и В.Н. Петровы

Надгробие на Ольшанском кладбище

В.Н. Петрова с медсестрами (Прага, конец 1930-х гг.)

древнее: не храм, а давняя, седая, родная быль. Он подлежал уничтожению... Но нашлся наш русский протоиерей о. Гр. Илечко⁴, и, с помощью братьев чехов, сохранили мы этот храм. Правительство его купило, отвело участок в г. Мукачеве, над горной рекой, среди векового же окружения дерева грецкого ореха, а главное — дало его нам, православным. Вы и представить себе не можете, какая волна всколыхнула нашу здешнюю серую массу! За много де-

⁴ Правильно: Иоанн.

сятков километров потянулись возы на круторогих волах, и каждый спешит в село Шелестово, чтобы скорее захватить материал разбираемой церкви и везти его в Мукачево. К Вербному воскресенью ее уже поставят, чтобы на Пасху звон ее колоколов разбудил и реку, и горы, и селенья и возвестил всем, что зажегся новый светоч Православия.

Факты свидетельствуют о следующем. 27 марта 1927 г. по просьбе православного протоиерея Иоанна (Илечко) из села Большие Лучки епископ Бачки поручил ему создать в Мукачево православный приход и организовать церковную общину. 1 августа 1928 г. настоятель православной общины Мукачева о. Иоанн сообщил, что строительство деревянного православного храма доведено до конца и теперь в нем начнутся богослужения. Находим интересные сведения о его служении:

Православный храм, перенесенный из с. Шелестово в г. Мукачево (1929 г.)

В течение своей священнической деятельности о. Илечко около 10 раз сидел в австрийских тюрьмах за совершение таинств и треб, два раза его административно забирали в солдаты, невзирая на священнический сан. И наконец, церковь его опечатали, приставив постоянную стражу⁵.

Дальнейшая судьба о. Иоанна повторила судьбу русского священства того времени. В 1929 г. он становится настоятелем церкви в г. Мукачево в юрисдикции Православной Церкви в Чехословакии, а в 1938 г. выступает организатором съезда Союза православной молодежи Подкарпатской Руси, состоявшегося в женском Липшинском монастыре под Хустом. 1 февраля 1949 г. о. Иоанн был арестован органами МГБ и осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей и 5 лет поражения в правах. Заключение отбывал в с. Долинское Карагандинской области Казахской ССР. Освобожден 5 января 1955 г. Реабилитирован 17 апреля 1991 г.

В скупых строках письма — судьбы и чаяния наших соотечественников, дорожащих своей верой и стойко отстаивающих ее в неимоверно трудных для жизни условиях, уповающих лишь на одно: «И если нашим седым головам не суждено покоиться в родной земле, то хотя последнюю вечную память пропоют в русской церкви!..» Варвара Николаевна обращается к Шмелеву:

А теперь с поклоном к Вам, Иван Сергеевич. С низким, русским поклоном. Не будет ли возможно открыть в «Возрождении» сбор на церковь? С ухо-

⁵ Земщина. 1914. 23 сент. Цит. по: <http://cmhnir.ortox.ru/stati/view/id/1185488> (дата обращения: 27.05.2019).

дом П.Б. Струве⁶ у нас там нет знакомых. К митрополиту Евлогию прямо не дерзаю обратиться. Его мы знали еще в Холме во время его там служения. Протоиерей Ив. Илечко им же рукоположен. Но ведь у него и без нас столько забот и хлопот и нравственных незаслуженных страданий. А нам предстоит расходы, и мы собираем их чуть не по геллерам⁷. Эмигрантов в Мукачеве не более 30 человек. Но они организованы, и муж мой состоит председателем, держа высоко наше русское знамя.

Как созвучно выразился И.С. Шмелев в «Письме к русской молодежи» (1928): «Лишенные родины, мы всюду несем ее. Бога — во имя ее несем!» Ответного письма у нас нет, но, думаю, писатель не остался в стороне от такого благого дела.

Иван Сергеевич Шмелев побывал в Подкарпатской Руси в год празднования столетия со дня смерти Пушкина, в июне 1937 г. Писатель выступал с лекциями, и встречи его с «цветом карпаторусской интеллигенции» носили взаимно радостный характер [Н.У. 1937, с. 4]. «Мы не празднуем русскую культуру, мы ее в себе утверждаем», — возвестил соотечественникам Шмелев, и слова его «воспринимались аудиторией как новое прекрасное учение, как вещание бесспорного авторитета и учителя» [Там же]. Шмелев побывал в Ужгороде, Мукачеве, съездил в женский Липшинский монастырь (в отчете о его поездке в газете «Возрождение» обитель ошибочно названа «Липецкой»). Он выступал, читал свои рассказы, говорил о Пушкине, открывал Дни русской культуры... В Ужгороде праздник вылился на улицы, и процессия была весьма красочно описана в газете: «Здесь были скауты, сокола и различные другие организации молодежи, представители сельских читален, группа интеллигенции, конные группы, возы, велосипедисты и т. д. Несли плакаты с различными лозунгами и между ними плакат: “Привет И.С. Шмелеву!”» [Там же]. Выступления Шмелева несколько раз прерывались «горячими рукоплесканиями». Описание устроенного Шмелеву приема, искренняя симпатия и доверие к писателю хорошо объясняют, почему его читательница и почитательница из далекого от Парижа Мукачева обратилась именно к Ивану Сергеевичу за поддержкой в деле восстановления церкви.

А история этого храма между тем продолжалась. Из Мукачева в 1974 г. он был перевезен в Закарпатский музей народной архитектуры и быта в Ужгороде. Церковь являет (по-прежнему!) лучший образец деревянного зодчества Закарпатья. Рублена из дубовых брусьев, соединенных в простой замок без остатка, покрыта гонтом. Трехсрубная, делится на алтарь, неф, притвор, что подчеркивается в экстерьере тремя куполами. С трех сторон церковь опоясана открытой деревянной галереей. Это лемковский тип сооружений, который сочетает шатровый и барочный стили (верхи над нефом и алтарем сооружены в виде 5-ступенчатых шатров, которые завершаются барочными куполами и маковками). Над притвором возвышается 22-метровая башня-колокольня каркасной конструкции с широким под-

⁶ П.Б. Струве покинул пост редактора «Возрождения» 16 августа 1926 г.

⁷ Геллер — наименьшая денежная единица Австро-Венгрии (до 1918 г.); продолжала использоваться и чеканиться в Чехословакии; первые чехословацкие геллеры были выпущены в 1921 г. В хождении было шесть разных номиналов — монеты достоинством от 2 до 50 геллеров.

*Православный храм, перевезенный из г. Мукачева
в Закарпатский музей народной архитектуры и быта
в г. Ужгороде (начало 2000-х гг.)*

себитьем, украшенная аркадой голосников вверху. Венчает башню двухъярусная барочная главка с ажурными арками в основе фонаря. Так она выглядит сегодня.

Хочется по этому поводу вспомнить слова опять же И.С. Шмелева из его статьи 1926 г. «День Татьяны»: «Правда, мы растеряли много дорогого. Но будем верить: мы не потеряли веры. Русская культура — культура веры в человека, в прекрасное, что в человеке есть — от Бога. Это — с нами. Оно — в культуре духа, сердца. Это сохраним и пронесем. Вернем России» [Шмелев 1926, с. 3]. И вернулось неожиданно: в Праге, музыкой русско-чешского композитора, представленной в его альбоме «Ностальгия. Воспоминания о русских предках».

Литература

- Н.У. 1937 — Н.У. И.С. Шмелев в Подкарпатской Руси // Возрождение. 1937. 18 июня. № 4083. С. 4.
Шмелев 1926 — Шмелев И.С. День Татьяны // Возрождение. 1926. 23 янв. № 235. С. 3.

А.Д. Зорина

И.И. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ И Ю.А. КУТЫРИНА:
ЗАГАДКА ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С АРХИВНЫМИ ФОНДАМИ
БЛИЗКИХ И.С. ШМЕЛЕВА)

Научно-техническая обработка хранящихся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына материалов, составивших фонд 224 «Иван Иванович Новгород-Северский» (передан в 2015 г. Н.П. Азаровой, Франция), — приблизила к отгадке окутанной романтической таинственностью истории знакомства двух близких И.С. Шмелеву людей, его племянницы и ее мужа. Сначала мы расскажем о той роли, которую сыграли архивные источники в уточнении биографических данных, а в заключении дадим краткий обзор фонда, документальные материалы которого представляют безусловный интерес для исследователей истории и культуры русского зарубежья.

Иван Иванович Новгород-Северский (наст. имя Ян Пляшкевич; 13 ноября 1893, Российская империя — 10 июля 1969, Ванв, Франция) — поэт, писатель, издатель русского зарубежья. И.И. Пляшкевич родился в селе Каменка Бельского уезда Смоленской губернии, затем с родителями уехал в Сибирь. Литературный псевдоним Новгород-Северский Иван Иванович выбрал, вероятнее всего, потому, что его род происходил из Новгорода-Северского, о чем писала Ю.А. Кутырина, супруга поэта¹. Однако по воспоминаниям сына Ю.А. Кутыриной И. Жантийома-Кутырина, Новгород-Северский — это фамилия отчима Ивана Ивановича², но эта информация нуждается в дополнительной проверке. В документах, хранящихся в личном фонде И.И. Новгород-Северского, не нашлось подтверждений того, что у поэта был отчим, но имеются некоторые сведения о его отце. Известно, что отец поэта «был участником Турецкой кампании и участвовал в Балканской освободительной войне»³. На момент рождения сына он «скитался по губерниям по делам воен<ного> интендантства и долго о нем не было никаких известий»⁴. Некоторые сведения о родителях Ивана Ивановича можно найти в его художественных произведениях. В рассказе «Снегирь», вошедшем в книгу «Моя Сибирь», поэт воспоминал о венчании родителей:

¹ «Род Новгород-Северских происходил из города Новгород-Северска и переселился в Сибирь много поколений тому назад. Отец его был участником Балканской освободительной войны» [Кутырина 1970, с. 106].

² «О своем родном отце, Иване Пляшкевиче, он сохранил слабое воспоминание и предпочитал носить имя своего отчима — Ивана Новгород-Северского» (см.: [Жантийом-Кутырин 2004, с. 70]).

³ Архив ДРЗ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 17.

В захолустной лесной деревеньке жил у нас старенький батюшка. Ходивший по снегу в лапотках и служивший в холщевой ризе.

У него венчалась моя мать. Ночью, в метель... В ветхие двери древней церковки несло снегом!

После венчания, батюшка, ласково улыбаясь, обратился к матери:

— Не страшись тьмы ночной, бури снежной! У нас лен — бирюзовы цветики — в день святого Митрофана, покровителя льна, сеяло семь Олен голубоглазых. Любовью Божией озаренных. Была и святая мученица Дарья. Белильница холста, память которой совершали в марте месяце, девятнадцатого числа. Вот, в их ризе тебя и перевенчал!

После, обернувшись к отцу, тихо, предостерегающе произнес:

— Это тебе не гайда тройка, снег пушистый. Теперь тебе надо остепениться. В снегах услышишь последний сигнал. Глас призывающий ко Господу!⁵ [Новгород-Северский 1973, с. 119].

В том же рассказе И.И. Новгород-Северский писал о гибели отца и смерти матери:

Шли годы. В нашем календаре снега менялись снегами. По ним вели счет.

Белыми пушистыми снегами, в простых деревянных саях, привезли отца, погибшего на своем посту.

Продрогший мужик, в полночь, стучал кнутовищем в ветхие, стонущие, заснеженные ставни.

— Принимайте гостя! Там у вас, в углу, Спас Звездный. Он согреет!

Похоронили отца в снегах. Напротив нашей маленькой, старой кладбищенской церкви. Под белоснежными березками. Летали снегири, певчие пташки перевозимья.

Вскоре скончалась мать. Четыре дня пролежала она в больничном сарае. Сарай не запирался. В разбитые ворота нанесло целый сугроб. Покойницу занесло снегом.

Могильщики рыть могилу отказались, был лютый мороз. Меня тогда не было дома, я был в скитаньях [Там же, с. 119–120]⁶.

Важные сведения о жизни и творчестве поэта содержатся в документах фонда 224. Из биографических заметок, сделанных женой поэта, мы узнаем, что детство свое И.И. Новгород-Северский (до 1896 г.) провел на заимке на реке Зее Амурской области. С 1896 по 1908 г. жил в Мариинске Томской губернии, учился в городском четырехклассном училище, впоследствии ставшем гимназией. С 1908 по 1911 г. учился в Омском императора Александра III низшем механико-техническом училище. В 1911 г., пройдя землемерно-агрономический ускоренный курс для получения звания агронома-землемера, поступил в Переселенческое

⁵ Орфография и пунктуация автора сохранены.

⁶ Следует заметить, что книгу «Моя Сибирь» И.И. Новгород-Северский писал в последние годы своей жизни, а мать поэта, Евгения Максимовна Новгород-Северская, умерла в России в конце 1920-х гг., когда поэт жил в эмиграции.

управление по Министерству земледелия. Работая землемером, по службе Переселенческого управления и по личным делам побывал во многих уголках Сибири — от тундры до Алтая и от Тихого океана до Урала. Пережитое и увиденное нашло воплощение в творчестве поэта: очерках, стихотворениях, воспевающих силу и очарование Сибири, самобытность малочисленных народов Севера России. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, И.И. Новгород-Северский мобилизовался в солдаты в городе Ачинске. Тогда же написал песню «Пусть свишут пули», позже ставшую «Маршем Алексеевского полка» Добровольческой армии. В 1915 г. поступил в Высшую военную школу в Иркутске, окончил ее с отличием, получил первый офицерский чин прапорщика и назначение в Ташкент в 1-й Сибирский стрелковый полк, который вскоре направлялся на Румынский фронт. Посылал с фронта в петербургский журнал «Весь мир» свои стихи и рассказы. На Румынском фронте был ранен и контужен (паралич левой части тела и сильное нервное расстройство), вследствие чего получил инвалидность. Оправившись через полгода, возвратился на фронт.

В императорской армии в годы Первой мировой войны И.И. Новгород-Северскому присвоили звание капитана, позднее переименовали в ротмистры. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал (был идейным вдохновителем) в восстании Черноморского флота в Николаеве, за что приговорен большевиками к расстрелу по трем статьям: как поднявший восстание матросов, как контрреволюционер, как дезертир советского военного комиссариата (в котором работал, делая закупки). Сообщения о приговоре к расстрелу были опубликованы в местных газетах, за выдачу И.И. Новгород-Северского обещалось денежное вознаграждение. Спас поэта студент, секретарь ЧК, предупредивший его об аресте, поэту удалось скрыться. В годы Гражданской войны Иван Иванович присоединился к Добровольческой армии. В бою получил вторую тяжелую контузию, приняв за мертвого, его бросили в морг вместе с убитыми; очнувшись, он испытал сильнейшее нервное расстройство, последствия которого сказывались на его здоровье всю жизнь. Оправившись после контузии, И.И. Новгород-Северский поступил в распоряжение ставки главнокомандующего генерала Врангеля 2-м штаб-офицером для поручений, особым приказом был произведен в полковники. Несмотря на трудности военного времени, продолжал писать стихи и прозу, печатался в одесских журналах. В 1920 г. с армией Врангеля эвакуировался из Крыма в Константинополь⁷. Здесь вышла первая книга Ивана Ивановича — «Как растут кресты» (1921). В 1923 г. он переехал в Болгарию, где работал на угольной шахте «Мина Перник». В 1926 г. в Софии состоял на службе в детском приюте Российского общества Красного Креста в должности служителя. В городе Враца был опубликован его рассказ «Видение Петра» (1925). В 1926 г. И.И. Новгород-Северский отправился в Париж на учебу в Свято-Сергиевском богословском институте. В 1927 г. Иван Иванович оставил институт, чтобы жениться на племяннице И.С. Шмелева Ю.А. Кутыри-

⁷ Краткие биографические сведения о жизни И.И. Новгород-Северского, записанные рукой Ю.А. Кутыриной, см.: Архив ДРЗ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 267.

ной, встреча с которой состоялась в том же году в Париже. По воспоминаниям И. Жантийома-Кутырина, Юлия Александровна рассказывала, что это была ее первая встреча с И.И. Новгород-Северским.

По неоднократному свидетельству моей матери, Юлии Александровны Кутыриной, их первая встреча <с И.И. Новгород-Северским> состоялась в 1927 году в Париже, у входа в сад церкви Преподобного Сергия Радонежского на rue Crimée, 93.

Это и стало началом долгой и глубокой дружбы, а затем и любви, освященной венчанием в русском Храме Трех Святителей... [Жантийом-Кутырин 2004, с. 67–68].

Однако в стихотворениях И.И. Новгород-Северского рисуется другая, более ранняя картина его первого знакомства с Ю.А. Кутыриной. Из лирических стихов становится известно, что его знакомство с Ю.А. Кутыриной состоялось в России — задолго до их встречи в Париже. Еще в юности И.И. Новгород-Северский, начинающий поэт, посвящал стихи Юлии Александровне. Так, в поэтическом сборнике «Бессмертие прошлого», включенном в книгу «Северное послание» (1968), опубликованную за год до смерти поэта, напечатано стихотворение, датированное 1907 г.:

И.И. Новгород-Северский.
<1920-е гг.>

Посвящение Ю.А. Кутыриной
18 мая, день святой Юлии Анкирской.

В усадьбу Шишкино — твой уголок, —
Пишу в День Ангела, дружок!
И не дружок, а друг, товарищ...
Роднит нас дым родных пожарищ,
Вопца далекий бережок.
Там ландыш выкинул флажок,
Зовет на шум лесов дремучих.
Там великаны ходят в тучах,
Плывет со Стенькою стружок,
Отраден выпавший снежок,
Мороз трескучий, сани, кони,
Весною Пасха в красном звоне...
Так вот... С Днем Ангела, дружок! [Новгород-Северский 1968, с. 137].

В сноске к стихотворению дается пояснение, раскрывающее важные детали биографии Ивана Ивановича и Юлии Александровны:

На берегу реки Вопца. Усадьба Бараново напротив усадьбы Шишкино, Дорогобужского уезда, Смоленской губ. (В Баранове в 1907 г. жил Ив. Новгород-Северский, а в Шишкино — Юлия Кутырина).

Наш старинный уездный городок возник когда-то в темных непроходимых лесах смоленских. У глухой безлюдной дороги к легендарному разбойнику Бужу, почему и назван Дорогобужем⁸ [Там же].

В том же сборнике опубликовано недатированное стихотворение «На Вопце».

Ю.А. Кутырина в имении Шишкино, 16 лет

НА ВОПЦЕ

Я и теперь с усадьбою в ладу.
Как будто бы вчера надумал прогуляться —
В траве мои следы росой еще дымятся...
И мною начат день в большом, густом саду!

К Вопцу-реке тропинкою бреду.
Погожий день... А вот еще дорожка:
Крадусь по ней сторожко, понемножку...
Куда я с ней?.. В какую глушь приду?..

Откуда знать, не нам о том и ведать,
Потянет в лес, а будешь на лугу...

Не мною начат день в большом, густом саду:
Не раньше ли меня проснулись птицы?
И мышка серая давно уж суетится —
Она сегодня с кошкой не в ладу.

Куда, в какую глушь сегодня забреду?
Не встречу ль там я Марьюшку Моревну,

Нет, я тебя, мой свет, тропинкою найду! [Там же, с. 140].

В фонде И.И. Новгород-Северского хранится рукописный вариант этого стихотворения, в котором оно озаглавлено по первой строке — «Я и теперь с усадьбою в ладу», посвящено Ю.А. Кутыриной и, кроме того, имеет уточняющий подзаголовок — «К 35-летию нашей первой встречи». Учитывая авторские примечания к стихотворению «Посвящение Ю.А. Кутыриной» (1907) (см. примеч. 8) и предположив, что знакомство Ивана Ивановича с Юлией Александровной произошло в 1907 г., можно сделать вывод, что стихотворение «На Вопце» было написано приблизительно в 1942 г., т. е. спустя 35 лет со дня первой встречи поэта с

⁸ Город Дорогобуж первые упоминается в 1150 г. Название в форме притяжательного прилагательного с суффиксом принадлежности -ья от древнерусского личного имени Дорогобуд. Легендарная версия о разбойнике привлекательна, но не имеет ни исторических, ни лингвистических оснований.

Ю.А. Кутыриной... В сборник «Бессмертие прошлого» вошло еще одно стихотворение, посвященное Кутыриной, с характерным названием «Судьба», также свидетельствующее о том, что Иван Иванович и Юлия Александровна были знакомы с юности, задолго до их встречи в эмиграции.

СУДЬБА

*Спутнику жизни, жене и товарищу-другу
Юлии Александровне Кутыриной*

Река Вопец,
не свету конец.
Жизни начало,
сказкой венчанное!

Судьба давно венчала нас...
Там, у Вопца — родной реки,
Я целовал твои глаза,
Глаза как васильки.
Я целовал твои глаза,
Глаза как васильки...
А за тобою, далеко —
Горели огоньки [Там же, с. 138].

Интересно заметить, что в кратких биографических набросках И.И. Новгород-Северского, записанных его женой со слов самого поэта⁹, в хронологии событий имя Юлии Александровны в первый раз появляется, только когда говорится о встрече с ней в Париже в 1927 г. Кроме того, в нескольких вариантах этих набросков указывается разная дата встречи. Так, в одном варианте их встреча датируется 1 июля 1927 г.¹⁰, в двух других — осенью 1927 г.¹¹, при этом в одном из указанных вариантов над словами «осенью 1927...» рукой Ю.А. Кутыриной написано: «летом / 33 <тридцати трех> лет», где «33» — скорее всего, возраст И.И. Новгород-Северского¹². Вместе с тем в указанных биографических набросках имеется краткая запись, сделанная Ю.А. Кутыриной, свидетельствующая о том, что И.И. Новгород-Северский действительно в 1907 г. останавливался в усадьбе Бараново. Юлия Александровна записала:

Ваня — 13 лет. Приезжал из Сибири с мамой Евгенией Максимовной в 1907–8 году в гости в Бараново — напротив Шишкина к Шутиной Маркевич (по отцу) двоюродн<ая> сестра матери¹³.

⁹ Архив ДРЗ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 11, 18 об.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 29.

Согласно хронологической канве биографии И.И. Новгород-Северского, записанной Ю.А. Кутыриной, — 1 июля 1927 г. Иван Иванович встретился с Юлией Александровной в Париже, 11 июля 1927 г. переехал к ней жить, а 19 января 1932 г. они обвенчались в храме Трех Святителей на улице Петэль в Париже¹⁴.

Таким образом, разобрав и проанализировав документы из личного фонда И.И. Новгород-Северского, мы можем сказать, что о знакомстве Ивана Ивановича Новгород-Северского с Юлией Александровной Кутыриной, по всей вероятности, состоявшемся еще в России, до их встречи в эмиграции в 1927 г., мы узнаем только из лирических стихотворений поэта, — в частности, из рукописного варианта одного из них — «Я и теперь с усадьбою в ладу...». Почему в разобранных нами биографических (или автобиографических) документах поэта нет свидетельств этой встречи, остается загадкой, или тайной, таинством самой любви, о которой поэту вольнее говорить в стихах, мелодически обрамляя время и вечно выбываясь из всех «хронологий жизни»... Нельзя исключать и того, что Юлия Александровна не хотела афишировать давнюю историю их отношений с Иваном Ивановичем, историю их первого знакомства, и нам стоит с уважением отнестись к этому.

В 1932 г., не прекращая литературного творчества, И.И. Новгород-Северский работал механиком на автомобильном заводе Рено. Тогда же перенес тяжелое заболевание психоневрозом, два месяца пребывал в психиатрическом госпитале. Оправившись, работал на русском биохимическом заводе (при автоклавах). На протяжении всей жизни переживал периодические нервные расстройства, проходил лечение в различных психиатрических клиниках Франции¹⁵. Несмотря на слабое здоровье, И.И. Новгород-Северский продолжал активную творческую деятельность. Вместе с Ю.А. Кутыриной был редактором-издателем юношеских журналов «Огоньки» (1932–1933) и «Сверчок» (1937–1939). С 1936 по 1969 г. поэтом написаны и изданы сборники стихотворений «Аргыш», «Арктика», «Тундра», «Заполярье», «Айсберги», «Чум», «Шаманы», «Пескам моим», «Ковыль да поле», «Тайга», «Дунюшка-Дуняша», «Песнь Песней», «Пророки», «К Созвездиям», «Самоцветы», «Благовестие», «Северное послание», «Вершины», «Таежные тропы» и др., а также сборники сибирских сказок и легенд.

10 июля 1969 г. И.И. Новгород-Северский скоропостижно скончался в Ванве (под Парижем). Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Юлия Александровна Кутырина (3 октября 1891, Москва, Российская империя — 15 мая 1979, Нуази-ле-Гран, Франция) — биолог, преподаватель, сказительница. Племянница И.С. Шмелева. Мать Юлии Александровны, Олимпиада Александровна Охтерлоне, — родная сестра жены И.С. Шмелева Ольги Александровны (урожд. Охтерлоне). Отец, Александр Дмитриевич Кутырин, — старший брат М.Д. Кутырина, владельца известной московской фабрики скульптурных и строительно-отделочных работ. Ю.А. Кутырина получила хорошее домашнее об-

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Список психиатрических больниц и даты пребывания в них И.И. Новгород-Северского см.: Архив ДРЗ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 263.

разование, в девять лет поступила в училище ордена Святой Екатерины для благородных девиц. Продолжила образование на Московских высших женских курсах (в 1918 г. преобразованных во 2-й Московский Государственный университет) на факультете естественных наук. Серьезным увлечением Кутыриной была этнография, которую она изучала в университете и в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, на тот момент возглавляемом заслуженным профессором Московского университета, известным этнографом Д.Н. Анучиным. Под руководством Анучина Кутырина активно участвовала в организованных для студентов этнографических экспедициях, ездила по России, изучала и собирала фольклор. В Архангельске Кутырина познакомилась со сказительницей М.Д. Кривополеновой, обширный репертуар которой существенно обогатил коллекцию фольклора Юлии Александровны.

В 1918 г. Ю.А. Кутырина вышла замуж за француза Рене Андре Эдмона Жантийома (Gentilhomme), за несколько лет до этого служившего гувернером в доме ее знакомых в России, где она с ним и встретилась. Кутырина несколько раз ездила к Рене в Париж, а в 1918 г. окончательно переехала во Францию. 4 января 1920 г. у супругов родился сын Ивистион Жантийом (Ив Жантийом-Кутырин), однако вскоре родители Ива разошлись. Во Франции с 1931 г. Ю.А. Кутырина начала выступать на сцене — читала былины, сказки, русские духовные стихи, аккомпанируя себе на гуслях. Вместе с И.И. Новгород-Северским была издателем детских журналов «Огоньки» (1932–1933) и «Сверчок» (1937–1939). В 1936 г. открыла Студию народного творчества и в том же году начала выступать на парижском радио, а с 1950 г. стала постоянным автором циклов передач «*Legendes de tous les mondes*», «*A la source des fées*», «*Milles et un rêve*»¹⁶, посвященных, в частности, творчеству И.И. Новгород-Северского. В 1950 г. при сотрудничестве с Национальной фонотекой Сорбонны записала на диски русские народные песни. В 1951 г., будучи одним из организаторов Общества друзей и почитателей памяти И.С. Шмелева, а также хранителем его архива, Ю.А. Кутырина создала музей-квартиру писателя в Ванве. Проводила собрания, посвященные его творчеству, выступала на них с докладами. Издала книгу «Жизнь и творчество И.С. Шмелева» (Париж, 1960). Читала лекции, посвященные русскому народному творчеству, организованные Русским научным институтом (1958–1962). Публиковалась в газете «Русская мысль», журнале «Возрождение». Участвовала в деятельности Общества охранения русских культурных ценностей. Последние годы жизни провела в Русском доме в Нуази-ле-Гран.

В настоящее время осуществляется научно-техническая обработка фонда 214 «Ю.А. Кутырина», тогда как научно-техническая обработка фонда 224 «И.И. Новгород-Северский» была проведена в 2017–2018 гг., и по ее результатам были составлены две описи.

В опись 1 «Иван Иванович Новгород-Северский» вошли документы за 1890–1973 гг. Всего 300 единиц хранения. Документы систематизированы по тематическим разделам и подразделам.

¹⁶ «Легенды со всего света», «У источника фей», «Тысяча и один сон» (франц.).

Первый раздел — «*Рукописи И.И. Новгород-Северского*» (ед. хр. 1–252) составили девять подразделов.

1.1. Отдельные произведения И.И. Новгород-Северского.

Самое раннее из произведений поэта, вошедших в данный подраздел, — «Обращение к русской интеллигенции, воинам, инвалидам и любящим Родину крестьянам и рабочим» (черновик объявления для газеты «Вечернее слово» (Севастополь, 1920, № 174)). В подраздел также вошли рукописные сборники стихотворений (после 1958), черновики для первого и второго изданий сборника «Песнь Песней» (1948 и 1960 гг. соответственно) и др.

1.2. Материалы к книге «Моя Сибирь» (1973).

Систематизированы по главам, согласно плану (содержанию), указанному Ю.А. Кутыриной, готовившей книгу к изданию. Выделены произведения, вошедшие и не вошедшие в окончательный (опубликованный) вариант книги. В примечаниях указаны страницы книги, на которых напечатаны соответствующие произведения.

1.3. Материалы для книг на литературоведческие темы.

Рукописи очерков готовившихся к печати книг И.И. Новгород-Северского, предположительно имеющих название, — «Очерки об ушедших поэтах», «Стихотворения, навеянные творчеством писателей» (названия написаны рукой Ю.А. Кутыриной на коробке, в которой хранились документы). Здесь представлены материалы, посвященные: С.Т. Аксакову, А.А. Ахматовой, Э.Г. Багрицкому, Ю.К. Балтрушайтису, К.Д. Бальмонту, Е.А. Баратынскому, К.Н. Батюшкову, В.В. Башкину, В.Г. Бенедиктову, И.Ф. Богдановичу, В. Броневскому, В.Я. Брюсову, И.А. Бунину, Д.В. Веневитинову, М.А. Волошину, А.П. Волынскому, П.А. Вяземскому, З.Н. Гиппиус, Н.В. Гоголю, П.В. Голенищеву-Кутузову, С.М. Городецкому, А.А. Григорьеву, Н.С. Гумилеву, книге «Псалтирь царя Давида», В.И. Далю, А.А. Дельвигу, И.И. Дмитриеву, Н.А. Добролюбову, Ф.М. Достоевскому, В.А. Жуковскому, Б.К. Зайцеву, В.И. Иванову, Игорю Северянину, А.Д. Кантемиру, Н.М. Карамзину, Я.Б. Княжнину, А.В. Кольцову, В.Г. Короленко, Е.И. Кострову, А.Е. Котомкину, И.А. Крылову, В.К. Кюхельбекеру, А.П. Ладинскому, М.Ю. Лермонтову, А.Н. Майкову, С.К. Маковскому, Максиму Греку, Д.И. Менделееву, Д.С. Мережковскому, М.Л. Михайлову, С.Я. Надсону, Н.А. Некрасову, В.И. Немировичу-Данченко, И.С. Никитину, Н.П. Огареву, В.Ф. Одоевскому, Оссиану, Я.П. Полонскому, Б.Ю. Поплавскому, П.П. Потемкину, А.С. Пушкину, Д.М. Ратгазу, А.А. Ржевскому, В.С. Соловьеву, Ф.К. Сологубу, книге «Песнь Песней Соломона», М.М. Сперанскому, А.П. Сумарокову, Л.Н. Толстому, В.К. Тредьяковскому, И.С. Тургеневу, Н.А. Тэффи, Ф.И. Тютчеву, Г.И. Успенскому, архиепископу Феофану (Прокоповичу), А.А. Фету, Д.И. Фонвизину, И.И. Хемницеру, М.М. Хераскову, В.Ф. Ходасевичу, А.С. Хомякову, А.П. Чехову, И.С. Шмелеву, Н.М. Языкову.

1.4. Материалы на темы «Ликует русский флот», «Военные песни», «Анна Ярославна».

1.5. Очерки, заметки, конспекты на краеведческие темы.

1.6. Публикации И.И. Новгород-Северского в периодических изданиях.

1.7. Произведения И.И. Новгород-Северского на иностранных языках. Переводы с русского языка.

1.8. Сочинения других авторов, написанные рукой И.И. Новгород-Северского.

Второй раздел — «Письма И.И. Новгород-Северского» (ед. хр. 253). В раздел вошло письмо от 28 февраля 1928 г., предположительно адресованное митрополиту Вениамину (Федченкову).

Третий раздел — «Письма И.И. Новгород-Северскому» (ед. хр. 254–256) — составили восемь писем с 1953 по 1973 (?) г. Среди адресантов писем: М.С. Расловлев, Ольга Трабовская, Лионелло Фиуми (Fiumi; Италия).

Четвертый раздел — «Материалы к биографии И.И. Новгород-Северского» (ед. хр. 257–276) — составили материалы служебной деятельности, личные документы, свидетельства о состоянии здоровья И.И. Новгород-Северского, материалы его деятельности на посту редактора журналов «Огоньки» и «Сверчок» и др.

Пятый раздел — «Материалы, собранные И.И. Новгород-Северским» (ед. хр. 277) — составили подборки газетных вырезок на разные темы, в частности о Соловецком лагере особого назначения.

В шестой раздел — «Материалы об И.И. Новгород-Северском» (ед. хр. 278–291) — вошли: рецензии на произведения И.И. Новгород-Северского, заметки о его творчестве, некрологи о смерти поэта.

В седьмой раздел — «Изобразительные материалы» (ед. хр. 292–295) — помимо черно-белых фотографий И.И. Новгород-Северского вошла, в частности, цветная литография «Династия Капетингов» (Paris: Maison Martinet, 1860), которая упоминается поэтом в его плане работы над темой «Анна Ярославна»¹⁷.

В седьмой раздел — «Материалы, отложившиеся в фонде» (ед. хр. 296–300) — вошли, в частности, автограф (неустановленного лица) японской сказки «Урашима», рекламная карточка русского книжного магазина во Франции «Les Editeurs Réunis» и другие материалы за 1934–1967 гг.

В опись 2 — «Юлия Александровна Кутырина (жена И.И. Новгород-Северского). Материалы к биографии И.И. Новгород-Северского» — вошла 31 единица хранения за 1930-е — 1970 гг. Документы систематизированы по тематическим разделам.

В первый раздел — «Рукописи Ю.А. Кутыриной» (ед. хр. 1–8) — вошли: автограф статьи Ю.А. Кутыриной «Обращение к Русской Эмиграции (Общество друзей и почитателей И.С. Шмелева)», опубликованной в газете «Русская мысль» (Париж, 1957), очерки и эссе о творчестве И.И. Новгород-Северского (конец 1950-х — 1960-е гг.), материалы к биографии, некролог о смерти поэта и др.

Второй раздел — «Письма Ю.А. Кутыриной» (ед. хр. 9) — составил черновик письма Юлии Александровны к Наталье Борисовне Тарасовой (главному редактору журнала «Грани», Германия). Письмо второй половины 1950-х гг.

В третий раздел — «Письма, адресованные Ю.А. Кутыриной» (ед. хр. 10–17) — вошли 15 писем. Среди адресантов: Филипп Мосли (Mosely; Колумбийский университет в Нью-Йорке, 1953), Общество охранения русских культурных

¹⁷ См.: Архив ДРЗ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 23.

ценностей, С.К. Маковский, Пьер Луи Флуке (Flouquet; бельгийский поэт, художник-абстракционист, издатель), И.И. Башкирцев.

В четвертый раздел — «*Материалы творческой деятельности Ю.А. Кутыриной*» (ед. хр. 18–29) — вошли сценарии передач «*Legendes de tous les mondes*» и др., подготовленных и проведенных Ю.А. Кутыриной на Французском радио.

В заключение приношу искреннюю благодарность Е.В. Кривцовой и Т.В. Марченко за приглашение принять участие в круглом столе «*Архив И.С. Шмелева. Перспективы изучения и издания*», состоявшемся 19 марта 2019 г. в ДРЗ им. А. Солженицына. Прочитанный на заседании круглого стола доклад лег в основу данной статьи. Также выражаю сердечную благодарность М.А. Котенко, Е.Ю. Дорман, Е.В. Бронниковой и О.Н. Патоке за неоценимую помощь и поддержку в работе с архивными фондами.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Жантийом-Кутырин 2004 — *Жантийом-Кутырин И.А.* Иван Иванович Новгород-Северский — поэт Ледяной пустыни // Русское Зарубежье: история и современность. Вестник. 2004. № 1. С. 67–76.

Кутырина 1970 — *Кутырина Ю.А.* Ив. Новгород-Северский и его поэзия // Новгород-Северский И.И. Христос у моря Галилейского — видение Петра: первый посмертный сборник рассказов. Париж, 1970. С. 106–126.

Новгород-Северский 1968 — *Новгород-Северский И.И.* Северное послание. Париж, 1968. 224, [14] с.

Новгород-Северский 1973 — *Новгород-Северский И.И.* Моя Сибирь: сказы, очерки, стихи: (посмертное издание). Париж, 1973. 305, [7] с.

АРХИВНОЕ

П.Е. Ковалевский

ДНЕВНИКИ

(январь–февраль 1924)

*Публикация, вступительная статья
и комментарии Н.В. Ликвинцевой*

Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) известен прежде всего как церковно-общественный деятель и историк, автор первого серьезного труда по историографии русского зарубежья — книги «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» [Ковалевский 1971]. Между тем сам Ковалевский ощущал себя не просто историком зарубежной России, но и ее летописцем: с ранней юности и до глубокой старости он старается каждый день вести дневник и фиксировать в нем историческую канву собственной жизни, акцентируя внимание не столько на личной истории, сколько на приметах времени и эпохи. К сожалению, на сегодняшний день издана лишь ничтожно малая часть этого объемного наследия, всего две книги: том ранних дневников 1918–1922 гг., подготовленный Н.П. Копаневой [Ковалевский 2001], и сборник отрывков из дневников 1930–1940-х гг., соответствующих церковно-исторической тематике, составленный Н.Г. Россом [Ковалевский 2014].

Эмигрирует семья Ковалевских уже в январе 1920 г. Семья — это пять человек: родители и трое сыновей, из которых Петр — старший. Отец, Евграф Петрович Ковалевский (1865–1941), из старинного дворянского рода Ковалевских, общественный и церковный деятель, выпускник Московского университета, член III и IV Государственной думы, служил в Министерстве просвещения, именно он — автор законопроекта о всеобщем школьном образовании в Российской империи; участник Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг., на котором разрабатывал проекты церковного управления и приходского устава. Уже в эмиграции Евграф Петрович — член приходского совета Свято-Александро-Невского собора в Париже и товарищ председателя правления Русской академической группы. Его жена, Инна Владимировна Ковалевская (урожд. Стрекалова; 1877–1961), опытный педагог. В Париже она заведовала русским отделением при лицее Фенелон, преподавала в русской школе в Нанси и в русской гимназии в Булони. Помимо профессиональной деятельности, Инна Владимировна щедро растрачивала свой талант педагога и в собственной семье, занимаясь воспитанием сыновей. Средний из них — Максим Евграфович Ковалевский (1903–1988), математик, духовный композитор, регент, он гармонизировал литургические тексты на французском языке и

возглавлял Русское музыкальное общество во Франции. Младший — Евграф Евграфович Ковалевский (1905–1970; домашнее прозвище Графчик), иконописец и религиозный деятель, один из основателей Фотиевского братства и создатель Французского православного института Св. Дионисия в Париже, пламенный сторонник «западного православия», стал впоследствии епископом Иоанном Сен-Денийским и создателем «Французской кафеолической православной церкви». Вся семья глубоко религиозна: на всех этапах своих беженских скитаний мальчики первым делом приходят в православный храм и начинают там прислуживать — петь и читать на клиресе; дома обустраивают часовню и служат мирянским чином утрени и вечерни. Историю русской православной церкви в зарубежье сейчас уже сложно представить без вклада братьев Ковалевских.

Петр Ковалевский с 1921 г. был иподьяконом в соборе Александра Невского в Париже, где заведовал штатом прислуживающих, в 1936 г. он объединил их всех в Братство церковнослужителей им. св. Александра Невского. В Париже окончил историко-филологический факультет Сорбонны, после чего долгие годы преподавал русский язык, литературу, историю и географию в лицее Мишле и латынь в Свято-Сергиевском православном богословском институте. Педагогическую работу сочетал со своим служением в соборе, с огромным количеством комитетов и кружков, в которых он принимал активное участие, с экуменической деятельностью, публицистикой и трудом историка, с огромным ворохом ежедневных дел и встреч. И все эти столь разнородные занятия собираются в одно целое в его дневнике и становятся лишь поводом для свидетельского рассказа о своем времени: о встреченных на жизненном пути удивительных людях, о реалиях эмигрантского быта, о церковной, культурной и общественной жизни русского зарубежья.

Мы публикуем дневниковые записи П.Е. Ковалевского начала 1924 г. Автор ведет хронологию по старому стилю (для него это один из способов сохранения верности добольшевистской России), а дату по новому стилю просто ставит рядом. Поэтому и дневник 1924 г. начинается со старого Нового года, с записи 1/14 января, открывающей этот новый, только теперь по-настоящему наступивший 1924 г., «Пятый в изгнании и, Бог даст, последний». Последняя запись из публикуемого материала относится к 17 февраля / 1 марта 1924 г. — полтора месяца напряженной, наполненной событиями и раздумьями жизни. Этот период связан в первую очередь с самоорганизацией Русского студенческого христианского движения, с его ростом и осознанием собственных задач и целей, с поиском форм самоуправления и работы. Уже остался в прошлом первый учредительный съезд РСХД за рубежом, состоявшийся в 1923 г. в Пшерове (Чехословакия), на котором Движение, сохранив связь со своими дореволюционными истоками и открытость к общению с представителями других конфессий, сделало выбор и стало православным, церковным движением христианской молодежи, преимущественно мирян. Но уже после этого съезда, вошедшего в исто-

рию РСХД как «пшеровская Пятидесятница», с его вдохновением, духовным подъемом и чувством удивительного единения всех участников вокруг евхаристической чаши, нужно было искать и выработать «будничные» формы существования Движения, его структуру, задачи, организовывать новые кружки на местах и координировать деятельность разных кружков, вести диалог с теми, кто продолжал отстаивать интерконфессиональность, продумывать организующие принципы и идеи. В этой работе активно участвует Петр Ковалевский, который входит в организационное ядро парижского кружка и становится делегатом съезда Бюро РСХД, состоявшегося в феврале 1924 г. в Праге. Поездка в Прагу (первая «зарубежная» поездка П. Ковалевского из эмигрантской Франции) и образует центральный «сюжет» публикуемых дневниковых записей: подготовка и повседневная жизнь в преддверии поездки, дорожные впечатления и встречи (среди которых особенно выделяется портрет митрополита Сергия (Королева)), возвращение домой с рассказами о поездке и выводами о том, как дальше налаживать работу Движения в Париже. В.В. Зеньковский в своих воспоминаниях об этом периоде называет имя Петра Ковалевского среди тех «исповедников Православия», «ярких людей», кто положил «твердое и незыблемое основание для “православного” Движения в Париже» [Зеньковский 2014, с. 64].

Текст публикуется по авторизованной машинописи из архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, из фонда 69 «Семейный фонд Ковалевских», переданного в ДРЗ в 2004 г. в составе архива Общества охранения русских культурных ценностей Национальным архивом Франции и включающего в себя авторизованную машинопись текстов дневников за период 1918–1938 гг. (Архив ДРЗ, ф. 69, оп. 1, д. 11, л. 1–35). Все иностранные слова вписаны автором в текст машинописи от руки. Авторские исправления текста, как и переводы иностранных слов, указываются в постраничных сносках. Текст публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации при максимально возможном сохранении особенностей авторского стиля, сокращенные слова раскрываются в угловых скобках.

Наиболее полное архивное собрание дневников П.Е. Ковалевского хранится в католическом монастыре восточного обряда Воздвижения Креста Господня в Шеветонь (Бельгия), этому монастырю Петр Евграфович Ковалевский передал все права на публикацию своих дневников. Мы приносим искреннюю благодарность настоятелю и братии Шеветоньского монастыря за любезно предоставленное разрешение на данную публикацию.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Зеньковский 2014 — *Зеньковский В.В. Из моей жизни. Воспоминания.* М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Книжница, 2014.

Ковалевский 1971 — *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des cinq Continents, 1971.

Ковалевский 2001 — *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001.

Ковалевский 2014 — Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014.

1924. Пятый в изгнании и, Бог даст, последний.

Понедельник, 1-ое января 1924 года.

Приехали поздно домой, отец спал, но его разбудили, выпили шипучки и угостились пирогами и сладостями. Легли в 3 часа ночи, а утром встали рано, так как нужно было спешить к службе. Я успел на поезд, Максим доехал до Монпарнаса, а Евграф опоздал. Служба, несмотря на малое количество прислуживающих, прошла очень хорошо. После молебна поздравляли владыку¹ с Новым годом. Третьего дня приехали Тепловы² «с малыми деньгами в кармане и с большими надеждами на будущее», но пока висят на родных и знакомых. Отец Георгий заболел (вероятно, дипломатически), и к вел<икому> кн<язю> Ник<олаю> Ник<олевичу> поехал отец Николай³. На Веру Вас<ильевну>⁴ поступило заявление о. Николая, что она вмешивается не в свои дела, входящие исключительно в круг ведения епархиальный и настоятельский. По этому поводу она морально разбита и уходит отовсюду, но мать наставила ее энергично на правый путь и разубедила в решении, уверив, что не против нее ведутся интриги. На бирже — сумасшествие, фунт и доллар поднялись на 10 %: фунт — с 90 на 98, а доллар — с 20 на 23 без причины, и французские власти, вместо того, чтобы хватать за корень зла интернациональную спекуляцию, обрушились на русских и выслали 15 человек ни в чем не повинных людей, в том числе А.А. Стаховича⁵, который ничего противозаконного не делал. Бедная семья, что она будет делать! Обедали с Гришей и Ксаной. Елиз<авета> Евг<еньевна> явилась в 2¼, назначив свидание детям в 1 час дня в ресторане! Был у Николая Карловича Кульмана⁶, чтобы навестить его и поздравить с Новым годом. Ему лучше, но он потерял массу крови при вырезании полипа. Бунина рассказывала о вечере в Лютении⁷, на котором кто-то разворовал куклы с прилавков (наверное, прислуга гостиницы). К 5 часам пошел к Гавриилу Константиновичу⁸; угощали меня чаем и пирогом; у них были Роппы и Трахтенберг, принесший массу прощений⁹. Запутывают их в свои сети. Гавриил Константинович, как всегда, страшно мил и любезен, очень был благодарен за поздравление и альбом и за посещение. Максим сидел целый день у Муравьевых. Всеволод пишет, что Коля Оболенский собирается постригаться в монашество. С таким настроением несладко ему в St Syr¹⁰.

С чем встречает новый год, что будет, Бог знает, уповаем на его святую и милостивую волю. Аминь!

Вторник, 2/15 января.

Солнечный чудный день. Отправили иконостас. Работая весь день над сочинением и продвинул сильно дело. Дома никого не было, и я работаю спокойно.

К вечеру пришли Евграф и Миша, но вскоре ушли на лекцию Клименко¹¹, после того как я приготовил им ужин. Реакция на бирже, драконовские меры правительства, успокоено общественное мнение. Клименко нес чепуху, но ереси никакой не сказал. Против его утверждений о богоносной русской интеллигенции выступали и Карташев¹² и Никаноров¹³, которые сразу же его опровергли.

Среда, 3/16 января.

Утром ездил в церковь, прислуживал за всех, на обедне и акафисте. Владыка уезжает завтра вечером. Днем писал сочинение.

Собрание молодых церковных работников у А.В. Карташева.

Вечеру же наставшу, бысть собрание превелико у аввы Антония (Карташева). Ту собрался все множество мудро мыслящих человек, яко сливки духовного юношества¹⁴. Беша ту: Зандер¹⁵ и Липеровский¹⁶ из Праги, кн<язь> Трубецкой из Вены¹⁷, Ланге, иже написа книгу о гонениях на церковь Божию и о святейшем Патриархе¹⁸, Лаврова¹⁹, Мироглия²⁰, перешедший в православие француз, M-elle Brunel²¹, Калашниковы²², М.П. Шатько²³ и наш столп православия, сам Ант<он> Влад<имирович>, и Никаноров. Было очень интересно, особенно смотреть со стороны. Здесь были все самые видные представители и деятели православного и христианского студенчества и — как мало истинно церковных^{1*}. Старики, да и из молодежи все половинчатые. Каждым словом, каждой фразой выказывалась эта половинчатость^{2*}. Не могли говорить о мистических вопросах совершенно уверенно, не опасаясь остатков материализма, ведь те же Лаврова и Зандер, хотя последнего я мало знаю, не таковы, что с ними можно говорить о чудесах, об обновлении икон, возжжении свечей, как таковых. Нет людей, которые не старались бы сейчас же разумно или логически объяснить непонятное явление. Кругом смотришь и, кроме аввы Алексия и аввы Всеволода, не видив в русской молодежи на всю Европу^{3*} церковников. Наши парижские церковнослужители, глубоко православные и знают службу, но все на этом и кончается, а так строить церковную жизнь нельзя. Теперь нам важна обрядовая сторона, нужно средневековье, но нужно, конечно, и православное богословие, а не философия. Антон Владимирович — великий духовный центр, и если бы не политика, которая его буквально убивает, он бы играл еще бóльшую роль у русских изгнанников.

Четверг, 4/17 января.

Были на лекции Николая Карловича, аудитория сильно уменьшилась. Был у Крыловых и занимался еллинской премудростью с Аней. Вечером был сперва на заседании правления Русского национального студенческого союза²⁴, где решали много важных дел, а потом на собрании Кружка христианской молодежи. Гово-

^{1*} *Вместо:* церковных — *было:* православных, да их просто нет.

^{2*} *После:* эта половинчатость. — *было:* Верно, многие православные, но не церковники, а последних так мало.

^{3*} *После:* на всю Европу — *было:* в русской молодежи.

рили Зандер и Липеровский — оба искренне и хорошо. Решили в воскресенье устроить поездку в Chaville^{4*}. Уехал владыка Митрополит.

Пятница, 5/18 января.

Утром был на вечерне, часах и обедне. Служили часы отец Иаков, а обедню о. Иаков и о. Георгий. Несмотря на длинейшую службу, кончилось все в 12 часов. Многие были обижены, так как пришли после работы в церковь. Провожали Евграф на Gare St Lazare^{5*}, он едет вместе с Марией Евгеньевной, вещей у них тьма, так что втроем только с трудом притащили. Мы с Максимом ездили покупать ботинки, а потом едва успели вернуться в церковь. Всенощная была очень торжественна, но чувствовалось отсутствие Митрополита. Служили о. Иаков²⁵, о. Георгий, о. арх<имандрит> Амфилохий²⁶, о. Николай, о. Александр, о. протодьякон, мы двое и Сергей Третьяков²⁷. Дома зажигали елку. Сопровождаю все эти дни арх<имандрита> Амфилохия по Парижу. Были с ним в префектуре и осматривали город.

Суббота, 6/19 января. КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ.

Протодьякон и Фирсов²⁸ заболели, часы читал я, так же как паремию на водосвящении, а остальные — Рябинин. Служили 4 священника, говорили по очереди ектеньи. Народа, как и вчера, было масса. Кормили обедом голодающих Тепловых, у которых Миша умудрился взять 30 фр<анков>. Это уже настоящая мания. Открылся à la ville de Petrograd²⁹, против церкви, с Богом за дело! Съездил домой, но, вообразивши, что уже 5 часов, примчался как ошалелый обратно и не знал, куда деваться. На всенощной из церковнослужителей, кроме Сергея, никого.

Воскресенье, 7/20 января.

Получил письмо от Гоги Римского-Корсакова³⁰. Он все занимается четвертями тона, пишет стихи, пародии на пародии Андрея Белого. Артур Александрович Брок³¹ два года пишет нам письмо — и все не может послать. Приспосабливаются они как-то к Советам, прямо горе! Ко всему человек привыкает, даже когда не надо. Утром после литургии, которую служил о. Архимандрит, о. Николай и о. Александр, вся христианская молодежь собралась на вокзале Champs de Mars^{6*} и, после длинных разговоров и споров о месте прогулки, отправились в Chaville, вышли на вокзале, и сейчас же оказалось, что никто не знает окрестных дорог и некому нас вести. Пошли наугад и через добрый час, на 3 версте пути, по указаниям разных людей, набрали на «раус^{7*}», где оказалась гостиничка, способная уместить нас всех. Очень приличная светлая комната, занятая большим столом, постланным скатертью и вазами роз, которые почему-то поспешно убрали, как только мы вошли. Заказали чаю и кофе. Убеждали долго хозяина дать нам à volonté^{8*}, а не по

^{4*} Шавиль (франц.).

^{5*} Вокзал Сен-Лазар (франц.).

^{6*} Марсово поле (франц.).

^{7*} Здесь: селение (франц.).

^{8*} Вволю (франц.).

чашкам. Несмотря на это, все время приходилось бегать и просить целые кувшины горячей воды. Отец Александр³² прочитал «Царю Небесный», и все сели закутить и благополучно просидели до 3½ часов, потом пошли в лес, «в retraite^{9*}», по указанию хозяина гостиницы, но не нашли ничего и остановились на мосту через ручеек, среди березового подлеска. Шел дождь, потом по временам переставал, все сняли для чего-то шляпы. Липеровский сказал слово о Праге и тамошней жизни и о единении в молитве. Отец Александр напомнил о празднике Крещения, а затем пропели за отцом Александром Акафист Воскресению. Пели втроем, Липеровский, Зандер и я, но не скажу, чтобы хорошо, но с большим чувством. Мироглио сказал по-русски несколько теплых слов о кружке и интерконфессионализме. Говорил, что это слово ему неприятно (мне оно совершенно неприемлемо). Сидели во время его речи на перилах моста, дождь прекратился, на западе показалась розовая полоса заката. Разъехались дружно, тихо и хорошо было на душе, но все же лучше было бы не устраивать поездки «под протестантскую retraite». Я заезжал к Оману³³ и просидел с ним и Николаем Карловичем, беседуя о современной литературе (нашей) во Франции. Ни Бунин, ни Бальмонт не читаются, зато, с горем нужно сказать, — «Яма» Куприна вышла уже сороковым изданием. Вот тебе и взгляд современной публики и ее интересы. Заезжал навестить бедную Ольгу Ив<ановну> Лескову³⁴, но ее уже выселили и неизвестно куда.

Понедельник, 8/21 января.

Утром ездил на лекцию Ant. Meillet³⁵, читавшего о слове «ось». Заезжал к Митрополиту и помогал Вере Васильевне убирать квартиру. Владыку, благодаря большевистским проидам, не пускают в Италию, а здание Посольства, где он должен был остановиться, Муссолини передает коммунистам. Вот так фашист. Все эти движения хороши только для борьбы, а не для международной политики. Вечером был на собрании Православного кружка, определили наше существование и решили принимать членов с опаской. Беседовали главным образом о гласах и воскресных службах.

Вторник, 9/22 января.

Весь день посвятил Лескову и написал план Введения и распределения остальных частей³⁶. Вечером был на беседе Липеровского в Посольстве. Говорил о поездке в Угорскую Русь. Пражские студенты получили приглашение от крестьян Ладомирова (Володомирова) приехать на закладку православного храма. Русские церкви в этой области существуют почти с Владимира Святого и со времен Иоанна Грозного заняты униатами и теперь закрыты, а православное население, всей массой покинувшее унию, не имеет ни церквей, ни школ, а должно содержать униатских ксендзов, которые хотя из своих же угро-русов, но, благодаря образованию, сильно окатоличиваются, имеют поместья «фары» и с евреями обладают почти всей землей, так что православные, из-за отсутствия работы у священников, работают на оброке и обязаны владельцу-еврею, который выплачивает аренду. Православных сажают в тюрьмы и всячески преследуют. Вызывает архимандрит Ви-

^{9*} Здесь: укрытие (*франц.*); также «выездной семинар, посвященный духовной практике».

талий — русский, исключительно энергичный человек, подвижник, работающий 20 часов в сутки, привезший типографию из Америки и печатающий сам листки, книжки, молитвенники³⁷. Его там сильно преследуют. Помогает один местный русский крестьянин Лазо³⁸, избранный в Чешский Сенат по списку социал-демократов, искренно православный и русский. Все культурное население вырезано поголовно в течение веков. Осталось одно крестьянство. Духовенство состоит из русских офицеров, участников войны, поставленных в последнее время. Чехи не впускают ни одно духовное лицо в Угорскую Русь из-за границы, и приходится посвящать новых из тех нескольких студентов, которые по происхождению угороруссы. Встречали всюду владыку Вениамина³⁹ великолепно, говоря: «наконец мы дождались увидеть русского нашего архиерея». Люди сбегались за десятки верст. Особенно в одну ночь в Карпатах, когда еп<ископ> Вениамин прибыл в глухую деревню униатов и захотел служить. Нет храма. Повели их за пять верст в горы, в разбитый снарядами храм, и там началась служба. Откуда-то взялся колокол, и, несмотря на дождь и полную темноту, в 20–40 минут набралось несколько тысяч крестьян, в народных платьях, в белых свитках, а женщины в цветных сарафанах. Все становились в грязи на колени, ибо ждали 300 лет русской службы. Тогда местные униаты стали их уговаривать не идти на службу, потому что-де они и Матерь Божию не чтут. Это дошло до владыки, который сказал, что будет петь акафист. Весь народ не знал, как петь, помогли студенты. Потом народ, который очень музыкален, сам подхватил, и уже в конце акафиста пело около 3 тысяч человек. Всюду, куда ни приезжали служить, нужно было петь, кроме церковного, и все русское, и все жители собирались слушать. Насколько велики люди, там работающие, как, например, игумен, совсем молодой человек, который болен чахоткой. С ним во время ночного богослужения сделался припадок и хлынула кровь горлом. Но едва его Лев Александрович усадил на камень, как на него нашло вдохновение говорить проповедь, а еп<ископ> Вениамин говорит: «запретить ему я не могу, может быть, ему умереть скоро придется, пусть благовествует». Он проповедовал, и ему стало лучше. Еще раньше в Ладомирове (Владимирове) еп<ископ> подивился на одного старика, который управлял хором из 3000 человек; откуда он имеет такие познания? «Да он американец», — ответили ему, а сам старик добавил: «у самого Святейшего учился, и из Америки вывез знание, а теперь моих ему поучаю». Язык у них чистый, благозвучный, лишен всех современных варваризмов, как будто это люди времен Иоанна Грозного, а общения не имели ни с кем с 12-го века. В одной избушке зашла речь о святых местах; еп<ископ> Вениамин рассказывал об Иерусалиме; протискивается старушка и хочет что-то сказать. «Что же, ты тоже была в святых местах?» — «Да, батюшка, была, Господь сподобил, в Тыеве была и всем святыням поклонилась; во время войны пешком в Тыев ходила, там русские настоящие, не то что у нас, там наши святые места». — Слава Тебе, Господи! Хранится Русь в горах. — Чудно, что русские студенты, которые насаждали атеизм и нигилизм, теперь проповедуют православие!

У нас вечером были Павловы, пили чай, ужинали и беседовали с ними до 10 часов. С ними пришел и Миша Гончаров⁴⁰, зажигали для них елку. Вечером в газетах появились сведения о смерти Ленина.

Среда, 10/23 января.

Ходил к Гронским⁴¹ и Вишневской и условился начать уроки немецкого языка. Провожал отца на вокзале и усадил его в поезд. Умер русский большевизм, его больше нет, остался иноверческий коммунизм. Смерть Ленина — первостепенное событие. Теперь нельзя говорить, что большевизм — русское явление, его уже нет, и со смертью воплоителя сатанинского учения руки у русских людей развязаны. Вперед, против иностранцев!

Четверг, 11/24 января.

Одновременно со смертью большевизма в России зародился он в Англии. Бедный Георг Английский⁴², он роковым образом идет по пути Государя. Англичане слепы ужасно и играют с огнем и смертью. Но уже поздно: социалисты не уйдут, если их даже связать, и много зла принесут стране. Англия, старая, традиционная пуританская страна, гибнет! И случилось это в день смерти великой своей традиционностью королевы Виктории. Русское же событие совпало с 9 января, провокационной революционной вспышкой, когда революционеры, чтобы пролить кровь и вызвать возмущение, повели народ, ничего не знавший, на Зимний дворец, зная, что его там ожидает. Сидел часа два у Крыловых, но из-за рассказов и бесед, а не из-за урока. Вечером у нас вновь был Миша Гончаров.

Пятница, 12/25 января.

Ездил после обеда к Шебуниным, на лекцию Кульмана, а вечером был на соединенном заседании студентов-техников и Нац<ионального> Студенческого союза, у бар<она> Кистера⁴³; решали разные дела.

Суббота, 13/26 января.

Карташев читал о деятельности митрополита Киприана⁴⁴, о борьбе за митрополию между Россией и Литвой, которая была не на жизнь, а на смерть. Мало у нас обращают внимание на то, что еще в XV веке соперничество Литвы, как русского государства, было опасно для Москвы, не будь сочувствия греков и стремления митрополитов на север, в Московскую Русь. Вечером беседа в кружке была очень удачна. Зандер и Липеровский не только церковники, но читают ежедневную молитву. Вот если бы это распространилось и на парижскую христианскую молодежь!

Воскресенье, 14/27 января. Отдание Крещения Господня.

Запоздали немного на службу из-за пожара задней Navette^{10*}. Наверху служили о. Иаков, о. Архимандрит и о. Александр. Служили и наверху и внизу панихиду по Мих<аилу> Влад<имировичу> Родзянко, который умер в Сербии⁴⁵. Царство ему Небесное! Много на него вылили незаслуженной грязи. Он был большим патриотом, крепко и беззаветно любивший Россию, но слишком властолюбивым. Роль его в революции очень велика. Я и Евграф были в Лувре, а потом мы были на заседании Vigilante у кн<ягини> Палей⁴⁶: Ирина Павловна, принцесса Елизавета⁴⁷, графинюшка

^{10*} Челнок (*франц.*); здесь: вагон пригородной электрички.

Лейс (de Laiss) и Максим читали доклады об Индии и индийской религии и отрывки из Рабиндраната Тагора⁴⁸. Мать и Евграф ходили поздравлять вечером с именинами двух Нин, а Максим и я сидели дома. Мать читает нам «Девятый вал» Данилевского⁴⁹.

Понедельник, 15/28 января.

Ant. Meillet разбирает слово *jugum*, иго.

Купил чудную книгу: История России, нумерованный экземпляр на японской бумаге, и сказки Вагнера⁵⁰. Мать перечитывала нам вечером «Папа пряник». Был Миша Гончаров; дела его плохи. Вел<икий> кн<язь> Андрей Владимирович⁵¹ отказался дать денег ввиду окончательной его ссоры с братом. Отец пишет, что Суковкины⁵² «по всегдашней своей беспечности не от мира сего, не приготовили ему комнату, как обещали, а только “отвели”» (?). Так что он спал в леднике. В воскресенье ожидалось сцены в Приходском совете и чуть ли не рукопашная.

Вторник, 16/29 января. Поклонение веригам св. Апостола Петра.

Первый немецкий урок у Вишневых. Утром занимался Лесковым. Ездил в Париж. Вечером наши были на лекции о. Георгия Спасского, который читал Достоевского, Толстого, Гоголя и пересказывал «Дары» Чехова.

Среда, 17/30 января.

Утром поехал в церковь. Служили Архимандрит, о. Георгий и о. Николай. Начали так рано, что мы спели только к Херувимской. На акафисте вышел и о. Александр. Обедали вместе с Тепловыми. Гришу приняли прямо в седьмой класс, но он тяготится и хочет в четвертый. Пришедши в церковь вторично, столкнулся с архим<андритом> Амфилохием, с которым поехал в префектуру, выхлопывать карту для проживания^{11*}. После бесконечных процедур удалось достать ему *récépissé*^{12*}. Оттуда мы поехали в Grand Hôtel к Колоссовским, оказавшимся нашими хорошими знакомыми. Никогда я не видел такой гостиницы по размерам, они живут в «*quartier opera*^{13*}» № 664, и шли мы к ним с ¼ часа. У нас был Миша и сидел весь вечер.

Четверг, 18/31 января.

Был в Консульстве для *Certificat de Nationalité*^{14*}, у Кульмана на лекции, в библиотеке, всюду знакомые, останавливают, разговоры и справки. Был у Крыловых, кормили, сверх чая, ужином. Они удивительно милы, симпатичны. Вечером было собрание правления Нац<ионального> студ<енческого> союза. Юкшинского⁵³ не было, но был Струве⁵⁴, говорил о подписке на книгу Валентинова о гонениях на церковь от сатанинской власти. Отец пишет, что все заседания на Côte d'Azur^{15*} кончились, слава Богу, благополучно.

^{11*} От франц. *carte d'identité* — удостоверение личности.

^{12*} Квитанция о приеме документов (*франц.*).

^{13*} Квартале оперы (*франц.*).

^{14*} Свидетельство о гражданстве (*франц.*).

^{15*} Лазурном берегу (*франц.*).

Пятница, 19 января / 1 февраля.

Вчера умер брат французского короля, герцог Монпансье, принц Фердинанд Бурбон-Орлеанский, совершенно молодой человек⁵⁵. Царство ему Небесное! Второй урок у Вишневских. Ученица ждала меня с нетерпением. Получил бумаги в Консульстве. От отца нет известий, беспокоимся. Кульман читал о русском обществе в Александровскую эпоху, очень живописно и хорошо. Был у Л.С. Богдановича в общежитии⁵⁶ на rue Lecourbe^{16*}: 7 человек в одной комнате (между прочим, Воронович⁵⁷). Молодчина этот Богданович: и занимается, и работает на месте, и держит экзамен на шопера, и посвящает много времени обездоленному студенчеству через наш Союз.

Суббота, 20 января / 2 февраля.

Карташев читал о митр<ополите> Фотии, Исидоре и Флорентийском соборе, об Марке Исповеднике Эфесском и о деле Исидора, в котором вел<икий> кн<язь> оказался великим защитником православия⁵⁸. Ждали все после обеда отца и ездили на Gare de Lyon^{17*}, но поезд опоздал на 4 часа. Сегодня именины матери, за обедом был именинный пирог и тосты, но без отца. Вечером служили молебен, весь хор пожелал безвозмездно петь под водительством Мих<аила> Мих<айловича>⁵⁹. Вечером я был на заседании Православного кружка, все прекрасно, но бесполезно для меня. Отец Александр рассказывает и не дает другим глаголати, а мне хочется высказаться, ибо получать сведения я не могу, а наоборот, все время есть желание дополнить, только чтобы не огорчить о. Александра слишком сильным фонтаном специально-практического знания. Очень подружился с Львом Александровичем Зандером.

Воскресенье, 21 января / 3 февраля.

Рождение Максима и 23 года свадьбы отца и матери.

Обедню служили 4 священника: о. Александр, о. Георгий, о. Николай и о. Архимандрит. Я в первый раз за три года простоял всю литургию в церкви и спокойно следил за службой и мог молиться, хотя не более удобно, чем в пономарке. Так, например, когда на великом входе я сказал: «Священство Твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем», все оглянулись, а на земной поклон соседи смотрели с подозрением... После литургии Лев Александрович снял нас троих: меня, Валентину Александровну Калашникову и Милицу Лаврову на rue Sourcelles^{18*}. К чаю у нас было весьма большое сборище молодежи. Были: Ирина⁶⁰ и Сережа Третьяковы, Саша Наумов, Леля Ушакова, Миша Гончаров, Кирилл Кривошеин⁶¹, три Льва, Тоня Дурасова, Людмила Бернарди и Коля Раппопорт⁶², Гриша и Ксана Тепловы и их двоюродная сестра, Сережа Игнатович, а из взрослых — ген<ерал> Тарановский⁶³. У меня была отчаянная зубная невралгическая боль. В этот раз удалось устроить игры, а потом говорили, шумели и тринкали на рояли так, что все веселье уехали в 7 часов, кроме 3-х Тепловых, оставшихся у нас ужинать и просидевших до 10 час<ов>. Вечером к нам приходили Ник<олай> Всево<олодович>

^{16*} Улица Лекурб (франц.).

^{17*} Лионский вокзал (франц.).

^{18*} Улице Курсель (франц.).

Дмитриев⁶⁴ и О.М. Одинец⁶⁵ советоваться об устройстве экзаменов в Нар<одном> университете. Отец рассказывал, что владыку встречали в Ницце великолепно, только вместо отдыха были сплошные судбища или приемы. Отец Николай организовал приходское собрание блестяще, на 50 протестующих было выставлено 70 контр-протестантов, собранных Крупенским⁶⁶ и Бурениным⁶⁷. Митрополит ездил в Сан-Ремо, причем поездку устроил вице-консул из Канн, тогда как все кричали, что это невозможно. Видел Бесси⁶⁸, который очень без нас скучает. Сестрички все еще не сдали виллы. Суковкины — в облаках: ничего не приготовили для отца. Мих<аил> Ак<инфиевич> мешал все время делу и самому себе.

Понедельник, 22 января / 4 февраля.

Рождение матери. Утром был у проф<ессора> Meillet и в префектуре, справиться о паспорте, а после обеда заезжал к Оману, который сильно болен и у которого случился как-то семейный траур. Умер Вильсон. Он был идеалистом, но злым гением для Европы, его неправильные идеи основанные якобы на Евангелии, причина гибели мира. Он не понимал и не знал европейских дел, но хотел распоряжаться в Европе, и мы видим, к каким ужасным результатам привели его пресловутые 17 пунктов и Версальское безмие⁶⁹.

Вечером был у Володи Жукова, говорил с ним о разных делах, касающихся молодежи, и, между прочим, о князе Ширинском⁷⁰ и Михаиле Эндене⁷¹. Один из них — инициатор и идеолог, но рациональный, а другой — добросовестный исполнитель, увлекающийся и религиозно мыслящий человек. Для рационалиста Жукова, конечно, Ширинский крупнее Эндена, но я думаю наоборот, хотя у последнего нет инициативных возможностей. Был у Белосельского и старались вдвоем распутать счета Нац<ионального> студ<енческого союза>, которые запутаны донельзя Юкшинским.

Вторник, 23 января / 5 февраля.

Утром ездил в Версаль, в префектуру, и мне обещали в тот же день паспорт, так как мне трудно приезжать вновь, пошлют его почтой. Вечером был на докладе Зандера о Достоевском. Лев Александрович молодец! Он так ясно, просто и ярко очертил философскую теорию Братьев Карамазовых, что она, как живая, стоит перед глазами, три России: допетровская — Иван, после Петра — Димитрий и будущая Россия — Алеша.

Среда, 24 января / 6 февраля. Св. Ксении мученицы.

Mazon читал первую лекцию в College de France⁷², но я, к сожалению, на нее не попал; народу, говорят, было очень много. Провожал Льва Александровича с Калашниковой на Gare de l'Est^{19*}. На метро нас ругали за иностранный разговор и прошлись вообще о законе об иностранцах. Забегал на Rue Jean de Beauvais^{20*} для переговоров о поездке. Мать вечером читала Карамазовых.

^{19*} Восточный вокзал (франц.).

^{20*} Улицу Жана де Бове (франц.).

Четверг, 25 января / 7 февраля. Св. Григория Богослова.

Кульман не очень восхищен (как хитрый финский житель) моей поездкой в Прагу. Был у Крыловых и говорили больше об археологических раскопках и клинописи, а также о том, почему греки перевернули финикийские буквы, нежели о греческом языке. Вчера праздновали именины Kesota и пили у них шоколад. Вечером было заседание правления Союза, а потом длинная тактическая беседа у меня с Мих<аилом> Ник<олаевичем> Энденом. Тих<он> Алекс<андрович>⁷³ все мутит, и уже отца Георгия назначают третьим священником; Огородникова⁷⁴ — регентом, а отцу Александру запрещают служить в особой церкви.

Пятница, 26 января / 8 февраля. Св. Ксенофонта и Марии и их чад Иоанна и Ариадны.

Слабо подвигается работа, все отвлекают поездки. Кульман читал очень живо о Зеленой лампе, обществе <...> на манер тех <...>^{21*}, в которых участвовал Пушкин.

Суббота, 27 января / 9 февраля. Св. Иоанна Златоуста.

Антон Владимирович дает мне рекомендации в Прагу. Удастся ли мне их использовать. Лекция была посвящена борьбе канонического чувства и национального у русских после Флорентийской унии и во время поставления митрополита Ионы⁷⁵ и о всяческом нежелании нарушать каноны и связь с Константинополем. — На всенощной читал все, кроме кафизм⁷⁶. — Завтра Парастас⁷⁷ по Ф.М. Достоевском, мысль, выдвинутая Зандером для воспоминания о нашем великом религиозном мыслителе. Неподражаемо милый Ник<олай> Дм<итриевич> дал прочесть диалог Карсавина⁷⁸, который и разбирали почти весь вечер.

Воскресенье, 28 января / 10 февраля.

Утром был на литургии. Служил Митрополит. В половине третьего были у кн<ягини> Палей: Ирина Павл<овна> и Наташа встретили нас необычайно восторженно, но, узнав, что мы ничего не читаем, огорчились. Из-за приема наше собрание сократилось. Помогал писать адреса Валентинову. Вечером заупокойная всенощная^{22*} по Достоевском, год смерти которого падает на 28 января. Служил отец Александр Калашников и пел хор Изразцова, очень хорошо. Все отправились после всенощной на Jean de Beauvais, где было собрание христианского кружка. Выступали по поводу притчи о плевелах сельных⁷⁹ Морозов⁸⁰, Валентинов, Н.Д. Соковнин⁸¹ и другие. Опять подняли беспокойный вопрос о добре и зле и о предопределении по этой притче, кто суть сыны неприязни и есть ли люди, предопределенные к спасению или посеянные от сатаны.

Понедельник, 29 января / 11 февраля.

Утром доставал чехословацкую визу, а сперва был у Meillet. Все после обеда ездил по Парижу. Сперва был в немецком посольстве. Консул до неприятности

^{21*} Пропуски слов в машинописи.

^{22*} Вместо: заупокойная всенощная — было: служили студенты заупокойную всенощную.

любезен с французами. Был у Кульмана, который дал мне указания для Праги и советовал познакомиться с его сыном Владимиром, филологом⁸². Был в церкви на всенощной под 3-х Святителей, а потом на Tournefort^{23*}, где почти никто не собрался, кроме Валентинова, Эндена и меня, но все же мы обсуждали тактику дел.

Вторник, 30 января / 12 февраля. Трех Святителей Вселенских.

Был на Gare de l'Est, купил билет до Праги. Урок у Вишневских прошел благополучно. Все после обеда занимался разбором статей Скабичевского⁸³. Был Миша Гончаров. Вечером была лекция А.В. Карташева об Апостоле Павле. Говорил он 2 часа, очень интересно и тяжело для выдержки, особенно если стоишь на ногах. Мы все это уже слышали на богословских курсах. Давка была необычайная, а в закулисных комнатах Валентинов распространял свою книгу, а Graf. Ив. пропагандировал ее весь вечер. Многие сбежали до конца.

Среда, 31 января / 13 февраля. Св. Никиты, еп. Новгородского.

Утром был в Епарх<иальном> управлении, в церкви на акафисте, который служил владыка и 5 священников, и у митрополита, говорил с ним о Праге. После обеда ездил к Анциферову⁸⁴ и в Нац<иональный> комитет⁸⁵, а вечером — на собрание Православного кружка, а перед тем разбирал свалку в Тургеневской библиотеке. Умер Бор<ис> Ник<олаевич> Ратьков-Рожнов⁸⁶. Царство ему Небесное! Не выдержало сердце двух операций. Только несколько дней тому назад я приходил в Нац<иональный> комитет, и он меня встретил и спрашивал о делах.

Четверг, 1/14 февраля.

Сегодня мороз 2°, а в Праге, говорят, 20° мороза. Были на лекции Кульмана, а потом на всенощной. Служил владыка с 5 священниками: о. Иаков, о. Архимандрит, о. Георгий, о. Николай и о. Александр, два дьякона и 5 церковнослужителей. Вечером были дома и встречали праздник.

Пятница, 2/15 февраля. СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ.

Служба не очень торжественная, прислужников мало, пришлось взывать к Ник<олаю> Вас<ильевичу>. О<тец> Георгий сказал не очень удачную проповедь. Ужасная весть: А.Н. Оболенский, б<ывший> петербургский градоначальник, чтец и церковник, вчера застрелился⁸⁷. Прямо не верится, как такой чудный человек и верующий мог дерзнуть против Бога. Но семья роковая: более неудачных детей, кроме Ники, мало на свете, он бедный был всеми притесняем. Милость Господа да будет с ним. Накупили вещей из-за подъема цен у Esders'a⁸⁸. Вечером убирался и приготовился к отъезду. Отец на Приходском совете. С Богом и в путь. Господи благослови!

Суббота, 3/16 февраля.

Поездка в Прагу. Поездка в Прагу мне казалась как-то несбыточной: страшным^{24*} казалось ехать далеко, через неведомые, но столь известные мне страны.

^{23*} <Улице> Турнефор (франц.).

^{24*} Перед: страшным — было: мне.

Я ходил как будто во сне, не вполне обладая собой и чувствуя себя в руках какого-то сильного течения. Уже на вокзале в Париже сталкиваюсь с Сережей Метальниковым⁸⁹, который выкатывает глаза от удивления, когда узнает, что я уезжаю, отвечаю ему, как во сне, а самому странно кажется, что, вот, едет человек куда-то в неведомое и далекое. Французские впечатления самые отрадны. Кондуктор, заметив, что мы наняли места, но что нет ярлыков, запирает купе и открывает его перед нами, за что получает один франк. Миша, служащий мне шапероном^{25*}, сторожит багаж, а я бегу навстречу Валентинову, ибо и здесь дела, и все еще переговоры и передачи поручений. Милица Лаврова, как и полагается русским людям, появляется с родителями за 5 минут до отхода поезда. Усаживаемся в узеньком отделении, которое нам будет служить помещением на две ночи: диванчики деревянные, узкие, но столик и электричество; один вагон включает в себя все три класса. Наконец, с некоторым опозданием, обычным для Gare de l'Est, мы «уплываем» из Парижа, провожаемые тройными пожеланиями доброго пути. Сперва с Милицей Лавровой идет разговор о Праге, потом я читаю правило⁹⁰, ложимся спать до Нанси, где нас немного уплотняют. Уже утро, я подбадриваюсь и больше не сплю. Вид из окна пустынный, день холодный; в Страсбург прибываем вовремя. Сперва, после кофе, гуляет Милица Влад<имировна>, затем я решаюсь выйти в город, а она стережет вещи. Все говорят только по-немецки, начиная с проводников до гуляющих по городу. Надписи, хотя французские, не изменяют вида города, который при всем желании не может быть назван галльским. Сперва я не решался на путешествие в город, но решение пришло совсем неожиданно, когда я увидел, что осталось лишь 45 минут до отхода поезда. Я бросился на трамвай, кондуктор с усилием произнес слово *cathedrale*^{26*} и начал сейчас же говорить по-немецки. Смотрел собор, снаружи замечательный и по постройке и по отделке; он бледно-розового цвета, с одной башней. Внутри леса, нет скамеек, хорошие витро и замечательные часы с музыкой. Алтарь высокий, ступеней в 15. Впечатление производит величественно-сильное. Успел на вокзал вовремя, но поезда не оказалось: он уехал, но, к счастью, только на запасной путь и вскоре его снова подвели к платформе. До Германии ехали 10 минут, через мост. Рейн, так воспетый и славный в истории, не производит впечатления нищеты, какое оставляет Рона. Река могуча, но не быстроводна, берега отлогие. Kehl⁹¹, Германия, всех выгоняют, идем послушно в Zollamt^{27*}, в которой пропускают равнодушно, ничего не смотрят. Haben Sie chokolade und zigaretten? — Nein. — Dann können Sie gleich gehen^{28*}. Садимся вновь в поезд. Новых пассажиров пока нет, но в Appenweir'e^{29*} садятся уже, и купе полно весь день. Начинается немецкая жизнь. Садится комиссионер, предлагающий *farben-papier*^{30*}: грубые шутки, издевательства над бедной фран-

^{25*} От франц. *chaperon* — компаньонка.

^{26*} Собор (*франц.*).

^{27*} Таможню (*нем.*).

^{28*} У вас есть шоколад или сигареты? — Нет. — Тогда можете идти (*нем.*).

^{29*} Аппенвайер (*нем.*).

^{30*} Цветную бумагу (*нем.*).

цуженкой, едущей в купе, бесконечная несмолкаемая болтовня и панибратство со всеми, питье вина и ликеров из бутылок и навязывание их нам, дружелюбное и сверхпредупредительное отношение к русским, и все на фоне жгучей ненависти и презрения к *separatist'am*^{31*} и французам. Все, до женщин и старух, жаждут перерезать горло. Поезд плетется медленно, несмотря на то что он — *Schnellzug*^{32*}. Все время слышим о дороговизне продуктов, уменьшающейся теперь из-за недостатка покупателей; крестьяне принуждены, волей-неволей, сбавлять цены. Мясо-свинина стоит 50 м<a>р<ок> фунт (около 2,50 фр<анков>), а газета 25 м<a>р<ок> — 1,25 фр<анка>, шляпа 30–60 марок — 150 фр<анков>. Нигде не заметно разрушений и ослабления темпа жизни. Проехали *Baden Mee<r>* около самого *Baden-Baden'a*, *Rastaet*, *Karlsruhe*, наконец, *Stuttgart*^{33*} — города большие, красивые, с домами немецкого типа, отстоящими обязательно один от другого, даже если у них 5 этажей. Деревни небольшие, вокзалы часто стоят в поле, местность пустынная, одна бесконечная снежная даль. Около Еггера сел пассажир и ругал чехов. Я его принял за немца, но он сам оказался чехом, к немалому моему удивлению. В *Eher* (Еггер) приехали ночью, так что до него можно было выспаться, но я болтал с соседями. Таможня была фиктивная, но после нее хотели задержать на вокзале, но, благодаря моему знанию немецкого языка, мы протискались обратно в наш поезд и улеглись спать заранее. В Пильзене (*Plsen*) приносили кофе, и я взял одну порцию, вышло 3 чашки кофе, и сладкий кулич, но заплатить пришлось все же довольно дорого: шесть крон (около 4 фр<анков>). До Праги ничего не помню: когда проснулся, мы подъезжали к *Wilsónove Nádraže*^{34*}.

Воскресенье, 4/17 февраля.

Встретили на вокзале нас Лев Александрович Зандер и Лев Николаевич Липеровский, и, после некоторого приведения себя в порядок горячей водой, мы отправились в «Львиный Ров» — квартиру двух Львов. Впечатление от Праги сперва довольно скромное, город провинциальный, всюду пустыри, масса грязи, снега, нет движения. Но, проходя, замечаешь причудливые здания и массу всевозможных статуй и распятий. Готика всюду соединена с барокко, иногда в самых причудливых формах. Русская церковь, типа украинского собора времен Екатерины, очень большая и чисто католическая. Площадь, на которой она стоит, *Staroměstské Náměstí*^{35*}, полна исторических памятников: тут памятник Гусу⁹², тут ратуша с часами, с прохождением апостолов и пением петуха, место казни чешской знати австрийцами и собор с цинковыми причудливыми башнями (*Tynský chrám*^{36*}). Сейчас же после того, как мы оставили вещи дома, в 3-ий *patro* (что значит «этаж», причем первый этаж — не в счет и никак не называется, второй не

^{31*} Сепаратист (*нем.*).

^{32*} Скорый поезд (*нем.*).

^{33*} Озеро Баден, Баден-Баден, Раштатт (правильно: *Rastatt*), Карлсруэ, Штутгарт (*нем.*).

^{34*} Вокзалу на ул<ище> Уилсонова (*чеш.*).

^{35*} Староместская площадь (*чеш.*).

^{36*} Тынский храм (*чеш.*).

в счет и называется «мезонин», а с третьего начинается счет), отправились в церковь. Там уже шли часы, свечки маленькие, тоненькие; в церкви холодно, многие не могут выстоять долго. Иконостас деревянный, академической живописи <с> гирляндами ели. Когда я взошел, преосвященный Сергей⁹³ кадил сам всю церковь, так как дьякона нет, и владыка служит с одним священником из угро-руссов, так что ему приходится все делать самому. Еп<ископ> Сергей маленького роста, с длинными волосами, ходит быстро, кланяется молниеносно, воздевает руки, служит очень торжественно и истово, но выкрикивает немилосердно, петь с ним невозможно. Великого Государа поминает Отцом нашим⁹⁴, как и в России. Литургия прошла очень скоро, спели по ошибке «Достойно», а не «в Законе», а после причастия наступил тяжелый момент, повторяющийся каждое воскресенье: гуситы потащили свой престол, наши тоже начали убирать, и едва произнесли отпуст, как уже и царские двери, и престол, и все было унесено поспешно в маленькую комнатку, которую единственно мы имеем в полном нашем распоряжении. Был и архиепископ Савватий Пражский и вся Чехословакия⁹⁵, которого поминают на службе. Выглядит он соборным протоиереем рядового губернского города, голову держит на бок. Во время службы он вынимал просфоры и исповедовал людей. Я передал привет от Митрополита преосв<ященному> Сергию, который пригласил меня прийти к нему к 2 часам. Иподьяконствуют два офицера, Н.Я. Седов⁹⁶ и А.А. Петров⁹⁷, оба готовящиеся стать дьяконами. Прислуживают они истово и с необыкновенным усердием. Ризы стары и истрепаны, требуют обновления и замены. Прихожан сегодня мало, слишком рано для многих. Другие же не выдерживают стужи в храме. После обедни был кофе у моих хозяев, на который, по обыкновению, собираются все важнейшие представители колонии. Тут был Вас<илий> Вас<ильевич> Зеньковский⁹⁸, проф<ессор> философии, православно-настроенный человек, от которого так и пышет лаской и приветливостью, он — духовный центр Христианского движения, был Н.Я. Седов, просивший меня похлопотать у митрополита о стихарях, была председательница Православного кружка Юлия Ник<олаевна> Рейтлингер⁹⁹ и многие другие. Обедать мы пошли в Земгор, где хорошо и исключительно дешево кормят, хотя публика неприятная. Эсеры с Керенским и украинцы шумят так громко, что они заглушают всю русскую колонию, которая в 15 раз многочисленнее их, но не пользуется такой поддержкой от правительства, как Керенский, который получил на пропаганду около 13 мил<лионов> крон. На собрании его недавно сильно освистали. Лев Ал<ександрович> повел меня к владыке, так как я плохо еще ориентировался в Праге. Преосв<ященный> Сергей принял меня очень ласково и превзошел славу хлебосола, идущую о нем по всей вселенной. Он угощал меня усердно десятью вареньями собственного приготовления и чаем, расспрашивал о Париже, суетился, бегал из комнаты в кухню и усердно потчевал. Рассказывал о положении на Вольни и Холмской Руси, где его арестовывали и откуда он выслан¹⁰⁰; о тяжести ига митр<ополита> Дионисия¹⁰¹, всячески борющегося против своей же церкви; о разборе православного собора в Варшаве¹⁰², невиданном варварстве, не имеющем никакого для себя оправдания. Владыка шел к 4 часам совершать требу и проводил меня до церкви, так как я дороги не нашел бы один. Свадьба была про-

стая, скромная, в маленькой ризнице, преосв<ященный> служил один в фелони, с омофором, одетым поверх. В этой же комнате, год или менее тому назад, венчался еп<ископом> Сергием А.В. Карташев. Владыка проводил меня до дома, посоветовал лечь спать, а сам побежал со своей неизменной сумкой-кошелкой домой. Какой он милый, добрый, славный, восхитительно кроткий! Дома я спал, так как провел две бессонных ночи в вагоне, а у нас опять были гости, поговорили урывками с Львом Ник<олаевичем>. Как силен на нем отпечаток Федерации, и не может он с нею порвать. Стена, до которой он доходит, не может пока быть разрушена, а только отодвигается. В 7 (ибо все начинается в 7, а в 9 должно быть окончено, и с опоздавших квартирантов домовница после 9 часов собирает по кроне, что является для нее жалованьем, а для русских, привыкших возвращаться поздно домой, настоящая мука и разорение, ибо обыкновенно меньше 40 крон в месяц счет не подается, особенно если гости) было заседание Христианского кружка; масса лиц, все знакомятся, обступают, расспрашивают о Париже, дают заранее поручения от ходатайства о разводе до передачи пакетов включительно, интересуются жизнью. За чаем, с обычными и обязательными для Праги венскими булочками с колбасой, — оживленная беседа. Мар<ия> Леонард<овна> Брешэ¹⁰³, почтенная старая дама, работница в Федерации в России, разливает чай из самовара. Выделяются из толпы: Ник<олай> Павл<ович> Кириаков¹⁰⁴, офицер, философствующий, шутник, иногда свирепо нападающий, милый человек, enfant terrible^{37*}. Бобровский¹⁰⁵, церковник, тоже доброволец, дельно и умно отвечающий докладчику, Марцинковскому¹⁰⁶, начитанному ветерану Христианского движения, для которого одно слово Церковь, церковный, вызывает горячий спор. Он настоящий сектантский проповедник. Настроение вполне православное, кроме М<арии> Леон<ардовны> и Марцинковского. Доклад о Нагорной проповеди. Слова «без “Нагорной проповеди” нет Христианского движения» вызывают протест. Лев Александрович, как специалист философии, задает ехидные и умные вопросы. Марцинковский остается с непререкаемым авторитетом и не смущаясь, как сектантский проповедник. Встречаю неожиданно Володю Кульмана, которого мне нужно было во что бы то ни стало разыскать. Он сразу меня вводит в академические интересы, говорит, что завтра же поведет в Университет и познакомит, по возможности, с профессорами; вид у него немецкого ученого. Читаю вечерню один. Вечером, перед сном, читаем втроем молитву, с<о> своими вставками, у нас это было тоже вначале установлено, но потом мы отменили. Сплю под шубой, так как в комнате холодно, отапливается только гостиная. Печи — кафельные, рамы внизу двойные. От количества впечатлений не могу прийти в себя.

Понедельник, 5/18 февраля.

Встали довольно рано, я выспался и не замерз, несмотря на прохладный воздух в комнате. После молитвы и кофе побежали все в церковь, там был отслужен в ризнице преосв<ященным> Сергием молебен, а после него владыка сказал слово, ободряющее и укрепляющее на начало занятий: «да будут сердца ваши горячи и

^{37*} Сорванец, озорник (*франц.*).

чресла препоясаны»¹⁰⁷. В церкви собрались все делегаты и познакомились друг с другом. Н.М. Зернов¹⁰⁸, обращаясь ко мне, сказал: «А это Вы — Ставровский?» Когда же я назвался, он был рад. Мы с ним были знакомы только по письмам. Пошли все на *Aleševo Nabřeží*^{38*}, сперва было сомнение, какую молитву читать. Прочитал Лев Ник<олаевич> «Отче наш», но по окончании Н<иколай> М<ихайлович> уже настоятельно потребовал, чтобы я прочел «Достоинно» и «Царю Небесный». После некоторых отнекиваний решили начать с Берлина; делегаты Федоровский и Ставровский¹⁰⁹, которые приехали по собственной усиленной просьбе. Оба представителя воспитаны на столпах берлинского учено-философско-религиозного Института и особенно на Арсеньеве и Ильине¹¹⁰. В их словах, кроме уверенности, чувствуется и реальная подкладка. Хотя у Ставровского она слишком «положена сторяча». Работа в Берлине идет усиленно, но без шума. Особенно же все группируются вокруг Бердяева, Франка и Карсавина¹¹¹. Научение идет основательно и дает положительные результаты. После берлинцев с некоторым остроумием и ехидством сладко пел о Белграде Ник<олай> Мих<айлович> Зернов. Дело у них, по его словам, идет блестяще. В Кружке 40 человек. Читают доклады, на которые приглашаются до 20 гостей, есть взрослые. Стремление к действительному участию в церковной жизни сильно, один из членов, дьякон, поставлен в священники, а один мирянин поставлен в иеродьякона; 6 человек имеют стихарь. Столпом устава является Константин Керн¹¹², а вдохновителями всего движения — братья Зерновы: их два брата и две сестры¹¹³. Льнет движение к богословскому факультету, благо, которое имеют только белградские русские; в нем 40 слушателей. Учреждение твердое и дисциплинированное. На собрание поехали против желания местного священника, но по особому разрешению кир^{39*} Антония митрополита¹¹⁴. До обеда рассказывал еще офицер из Брно, как там, по инициативе Л.А. Зандера, образовался кружок изучения Достоевского, который должен привести в Церковь молодежь. Из Юрьева получено письмо: там движение слабо, хотя стремление к Церкви сильно. Не успели мы выйти из Кружка, как я был подхвачен Володей Кульманом, который повел меня в иной мир, мир ученый, славянский, русско-угорский. Он меня покормил обедом в какой-то русской *jedelně*^{40*}, а оттуда повел в Университет славяноведения, помещенный на набережной в чудном новом здании, недавно только выстроенном в *style modern*^{41*} (немного немецком). У каждого студента есть свой собственный шкаф, в котором он хранит пальто, так как входить в нем в аудиторию воспрещается. Помещение славянского отделения прекрасное, тишина и порядок образцовый, по стенам обширной залы стоят шкафы книг, подбор хороший, есть много русских (даже большинство). Я сейчас же набросился на один словарь и нашел в нем сведения о Лескове. Здесь, как и во всей Чехии, портрет Массарика¹¹⁵ и карта республики. Просмотрели с Володей все помещающиеся там книги. Он обещал принести славянские рукописи, купленные им у

^{38*} Набережную Алеша (*чеш.*).

^{39*} Так у автора.

^{40*} Столовой (*чеш.*), правильно: *jidelna*.

^{41*} Стиле модерн (*франц.*).

русских в Утроруссии, и познакомить меня с пиущей о Лескове чешкой. После обеда было опять заседание. Продолжался доклад с мест, я сообщил сведения о Париже. Кроме Зернова, никто не задавал вопросов. Кроме меня, говорил А.И. Никитин¹¹⁶, который немного добавил сведений из своей поездки в Париж. Главный доклад был сделан А.И. Чеканом¹¹⁷, председателем всех студенческих организаций в Болгарии. Положение у них слабое, все держится на А<лександре> И<вановиче>, а кружки мало действуют, хотя интересен тот факт, что привлечение болгар заставило последних предпринять самостоятельную работу, и теперь многие дают уроки по своей собственной воле маленьким детям болгарских школ в Софии и в провинции. Из Юрьева прочитали лишь приветствие, а затем Лев Ник<олаевич> Липеровский и В.В. Зеньковский рассказали о положении дела в Праге, где теперь 6 библейских кружков, 1 большой на Aleševu и, кроме того, один чисто православный «Горний». Заседание затянулось до 6 часов, и после него все отправились на лекцию Г.В. Флоровского¹¹⁸ о «Корнях зла». Я очень сблизился с Н.М. Зерновым и сошелся во многом о политике и духовных вопросах с ним. Лекция была слабая. Флоровский развивал, может быть, чисто православные мысли, по крайней мере, он чисто православный, но с такой самоуверенностью, что было неприятно слушать^{42*}. Он мне кажется слишком молодым и неопытным лектором^{43*}. Не признает возражений и вопросов, что уже много значит^{44*}. Милейший владыка был и тут на докладе. Ночью прибавки семейства не было, и спали, несмотря на холод, хорошо.

Вторник, 6/19 февраля.

Утром был доклад делегатов, посланных по Европе, В.В. Зеньковского, говорил о Белграде, Загребе и Софии, Лев Ник<олаевич> и Лев Алекс<андрович> — о Париже. Начали утром с рассмотрения сметы. Очень хорошие речи сказали Ральф Горгеевич Холлингер и Дональд Иванович Лаури¹¹⁹, авторы трудов о России. Обедали мы в Студенческом доме. Кормят хорошо, сытно. И туда, и обратно мы шли втроем: Зернов, Ставровский и я, и говорили о положении в наших трех центрах эмиграции. Зернов рассказывал об упадке нравов у сербов. Постановлением Синода разрешено вдовым священникам иметь при себе гражданских жен (что за позор!). Обсуждали вопрос о взаимоотношении церкви и государства. К сожалению, ни тот, ни другой не теократы. Они утверждают, что православие связано с национальностями, я не согласен. Ставровский говорит, что нет России без православия, нет православия без России. Я не говорю, что это не правильно, хотя на практике к этому и сводится, но все же нельзя унижать православие до национальной религии. Спор о канонизации Арсения Мацеевича¹²⁰, арх<иепископа> Ростовского^{45*}, был горячий. Ник<олай> Мих<айлович> придрался к тому, что его канонизировали сейчас же после падения империи, как бы в протест. Это значит, что Церковь должна ждать (?). Значит, она не может сказать до сих пор, что

^{42*} *Далее зачеркнуто:* С ним я совершенно не согласен, и.

^{43*} *После:* лектором — было: слишком молодым человеком. Положительности никакой.

^{44*} *Далее зачеркнуто:* авторитетом быть не может.

^{45*} *Было:* Новгородского.

Екатерина II, Бирон и др. гнали православие. Церкви все равно, кто гонит. Она мучеников признает всегда мучениками. Прежде она не могла канонизировать, потом освободилась и сейчас же, в ознаменование своей непрерываемой справедливости, написала на гробе св. Арсения «замученный имп<ератрицей> Екатериной II». Нет, прочь цезарепапизм. К чему он привел нас во времена Иоанна Грозного и Победоносцева? К полному измельчанию и истощению сил Церкви. На обратном пути Ставровский излагал нам воззрения евразийцев, к которым он принадлежит душой и телом (он глава Евразийской молодежи). Зернов и я слушали внимательно его иногда слишком горячую и страстную защиту, но ничего не высказали против. Решили совместно стремиться образовывать кадры людей, которые могли бы выступать в защиту Церкви. Зернов к этому прибавил, что, по его мнению, важно готовиться к священству, и он это делает, изучая апологетическое богословие. Чудный, живописный город Прага! Что стоит один Карлов мост со статуями святых и распятием, блестящим на зимнем солнце своей новой крепкой позолотой. Сколько памятников прошлого, закоулков, башен — и все заброшено, никто на них не смотрит: все материалисты, и духовная жизнь их не интересует, проходят мимо распятия и никто не взглянет на него и не перекрестится. Храмы пусты, и нет того горения духа, даже запросов чувств, как среди русских. После обеда опять разбираем смету расходов, обсуждаем возможности конференции в Париже и в Праге. Как хорошо, если бы удалось ее устроить в одном из сербских монастырей. Во время доклада Зеньковского произошел маленький инцидент. В<асилий> В<асильевич> говорил, что жалко, что Ан<тон> Влад<имирович> не уловил момента на Пшеровской конференции, но что нельзя было быть примиримым, мы не можем уступать евангелистам, мы должны твердо стоять на православии и не бояться немного огорчить лютеранскую религиозную совесть, а иначе мы не дойдем до дела. Мих<аил> Павл<ович> Кириаков^{46*} резко отвечает, что Ант<он> Влад<имирович> Карташев был нетерпим к хозяевам и сказал им обидное слово. Тогда В<асилий> В<асильевич> вспылал, говоря, что «неужели мы губим дело из-за какого-то обиженного самолюбия». Его едва успокоили через несколько дней. После заседания и отдыха поехали к Лаури, который делал для нас большой прием. Прага замечательно провинциально построена, всюду рядом с домами пустыри, где катаются на санках мальчишки с гор по сугробам, особенно когда идешь на Alešovo Nabřeží. Зашли с Львом Ник<олаевичем> съесть по пирожку против костела Св. Людмилы на Kral. Vinohrádech^{47*}. Приготовление — ниже критики; вообще, кроме хлеба, тут все невкусно, готовят плохо. Цены ужасные, если сравнить с нашими. Конфеты и печенье — 6 крон 10 декаграммов. Колбаса или ветчина — 40 крон фунт и т. д. У Лаури было очень много народа. Сперва — разговоры с англичанами в защиту французской политики по-английски. Затем смотрели изданные англиканами богослужебные книги (православные, русские) и книгу о Патриархе. Сам Лаури написал очень хорошую книжку. Он изъездил много стран, был многократно в России, в Палестине этим летом и склоняется

^{46*} Так у автора. Выше — Николай Павлович.

^{47*} Королевских Виноградах (чеш.), район в Праге.

перейти в православие. Некоторые издания о Русской православной церкви полны интереса и для нас. Я рассказывал о Париже и французских нравах. Лаури рассказал о положении Палестины (по-русски), после занятия ее еврейским правительством. Страна может прокормить 60 000 сама, а там теперь 600 000 евреев. Говорил с Седовым о ризах для Праги, у них скудость и безденежье. Нужно как-нибудь получить хоть два стихаря для Пасхи. Вечером была обычная молитва, читал ее Лев Ник<олаевич>; была и своя — о кружках, как всегда бывает у начинающих. Лев Ник<олаевич> готовится к священству.

Среда, 7/20 февраля.

Утром все были на литургии в русской церкви. Служил владыка Сергей, сказавший несколько слов приветствия. После литургии было заключительное собрание, на котором окончательно должны были быть решены все неоконченные вопросы. В.В. Зеньковский сказал горячее слово, указав, что собрания прошли очень плодотворно и с пользой для Движения, а главное, способствовали знакомству отдельных кружков друг с другом. Пока нет формулировки цели всех кружков, дело затруднительно. Надо быть и работать в контакте с Церковью. Пока объединение кружков слабо и малочисленно, но скоро оно, Бог даст, окрепнет. Необходимо общение с инославием, и работа на Западе для нас трудная, но необходимая задача. Движение — это искание новых форм христианской жизни. Вечером было заседание Православного кружка на квартире у Рейтлингер в Vřevnov^{48*}, куда пришлось ехать очень долго на трамвае. Квартирка очень тесная, но все как-то уместилось и даже пили чай. Собрание было очень милое и семейное.

Записи 8/21 — 12/25 февр<аля> отсутствуют^{49*}.

13/26 февраля. Св. Евлогия Архиепископа. Вторник.

Дома немного отдохнул и вскоре же пошел на урок. Не могу еще собрать мысли и мало рассказываю. В Париже много перемен. Болен о. Иаков. Сегодня день тезоименитства Митрополита. Был у него с хлебом от Яблочанского монастыря¹²¹ и с поздравлением от пражской колонии. Вечером у нас был Миша. Он хорошо устроился и рад своему положению.

Среда, 14/27 февраля.

Утром — мороз, все долго спали, а я, несмотря на 11 часов дреманья, встал с головной болью. Привожу в порядок все переживания и мысли. К 6 часам ездил делать доклад Митрополиту; владыка был, как всегда, слишком добр и благодарен, хотя у него только что вырвали зуб.

Четверг, 15/26 февраля.

Мороз, сижу дома и занимаюсь кухней, обычной в четверг. Лекция Кульмана. После разговора о Праге угощал меня чаем. Рассказывал о жизни их детей.

^{48*} Бржевнов (чеш.), район Праги.

^{49*} Фраза приписана рядом, от руки.

В библиотеке роюсь в сочинениях Михайловского, стараюсь найти суждения о Лескове. Котляревский и Шейнис жалуются, что подписчики не интересуются судьбами библиотеки¹²², а она принадлежит им. На общее собрание явилось 6 человек. Был у Крыловых, рассказывал о своих пражских впечатлениях. Вечером у Милицы Влад<имировны>, кормившей меня ужином. Обсуждали, что и как докладывать в кружках. Была Калашникова и Павел Евдокимов.

Пятница, 16/29 февраля.

Утром уроки. Был на лекции Кульмана, у Валентинова, у Тепловых и, наконец, вечером — в Café Baird, на заседании Нац<ионального> Студ<енческого> Союза. Юкшинский все захватывает в свои руки, а он — партийный работник, поляк и католик, с ним работать нельзя; вообще, разочаровался после Праги в работе в Париже христианской и национальной, ничего тут не выходит, прямо из рук все валится. Не знаю, что делать, но в глубине души не оставляю надежды все-таки все устроить, согласно своим мечтам «о православно-национальном движении». К великому счастью, Андрей Карпов¹²³ очень сходен в мыслях со мною, и, может быть, удастся что-нибудь да устроить.

Суббота, 17 февраля / 1 марта.

Карташев, как оказывается, защищал цезарепапизм против папизма, но слишком хвалил первый. Неужели и он передается в лагерь преклоняющихся перед светской властью, ее вмешательством в дела Церкви. Византия была таким примером, но нельзя брать Византию как образец!.. Патриарх и царь могут друг друга уравновешивать, но нельзя, чтобы царь распоряжался Церковью самочинно. Неужели Господь допустит вновь рабство православия. Был перед службой у Митрополита. Принял меня очень ласково. В церкви некоторые перемены. Сергей постарел и стал солидным. На его психологию иподьяконство действовало плохо. Он немного восхитился. Вечером был у о. Александра и докладывал о Праге.

¹ Имеется в виду митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868–1946), до революции архиепископ Волынский и Житомирский, участник Всероссийского церковного собора, эмигрировал в 1920 г. в Константинополь, затем в Сербию, назначен патриархом Тихоном и Высшим церковным управлением на Юге России управляющим русскими приходами в Западной Европе, с 1923 г. обосновался в Париже с местопребыванием при Александро-Невском соборе на улице Дарю.

П.Е. Ковалевский с 1921 г. служил в этом соборе иподьяконом, заведовал архиерейским штатом прислуживающих и устройством архиерейских служб. В 1936 г. объединил всех прислуживающих в Братство церковнослужителей им. св. Александра Невского. Службы в соборе составляли важную часть жизни автора дневников, поэтому так много записей посвящено самим службам и составу служащих священников и прислуживающих.

² С семьей Тепловых, жившей в начале 1920-х гг. на Лазурном берегу, Ковалевские подружились почти сразу по прибытии в эмиграцию. П.Е. Ковалевский фиксирует в 1920 г. в дневниковой записи, озаглавленной «Несколько слов о жизни в Ницце с 15-го июля по 14 сент<ября>»: «Евграф познакомился с соседями по Bd. Marinoni. Там, на вилле графини Фальтан, живут Тепловы: мать, мальчик Гриша и девочка Ксана. С ними устрои-

ли небольшой литературный кружок, пригласив туда Борю Лихачева и Мишу Гончарова. Прочитали совместно несколько комедий, в том числе “Плоды просвещения” Толстого и “Свадьбу Кречинского” Сухово-Кобылина, дяди Е. Тепловой» [Ковалевский 2001, с. 191]. Мать Гриши и Ксаны, Елизавета Евгеньевна Теплова (1873–1960), была не только племянницей А.В. Сухово-Кобылина, но и дочерью писателя графа Е.А. Салиас-де-Турнемира и внучкой писательницы Евгении Тур.

³ Протоиерей Георгий Спасский (1877–1934) в 1923–1934 гг. был третьим священником Александро-Невского собора в Париже; в Великую войну являлся главным священником Черноморского флота, в революционный период спас многих священников от большевистских расстрелов, был помощником епископа в Добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал вместе с Черноморской эскадрой в Бизерту, где служил настоятелем церкви морского корпуса Св. Павла в 1921–1923 гг. В 1924–1934 гг. член епархиального совета при митр. Евлогии, лектор в Парижском религиозно-философском кружке. В русском Париже был широко известным проповедником и духовником множества людей.

Протоиерей (с 1943 г. протопресвитер) Николай Сахаров (1869–1951) в 1913–1936 гг. служил вторым священником и помощником настоятеля Александро-Невского собора в Париже, а в 1936–1951 гг. настоятелем собора; с 1924 г. член епархиального совета при митр. Евлогии, основатель (1922) и председатель Парижского религиозно-философского кружка, в 1919–1925 гг. законоучитель в Русской гимназии в Париже; в 1927–1940 гг. редактор епархиального журнала «Церковный вестник».

Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929), внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий. В 1919 г. эмигрировал через Константинополь в Италию, с 1922 г. жил во Франции, в Антибе.

⁴ Речь идет о Вере Васильевне Неклюдовой (1862–1935), старшей сестре Сестричества при Александро-Невском соборе, члене приходского совета, основательнице и заведующей церковно-приходской школой при соборе. До эмиграции была фрейлиной и сотрудницей Красного Креста в Первую мировую войну.

⁵ Стахович Александр Александрович (1884–1959), экономист, военный историк, лекционер, литератор, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в 1920 г. через Шанхай в Константинополь, с 1921 г. жил в Аньере, под Парижем.

⁶ Кульман Николай Карлович (1871–1940), филолог, литературовед, общественный деятель, профессор, автор научных трудов по русскому языку, литературе и их преподаванию. В 1919 г. эмигрировал в Константинополь, затем в Париж. С 1922 г. декан русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны.

⁷ Литературные вечера И.А. Бунина в Париже устраивали, как правило, в отеле «Лютеция», на Левом берегу.

⁸ Гавриил Константинович (1887–1955), князь императорской крови, с 1939 г. великий князь, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, меценат, общественный деятель, участник Первой мировой войны. Эмигрировал в 1918 г. в Финляндию, с 1920 г. жил во Франции, сначала в Ницце, затем в Париже.

⁹ Трахтенберг Бернад Леонтьевич (1870–1937), юрист, эмигрировал после 1917 г., жил в Париже, член Союза русских адвокатов во Франции с 1923 г., выступал с докладами о юридическом статусе русских беженцев.

¹⁰ Князь Николай Николаевич Оболенский (1905–1993), литератор, общественный деятель, офицер французской армии. В 1918 г. с родителями эмигрировал на Украину и через Константинополь во Францию. Окончил лицей в Ницце, а затем Особую военную высшую школу Сен-Сир, куда был принят в виде исключения в числе десяти русских кадетов. Окончил в 1925 г. подпоручиком Иностранного легиона, быстро вышел в отставку и в 1927 г. окончил Школу политических наук.

¹¹ Клименко Николай Константинович (1883–1967), юрист, писатель, религиозный деятель. В эмиграции жил в Париже, работал сначала грузчиком, подрабатывал уроками. В 1920-е гг. выступал с докладами в разных литературно-философских и религиозных собраниях. В 1925 г. читал цикл лекций в Католическом университете.

¹² Карташев Антон Владимирович (1875–1960), историк, богослов, общественный и церковный деятель. Был последним обер-прокурором Святейшего синода и министром исповеданий во Временном правительстве. В эмиграции с 1919 г. П.Е. Ковалевский слушал его лекции по истории России на русском филологическом отделении Сорбонны.

¹³ Никаноров Иосиф Владимирович (1873–1939), религиозный деятель, историк русской церкви. Был однокурсником А.В. Карташева по Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословских наук. В эмиграции в Константинополе, затем в Белграде, с 1923 г. в Париже. Был членом учредительного комитета Свято-Сергиевского православного богословского института, преподавал в нем гомилетику и славянский язык.

¹⁴ В нескольких местах в раннеэмигрантских дневниках П.Е. Ковалевского встречаются такие отрывки, написанные как подражание древним летописям на церковнославянском языке, в чем проявляется, на наш взгляд, не только чувство юмора автора, но и его довольно рано оформившееся стремление стать летописцем эмигрантской жизни.

¹⁵ Зандер Лев Александрович (1893–1964), религиозный деятель, философ, богослов, один из основателей и активный деятель Русского студенческого христианского движения. Эмигрировал в 1922 г. через Китай в Чехословакию, затем во Францию.

¹⁶ Липеровский Лев Николаевич (1887–1963), военный врач и религиозный деятель, эмигрировал в 1920 г. через Сибирь, Дальний Восток и Китай, в 1922 г. участвовал в съезде Всемирной студенческой федерации в Пекине, затем жил в Праге, с 1925 г. в Париже. Активный участник РСХД. С 1925 г. дьякон, с 1934 г. священник, с 1946-го — протоиерей.

¹⁷ Князь Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930), церковно-общественный деятель, младший брат философов Сергея и Евгения Трубецких, дипломат. В Гражданскую войну возглавлял управление вероисповеданий в правительстве генерала А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Австрию, член приходского совета храма в Вене, в 1924 г. переехал в Париж, был членом Комитета по сооружению Сергиевского подворья в Париже. Участник съездов РСХД.

¹⁸ Валентинов Александр Александрович (наст. фам. Ланге; 1892–1957), писатель, журналист. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции сначала в Чехии, затем во Франции, умер в Югославии. Автор книг «87 дней в поезде генерала Врангеля» (Берлин, 1922), «Последние студенты» (Берлин, 1922), «Крымская эпопея» (Берлин, 1922; 5-й том «Архива русской революции»), «Штурм небес (Черная книга)» (Прага, 1924; Париж, 1925). В дневниках неоднократно упоминается последняя, «Черная книга», посвященная гонениям на христиан в Советской России, в то время она только недавно появилась и активно распространялась в Париже.

¹⁹ Зернова Милица Владимировна (урожд. Лаврова; 1899–1994), врач, доктор медицины, религиозный деятель, иконописец. В эмиграции с 1920 г. сначала в Югославии, затем в Париже, где была среди организаторов христианского студенческого кружка. В 1923 г. на первом съезде РСХД познакомилась с будущим мужем, Николаем Михайловичем Зерновым; они обвенчались в 1927 г. Активный участник РСХД. Окончила медицинский факультет Парижского университета, в 1932 г. защитила докторскую диссертацию. В 1938 г. переехала с мужем в Великобританию.

²⁰ Речь идет об Абеле Мироглио (Miroglio), французе, стоявшем у истоков создания первых студенческих христианских кружков во Франции, свободно говорившем по-русски, секретаре Французской христианской студенческой федерации. В.В. Зеньковский так описывает в своих воспоминаниях парижский православный кружок в этот период: «Вот география Движения осенью 1923 года: 1) Париж — находился под влиянием Феде-

рации, через Мироглио. Однако в Пшерове парижане, особенно в связи с моей и сестер Зерновых поездкой летом 1923 года в Париж, тянулись (но не больше) к Православию» [Зеньковский 2014, с. 61].

²¹ Речь идет о Натали Брюнель (Brunel; ?–1945), француженке, перешедшей в православие летом 1928 г. на летнем местном съезде РСХД во Франции и ставшей затем женой богослова Павла Евдокимова.

²² Священник Александр Калашников (1860–1941) был рукоположен уже в эмиграции, во Франции жил с 1923 г., был сначала разъездным священником, с 1924 г. духовным руководителем Братства Святой Троицы, активно участвовал в РСХД; с сентября 1924 по май 1928 г. — настоятель церкви Свв. Константина и Елены в Кламаре. Его дочь, Валентина Александровна (1893–1989), активная участница РСХД и член Братства Святой Троицы; вышла замуж за Л.А. Зандера.

²³ Шатько Михаил Павлович (1895–1985), до эмиграции офицер, подпоручик инженерных войск, участник Гражданской войны. В эмиграции с 1921 г., в Париже учился в Сорбонне; умер в Марокко.

²⁴ Национальный студенческий союз во Франции — одна из общественных организаций взаимопомощи студентов русского зарубежья, существовал в Париже с 1924 по 1939 г., П.Е. Ковалевский был его председателем.

²⁵ Протоиерей Иаков Смирнов (1854–1936), с 1931 г. протопресвитер, с 1898 г. был настоятелем Александро-Невского собора в Париже.

²⁶ Архимандрит Амфилохий (Вакульский; 1862–1933), православный миссионер в Америке, писатель; с июня 1924 г. викарный епископ Аляскинский, с июля 1924 г. митрополит всей Америки и Канады.

²⁷ Третьяков Сергей Сергеевич (1907–1973), в эмиграции с 1920 г., жил в Париже, художник, с 1921 г. иподьякон Александро-Невского собора.

²⁸ Фирсов Михаил Михайлович (1873–1947), окончил Тамбовскую духовную семинарию, с 1911 г. псаломщик Александро-Невского собора в Париже.

²⁹ Русский ресторан на улице Дарю в Париже, существует и по сей день. Название переводится с французского как «В городе Петрограде».

³⁰ Римский-Корсаков Георгий Михайлович (Гога) (1901–1965), внук композитора Н.А. Римского-Корсакова, советский композитор и педагог, музыковед, друг П.Е. Ковалевского по Петербургу. Остался в России, преподавал в Ленинградской консерватории.

³¹ Брок Артур Александрович (1867–?), филолог-классик, был в 1916–1918 гг. директором училища при Реформатских церквях в Петрограде, в котором учился П.Е. Ковалевский. Остался в России, преподавал в Петроградском университете.

³² Имеется в виду о. Александр Калашников.

³³ Оман Эмиль (Haumant; 1859–1942), французский славист, профессор Сорбонны. Выступал оппонентом на защите докторской диссертации П.Е. Ковалевского в 1926 г.

³⁴ Лескова Ольга Ивановна (урожд. Лаунерт; 1874–1959), первая жена А.Н. Лескова, сына писателя Н.С. Лескова. Пианистка, в эмиграции жила во Франции.

³⁵ Мейе Антуан (Meillet; 1866–1936), французский лингвист, в 1923/24 учебном году П.Е. Ковалевский слушал в Сорбонне его курс по сравнительному языковедению.

³⁶ П.Е. Ковалевский писал в это время докторскую диссертацию о Н.С. Лескове, тема: «Лесков, недооцененный бытописатель русской жизни»; защита диссертации состоялась в январе 1926 г.

³⁷ Речь идет об архимандрите (впоследствии архиепископе) Виталии (Максименко; 1873–1960), основавшем в 1923 г. в с. Ладомирова (Владимирова) в Словакии монастырь и Типографское братство прп. Иова Почаевского, продолжившее традиции церковной типографии при Почаевской лавре на Украине: монастырская типография выпускала богослужебную и религиозно-просветительскую литературу для всей русской эмиграции. По-

сле переезда в США с 1948 г. архиеп. Виталий был настоятелем Троицкого монастыря в Джорданвилле.

³⁸ Историк Михаил Шкаровский в статье «Монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии» пишет: «Большую помощь в основании типографии и православной миссии в Ладомировой оказал Юрий Лажо (Лазо) — в 1920–1924 гг. депутат Чехословацкого парламента, активно защищавший права закарпатских русинов. Он также был устроителем православной церкви Пресвятой Троицы в г. Вышнем Свиднике. Ю. Лажо сотрудничал с миссией до своей кончины 29 мая 1929 г.» (цит. по: <http://yakov.works/history/20/1930/slovakia.htm>, дата обращения: 15.05.2019).

³⁹ Речь идет о епископе Вениамине (Федченкове; 1880–1961), который в 1923–1924 гг. был руководителем православной миссии в Прикарпатской Руси. В 1925 г. по приглашению митр. Евлогия переехал в Париж и был инспектором Свято-Сергиевского православного богословского института; в 1931 г. стал основателем и первым настоятелем храма Трехсвятительского подворья в Париже, оставшегося в юрисдикции Московской патриархии после перехода митр. Евлогия в Константинопольский патриархат. В 1947 г. епископ Вениамин вернулся в СССР, почил в Псково-Печерском монастыре.

⁴⁰ Миша Гончаров, друживший в эмиграции с братьями Ковалевскими, сын Михаила Федоровича Гончарова (?–1942), церковного деятеля, жившего в эмиграции в Ницце, члена местного приходского совета. До революции семья владела усадьбой Авчурино под Калугой.

⁴¹ Семья Гронских, эмигрировавшая в 1920 г., входила в круг дружеского общения семьи Ковалевских; к тому же обе семьи жили в одном и том же парижском пригороде — Медоне. Павел Павлович Гронский (1883–1937), юрист и общественно-политический деятель, с 1923 г. читал лекции на русском юридическом факультете при Парижском университете (П.Е. Ковалевский слушал там его курсы по истории русского права и истории русских государственных учреждений). Нина Николаевна Гронская (урожд. Слободзинская; 1884–1957), скульптор. Их сын Николай Гронский (1909–1934), поэт, в то время учился в русской гимназии.

⁴² Речь идет об английском короле Георге V (1865–1936), который в 1924 г. согласился на замену премьер-министра от консервативной партии на лейбориста.

⁴³ Барон Кистер Георгий Александрович (1894–1972), полковник инженерных войск, участник Первой мировой и Гражданской войн, галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции. В 1923–1924 гг. вице-председатель Союза студентов-техников в Париже.

⁴⁴ Речь идет о свт. Киприане, митрополите Киевском и всея Руси (ок. 1330 — 1406), который был сначала митрополитом Русским и Литовским и митрополитом Малой Руси и Литвы.

⁴⁵ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель III и IV Государственной думы и один из лидеров Февральской революции, возглавивший Временный комитет Государственной думы. В 1920 г. эмигрировал в Сербию.

⁴⁶ Одним из тех кружков, которые в Париже регулярно, годами, посещал П.Е. Ковалевский, был кружок, собиравшийся в доме у великой княгини Ирины Павловны Палей (1903–1990), дочери великого князя Павла Александровича, расстрелянного большевиками в 1919 г., и княгини О.В. Палей. Матери, пережившей гибель мужа и сына, удалось вывезти в эмиграцию двух дочерей, Ирину и Наташу, сначала в Финляндию, затем семья обосновалась в Париже. Ирина Павловна активно занималась благотворительностью, в 1925 г. открыла под Парижем школу для девочек. Ее младшая сестра, княгиня Наталья Павловна Палей (1905–1981), стала известной французской манекенщицей и актрисой, с 1933 г. жила в США.

Кружок был назван «Вижиланты» (от франц. *vigilants* — недремлющие) и задуман как кружок самообразования с чтением докладов на различные историко-культурные темы;

собирался в Париже в 1923–1930 гг. П.Е. Ковалевский был секретарем кружка. В дневниковой записи от 29 октября / 11 ноября 1923 г. он фиксирует начало кружковой работы: «После обеда с Мишей и Палашковским Максим и я пошли к кн<ягине> Палей. Головины устраивают для молодого поколения самообразовательный кружок, в который привлекли уже до 15 человек. На заседании было 11 человек, из них 8 барышень, одна молодая дама кн<ягиня> Ирина, Головины и мы двое. Ирина Павловна читала интересный доклад об египетском искусстве. Очень странно было видеть ее с серьезным видом, в больших роговых очках, читающую на великолепном французском языке свои записи. Душой всего является, конечно, Мария Евгеньевна и отчасти Ольга Евгеньевна Головина. Были Стратович, Ирина Третьякова. Записаны, кроме того, принцесса Елизавета Греческая и ее сестра Марина, и Таня Игнатович. Графчика и Максима избрали руководителями религиозного отдела, а меня просили прочесть серию лекций из русской литературы и, в первую голову, о Достоевском» (Архив ДРЗ, ф. 69, оп. 1, д. 10, л. 62).

⁴⁷ Елизавета, принцесса Греческая и Датская (1904–1955), из рода Глюксбургов, дочь принца Греции Николая, четвертого сына короля Греции Георга I. После того как в 1917 г. его брат Константин отрекся от престола, семья принца Николая (жена Елена Владимировна Романова и трое дочерей: Ольга, Елизавета и Марина) эмигрировала во Францию. В 1934 г. Елизавета вышла замуж за графа Карла-Теодора Тёрринг-Йеттенбаха (Toerring-Jettenbach).

⁴⁸ Тагор Рабиндранат (1861–1941), индийский поэт, художник, лауреат Нобелевской премии по литературе.

⁴⁹ Роман русского писателя Г.П. Данилевского (1829–1890), вышедший в 1874 г. В семье Ковалевских была традиция совместного чтения вслух произведений классической литературы.

⁵⁰ Книга русского биолога и детского писателя Н.П. Вагнера (1829–1907) «Сказки кота Мурлыки» вышла в 1872 г. и неоднократно переиздавалась. «Папа-пряник» — одна из сказок этого сборника.

⁵¹ Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, военный, историк, общественный деятель, благотворитель. В эмиграции с 1920 г., жил во Франции, под Ниццей. В 1921 г. женился на балерине М.Ф. Кшесинской. Помогал русской школе в Ницце «Александрину».

⁵² С семьей Суковкиных в первые эмигрантские годы, особенно в период жизни на Лазурном берегу, семья Ковалевских дружила и активно общалась. Михаил Акинфиевич Суковкин (1867–1938), камергер, общественный и церковный деятель, был женат на Ольге Константиновне Ушинской (1867–1960), дочери педагога К.Д. Ушинского. Петр дружил с их детьми — Мариной и Михаилом.

⁵³ Юкшинский Владислав Иосифович (?–1965), офицер Добровольческой армии, журналист, переводчик. В эмиграции жил во Франции. Во время Второй мировой войны служил переводчиком на Восточном фронте, был арестован советскими властями, провел 12 лет в советских лагерях, по окончании срока выехал в Германию, написал книгу о советских концентрационных лагерях.

⁵⁴ Вероятно, речь идет о Глебе Петровиче Струве (1898–1985), историке литературы и филологе-слависте, в 1924–1932 гг. жившем в Париже и работавшем, среди прочего, секретарем Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей.

⁵⁵ Принц Фердинанд Орлеанский, герцог де Монпансье (1884–1924), младший сын принца Луи-Филиппа, графа Парижского, скончался 30 января 1924 г. от передозировки наркотиков.

⁵⁶ Богданович Лев Сулейманович (1900–1959), участник Гражданской войны, вместе с армией П.Н. Врангеля эвакуировался в 1920 г. в Константинополь, в 1921 г. переехал во Францию. Работал на заводе, затем шофером, учился в Коммерческой академии в Париже,

активно помогал нуждающимся студентам. Студенческое общежитие на 50 человек было организовано для русских студентов федоровским Комитетом по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, оно находилось сначала на бульваре Журден в 14-м округе, а в 1924 г. переехало в 15-й округ, по адресу: улица Лекурб, 91, в дом из 18 комнат, снятый комитетом, — студенты жили в основном здании и в построенных во дворе бараках. В 1930-е гг. один из барачков был перестроен под храм Св. Серафима Саровского, существующий по этому адресу по сей день.

⁵⁷ Вероятно, Воронович Николай Владимирович (1887–1967), участник Русско-японской и Первой мировой войн, эсер. В эмиграции с 1920 г., жил в Чехословакии, затем во Франции, в конце 1940-х гг. уехал в США. Писатель, публицист и мемуарист.

⁵⁸ Речь идет о событиях XV в.: о свт. Фотии, митрополите Киевском и всея Руси (?–1431), о его преемнике (после митрополита Герасима) на Киевском престоле митрополите Исидоре (1385/1390–1463), выступившем на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1445 г. активным сторонником Флорентийской унии, о митрополите Эфесском Марке (1392–1444), отказавшемся подписать резолюцию собора, об аресте вернувшегося в Москву митрополита Исидора по указу великого князя Василия II (1415–1462).

⁵⁹ Речь идет о псаломщике Александро-Невского собора на Дарю Михаиле Михайловиче Фирсове, который в 1920-е гг. был также регентом любительского хора нижнего храма.

⁶⁰ Третьякова Ирина (1906–1964), родная сестра С.С. Третьякова, долгие годы была сестрой Сестричества при Александро-Невском соборе на Дарю; с конца 1920-х гг. владела шляпной мастерской в Париже.

⁶¹ Кривошеин Кирилл Александрович (1904–1977), брат еп. Василия (Кривошеина) и Игоря Кривошеина. В эмиграции с 1919 г. в Париже, окончил Школу политических наук, работал в банке «Лионский кредит», участник Сопrotивления.

⁶² Бернарди Людмила Александровна (в замуж. Рапопорт; 1904–1993), певица, специалист по церковному пению, педагог, регент, в эмиграции с 1913 г. в Париже. Вышла замуж за Николая Константиновича Рапопорта (1904–1989), врача, преподавателя, в то время студента медицинского факультета Парижского университета. В оригинале: Рапопорт.

⁶³ Тарановский Виктор Петрович (1864–1937), генерал-майор, в Первую мировую войну воевавший во Французском экспедиционном корпусе, в эмиграции жил во Франции.

⁶⁴ Дмитриев Николай Всеволодович (1856–1942), архитектор, инженер; в эмиграции жил в Париже, был бессменным директором Русского народного университета.

⁶⁵ Вероятно, опечатка: О.М. вместо Д.М., и речь идет о Дмитриии Михайловиче Одинце (1882–1950), историке права, одном из основателей Русского народного университета в Париже, заведовавшем в нем учебной частью.

⁶⁶ Крупенский Павел Николаевич (1863–1927), общественно-политический деятель, депутат II, III, IV Государственной думы, в эмиграции жил в Ницце, входил в Высший монархический совет и Объединение русских монархистов.

⁶⁷ Буренин Иван Федорович (?–1931), церковный деятель, благотворитель, в эмиграции жил сначала в Лондоне, в 1920-е гг. переехал на юг Франции, занимался лесопромышленностью, входил в русское православное Братство св. Анастасии Узорешительницы в Ментоне.

⁶⁸ Бесси Батист, француз, садовник на вилле «Батава» в Болье, принадлежавшей семье Ковалевских. Семья сохранила дружеские связи с Бесси и его семьей и после продажи виллы.

⁶⁹ Речь идет о Томасе Вудро Вильсоне (Wilson; 1856–1924), 28-м президенте США (1913–1921), и о его «четырнадцати пунктах» программы мирного договора, завершающего Первую мировую войну, который и лег в основу Версальского мира.

⁷⁰ Князь Ширинский-Шихматов Юрий (Георгий) Алексеевич (1890–1942), участник Первой мировой и Гражданской войн, в эмиграции с 1920 г., сначала в Берлине, потом в

Париже, работал шофером такси; инициатор и идеолог движения национал-максималистов; участвовал в работе парижской группы евразийцев, выступал на собраниях Российско-демократического объединения, в Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева, на собраниях газеты «Дни». В начале 1930-х гг. издавал журнал «Учреждения», был одним из основателей Пореволюционного клуба и председателем Объединения пореволюционных течений. Погиб в Освенциме.

⁷¹ Энден Михаил Николаевич, фон (1901–1975), писатель, журналист, экономист, общественный деятель. В эмиграции с 1921 г. во Франции, окончил юридический факультет Парижского университета и Высшую школу политических наук, работал в банке. Участник РСХД. Автор книг и статей по русской истории и культуре, написанных большей частью по-французски.

⁷² Мазон Андре (Mazon; 1881–1967), французский славист, лингвист, автор трудов по древнерусской и русской классической литературе, славянскому фольклору, русскому и чешскому языкам. С 1924 по 1952 г. профессор в Коллеж де Франс.

⁷³ Аметистов Тихон Александрович (1884–1941), епархиальный секретарь при митрополите Евлогии. Участник Первой мировой и Гражданской войн, в эмиграции с 1920 г., через Константинополь выехал в Сербию, затем жил в Париже.

⁷⁴ Огородников Яков (Жак) Сергеевич (1889–1973), родился в Екатеринославе, в 1921–1924 гг. один из руководителей церковного хора в Александро-Невском соборе в Париже; умер в Ганьи, под Парижем.

⁷⁵ Святитель Иона Московский, митрополит Киевский и всея Руси (?–1461), первый глава Русской автокефальной православной церкви, избранный Собором русских епископов без согласования с Константинопольским патриархом. Был противником Флорентийской унии.

⁷⁶ Кафизма — раздел Псалтыри, читаемый за богослужением; во время чтения разрешается сидеть.

⁷⁷ Парастас, или полная панихида — заупокойная всенощная, во время которой совершается богослужбное поминовение умерших.

⁷⁸ Карсавин Лев Платонович (1882–1952), религиозный философ, историк-медиевист. В 1922 г. выслан из советской России, жил в Германии, с 1926 г. во Франции; в 1928 г. переехал в Литву, где в 1949 г. был арестован НКВД. Погиб в лагере для инвалидов Абезь в Коми АССР.

⁷⁹ См.: Мф. 13: 24–30, 36–43. Сельный (*ц.-сл.*) — полевой.

⁸⁰ Скорее всего, речь идет об иконописце Георгии Вадимовиче Морозове (1900–1993), родном брате активного участника РСХД А.В. Морозова, в то время еще жившего в Германии. Г.В. Морозов эмигрировал во Францию и с 1920 г. жил в Париже.

⁸¹ Соковнин Николай Дмитриевич (1882–1941), врач, окончил медицинский факультет Киевского университета. В эмиграции во Франции, во второй половине 1920-х гг. работал врачом во французских колониях, некоторое время жил в Палестине, с 1930-х гг. снова в Париже. В 1924 г. был участником парижского Христианского кружка.

⁸² Кульман Владимир Николаевич (1902–1974), впоследствии епископ Мефодий, эмигрировал в 1920 г. сначала в Болгарию, в 1924 г. учился на историко-филологическом факультете Пражского университета, после которого окончил (1931) Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже и принял монашеский постриг; с 1953 г. епископ, был настоятелем храма Всемилошного Спаса в Аньере, приход которого отличался особенно активной благотворительной и церковно-просветительской деятельностью.

⁸³ Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911), российский литературный критик, историк русской литературы.

⁸⁴ Анциферов (Анцыферов) Алексей Николаевич (1867–1943), экономист, доктор политической экономики и статистики. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже, читал лекции

на юридическом факультете Сорбонны, с 1922 г. председатель Русской академической группы; один из создателей русского юридического факультета при Парижском университете — П.Е. Ковалевский слушал там его курсы по экономической политике, по экономическому строю в России, по методологии статистики.

⁸⁵ Русский национальный комитет был создан в 1921 г. в Париже при Русском национальном союзе для продолжения борьбы с большевизмом в условиях эмиграции и для координации различных эмигрантских организаций. Председателем комитета был А.В. Карташев, в него также входили М.М. Федоров, П.Б. Струве, В.Л. Бурцев, В.В. Набоков. В 1923–1926 гг. комитет издавал журнал «Вестник Русского национального комитета».

⁸⁶ Ратьков-Рожнов Борис Алексеевич (у автора Николаевич, скорее всего, опечатка) (1875–1924), в эмиграции жил в Париже, участвовал в деятельности Русского национального комитета. Умер 12 февраля 1924 г., похоронен на кладбище Батиньоль.

⁸⁷ Оболенский Александр Николаевич (1872–1924), действительный статский советник, генерал-майор, государственный и общественный деятель, участник Первой мировой и Гражданской войн. Был адъютантом императора Николая II. В 1914–1916 гг. градоначальник Петрограда. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже.

⁸⁸ Речь идет о магазине одежды. Предприниматель Стефан Эсдерс (Esders) был владельцем крупной швейной фабрики с магазином при ней в Брюсселе, один из ее филиалов находился в Париже.

⁸⁹ Метальников Сергей Сергеевич (1906–1981), сын известного русского иммунолога, профессора зоологии Сергея Ивановича Метальникова, заведовавшего лабораторией в парижском Институте Пастера. Семья эмигрировала в 1919 г. через Константинополь во Францию.

⁹⁰ Имеется в виду вечернее молитвенное правило.

⁹¹ Немецкий город Кель расположен неподалеку от Страсбурга, на другом берегу Рейна.

⁹² Гус Ян (Hus; 1369–1415), чешский религиозный реформатор; его казнь повлекла за собой Гуситские войны.

⁹³ Речь идет о епископе Пражском Сергии (Королеве; 1881–1952). В эмиграции с 1922 г., был настоятелем Свято-Николаевского храма в Праге и викарным епископом митр. Евлогия для приходов в Чехословакии. В 1950 г. вернулся в СССР, был архиепископом Казанским.

⁹⁴ Речь идет об именовании патриарха при возношении его имени за богослужением.

⁹⁵ Савватий (Врабец; 1880–1959), архиепископ Пражский и всяя Чехословакии Константинопольского патриархата.

⁹⁶ Седов Николай Яковлевич, впоследствии архимандрит Серафим (ок. 1890 — 1984). Участник Первой мировой и Гражданской войн, состоял в группе белых офицеров, предпринявших попытку освободить в Тобольске царскую семью. В 1921 г. эмигрировал через Константинополь во Францию, затем в Чехословакию. Позже принял монашеский постриг. В 1930-е гг. перешел в РПЦЗ, был в монастыре Иова Почаевского в Ладомирово, в Русской духовной миссии в Иерусалиме, настоятелем русской церкви в Тегеране. Умер в Иерусалиме.

⁹⁷ Петров Александр Александрович, в монашестве Афанасий (1892 — после 1944). Участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрировал в 1921 г. через Константинополь в Чехословакию, окончил русское отделение юридического факультета Пражского университета (1927), вступил в братию Русской духовной миссии в Иерусалиме, с 1930 г. иеромонах в РПЦЗ, в 1932–1938 гг. настоятель русского храма в Каире. Позже снова перешел в юрисдикцию митр. Евлогия, окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт, был помощником настоятеля храма Сергиевского подворья, а затем настоятелем Галлиполийской церкви в Париже. В конце жизни лишен сана после незаконной женитьбы.

⁹⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), философ и богослов, в эмиграции с 1920 г., с 1924 г. профессор Русского педагогического института в Праге, пожизненный

председатель РСХД. С 1926 г. в Париже, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института. В 1942 г. рукоположен в священники, с 1944 г. протоиерей.

⁹⁹ Рейтлингер Юлия Николаевна, в монашестве сестра Иоанна (1898–1988), художница, иконописец, духовная дочь о. Сергия Булгакова.

¹⁰⁰ Владыка Сергей (Королев) был в 1921 г. викарием Холмской епархии, за сопротивление провозглашению автокефалии Польской православной церкви арестован польским правительством и выслан из Польши в 1922 г.

¹⁰¹ Митрополит Варшавский, Вольнский и всея Православныя церкви в Польше Дионисий (1876–1960), добившийся автокефалии Польской православной церкви.

¹⁰² Собор Св. Александра Невского в Варшаве был снесен в 1924–1926 гг.

¹⁰³ Бреше Мария Леонардовна (Brechet), протестантский религиозный деятель, член YMCA в России. В эмиграции жила в Чехословакии, руководила в Праге студенческим кружком. Принимала участие в первом съезде РСХД в Пшерове. Впоследствии вместе с В.Ф. Марцинковским переехала в Палестину, где продолжала заниматься миссионерской деятельностью.

¹⁰⁴ Видимо, имеется в виду Николай Павлович Хирьяков, активный член РСХД, в 1920-е гг. проживавший в Чехословакии, затем во Франции, в 1930-е гг. член Содружества при Введенской церкви в Париже.

¹⁰⁵ Бобровский Георгий Анатольевич (1902–1952), участвовал в Гражданской войне в рядах Добровольческой армии, в эмиграции с 1920 г., жил в Чехословакии, учился на архитектурном факультете Пражского университета, активный член РСХД. В 1928 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, был секретарем РСХД в Чехии, с 1930 г. дьякон, служил в Свято-Николаевской церкви в Праге. В 1945 г. переехал во Францию, в 1952 г. — в США.

¹⁰⁶ Марцинковский Владимир Филимонович (1884–1971), религиозный деятель, публицист, проповедник, мыслитель. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, с 1913 г. участник Российского студенческого христианского движения, YMCA в России, библейских кружков. В 1920 г. принял крещение от евангелического проповедника. В 1923 г. эмигрировал, жил сначала в Польше, затем в Праге. Один из организаторов первого (Пшеровского) съезда РСХД. С 1930 г. до конца жизни жил в Палестине, руководил еврейско-арабской христианской евангелической общиной.

¹⁰⁷ Ср.: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк. 12: 35).

¹⁰⁸ Зернов Николай Михайлович (1898–1980), церковно-общественный деятель, философ, историк, богослов, активный член РСХД. В эмиграции с 1921 г., окончил в 1925 г. богословский факультет Белградского университета, затем переехал во Францию, в 1925–1932 гг. секретарь РСХД, один из первых редакторов «Вестника РСХД». Женился на Милице Лавровой. С 1934 г. жил в Англии, преподавал в Оксфордском университете, секретарь Англикано-православного содружества св. Албания и прп. Сергия.

¹⁰⁹ Ставровский Алексей Владимирович (1905–1972), в эмиграции с 1920 г., окончил гимназию в Константинополе, слушал лекции в Софийском Ближневосточном институте политических и экономических наук, а затем на философском и богословском факультетах Берлинского университета. В 1920-е гг. был близок к евразийству. С 1924 г. во Франции. В 1925–1931 гг. основатель и руководитель Свято-Фотиевского братства. Окончил филологический факультет Сорбонны. В 1931–1938 гг. член епархиального совета Литовской епархии Московской патриархии. После войны жил в Аргентине, в конце жизни в Мадриде.

¹¹⁰ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), философ, богослов, культуролог, историк религии. Выпускник Московского университета, эмигрировал в 1920 г. в Варшаву, затем в Берлин, с 1921 г. жил в Кёнигсберге (Германия), преподавал русскую литературу в Кёнигсбергском университете, с 1924 г. профессор, доктор философии, одновременно профессор догматического богословия православного богословского факультета Варшав-

ского университета. В 1945 г. переехал в Париж, а в 1948 г. — в США, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии. Автор книг «Жажда подлинного бытия» (1922), «О литургии и таинстве евхаристии» (1928), «Единый поток жизни» (1973) и др.

Ильин Иван Александрович (1883–1954), философ, правовед. Выпускник Московского университета. В 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, профессор Русского научного института при Берлинском университете. В 1938 г. переехал в Швейцарию. Автор книг «О сопротивлении злу силою» (1925), «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Аксиомы религиозного опыта» (1953) и др.

¹¹¹ Философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и Л.П. Карсавин были высланы в 1922 г. из России и в начале 1924 г. жили в Берлине, выступали с лекциями в созданной Н.А. Бердяевым Религиозно-философской академии.

¹¹² Керн Константин Эдуардович, впоследствии архимандрит Киприан (1899–1960), богослов, историк церкви, литургист. В эмиграции с 1920 г. в Сербии, в 1926 г. окончил богословский факультет Белградского университета, с 1927 г. иеромонах, в 1928–1930 гг. начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, с 1936 г. в Париже, преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте.

¹¹³ У Н.М. Зернова был брат Владимир Михайлович Зернов (1904–1990), врач, доктор медицины, и две сестры — Софья Михайловна Зернова (1899–1972), активно участвовавшая в РСХД и благотворительной деятельности в эмиграции, помогавшая детям и безработным, и Мария Михайловна (в замуж. Кульман; 1902–1965), педагог, возглавившая впоследствии Содружество молодежи и Юношеский клуб при РСХД.

¹¹⁴ Речь идет о митрополите Антонии Храповицком (1863–1936). Богослов, доктор богословия, на Всероссийском церковном соборе 1917–1918 гг. он был одним из трех кандидатов на место патриарха. В эмиграции с 1920 г., жил в Сремски-Карловцах, председатель Заграничного архиерейского синода и первоиерарх РПЦЗ.

¹¹⁵ Масарик Томаш Гарриг (Masaryk; 1850–1937), президент Чехословацкой Республики (1918–1935). У автора: Масарик.

¹¹⁶ Никитин Александр Иванович (1889–1949), в эмиграции с 1920 г., жил в Болгарии, с 1922 г. секретарь Болгарского студенческого христианского движения; один из организаторов первого (Пшеровского) съезда РСХД; в 1930-е гг. жил в Париже, старший секретарь РСХД и секретарь местного РСХД во Франции; с 1945 г. жил в Германии.

¹¹⁷ Чекан Александр Иванович, впоследствии протопресвитер (1893–1982), участник Гражданской войны, в эмиграции с 1921 г. в Болгарии, окончил историко-филологический факультет Софийского университета, в 1920-е гг. председатель Союза русских студентов в Софии и Союза русских студентов в Болгарии, активный член РСХД. Затем переехал во Францию, с 1934 г. священник, активно занимался благотворительностью.

¹¹⁸ Флоровский Георгий Васильевич, впоследствии протоиерей (1893–1979), богослов, историк церкви, патролог. В эмиграции с 1920 г. сначала в Болгарии, с 1921 г. в Праге; в 1923–1926 гг. приват-доцент русского отделения юридического факультета Пражского университета по кафедре истории философии права, активный член РСХД. В 1926 г. переехал в Париж, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института по кафедре патрологии, в 1948 г. уехал в США, в 1950–1955 гг. декан Свято-Владимирской духовной семинарии. Автор трудов по патристике и книги «Пути русского богословия» (1937), разрабатывал идеи неопатристического синтеза.

¹¹⁹ Холлингер Ральф (Hollinger; 1887–1930), американский религиозно-общественный деятель, активист YMCA; участвовал в организации РСХД в эмиграции и в первом (Пшеровском) съезде РСХД. С 1928 г. секретарь центрального региона национального совета YMCA США.

Лаури Дональд (Lowrie; 1899–1974), американский религиозный деятель, активист YMCA, автор книг о русском православии. В 1922–1930 гг. секретарь YMCA по студен-

ческой работе в Чехословакии, участник первого (Пшеровского) съезда РСХД, в 1930–1932 г. секретарь УМСА по студенческой работе в Белграде. Помогал русским эмигрантам при основании РСХД, Свято-Сергиевского православного богословского института, издательства «УМСА-Press» (руководил издательством с 1946 по 1952 г.). С 1947 г. старший секретарь УМСА во Франции.

¹²⁰ Священномученик Арсений (Мацеевич; 1697–1772), митрополит Ростовский, выступал против секуляризации церковного имущества, за удаление светских чинов из состава Синода, за восстановление патриаршества. Был лишен сана и в звании простого монаха заточен в Николо-Корельский монастырь, где продолжал обличать политику Екатерины II, за что был приговорен к вечному заключению в Ревельских казематах, умер в тюрьме. В 1918 г. Поместным собором был восстановлен в архиерейском достоинстве, в 2000 г. канонизирован Архиерейским собором РПЦ.

¹²¹ Свято-Онуфриевский Яблочинский мужской монастырь Польской православной церкви в селе Яблечна.

¹²² Имеется в виду русская Тургеневская библиотека в Париже. Мария Петровна Котляревская и Людмила Владимировна Шейнис в 1917–1940 гг. работали там библиотекарями. Видимо, речь идет об их мужьях: Льве Исааковиче Шейнисе (1871–1924), который в 1900–1924 гг. был председателем правления Тургеневской библиотеки, и художнике Павле Павловиче Котляревском (1885–1950).

¹²³ Карпов Андрей Федорович (1902–1937), философ, художник, участник РСХД. В эмиграции с 1920 г. в Париже, окончил философское отделение Сорбонны. Перед смертью выпустил книгу «Диалоги Платона». Умер, заразившись тифом во время поездки в Грецию. Некролог о нем в журнале «Путь» (1937, № 54) написал Н.А. Бердяев.

С.В. Романова, М.Г. Талалай

ФОНД КОМПОЗИТОРА НАТАЛЬИ ПРАВОСУДОВИЧ (1899–1988)
В АРХИВНОМ СОБРАНИИ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА*

Все, кто знаком с историей и архивом Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, знают, что номером один архива обозначен фонд «Всероссийская мемуарная библиотека» (ВМБ) — собранная Александром Исаевичем и Натальей Дмитриевной Солженицыными и переданная ими в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье» (так до 2009 г. назывался Дом русского зарубежья). В это собрание вошли воспоминания, документы, свидетельства, присланные нобелевскому лауреату русскими эмигрантами после двух его обращений через эмигрантскую прессу (в 1975 и 1977 гг.)¹.

Ряд материалов был впоследствии опубликован в издательстве «Русский путь»; рукописи из ВМБ используют в своей научной работе исследователи русского зарубежья. Благодаря материалам ВМБ удалось восстановить многие истории и судьбы и сохранить память о наших выдающихся соотечественниках, русских эмигрантах. Один из ярких примеров — композитор Наталья Михайловна Правосудович (1899–1988), имя до сих пор малоизвестное в плеяде замечательных музыкантов зарубежной России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века», проект № 17-04-00126-ОГН.

¹ Первое обращение А.И. Солженицына «Обращение к русским эмигрантам, старшим Революции» было написано в Цюрихе и опубликовано в 1975 г. в крупных газетах русского зарубежья: «Новое русское слово», «Русская мысль» и др. Солженицын писал: «Я надеюсь на вашу помощь, кому сегодня больше 65–70 лет. Многие из вас уже слабы или плохо видят, или условия вашей жизни неблагоприятны, отчего даже несколько страниц воспоминаний написать — для вас большой труд, да часто кажется и ненужным, раз политики, генералы и ученые эмиграции уже написали и опубликовали свои книги. Но это не так: свидетельство каждого из вас бесценно, если верно выбрать, о чем каждый может рассказать.

Я очень прошу вас: совершите над собой такое усилие для восстановления прошлого России. Напишите, кто сколько в силах и знает, — 2 страницы или 100. Дорог всякий человеческий материал — и даже тем более, чем дальше он от великих событий, а ближе к простой жизни» [Солженицын 1996, т. 2, с. 315–318].

Следующий текст — «Всероссийская Мемуарная Библиотека. Обращение к российским эмигрантам» — был написан и опубликован в 1977 г. в Вермонте. Обращение широко печаталось в эмигрантской прессе («Новое русское слово», 27.9.1977; «Русская мысль», 29.9.1977; «Вестник РХД», 1977, № 122); по-английски целиком появилось в «Baltimore Sun» (18.10.1977); в выдержках и цитатах — в «New York Times» (19.11.1977); в России впервые частично было опубликовано в «Известиях» (13.5.1992). «Русский Общественный Фонд, основанный мною три года назад, — писал Солженицын, — одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) — надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время — перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, стусок народной памяти и опыта» [Там же, с. 471–474].

В числе первых исследователей, обративших пристальное внимание на творческое наследие Натальи Правосудович, — Бьянка Марабини Цёггелер² — основатель и президент Культурного общества «Русь», штаб-квартира которого расположена в городе Больцано, столице самого северного региона Италии — Трентино-Альто-Адидже (Южного Тироля). В течение многих лет Бьянка Марабини-Цёггелер занимается историей русской колонии в Южном Тироле, в частности историей Русского дома им. Надежды Бородиной в г. Мерано. Это учреждение возникло в конце XIX в. благодаря наследству московской купчихи Надежды Ивановны Бородиной (1852–1889), лечившейся в Альпах от чахотки и завещавшей крупную сумму (порядка 100 тыс. руб.) на строительство здесь санатория с дешевым жильем для малоимущих русских, больных туберкулезом. Его архитектором стал видный мастер Тобиас Бреннер (Brenner). В честь дарительницы первую виллу именовали виллой Бородиной (Villa Borodine; Русский дом им. Бородиной), а вторую — виллой «Москва» (Villa Mosca), поскольку Бородина была москвичкой. Тогда же, в 1897 г., освятили домовый Никольский храм, украшенный золоченым иконостасом работы московских резчиков, паникадилами, ценными иконами и утварью. До начала Первой мировой войны и революции пансионат жил размеренной жизнью: ранней осенью сюда съезжались курортники, остававшиеся затем на весь лечебный сезон. В конце 1910-х гг. все связи с Россией были разорваны, и вместо курортников здесь осели русские эмигранты, в их числе и Н. Правосудович. По словам Бьянки Марабини-Цёггелер, которая познакомилась с композитором в начале 1980-х гг., жила Правосудович очень скромно, обособленно и неохотно шла на контакт:

Помню ее недоверие на первых порах, когда я попросила о нашей встрече... Первоначальная нерасположенность Правосудович, вне сомнения, вызывалась боязнью ворошить прошлое и нежеланием затрагивать острые политические темы [Музыка в изгнании 2003, с. 6].

В 2003 г. Бьянка Марабини-Цёггелер при участии ряда исследователей, и в первую очередь историка Михаила Талалая, подготовила и выпустила в свет трехязычное издание, посвященное жизни и творчеству эмигрантки, — «Музыка в изгнании. Наталья Правосудович, ученица Шёнберга». Книга максимально полно восстанавливает биографию Н.М. Правосудович, опираясь на архивы Русского Дома в Мерано, личный семейный архив племянницы композитора Натальи

² Бьянка Марабини-Цёггелер (Marabini Zoeggeler) родилась в 1940 г. в г. Имола (Италия), ее мать — москвичка, отец — уроженец провинции Эмилия-Романья. Училась на факультете иностранных языков и литератур венецианского Университета Ка' Фоскари, некоторое время жила и работала в Лондоне и Амстердаме, затем обосновалась в Южном Тироле, в г. Больцано. Руководит Культурным обществом «Русь», занимающимся распространением восточноевропейской культуры, преимущественно русской, в провинции Южный Тироль, а южнотирольской — в Восточной Европе. Работает переводчиком и гидом, сотрудничает с различными учреждениями культуры. С 2016 по 2018 г. — президент Центра по развитию отношений между Автономной провинцией Больцано и Россией им. Н.И. Бородиной («Русский Центр Бородиной в Мерано»).

*Русская церковь и вилла Надежды Бородиной в Мерано (Италия).
Начало XX в. Архив Русского Дома Н.И. Бородиной в Мерано*

Дмитриевны Правосудович (Санкт-Петербург)³, а также архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. В 2017 г. в Италии был выпущен диск с несколькими произведениями Н. Правосудович, записи которых хранятся в собрании ДРЗ.

Задача данной статьи — более подробно познакомиться с материалами Н.М. Правосудович из архива Дома русского зарубежья.

Фонд можно разделить на четыре части.

1. Рукописные и машинописные материалы, автор которых — сама Наталья Правосудович (38 листов):

— рукопись на 8 листах «Мое родословие», датированная 7 сентября 1978 г., в которой Н. Правосудович рассказывает о своей семье (на русском языке);

— рукопись на 13 листах «Отец Александр Введенский. Суд над Владыкой Митрополитом Вениамином. Мученик иеромонах Лев и “черная месса” в подвале Александро-Невской Лавры» (7 сентября 1978 г.), где композитор делится первыми религиозными опытами и впечатлениями (на русском языке);

— авторизованная машинопись на 5 листах, озаглавленная «Meine Erinnerungen verbunden mit der Familie des Komponisten Alexander Skrjabin» (Мерано, ноябрь 1972 г.)⁴;

— воспоминания Н. Правосудович об учебе в Берлине у композитора профессора Арнольда Шёнберга (на немецком языке);

³ Дочь ее брата, Дмитрия Михайловича Правосудовича (1901–1942), инженера-путейца, погибшего от голода в ленинградскую блокаду. В семейном архиве Натальи Дмитриевны сохранились в первую очередь фотодокументы.

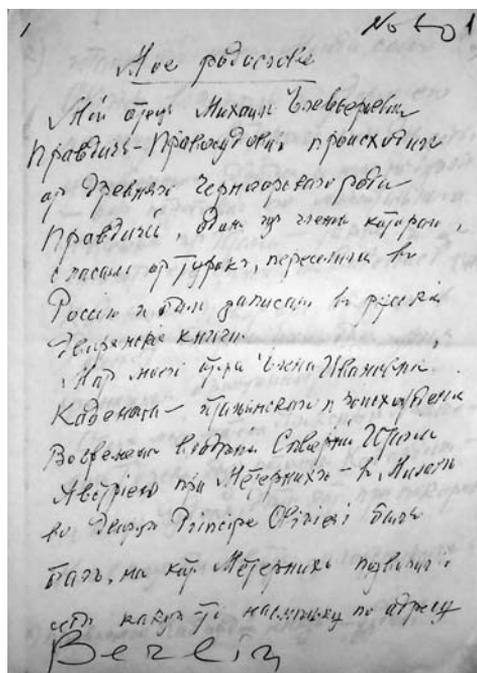
⁴ «Мои воспоминания, связанные с семьей композитора Александра Скрябина» (нем.).

— авторизованная машинопись «Meister Arnold Schönberg und meine Berliner Erinnerungen»⁵ (Мерано, поздняя осень 1982 г.; на немецком языке).

2. Нотные тексты (как полные, так и во фрагментах) четырех сочинений Н. Правосудович, отражающие ее творчество в разные периоды жизни. Опусник (перечень сочинений по номерам) из 55 сочинений, составленный Н. Правосудович в конце 1970-х гг.

3. Аудиозаписи музыкальных произведений Н. Правосудович, сделанные на магнитофонную пленку (2 бобины, одна из которых датирована 13.06.1970–20.12.1974, вторая — без даты).

4. Копии программ концертов (15 ноября 1929 г., 8 декабря 1931 г.), программа передач берлинского радио «Funk-Stunde Berlin» (18 апреля 1930 г.), программа передач итальянского радио (30 июня 1964 г.), в которых звучали произведения Н. Правосудович, а также рецензия из газеты «Deutsche Tonkünstlerzeitung» от 5 декабря 1929 г. на 4 листах.

Первая страница рукописи
Н. Правосудович «Мое родословие».
Архив ДРЗ. Ф. 1. М-60

Важное место среди воспоминаний Натальи Правосудович из первой части фонда занимает рукописный текст на 8 листах, озаглавленный «Мое родословие» (7 сентября 1978 г.). По словам Бьянки Марабини-Цёггелер, в конце жизни композитор очень плохо видела, писать, вероятно, ей было весьма непросто, что и подтверждает документ, написанный размашистым трудно разборчивым почерком. Писала Правосудович по-русски в старой орфографии. Текст полностью вошел в упомянутое нами издание «Музыка в изгнании. Наталья Правосудович, ученица Шёнберга», однако здесь не лишне будет привести из него несколько важных цитат.

Мой отец Михаил Елевфериевич Правосудович происходил от старинного черногорского рода, один из членов которого, спасаясь от турок, переселился в Россию... Последние годы при Царе мой отец, инженер путей сообщения, был начальником Петроградской сети Московско-Виндавской

железной дороги и Царскосельской ветки. Он всегда сопровождал Государя и семью при его поездках... При Февральской революции папа был арестован, потом выпущен... Отец моей матери, Александр Алексеевич Горский, был по-

⁵ «Маэстро Арнольд Шёнберг и мои берлинские воспоминания» (нем.).

томком кабардинского узденя (князя), дети которого при покорении Кавказа были взяты заложниками... Мать моей матери — помещица Петербургской губ<ернии> Ольга Николаевна Львова. Дедушка женился на ней, когда ему было 40 лет, а бабушке — 16. Дедушка служил в Морском ведомстве, а затем жил в имении бабушки «Андреевщина» Новоладожского уезда Петербургской губ<ернии>... Интересно, что когда моя мать, живя всегда в городе и приезжая в деревню только летом, уступила «Андреевщину» своему брату, кот<орый> там постоянно жил, все пропало из-за революции, погубившей нашу чудную родину. Да поможет Господь ей возродиться... (ДРЗ, ф. 1, М-60).

Текст «Мое родословие» позволяет узнать и подробности биографии самой Натальи Правосудович. Она родилась 14 августа 1899 г. в Вильне. У нее были старшая сестра Таня (род. в 1897 г.⁶) и младший брат Дима (род. в 1900 г.). Мать Натальи Правосудович обладала выдающимися музыкальными способностями, которые, безусловно, передались ее дочери.

Я еще малолетним ребенком садилась за рояль «импровизировать», но гостившая у нас «большая» бабушка⁷ скоро положила тому конец, взмолившись к маме: «Ради Бога, начни ее учить — это невозможно слушать» (Там же).

Девочку готовили к поступлению в Петербургскую (тогда уже Петроградскую) консерваторию, выпускницей которой была ее мать, Наталья Александровна Горская. Так по протекции в 1918 г. она начала брать частные уроки у вдовы Александра Николаевича Скрябина, известной пианистки Веры Ивановны Исакович (1875–1920). Наталья Правосудович быстро сдружилась с семьей композитора. Позже она напишет об этом времени мемуары, которые также будут отправлены А.И. Солженицыну, а затем пополнят фонд 1 архива ДРЗ. Воспоминания о семействе композитора Александра Скрябина написаны в Мера-но в ноябре 1972 г. на немецком языке⁸ и ценны не только рассказом о знаменитой музыкальной династии, но и непосредственными впечатлениями о тяготах пореволюционной жизни семьи Правосудович, свидетельницей которых стала юная Наташа (в 1918 г. ей было 19 лет). Вот

*Наталья Правосудович. 1910-е гг.
Из семейного архива Натальи Дмитриевны
Правосудович, племянницы композитора*

⁶ В оригинале у мемуаристки стоит неточная дата — 1895 г. Татьяна Михайловна Правосудович стала художником-графиком, литографом, а также книжным иллюстратором. Скончалась в Ленинграде в 1963 г.

⁷ Так в семье называли бабушку по материнской линии, Ольгу Николаевну Львову.

⁸ «Meine Erinnerungen verbunden mit der Familie des Komponisten Alexander Skrjabin» (ДРЗ, ф. 1, М-60).

несколько выдержек из этих воспоминаний (цит. по: [Музыка в изгнании 2003], где они опубликованы в русском переводе):

Мне не довелось лично узнать композитора Александра Скрябина... однако я хорошо знала его музыку, ибо моя мать, выпускница Петербургской консерватории при Антоне Рубинштейне, обожала его произведения и часто их исполняла. И я их играла с энтузиазмом, а моя дипломная работа Соната опус 13 недвусмысленно обнаруживает сильное влияние Скрябина... Познакомившись на квартире Глазунова со Скрябиной и ее дочерьми-красавицами, я стала брать у нее уроки. Несмотря на мою неплохую домашнюю выучку, Вера Ивановна со мной держалась весьма строго и педантично. Все же я к ней очень привязалась и занималась с усердием, дабы быть допущенной на «курс старших». Шло лето 1918 года, ужасное лето. Коммунисты отобрали у нас всю усадьбу, оставив нам лишь корову, лошадь и клочок земли (луг и огород), который мы должны были обрабатывать сами, с помощью оставшейся нам верной крестьянской семьи. В период сенокоса мы брали (на так называемые общие работы) нашу лошаденку и таскали сено от реки наверх, вооружившись и коробами. Эти работы нам, детям, были не по силам, и то, что я тогда умудрялась готовить мои фортепианные программы, сегодня мне представляется чудом. Заготовка сена в итоге подорвала мое здоровье, и я свалилась в лихорадке... Когда же мы собрали урожай, из города был выслан отряд солдат с приказом всех прогнать, и нам пришлось все бросить, спасаясь бегством. Экзамен я все-таки выдержала... Шло воистину ужасное время. У нас дома вода замерзала в кувшинах, не говоря уже о шоке от арестов и расстрелов близких и знакомых. Моего отца посадили в тюрьму, но в тот раз выпустили. Приговор к 10-летней ссылке на Соловки и последовавший там расстрел произошли позже, когда я уже уехала за границу [Там же, с. 101–108].

В 1918–1925 гг. Наталья Правосудович училась в Петроградской консерватории, которую возглавлял композитор Александр Константинович Глазунов, сыгравший впоследствии очень важную роль в судьбе Натальи. Она писала:

Я занялась композицией, и в 1925 году защитилась экстерном именно по композиции... В 1925 году Александру Константиновичу (Глазунову) позволили уехать в Париж. Добыв разрешение уехать в Берлин и для меня, он спас мне жизнь [Там же, с. 108].

Уехав в 1928 г. в Берлин, Наталья Правосудович по рекомендации своего учителя А.К. Глазунова поступила в Прусскую Академию искусств, где она была зачислена на курс усовершенствования к композитору профессору Арнольду Шёнбергу.

Позже, в 1982 г., Правосудович написала воспоминания об этом периоде своей жизни — «Маэстро Арнольд Шёнберг и мои берлинские воспоминания» (на немецком языке) и отправила их А.И. Солженицыну, сопроводив следующей припиской на русском языке:

Глубокоуважаемый Александр Исаевич! Дай Вам Бог здоровья и сил для великих трудов Ваших! Очень прошу Вас приложить эти мои мемуары к ранее присланным мною!

С глубокой благодарностью почитающая Вас Наталья Правосудович.
8 ноября 1982 г. (ДРЗ, ф. 1, М-60)⁹.

Это произведение также опубликовано в книге «Музыка в изгнании...». Приведем несколько выдержек из «берлинских воспоминаний», которые были включены и в русский перевод в трехязычном издании:

Начался самый увлекательный период моей жизни. Шёнберг жил на вилле в Вестенде, позволяя студентам свободно посещать свое жилье... Наш профессор был невысокого роста, дружелюбен, мил (ему тогда шел 54 год, мне — 29). В его присутствии мы чувствовали себя раскованно. Учиться, впрочем, у него было нелегко... Самым прекрасным было то, что наши произведения тут же исполнялись. Сочинила я струнный квартет, и вскоре перед тобою четыре музыканта его исполняют. Мою небольшую Сонату для фортепиано, опус 23 тут же сыграла пианистка Ирина Вестерманн... К своим заметкам я прилагаю в качестве примера наших композиций программку от 15 ноября 1929 года, а также рецензию из *Deutsche Tonkünstlerzeitung* от 5 декабря того же года [Музыка в изгнании 2003, с. 109–118].

В архиве ДРЗ, помимо упомянутых программки и рецензии, содержатся программа радиопередач берлинского радио «Funk-Stunde Berlin» от 18 апреля 1930 г., где Н.М. Правосудович исполняла на фортепиано свои вариации на музыку Шуберта, программа радиопередач итальянского радио от 30 июня 1964 г., где была исполнена «Тема с вариациями и Фугой» опус 12, сочинение 1924 г. Н. Правосудович в исполнении пианистки Элианы Марцедду, а также программка концерта в Берлине от 2 июня 1931 г., на котором вновь звучала маленькая соната для фортепиано (1929) Натальи Правосудович и где композитор не могла присутствовать, поскольку уже обосновалась в Италии. Как она оказалась в Мерано, мы также узнаем из ее воспоминаний о берлинских годах:

<...> мне позвонила одна близкая мне дама и предложила к ней прийти. У нее в гостях я застала другую даму (Амалию Генриховну фон Мейер) из Мерано, желавшую со мною познакомиться. Она и порекомендовала меня Русскому Дому им. Бородиной, куда я приехала в мае 1931 года, на двухмесячный испытательный срок. По стоянию здоровья в Берлин я больше не вернулась. Потом началась война, и я осталась навсегда в Италии, где живу уже более пятидесяти лет [Там же, с. 117–118].

К корпусу мемуаров Натальи Правосудович, переданных ею А.И. Солженицыну и отложившихся в архиве Дома русского зарубежья, относятся также

⁹ Правосудович Н.М. Meister Arnold Schönberg und meine Berliner Erinnerungen. (ДРЗ, ф. 1, М-60).

ценные воспоминания «Отец Александр Введенский. Суд над Владыкой Митрополитом Вениамином. Мученик иеромонах Лев и “черная месса” в подвале Александро-Невской Лавры» (7 сентября 1978 г.). Наталья Правосудович была глубоко религиозным человеком, к тому же, по ее выражению, она была «душевно-духовно обостренно восприимчивая» (ДРЗ, ф. 1, М-60)¹⁰. В этих мемуарах композитор рассказала о первом духовном опыте, о своих встречах с о. Александром Введенским¹¹, бывшим ее духовником, о том, какой глубокий и трагический след оставило в сердце юной Наташи предательство о. Александра во время процесса над митрополитом Вениамином Петроградским. О популярности владыки Вениamina Правосудович пишет так:

<...> было «ночное моление», на которое пришло столько народу, что нельзя было руку поднять, чтобы перекреститься. Вся церковь причащалась; Владыка стал посередине храма на помост и всех соборовал (Там же).

Затем,

когда Владыка Митрополит был арестован и ходили о Введенском тяжелые слухи, моя мать и сестра сразу прозрели. А я все никак не могла поверить этому ужасному предательству в самой Церкви, я стремилась попасть на суд в бывш<ее> Дворянское собрание, чтобы увидеть воочию Введенского в ложе обвинителей¹² (Там же).

Этот драматический опыт повлиял в дальнейшем на религиозность эмигрантки, которая придерживалась юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, проводившей непримиримый курс по отношению к советской власти. В архиве Дома русского зарубежья хранится партитура пасхальной музыки «Страсти и Воскресение» (оп. 34; август 1939 — июль 1940) для оркестра и смешанного хора, здесь композитор обращается к эпизоду отречения апостола Петра

¹⁰ Фрагменты этих воспоминаний опубликованы по экземпляру, сохранившемуся в архиве Русского Дома им. Бородиной в Мериано; см. [Талалай 2003].

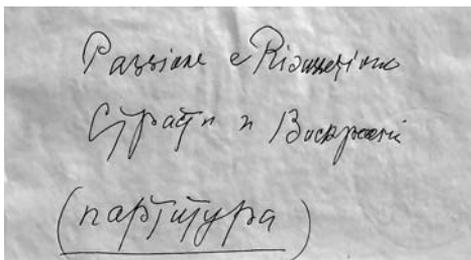
¹¹ Священник Александр Введенский (1889–1946) — российский, советский религиозный деятель, один из идеологов и лидеров обновленческого раскола. В 1922 г. вошел в «Петроградскую группу прогрессивного духовенства», которая подписала провокационное и носившее характер доноса «Воззвание группы священников», или «Письмо 12-ти», содержащее призывы жертвовать все церковные ценности на нужды голодающих и обвинения в адрес духовенства в контрреволюционности и равнодушии к страданиям народа. Почти сразу после своего начала кампания по изъятию ценностей стала сопровождаться массовыми репрессиями священнослужителей, за что Введенский был обвинен митрополитом Вениамином Петроградским и другими членами петроградского клира в предательстве.

Суд над митрополитом Вениамином — так называемый Петроградский судебный процесс над духовенством, состоявшийся в 1922 г. в зале бывшего Дворянского собрания. На скамье подсудимых оказались 86 обвиняемых, в числе которых был петроградский владыка митрополит Вениамин. Митрополит Вениамин и еще трое обвиняемых в том же году были расстреляны. Архиерейский собор 1992 г. причислил митрополита Петроградского и Гдовского Вениamina и расстрелянных с ним священнослужителей к лику мучеников.

¹² Н.М. Правосудович вспоминает о своем духовнике о. Александре Введенском.

в Евангелии от Марка. Данный новозаветный сюжет в музыкальном наследии Н.М. Правосудович, возможно, имеет глубинные связи с трагическими событиями церковного раскола, прямым свидетелем которого она была в России.

Живя в Италии, Наталья Правосудович не оставляла композиторской деятельности. Среди материалов, направленных ею А.И. Солженицыну, есть машинописный перечень музыкальных произведений Правосудович на немецком языке (Werk-Verzeichnis) (ДРЗ, ф. 1, М-60). Благодаря этому документу мы имеем довольно полное представление о творческом пути композитора.

Автограф Н. Правосудович.
Архив ДРЗ. Ф. 1. М-60

Приведем этот список¹³.

- Опус 1. Импровизации на различные темы для фортепиано.
- Опус 2. (1917) Хоровое произведение a capella на текст автора.
- Опус 3. (1920) «Коллекция смешных багателей в миноре» для фортепиано.
- Опус 4. Маленькая пьеса для фортепиано.
- Опус 5. Маленькая пьеса для вокала и фортепиано.
- Опус 6. (1921) Наброски для оркестра.
- Опус 7. (август 1922) Пьеса для виолончели и фортепиано.
- Опус 8. (сентябрь 1922) Фантазия для оркестра.
- Опус 9. (декабрь 1922) Пьеса для сопрано, виолончели и фортепиано.
- Опус 10. (март 1923) Прелюдия для оркестра.
- Опус 11. (1924) Фрагмент мессы для смешанного хора a capella.
(Все эти композиции остались в России.)
- Опус 12. (1924) Тема с вариациями для фортепиано.
- Опус 13. (январь–март 1925) Соната для фортепиано из четырех частей. Сохранилось 3. Четвертая «Scerzo» также осталась в России.
- Опус 14. (1925) Три импровизации для фортепиано.
- Опус 15. (5 ноября 1925) Быстрый фокстрот для фортепиано.
- Опус 16. (14 июля 1926 — 17 февраля 1927) Концерт для фортепиано с оркестром в одной части.
- Опус 17. (1927) «Primitivi» шесть пьес для фортепиано.
- Опус 18. (1927) Различные песни на русские тексты для фортепиано.
- Опус 19. (1927–1928) Пьеса для кларнета, виолончели, барабана и фортепиано.
- Опус 20. (1928) Две пьесы соло для виолончели.
- Опус 21. (Берлин, октябрь 1928) Фуга для фортепиано.

¹³ В начале текста композитор указывает, что список произведений ограничен 1962 г., однако последняя запись в нем датирована 1978 г.

- Опус 22. (Берлин, 1928) Вариации на тему Шуберта для скрипки и фортепиано.
- Опус 23. (Берлин, 1929) Маленькая соната для фортепиано.
- Опус 24. (Берлин, 1930) Три немецкие песни для сопрано и фортепиано.
- Опус 25. (Берлин, 1930) Струнный квартет.
- Опус 26. (1931) Концерт для струнного квартета и камерного оркестра.
- Опус 27. (1932) Три немецкие песни для сопрано и фортепиано на текст автора (две импровизации и две пьесы для виолончели были утеряны во время войны).
- Опус 28. (1932) Соната для виолончели и фортепиано.
- Опус 29. (1933) Интермеццо № 1 для большого оркестра.
- Опус 30. (4–10 февраля 1934). Хоровая композиция а capella на два немецких текста.
- Опус 31. (1935) Дуэт для флейты и кларнета в двух частях.
- Опус 32. (1937/1938) Сюита для фортепиано и оркестра в пяти частях.
- Опус 33. (1937) Трио для двух скрипок и виолончели.
- Опус 34. (август 1939 — июль 1940) «Страсти и Воскресение». Пасхальная музыка в 7 частях для оркестра и смешанного хора в заключительной части.
- Опус 35. (с марта по сентябрь 1955) I симфония «Жизнь и Размышления» в четырех частях для оркестра.
- Опус 36. (1956/1957) Струнный трио.
- Опус 37. (август–сентябрь 1958) «Тема и вариации» для оркестра.
- Опус 38. (сентябрь 1959) Интермеццо № 2 для оркестра.
- Опус 39. (29–30 апреля 1960). «Колыбельная» для сопрано и фортепиано.
- Опус 40. (9 июня — 16 июля 1960) II Симфония «Simplicissima» в трех частях для оркестра.
- Опус 41. (1 мая — 26 июня 1961). III Симфония «Simfonia concertante» в трех частях для оркестра.
- Опус 42. (27 декабря 1961 — 3 февраля 1962) Трио для кларнета, виолончели и фортепиано.
- Опус 43. (6 августа 1968) «Маленький вальс импровизация» для фортепиано.
- Опус 44. (23–24 декабря 1968) «Interrogando» для фортепиано.
- Опус 45. (сентябрь 1969) «Фрагмент» для фортепиано.
- Опус 46. (ноябрь 1969) Сюита № 1 для фортепиано. I Preludio — II Studio Fantasia — III Confronti — IV Studio — schersando — finale.
- Опус 47. (1971–1972) Сюита № 2 для фортепиано. I Preludio — II In montagna — III Melodia dei Violoncello — IV Slancio (Elan) finale.
- Опус 48. (4–6 декабря 1972) Прелюдия для фортепиано.
- Опус 49. (6 июня — 19 июля 1973) «Воспоминания» для фортепиано.
- Опус 50. (1 января — 9 июля 1974) «Фантазия» для фортепиано.
- Опус 51. (27 апреля — 25 мая 1974) Hommelodie mit Orchester (Klavierauszug).
- Опус 52. (6 мая — 12 ноября 1976) «Прелюдия и fuga» для фортепиано.
- Опус 53. (21 февраля — 11 июня 1977) «Прелюдия и fuga» для фортепиано.
- Опус 54. (16 августа — 16 сентября 1977) «Прелюдия и fuga» для фортепиано.
- Опус 55. (20 октября 1977 — 1978) Сюита № 3 для фортепиано. I Studio — II Breve Melodia — III Fugato finale.

Наталья Правосудович уехала из России уже сложившимся композитором. Можно только предполагать, насколько успешной могла стать ее творческая карьера, если бы не революция 1917 г. и вынужденный отъезд. В Германии, чтобы обеспечить свое существование, ей приходилось браться за любую работу: она была переписчиком нот, сиделкой, белошвейкой и т. д. С 1929 г. Правосудович начала выступать в Берлине, в 1931 г. играла в Гамбурге на III фестивале женщин-композиторов. Оказавшись в Мерано, она продолжала сочинять музыку и старалась поддерживать контакты с музыкантами других европейских стран, в том числе с Шёнбергом, однако маленькое пособие в 100 лир от фонда Бородиной не могло обеспечить творческую жизнь, — и композитор снова прибегала к случайным заработкам. Во время Второй мировой войны она как иностранка с советским паспортом чудом избежала депортации в СССР, но была вынуждена прервать творческую деятельность, к которой вернулась, судя по каталогу, только через 15 лет. На Западе произведения Н. Правосудович исполнялись на музыкальных сценах, однако не так много и часто, как они того заслуживали. Одно из ее ранних произведений — Соната для фортепиано опус 13 — много лет спустя, в 1962 г., принесло победу автору на международном конкурсе женщин-композиторов имени Елены Рубинштейн в Аргентине в категории «сочинений для инструмента-солиста». Как следует из буклета к компакт-диску с записями сочинений Н.М. Правосудович [Музыка в изгнании 2017], немало фактов о творческой жизни композитора содержится в меранской прессе, так как ее произведения часто исполнялись местным Курортным оркестром во время концертных сезонов.

*Наталья Правосудович. 1962 г.
Предоставлено Бьянкой
Марабини-Цёггелер*

Так, 11 сентября 1959 г. было исполнено ее «Интермеццо» для оркестра, которым дирижировал Альберто Джакометти. 11 октября 1963 г. прозвучала композиция «Suite per pianoforte Preludio, canzone e danza grottesca — Notturmo Scherzo finale», на фортепиано играл маэстро Макс Плонер, дирижировал тот же Джакометти. В марте 1967 г., на Страстную пятницу, исполнялась Сюита 2, также Плонером и Джакометти. Та же Сюита вновь была с большим успехом сыграна 13 октября 1967 г.

4 марта 1967 г. на закрытии зимнего концертного сезона на баварском курорте Бад-Райхенхалль в присутствии автора состоялась премьера 3-й симфонии опус 41 «Sinfonia concertante». Симфония была сочинена в 1961 г.; директор оркестра Вильгельм Барт, будучи в Мерано, имел возможность оценить ее партитуру. Музыка Натальи Михайловны — «Suite per pianoforte ed orchestra op. 32» — вновь прозвучала в Бад-Райхенхалле 6 марта 1974 г. Ди-

рижировал В. Барт; солировал молодой пианист Андреа Бамбаче [Музыка в изгнании 2017].

Анализ произведений Натальи Правосудович — тема отдельного музыковедческого исследования, которое, как нам кажется, могло бы представлять большой интерес как для исследователей, так и для любителей музыкального наследия русского зарубежья. Первые шаги в этом направлении сделал музыкант и музыковед Валерий Воскобойников, давно живущий в Италии. В эссе «Волнующая судьба» он рассказал и о собственных находках:

Мне удалось обнаружить в собрании магнитофонных регистраций RAI¹⁴ единственную запись пьесы Натальи Михайловны, «Тема с вариациями и (Двойной) Фугой» опус 12, сочинение 1924 года. Ее записала пианистка Элиана Марцедду, в прошлом довольно много выступавшая как солистка и часто записывавшаяся на RAI. Госпожа Марцедду преподавала в консерватории, в последние годы — перед выходом на заслуженную пенсию — в Аквиле; к сожалению, она ничего не смогла сообщить о Правосудович. Напротив, г-жа Рената Бертелли, в свое время надежная «колонна» Radio-RAI, женщина огромной энергии, музыкант-скрипачка, которая на протяжении многих лет координировала отдел классической музыки на RAI, правая рука Джорджо Видуссо и Франческо Сичилиани, рассказывает, что помнит Наталью Михайловну, которую встречала в Риме в 1963 году. Запись была осуществлена пианисткой Марцедду 29 марта того же года и была передана единственный раз, 30 января 1964 года. Запись хранится на улице Теулада, в историческом хранилище RAI [Музыка в изгнании 2003, с. 75].

Дадим перечень тех нотных произведений, которые попали в архив Дома русского зарубежья в составе Всероссийской мемуарной библиотеки:

Сочинения раннего периода творчества Н. Правосудович, написанные ею еще до эмиграции:

1. Соната для фортепиано, ор. 13 (1925). Типографская печать, издательство Scandinavisk musikforlag a/s, Копенгаген, 1971.

2. Концерт для фортепиано с оркестром, ор. 16 (1926–1927). Концерт написан в Петрограде незадолго до отъезда Н. Правосудович в Германию.

Полный текст сочинения представлен следующими материалами:

— Авторское переложение для 2-х фортепиано. Рукописная копия с пометами автора, нотная бумага, чернила, тушь черная, двустороннее заполнение листов, пометы автора.

— Партитура. Рукописная копия, партитурная бумага, тушь черная, двустороннее заполнение листов.

Судя по особенностям нотного почерка, копии выполнены одним профессиональным переписчиком в Риме (штамп на первой странице переложения) в 1975 г.

¹⁴ «Radiotelevisione Italiana» — итальянская общественная радио- и телевизионная компания.

но, копия нотного материала сочинения также, как и Концерта, изготовлена в Риме в 1970-х гг.

4. Страсти и Воскресение в 7 частях, ор. 34 (1939–1940):

1. Тайная вечеря; 2. Гефсиманский сад; 3 и 4 части Каиафа и Пилат; 5. Голгофа; 6. Погребение; 7. Воскресение.

Сочинение является своеобразной неканонической интерпретацией жанра Мессы в XX в. Н.М. Правосудович, безусловно, могла знать и слышать результаты поисков в этом направлении таких композиторов, как И. Стравинский, А. Казелла, Ф. Пуленк и др. В 1971 г. свою Мессу создал и исполнил Леонард Бернштайн.

Произведение представлено следующими материалами:

— Фрагмент автографа партитуры (1 лист — по авторской пагинации с. 56, цифра 100) — это сцена отречения Петра. Автограф, партитурная бумага, чернила. Есть авторские маргиналии — внизу под нотоносцем евангельский текст выписан на русском и итальянском языках: «Он уже начал клясться и божиться: не знаю я человека сего» (Евангелие от Марка 14.71). «Allora egli mise a maledire ea giurare: “Non conosco l’uomo di cui parlare”» (Marco 14.71). «И тодчас запел петух. Тогда Господь обратившись взглянул на Петра» (Евангелие от Марка 22.60) «E subito... un gallo canto».

— Полная партия кларнетов in B (2 экземпляра — кларнет I и кларнет II). Автограф автора, тушь черная. Время и место создания неизвестны (Мерано?, до 1978). Наличие партий кларнета дает представление о названиях и количестве частей, которых в сочинении 7, что характерно для традиционной католической мессы. Судя по унифицированной обложке партий кларнета, партии инструментов расписывались автором для публичного исполнения сочинения оркестром.

Как мы уже говорили, среди присланных А.И. Солженицыну материалов были также магнитофонные записи произведений Натальи Правосудович. В 2017 г. по просьбе Бьянки Марабини-Цёггелер эти записи оцифровали, и с разрешения Дома русского зарубежья в г. Больцано был выпущен компакт-диск как приложение к биографическому изданию «Музыка в изгнании. Наталья Правосудович, ученица Шёнберга».

В диск вошли опус 32 (1937/1938), Сюита для фортепиано и оркестра в 5 частях, а также несколько произведений, исполненных на фортепиано самой Натальей Правосудович:

Опус 14. Три импровизации для фортепиано:

I. «Маленький вальс импровизация»

II. «Interrogando» для фортепиано

III. «Фрагмент» для фортепиано

Опус 46. (ноябрь 1969) Сюита № 1 для фортепиано — Studio Fantasia — Confronti.

Опус 51. (27 апреля — 25 мая 1974) Hommelodie mit Orchester (Klavierauszug).

Опус 49. (6 июня — 19 июля 1973) «Воспоминания» для фортепиано.

Опус 50. (1 января — 9 июля 1974) «Фантазия» для фортепиано.

Примечательно, что в записи композитор сама объявляет названия произведений, таким образом, мы имеем уникальную возможность услышать голос Натальи Правосудович, которой в то время было более 70 лет.

Для буклета диска композитор из Больцано Питер-Пауль Кайнрат (Kainrath), исполнитель музыки Правосудович, написал:

Жизнь Натальи Правосудович можно назвать одновременно и необыкновенной и атактистической. *Необыкновенной* — ибо ей довелось узнать выдающихся композиторов XX в., Александра Скрябина и Арнольда Шёнберга, и поделить судьбу на две части, сбежав в 1928 г. из советской России в веймарский Берлин и оттуда перебравшись, из-за слабого здоровья, в Мерано, где благодаря поддержке Фонда Бородиной она провела последние полвека жизни. *Атактистической* — ибо, во-первых, она осталась верной Скрябину, поздне-романтическому композитору с утопическими воззрениями, и не поверила, еще до признания за постмодернизмом качеств особой историко-культурной эпохи, в модернистскую идею прогресса (казавшуюся ей тоталитарной) как преодоления настоящего и истории как движения к совершенству, во-вторых, она, хотя и была ученицей одного из самых новаторских композиторов современности, Шёнберга (на одной из европейских мультимедийных передвижных выставок Правосудович названа даже его «лучшей ученицей»), всю свою жизнь пребывала именно в русле позднего русского романтизма, вдохновлявшегося декадентского оттенка пафосом... [Музыка в изгнании 2017].

Музыку Натальи Правосудович отличают яркая самобытность и разнообразие. К сожалению, до нас дошло мало записей ее произведений, но даже на их примере очевидно — Правосудович не только демонстрирует верность эпохе Серебряного века, но и проявляет самый живой интерес к новаторским экспериментам эпохи модернизма, а в ее музыке присутствуют характерные черты русского авангарда.

Кайнрат поделился также своими впечатлениями от краткого знакомства с русской эмигранткой:

Встреча с Правосудович в 1988 г., в последний год ее жизни в маленькой меранской квартирке, принадлежавшей Фонду Бородиной, вызвала у меня в равной степени сочувствие и недоумение. Почти слепая и физически ослабевшая, она до последней минуты свято хранила верность своей далекой эпохе, всегда готовая к резким суждениям и к выражению разочарования — в Южном Тироле ей не оказали должного признания как композитору, да и современность в целом ей не подошла [Там же].

В этих суждениях нельзя не заметить поколенческий и культурный разрыв: молодой итальянский музыкант не мог в полной мере оценить специфику русского зарубежья — его открытости к новаторству западной культуры в единстве с преданностью отставленной родине и ее духовным ценностям — всего того, что и было названо «Музыкой в изгнании».

История выпуска компакт-диска уникальна: старые записи композитора-эмигранта отправились из Италии в Америку, а затем вернулись в Россию в новой

современной форме. Сбылась мечта А.И. Солженицына сохранить и сделать доступным для новых поколений достояние русского зарубежья.

Таков обзор архива Натальи Правосудович (М-60), фонда 1 («Всероссийская мемуарная библиотека»), куда вошли воспоминания и комплекс нотно-музыкальных источников, включая автографы, рукописные копии, печатные издания, аудиозаписи сочинений.

Какова же история появления этих материалов у Александра Солженицына, каким образом они попали к писателю? Как мы уже отмечали, Солженицын дважды обращался через зарубежную прессу к русским эмигрантам. Судя по всему, Н.М. Правосудович написала А.И. Солженицыну после его второго обращения (1977). Так, жительница Русского Дома им. Бородиной стала одной из первых, кто откликнулся на призыв нобелевского лауреата. У Бьянки Марабини-Цёггелер сохранились копии двух писем Правосудович, адресованных А.И. Солженицыну. Эти копии итальянской исследовательнице передала сама Наталья Правосудович во время их встречи в Мерано. Одно из них датировано 25 мая 1978 г., второе — 3 сентября 1978 г. С любезного разрешения Бьянки Марабини-Цёггелер приводим здесь полностью первое письмо композитора писателю.

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Очень прошу извинить меня, что позволяю себе Вас беспокоить. Но, узнав о Вашей доброй заботе о произведениях нас, русских, за рубежом, была бы Вам бесконечно благодарна, если бы и мои музыкальные сочинения сохранились бы в архиве для передачи их в освобожденную нашу несчастную Родину. Я, нижеподписавшаяся Наталья Правосудович, окончила Петроградскую консерваторию по классу композиции экстерном, т. к. была исключена за непролетарское происхождение.

Мой отец Михаил Елевфериевич Правосудович, инженер путей сообщения, профессор Института путей сообщения и Технологического института в Москве, автор технических книг, был в 1929–30 гг. (?) сослан в Соловки на 10 лет и там вскоре расстрелян, чему свидетелем был проф. Иван Михайлович Андреевский, подробно мне описавший страдания моего отца в Соловках¹⁵.

В 1928 году директор Консерватории, незабвенный Александр Константинович Глазунов, выхлопотал мне разрешение на выезд за границу, и я, по его рекомендации, была принята в Берлин <v> «Preußische Akademie der Künste» (Прусскую Академию искусств) в «Meisterklasse» (по классу) профессора Arnold Schönberg (Арнольда Шёнберга). Весной 1931 г. я по состоянию здоровья была друзьями послана в Мерано в «Русский Дом имени Бородиной», где и нахожусь по сей день.

Моя музыкальная работа была здесь прервана на 17 лет (1942–1959), т. к. должна была тяжело зарабатывать на жизнь (шитьем, домашней работой за

¹⁵ Наталья Михайловна не знала точной даты ареста и смерти отца: он был арестован в начале 1929 г. и 29 октября того же года казнен на Соловках. И.М. Андреевский (1894, Санкт-Петербург — 1976, Нью-Йорк), упомянутый ею свидетель гибели М.Е. Правосудовича, участник «иосифлянского» движения, находился в заключении на Соловках с 1928 г. до середины 1930-х гг.; эмигрант второй волны, с 1950 г. жил в США, преимущественно при Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле, где читал лекции.

пользование комнатой, уроками). В 1962 г. я получила 1-й приз за фортепианную сонату на Международном конкурсе в Буэнос-Айресе.

Проживающая в г. Карлсруэ наша замечательная пианистка Irene Slavin — Наталья Давиденкова, получившая недавно высокую награду германского правительства (Золотой крест на ленте), часто исполняла мою музыку на концертах и в нескольких радио в Германии. Она ездила в Петроград, где делала корректуру русского перевода своей книги о методике и давала в консерватории показательный концерт. Она хотела организовать там и мне концерт, у меня (через нее) запросили ноты, но я отказалась, также и послать мои воспоминания о семье Скрябина для книги о нем.

Теперь она послала в консерваторию, в «акустический кабинет» пластинку с моей музыкой, и «музыкальная писательница» Хенцова, издавшая две книги о Шостаковиче, запросила (опять через Давиденкову) мою биографию для музыкального журнала, но я опять отказалась — из-за страха иметь дело с советским агентом.

Позволю себе приложить грамофонную пластинку фотокопии моего диплома и двух концертов в Германии.

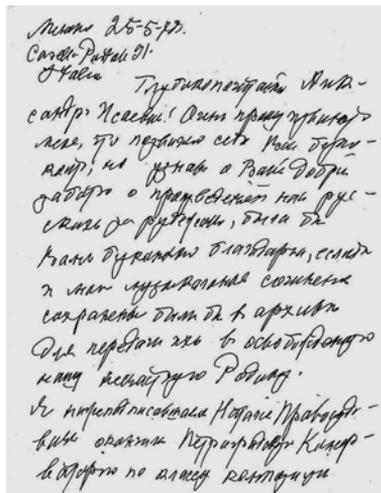
Глубокопочитаемый Александр Исаевич, еще раз прошу извинить меня за беспокорство. Дай бог Вам сил и здоровья для святых трудов Ваших.

Чтущая Вас.

Наталья Правосудович.

Судя по всему, Александр Солженицын и Наталья Правосудович успели обменяться несколькими письмами. Предполагаем, что они должны были сохраниться в архиве писателя, но этот вопрос еще предстоит изучить.

Как видно из первого письма, Наталья Правосудович с волнением восприняла призыв Солженицына о создании Фонда сохранения русских культурных ценностей, которые позже будут переданы на родину. Ее надежды и чаяния сбылись: музыкальные записи и воспоминания не только сохранены в современной России, но и опубликованы, память о композиторе жива в Италии, в Южном Тироле, где она провела большую часть своей жизни и где ее помнят и ценят¹⁶. Надеемся, что теперь и соотечественники будут лучше знать и помнить имя Натальи Правосудович.

Первая страница письма Натальи Правосудович Александру Солженицыну. Предоставлено Бьянкой Марабини-Цёггелер

¹⁶ В 2017 г. в Мерано на набережной реки Пассирио установлен аллегорический портрет Н.М. Правосудович в бронзе. Художественное решение местного ваятеля Микаэля Флири (Fliri) вызвало полемику, однако сам по себе факт появления памятника, вне сомнения, является выражением признательности композитору со стороны горожан.

Благодарим Бьянку Марабини-Цёггелер за содействие и предоставленные материалы — письма Натальи Правосудович и главного хранителя музейных предметов ДРЗ Елену Владимировну Кривцову за помощь в описании архива композитора.

Список сокращений

ВМБ — Всероссийская мемуарная библиотека

Источники и литература

ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Музыка в изгнании 2003 — *Марабини-Цёггелер Б., Талалай М.Г.* Музыка в изгнании. Наталья Правосудович, ученица Шёнберга. Больцано; Вена: Folio Verlag, 2003. 126 с.

Музыка в изгнании 2017 — Буклет к компакт-диску — приложение к изд. [Музыка в изгнании 2003].

Солженицын 1996 — *Солженицын А.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1996. Т. 2. 624 с.

Талалай 2003 — *Талалай М.* «Страсти и Воскресение». Музыка и мемуары композитора Натальи Михайловны Правосудович // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2003. № 16. С. 15–23.

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

А.Б. Шишкин

«МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПАЛЛАДИАНЕЦ»
АНДРЕЙ БЕЛОБОРОДОВ

«Мир, который Андрей Белобородов избрал своим убежищем, — один из самых прекрасных» — это суждение о русском художнике-архитекторе Андрее Яковлевиче Белобородове (1886–1965) принадлежит Джорджо де Кирико. Де Кирико и Белобородов были друзьями и в чем-то единомышленниками. Однако эти слова — лишь заключение достаточно развернутого высказывания знаменитого итальянского художника. Полностью интересующий нас фрагмент из статьи де Кирико о Белобородове выглядит так:

Миры, которые я познал и в которых я работал, многочисленны и разнообразны, среди них также присутствует и мир Белобородова. Однако моя натура иная. Она подобна кондору в неустанном полете, мне дорого покорение всегда новых вершин, познание новых миров. По правде, однако, должен сказать... ([Chirico de 1947], оригинал по-итальянски, перевод наш. — А.Ш.).

И далее речь идет о том, что мир Белобородова — один из самых прекрасных. Обратим внимание на намеченное противопоставление: свою индивидуальность де Кирико уподобляет кондору в свободном полете, открывающему новые миры, а творческую природу Белобородова отсылает в убежище, где она и творит свой прекрасный мир. Мир одиночества, мир метафизический, а не мир реальный, актуально-исторический. И метафизика эта — палладианская. Кстати, титулование Белобородова «метафизическим палладианцем» — также открытие де Кирико¹. И теперь зададимся вопросом о том, почему может быть интересен сегодня Андрей Яковлевич Белобородов, какое *убежище* он избрал и в чем заключалась его *палладианская метафизика*.

Белобородов родился в Туле 16 (28) декабря 1886 г. Осенью 1904 г. он переехал в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств и посвятить себя изучению классического итальянского искусства. Восемнадцатилетний Андрей (так он именуется в публикуемых ниже мемуарах) был уже захвачен той волной итальянофильства, которая наложила столь сильную печать на всю культуру русского Серебряного века.

В Петербурге Белобородов сначала готовился к экзаменам в академию в частной школе Якова Голдבלата, а осенью следующего, 1905 г., пройдя по конкурсу,

¹ Впрочем, в 1936 г. Альберто Неппи (Neppi) отметил, что в рисунках художника присутствует «некая метафизическая драматичность» (оригинал по-итальянски, цит. по: [Giuliano 2015, p. 222]).

начал учиться у Л.Н. Бенуа и посещать академическую мастерскую В.В. Матэ. Лекции профессоров мало захватывали Белобородова. Близкую себе среду он нашел в кругу академистов своего и старших курсов. Вокруг Белобородова образовался кружок двенадцати друзей-единомышленников: Б.Р. Криммер, М.М. Успенский, В.Н. Талепоровский, В.И. Дубенецкий, Э.Я. Штальберг, В.Г. Гельфрейх, С.В. Домбровский, Л.В. Руднев, А.Л. Шиловский, Б.А. Альмединген, В.А. Волошинов. Отвергая «византизм» в искусстве, кружок в 1906 г. выступил с публичным манифестом за возрождение классической итальянской традиции.

Свой кружок молодые архитекторы-академисты именовали «Дуодецим», т. е. «Двенадцать» — от соответствующего латинского слова *duodecim*. Каждому члену этого кружка Белобородов даст впоследствии весьма примечательные характеристики. В чем же состояла суть самого проекта? Об этом Белобородов в своих еще не изданных «Воспоминаниях»² говорит так:

<...> Новая архитектура должна развиваться на основе подлинного классического искусства. Тут учителями стали Палладий и Скамоцци, Перуцци, Альберти и Серлио. Их произведения, их рисунки изучаются так же, как и их философия; саван мертвых, так долго облекавший классические формы, спадает, и жизнь вливается в архитектурный ордер, так долго бывший общим местом (РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 18, вторая пагинация, л. 15).

Понятно, что историческое время не дало возможности группе «Дуодецим» реализовать своей проект в целости. Судьбы прежних единомышленников складывались по-разному. Кто-то стал корифеем советской архитектуры, как Руднев и Гельфрейх, не говоря уже о Жолтовском. Кто-то профессионально состоялся только в эмиграции, как, например, Дубенецкий и Штальберг. Кто-то сгинул в водоворотах времени, как Шиловский. Но для понимания истории русской архитектуры XX в. был бы совсем не праздным вопрос о том, что из программы «Дуодецим» сохранилось и реализовалось в творческом проекте каждого из участников этой группы. И примерно об этом ставит вопрос сам Белобородов в «Воспоминаниях»:

Кто знает, по какому пути при других условиях пошла бы архитектура в России под влиянием молодой и сильной группы, объединенной глубокой верой в возможность классического возрождения? (Там же).

Однако посмотрим, как отвечает на этот вопрос своей творческой биографией А.Я. Белобородов.

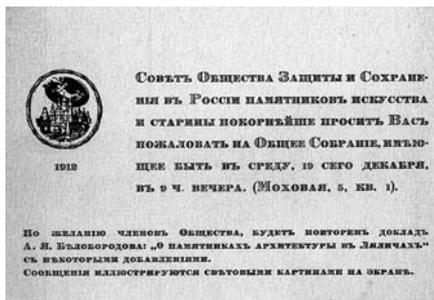
Переломным моментом в жизни молодого архитектора стало его выступление в петербургском «Обществе защиты старины» 7 декабря 1912 г. Белобородов рассказал о построенном Дж. Кваренги дворце Завадовского в Черниговской губернии, пришедшем к началу XX в. в крайнюю ветхость. В течение лета 1911 и 1912 гг. Белобородов обмеривал дворец и составил его подробные планы и чертежи. Как писал архитектор в своих воспоминаниях, его труд предполагалось издать в виде отдельной книги, но из-за начавшейся войны проект этот не был осуществлен.

² Эти «Воспоминания» готовятся в печати. Фрагмент из Четвертой части «Воспоминаний», посвященный 1914–1918 гг., публикуется в настоящем издании ниже.

Однако выступление 1912 г. в «Обществе защиты старины» «открыло» Белобородова высшему петербургскому свету, который начал обращаться к еще студенту академии с лестными и оригинальными заказами.

В 1913–1917 гг. Белобородов проектировал и строил особняк графа А. Бобринского на Английской набережной, 18. Панно на мотивы Кваренги заказывала Белобородову, как он писал в своих воспоминаниях, графиня О.Г. Бобринская.

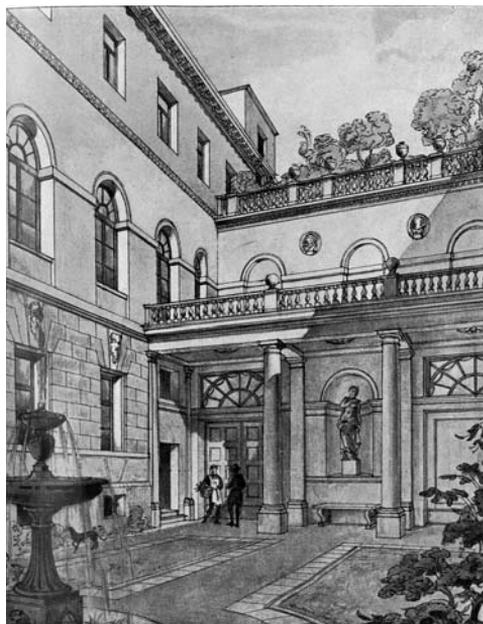
Наиболее почетный заказ архитектор получил в том же 1913 г. от Кабинета Его Императорского Величества. Молодой архитектор подготовил проект, однако Николай II его не утвердил, считая, что залы Кабинета, учрежденного Петром I, должны быть исполнены в петровском стиле. Согласиться с ходом мыслей царя Белобородов не мог: ведь здание дворца было выстроено самим Кваренги! Однако по итогам конкурса все-таки победил Белобородов, и в результате царь предпочел его проект.

Приглашение на доклад А.Я. Белобородова в «Обществе защиты и сохранения в России памятников...» 19 декабря 1912 г. РАИ, фонд А. Белобородова. Публикуется впервые

А.Я. Белобородов. Проект дома гр. А. Бобринского. Пг., Английская наб., 18 (Ежегодник общества архитекторов-художников. Вып. 11. Пг., 1916. С. 14)

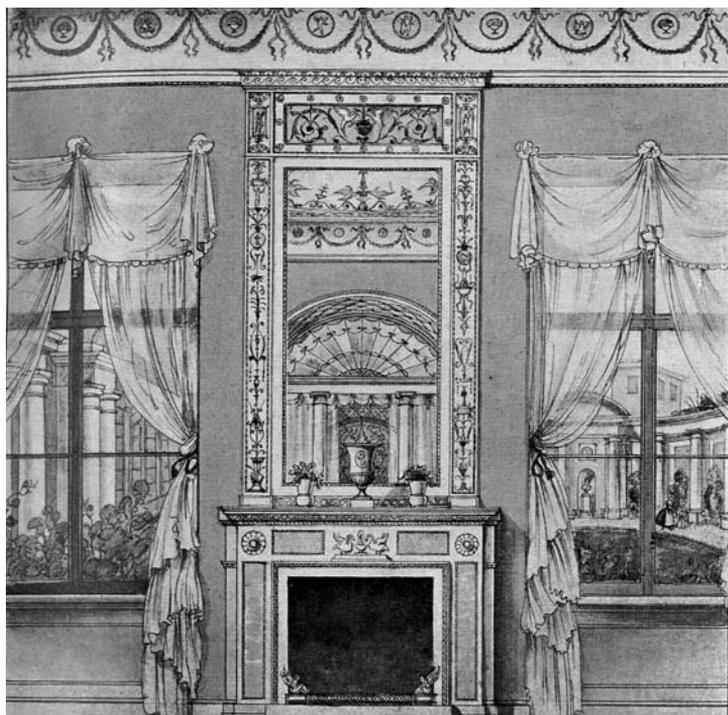

А.Я. Белобородов. Проект дома гр. А. Бобринского. Пг., Английская наб., 18. Внутренний дворик (Ежегодник общества архитекторов-художников. Вып. 11. Пг., 1916. С. 15)

А.Я. Белобородов.
Перспективный
вид парадного зала
Кабинета
Е. И. В. в Аничковом
дворце, СПб.
(Ежегодник обще-
ства архитекто-
ров-художников.
Вып. 10. Пг., 1915.
С. 25)

А.Я. Белобородов.
Проект отделки
малой гостиной
княгини Ирины Алек-
сандровны в доме кн.
Ф.Ф. Юсупова, Пг.,
Мойка, 94 (Ежегодник
общества архитек-
торов-художников.
Вып. 11. Пг., 1916.
С. 21)

Среди других архитектурных работ, которые Белобородову было суждено завершить в Петербурге, были интерьеры Юсуповского дворца на Мойке (1913–1915) (см. цв. вкл.). Заказчик — молодой князь Феликс Юсупов — не считался с затратами, задумывая кроме того ряд других, порой экстравагантных реконструкций и построек в подмосковных владениях. В декабре 1916 г. чрезвычайные события самым прямым образом коснулись заказчика-мецената и мастера. За три месяца до отречения Николая II, в тщетной попытке спасти царский дом от падения, заговорщики решили физически устранить Григория Распутина. Местом покушения они избрали уединенную столовую без окон в подвальном этаже во дворце на Мойке, оформленную Белобородовым буквально за несколько дней до убийства «старца». В сам роковой день художника во дворце не было, но он оказался свидетелем событий, непосредственно последовавших за этим. Белобородов подробно записал все, свидетелем чему стал; эта дневниковая хроника и исторические фотографии дворца стали основой его личного архива³.

В предвоенные годы Белобородов дебютировал как книжный график. В 1912 г. художник исполнил виньетки к книге А.А. Ахматовой «Вечер». Фронтиспис работы Белобородова — классическая четырехсводная арка⁴ со статуей античного бога на фоне идеального пейзажа — в 1913–1914 гг. открывал журнал «Аполлон».

Осенью 1914 г., когда работы в Юсуповском дворце были в самом разгаре, конкурсы Белобородова по академии готовились к выпускному конкурсному экзамену. Его темой был архитектурный проект «Университет на четыре факультета в столичном городе». Белобородов и здесь остался верен своим художественным пристрастиям: исходной моделью для пространства проекта он вновь избрал «Афинскую школу»⁵. Примечательно, что консервативная Академия художеств признала самостоятельность решения молодого архитектора: Белобородов был выпущен из нее первым. Диплом, подписанный императрицей Марией Федоровной, президентом Академии художеств, присваивал ему звание архитектора-художника (см.: РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 2, л. 8).

События 1917 г. остановили все архитектурные труды Белобородова в Петрограде. «В страшный и темный период от 17-го до 20-го года возможности свободной художественной работы все более и более суживались», — писал Белобородов в наброске автобиографии (черновой автограф карандашом; Там же, № 10, л. 4). Сотрудничать с советской властью и перешедшими на ее сторону прежними единомышленниками Белобородов не хотел. Так, он отверг предложение Н. Пунина взять на себя руководство архитектурной секцией Отдела изобразительных искусств. «Постепенно все начинания попирались жестокой и беспощадной пятой <...> все крепла и принимала форму жизненной необходимости идея бегства» (Там же).

³ Эта хроника была опубликована художником в нескольких вариантах: [Beloborodoff 1944; Белобородов 1956; 1962].

⁴ Своим образцом она имела арку из «Афинской школы» Рафаэля. Копия этой фрески, исполненная в 1825–1828 гг. Карлом Брюлловым, с 1828 г. находилась в петербургской Академии художеств.

⁵ «Университет на четыре факультета в столичном городе» (1915; Архив Музея Академии художеств, СПб.), см.: [Шишкин, Юдин 2016, с. 109].

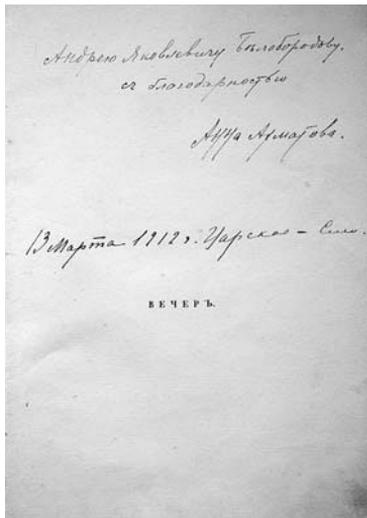
Кабинет кн. Ф.Ф. Юсупова. «Комната, расположенная над *saletta sotterranea* (подземной залой — ит.). Здесь все время играл граммофон, пока разворачивались события внизу. *Fotografia inedita* (неизвестная в печати фотография — ит.), снятая незадолго до события» (примеч. А.Я. Белобородова). РАИ, фонд А. Белобородова. Публикуется впервые

А.Я. Белобородов. Подземная зала в Юсуповском дворце. Место убийства Г. Распутина. РАИ, фонд А. Белобородова

*Интерьеры Юсуповского дворца на Мойке.
РАИ, фонд А. Белобородова*

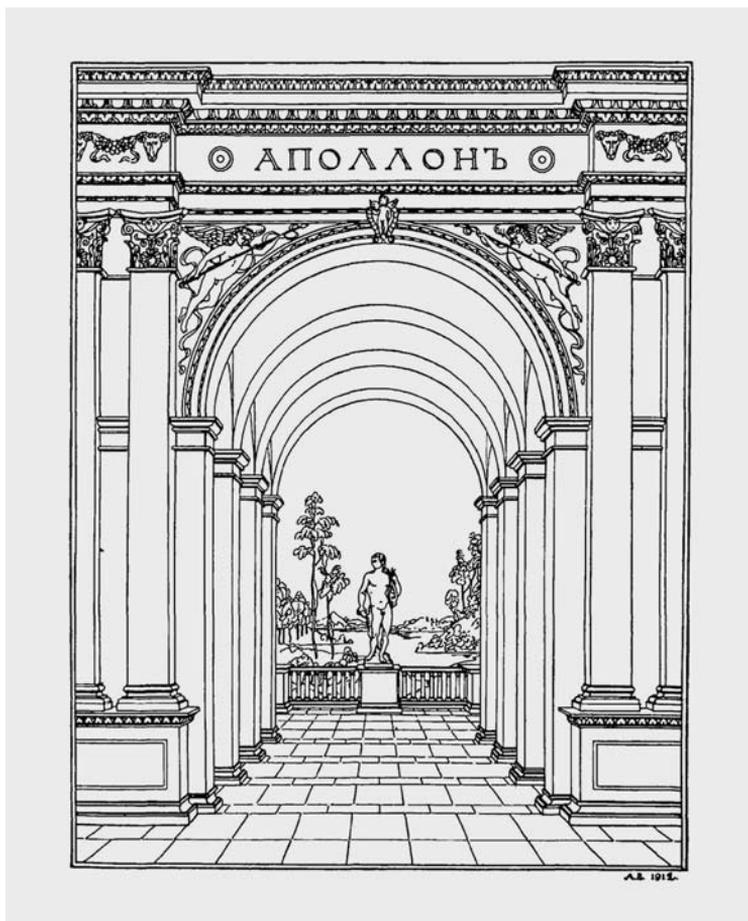
*Автограф А.А. Ахматовой на
авантитуле книги «Вечер».
Библиотека Института русской
литературы (Пушкинский Дом)
РАН. Публикуется впервые*

Решение было принято, и 1 февраля 1920 г. Белобородов перешел пешком по льду Балтийского моря на территорию Финляндии. 29 февраля «Особый комитет по делам русских в Финляндии» в Гельсингфорсе выдал ему необходимый документ⁶. Из Финляндии художник на пароходе отправился в Англию, где связался с князем Ф. Юсуповым, который к этому времени обосновался в Лондоне.

Ф. Юсупов сразу нашел Белобородову важный заказ — оформить лондонский «Альберт-холл» для «Голубого бала» — благотворительной акции в пользу беженцев из советской России. Благотворительный бал был организован под покровительством королевы Великобритании, в нем участвовала легендарная Анна Павлова, которая танцевала «Голубой Дунай» Штрауса и «Русский танец» Калинникова.

Осенью того же 1920 г. Белобородов перебрался на жительство в Париж, но тотчас же отправился в свое первое итальянское путешествие, в «Обетованную Страну», как говорил сам. Он рисовал в Риме, Фраскати, Венеции, Вероне, Виченце, Флоренции, Сиене, Сан-Джиминиано, на Амальфитанском побережье, на Сицилии. В одну из итальянских поездок художник близко сошелся с поэтом Вяч. Ивановым и его семьей. Представив первые работы итальянского цикла в парижском Осеннем салоне 1921 г., в мае 1923 г. Белобородов открыл большую — 90 работ — выставку «Италия» в салоне В. Гиршмана на рю Сен-Онорэ. Во вступительном очерке к каталогу выставки известный французский искусствовед Жан-Луи Водуайе (Vaudouyer) сравнивал Белобородова с Дж. Каналетто и Пиранези — с первым его роднила аналитическая точность, а со вторым — фантазия и визи-

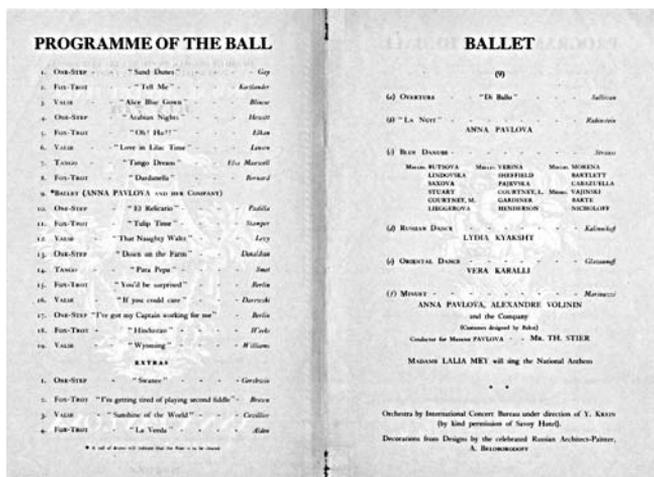
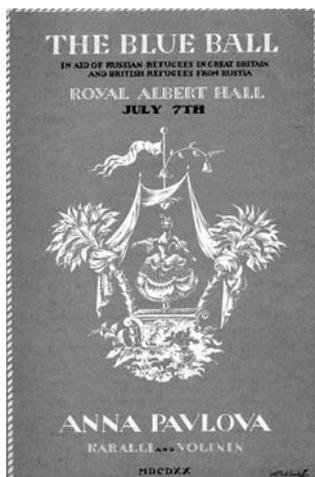
⁶ Le comité russe en Finlande. Certificat. 21 Mars 1920. N. 1198 (РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 2, л. 11).

Фронтиспис А.Я. Белобородова к журналу «Аполлон». 1913–1914

онерность [Джулиано 2011, с. 218]. Посетивший выставку поэт и писатель Анри де Ренье удостоил русского художника вступительным очерком «Приглашение к путешествию» для каталога следующей выставки — весной 1924 г. в парижской галерее Жана Шарпантье (Charpentier). Примечательно, что Константин Сомов, в марте 1924 г. находившийся в Нью-Йорке (он был одним из организаторов Выставки русских художников), крайне уничижительно отозвался о присланных из Парижа картинах («чудовищный хлам») и удостоил похвалы только работы Белобородова: «Только хорошие гравюры на дереве Белобородова. Даже картина Яковлева очень плоха» [Сомов 2018, с. 138–139].

В последующее годы картины Белобородова выставлялись в Берлине, Белграде, Риме, Венеции, Копенгагене; о нем писала не только русская эмигрантская пресса, но и «Figaro», «Vogue», «Illustration», «Dedalo». Утвердила известность художника парижская выставка, которая проходила вновь в галерее Шарпантье с 11 по 26 мая 1929 г. Здесь было показано тридцать видов Рима и римских вилл,

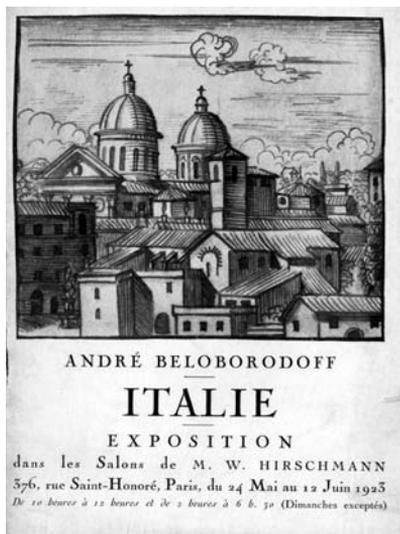

Программа спектакля в лондонском «Альберт-холле» и обложка программы в оформлении А.Я. Белобородова. 7 июля 1920 г. РАИ, фонд А. Белобородова. Публикуется впервые

а также сады и дворцы под Римом в Тиволи, Фраскати, Капрароле, цветные гравюры дляготавливаемых книг о Риме и Салернском заливе (см. цв. вкл.). «Отрешившись от своей эпохи, отождествившись с тою, которую он воспроизводит, он вышел из *времени*, стал выше «даты», — заключал свой пронизательный и тонкий отзыв на выставку князь С.М. Волконский [Волконский 1929].

Ценителями творчества, выпадающего из современной ему эпохи, стал узкий, оторванный от «большого мира», космополитический круг европейской аристократии, меценатов и крупных дипломатов. Белобородов выступил как «соавтор» Мориса Палеолога, бывшего посла Франции в императорской России, члена, подобно Анри де Ренье, Французской академии. Книгу Палеолога «Заметки по истории и искусству Рима» иллюстрировали 52 гравюры русского художника, а тираж этого издания для немногих составил 60 экземпляров (см. цв. вкл.). Задуманное в это же время совместно с Полем Валери художественное издание «Салернский залив» увидело свет только в 1951 г. тиражом 25 экземпляров [Paléologue 1930; Le golfe de Salerne 1951].

С архитектурными заказами к Белобородову обращались Дени де Ружмон (de Rougemont), графиня де Кастри (de Castries), князь Ф.Ф. Юсупов. Примечательный и важный заказ Белобородов получил от

Обложка каталога выставки «Италия» в парижском салоне В. Гиримана в оформлении А.Я. Белобородова. 24 мая — 12 июня 1923 г. РАИ, фонд Белобородова. Публикуется впервые

*Замок Коленкур. Архитектор — А.Я. Белобородов. Рим, 1934 г.
РАИ, фонд А. Белобородова*

графини Ж. де Мутье-Коленкур (de Moustier Caulaincourt). Графиня обратилась к русскому архитектору с предложением заново отстроить замок, полностью уничтоженный немецкими войсками в Первую мировую войну.

Работа Белобородова по постройке, созданию интерьеров и меблировке замка завершилась летом 1934 г. и вызвала значительный интерес. Французский архитектурный журнал «La Construction Moderne» напечатал 19 фотографий замка, посвятив ему специальный номер. Ж.-Л. Водуайе отмечал в «Figaro» 27 июля 1934 г., что если прежде французские и итальянские архитекторы знакомили Россию со стилем Мансара и Сансовино, то теперь русский архитектор построил во Франции дворец в петербургском палладианском стиле XVIII в.

На вершине славы Белобородов окончательно перебрался в любимый Рим. В ноябре 1934 г. открылась выставка во дворце графини Печчи-Блант (120 работ), в декабре того же года — в Милане, в галерее Скопинич (95 работ). Известности и признанию Белобородова поспособствовала официальная ватиканская газета «Osservatore Romano», воспроизведя в большом формате шесть картин художника⁷.

Постоянным щедрым, хотя и прихотливым заказчиком стал швейцарец Морис Сандоз — богач, меценат, писатель (автор 25 книг прозы и стихов). По широте и грандиозности своих проектов Сандоз чем-то напоминал Феликса Юсупова.

В Риме художник продолжал дружить с Вячеславом Ивановым и его семьей. Отношения установились на долгие годы. Однажды в 1934 г. поэт расписался в альбоме посетителей: «Il fedele ammiratore dell' artista Venceslao Ivanov» — «Верный почитатель художника Вячеслав Иванов» (РАИ, ф. А. Белобородова, к. 2,

⁷ Osservatore Romano. 1934. 5 dicembre; 15 dicembre; 1935. 14 dicembre; 1939. 24 marzo.

№ 34, л. 23). Как свидетельствовала дочь поэта Лидия, Иванов «ценил и любил» Белобородова [Иванова 1990, с. 291]; историк средневековья Евгений Ананьин вспоминал встречи с художником у Иванова в письме к Белобородову от 11 августа 1962 г. (РАИ, ф. А. Белобородова, к. 3, № 112, л. 1).

Уступку, едва ли не единственную, современности XX в. — реальной «черно-рубашечной» Италии 1930-х гг. — при желании можно усмотреть в выставке Белобородова «Новый монументальный Рим», прошедшей в Музее Рима 18 ноября 1936 — 13 декабря 1937 г. (60 работ). В ту эпоху Муссолини осуществил ряд значительных урбанистических новшеств в Вечном городе, иные из которых можно назвать действительно удачными. Белобородов запечатлел этот вновь открытый Город: грандиозная пустынная перспектива, замыкаемая Колизеем, античный храм в строительных лесах, реконструируемая ренессансная площадь. И в этих работах становится особенно заметно, как из материи городских пейзажей вырастает метафизика Вечного города.

Некоторые итальянские критики 1930-х гг. пытались выставить Белобородова истолкователем, а то и иллюстратором идеологии «второй империи» на Апенниннах. Однако эта идеология совсем не сочеталась с безлюдной тишиной и ностальгическим одиночеством, явственно доминировавшими в работах Белобородова. Это метафизическое одиночество тонко интерпретировал художественный и литературный критик Винченцо Буччи (Bucci). Каждый пейзаж итальянского цикла русского художника, по мнению Буччи, «это видение дворцов, храмов, обелисков, статуй, фонтанов, явленных сквозь призму магического одиночества, которое в этом видении, отделяя красоту, усиливает и ярко выражает жизнь» ([Bucci 1934], оригинал по-итальянски, перевод наш. — А.Ш.).

К концу 1930-х гг. Белобородов решительно поменял сюжет своих графических работ. В канун мирового катаклизма из его картин совершенно ушла связь с современностью, с реальностью сегодняшнего дня. И полностью вступили в свои права законы архитектурной метафизики. В марте 1939 г. в «Римской галерее» Белобородов выставил первые 25 картин из нового цикла: фантастически прекрасные покинутые грандиозные города, арка императора Константина на две трети под водой, затонувшие храмы на фоне гор, уходящая в землю башня, разбитые останки прекрасных строений, поднимающаяся вода и запустение, фрагменты и обломки былой красоты и роскоши, ушедшие под воду или в ничто. Серия названа «Grande Isola» — «Большой остров», и это символическое название невольно ассоциируется с ушедшей под воду Атлантидой, невозвратно утраченным прекрасным миром. В ряде картин свободно используются образы классической римской архитектуры — разрушенный Колизей, арка Тита или пирамида Кая Цестия. Трудно решить, что перед нами — «Воображаемая Италия» или ностальгически увиденная «обетованная земля», утраченная эмигрантом... Неслучайно, что один из этих драматических образов Белобородов избрал как фронтиспис для макета своей книги воспоминаний.

В 1942 г. — для Италии это был год решающих поражений на фронтах мировой войны — Белобородов получил работу художника и декоратора в фильме режиссера Гоффридо Алессандрини «Мы живые — Прощай, Кира» (по роману американской писательницы русского происхождения Айн Рэнд «Мы живые», 1936).

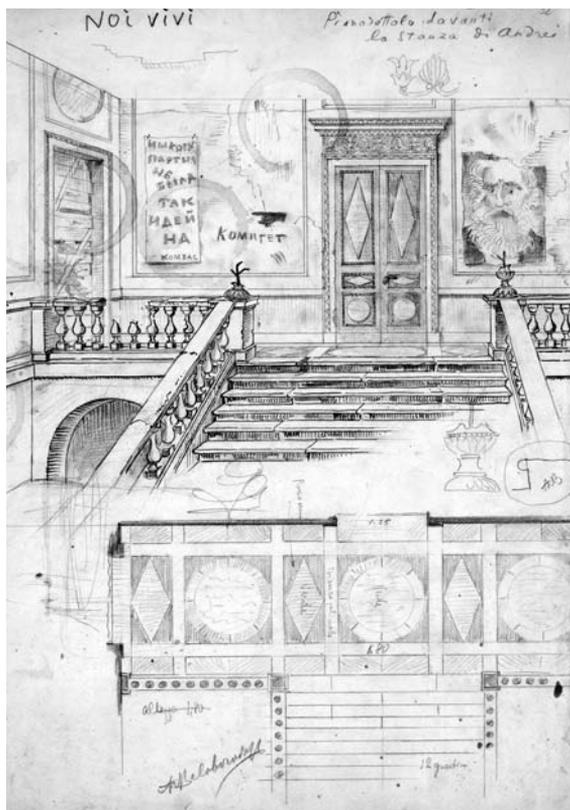
*А.Я. Белобородов. Рисунок из цикла «Великий остров»,
выбранный для фронтисписа к «Воспоминаниям».
РАИ, фонд А. Белобородова*

В фильме неоднозначно были показаны жизнь Петрограда/Ленинграда середины 1920-х гг.: идеалисты-революционеры, коррумпированные чекисты, беспринципные аристократы, партийные карьеристы на фоне бесправных «бывших». Белобородов создал как серию ансамблей и интерьеров города на Неве, так и исторически точные наброски персонажей той эпохи.

Новые картины из цикла «Великий остров» художник показывал на выставках 1940, 1941, 1945, 1947 и 1953 гг. «Постапокалиптические» (так выразился один французский критик — [Fabre 1945]) видения Белобородова вызвали значительный отклик в прессе. Одним из первых отозвался на «Великий остров» посетивший римскую выставку 1939 г. А.Н. Бенуа. Заостря трагедийно-творческий момент у эмигранта-художника, Бенуа сопоставлял мир «Острова» с императорским Петербургом:

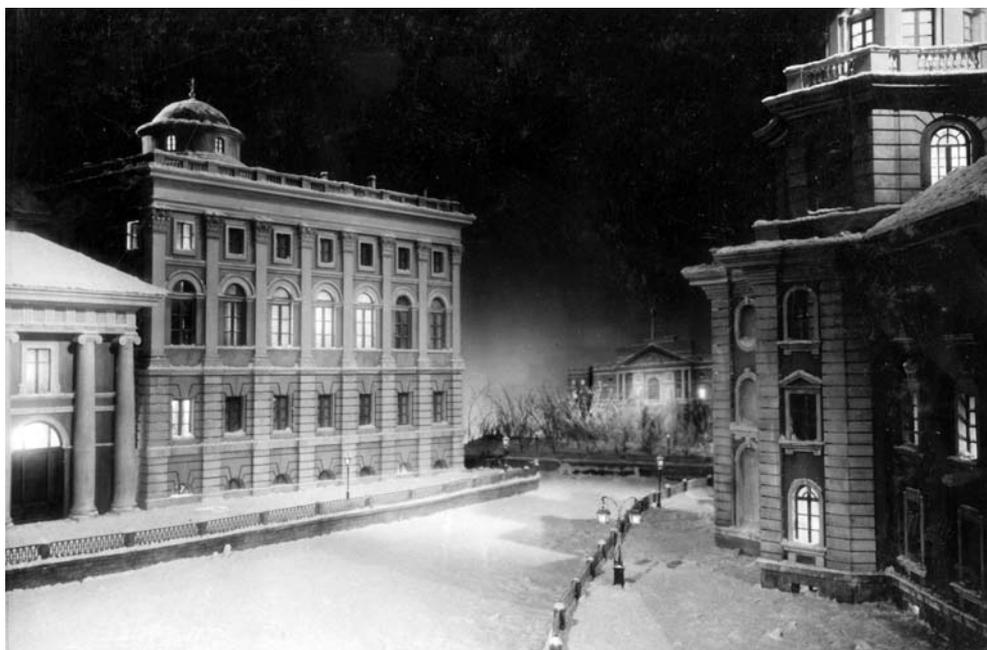
Все поражает грандиозностью размеров, размахом планировки и ладом пропорций. <...> Все чудом содержится в порядке, все точно приготовлено для какого-то праздника, но самого населения нет — и эта пустынная мертвенность только усиливает впечатление какого-то чудесного сна — не то сладкого, не то «клонящегося к кошмару». И как в кошмаре, пустыньность этой Атлантиды далеко не убеждает в полной безопасности. <...> Близость к великому Вичентинцу⁸ придает что-то «Петербургское» всем этим бесконечным перспективам и площадям. И каменным громадам нашей развенчанной

⁸ Т. е. Палладио.

А.Я. Белобородов. Эскиз декорации к фильму «Мы живые — Прощай Кира». 1942 г.
РАИ, фонд А. Белобородова

Декорации А.Я. Белобородова к фильму «Мы живые — Прощай Кира». 1942 г.
РАИ, фонд А. Белобородова

столицы, благодаря главным образом Кваренги, Старову, и отчасти Томону, Росси и Захарову, присущ тот же дух палладианизма — дух суровой, но и прекрасной пустынности. Все исполнено того же величия, как на этом белобородовском «Острове» [Бенуа 1939].

Миланская писательница Анджела Дзуккони, старинная приятельница Белобородова и Иванова, в статье, опубликованной в католической газете «Avvenire», воспроизводит такой диалог по поводу «Великого острова» между Вяч. Ивановым и Альваро Коррадо, известным итальянским писателем, поэтом и художественным критиком:

Как соотносятся между собой в фантастической истории Великого острова руины и невредимые дворцы?

Для Коррадо Альваро руины — это образ того, чем в какой-то день станут великолепные улицы большого города. Напротив, по Иванову из этих руин рождается город, утверждая торжество искусства над временем, красоты над смертью, идеи над тленной материей. Для одного Великий остров есть образ осужденного города, пророчество о наступлении нового варварства, для другого — успокаивающий образ возрождения. Для Альваро художник побежден, для Иванова он — победитель; для первого руины похожи на призраки, для второго они просто-напросто «прекрасны»; для Альваро площади и улицы города суть воспоминание, для Иванова они — обетование. Для Альваро природа равнодушна к драме превратностей человека, Иванов видит, что солнце и свет как бы утешают и ободряют безмятежную грусть развалин. Для Альваро даже облака суть не что иное, как остатки небесного катаклизма, для Иванова они — божественные посланники. Для Альваро вода — бесстрастное зеркало мира сего, по Иванову вода стремится восстановить в глубине своего отражения сами здания, помогает им выразить то, что они сами не могут более сказать ([Zucconi 1941; оригинал по-итальянски, перевод наш. — А.Ш.].)

После окончания Второй мировой войны Белобородов завершал задуманные им прежде планы и проекты. В 1948–1950 г. он строил дворец для Мориса Сандоза в небольшом парке на Малом Авентинском холме, в сотне метров от античной стены, которой император Марк Аврелиан опоясал древний Рим. Построенный Белобородовым дворец в изысканном ренессансном стиле находится, таким образом, *entro muros*, «внутри стен». Белобородов стал первым и пока единственным русским архитектором, который удостоился чести строить в пространстве исторического центра Вечного города. Высокая оценка работы Белобородова была почти единогласна. Вот название одного из опубликованных отзывов: ««Волшебство Ренессанса в современном дворце» [Moschini 1953]. Об успехе Белобородова говорит и тот факт, что в 1957 г. вслед за Сандозом русскому архитектору думал заказать себе дом в неоклассическом стиле «властитель дум» итальянского искусства — Де Кирико⁹.

На склоне лет Белобородов задумал издать книгу-альбом своих живописных «образов» Вечного города. Из нескольких сотен видов Рима и его окрестностей, созданных художником за всю свою жизнь, он избрал и повторил в гравюре двад-

⁹ Проект не был реализован. См. об этом: [Neipperg 2018, p. 247].

цать четыре «ведуты» (см. цв. вкл.). Преимущественно это «исторические» гравюры, запечатлевшие город до реконструкций и перестроек XX в. «Утраченный Рим» — так озаглавил свою рецензию на книгу М. Прац [Praz 1962].

Книга была завершена в сотрудничестве с давним другом художника — сыном поэта Вяч. Иванова Димитрием, известным во Франции писателем и журналистом, писавшим под псевдонимом Jean Neuvécelle. Для книги Jean Neuvécelle — Д.В. Иванов составил «путеводитель», своего рода воображаемую прогулку по Вечному городу по избранному художником маршруту [Beloborodoff 1961]. Завершался «путеводитель» кратким очерком об особенном символическом мире Белобородова и его судьбе, начатой на берегах Невы:

Рим, показанный нам художником, — истинный и воображаемый, ирреальный и предельно точный одновременно. Он пуст. Как будто во все века люди не собирались на этой избранной чудесным образом земле, в этом городе, справедливо нареченным Вечным. И в наши дни толпы со всего мира спешат сюда: паломники идут процессией от Колизея к базиликам, атлеты соревнуются на древних и новых олимпийских стадионах.

Но человеческое не привлекает художника. Он особенным образом связан с самим Городом, с тем приходящим и бессмертным, из которого Город сотворен, из коего художник в свою очередь творит, в своем духе и на своих полотнах, другие города, воображаемые и фантастические.

Воспользуемся тем, что Рим Белобородова лишен людей. На этих безжизненных улицах, в этих парках, где говорят лишь вода и камень, один шаг, один голос может прозвучать — ваш. Образы, которые вы видели здесь, это образы воспоминания. Ваша память может их оживить, ваше существование может их наполнить, когда Рим будет для вас лишь улетевшим настоящим — прошедшим. <...> Верный водам Невы, на берегах которой молодым начинал он рисовать, гравировать и строить, здесь он продолжает рисовать и гравировать архитектуру подлинную и архитектуру воображаемую ([Beloborodoff 1961, страницы без пагинации]; оригинал по-французски, перевод наш. — А.Ш.).

Петербург и Вечный Рим, архитектура подлинная и архитектура воображаемая органично соединяются и перетекают друг в друга в работах «метафизического палладианца» Андрея Белобородова. Эта палладианская метафизика лишь на первый взгляд являет собой причудливый полет фантазии. Ее цель — открытие вечной реальности, скрытой за фасадом преходящей событийности. А ее главный закон, пользуясь излюбленной формулой Вяч. Иванова, — совершить прорыв *ad realibus a realiora*, от реального к реальнейшему.

Источники и литература

РАИ — Римский архив Вячеслава Иванова (Исследовательский центр Вяч. Иванова в Риме)

Белобородов 1956 — *Белобородов А. Убийство Распутина. Из записок // Русская мысль* (Париж). 1956. 21 авг. № 941.

- Белобородов 1962 — *Белобородов А.* Работа во дворце кн. Ф. Юсупова: Воспоминания. Из записок А.Я. Белобородова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1962. № 70. С. 184–200.
- Бенуа 1939 — *Бенуа А.Н.* Выставка А.Я. Белобородова // Последние новости. 1939. 14 апр. № 6591.
- Волконский 1929 — *Волконский С.М., кн.* Рим Белобородова // Последние новости. 1929. 26 мая. № 2986.
- Джулиано 2011 — *Джулиано Дж.* «Прогулка по стране воспоминаний»: встреча двух художников в эмиграции. Переписка М.В. Добужинского и А.Я. Белобородова // Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 115–188.
- Иванов 2004 — *Иванов Д.В.* Русский архитектор и художник Андрей Белобородов // Наше наследие. 2004. № 71. С. 144–151.
- Иванова 1990 — *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. Париж: Atheneum, 1990. 434 с.
- Пайман 2004 — *Пайман А.* Белобородов в Риме // Наше наследие. 2004. № 71. С. 152–156.
- Рицци 2011 — *Рицци Д.* «Quelques choses d'indéfinissable que je voudrai appeler — intellectualité esthétique»: переписка Сергея Маковского с Андреем Белобородовым и Морисом Сандозом // Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 233–274.
- Сомов 2018 — *Сомов К.* Дневник 1923–1925. М.: Дмитрий Сечин, 2018. 716 с.
- Шишкин 2006 — *Шишкин А.* Из итальянских хроник Андрея Белобородова // Русские в Италии: Культурное наследие русской эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 465–486.
- Шишкин, Юдин 2016 — *Шишкин А., Юдин А.* Человек: Андрей Белобородов (1886–1965) // Проект Россия / Project Russia. 2016. № 79. С. 108–115.
- Beloborodoff 1944 — L'uccisione di Raspitin. Memorie inedite si Andrea Beloborodoff architetto di principe Yussupoff // Quadrante. Anno 1. № 1. 9 dicembre 1944.
- Beloborodoff 1961 — *Beloborodoff A.* Venti quattro vedute di Roma, presentati da Henri de Régnier, con una breve guida di Jean Neuvécelle. Roma, 1961. (Трехязычное издание — франц., англ., итал., без пагинации.)
- Bucci 1934 — *Bucci V.* Un pittore russo di città italiane. Andrea Beloborodoff // Il Corriere della Sera. 1934. 27 dicembre.
- Chirico de 1947 — *Chirico de G.* Andrea Beloborodoff alla «Finestra» // Gazzetta delle arti. 1947. 24–30 marzo.
- Fabre 1945 — *Fabre F.* Beloborodoff poète se la vie morte // Présence. 1945. 20 mai.
- Giuliano 2015 — *Giuliano G.* Solitudine contro le avanguardie. Andrej Beloborodov nella stampa periodica italiana // Русско-итальянский архив. X. Salerno, 2015. P. 217–232.
- Le golfe de Salerne 1951 — Le golfe de Salerne. Treize bois originaux de Béloborodoff introduits par un texte inédit de Paul Valéry. Paris; Rome: Collection de L'Obélisque, 1951 (без пагинации).
- Moschini 1953 — *Moschini F.L.* Magia del Rinascimento in una villa Moderna // Il Giornale. 1953. 9 luglio.
- Neipperg 2018 — *Neipperg E. von.* André Beloborodoff, architecte, peintre, scénographe. Paris: Éditions Norma, 2018. 336 p.
- Pacini 1934 — *Pacini R.* Cronache romane: La mostra di André Beloborodoff nel palazzo Pecci Blunt // Emporium. 1934. Vol. 80. P. 372–373.
- Paléologue 1930 — *Paléologue M.* Rome: notes d'histoire et d'art. Ouvrage orné de 52 bois dessinés et gravés par Beloborodoff. Paris: Jules Meynial, 1930. 372 p.
- Praz 1962 — *Praz M.* [Alcibiade] Roma perduta // Paese sera. 1962. 16 febbraio.
- Zucconi 1941 — *Zucconi A.* Gli abitatori della Grande Isola: interpretazione di un grande artista // L'Avvenire. 1941. 12 febbraio.

М.А. Васильева

ВЕЧНЫЙ ГОРОД И ВЕЛИКИЙ ОСТРОВ
АНДРЕЯ БЕЛОБОРОДОВА*

Судьба выдающегося архитектора и графика русского зарубежья Андрея Яковлевича Белобородова (1886–1965) — пример парадоксального сплава признания и забвения, которые полноправно присутствуют в его художественном мире, определяют прижизненный и посмертный портрет. В 1920-м он покинул Россию состоявшимся архитектором, убежденным апологетом русского палладианства, в эмиграции довольно быстро нашел свою творческую нишу, обосновавшись в 1934 г. в любимой Италии, — снискал славу¹. Как зодчий и график Белобородов был высоко оценен европейской и эмигрантской критикой, о нем писали Поль Валери, Уго Ойетти, Анри де Ренье, Коррадо Альваро, Жан-Луи Водуайе, Альберто Неппи, Джорджо де Кирико, Александр Бенуа, кн. Сергей Волконский и др. (см. об этом: [Giuliano 2015])². Интерес к его творчеству западных славистов отражен в ряде основательных исследований и публикаций, а выход в Париже в 2018 г. роскошного иллюстрированного издания [Neirperg 2018] подвел знаменательную черту в истории изучения творчества Белобородова на Западе. В России, где хранится часть архива художника³, до сих пор не прошло ни одной его ретро-

Андрей Белобородов. Рим, 1940-е гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века», проект № 17-04-00126-ОГН.

¹ Более подробно о биографии А.Я. Белобородова см.: наст. изд., с. 139–154, а также [Шишкин, Юдин 2016].

² Богатый материал об итальянской критике, посвященной творчеству Белобородова, представлен в статье [Giuliano 2015] с приложением библиографии статей об Андрее Белобородове в итальянских журналах и газетах, каталогах выставок и книгах по искусству «Articoli su Andrej Beloborodov in riviste e giornali italiani, cataloghi di mostre e libri d'arte (1925–1970)» [Ibid, p. 230–232].

³ Материалы из архива А.Я. Белобородова передавались из Рима в 1978, 2005, 2009–2010 гг. и ныне хранятся в отделе рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург). См. об этом: Искусство и архитектура русского зарубежья (<http://www.artz.ru/articles/1804902596/index.html> (дата обращения: 24.05.2019)).

спективной выставки⁴. Похожая участь постигла и воспоминания Андрея Белобородова, которые так и не были изданы на его исторической родине даже в виде републикации. Три отрывка, появившиеся в середине прошлого века в эмигрантской периодике, — последний и единственный пример издания мемуаров на русском языке [Белобородов 1956; 1962; 1963].

Между тем воспоминания Белобородова представляют немалый интерес как источник ценной информации об авторе и его окружении и как яркий образец мнемонического нарратива русского зарубежья. И по возрасту, и по стилю письма Белобородов примыкает к старшему поколению эмиграции, которое создало выдающуюся литературу памяти о России, на вершине традиции — Иван Бунин, Борис Зайцев, Иван Шмелев, Алексей Ремизов, Георгий Иванов. Так определил ряд характерных черт этого мнемонического дискурса литературный критик Георгий Адамович: «...взгляд обращен назад, к воспоминаниям. Все искусство и все дарование художника направлено к тому, чтобы создать мираж и, вызвав из небытия исчезнувший мир, какой-то заклинательной волей водворить его на месте мира настоящего» [Адамович 2002, с. 73].

Мир Белобородова, созданный в изгнании, соткан из прошлого и прежде всего зримо присутствует в графике. Архитектурные фантазии художника в стиле итальянских каприччио напоминают сколок исчезнувшей цивилизации. Безлюдность ландшафта только усугубляет его потусторонность. «Это страна молчания и одиночества, в которой мы только услышим эхо наших шагов из глубины нашего молчания», — писал об урбанистических утопиях Белобородова Анри де Ренье [Regnier 1929, p. 1]. В то же время античные виды отсылают к петербургскому пейзажу, а тот, в свою очередь, хранит прообраз итальянской архитектуры. Это похоже на «сон во сне» с бесконечной перспективой взаимных отражений. В такой сложной мнемонической траектории мемуары архитектора становятся литературным продолжением «итальянской» графики и прежде всего многолетнего цикла «Великий остров» («Grande Isola»). Первая выставка цикла состоялась в 1939 г. в «Римской галерее», последняя — в 1953-м, а через два года Белобородов обратится к литературной форме воспоминаний. Знаменательно, что одну из работ «Острова» он выбрал в качестве знаковой иллюстрации (фронтиспис) к мемуарам. Таким образом, в белобородовской мнемопоэтике «Великий остров» становится всеобъемлющей метафорой — грандиозным местом памяти, где «итальянский» мир урбанистических фантазий, руинизированных архитектурных проекций и безлюдных городов-миражей соседствует с миром самых живых воспоминаний о России и прочно с ним связан, а Вечный город и Петербург образуют диалогический топос.

⁴ В возвращении наследия А.Я. Белобородова активное участие принял Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, где по инициативе руководителя Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме А.Б. Шишкина прошли презентации работ Белобородова в графике и кино (вечер «Великий остров»: Россия в памяти и воображении художника Андрея Белобородова», 12 сентября 2012; музыкально-литературный проект «Ave, Roma»: «Римские сонеты» Вячеслава Иванова», 18 февраля 2013). См.: http://www.domrz.ru/science_center/science_projects/nauchno-populyarnyy-seminar-russkoe-zarubezhe-neizvestnyestrantsy/ (дата обращения: 15.04.2019).

На поверхности — добротнo выписанные мемуары с каноническим делением на детство, отрочество, юность. Это безмятежные детские годы в Туле и на даче в Алексине на Оке; петербургские годы студенчества (учеба в Императорской академии художеств); экспедиции в Изборск, Печоры, Эрзерум, Крым и т. д.; период взлета творческой карьеры накануне катастрофы революции 1917 г.; и, наконец, бегство из страны, где одним из последних ярких образов встает перед нами, как фантазмагорическая декорация, — уходящий на дно хаоса постреволюционный ветшающий Петроград. Белобородов создает «классические» воспоминания. Как неопытный литератор, он грешит стилистическими промахами и в то же время предлагает читателю завораживающую «картинную галерею». Вообще там, где можно проявить дар живописца, рука Белобородова пишет уверенно и ярко. Вот лишь несколько «живописных» примеров:

натюрморт: «...пол верхнего этажа амбара <...> устилался соломой, и на ней аккуратным ковром раскладывались эти два сорта яблок. “Антоновские” же покупались мерами и сразу шли на мочение и маринование, те же, что сохранялись сырыми, наполняли своим живительным, нежным и сильным духом кладовку, где они складывались по полкам в компании груздей, рыжиков, опенок и прочих солений и варений, среди которых царили крупный зеленый крыжовник, брусника и лесная клубника» (РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 17)⁵;

портрет: «Внешним хозяйством заведовал дворник Григорий, тридцатилетний смиренный удивительно красивый мужик с глазами синими, как васильки, нежнейшей белой кожей на строгом иконописном лице, золотистыми усами и гладкими густо смазанными постным маслом волосами, расчесанными на прямой пробор. Когда его спрашивали, почему он не женился, он неизменно отвечал: “Я спокой люблю”» (Там же);

пейзаж: «...а дальше круглился торец луга, противоположный видневшемуся вдали Алексину; здесь была ветхая серенькая лачужка-сторожка, и отсюда начиналась замечательная поистине волшебная дорога к роднику. За обрамлявшими луг соснами по левому слегка холмистому краю дороги были рассыпаны букеты величественных плакучих берез. Как огромные многоструйные фонтаны они спускали с самых вершин и до земли тончайшие нити своих ветвей с маленькими клейкими листочками, а вокруг по зеленой свежей мураве толпились темные куполообразные кусты можжевельника» (Там же).

Есть, однако, ряд специфических несовпадений белобородовского текста с эмигрантским контекстом 1950-х гг. Исторический период, когда художник берет-ся за воспоминания, символичен для русского рассеяния. С середины прошлого века в эмигрантскую литературу хлынула волна мемуаров, одна за другой вышли в свет книги Юрия Терапиано («Встречи», 1953), Георгия Адамовича («Одиночество и свобода», 1955), Владимира Варшавского («Незамеченное поколение», 1956), Глеба Струве («Русская литература в изгнании», 1956); изданные затем воспоминания Нины Берберовой, Зинаиды Шаховской, Андрея Седых, Василия Яновского,

⁵ Здесь и далее цитируем с любезного разрешения Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме.

Ирины Одоевцевой, Романа Гуля, Александра Бахраха и др. окончательно подвели черту под целой эпохой — русскому зарубежью было что рассказать про новейший опыт изгнания и драматичные межвоенные годы своего становления. На фоне этого сугубо эмигрантского сюжета воспоминания архитектора, где царит только российский хронотоп, выглядят анахронизмом. Биография главного героя вписана в исторический промежуток, в котором эмиграции еще нет места, — действие очерчено от рождения протагониста до его бегства из охваченной революцией страны. В итоге Белобородов, следуя мнемонической традиции своего поколения, задерживается на целую эпоху. Период, когда память о России вдохновляла на «Жизнь Арсеньева» и «Петербургские зимы», берет отсчет с 1920-х гг. Если учесть, что этот «золотой век» эмигрантской литературы иные критики еще в межвоенные годы сочли чрезмерно «музейным»⁶, то в послевоенные 1950-е гг. воспоминания зодчего полноправно претендуют на место музейного экспоната. Стиль Белобородова, несколько старомодный, с вплетением лексики эпохи сентиментализма (вроде «любезный сердцу»), еще больше откидывает текст в прошлое. Эта пряная архаика заметно устаревает на фоне головокружительных экспериментов модернизма. Дополняет картину своеобразное транспонирование мемуарного нарратива — о себе автор пишет в третьем лице, именуя Андрюшей (период детства), Андреем (период юности), будто речь идет о человеке постороннем или находящемся в ином измерении. Создается впечатление, что время для Белобородова застыло, превратилось в непроницаемую субстанцию.

По мнению исследовательницы Аврил Пайман, эта меморизация канувшего в Лету мира, наложенная на драматичные урбанистические образы в графике, сыграла чуть ли не решающую роль в угасании славы Белобородова:

Постепенно, однако, апокалиптическое видение русского художника, его пронзительное предчувствие грандиозных бед и акмеистическая «тоска по мировой культуре» перестали вызывать былой интерес зрителей. Такой пророческий плач стал казаться им лишь «поисками прошлого» в архитектурных развалинах. Обнародованные на итальянском языке воспоминания Белобородова о князе Юсупове и Распутине⁷ отодвинули его еще дальше по времени в мир великих империй, разрушенный еще Первой мировой войной [Пайман 2004, с. 156].

Между тем, если понимать творческое наследие Белобородова как единство, где зодчество, графика и литературный опыт подчинены главенствующему архитектурному дискурсу, то в мемуарах перед нами предстает не просто кропотливый реставратор, но убежденный архитектор-ретроспективист. Через эту оптику иначе видится и архаика его текста, который уместно поместить в русло новаторского «консерватизма» эмигрантской литературы, — здесь стоит вспомнить и фантастическую вязь прозы Алексея Ремизова, и резкий уход поэзии авангар-

⁶ Ироничный Марк Слоним еще в 1931 г. заметил: «Эмигрантскому писателю остается <...>, поддерживая традицию, отказаться от современности... ради России прошлой: так делают “старика”, создавшие литературу воспоминаний» [Слоним 1931, с. 621].

⁷ Имеется в виду отдельная хроника, посвященная указанным событиям: [Beloborodoff 1944].

диста Бориса Божнева в сторону державинских одических строф.

В сущности, писатель Белобородов продолжает линию Белобородова-палладианца, апологета «чудесной архитектуры любезного его сердцу Гваренги» [Белобородов 1962, с. 190] и члена кружка «Duodecim», созданного при ИАХ Леонтием Бенуа. Позже в мемуарах Белобородов подробно воспроизведет портреты всех двенадцати участников (В.Г. Гельфрейх, В.И. Дубенецкий, Б.Р. Криммер, В.Н. Талепоровский, М.М. Успенский и др.) и задаст риторический вопрос: «Кто знает, по какому пути при других условиях пошла <бы> архитектура в России под влиянием молодой и сильной группы, объединенной глубокой верой в возможность классического возрождения?» [Белобородов 1963, с. 203]. Здесь, однако, стоит упомянуть не только «группу», но отдельное мощное направление градостроительной политики зодчих-академистов, боровшихся за исторический облик российской столицы. На переломе веков сторонники возрождения итальянского большого классицизма (И.А. Фомин, Л.А. Ильин, А.И. Дмитриев, В.А. Шуко, М.С. Лялевич и др.) на страницах журналов «Мир искусства», «Старые годы», «Архитектурно-художественный еженедельник», «Аполлон» выступали за сохранение лучших архитектурных традиций Северной Пальмиры. Об этом направлении Николай Анциферов в книге «Душа Петербурга» писал:

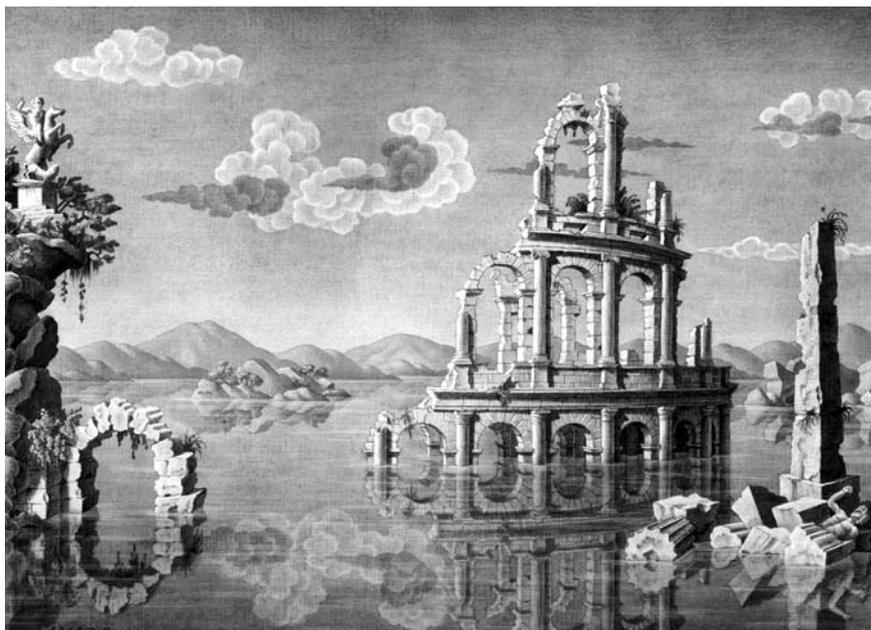
Рассеялся туман, окутавший на долгие годы гордый, стройный вид архитектурного пейзажа. Снова появилось чувство устойчивости города. Строгие монументальные громады, такие могучие, внушили спокойную уверенность: бег времен не сокрушит этой твердыни [Анциферов 2014, с. 130].

Ревнитель русского палладианства Андрей Белобородов и в мемуарах остается верен архитектурному «консерватизму»: фабула исправно воспроизводит исторические коллизии, но поэтिका не поддается «бегу времени» и возрождает каноны классицизма.

Мемуары архитектора на фоне его урбанистической графики представляют немалую ценность и как яркий образец петербургского текста русской эмиграции. В изгнании петербургский текст продолжил развиваться по имманентным законам и воспроизводить свои характерные черты — это «наводненческие» мотивы, архитектурная доминанта; образ опустевшего города (легендарная формула «Петербургу быть пусту»); перенос драматичной мифопоэтики города на

А.Я. Белобородов. *Санта Мария ин Трастевере. Цветная линогравюра. 1930 г. Из кн.: Paléologue M. Rome: notes d'histoire et d'art. Ouvrage orné de 52 bois dessinés et gravés par Beloborodoff. Paris: Jules Meynial, 1930*

А.Я. Белобородов. Рисунок из цикла «Великий остров». РАИ, фонд А. Белобородова

образ страны в целом и, наконец, отмеченный В.Н. Топоровым принцип «дву-
плоскости»:

Петербург — бездна, «иное» царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека. Внутренний смысл Петербурга, его высокая трагедийная роль, именно в этой несводимой к единству антитетичности и антиномичности, которая самое смерть кладет в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как ее искупление, как достижение более высокого уровня духовности [Топоров 2003, с. 8].

Петербургиана Белобородова, переходящая из архитектуры в графику, из графики — в литературный текст, служит идеальной иллюстрацией этой антиномичности: уходящие под воду города «Великого острова» сменяются в мемуарах историей личного творческого взлета на родине. Художественный мир архитектора органично вторит метафизическому закону Петербурга — неразрывности гибели и самовозрождения, стихийных бедствий и архитектурного порядка.

Характерная конфликтная мифология места была описана самим Белобородовым в сопроводительном тексте к первой выставке «Великого острова» (1939):

Уже в самые отдаленные времена греки открыли Великий остров в центре моря, которое всем напоминает Средиземное и до сих пор сохраняет немало остатков эллинской культуры. Унаследовавшие им римляне основали

там много городов, особенно в широкой и плодородной долине; позднее, в результате геологического катаклизма, она превратилась в огромное озеро. Природный катаклизм на многие века прервал цветущую древнюю цивилизацию, но многие ее памятники сохранились почти нетронутыми, другие были частично разрушены или поглощены водой. Со временем население превратилось в племя пастухов, и остров закрылся густым туманом. Последовала новая продолжительная темная эпоха, и только на заре новых времен туман рассеялся. Итальянские мореплаватели начали посещать Остров и ввозить туда свои искусства и обычаи. За краткое время Остров стал цветущей страной и достиг высокого уровня цивилизации ([Belobodoff 1939, p. 4–5]; *пер. А.Б. Шишкина*).

Однако и здесь мы не найдем линейности, по законам петербургской антиномии на этой «ренессансной» ноте белобородовский текст совершает очередной логический виток и возвращает прежний эсхатологический мотив:

В темные времена, — продолжает автор, — между первым и вторым периодами процветания, римским и итальянским, византийские мореплаватели, пробравшись сквозь туман, как-то раз случайным образом достигли Острова. Однако они бежали, устрешенные мрачным зрелищем мира во власти фурий разбушевавшихся природных сил [Ibid., p. 5].

Художественные миры Белобородова служат наглядной иллюстрацией не только каноничности, но и пластичности «петербургского текста», его обновления в русском зарубежье. Один из внесенных эмиграцией образов — виртуальное «прорастание» петербургского ландшафта в чужом пространстве⁸. По-новому развивается в русском рассеянии и феномен «антиномичности» Петербурга (гибель/возрождение). Роман Тименчик в исследовании «Петербург в поэзии русской эмиграции» заметил, что петербургология в изгнании «предполагает статику окаменевшего времени, вывозимого, как известно, всеми в эмиграцию стоп-кадра последнего петербургского дня, каким бы он ни был» [Тименчик 2003, с. 197]. Между тем постпетербургский текст русского зарубежья далеко не статичен, а «стоп-кадр» последнего петербургского дня продолжает инерцию «двуполюсности» не только в эмигрантских сюжетах, но и во времени, обретая специфическое эмигрантское «дление». Так, уходящий в небытие Петербург-призрак у Георгия Иванова в межвоенных «Розах» сменяется чудом сохранившимся «где-то» Петербургом его позднего «Посмертного дневника». Ту же эволюцию, движение от умирания к возрождению, их взаимную перетекаемость переживает постпетербургский мир Белобородова. Прекрасные архитектурные пейзажи ранних итальянских циклов сменяются руинизированными миражами «Великого острова», на смену им приходят ожившие в памяти безмятежные образы дореволюционной России и градостроительный пафос Петербурга начала века. Впрочем, и эта траектория «самовозрождения» таит в себе по закону петербургского двоемирия энтропийный код — воспоминания завершаются катастрофой Октябрьской ре-

⁸ См. об этом: [Тименчик 2003; Демидова 2004; Захарова 2012; Кознова 2014; Васильева 2015; Нагибина 2016 и др.].

волюции и очередным «падением» Северной Пальмиры. В этом плане мемуары архитектора и графические образы его «Великого острова» зеркально отражают друг друга. Окруженные водой полуразрушенные города графического цикла многими критиками сравнивались с погибшей Атлантидой, однако островной мотив белобородовской графики говорит об обратном: остров — не ушедшая под воду цивилизация, а твердь, оставшаяся над водой. Так, полуразрушенный ландшафт итальянских каприччио таит надежду на возрождение, а мирные картины юности и детства неумолимо сменяются пореволюционным хаосом.

Инерцию творческого взлета и забвения отчасти повторила судьба самого Андрея Белобородова. Эта глубинная связь петербургского архитектора с феноменологией города вселяет надежду на повторное признание и полноценное возвращение наследия выдающегося русского эмигранта на свою историческую родину.

Источники и литература

- РАИ — Римский архив Вячеслава Иванова (Исследовательский центр Вяч. Иванова в Риме)
- Адамович 2002 — *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. 476 с.
- Анциферов 2014 — *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга // Анциферов Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга; Петербург Пушкина. М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2014. 400 с.
- Белобородов 1956 — *Белобородов А.* Убийство Распутина // Русская мысль (Париж). 1956. 21 авг. № 941.
- Белобородов 1962 — *Белобородов А.* Работа во дворце кн. Феликса Юсупова: Воспоминания. Из записок А.Я. Белобородова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1962. № 70. С. 184–200.
- Белобородов 1963 — *Белобородов А.* В Академии художеств // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. № 73. С. 197–215.
- Васильева 2015 — *Васильева М.А.* «Взаимно искажая отражения»: Мотив двойника в лирике Георгия Иванова // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология, журналистика. 2015. № 2. С. 22–27.
- Демидова 2004 — *Демидова О.Р.* Петербургский текст в русской эмиграции первой волны // Записки Русской академической группы в США. 2004. Т. 33. С. 121–129.
- Захарова 2012 — *Захарова В.Т.* Столица и революция: мифопоэтика урбанистического пространства в прозе русской эмиграции 1920-х гг. // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 164–170.
- Кознова 2014 — *Кознова Н.Н.* Москва и Петербург в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Пушкинские чтения. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Мат-лы XIX междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2014). СПб., 2014. С. 102–110.
- Нагибина 2016 — *Нагибина Н.М.* Осип Манделштам и Георгий Иванов: утраченный Петербург // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия — Запад — Восток: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения» (24 мая 2016). М.; Ярославль, 2016. С. 449–457.
- Пайман 2004 — *Пайман А.* Белобородов в Риме // Наше наследие. 2004. № 71. С. 152–156.

- Слоним 1931 — *Слоним М.Л.* Заметки об эмигрантской литературе // Воля России (Прага). 1931. № VII–IX. С. 616–627.
- Тименчик 2003 — *Тименчик Р.Д.* Петербург в поэзии русской эмиграции // Звезда. 2003. № 10. С. 194–205.
- Топоров 2003 — *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство — СПб, 2003. 616 с.
- Шишкин, Юдин 2016 — *Шишкин А., Юдин А.* Человек: Андрей Белобородов (1886–1965) // Проект Россия / Project Russia. 2016. № 79. С. 108–115.
- Beloborodoff 1939 — *Beloborodoff A.* Guida della Grande Isola. Estratto dall'Elenco delle opere per la mostra di un gruppo di artisti stranieri residenti a Roma alla Galleria di Roma. [Roma], 1939.
- Beloborodoff 1944 — L'uccisione di Raspitin. Memorie inedite si Andrea Beloborodoff architetto di principe Yussupoff // Quadrante. Anno 1. № 1. 9 dicembre 1944.
- Giuliano 2015 — *Giuliano G.* Solitudine contro le avanguardie. Andrej Beloborodov nella critica d'arte italiana // Europa Orientalis; Русско-итальянский архив (X). Салерно, 2015. P. 217–229.
- Neipperg 2018 — *Neipperg E. von.* André Beloborodoff, architecte, peintre, scénographe. Paris: Éditions Norma, 2018. 336 p.
- Regnier 1929 — *Regnier H. de.* Promenade dans Rome // Figaro. 1929. 21 mai. № 141. P. 1.

А.Я. Белобородов

ВОСПОМИНАНИЯ

*Публикация подготовлена к печати Е. Деревяго и М. Пчелинцевой
под редакцией А. Шишкина*

В соответствии с последней волей художника (завещание от 25 января 1961 г.; РАИ, ф. Белобородова, к. 1, № 5), его архив и коллекция рисунков были переданы Ольге Шор; после ее смерти эти материалы, включая неизданные «Воспоминания», были присоединены к архиву Вяч. Иванова, который хранится в Исследовательском центре Вяч. Иванова в Риме. Его описание трудами Дж. Джулиано см. на электронном ресурсе: <http://www.russinitalia.it/archiviodettaglio.php?id=110>.

Белобородов начал писать «Воспоминания» в июне 1955 г., завершил в 1956 г., что отмечено в его «Curriculum vitae» (автограф карандашом; РАИ, ф. Белобородова, к. 1, № 26, л. 9). Их первоначальное название — «Автопортрет» (автограф карандашом; Там же, № 12–16). Последняя редакция в пяти частях — машинопись с правкой карандашом, новая орфография, всего 148 листов — носит название «Воспоминания» (Там же, № 17). Даты везде даны по старому стилю. Эта машинопись положена в основу данной публикации.

Белобородов предполагал сопроводить издание «Воспоминаний» значительным количеством иллюстраций из своего собрания — в основном неизданных рисунков и портретов. Текст печатается с сохранением особенностей авторской орфографии.

13–16 января 1956 г. М.В. Добужинский писал Белобородову: «Поздравляю с внезапно написанными воспоминаниями. Bravo! Как я завидую Вам, что Вы так скоро справились, видно, Вас “прорвало”! Как мне будет интересно прочесть об общих, дорогих нам годах. Очень любопытно знать, что именно Вас толкнуло сделать такой подвиг <...> Пожалуйста, только не остывайте и продолжайте» [Джулиано 2011, с. 170]. 9 июля 1956 г. Добужинский из Парижа сообщал Белобородову: «После Вашего отбытия дважды видел Сергея Маковского и мы говорили о Вас и о произведении Вашего *замечательного* (выделено Добужинским. — А.Ш.) пера. Радуюсь, что Вы вернулись в Рим коронованным триумфатором» [Там же, с. 176]. Одно из приложений к «Воспоминаниям» носит следы уточнений и дополнений А.Н. Бенуа и М.В. Добужинского (Перспективная Царско-сельская дорога. Приложение к части V // РАИ, ф. А. Белобородова, к. 1, № 19, л. 1).

Издательство «Грани», которому художник предложил издать свою книгу, не заинтересовалось «Воспоминаниями» (см. письмо издательства к Белобородову от 27 июня 1956 г. (Там же, № 24а, л. 1)), больше попыток увидеть в печати свою книгу Белобородов не предпринимал.

Источники и литература

РАИ — Римский архив Вячеслава Иванова (Исследовательский центр Вяч. Иванова в Риме)

Гиппиус 1999 — *Гиппиус З.* Дневники: в 2 кн. М.: Интелвак, 1999. Кн. 1.

Джулиано 2011 — *Джулиано Дж.* «Прогулка по стране воспоминаний»: встреча двух художников в эмиграции. Переписка М.В. Добужинского и А.Я. Белоборова // Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 115–188.

Дудоров 1993 — *Дудоров Б.П.* Адмирал Непенин. СПб.: Облик: Вита, 1993.

Пуришкевич 1990 — *Пуришкевич В.М.* Дневник «Как я убил Распутина». М.: Сов. писатель, 1990 (репринт изд. 1924 г.).

Революция и гражданская война в России... 2008 — Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия: в 4 т. / под ред. С.А. Кондратова. М.: Терра, 2008. Т. 3.

Часть IV

Весь год после окончания Академии Андрей занят начатыми еще раньше работами в Юсуповском дворце на Мойке¹ (см. цв. вкл.), несмотря на продолжающуюся войну, работы идут полным ходом; апартаменты молодых² постепенно принимают законченный вид, и для исполнения своих проектов стенной росписи и плафонов Андрей привлекает Чехонина³, Тырсу⁴ и Конашевича⁵.

В гостиной Княгини Чехонин пишет акварелью тончайшие узоры плафона, где лебеди, чередуясь с причудливыми вазами, держат гирлянды самых разнообразных цветов, между которыми порхают и гонятся за бабочками райские птицы. Он же исполняет небывалую по размерам финифть⁶, в виде корзины с цветами для мраморного камина в спальне Княгини.

Конашевич вначале помогает Чехонину и затем, уже самостоятельно, пишет на шелку вставки в боковых дверях большой гостиной, исполняет роспись на серебряных стенах «фонтана слез» и расписывает плафоны личных апартаментов Княгини.

В гостиной Князя роспись, исполненная Николаем Тырса, состоит вся из скульптурных мотивов на синих и зеленых фонах. На двух сторонах зеркального свода с кессонами⁷ колесницы Аполлона и Авроры сопровождаются трубящими в раковины тритонами и крылатыми гениями. Над дверьми из «пирамидки» красного дерева с резными на них черными перунами упругие серые грифоны сплелись хвостами на густо-синих фонах.

Все двери парадной анфилады были украшены резными мотивами, золочеными или черного дерева. Для скульптуры с уйгурами Андрей обратился к Борису Яковлеву⁸ (тогда только что окончившему Академию художеств), который вылепил вставки высокого рельефа над зеркалами полу-ротонды, расположенной между двойной колоннадой танцевального зала и зимним садом. Здесь зеркальные полукруглые двери вместе с зеркалами в простенках давали впечатление бесчисленных галерей, окружающих помещение, которое друзья Андрея прозвали «зеркальным засильем». (Лишь средняя дверь полукруглой залы имела прозрачные стекла, что позволяло видеть ионические колонны, обрамлявшие глубокую нишу нейтрального фонтана зимнего сада.)

В этот период Андрей несколько раз ездил по поручению князя в подмосковное Архангельское. В первый раз он приехал туда летом, когда в имении жили все Юсуповы, и за ним выслали на станцию необыкновенно легкий одноместный шарабанчик⁹ на резиновых шинах, с монументальным кучером, затянутым в белоснежный замшевый кафтан, с большими серебряными часами на шарообразном наваченном заде и блестящим черным кучерским цилиндром над золотисторыжей бородой лопатой. В этот раз вызвался быть «чичероне»¹⁰ молодой князь, который во время подробного осмотра поместья рассказывал Андрею о своих грандиозных планах.

Другие поездки в Архангельское были связаны с работой и происходили зимой, в отсутствие владельцев. Во время одной из них Андрею было поручено подобрать цвета для покраски внутренних зал дворца; эту работу можно было делать лишь при дневном свете, и, по зимнему времени, оставались свободными длинные вечера, которыми Андрей решил воспользоваться, чтобы порыться в обширной библиотеке, помещенной в отдельном павильоне парка. Огромные богатства этого собрания не имели никакого описания. Не было ни каталога, ни даже электрического освещения, и управляющий имением, усатый отставной полковник, заявил, что хочет присутствовать при «раскопках» и вызвался держать свечу над рассматриваемыми книгами.

Добравшись через снежные сугробы до павильона библиотеки и раскрывая наугад старинные увражи¹¹, среди прочих великолепий Андрей натолкнулся на альбом, все листы которого были нарисованы рукой Гваренги; эти рисунки, изображавшие нескончаемое коронационное шествие, были исполнены пером и раскрашены любимыми тонами мастера, среди которых преобладали холодно-розовый и бледно-зеленый¹². Андрей был в восторге от находки и никак не мог понять причины разочарованного вида бравого полковника и лишь позднее о ней догадался, когда кто-то спросил его, видел ли он знаменитое, якобы находящееся в библиотеке Архангельского, собрание эротических французских гравюр 18-го века.

Если не считать поездок в Архангельское и в Киев, к графине Бобринской, Андрей до конца лета 1916 года не отлучался из Петербурга, но в августе этого года ему пришлось совершить уже настоящее большое путешествие. Еще в июле русские войска, быстро продвигавшиеся по Турецкой Армении, взяли штурмом Эрзерум и заняли Ердзинджан¹³, после чего Петербургская академия наук решила отправить туда экспедицию для исследования памятников армянской архитекту-

ры, до той поры недоступных. Эту экспедицию возглавлял профессор Н.Л. Окунев¹⁴, который убедил Андрея принять в ней участие в качестве архитектора. Роль Андрея заключалась в рисунках, обмерах и руководстве снимками фотографа, бывшего третьим членом экспедиции.

Условились встретиться в Карсе¹⁵, куда в то время доходила железная дорога. Добравшись до Тифлиса, Андрей в первый раз в жизни очутился среди высоких гор и целый день бродил по очаровавшему его своим восточным характером прелестному городу; войдя уже поздно вечером в вагон отходившего в Карс поезда, усталый от долгого путешествия и пережитых впечатлений, он почти тотчас же заснул. Поезд медленно поднимался в гору, когда Андрей проснулся; выглянув в окно, он увидел среди залитого солнцем фантастического пейзажа совсем близко сидевшего на ветке хамелеона на фоне искрившегося, падающего с высокой скалы водопада. Феерические горные панорамы продолжались до самой крепости Карса, где вся местность почти внезапно становилась плоской и мрачной. Здесь уже сильно чувствовалась война и близкий фронт. «A la guèrre comme à la guèrre»¹⁶, — сказал Окунев, когда, погрузившись в грузовик, члены экспедиции затряслись по разрытой глинистой дороге.

Так началось путешествие экспедиции по Турецкой Армении; держали путь на Эрзерум, по военной дороге, и невзирая на ямы и рытвины грохочущий грузовик несся по ней, останавливаясь или замедляя ход лишь тогда, когда путь был занят войсками.

Оставаясь пустынной, местность становилась все более волнистой, и за голыми холмами показались стоящие одиночками характерные остроконечные горы. «Вот откуда вышли странные конические перекрытия армянских церквей», — подумал Андрей, увидав эти горы на горизонте. Вообще за время путешествия его поразила необыкновенная связь местной архитектуры и всех ее деталей с пейзажем — даже ручки дверей скромных домов в кое-где встречавшихся поселках были похожи на тут же скользящих между камнями ящериц, необыкновенно упругих и гладких и часто принимавших форму полумесяца. И как в природе не похожи были древние армянские церкви на висевшие в академической «Архитектурке»¹⁷ сухие чертежи, на которых все украшения напоминали сахарные разводы на пасхальных куличах!

Совсем иное впечатление среди величественного пейзажа производили древние памятники архитектуры, в которых стены с тончайшими на них орнаментами, ребристые купола и конусы перекрытий — все было выложено и выточено из камня необыкновенного золотистого цвета*¹⁸.

Сливались с пейзажем и украшали его и те турецкие постройки, которые не касались темы экспедиции и потому не интересовали Окуневу — например, встретившаяся по пути прекрасная перекрытая куполом ротонда над большим круглым бассейном, натурально-теплая вода которого кишела телами плескающихся в ней и восторженно вопящих русских солдат.

* Церкви эти, часто восходящие к первым векам христианской эры, подробно описал Н.Л. Окунев в Пражском журнале «Русский Зодчий за рубежом» (25 июля 1938 г.). В этой статье, кроме исторического очерка, он поместил ряд исполненных во время экспедиции фотографий и планов (примеч. автора).

Очень красив был местный тип туток, — особенно стариков, строгие лики которых были увенчаны чалмами, и отроков лет 12–14. (О женщинах судить было невозможно, т. к., закутанные с головы до ног, они были похожи на безликие, темно-коричневые и странно двигающиеся мешки.)

Встречавшимся изредка поселкам большой характер придавали маленькие пугливо-дикие кошки, необыкновенно пушистая шерсть которых была ровно серебряного или сплошь золотого цвета; кошки эти внезапно появлялись из щелей старых каменных стен и, сверкнув изумрудными глазами, мгновенно исчезали.

Все время приближаясь к Эрзеруму, экспедиция добралась до Гассан-Кала, где в то время была ставка главнокомандующего турецким фронтом¹⁹; когда путешественники были уже близко от городка, над ними совсем низко пролетел вражеский аэроплан, очевидно не нашедший нужным тратить бомбы на столь тощую добычу и быстро скрывшийся за холмами.

Во время путешествия как профессор, так и архитектор носили костюмы военного покроя цвета «хаки» с погонами (три звездочки у Андрея и полковничьи у Окунева), и на обоих были тропические шлемы, предохранявшие их головы от южного, очень жгучего августовского солнца. Шлемы эти оказались причиной забавного недоразумения: когда, подъехав к дому главнокомандующего, члены экспедиции начали подниматься по широким ступеням наружной лестницы, им навстречу вышел адъютант генерала, чрезвычайно торжественно и почтительно (звание архитектора-художника давало право на чин X класса) обратившийся к ним с приветствием на чистейшем английском языке, очевидно приняв их за членов британской военной миссии. Недоразумение это чрезвычайно развеселило главнокомандующего, который тотчас же пригласил путников к обеду, и эта трапеза с прислуживающими денщиками, кавказским вином и несколькими блюдами была единственной за все время путешествия, происходившей в нормальных условиях. В другие дни еда проглатывалась «на ходу» и обычно состояла из пшенной каши с постным маслом, фруктовых консервов в жестянках и горячего чая, т. к. только это питье члены экспедиции себе позволяли.

Несмотря на строгий гигиенический режим, почти тотчас по прибытии в Эрзерум как Окунев, так и Андрей одновременно свалились в жесточайшей, свирепствовавшей в то время в городе лихорадке. Андрею хорошо запомнилась высокая комната в доме, реквизированном у какого-то турецкого сановника, куда их поместили. Здесь через каменную решетку находившегося под самым потолком маленького окна виднелись листья деревьев внутреннего двора, и в комнате всегда царил зеленый полумрак. Раскрывая глаза в промежутках забытья, Андрей каждый раз видел грузную фигуру разметавшегося на постели Окунева: у обоих температура дошла до сорока двух градусов. Больные совершенно не отдавали себе отчета в том, сколько времени они пробыли в бреду и беспомощности, и лишь впоследствии они узнали, что это состояние длилось больше недели. (Когда наконец начали они поправляться, то вместе с восстановленными силами вернулось и чувство юмора: очень развеселило их отведенное им «турецкое» местечко, в котором услужливые денщики соорудили «для господ офицеров» двустворчатые, низенькие ширмочки, наваченные верхние края которых они обили красным бархатом!)

Как только Окунев и Андрей почувствовали себя лучше, экспедиция двинулась по узкой вьющейся по горам дороге на Ердзинджан. Когда достигли самого высокого перевала, вся широко раскинувшаяся под ногами путешественников местность, состоявшая из голых, разноцветных скал и холмов, стала похожа на раскрашенную рельефную географическую карту. После бесчисленных крутых подъемов и спусков стали наконец попадаться первые деревья, и вдали появился утопающий в зелени Ердзинджан, который должен был служить базой экспедиции для дальнейших исследований.

Добрались до города уже к вечеру, и, очевидно, не вполне долечившийся Андрей тотчас же лег в отведенную ему постель, а к утру горел в сильнейшем жару вернувшейся лихорадки. Вызванный Окуневым доктор после внимательного осмотра спросил его: «Э, молодой человек, хотите жить?» И после того, как напряженно смотревший ему в глаза Андрей кивнул головой в знак согласия — «Ну, так сейчас же вон отсюда!»

Уже впавшего в беспамятство Андрея подняли вместе с матрасом, уложили в грузовик, и тотчас началось мытарство обратного путешествия*. От первой ночевки в смутном воспоминании Андрея остались огромный барак полевого лазарета, бесконечные ряды коек с больными и ранеными и скользящие между ними белые тени сестер милосердия, а на утро опять стук мотора и толчки на буграх развороченной дороги. После второй ночевки, с приближением к Кавказу, появились первые признаки возрождения, а от Карса Андрей мог уже самостоятельно продолжать путешествие в поезде. В Тифлисе же он почувствовал себя чудодейственно ожившим, особенно после посещения «Турецкой бани»²⁰, где старый перс с покрашенными шафраном ногтями на ногах опрокидывал на него из большого мешка мыльную пену, мял коленями его спину и поливал ее водою бирюзового цвета; и никогда еще ему не казались такими вкусными душистые персики и сладкий виноград «шашла», которые после Тифлиса продавались на станциях, в то время как он возвращался в столицу.

Был уже сентябрь месяц, когда Андрей доехал до Петербурга, где осмотревший его врач посоветовал ему не полагаться на кажущееся выздоровление и, не дожидаясь приближающейся гнилой погоды, уехать на Черное море, в благословенный Крым.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ (сентябрь 1916 г.)

В поезде попутчиком Андрея оказался молодой гвардейский офицер в штатском, носивший громкое имя Чингис-Хана. Это был маленький, черномазый и очень веселый паренек с правильными, совсем не монгольскими чертами лица, ничем не напоминавший своего свирепого предка.

На шестой день все в том же вагоне путешественники прибыли в Симферополь, откуда уже на лошадях добрались к вечеру до Ялты. Остановились в гости-

* Окунев остался с фотографом в Ердзинджане, вокруг которого находились совершенно до того не доступные памятники армянской архитектуры. С ним Андрей увиделся уже в Петербурге и при свидании едва узнал его, до такой степени он исхудал от утомительного путешествия (*примеч. автора*).

нице «Франция»²¹ на самом берегу моря. Когда утром Андрей, привыкший к бледным тонам Финского залива, вышел на набережную, он был поражен и очарован сияющей лазурью моря, поистине не заслужившего своего мрачного названия.

Очень живописная Ялта все же была городом, и через несколько дней Андрей перебрался в Алупку. Здесь время проходило в прогулках, купании и экскурсиях, и здесь же Андрей познакомился с жившей в одном с ним пансионе Е.Г.²², сыгравшей впоследствии большую роль в его личной жизни. Очень скоро Андрей совершенно поправился от турецкой лихорадки и жил, не думая ни о работе, ни о деловых обязательствах; но все же нельзя было уехать из Крыма, не показавшись в Кореизе²³, где в то время жили родители молодого Юсупова, тем более что общество княгини Зинаиды Николаевны²⁴ всегда доставляло Андрею искреннее удовольствие.

В Кореизе он был очень любезно принят не только княгиней, но и старым князем²⁵, который ввиду отсутствия предприимчивого сына уже не опасался, что архитектор приехал «разрушать» его любимое имение, и тотчас предложил ему сделать с ним прогулку в автомобиле по их обширным Крымским владениям²⁶. Прогулка эта осуществилась на другой же день, и в ней приняла участие гостившая в то время у Юсуповых дама, видная представительница Петербургского общества. Выехали с утра, и машина начала медленно подниматься по крутой и извилистой дороге на Яйлу²⁷. На самом вершине плоскогорья перед глазами путешественников открылся фантастический и грандиозный вид: под ногами бежали клубящиеся облака, и в их разрывы были видны утопающие в зелени дворцы и виллы, розовые скалы и ярко-синее море. Величественный генерал встал в машине, выпрямился во весь свой высоченный рост, протянул руку над облаками и торжественно продекламировал из Пушкина; после чего машина быстро направилась по направлению к «Оленьему лесу», на опушке которого, в сторожке, был приготовлен завтрак.

«C'est très convenable»²⁸, — сказал князь, отдавав действительно отлично приготовленной курицы с рисом.

После завтрака в сторожке, сопровождаемые низкими поклонами всего семейства сторожа-татарина, путешественники въехали в дремучий необъятный заповедный лес, и вскоре по сторонам дороги стали появляться фигуры бегущих оленей, быстро исчезающих среди стволов высоких деревьев. Но когда автомобиль чуть не наехал на целую их группу, испуганные животные долго, не сворачивая, бежали перед машиной, и нужно было остановить ее, чтобы олени свернули с дороги и рассыпались по лесу. Наконец после долгого пути подъехали к крутому скалистому обрыву, откуда открывался необозримый вид на дикие скалы и пустынные равнины Яйлы. Тут был знаменитый «Орлиный залет», и, подойдя к самому краю обрыва, путешественники спугнули двух великолепных хищников, которые, вылетев из-под их ног, стали плавно кружиться над пропастью и, наконец, исчезли за горами.

Отсюда путь лежал на молочную ферму, и тут все произошло как на подлинной оперной сцене: добрые поселяне восторженно встретили знатных гостей, вынесли на лужайку большой стол, закрыли его белоснежной скатертью и рас-

ставили на ней кринки с молоком, тарелки с большими ломтями свежего хлеба и блюдо с медом в сотах. Перед глазами севших за стол посетителей расстился большой окруженный темным лесом изумрудно-зеленый луг, на котором паслись отборные коровы. Эта буколическая сцена вызвала неожиданную реплику гостьи Юсупова: «Здесь у коровок отличный аппетит», — сказала она, — «они все время кушают!» Вопросы питания, очевидно, особенно интересовали почтенную даму, т. к. на обратном пути, увидев несколько лысых «коршунов-стервятников», крутившихся в воздухе и что-то клевавших в траве, она захотела узнать, «что они кушают», чем поставила в немалое замешательство князя, который, не желая упоминать о падали, ответил, что они «питаются мясом мертвых животных».

Несмотря на то что прогулка в сильной и быстрой машине продолжалась целый день — с утра до вечера, — далеко не все крымские владения Юсуповых были осмотрены. Так как для Андрея уже наступил момент отъезда, княгиня предложила ему воспользоваться их машиной, чтобы доехать до Бахчи-Сарая²⁹ и побывать в их имении «Кокоз»³⁰. Здесь очень удобный и поместительный дом был построен придворным архитектором Красновым³¹ в ложно-татарском стиле, но очень приятный характер ему придавали многоцветные восточные материи, декорировавшие все помещения.

Конечно, больше впечатлений у Андрея осталось от самого путешествия через дикую и очень живописную страну и от осмотра уже подлинно восточного Бахчи-Сарая, с его ханским дворцом³², знаменитым фонтаном слез³³, мечетями и гулким муравейником базара. Отсюда Андрей вернулся прямо в Петербург, где нашел Феликса Юсупова в очень мало ему идущей форме Пажеского корпуса, поневоле изучающего несколько его не интересующие военные науки. Без всякого сомнения, его гораздо больше занимали работы на Мойке, где он каждый день проводил по несколько часов.

Тут вскоре разыгралось событие, взволновавшее весь мир и наложившее свой отпечаток на ход истории: трагическая смерть Распутина. Приводим здесь выдержки из записок самого Андрея, написанных еще под свежим впечатлением происшедших во дворце событий.

ЗАПИСКИ АНДРЕЯ*

В период, непосредственно предшествовавший роковой ночи, и в ближайшие дни после нее мне приходилось почти неотлучно находиться в Юсуповском дворце и по много часов проводить в обществе молодого князя. Не имея никакого отношения ни к «заговору», ни к его осуществлению, мне невольно пришлось быть свидетелем и «приемником» рефлексов настоящих участников заговора, в сценах, происходивших на моих глазах, в обращенных ко мне словах, во всей той странной напряженной атмосфере, которой были проникнуты эти трагические дни.

* В этих записках, как и во всех прочих, касающихся событий в России, даты сообщены по старому стилю (примеч. автора).

НОЯБРЬ 1916

Невский проспект по пути из Юсуповского дворца в Гостинный Двор, куда мы едем в машине князя выбрать материи для новых помещений. У него необычно рассеянное и взволнованное лицо. Внезапно он прерывает разговор об оттенках шелков: «Читали ли вы отчет о вчерашней речи Пуришкевича в Думе?³⁴ Я был на этом заседании... Так не может, не должно продолжаться! Подумать, что Россия гибнет из-за одного невежественного, чудовищно развращенного мужа!³⁵»

НАЧАЛО ДЕКАБРЯ

Дворец Юсупова. Работы по отделке апартаментов в полном разгаре, и их посещает Великий Князь Дмитрий Павлович³⁶. Меня представляют ему в Гобеленовой галерее, где он стоит у колонны, поддерживающей мраморный бюст Николая I. Меня поражает сходство двух лиц: мраморного и живого. Но его лицо тоже как будто высечено из мрамора — до такой степени оно неподвижно и непроницаемо. Его Императорское Высочество выражает желание посмотреть подземное помещение. Ряд зал, через которые мы проходим, как будто мало его интересуют. В подземелье он остается долго и внимательно его осматривает. Пристально смотрит на окна, выходящие на Мойку, помещенные в распалубках гранитных сводов. Единственный вопрос, который он задает мне: «Как закрываются окна на ночь? Нужно, чтобы были арочные, массивные, дубовые ставни»

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ

Работы во дворце посещает Александр Бенуа³⁷ в сопровождении князя Аргутинского-Долгорукого³⁸. Они с интересом осматривают главные залы, начинающие уже принимать свой окончательный облик. Почти закончены расписные плафоны и стенная живопись, расставляется драгоценная мебель, развешиваются картины больших мастеров, находят свое место статуи и редкостные предметы, выбранные из неисчерпаемых богатств Юсуповских собраний.

Очень их занимает и та часть апартаментов, которая образует как бы гарсоньерку³⁹ молодого князя. Эта часть дворца, отделенная от прочих покоев парадным входом молодых Юсуповых, включала в себя расположенную над нижним помещением студию, могущую служить спальней. (Кровать была замаскирована тяжелыми занавесками между колоннами портика, обрамляющего монументальное окно с видом на уходящую в глубину Мойку.)

К студии примыкал целый ряд маленьких помещений: ванная, шестиугольная туалетная, стены которой состояли из шести зеркальных дверей, гардеробная и полукруглая прихожая, соединенная с парадным вестибюлем молодых.

Помещение, расположенное под землей, должно было в случае приезда князя служить столовой; в нее спускались по винтовой лестнице, на полпути которой был выход в боковой наружный двор, отделенный решеткой от набережной Мойки.

После осмотра подземелья, поднимаясь по дубовым ступеням лесенки, Бенуа говорит мне: «Ну и нафантазировали же вы здесь, батенька, — это какой-то Роккамболь!⁴⁰ Вот увидите, что-нибудь, да произойдет здесь».

14 ДЕКАБРЯ

Князь Юсупов говорит мне: «Андрей Яковлевич, послезавтра у меня собираются несколько друзей; я бы хотел их принять в нижней столовой; постарайтесь закончить в ней все к вечеру этого дня. На другой день мы поедем с вами в Москву и оттуда в Архангельское».

16 ДЕКАБРЯ

С раннего утра кипит работа под землей. Еще недавно здесь был банальный погреб для угля. Теперь все стало неузнаваемо. На квадратные плиты пола опираются могучие своды серого гранита. Сюда приносят старинную мебель массивного темного дуба, перед монументальным камином из темно-розового полированного гранита расстилаются шкуры белых медведей.

Мало мебели, мало предметов, но все они носят печать какого-то сложного и причудливого далекого прошлого. Против камина, в глубине закругленной части, образующей род абсиды⁴¹, через раскрытые дверцы старинного «кабинета»⁴² видна фантастическая перспектива резных колонок и их бесконечные анфилады, отраженные маленькими зеркалами. Наверху — чаша, сделанная из страусового яйца в серебряной оправе. В распалубках, образующих род звезды в сферическом своде, — глубокие мягкие кресла и низкие столики, покрытые старинной парчой. На полу медные сосуды причудливой формы с живыми растениями.

В нише галереи, ведущей на винтовую лестницу, против одной из арок, отделяющих галерею от главного помещения, ставится шкаф резного черного дерева, увенчанный древним распятием из слоновой кости.

Весь этот день прошел в лихорадочной работе в подземелье. Вечером мне нужно было отлучиться на заседание общества архитекторов⁴³, казавшееся тогда мне, молодому, только что вышедшему в свет архитектору, чрезвычайно важным. По окончании заседания и уже в поздний час я поехал опять в Юсуповский дворец, где меня должен был ждать князь, чтобы бросить последний взгляд на помещения, приготовленные к ночному приему.

16 ДЕКАБРЯ. ПОЛНОЧЬ

Мне открывает большую парадную дверь старый швейцар в пышной ливрее, весь увешанный орденами и медалями. «Их сиятельство просят вас пройти в нижнюю залу».

Через анфиладу личных парадных покоев молодого князя, слабо освещенных дежурными лампами, я спускаюсь вниз по маленькой винтовой лестнице из темного, почти черного дуба между оранжевыми стенами.

В комнате никого нет, и она слабо освещена; сажусь у стола ожидать прихода Юсупова. В полной тишине проходит несколько минут.

И вдруг я вздрагиваю от неожиданности, услышав голос князя из глубины абсиды: «Какое удивительное настроение в этой комнате; какая тишина, и покой, как далеко, кажется, находимся мы здесь от всяческой мирской суеты!»

О чем думал он и какие картины того, что должно было вот сейчас произойти здесь, проходили перед его глазами, пока он сидел и молчал в кресле, скрытый от меня пилястрой⁴⁴ абсиды?

17 ДЕКАБРЯ

Морозное утро, все залитое золотисто-розовым светом; в хрустальном воздухе застыли обсыпанные белым инеем деревья; искрящийся снег скрипит под полозьями быстро скользящих санок. Мы подъезжаем к Юсуповскому дворцу, и санки останавливаются у железной решетки. Пересекаю наружный двор и звоню у маленькой двери, ведущей на винтовую лесенку. Дверь отворяет дворецкий князя Бужинский — его личный доверенный. Меня, прежде всего, поражает его смертельно бледное лицо и беспокойно бегающий взгляд.

Ковры на лесенке сняты и ступени залиты водой: брызги ее темными пятнами выступают на нижней части оранжевых стен.

— Что случилось?

— Нет, ничего. Гости долго засиделись, мыли руки перед отъездом и, уезжая, забыли закрыть кран в умывальнике туалетной комнаты. Вода долго текла по лестнице и залила немного нижнюю залу.

Его глаза не смотрят на меня, когда он мне отвечает. На узенькой лестнице мне уступают дорогу домашние люди князя, молча и сосредоточенно трущие отсыревшие дубовые ступени. Работы во дворце продолжают, но какая-то странная, напряженная атмосфера повисла в воздухе. Не слышно ни обычных песен рабочих, ни их громких разговоров. У проходящих служащих какое-то странное, сосредоточенное выражение лиц. Князя нет против обыкновения.

Я продолжаю осмотр работ. Далеко телефонный звонок ясно слышится в необычной тишине, и меня зовут к аппарату.

Голос князя: «Андрей Яковлевич, я очень занят сегодня весь день и не знаю, смогу ли побывать на Мойке. Вечером мы с вами едем в Москву, как условились. Приезжайте за мной во дворец Александра Михайловича⁴⁵, и оттуда мы поедем прямо на вокзал».

В полуденный перерыв я вернулся домой к завтраку; разворачиваю газету, и мне бросается в глаза странная статья о таинственных выстрелах во дворе одного дворца на Мойке, о причастности чрезвычайно высокопоставленных лиц к какой-то разыгравшейся ночной драме — статья, полная неясных и тревожных намеков на таинственное исчезновение одного хорошо известного всем лица. По городу ползли странные, противоречивые слухи, назывались лица, хорошо мне известные...

17 ДЕКАБРЯ, ВЕЧЕРОМ

В условленный час с дорожным чемоданом приезжаю во дворец великого князя. Юсупов еще не вернулся — просят обождать.

Долгое ожидание в огромном двусветном вестибюле — приемной. По распашной лестнице, ведущей в верхние покои, время от времени бесшумно поднимаются и спускаются люди великого князя. У них сосредоточенно озабоченные, закрытые лица. Кто-то звонит у парадного подъезда, слышно, как отворяется тяжелая дверь и после тихого разговора вновь захлопывается.

Наконец ливрейный лакей подходит ко мне и говорит, что князь только что звонил по телефону, прося сообщить мне, что поездка откладывается на завтра, о часе отъезда он сообщит мне на Мойку.

18 ДЕКАБРЯ

Кабинет Юсупова во дворце на Мойке. Князь по телефону сообщает мне, что мы едем в Москву вечерним экспрессом. Встретимся на вокзале.

18 ДЕКАБРЯ, ВЕЧЕРОМ

Вокзал Николаевской железной дороги⁴⁶. Мы встречаемся с Юсуповым на перроне перед Московским экспрессом. Его сопровождает брат княгини Федор Александрович⁴⁷, который должен ехать с нами в Москву.

Юсупов беретса рукой за медную штангу лестницы, ведущей в вагон.

— Наши места готовы, едем...

В это время, отделившись от небольшой группы офицеров, к нему подходит гвардейский генерал; он очень импозантен, но у него необычайно взволнованное лицо. Юсупов отходит с ним в сторону, и генерал тихо говорит ему несколько слов. Видно, как ему трудно произнести эти слова.

Князь очень спокойный, тихо наклоняет голову в знак согласия, затем подходит ко мне и протягивает мне руку:

— Андрей Яковлевич, мы не едем сегодня в Москву... До завтра!

Второй раз я возвращаюсь домой все с тем же чемоданом.

19 ДЕКАБРЯ, ДНЕМ

Студия Юсупова во дворце на Мойке. Князь вызывает меня к телефону:

— Андрей Яковлевич, ну как идут работы?..

Короткая пауза, тихий, как будто чуть напряженный смех:

— Вы знаете, я арестован... Да, в Сергиевском дворце⁴⁸. Я был бы рад вас видеть — хотите навестить меня? Вы не боитесь?.. Тогда завтра в 5 часов, боковой подъезд.

20 ДЕКАБРЯ, 5 Ч. ПОПОЛУДНИ

Дворец Сергея Александровича на Невском. Небольшой вооруженный пикет в сенях бокового входа предупрежден о моем приходе и пропускает меня. По сводчатой лестнице поднимаюсь вверх мимо второго пикета. В большой квадратной гостиной, обтянутой золотисто-желтым штофом, пусто. Легкие шаги приближаются к лакированной белой двери направо. Пауза. Поворот ключа, дверь открывается и появляется Юсупов.

— Вы знаете, я смотрел в замочную скважину, чтобы убедиться, что это вы. Здесь происходят странные вещи. Кажется, клика Распутина поклялась, во что бы то ни стало, убить меня. Трепов⁴⁹ предупредил меня опасаться Протопопова⁵⁰. В тот вечер, что вы приезжали за мной во дворец Александра Михайловича, какая-то женщина долго ждала меня у подъезда. Меня вовремя предупредили. Еще вчера произошел странный инцидент с охраной: вооруженные солдаты пикета, явившиеся на смену прежнего, уже начали подниматься сюда вверх по лестнице, когда мажордом догадался спросить у них письменное предписание. Ему ответили, что не подумали его взять с собой и что они вернутся с письменным приказом. Люди эти никогда не вернулись. Теперь моя охрана контролируется Треповым... Вы знаете, что меня обвиняют, будто я убил Распутина?

Никогда не забуду я выражения его глаз, когда он произносил эти слова. Смертельный ужас прошел в них. Казалось, что какое-то магическое зеркало посылало ему отражение недавней трагической сцены. И в этот момент, когда слова его как бы отрицали его участие в драме, исчезли мои последние сомнения, и реальная правда предстала передо мной во всей своей трагической несомненности.

Этими словами заканчиваются записки Андрея, в которых он говорит лишь о том, чему ему пришлось быть непосредственным свидетелем.

Все знают, как развернулись события после убийства Распутина и что Дмитрий Павлович был сослан на персидский фронт, а Юсупов — в далекое Ракитное Курской губернии.

В изгнании страшные воспоминания не мешают Феликсу Юсупову живо интересоваться тем, что происходит на Мойке, и Андрей получает от него ряд писем с вопросами и пожеланиями.

В первое время работы во дворце еще продолжают нормально, несмотря на глухие волнения, недостаток хлеба и хвосты⁵¹ на улицах, но к концу февраля постепенно приостанавливаются из-за уже открытых демонстраций и стычек с ранеными и убитыми. Войска братаются с восставшими, на улицах строят баррикады, начинаются пожары и грабежи, воздух наполнен треском пулеметов, и из разграбленных погребов вино течет по улицам.

Утром 28 февраля Андрея разбудили крики и близкие выстрелы; в его квартиру ворвались солдаты и конфисковали револьвер, который Андрей достал после того, как его предупредили о грозящей ему опасности. Когда после обыска Андрей вышел на улицу, то увидел, что вся стена его дома изрешечена пулями, ибо здесь произошла стычка, выстрелы которой его разбудили. Так как газеты в последние дни не выходили, то Андрей отправился за новостями в Академию. Здесь он узнал о совершившемся перевороте и решил пойти на Звенигородскую, где в то время жила Е.Г. Когда он вышел из Академии, из разных частей города доносился зловещий треск пулеметов, на набережных толпился народ и бродили распоясанные, пьяные солдаты, а когда Андрей остановился на углу Николаевского моста, мимо него пронеслась верхом на покрытой пеной лошади неистово вопящая девка с развевающимися по ветру распустившимися косами и подоткнутой юбкой, с торчащими из-под нее голыми ляжками — как некий символ разнузданного, никакими идеалами не прикрытого восстания. После долгого пути мимо баррикад и пожарищ, повсюду встречая толпы солдат, то куда-то бегущих, то шагающих рядами, Андрей добрался, наконец, до Загородного проспекта, но здесь дальнейший путь оказался отрезанным: весь широкий, очень длинный и в этот момент странно безлюдный проспект обстреливался поставленными в глубине его пулеметами, заграждавшими путь к Царскосельскому вокзалу. Долго простоял Андрей за углом выходящего на Введенский канал дома, среди звякающих по бульжникам мостовой пуль, падающих людей и носилок с ранеными, пока ему

* Опасность эта касалась личной жизни Андрея и здесь не место об ней распространяться (*примеч. автора*).

удалось проскользнуть на ту сторону проспекта и, обойдя Семеновский Плац, добраться до Звенигородской.

После трагических дней восстания порядок на улицах как будто восстанавливается, но, несмотря на кажущееся успокоение, Петербург живет как на вулкане.

Не связанные больше царским приказом, Юсуповы возвращаются из изгнания, но к весне уезжают в Крым, после чего восстановившиеся было в их дворце работы постепенно затихают и вскоре окончательно останавливаются...

Вся Россия в это время была охвачена пока еще глухими волнениями, но в Гельсингфорсе и Кронштадте происходили уже открытые кровавые восстания матросов⁵². Два двоюродных брата Криммера, совсем молодые офицеры Кронштадтской эскадры, были убиты во время матросского бунта.

Становилось все труднее доставать хлеб, и безмерно удлинялись на улицах хвосты перед булочными и продовольственными лавками. В конце марта Андрею попало помещенное в газете объявление о продаже мацы ввиду наступающей еврейской Пасхи, и он тотчас же побежал по указанному адресу в самый конец Нарвской части за Обводный канал. Когда с большим кулком в руках он вышел из лачужки, где продавалась драгоценная маца, то, пересекая большой пустынный двор, он встретил почтенного еврея с пейсами, который, сочувственно улыбаясь, обратился к нему со словами: «Вот наконец и наша Пасха пришла!»

Конечно маца, бывшая некоторое время подмогой, не разрешала вопроса питания, и Андрей решил съездить к родным в Москву, где в то время вопрос продовольствия был более благополучным. На знаменитом черном рынке у Сухаревой башни⁵³ ему удалось запастись самыми необходимыми продуктами, после чего, проходя как-то по Арбату, он зашел к антиквару, которому незадолго перед тем родные Андрея сбывли в трудную минуту за бесценок еще сохранившиеся старинные предметы: расписанный цветами на фоне «рогожки» фарфоровый столовый сервиз, Гарднеровские статуэтки⁵⁴ и проч. Когда Андрей вошел в лавку, ему бросился в глаза торчащий из-под какого-то шкафа большой белый сверток, вытащив который и увидев, что в нем были листы, расписанные яркими цветочными мотивами, он тотчас же купил всю пачку (антиквар думал, что это были «какие-то старые обои»). Когда, вернувшись домой, Андрей развернул купленный сверток, то увидел, что в нем находились наклеенные на тончайший холст, исколотые булавами, но отлично сохранившиеся оригиналы для тканья «Колокольниковских шалей».

Вернувшись в Петербург с драгоценной добычей, Андрей сразу же мог убедиться, что за время короткого его отсутствия положение в городе успело сильно измениться к худшему. Не говоря уже о все увеличивающихся трудностях продовольствия, сама атмосфера города постепенно накалялась, и все чаще слышался новый лозунг: «Довольно вы нашей кровушки попили, теперь мы будем вашу кровь пить!» Между тем на улицах начались жестокие самосуды, и Андрею пришлось быть свидетелем одного из них. Как-то раз он ехал по Большому проспекту в трамвае, который остановился в двух шагах от Академии перед небольшим местным черным рынком. Здесь под деревьями широкого проспекта били со всего размаху кулаками по лицу какого-то парня; истязателей было всего три или четыре человека, и мрачно-молчаливая толпа зрителей держалась на почтительном

расстоянии. Каждый раз, как парень получал удар в лицо, уже превратившееся в сплошную кровавую рану, он падал на землю, и палачи ждали, чтобы он поднялся, чтобы вновь ударить его. Испуганная женщина в трамвае спросила стоявшую на тротуаре бабу, что случилось, и та ответила: «А кто его знает, — не то вора, не то большевика поймали». Когда трамвай наконец отошел, Андрей долго не мог опомниться от ужасающего впечатления, и вся эта сцена осталась одним из самых тяжелых воспоминаний его жизни.

Если в то время в Петербурге еще не было открытых восстаний, то часто можно было видеть движущиеся по городу демонстрации. Однажды, подходя к Тучкову мосту, Андрей увидел одну из них, широкой волной, с красными знаменами идущую ему навстречу. У самого моста остановилась группа горожан, ожидающих, чтобы процессия перешла через реку, но о чем-то задумавшийся Андрей, не дожидаясь, начал переходить через мост и почти натолкнулся на передовых знаменосцев. «А это кто такой?» — вдруг услышал он голоса. «Да чего смотреть — сбросить его в воду!» Тут только отдал он себе отчет, что был на волосок от самосуда, и страшная сцена на Большом проспекте вспыхнула в его сознании. Андрей, ничего не ответив, остановился у парапета, чтобы пропустить мимо себя процессию, и может быть, эта его остановка и молчание спасли его от гибели.

В это время в концертных залах, театрах и аудиториях часто происходили митинги, и Андрею хорошо запомнилась фигура будущего автора вышедшей впоследствии в Париже одной «заумной» поэмы, со сцены огромного Народного Театра с великим пафосом уверявшего присутствующих, что они «должны слышать, как бьется его сердце, когда он говорит о наступившей золотой эре». А в актовом зале Академии бежавшие впоследствии из советского рая Пуни и Богуславская⁵⁵ надрывались, убеждая слушателей, что только при большевиках наступит настоящий рай для художников. Но особенно запомнился Андрею диспут в аудитории Академии Наук на тему «Искусство для искусства или искусство для народа?», где многоречивый Луначарский⁵⁶ заговорил и по всем швам разбил грустно опустившего голову Мейерхольда⁵⁷, не сумевшего отстоять своей тезы. <...>

¹ Юсуповский дворец (ныне наб. р. Мойки, 94) построен на месте деревянного дворца племянницы Петра I. Первоначально двухэтажный каменный дом гр. П.И. Шувалова был по заказу его сына А.П. Шувалова в 1770-х гг. перестроен архитектором Ж.Б. Валлен-Деламотом. В 1830 г. дворец был куплен Б.Н. Юсуповым; с этого момента вплоть до революции 1917 г. дворец находился во владении рода Юсуповых. За это время он еще дважды перестраивался: в 1830–1838 гг. был достроен под руководством А.А. Михайлова, в 1890–1916 гг. А.А. Степановым была проведена капитальная реконструкция и реставрация внутренних интерьеров здания. В 1913–1916 гг. Андрей Белобородов занимался оформлением комнат первого этажа вместе с архитектором А.П. Вайтесом и художниками В.М. Конашевичем, Н.А. Тырсой и С.В. Чехониным.

² Речь идет о кн. Феликсе Феликсовиче Юсупове и его жене Ирине Александровне, дочери вел. кн. Александра Михайловича; брак между ними был заключен 22 февраля 1914 г.

³ Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) — художник и график, член объединения «Мир искусства», ученик И.Е. Репина.

⁴ Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — живописец, график, специалист по прикладному искусству, педагог, один из создателей ленинградской школы книжной графики. В 1905–1909 гг. он, как и Андрей Белобородов, обучался на архитектурном отделении Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств (далее — ИАХ), однако курса не кончил. В 1906–1910 гг. занимался в частной Школе живописи и рисования Е. Званцевой под руководством Л. Бакста и М. Добужинского, входивших в круг «Мир искусства».

⁵ Конашевич Владимир Михайлович (1888–1963) — художник, график, один из известнейших мастеров книжной иллюстрации.

⁶ Роспись по эмали, нанесенной на металл.

⁷ С углублениями.

⁸ Яковлев Борис Иванович (1884–1963) — скульптор. В 1911 г. окончил Санкт-Петербургский университет, после чего поступил в ИАХ, где учился у скульптора В.А. Беклемишева.

⁹ Шарабан (от *франц.* char à banes — повозка со скамьями) — легкий экипаж.

¹⁰ Чичероне (от *итал.* cicergone, по имени оратора Цицерона) — проводник, развлекающий вас спутник.

¹¹ Ценное издание большого формата или набор листов, вложенных в специальную папку.

¹² Этот альбом с рисунками Кваренги в настоящее время не выявлен.

¹³ Речь идет об Эрзурумской кампании — крупном наступлении русской армии на Кавказском фронте во время Первой мировой войны, когда русская армия под командованием генерала Н.Н. Юденича разгромила 3-ю турецкую армию и захватила стратегически важную крепость Эрзурум, открыв себе дорогу вглубь Турции. Взятие Эрзурума произошло 16 февраля (а не в июле, как пишет Белобородов) 1916 г. Ныне город Эрзурум находится на территории Турции. Захваченный во время войны 1828–1829 гг. и возвращенный Османской империи по результатам Адрианопольского мира (эти события описаны в «Путешествии в Арзрум» Пушкина), вновь занятый русскими войсками в 1878 г. и вновь возвращенный согласно Берлинскому трактату Турции, с 1916 по 1917 г. занимаемый русскими войсками, он и после Первой мировой войны вновь отошел Турции. Эрзинджан — город, расположенный недалеко от Эрзурума.

¹⁴ Окунев Николай Львович (1885–1949) — историк искусства, знаток древнерусского, русского, византийского, средневекового сербского искусства и архитектуры. В 1917–1920 гг. преподавал историю искусства в Петрограде, а позднее в Одессе и Скопле. С 1925 г. вел курс по византийскому и славянскому искусству в Карловом университете в Праге. Почетный член общества «Икона» в Париже.

¹⁵ Карс — город, расположенный на территории современной Турции. На протяжении всей своей одиннадцативековой истории переходивший из рук в руки, этот город сохранял свое стратегическое значение и во время русско-турецких войн XIX в. Взятый штурмом в ходе кампании 1877–1878 гг., Карс по Сан-Стефанскому мирному договору отошел к Российской империи. Однако сорок лет спустя, по условиям Брестского мира, Карс вернулся под власть Турции.

¹⁶ «На войне как на войне» (*франц.*) — французская пословица.

¹⁷ Помещение в ИАХ.

¹⁸ См.: Русский зодчий за рубежом. 1938. № 9/10. С. 17–20. URL: https://vtorayaliteratura.com/pdf/russkij_zodchij_za_rubezhom_09-10_1938.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁹ Ставка генерала Н.Н. Юденича.

²⁰ Построенные на месте целебных сернистых источников, знаменитые Тбилисские бани, описанные А.С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (1829).

²¹ Гостиница «Франция», принадлежавшая Елене Ивановне Латри, дочери И.К. Айвазовского, являлась своего культурным центром курортной Ялты. Прекрасное класси-

ческое здание было в середине 1880-х гг. построено под руководством П.К. Терebeneва и достроено под наблюдением Н.А. Штакеншнейдера. Помимо ресторана на первом этаже располагались книжные магазины. Самый известный из них, «Избушка», принадлежал И.А. Синани; здесь, кроме дружившего с ним Чехова, бывали Горький, Бунин, Куприн, Андреев, Гиляровский, Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Телешов и др. Разрушенное во время Великой Отечественной войны здание восстановлено не было.

²² Лицо неотожествленное.

²³ Кореиз — поселок на южном берегу Крыма, где находился принадлежавший Юсуповым Мисхорский (Кореизский) дворец. Имение это, ранее принадлежавшее А.С. Голицыной, было в 1880 г. куплено кн. Ф.Ф. Юсуповым у винодела Морозова — тогдашнего владельца. В 1909 г. под руководством архитектора А.Н. Краснова дворец был существенно перестроен, в чем деятельное участие принимал и Юсупов-младший. Здесь он с супругой провел последние годы перед эмиграцией.

²⁴ Княгиня З.Н. Юсупова (1861–1939) — дочь Н.Б. Юсупова; вышла замуж за гр. Феликса Сумарокова-Эльстона (см. о нем ниже). Их старший сын Николай был убит на дуэли в 1908 г. После революции З.Н. Юсупова с мужем жила в Риме; оставшись вдовой, переехала в Париж, к сыну и его жене. Похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с сыном, невесткой и внучкой.

²⁵ Имеется в виду граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон (1856–1928), генерал-адъютант (1915), главноначальствующий над Москвой в мае–сентябре 1915 г. После смерти своего тестя, последнего из Юсуповых, в 1891 г. особым императорским указом получил дозволение унаследовать его княжеский титул и фамилию. С тех пор именовался графом Сумароковым-Эльстоном, князем Юсуповым. Такой же титул носил и его сын Феликс.

²⁶ В Крыму Юсуповым принадлежали два поместья: уже упомянутое имение в Кореизе и небольшое имение «Кокоз», расположенное на реке Кокозке у самого подножия Крымских гор.

²⁷ Слово «яйла» по-турецки означает «плато». Высокогорные плато, зачастую служившие пастбищами, занимают большую долю площади Крымских гор.

²⁸ «Вполне неплохо» (*франц.*).

²⁹ Бахчисарай — город в центральном Крыму, расположенный на склоне Внутренней гряды Крымских гор, в долине реки Чурук-Су; бывшая столица Крымского ханства. В 1736 г. был сожжен до основания русской армией под командованием Б.К. Миниха. Отстроен заново в 1740–1750-х гг. Название города на крымско-татарском означает «сад-дворец».

³⁰ Кокоз (или Кокозы; ныне село Соколиное) — село, расположенное у самого подножия Крымских гор на пути к перевалу Ай-Петри. Здесь в 1912 г. архитектором Н.П. Красновым был выстроен для Феликса Юсупова небольшой дворец в восточном стиле. Помимо самого дворца в архитектурный комплекс имения входили: мост через реку Кокозку, стоящая перед ним мечеть — подарок князя местному населению, гостевой корпус с башней (ныне искаженный до неузнаваемости), хозяйственные корпуса, людская, конюшня, прачечная, ограда и два фонтана: фонтан у ворот и фонтан «Голубой глаз».

³¹ Краснов Николай Петрович (1864–1939) — академик архитектуры, с 1887 по 1899 г. — главный архитектор Ялты, автор проектов более чем шестидесяти значительных построек на территории Крыма. За создание ансамбля Ливадийского дворца в 1911 г. был пожалован в архитекторы высочайшего двора. В 1919 г. эмигрировал с семьей в Константинополь, затем на Мальту, с 1922 г. поселился в Белграде. В Королевстве СХС (Югославии) Краснов продолжал заниматься архитектурой; ему принадлежат проекты нескольких крупных правительственных учреждений, в том числе проект здания нынешнего правительства Сербии.

³² Строительство дворца (Хансарая) было начато в XVI в. при хане Сахиб-Гирее на левом берегу реки Чурук-Су; сюда была перенесена столица Крымского ханства. На про-

тяжении двух веков каждый следующий правитель достраивал все разрастающийся дворцовый ансамбль. В 1736 г. дворец был сожжен русскими войсками (см. выше). Ко времени посещения Белобородова во всем Бахчисарае мало осталось от его первоначального облика. Собственно, и Пушкин, прославивший его своей поэмой «Бахчисарайский фонтан» (1823), посещая дворец в 1820 г., увидел его не только заново отстроенным, но и несколько раз варварски перестроенным.

³³ Согласно преданию, фонтан был устроен ханом Крым-Гиреем в 1764 г. в память о своей умершей наложнице по имени Диляра. Первоначально он находился у стен ее мавзолея, но во время реконструкции дворца, предпринятой в связи с приездом императрицы Екатерины, был перенесен в фонтанный дворик.

³⁴ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — политический деятель, создатель монархической партии «Союз русского народа» (1905), с 1908 г. возглавлял «Русский народный союз имени Михаила Архангела». Издавал черносотенный журнал «Благовест». Широкую известность получила его обличительная речь в адрес Распутина, произнесенная 19 ноября 1916 г. в Государственной думе. В этот день Пуришкевич записал в дневнике: «Сегодня я провел день глубочайших душевных переживаний. За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, — сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним. <...> И вот я сказал <...> в Государственной думе, на всю Россию горькую истину <...> она должна показать Государю, что вся Россия, от крайнего правого крыла до представителей левых партий, не лишенных государственного смысла, одинаково оценивают создавшееся положение и одинаково смотрят на тот ужас, который представляет собою Распутин в качестве неугасимой лампы в царских покоях» [Пуришкевич 1990, с. 107–108].

³⁵ Имеется в виду Распутин.

³⁶ Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942) — сын великого князя Павла Александровича и греческой принцессы великой княгини Александры Георгиевны, внук Александра II, двоюродный брат императора Николая II. После убийства Распутина вместе с князем Юсуповым был арестован. В наказание был отправлен в Персию, благодаря чему смог эмигрировать.

³⁷ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник, историк искусства, мемуарист, один из главных идеологов объединения «Мир искусства».

³⁸ Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874–1941) — искусствовед, коллекционер и меценат.

³⁹ Гарсоньерка — приватная комната.

⁴⁰ Рокамболь (Rocambole) — главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX в. французского писателя Понсона дю Террай (1829–1871); нарицательное имя для авантюриста, также обозначает необыкновенные и удивительные приключения.

⁴¹ Абсида — полукруглая или многоугольная ниша со сводом.

⁴² Кабинет здесь — тип мебели, шкаф с выдвигаемыми ящиками и дверцами, установленный на высоком подстоле.

⁴³ Императорское общество архитекторов-художников (Петроградское общество архитекторов-художников; Ленинградское общество архитекторов-художников), основанное в 1903 г., существовало до 1932 г.

⁴⁴ Пиластра — вертикальный выступ стены, условно изображающий колонну.

⁴⁵ Дворец, расположенный по адресу: наб. Мойки, д. 106, построенный в конце XVIII в. и дважды перестроенный в XIX в. архитекторами И.А. Монигетти и Н.И. де Рошефором, был передан по случаю бракосочетания великому князю Александру Михайловичу и великой княжне Ксении Александровне, дочери Александра III. Интерьеры особняка были заново отделаны по проекту Н.И. де Рошефора.

⁴⁶ К открытию в 1851 г. Николаевской железной дороги, соединившей Москву со столицей, архитекторами К.А. Тоном и Р.А. Желязевичем были построены по единому проекту Николаевский (ныне Московский) вокзал в Петербурге и Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал в Москве.

⁴⁷ Романов Федор Александрович (1898–1968) — сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, внук Александра III по материнской линии, правнук Николая I по прямой мужской линии; младший брат жены Феликса Юсупова княгини Ирины Александровны.

⁴⁸ Сергиевский дворец (дворец Белосельских-Белозерских), расположенный на углу Невского проспекта и Фонтанки, в 1847–1848 гг. был перестроен архитектором А.И. Штакеншнейдером в стиле второго барокко. Принадлежал князьям Белосельским-Белозерским, в 1884 г. передан великому князю Сергею Александровичу (младшему брату Александра III) ко дню его вступления в брак с Елизаветой Гессен-Дармштадтской (Елизаветой Федоровной) и получил новое название — «Сергиевский».

⁴⁹ Трепов Александр Федорович (1862–1928) — с ноября по декабрь 1916 г. — председатель Совета министров. Будучи консерватором, добивался отставки А.Д. Протопопова.

⁵⁰ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — последний министр внутренних дел Российской империи.

⁵¹ Очереди.

⁵² В первые дни марта 1917 г. в Гельсингфорсе и Кронштадте начались матросские волнения, в ходе которых произошли кровавые расправы над офицерами Балтийского флота. 7 марта 1917 г. З.Н. Гиппиус записала: «В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров... Адм. Непенин телеграфировал: “Балтийский флот, как боевая единица, не существует. Пришлите комиссаров [Временного правительства]”. Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, — ему всадили в спину нож» [Гиппиус 1999, с. 481]. Ср.: [Дудоров 1993; Революция и гражданская война в России... 2008].

⁵³ В 1812 г. после отступления из Москвы французской армии распоряжением главнокомандующего Москвы гр. Ф.В. Ростопчина на Большой Сухаревской площади была введена воскресная торговля похищенным во время войны имуществом. Традиция закрепилась, и рынок продолжил существовать, с каждым годом все разрастаясь. В 1915 г. суммарная территория «Сухаревки» составляла почти 4 гектара. Рынок действовал даже в период военного коммунизма. В 1924 г. в связи с упорядочиванием частной торговли было принято решение о создании на его месте нового регулярного Сухаревского рынка.

⁵⁴ Статуетки, изготовленные на фарфоровом заводе, основанном англичанином Ф. Гарднером в середине XVIII в. в селе Вербилки на реке Дубне; марка этого завода высоко ценилась вплоть до 1870-х гг.

⁵⁵ Пуни Иван Альбертович (1894–1956) — художник-авангардист. Богуславская-Пуни Ксения Леонидовна (1892–1971) — его жена, художница авангардного направления, дизайнер, поэтесса. Пуни и Богуславская эмигрировали в начале 1920-х гг. сначала в Германию, затем во Францию.

⁵⁶ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — политический деятель, писатель; с 1917 по 1929 г. — первый нарком просвещения.

⁵⁷ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (187–1940) — режиссер.

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ПОЛЯКОВА

Ф.Б. Поляков

ВСТРЕЧИ ЛЬВА ШЕСТОВА
С ПЕРЕВОДЧИКОМ ГАНСОМ РУОФФОМ

Уроженец Москвы переводчик Ганс (Иван Федорович) Руофф (Ruoff; 1893–1985), после отъезда из России обосновавшийся в Мюнхене, вскоре приобрел обширные профессиональные связи в издательских кругах Германии, а также прекрасную репутацию среди русских писателей, которые оказались заинтересованными в немецком книжном рынке¹. Владимир Лидин упоминает его имя уже в 1925 г. наряду с Рейнгольдом фон Вальтером (von Walter), Сигизмундом фон Радецки (von Radecki), Берит Ширащки (Schiratzki) и Семеном Либерманом как переводчиками, которые, по его словам, представляли собой «весь этот культурный оазис на бетоне и камне современной цивилизации» ([Фрезинский 2007, с. 186; 2008, с. 335]; см. также: [Поляков 2010, с. 292]). В разные годы Руофф переводил и классическую русскую литературу, и авторов нарождающейся советской литературы, однако в наибольшей степени, по сообщению его дочери Вероники, его душевному складу отвечали философские тексты. Поэтому Руофф стал одним из основных, многолетних переводчиков Льва Шестова [Baranoff 1975, p. 39–40, 61–62]. Мы рассмотрим немногочисленные свидетельства их личного общения, повлиявшего на распространение трудов Шестова в Германии и в послевоенные годы.

Как нам представляется, существенная роль в установлении отношений Льва Шестова с его переводчиком принадлежала А.М. Ремизову. В опубликованном письме Ремизова к Шестову от 4 декабря 1925 г. первый, жалуясь на типографские небрежности, упоминает имя Руоффа как уже знакомое своему корреспонденту [Данилова, Данилевский 1994, № 1, с. 173, № 140]. Вскоре в письме к Ремизову от 17 декабря 1924 г. из Мюнхена Руофф пишет:

Очень был Вам благодарен за хороший совет и за сообщение адресов из Совдепии (заграничные адреса именитых писателей у меня уже имеются). Вообще меня очень интересует все, что касается русской литературы и

¹ Основные вехи биографии Руоффа восстановлены нами на основании данных семейного архива и пояснений его дочери Вероники на протяжении нескольких встреч в 2004 и 2007 гг. в Мюнхене (см.: [Поляков 2014, с. 352–353]). В дополнение к этим сведениям укажем, что родители Руоффа покинули Москву не после начала Первой мировой войны, как гласило семейное предание, а не ранее 1916 г., поскольку в адресной книге еще упоминался Руофф Федор Федорович (т. е. Fritz Ruoff, отец переводчика) [Вся Москва 1916, с. 430].

русск<ой> духовной жизни. Можете ли Вы составить для меня список произведений Л. Шестова, а также его адрес? <...>²

Очевидно, сближение Шестова с Руоффом произошло в 1925 г. К началу года относится письменный контакт с Шестовым основателя мюнхенского Общества Ницше Фридриха Вюрцбаха (Würzbach; 1886–1961), впоследствии — приверженца арийской теории и участника пропагандистского аппарата нацистов. В письме Вюрцбаха Руофф упоминается как переводчик статьи Шестова, который был приглашен в президиум Общества Ницше, и эта статья с авторизацией перевода была опубликована в первом (и единственном) томе их ежегодника, вышедшем не позднее августа 1925 г. [Баранова-Шестова 1983, т. I, с. 317]³. До этого, в июне 1925 г., Руофф опубликовал подборку афоризмов Шестова [Baranoff 1975, № 40a; Schestow 1925b]. Если этим публикациям предшествовала личная встреча, то она могла состояться в апреле 1925 г. в Берлине, где Шестов находился несколько недель [Баранова-Шестова 1983, т. II, с. 262]. Из писем Вюрцбаха к Шестову известно, что к октябрю 1925 г. Руофф перевел треть книги «Власть ключей», которая вышла в апреле 1926 г. [Там же, т. I, с. 318]. Вслед за тем Руофф вел переговоры с берлинским издательством «Lambert Schneider Verlag» о переводе книги «На весах Иова», которые успешно завершились при поддержке Мартина Бубера (Buber) [Там же, т. II, с. 16]. 4 июня 1927 г. Шестов писал Максус Эйтингону:

Вы уже знаете, Руоф (sic!) договорился насчет издания по-немецки *Странств<ования> по душам*. Я получил тоже от него письмо на днях, он общается, договор будет подписан. Это очень меня радует. Теперь ведь так трудно найти издателя! [Хазан, Ильина 2014, с. 136–137, № 40].

Перевод был осуществлен Руоффом в содружестве с петербургским уроженцем Р. фон Вальтером и вышел через два года [Schestow 1929]. В конце ноября 1928 г. Шестов приезжал с лекцией о Льве Толстом в Мюнхен, встречался там с Руоффом и решал с ним корректурные вопросы в связи с этой книгой, о чем он и сообщает в письме к Герману и Фане Ловцким от 2 декабря 1928 г.:

И корректура от Schneider'a пришла. Поговори с ним, Герман, обстоятельно, как удобнее переводы помещать — чтобы не вышло неприятностей. Я Ruoff'у все объяснил. Он теперь очень старается. Его очень занимает не только перевод, но и сама книга. Он теперь Плотина с кем-то по-гречески стал читать. И все мои замечания принимает к сведению [Баранова-Шестова 1983, т. II, с. 24].

Между тем в 1927 г. отношения Руоффа с Ремизовым оказались натянутыми, и Ремизов, которому потребовался хороший переводчик, после того как швейцарское антропософское издание не пожелало взять его рассказ из-за качества

² Amherst Center for Russian Culture (Amherst College, Amherst / Massachusetts). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1, Sub-series 1, Box 3, Folder 13 (Page 12).

³ Речь идет о статье: [Schestow 1925a]. Впоследствии этот сборник попал под запрет в нацистской Германии; см. подробнее: [Krummel 1998, S. 180–181].

неудовлетворительного перевода, жаловался Шестову в письме от 29 сентября 1927 г.:

Писал я Ruoff'у, он мне с чего-то не отвечает. Отчасти я знаю причину, но в этом я невиновен, п<отому> ч<то> не справочник: и откуда мне знать адреса всех приезжающих писателей из России [Данилова, Данилевский 1994, № 2, с. 173, № 175].

Причиной было, конечно, нежелание Ремизова выполнить следующую просьбу Руоффа, которая могла быть неприятна писателю-эмигранту:

<...> Срочная просьба к Вам: разузнайте адрес Сейфуллиной, которая сейчас находится в Париже, либо сообщите ей мой берлинский адрес. Мне очень важно встретиться с ней, если она будет проездом в Берлине. <...>⁴

Об их личном общении во время пребывания Руоффа в Париже в течение ноября 1929 г. свидетельствуют открытка от 14 ноября с упоминанием неосуществленного переводческого плана:

Дорогой Алексей Михайлович,
будьте добры назначить мне вместо пятницы другой день для обсуждения вопроса перевода «Взвихренной Руси». <...>⁵

и письмо из Мюнхена от 4 декабря с упоминанием пристрастия Руоффа к фотографии:

Urbi monachorum, 4. XII. 29

Дорогой Алексей Михайлович,
Ну вот приехал я «домой», в Монахию, и кончил тем рассеянную мою и столь Вами порицаемую, легкомысленную жизнь. Из шагающего по проспектам Парижа путешественника превратился я в домоседа и скопидома: es war ein schöner Traum! Только что проявил все парижские снимки — за немногими исключениями все удалось хорошо, в особенности те, которые я снимал с Вас малой камерой. Вышлю Вам вскоре отпечатки. Очень сожалею, что недостает в моей галерее писателей Шмелева, но зато Зайцев и Корсак удалось на славу, также и Познер. Приступаю к перевариванию впечатлений. <...>⁶

В указанное время Шестов также проживал в Париже, по адресу рю Лете-лье 3, в XV округе, и в Париже он находился с начала октября [Баранова-Шестова 1983, т. II, с. 269–270], так что их встреча была очень вероятной, тем более что Руофф по-прежнему был занят работой над переводами Шестова, а сам философ и в дальнейшем искал возможность достать своему переводчику аванс (письмо к

⁴ Открытка Руоффа из Берлина 4 мая 1927 г., см.: Amherst Center for Russian Culture, Alexei Remizov Papers. Series 1, Sub-series 1, Box 4, Folder 11 (Page 39).

⁵ Ibid., Box 5, Folder 7 (Page 18).

⁶ Alexei Remizov Papers. Series 1, Sub-series 1, Box 5, Folder 7 (Page 54). — «Es war ein schöner Traum!» (нем.) — «Это был прекрасный сон!» Кроме И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева здесь упомянуты Вениамин Валерианович Завадский (псевдоним В. Корсак), перевод рассказа которого Руофф безуспешно пытался пристроить в Германии, и Соломон Владимирович Познер.

Ловцким от 16 ноября 1930 г.) [Там же, с. 60]. Однако следующая подобная поездка в Париж, как через год предлагал Ремизов, откладывалась на неопределенное время (письмо Руоффа к Ремизову от 17 ноября 1931 г.):

Дорогой Алексей Михайлович,
как живете, что подельваете? Я бы очень охотно приехал в Париж, но мощна не позволяет, дела идут плоховато и туго. Русских переводчиков развелась тьма-тьмушая, а капиталы издателей пошли на убыль. Наклевывалось летом дело — перевод книги Льва Исааковича, — но подвели проклятые банки. Сейчас перевожу только для журналов и газет⁷.

Незадолго до начала Второй мировой войны, вероятно в марте 1938 г. [Там же, с. 279–280], в том же месяце, когда произошло присоединение Австрии, именно там, в Граце, вышел в свет перевод книги Шестова «Афины и Иерусалим» [Schestow 1938]. Опубликовавший книгу издатель Филипп Шмидт-Денглер (Filip Schmidt-Dengler) оказался настолько втянут в орбиту мировоззрения Льва Шестова, что после войны продолжил публикацию работ Шестова и основал в Граце кружок по изучению его наследия [Prutsch, Zeyringer 2003, S. 748–749]. Над переводом этой книги Руофф работал в течение 1937 г., и в августе он находился в гостях у семьи Шестовых в Шатель-Гийон (Châtel-Guyon) [Баранова-Шестова 1983, т. II, с. 164–165]. После войны Руофф с дочерью Вероникой бывали в Париже у дочерей Шестова. В переданных нам в 2007 г. в Мюнхене фрагментарных материалах Руоффа (по-видимому, об архиве в собственном смысле говорить не приходится) имеются копии библиографических работ Натальи Львовны Барановой (1900–1993), различные выписки и заметки, а также две публикуемые здесь фотографии. Сходные, но не идентичные фотопортреты Льва Шестова получили распространение, что могло бы означать, что снимки в нашем собрании представляют собой фотографии из той же серии и были переданы Руоффу семьей Шестовых. Однако Вероника Руофф, ссылаясь на страсть своего отца к фотографии и на его рассказы, настаивала на том, что эти два помещаемых здесь портрета были сделаны именно ее отцом. Мы публикуем их с разрешения дочери Ивана Федоровича Руоффа как памятный знак духовной близости Льва Шестова и его переводчика.

Литература

- Баранова-Шестова 1983 — *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. I–II. Paris, 1983.
 Вся Москва 1916 — *Вся Москва.* Адресная и справочная книга на 1916 г. XXIII год издания. Москва (электронный ресурс ГПИБ: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/19424-na-1916-god>).

⁷ Ibid., Voh 6, Folder 7 (Page 66). В это же время при обсуждении возможного переводчика книги Н.А. Бердяева о Константине Леонтьеве автор рекомендует своему другу Фрицу Либу (Lieb) в письме от 30 ноября 1931 г. [Янцен 2002, с. 313] обратиться именно к Руоффу, сообщая при этом его мюнхенский адрес (и предупреждая о своем нежелании иметь дело с Р. фон Вальтером; об идеологических расхождениях Вальтера с Бердяевым в связи с оценкой им роли православия в русской культуре см.: [Reichelt 1999, S. 64–68]).

- Данилова, Данилевский 1994 — Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185.
- Поляков 2010 — Поляков Ф. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / сост. и ред. А. Устинова. М., 2010. С. 291–306.
- Поляков 2014 — Поляков Ф. «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е — 1930-е годы // *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa* / per A. D'Amelia, a cura di C. Diddi, D. Rizzi. Salerno, 2014. С. 347–360. (*Europa Orientalis*; 22).
- Фрезинский 2007 — Фрезинский Б. Берлинская жизнь Семена Либермана — поэта, редактора, человека книги и театра // *Диаспора. Новые материалы*. Т. VIII. Париж; СПб., 2017. С. 173–210.
- Фрезинский 2008 — Фрезинский Б. Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008.
- Хазан, Ильина 2014 — Исцеление для неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / сост., подгот. текста В. Хазана, Е. Ильиной; вступ. ст. В. Хазана. М., 2014.
- Янцен 2002 — Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001 / 2002* / под ред. М.А. Колерова. М., 2002. С. 227–563.
- Baranoff 1975 — *Baranoff N. Bibliographie des œuvres de Léon Chestov*. Paris, 1975. (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, XXXVI; Série: Écrivains russes en France).
- Krummel 1998 — Krummel Richard Frank unter Mitwirkung von Evelyn S. Krummel. Nietzsche und der deutsche Geist. Bd. III. Ausbreitung und Wirkung des Nietzscheschen Werkes im deutschen Sprachraum bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges. Ein Schriftenverzeichnis der Jahre 1919–1945. Berlin; N. Y., 1998. (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung; 3).
- Prutsch, Zeyringer 2003 — Leopold von Adrian (1875–1951). Korrespondenzen, Notizen, Essays, Berichte / Hrsg. von U. Prutsch, K. Zeyringer. Wien; Köln; Weimar, 2003.
- Reichelt 1999 — Reichelt S.G. Nikolaj A. Berdjajev in Deutschland 1920–1950. Eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig, 1999.
- Schestow 1925a — Schestow L. Die Nacht des Gethsemane (Pascals Philosophie) / Vom Verfasser durchgesehene Übersetzung aus dem Russischen von Hans Ruoff // *Ariadne. Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft 1925* / Hrsg. von Ernst Bertram, Hugo von Hofmannsthal, Thomas Mann, Richard Oehler, Leo Schestow, Heinrich Wölfflin, Friedrich Würzbach. München, 1925. S. 36–109.
- Schestow 1925b — Schestow L. Philosophische Fragmente // *Der Neue Merkur*. № 9. Juni 1925. S. 710–732.
- Schestow 1929 — Schestow L. Auf Hiobs Wage. Über die Quellen der ewigen Wahrheiten / Autorisierte Übertragung aus dem Russischen von Hans Ruoff und Reinhold von Walter. Berlin, 1929.
- Schestow 1938 — Schestow L. Athen und Jerusalem. Versuch einer religiösen Philosophie / Autorisierte Übertragung aus dem Russischen von Hans Ruoff. Graz, 1938.

Г.А. Тюринна

«НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ...»:
О НЕПРЕХОДЯЩЕЙ ПОЛЬЗЕ ГРЕЧЕСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СЛАВИСТИКИ

К 60-летию Федора Борисовича Полякова

Как же трудно писать текст-поздравление к праздничной дате ученого, до уровня которого тебе еще расти и расти, а скорее всего — никогда и не дотянуться! На ум приходят любимые с детства, но не слишком оригинальные цитаты вроде той, что вынесена в заголовок (а ведь уместнее не найти — в очередной раз убеждаешься, что нет ничего актуальнее и живее проверенной временем классики!). Отказываясь от идеи измерять вес научного вклада юбиляра, пишу в честь веселого, неунывающего человека, сохраняющего и передающего другим живой образ ученого-гуманитария, который не «занимается наукой», а просто живет в ней каждый день. Легкий, ироничный (в меру — саркастичный) и всё на свете знающий — таким встречает Ф.Б. Поляков собеседника, вызывая в ответ ностальгические чувства и воспоминания о далеких студенческих годах, когда, увидев именно такого преподавателя, ты избрал научную стезю, зараженный радостью и безудержным энтузиазмом рассказов о новых находках и открытиях.

Мой путь в науке определил Борис Львович Фонкич (отец Ф.Б. Полякова), единственный в мире специалист по греческой палеографии, который не дает ей закоснеть в сложившихся и устоявшихся формах, но своим ежедневным трудом в течение более полувека постоянно «тормозит» ученый мир и побуждает исследователей, опираясь на ценные достижения прошлого, смотреть в будущее и двигаться вперед. Выбор был сделан не в результате долгих размышлений, интересна мне эта область науки или нет, а под впечатлением, как может быть *счастлив* человек, занимающийся этим предметом. Убеждена, что это свойство — быть счастливым, увлеченным ученым и передавать это ощущение другим — невозможно выработать искусственно, это то, что называется *призванием*.

Несомненно, такой счастливый дар унаследовал от отца и Федор Борисович. В числе своих учителей он называет еще легендарных Бориса Андреевича Успенского и Никиту Ильича Толстого, культурой и доброжелательностью раздвигавших идеологические рамки, душившие филфак МГУ в 1970-х, и создавших для студентов атмосферу пусть не абсолютной, но хотя бы внутренней свободы. Вспоминает Федор Борисович и выдающегося филолога-классика Райнхольда Меркельбаха, который преподнес ему урок высочайшего профессионализма: специалист должен с легкостью читать оригинальные сочинения любой сложности «как газету», комментируя любую строку или слово, оставляя у слушателей впечатление «со-

вершенного вдохновения»¹. Сегодня этим отношением к науке как к *совершенному вдохновению* делится со своими учениками и коллегами Ф.Б. Поляков.

Вряд ли библиография кого-либо из современных славистов содержит *такое* разнообразие сюжетов: начиная с авторов античности, через греческую и славянскую палеографию, эпиграфику, византийские исследования, историю русской литературы к истории и литературе XX в. Воздержимся от перечисления тем и названий работ, их внушительный список доступен². В нем «под одной обложкой» уживаются греческие патриархи и русские иерархи, деятели эпохи Просвещения, старообрядческие библиотеки Русского Севера, сокровища московских и европейских рукописных собраний, трагические судьбы отечественных византистов, писателей русского рассеяния и многое другое. В исследованиях Ф.Б. Полякова возвращаются к жизни казавшиеся утраченными имена людей разных культур и эпох, соработают, казалось бы, совсем не близкие дисциплины (например, «Византийские образы в эсхатологической концепции культуры Юрия Иваска и поэта Осипа Мандельштама» [МОСХОВИЯ 2001] или «Ewiges Licht». Zur liturgischen Symbolik in B.N. Širjaevs Roman “Neugasimaja Lampada”» [Kirchen 1991] и др.). Выдающееся владение языком позволило Федору Борисовичу стать переводчиком не только с немецкого, но и *на* немецкий. Не только *научной* литературы, но и *художественных* произведений. В частности, такого трудного для перевода на иностранные языки автора, как Александр Солженицын. В числе его переводов очерки изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и военная повесть «Адлиг Швенкиттен»³.

Возвращаясь к любезной моему сердцу палеографии, отмечу, что, хотя Ф.Б. Поляков уже давно живет в Вене, каждый день с ним здороваются читатели отдела рукописей Государственного исторического музея: без книжки-дополнения к каталогу хранящихся там греческих рукописей, составленной Федором Борисовичем совместно с Б.Л. Фонкичем [Фонкич, Поляков 1993], не обходится ни одно исследование этих памятников. Этот, поистине «мировой», фонд называется «Синодальное собрание греческих рукописей» и содержит более 500 манускриптов VI–XVII вв., основной массив которых был привезен в 1654 г. с Афона и из других восточных монастырей по поручению патриарха Никона, — памятники греческого книгописания, отражающие всю его историю. Однако, чтобы с ними работать, исследователям и сегодня предлагается использовать каталог 1894 (!) года издания, составленный не ученым, а синодальным ризничим архимандритом Владимиром (впрочем, совершенно замечательным!) [Владимир, архим. 1894]. В дополнениях Полякова–Фонкича все его данные пересмотрены и обновлены (размер рукописи, датировка, место создания и писец, библиография), так что создана надежная и очень плодородная почва для изучения этого уникального фонда. Отдельная благодарность Ф.Б. Полякову за реконструкцию биографии

¹ Учителя Федора Полякова. Интервью Ф. Полякова И. Толстому, см.: <https://www.svoboda.org/a/29977257.html> (дата обращения: 01.10.2019).

² https://homepage.univie.ac.at/fedor.poljakov/Poljakov_Publications_2019.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

³ Полный перечень немецких изданий А.И. Солженицына в переводе Ф.Б. Полякова см.: [Solschenizyn 2004; 2005; 2006; 2007].

архимандрита Владимира, который, не будучи специалистом, совершил настоящий подвиг: составил описание греческих и славянских рукописей Синодальной библиотеки (ныне — «ядро» фондов ГИМа). Память об этом человеке была смыта из истории в 1918 г. вместе с его могилой в Новоспасском монастыре, которую уже никогда не восстановит⁴.

Надо заметить, что и другие палеографические работы Федора Борисовича, изданные 20–30 лет назад, не утратили своей актуальности. Так, одна из них посвящена остро стоящей ныне в палеографии проблеме датировки рукописей. В научном мире весьма распространена практика заимствования для собственных изысканий данных других исследователей. Это совершенно понятно, определение датировки — задача сложнейшая, требующая большого времени и специальных знаний. В результате использования чужих результатов без какого-либо критического осмысления ошибочные и неточные датировки тиражируются из публикации в публикацию. Построенные на таких ошибках рассуждения и выведенные из них следствия не могут иметь никакого научного веса, ведь исследование изначально велось по ложному пути.

Одним из ярчайших примеров того, как, укоренившись в ошибочной датировке, выросла внушительная научная литература с неверными историческими выводами, является «казус» знаменитого кодекса Мани — священной книги манихеев, хранящейся в папирологической коллекции Кёльнского университета⁵. Исходя из содержания рукописи и места ее находки (Нижний Египет), исследователями (по преимуществу филологами и историками) был выстроен ряд умозрительных логических заключений, увенчавшихся довольно узкой для маюскульных рукописей датировкой — «конец IV — начало V в.»⁶. Кодекс гармонично «вписался» в определенное учеными для него место в истории религиозной борьбы в Византии. Однако такая научная «удача» нанесла урон нашим знаниям в этой области. Палеографическое исследование рукописи, проведенное Поляковым и Фонкичем, позволило с уверенностью утверждать, что она создана во второй половине VIII — начале IX в., не в Нижнем Египте, а в Палестине (или на Синае), что переносит изучение этого памятника совсем в другую плоскость. Несмотря на ряд публикаций этих результатов [Fonkich, Poljakov 1990], ученое сообщество уходит от их обсуждения — ведь необходимо признать, что прежние наработки были ошибочны и надо начинать изучение сначала. (Впрочем, это обстоятельство — нежелание коллег признавать ошибки — мало заботит авторов исследования, для которых главным в науке остается не относительный, а *абсолютный* результат.)

Не только узким специалистам, но всем культурным людям важно знать предпринятую Поляковым и Фонкичем публикацию труда А.А. Дмитриевского «Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг: профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин)» (о собирателях

⁴ Архимандрит Владимир (Филантропов), впоследствии епископ Ковенский (1842–1916).

⁵ Шифр кодекса в библиотеке Кёльнского университета: P. Colon. Inv. Nr. 4780.

⁶ Последнее критическое издание кодекса, снабженное комментарием и немецким переводом: [Der Kölner Mani-Kodex 1988].

рукописей, чьими трудами составились наши богатейшие музейные и архивные фонды) [Fonkich, Poljakov 1993], статью об уничтожении отечественной науки после революции [Поляков, Фонкич 1994]. Разные работы Федора Борисовича актуальны по-разному. Думаю, многим сегодня полезно было бы почитать и такую его публикацию: «Взаимоотношения Константинопольских патриархов с Киевской митрополией в “Житии Петра архиепископа Киевского” митрополита Киприана»⁷.

Все же нам не удалось избежать некоторого погружения в научную проблематику, но мне хотелось познакомить читателей «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» с той стороной деятельности юбиляра, которая, возможно, меньше им известна, чем другие.

Не сомневаюсь, что стремление к *совершенному вдохновению* и впредь будет главным в жизни Федора Борисовича. А мы по-прежнему будем с интересом ждать каждую его публикацию и слушать его во все уши!

Многая и благая лета!

Литература

- Владимир, архим. 1894 — *Владимир, архим.* Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1: Рукописи греческие. М., 1894.
- Поляков, Фонкич 1994 — *Поляков Ф.Б., Фонкич Б.Л.* А.А. Дмитриевский и его работа о русских собирателях рукописей старопечатных книг // *Byzantinorussica*. 1994. № 1. P. 161–197.
- Фонкич, Поляков 1993 — *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993.
- Der Kölner Mani-Kodex 1988 — *Der Kölner Mani-Kodex. Über das Werden seines Lebens. Kritische Edition...* / Hrsg. und Übers. von L. Koenen und C. Römer. Opladen, 1988.
- Fonkich, Poljakov 1990 — *Fonkich B., Poljakov F.* Paläographische Grundlagen der Datierung des Kölner Mani-Kodex // *Byzantinische Zeitschrift*. 1990 [1991]. № 83. S. 22–30.
- Fonkich, Poljakov 1993 — *Fonkich B., Poljakov F.* Schicksale der byzantinischen Philologie in Rußland im 20. Jahrhundert // *La filologia medievale e umanistica greca e latina nel secolo XX. Atti del Congresso Internazionale Roma, Consiglio Nazionale delle Ricerche, Università La Sapienza 11–15 dicembre 1989*. Roma, 1993. P. 769–819. (Testi e Studi Bizantino-Neellenici VII).
- Kirchen 1991 — *Kirchen im Kontext unterschiedlicher Kulturen. Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend* / Hrsg. K.Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. Lilienfeld von, T. Rendtorff, C.-J. Roepke. Göttingen, 1991 [1992]. S. 883–900.
- МОСХОВІА 2001 — *МОСХОВІА. Проблемы византийской и новогреческой филологии: К 60-летию Б.Л. Фонкича*. М., 2001. С. 377–390.
- Solschenizyn 2004 — *Solschenizyn A.* Schwenkitten '45 / Aus dem Russischen von Hedy Pross-Werth und Fedor B. Poljakov. München: LangenMüller, 2004. 208 S.
- Solschenizyn 2005 — *Solschenizyn A.* Zwischen zwei Mühlsteinen Zwischen zwei Mühlsteinen. Mein Leben im Exil / Aus dem Russischen von Fedor B. Poljakov. München: Herbig, 2005. 432 S.

⁷ *Byzantinoslavica*. 1990. № LI (1). P. 27–39.

Solschenizyn 2006 — *Solschenizyn A. Was geschieht mit der Seele während der Nacht?* / Aus dem Russischen von Fedor B. Poljakov. München: Herbig, 2006. 110 S.

Solschenizyn 2007 — *Solschenizyn A. Meine amerikanischen Jahre* / Aus dem Russischen von Andrea Wöhr und Fedor B. Poljakov. München: LangenMüller, 2007. 572 S.

М.Ю. Сорокина

РОМАН ЯКОБСОН В ПРАГЕ:
СЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ

На рубеже XIX–XX вв. научное сообщество, занимавшее лидерские позиции в начинавшейся эпохе научно-технической революции, формировало свою новую повестку дня и впервые публично заявило о претензии на участие в государственном управлении во многих странах мира. Ученый «во власти» — президент, премьер-министр, губернатор, мэр — становится обыденным явлением европейской и американской политической и общественной жизни.

Образ и практики науки как власти были тесно связаны с прагматикой «большой науки», невозможной без активного сотрудничества научного сообщества и его элиты с самыми разными властными структурами. Во многих странах научная элита стала частью общенациональной; научные специалисты, прежде всего гуманитарии, — частью политического истеблишмента. Приехавший в 1924 г. во Францию бывший эсер, а теперь советский функционер, Александр Яковлевич Аросев (1890–1938), познакомившись с составом правительства Э. Эррио, не скрывал своего удивления: «Это ученое, университетское правительство, даже не правительство, а скорее президиум Академии наук» [Аросев 1925, с. 21].

В России процесс интеграции научных специалистов в государственные и общественные структуры на правах главных действующих лиц и экспертов был интенсифицирован Первой мировой войной, а научная элита выступила с программой модернизации страны, одним из важнейших инструментов которой должна была стать обширная сеть государственных научно-исследовательских институтов [Сорокина 2015]. Их планируемые филиалы за рубежом — в Лондоне и Париже, Берлине и Каире, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Пекине и др. — маркировали начало экспансии российской науки в мировое научное и образовательное пространства и расширение ее институционального влияния.

Однако эти планы были нарушены русской революцией 1917 г. и Гражданской войной, «незапланированным» следствием которых стало образование так называемой первой волны русской эмиграции и «российского научного зарубежья». Формировавшееся на протяжении 1920-х гг. параллельное большевистской России новое интеллектуальное пространство — национальная научная инфраструктура (институты, учебные заведения, академические группы, общества и т. д.) — явилось одним из форматов реализации дореволюционных планов российской научной элиты. Поддержанное и профинансированное правительствами ряда стран и международными организациями, оно охватывало преимуще-

ственно сообщества гуманитарных и социальных наук, которые никогда прежде не получали такой возможности широкого идейного, институционального и персонального продвижения по всему миру. Российская славистика, потери которой в результате эмиграции многих известных ученых после большевистского переворота были одними из самых значительных в постреволюционной науке, также получила серьезный импульс к развитию, но уже в ином географическом и институциональном ареале — европейском.

Распад имперского пространства после Первой мировой войны (Австро-Венгерская, Российская, Оттоманская империи) и образование новых славянских государств (Чехословацкая Республика, КСХС / Королевство Югославия и др.) актуализировали формирование в этих странах собственных геополитических, научных и культурно-образовательных повесток дня. В этих условиях важнейшей практической проблемой славистического сообщества стали коммуникативные стратегии — персональные, дисциплинарные, национальные. Они стимулировали создание новой научной инфраструктуры и прежде всего — научно-исследовательских институтов, изучающих языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов. Впрочем, появление на сцене истории значительного славянского мира как серьезного игрока — важнейший геополитический фактор для всех стран. Славянские институты начали открываться по всей Европе — в 1919 г. профессором Э. Дени (Denis; 1849–1921) в Париже был организован Institut d'études slaves (Институт славянских исследований), содержащийся на средства французского, чешского, югославского и польского правительств [Валеева 1983]. В 1921 г. институты по изучению Восточной Европы были открыты в Риме и ряде других европейских университетских городов, к 1922 г. благодаря усилиям первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика (Masaryk; 1850–1937), известного ученого, идея создания Славянского института достигла Праги. В 1924 г. он недолго существовал под патронатом Министерства иностранных дел, но фактически начал работать с 1928 г., опираясь на средства МИД и Министерства образования. Его членами стали прежде всего чешские слависты, особенно филологи и литературоведы, но также некоторые известные историки (К. Крофта (Krofta; 1876–1945)) и византологи (Фр. Дворник (Dvornik; 1893–1975))¹.

Напротив, в советской России, где в дореволюционные годы традиции академического изучения славянского историко-культурного наследия имели мощные корни в университетских и общественных практиках, после большевистской революции 1917 г. были ликвидированы многие научные и учебные подразделения, занимавшиеся славистическими исследованиями. Несмотря на это, на протяжении 1920-х гг. немногочисленное российское славистическое сообщество пыта-

¹ Первым председателем Славянского института был избран известный археолог и этнограф профессор Любор Нидерле (Niederle; 1865–1944), автор монументального труда «Славянские древности», вторым — профессор южнославянских языков и литератур в пражском Карловом университете Матия Мурко (Murko; 1861–1952). Со временем среди членов института появились русские эмигранты, проживавшие в Чехословакии (В.А. Францев, Н.Л. Окунев и др.) или в других странах, — Г.В. Вернадский, князь Н.С. Трубецкой, — как зарубежные члены (члены-корреспонденты).

лось воссоздавать свои связи с европейскими коллегами и восстанавливать утраченные институциональные позиции внутри СССР [Робинсон 2004; 2005].

В этом широком социальном и историко-научном контексте судьба выдающегося филолога и лингвиста Романа Осиповича Якобсона (1896–1982) представляет собой особый случай. Друг поэта Владимира Маяковского, основатель Московского, а затем и Пражского лингвистического кружков, один из отцов-основателей структурализма, после Второй мировой войны — профессор престижного Гарвардского университета США, Якобсон уехал из советской России в 1920 г. в составе советской миссии Красного Креста. Он жил с советским паспортом в Чехословакии (Прага, Брно), не имевшей дипломатических отношений с советской Россией до 1934 г., почти двадцать лет (!), до 1939 г., с разными служебными статусами и непонятной для многих, а значит, весьма подозрительной политической ориентацией.

Если чешская полиция и русские эмигранты считали Якобсона советским шпионом, то чешский и словацкий академические миры, независимо от политического режима в стране, относились к нему хотя и с нескрываемым подозрением, но признавали профессиональный уровень его научных исследований и полезность широких связей. В 1950-е гг. официальная печать ЧССР клеймила уже американского профессора (уволненного из Брненского университета в 1951 г. за «неприятное отношение к народно-демократической республике») как агента-антисоветчика [Зенкин 2012, с. 174].

Сегодня хорошо известно, что на протяжении 1920-х гг. Роман Якобсон был штатным сотрудником советской миссии в Праге, заведующим ее отделом печати (= пресс-атташе)². Эта позиция позволяла ему иметь многочисленные неформальные связи и контакты в дипломатических, общественных и культурных кругах Праги и других европейских стран, и, таким образом, вопрос о политической ангажированности филолога, важный для понимания сложной траектории его биографии как ученого, выходит далеко за ее рамки, затрагивая мифологию границ в послевоенном европейском пространстве — интеллектуальном, политическом, научном и персональном. Наше сообщение, основанное на документах из Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ) МИД РФ³, будет посвящено конкретному, но весьма неожиданному сюжету — роли сотрудника советской миссии в Праге Романа Якобсона в создании и продвижении проекта учреждения Славянского института в Москве в 1920-е гг. Данный сюжет приоткрывает очень интересную страницу истории межвоенной Европы, где международные научно-организационные проекты служили инструментом поиска и новых государственных идентичностей, и новых коммуникативных стратегий различными профессиональными сообществами.

* * *

² Подробнее см. мою статью «Роман Якобсон в Праге: дела югославские» в наст. изд.

³ Моя глубокая благодарность руководителям Историко-документального департамента МИД РФ и сотрудникам АВП РФ МИД РФ, благодаря профессиональному содействию которых стала возможной работа в этом важном для истории отечественной науки архиве.

Роман Якобсон. Прага, 1937 г. Частное собрание

В 1920–30-е гг. Чехословакия была одним из крупных центров русской эмиграции и русского зарубежного высшего образования. В этот период Прага также превратилась в важный центр эмигрантской гуманитарной науки, прежде всего славистической, в рамках которого вырабатывались новые подходы и опробовались новые научно-организационные модели, способные не только поддержать профессиональное выживание эмигрировавших ученых, но и дать старт новым научным проектам. Так, выросший в Праге и ставший очень известным Семинарий (Seminarium Kondakovianum) / Археологический институт им. Н.П. Кондакова с момента основания позиционировал себя международным гуманитарным проектом в области изучения христианских древностей, не связанным национальными, идеологическими и/или политическими границами. На протяжении всей своей профессиональной карьеры кондаковцы, даже оказавшись в других странах и университетах, продолжали реализовывать выработанную в пражские годы стратегию «единого сообщества», сохраняя связи с советскими коллегами и выступая медиаторами разорванного социальными катаклизмами гуманитарного научного пространства [Сорокина 2018].

Роман Якобсон и его ближайший друг и коллега Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971)⁴, сотрудники неофициального советского полпредства в Праге и совсем не эмигранты де-юре⁵, также с первых же дней пребывания в столице Чехос-

⁴ П.Г. Богатырев приехал в Прагу в январе 1922 г.

⁵ Только недавно стало известно, что Р.О. Якобсон в октябре 1921 г. зарегистрировался в пражском Земгоре как белоэмигрант [Сорокина 2016].

ловакии стремились быть активными коммуникаторами и формировали вокруг себя аналогичное кондаковцам международное славистическое пространство, которое, однако, имело несколько другую персональную и профессиональную структуру.

Круг общения Яacobсона и Богатырева в профессиональной среде был чрезвычайно широк — от левых чешских интеллектуалов и ученых, в том числе и прежде всего балканистов из Немецкого университета в Праге, до самых известных европейских славистов. Несмотря на службу в советской миссии, они поддерживали постоянные контакты и с некоторыми русскими эмигрантами-славистами — Н.С. Трубецким (Австрия), С.И. Карцевским (Чехословакия), Д.И. Чижевским (Германия) и др.; а благодаря этой службе активно содействовали приезду в Прагу коллег из СССР — профессоров М.Н. Сперанского, Ю.М. Соколова, Д.Н. Ушакова и др. Когда же в 1929 г. Яacobсон стал членом редколлегии по восточнославянскому отделу нового славистического журнала «*Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker*», наряду с европейскими славистами он постоянно приглашал к сотрудничеству как советских исследователей, так и русских ученых-эмигрантов [Автономова 2009].

В то же время благодаря служебному положению Романа Яacobсона, заведовавшего отделом печати советской миссии, его собеседниками были многие чешские журналисты, государственные и общественные деятели, вплоть до президента Чехословакии Т.Г. Масарика и премьер-министра и министра иностранных дел Э. Бенеша [Kopečný, Polley 2014/2015]. Тесные связи с пражским градом позволили Яacobсону выступить в 1925 г. с инициативой приглашения президента Масарика в СССР на празднование 200-летия Академии наук, что получило одобрение в Москве на самом высоком уровне [Сорокина 2000].

Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что служебными информаторами Яacobсона являлись сотрудники дипломатических представительств практически всех европейских стран, в том числе славянских государств, неформально снабжавшие его самыми разнообразными сведениями из актуальной политики и культурной проблематики.

Тем не менее проект Р.О. Яacobсона и П.Г. Богатырева лета–осени 1923 г., когда они, нестатусные и еще малоизвестные ученые, пытались из Праги (!) инициировать создание в Москве (!) нового славистического центра — Славянского института, или, как его стали называть с 1926 г., Института славяноведения для изучения современных славянских народов и государств и для подготовки квалифицированных работников в области дипломатических, экономических, культурных и прочих сношений со славянскими странами, и даже написали программу его работы, выглядит удивительным [Бахтина 1993, с. 297–309, 322–323].

«Московскую» часть этой истории подробно, на архивных материалах, еще в 1990-е гг. описала В.А. Бахтина [Бахтина 1993], а затем она была подкреплена публикацией писем Р. Яacobсона и П. Богатырева к известным фольклористам Б.М. и Ю.М. Соколовым [Бахтина 2015]. В данных публикациях первое упоминание об идее создания Славянского института в Москве датируется осенью 1923 г., однако указывается, что «документальных подтверждений первоначального варианта

*Петр Богатырев. 1919 г. ГА РФ. Ф. А-2306.
Оп. 41. Д. 629. Л. 6. Публикуется впервые*

проекта и его обсуждения не сохранилось» [Там же, с. 341]. По словам П.Г. Богатырева в письме к Ю.М. Соколову, осенью 1923 г. Р.О. Якобсон представил доклад тогдашнему полпреду СССР в Праге К.К. Юреневу о необходимости учреждения в Москве Института славяноведения, но проект был признан преждевременным [Там же].

Сам же текст проекта, датированный июлем 1926 г. и написанный ко встрече с советскими славистами в Праге, пока известен только по копии, сохранившейся в архиве братьев Соколовых в РГАЛИ⁶. Его авторство, приписываемое В.А. Бахтиной П.Г. Богатыреву и Р.О. Якобсону, у нас сомнений не вызывает. Достаточно прочесть первую фразу этого текста, утверждавшего, что в близком будущем предстоит расширение

дипломатических отношений СССР со славянскими странами с фокусом на Югославию, чтобы понять, что его автор, несомненно, был хорошо осведомлен в закулисных дипломатических переговорах в Праге.

Мотивировочная часть проекта также точно и профессионально описывала изменения в геополитической ситуации в Восточной Европе и на Балканах, рост влияния славянских государств и важность культурной экспансии СССР в эти регионы. Между тем, отмечали авторы проекта, в СССР изучение славянских стран и народов «сузилось и сократилось» по сравнению с дореволюционным временем: нет «даже небольшого кадра работников, подготовленных к обслуживанию этих сношений» [Бахтина 1993, с. 321].

Как и в случае с приглашением в СССР Т.Г. Масарика в 1925 г., Р.О. Якобсону удалось убедить в перспективности данного проекта советских дипломатов как в Праге, так и в Москве — его докладная записка об этом обсуждалась на Коллегии НКВД в 1926 г., причем была принята резолюция, признающая желательность института и передающая дело на рассмотрение Наркомпроса, который непосредственно занимался вопросами высшего образования [Бахтина 2015, с. 342].

7 сентября 1926 г. на специальном заседании научно-политической секции Государственного ученого совета Наркомпроса под председательством заместителя наркома, историка М.Н. Покровского, вопрос об организации Института славяноведения вновь заслушивался и было решено поручить его разработку специальной совместной комиссии Наркомпроса и НКВД в месячный срок. Хотя в ко-

⁶ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 480. Л. 13–16. В отличие от В.А. Бахтиной А.Н. Горяинов полагал, что автором документа является А.М. Селищев [Горяинов 1989].

нечном итоге проект не удалось осуществить⁷, сама процедура его рассмотрения свидетельствует о реальности подобных альтернативных научно-организационных проектов в раннесоветское время.

Между тем до сих пор оставалось не совсем понятным, как не имевшие никакого реального академического статуса ни в СССР, ни в Чехословакии Р.О. Яacobсон и П.Г. Богатырев могли в 1923 г. инициировать такой сложный проект и продвигать его в дальнейшем. Недавно выявленные документы АВП РФ МИД РФ позволяют наметить тот конкретно-исторический контекст, который объясняет этот казус.

Одним из важнейших источников, пока минимально введенным в научный оборот, являются дневники советских полпредов, фиксировавшие все деловые встречи и разговоры сотрудников миссии, что позволяет обнаружить и проследить истоки и звенья многих последующих событий. Подавляющее большинство таких встреч и контактов советской миссии в Праге шло через Романа Яacobсона, что объяснялось его служебным статусом, знанием чешского языка и, конечно, фантастической энергией. Выражением «Записываю со слов Яacobсона...» начинаются многочисленные записи его бесед, содержащиеся в дневниках полпредов. Они не только фиксируют пересказ содержания контакта, но и нередко «звучат» голосом самого Романа Яacobсона, передавая, помимо слов информатора, его собственные сценарии и/или комментарии.

Впервые в известных нам документах советского полпредства идея Славянского института появилась 31 октября 1923 г., когда полпред К.К. Юренев записал: «Состоялся с моего ведома и согласия разговор между т. Яacobсоном и Папоушком»⁸.

Ярослав Папоушек (Papošek; 1890–1945) — одна из ключевых фигур в истории советско-чехословацких отношений 1920–30-х гг. Ярослав Францевич, как его называли русские, историк и дипломат, был секретарем Т.Г. Масарика еще в его бытность в России. Женатый на русской славистке Н.Ф. Мельниковой (в других браках — Кедрова, Ривнач; 1892–1978), Папоушек считался одним из крупнейших специалистов по СССР, работал в Информационном отделе МИД Чехословакии (1919–1937) и курировал здесь советское направление во внешней политике

⁷ В.А. Бахтина заметила также, что переписка П.Г. Богатырева и Р.О. Яacobсона с Ю.М. Соколовым обнаруживает их глубокую личную заинтересованность в положительном решении вопроса о создании института. Это дело, «от которого зависит наше будущее, — писали они Ю.М. Соколову. — Мы надеемся, что при распределении соответствующих кафедр комиссия, в частности Вы, Юрий Матвеевич, не забудете о нас и дадите нам возможность академической работы» [Бахтина 2015, с. 343]. Однако Ю.М. Соколов натолкнулся на сопротивление заведующего кафедрой славянской филологии этнологического факультета МГУ А.М. Селищева, у которого были свои планы [Горяинов 1989, с. 51–61]. В записной книжке Соколов отметил: «Я повздорил с Аф<анасием> Матв<еевичем> Селищевым из-за кандидатуры новых преподавателей на слав<янский> цикл. Он предлагает Г.А. Ильинского и со всей яростью (грубой, неврастеничной) набросился на кандидатуры, предложенные мною, — Яacobсона и Богатырева, отрицая за ними какое-либо научное значение. Я очень решительно ему возражал. Яacobсона как будто можно будет пригласить на лектуру» [Бахтина 1993, с. 307].

⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53955. Папка 276. Л. 95.

[Алексеев и др. 2012; Фирсов 2012]⁹. Редактор журнала «Международная политика» и автор первой политической биографии Э. Бенеша (1934), Ярослав Папоушек с 1926 г. издавал в Праге на русском языке журнал «Центральная Европа», где регулярно печатался и он сам, и П.Г. Богатырев, и Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. Последняя, по оценке Е.Ф. Фирсова, стала своего рода куратором от пражского МИД русской эмиграции и всей «Русской акции» [Фирсов 2012].

По словам Р.О. Якобсона в записи полпреда К.К. Юренева, идея создания Славянского института в Москве исходила именно от Я. Папоушека, который считал его «особенно важным органом», в высокой степени желательным в интересах как России, так и Чехословакии. «Этот институт необходимо организовать в Москве эвентуально при Наркоминделе. Этот институт соответствовал бы парижскому Институту славяноведения и имел бы задачей подготовку работников, хорошо осведомленных о культурной, политической и экономической жизни славянских государств, знакомых с главными славянскими языками и т. д.». Папоушек заявил, что если такой институт будет создан, чехословацкое правительство, не считаясь с возможной кампанией справа, займет по отношению к нему такую же официальную позицию, как по отношению к парижскому институту. Более того, по словам Папоушека, оно будет содействовать «материально организации и деятельности этого института, а также пожертвует ему библиотеку. <...> Этот вопрос Папоушек считает очень актуальным», — резюмировал полпред¹⁰.

Конечно, достаточно сомнительно, чтобы сотрудник МИД страны, с которой отсутствовали дипломатические отношения, по собственному желанию предлагал создание института в другом государстве. Скорее всего, в этой записи Якобсон вложил в уста Папоушека их общую совместную идею, возникшую на пересечении внешнеполитических, научных и личных интересов ее авторов. Заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов, которому полпред Юренив доложил об этой инициативе, вероятно, почувствовал личную заинтересованность и сразу отверг ее: «Подобного рода институт нас не устраивает», а «заявление Папоушка не имеет авторитетного характера»¹¹.

Но поскольку главной целью советской миссии было признание СССР Чехословакией, регулярные встречи Романа Якобсона с высокопоставленными чехословацкими дипломатами продолжались; именно он оказался для обеих сторон наиболее приемлемой фигурой, каналом связи, через который передавалась самая конфиденциальная информация. Так, той же осенью, 22 ноября 1923 г., состоялась встреча Якобсона с шефом Прессбюро МИД Яном Гайеком (Hájek; 1887–1959), который передал «впечатления» министра иностранных дел Э. Бенеша от контакта с полпредом К.К. Юренивым¹². По словам Бенеша в передаче Якобсона и записи

⁹ В 1937 г. Я. Папоушек возглавил архив МИД (1937–1939), а в марте 1941 г. был уволен на пенсию. Видный деятель чешского движения Сопротивления в Чехословакии в годы Второй мировой войны, он руководил подпольной группой «Вера», в которую входила и Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. В декабре 1941 г. арестован нацистами, скончался в концлагере.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53959. Папка 276. Л. 97.

¹¹ Там же. Д. 53956. Папка 276. Л. 85.

¹² Там же. Д. 53959. Папка 276. Л. 134–138.

Юренева, лейтмотив чешской политики — «последовательно развивать отношения с нынешней Россией и добиваться постепенно аналогичной опоры на востоке, как на западе — во Франции. Бенеш убежден, что Франция и Россия имеют много общих политических интересов и так или иначе должны будут договориться. Это сразу определит международную позицию России и существенно изменит ее отношения с другими государствами»¹³. Что касается лозунга Бенеша «о культурном сближении» с СССР, то шеф Прессбюро хотя и передал его, но с нескрываемым скепсисом, считая, что прежде всего необходима «взаимная объективная и беспристрастная культурная и экономическая информация».

По свидетельству этой же записи, Ян Гайек высказался и «относительно института по изучению современного славянства», который он представлял себе «частью по аналогии с парижским Институтом изучения славянства, частью с Восточным институтом в Москве», причем было отмечено, что «в этом отношении в близком будущем с Юреневым будут начаты официальные разговоры».

В своих комментариях к записи Юренев весьма желчно отметил, что «характеристика наших отношений, вернее перспективы их, обрисовываются достаточно жалко. Это — попытка заменить вещественные отношения “невещественными”. Снова на сцену выплыл “Славянский институт”, о котором говорил Якобсону уже раньше Папоушек»¹⁴.

Сравнение проектируемого Славянского института с Восточным институтом в Москве, да еще в устах чехословацкого дипломата, вполне определенно говорит о том, что автором идеи института был не только Я. Папоушек, но и сам Роман Якобсон, который учился в гимназических классах Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) — первого российского специализированного училища, готовившего переводчиков и консульских работников для дипломатических представительств России в странах Востока, и прекрасно знал его структуру¹⁵.

Тема «Славянского института», для чешских дипломатов попадавшая в треугольник отношений СССР — Чехословакия — Франция, вновь возникает в известных нам документах только через год — 23 ноября 1924 г., когда Якобсон по поручению полпреда Юренева провел традиционную «чайную вечеринку» для журналистов, в ходе которой неформально обсуждались разнообразные актуальные политические вопросы¹⁶. И на этот раз тема «Славянского института» в Москве прозвучала в контексте большой европейской политики как проблема сближения и взаимодействия СССР, Чехословакии и Франции.

¹³ Там же. Л. 137.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЛИВЯ окончили многие известные российские востоковеды и дипломаты, в том числе академик В.А. Гордлевский (1876–1956), профессор Кембриджа В.Ф. Минорский (1877–1966), будущий евразиец, крупнейший специалист по курдам и знакомец В.Б. Шкловского по Персии В.П. Никитин (1885–1960) и многие другие. Хотя В.А. Бахтина полагала, что Якобсон предлагал московский Институт славяноведения, исходя из модели Славянского института в Кракове (одновременно учебное (подготовка дипломатических кадров для славянских стран) и исследовательское (язык, история, этнография, литература славян) учреждение), ясно, что исходной моделью служил ЛИВЯ в Москве, который был прекрасно известен Р.О. Якобсону.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53973. Папка 278. Т. 3. Л. 171.

Лоббистом выступил член дирекции Французского института в Праге, экономгеограф Альфред Фишель (Fichelle; 1889–1968)¹⁷, который был хорошо знаком с Россией, где он преподавал в дореволюционные годы во Французском институте, и одним из первых начал восстанавливать научные контакты с СССР. Пытаясь реанимировать старый план Французского института в Ленинграде, Фишель предлагал рассматривать кандидатами в будущий институт в СССР членов пражского Французского института и одновременно заговорил о желании совмещать работу в Праге с работой в Москве и Ленинграде, причем общей перспективной площадкой он назвал именно Славянский институт, который должен был быть организован пражским МИД¹⁸.

Но и это предложение не привлекло внимания руководителей НКВД в Москве, видевших в Фишеле шпиона, желавшего в своих целях посредничать в контактах советского полпредства с французским посольством в Праге.

Реальную силу проект создания уже Института славяноведения, а не Славянского института, даже название которого отдавало в Москве чешско-французскими внешнеполитическими интересами, приобрел тогда, когда к нему подключились советские слависты [Досталь 2008]. Летом 1926 г. такая группа во главе с академиком Е.Ф. Карским (1860/61–1931) приехала в Прагу, к этому моменту и был подготовлен сохранившийся в архиве Соколовых проект Якобсона–Богатырева. 17 июля в советском полпредстве состоялось совещание по вопросам чешско-советских культурных отношений, в котором принимали участие директор Славянского отдела Библиотеки Академии наук А.И. Лященко, доцент ЛГУ В.Г. Чернобаев, сотрудники полпредства Калюжный, Гасперский и Роман Якобсон, а также представитель МИД Чехословакии Я. Папоушек. Как видно по составу присутствующих, встрече придавалось немалое значение и все стороны надеялись на прорывные решения. Ярослав Папоушек даже заявил о желании чехословацкого правительства открыть в местных университетах несколько стипендий для командированных из СССР в ЧСР студентов и аспирантов, специализирующихся по чехословацкой проблематике, но удалось договориться только об обмене научной литературой [Документы и материалы 1977, с. 250].

Несмотря на скромность достигнутых результатов, о них широко информировалось в официальном сообщении о визите советских славистов в Прагу и лишь вскользь — о перспективах открытия в СССР Института славяноведения, т. е. о «плане Якобсона–Богатырева–Папоушка». Между тем в записи встречи в полпредстве отдельным пунктом значилось:

Присутствующими в частном порядке обсуждался и признано своевременным выдвинуть вопрос о создании в СССР (предпочтительно в Ленинграде, где имеется достаточное количество квалифицированных специалистов для преподавания) Института славяноведения, аналогично существующему

¹⁷ Фишель имел тесные связи с французскими русофилами — П. Буайе, А. Мейе, Ж. Патуйе и др., стремился взять на себя роль посредника в контактах советского полпредства с французским посольством в Праге.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53973. Папка 278. Т. 3. Л. 172.

в Москве Институту востоковедения, целью которого явилась бы подготовка кадра лиц, научно знакомых со славянскими странами и языками для обслуживания дипломатических, торговых и прочих сношений с этими странами. Представитель чехословацкого Мининдела заявляет, что в случае осуществления подобного института Мининдел готов снабжать его необходимой литературой и, если бы явилась надобность, чехословацкие научные учреждения могли бы откомандировать подсобные научные силы¹⁹.

Таким образом, вновь на высоком дипломатическом уровне была запущена идея создания новых славистических институций в СССР, реализация которой в этот период, как известно, окончилось безрезультатно. Тем не менее для европейского славистического сообщества в целом и его отдельных национальных групп, стремившихся иметь собственную научную повестку дня — с расширением предмета изучения до современности, а также пытавшихся создавать новую институциональную славистическую сеть, это были знаковые инициативы: «план Яacobсона–Богатырева–Папоушка» своим вектором смотрел на восток, параллельно перерастая в транснациональный научный проект.

В межвоенный период XX в. славистика становится составной частью большой европейской политики, а слависты — экспертами, «переводчиками» и коммуникаторами, что на практике означало социальный рост их статуса и положения. Если в более ранние периоды европейской истории политики, как правило, манипулировали учеными, то теперь и они сами пытались выстраивать и играть самостоятельную долговременную роль, исходя из своих профессиональных и личных интересов. Пример Романа Яacobсона показывает, что нередко они достигали в этом больших успехов.

Источники и литература

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Автономова 2009 — Автономова Н.С. «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // Автономова Н.С. Открытая структура: Яacobсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 59–74.

Алексеев и др. 2012 — Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2012. С. 583–584.

Аросев 1925 — Аросев А. Москва — Париж. Л.: Гос. изд-во, 1925.

Бахтина 1993 — Бахтина В.А. Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Яacobсон, Ю. Соколов) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1993. С. 297–323.

¹⁹ Там же. Д. 53999. Папка 279. Т. 2. Л. 127–128. Интересно, что в опубликованном отчете академика АН СССР Е.Ф. Карского о его командировке в Прагу об институте вообще не упомянуто [Документы и материалы 1977, с. 261–262; Робинсон 2005, с. 210–239].

- Бахтина 2015 — *Бахтина В.А.* Прага — Москва: Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. ст. и мат-лов / отв. ред. С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 318–386.
- Валева 1983 — *Валева Е.А.* Институт славянских исследований в Париже // *Славяноведение и балканистика в зарубежных странах.* М.: Наука, 1983. С. 125–147.
- Горяинов 1989 — *Горяинов А.Н.* Славяноведение в Московском университете (1917–1927): из истории преподавания славистических дисциплин и организации цикла южных и западных славян // *Советское славяноведение.* 1989. № 4. С. 51–61.
- Документы и материалы 1977 — *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.* М.: Наука, 1977. Т. 2. С. 261–262.
- Досталь 2008 — *Досталь М.Ю.* Российские эмигранты и советские слависты: проблемы взаимоотношений // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии:* Сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 80–89.
- Зенкин 2012 — *Зенкин С.* Наука и жизнь // *Новое литературное обозрение.* 2012. № 115. С. 356–364.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
- Робинсон 2005 — *Робинсон М.А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // *Славянский альманах 2004.* М., 2005. С. 210–239.
- Сорокина 2000 — *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Якобсона» // *In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина.* СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2000. С. 117–142.
- Сорокина 2015 — *Сорокина М.Ю.* Первая мировая война и российская научная элита: случай академика В.И. Вернадского // *Первая мировая война: взгляд спустя столетие.* 1914 год: от мира к войне: Доклады и выступления участников III Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. С. 398–409.
- Сорокина 2016 — *Сорокина М.Ю.* Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.* 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 73–92.
- Сорокина 2018 — «Нет утешения в разлуке...»: Переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980 гг.) / публ. Е.Н. Андреевой, подгот. текста А.А. Кондратьевой и М.Ю. Сорокиной, вступ. ст. Е.Н. Андреевой и М.Ю. Сорокиной, коммент. М.Ю. Сорокиной // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.* 2018. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 203–234.
- Фирсов 2012 — *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М.: Индрик, 2012 (глава «Из России на чешский “Олимп” — Н.Ф. Мельникова-Папоушкова», с. 266–282).
- Konečný, Polley 2014/2015 — *Konečný K., Polley I.* Roman Jakobson and Czechoslovakia in the context of Czechoslovak-Soviet relations (1920–1969) // *Modern Greek Studies Yearbook. A Publication of Mediterranean, Slavic, and Eastern Orthodox Studies.* 2014/2015. Vol. 30/31. P. 145–170.

М.А. Васильева

СОЮЗ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

(Об одном стихотворении Георгия Иванова)

Обращение к «Посмертному дневнику» Георгия Иванова проблематично априори. Как известно, стихотворный цикл не принадлежал в полной мере руке поэта, а был записан его женой Ириной Одоевцевой под диктовку. «Он оставил массу стихов. Иногда он мне диктовал три-четыре стихотворения в сутки <...>. Конечно, все его стихи, т. е. те, которые мы с Вами решим возможным напечатать, я отдам Вам для Нов<ого> Журнала», — вспоминала «о последних днях Жоржа» вдова поэта в письме главному редактору нью-йоркского периодического издания М.М. Карповичу от 15 сентября 1958 г. [Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль... 2010, с. 585]. «Я еще не начала разбирать ни его рукописей, ни моих записей его стихов, — сообщала она следом (17 сентября 1958 г.) секретарю редакции Р.Б. Гулю. — Они лежат у меня в ящике, и я не решаюсь их тронуть. Я послала вчера четыре стихотворения М.М. [Карповичу]. Он, наверно, перешлет их Вам. В последнем я описалась два раза. <...> У меня как-то не ладно с головой — хочу сказать или написать одно, а получается другое. И все забываю» [Там же, с. 589–590].

Письма служат неким прологом к публикации — бóльшая часть «Посмертного дневника» появилась в виде подборок в семи номерах «Нового журнала» за 1958–1961 гг. Эпистолярный указывает и на особенность создания цикла — фактическое отсутствие автографов и возможное участие в правке Одоевцевой. Все это породило у редакции, в том числе у Романа Гуля, смутные подозрения в фальсификации.

Впрочем, тот же Гуль незадолго до смерти Георгия Иванова в одном из писем, адресованных супружеской чете от 12 апреля 1958 г., так прокомментировал поведенные ему тайны совместной творческой лаборатории:

...ой, давно я уж чувствую во всем четвероручье. И это очень хорошо. Это просто даже чудно, и это даже через сто лет — тема для аспирантской диссертации — праправнукам Струве и Филиппова — будьте любезны, найдите всякие такие интонации, ямбические и нет, хорреические и нет... [Там же, с. 542–543].

Однако восторженное «очень хорошо» относилось, скорее, к прижизненному, а не к посмертному сотворчеству. «Вы, конечно, не маленькая и знаете, что всякие “неинтеллигентные стервы” (совсем не женского рода, т. е. пола) болтают, что посм<ертные> стихи теперь уже пишете Вы, — заметил он в письме Одоевце-

вой (11 апреля 1961 г.). — Я думаю, это как-то надо прояснить, чтоб болтовня не расходилась дальше...» (цит. по: [Арьев 2011, с. 42]). Уязвленная Одоевцева категорически настаивала на авторстве Иванова: «Я до сих пор не могу пережить обвинение в подделке Посмертного дневника...» — писала она в ответ 9 июля 1961 г. [Там же, с. 43]. В том же году лирический цикл перестал печататься на страницах «Нового журнала». Как всполохи, в эмигрантской периодике появлялись отдельные стихотворения из «Посмертного дневника», но в целом в истории его публикации была надолго поставлена точка, и только через четырнадцать лет в собранном виде он появился в «Собрании стихотворений» Г.В. Иванова под редакцией В. Сечкарева и М. Далтон [Иванов 1975].

Все эти перипетии подробно описаны в статье А.Ю. Арьева «Взаимно искажая отраженья. Ирина Одоевцева и “Посмертный дневник” Георгия Иванова» [Арьев 2011]. Между тем проблема авторства не помешала исследователю вынести следующий вердикт:

Достоверно одно: литературный контекст, в котором «Посмертный дневник» явлен, неотделим от замысла и воплощения дела всей жизни Георгия Иванова. И без бытового свидетельства очевидно: заглавие цикла продолжает его стихотворный «Дневник», рубрику, под которой он в последние годы жизни печатал стихи в «Новом журнале» [Там же, с. 52].

Это замечание задает текстологическому анализу должный метауровень — многомерную интерпретацию совместного поэтического опыта — прижизненного и посмертного. Такая рецепция таит в себе массу возможностей, в том числе и возможность пойти от обратного — рассматривать последний экспромт «в четыре руки» не как сомнительный сюжет, а как уникальный диалогический феномен. Независимо от вопроса атрибуции «Посмертный дневник» остается одной из вершин эмигрантской лирики и логическим продолжением поэтического пути Георгия Иванова. Вычисление «процентной доли» чисто ивановской поэтики в этом цикле стихов могло бы послужить темой для отдельного исследования, однако не меньшего внимания заслуживает опыт «четвероручья». Этот посмертный проект (с поправкой на априорную недоказуемость *авторского* участия в нем Одоевцевой) представляет большой интерес как предмет стилистического анализа и как — по замечанию Р.Б. Гуля — «даже через сто лет — тема для аспирантской диссертации».

К подобным образцам гипотетического «четвероручья» можно было бы отнести стихотворение «За столько лет такого маянья...», вошедшее в последнюю публикацию посмертного цикла в «Новом журнале» (1961, № 63). Стихотворение появилось в эмигрантской печати в нескольких вариантах, что говорит о возможном внедрении в текст руки другого поэта. Сперва оно было опубликовано в «Гранях» (1960, № 46):

За тридцать лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть отчего прийти в отчаяние
И мы в отчаянье пришли

Отчаянье — успокоение
Как за глухой стеной тюрьмы —
Надежды, страха и волнения
Уж не испытываем мы.

В 1961 г. стихотворение напечатал «Новый журнал» в варианте, близком к каноническому, с небольшим разночтением в первой строке: «За сорок лет такого маянья». В завершённом виде оно вошло в «Собрание стихотворений» 1975 г.:

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

И наконец, это единственное стихотворение из лирического цикла, где возникает характерное «мы», если не указывающее на сотворчество, то отсылающее к совместному переживанию. Признаем, что названные «улики» немногочисленны.

В то же время стихотворение в полной мере соответствует поэтике позднего Георгия Иванова. Новое качество ивановской лирики 1950-х гг. было отмечено современниками уже в первом послевоенном сборнике «Портрет без сходства» (1950). Об издании писали В.А. Смоленский, В.В. Вейдле, Н.Н. Берберова, Ю.П. Иваск и др., и каждый по-своему пытался определить — в чем заключается «несходство» с прежней поэтикой эпохи «Роз» и «Отплытия на остров Цитеру». «Его мастерство все четче, его поэзия все едче», — заметил Юрий Иваск [Иваск 1953, с. 195]. Однако четкость и едкость были свойственны и раннему творчеству поэта. Пожалуй, самый точный анализ новизны позднего Иванова дал тот же Роман Гуль:

Может быть, я ошибаюсь. Но мне кажется, что во весь рост Георгий Иванов встал только за последние десять лет. Если бы он не дал стихов из «Портрета без сходства» и в особенности тех, что еще не вошли в сборники, а появились только в повременной печати (главным образом в нашем журнале), то своеобразного Георгия Иванова, с лица необщим выраженьем, у нас не было бы. <...> Творческий путь Георгия Иванова достаточно своеобразен. Уже будучи законченным мастером, он сжег почти все, «чему поклонялся», и пошел путем новых исканий. <...> Поиски новой музыки и новой темы дали поэзии Георгия Иванова и новую форму. Муза Полигимния предложила ее в виде «стихотворных дневников» [Гуль 1955, с. 112–113, 125].

Между тем не все из прошлого было сожжено, и заветы акмеизма, прошедшие через горнило «парижской ноты», в последнее десятилетие явлены у Георгия Иванова в завершённом виде. Кажется, именно в послевоенный период поэт достиг

окончательного решения формулы, которую вывел еще в эпоху «Роз» (1931). В том же 1931-м в одной из рецензий он обозначил художественный императив:

Если из поэтического опыта последней четверти века можно сделать полезный вывод, то вывод этот, конечно, тот, что все внешние «достижения» и «завоевания» есть нелепость и вздор, особенно в наши дни, когда поэзия <...> стремится — почти до самоуничтожения — сделать свою метафизическую суть как бы обратно пропорциональной ее воплощению в размерах и образах [Иванов 1994, с. 532].

Вопрос, однако, в том — насколько *обратной* может быть эта пропорция? Где та пограничная точка, достигнув которой текст, лишенный «всех внешних «достижений» и «завоеваний»», рискует выпасть из лона художественной литературы? Позднюю лирику Георгия Иванова отличает именно эта до совершенства выдержанная пропорция. На поверхности — полный отказ от декоративности и «приема», фактически — предельное обеднение формы. Как замечал Владимир Вейдле, «тут не риторике свернули шею, как того требовал Верлен, тут ее свернули самой поэзии» [Вейдле 1977, с. 364]. Между тем по закону «обратной пропорции» ивановская поэзия достигает необычайной метафизической плотности, в итоге стихотворение, балансируя «на пределе» между внутренней многомерностью и внешней простотой, создает художественный ребус, а точнее — тайну.

Сам Георгий Иванов, возможно, именно этот феномен имел в виду в известном письме Роману Гулю от 29 июля 1955 г.:

Видите ли, «музыка» становится все более и более невозможной. Я ли ею не пользовался и подчас хорошо. «Аппарат» при мне — за десять тысяч франков берусь в неделю написать точно такие же «Розы». Но как говорил один василеостровский немец, влюбленный в василеостровскую же панельную девочку, «можно, можно, только нельзя». Затрудняюсь более толково объяснить. Не хочу иссохнуть, как засох Ходасевич. Тем более не хочу расточать в слюне сахарную слизь какого-нибудь Смоленского (пусть и «высшего», чем у него, качества). Для меня — по инстинкту — наступил период такой вот. Получается как когда — то средне, то получше. Если долбить в этом направлении — можно додолбиться до вспышки. Остальное — м. б. временно — дохлое место [Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль... 2010, с. 236].

Хронологически письмо совпадает с промежутком, когда в «Новом журнале» в течение шести лет (1951–1957) публикуется стихотворный цикл «Дневник». Причем эффект «вспышки» продолжает для Иванова оставаться искомым, а творческий метод — пребывать в процессе становления. «Посмертный дневник» представляет особый интерес как эпилог «направления», где «можно додолбиться до вспышки».

Стихотворение «За столько лет такого маянья...» в своем каноническом варианте — одно из наиболее показательных в означенном «направлении». На поверхности два статичных состояния русского эмигранта — отчаяние и тоска по родине, — симметрично распределенных на две строфы. Однако за внешним равновесием кроется глубинная асимметрия. Трехкратное повторение слова «отчая-

ние» в контексте лаконичного стиха гипертрофируется до всеобъемлющего чувства катастрофы. Лексический повтор играет роль не расхожего риторического приема, а навязчивой персеверации — монотонного и болезненного возвращения одной и той же мысли. При этом буксование, безвыходное застревание в мире отщепенства вписано почти в бесконечность — в «столько» (в других вариантах «тридцать», «сорок») «лет такого маянья». Так отчаяние становится неподвижной константой. Такой же константой в первой публикации предстает навсегда закрытое пространство («как за глухой стеной тюрьмы»).

Однако если в стихотворении, опубликованном в «Гранях», отчаяние приравнивается к смерти (упокоению), то в каноническом варианте, вошедшем в «Собрание стихотворений», то же состояние лирического героя парадоксальным образом оборачивается «вспышкой». Феноменально и то, что вспышка возникает почти «случайно», благодаря «малозначимой детали» — подчинительному союзу *как будто*. В каноническом варианте стихотворения союз, маркируя семантическую границу, вместе с тем создает целостность поэтического образа. Здесь стоит привести слова выдающегося литературоведа русского зарубежья П.М. Бицилли:

Данность неделима, целостна — и если попытаться выделить в ней «сущность» и «оболочку», «центр» и «периферию», как раз то, что таким центром в ней является, что как таковое и воспринималось непосредственно, куда-то уходит <...>. То, что для практического, «разумного» человека фраза, предложение или синтагма, для поэта — одно слово. Что для первого существует отдельно, для второго существует в неделимом целом [Бицилли 2000а, с. 254–255].

При этом филолог отмечал особую роль союзов в «слиянии “внутреннего и внешнего”» [Там же, с. 256], указывая на «частое употребление таких речений, как казаться (казалось, мне кажется), что-то, как будто и т. д.» у писателей «синтетического, импрессионистского видения» [Там же, с. 243], а в рецензии на сборник «Отплытие на остров Цитеру» подчеркивал: «У Г. Иванова <...> каждое его стихотворение — более того, все они вместе — воспринимаются как одно целое, как одно слово...» [Бицилли 2000б, с. 452].

В стихотворении «посмертного цикла» служебная часть речи («периферия») не только соединяет две эмоционально антиномичных строфы, но делает осуществимым переход из одного ментального ландшафта в другой, т. е. играет роль не демаркационной, а прозрачной границы. При этом скорость перехода сродни смене кадра. Достаточно мгновения, краткой логической связки, чтобы катастрофа изгнания обернулась чудом возвращения, а «закрытое» пространство сменилось бесконечностью. Говоря языком лингвистики, здесь происходит уникальная метаморфоза онтологической модальности: невозможность сменяется возможностью¹.

Перевоплощение одной реальности в другую достаточно проследить на примере слова «приют», наделенного в стихотворении полярными значениями.

¹ См. об этом: [Черемисина, Колосова 1987; Окатова 2001; Чернышева 2005; Дружинина 2008; Орехова 2011; и др.].

Инерция «отчаяния» первой строфы создает драматичную эмоционально-смысловую доминанту, в которой «приют последний» закономерно равен забвению и смерти, однако вспышка «как будто» допускает новую смысловую возможность, и «приют» во второй строфе становится родным пристанищем, а стихотворение логически завершается словом «дом». Такая же смысловая метаморфоза происходит и со словом «отчаяние»: душевное состояние («прийти в отчаяние») превращается в пространство, в которое можно войти («прийти») и которое можно пересоздать по-новому. Это парадоксальное допущение полностью перестраивает и все пространство стиха: «города чужой земли» оборачиваются классическим зимним русским пейзажем, драматичная константа — бесконечно разворачиваемой семантической перспективой. Подобная метафизическая асимметрия и достигается методом «обратной пропорции». Именно в силу формального лаконизма «метафизическая суть» порождает множественные сферы образов и смыслов, а краткое стихотворение продолжается за пределами зримого текста. Здесь стоит снова процитировать П.М. Бицилли:

Чем поэтичнее слово, тем интимнее, тем глуше звучит оно. Предел музыкальности слова там, где мы воспринимаем стихи как бы без слов, когда они звучат в нас — молча [Бицилли 2000в, с. 554–555].

Очевидно, что в «посмертном» стихотворении собирательный лирический герой не просто констатирует изгнание и обращается к памяти о потерянной России, а совершает невозможное для эмигранта — перестраивает реальность вплоть до зримого преобразования топоса. Однако *преобразование* — слово точное лишь отчасти. Стихотворение «За столько лет такого маянья...» — одно из наглядных свидетельств запечатленной в искусстве тайны *преображения*. Вспоминаются слова Георгия Адамовича о «внутреннем свете» поэзии Г.В. Иванова:

Закроем, по давнему, вечно мне памятному совету Льва Шестова, книгу, постараемся забыть отдельные стихи Георгия Иванова, отдельные его строки, — что останется от них в памяти? Не колеблясь, я скажу — свет, да и не это ли, не именно ли свет, в сознании задерживающийся, есть основное свойство, основной признак всякого творчества, достойного имени поэзии? <...> Останемся с ней: исчерпать ее трудно, сказать о ней все, что сказать следовало бы, тоже нелегко — отчасти потому, что в попытках анализа мысль цепляется за мысль почти до бесконечности. «Господи, воззвах к Тебе...» — может быть, именно в этом сущность ивановской поэзии? Не знаю. <...> От выводов ивановская поэзия ускользает. Но откуда же свет? И если бы его не было, могла ли бы эта поэзия не только восхищать и прельщать своим словесным блеском, но и волновать, мучить, обещать, в самой безнадежности таить и внушать надежду — одним словом, «царить»? [Адамович 1958, с. 61–62].

Феномен светописы присутствует и в стихотворении «За столько лет такого маянья...». Но, в отличие от довоенной лирики Георгия Иванова, здесь мы не найдем видимых световых знаков² — никаких «неземных откровений» и «закатных

² См. об этом: [Крейд 1989; Крохина 1999; Соколова 2009; и др.].

далее» и в то же время никакого «смертного часа»³. Ничто не названо. А между тем в силу «обратной пропорции» стихотворение как никогда приближено к «метафизической сути» перехода из небытия в бессмертие.

«Но вот чем Вы меня поразили, так это тем, что находите стихи из “Посмертного дневника” “не оч<ень> сильными”.

Мне они кажутся потрясающими, и все, кому я читала и эти и еще другие, были буквально потрясены ими. Думаю, что это вершины Г. В.», — напишет Ирина Одоевцева Роману Гулю [Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль... 2010, с. 597]. Письмо датировано 11 ноября 1958 г., днем рождения поэта. Судя по всему, просьба Гуля «не давать слабых стихов» [Там же, с. 594] в «Новый журнал» уже тогда, в самом начале публикации «Посмертного дневника», была завуалированным сомнением в подлинности присылаемых ему текстов. Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о гипотетическом «четвероручье». Путь стихотворения «За столько лет такого маянья...» к своему каноническому варианту мог бы отчасти служить подтверждением версии Р.Б. Гуля. Вместе с тем этот путь строго соответствует «направлению», цель которого — «додолбиться до вспышки», и если в посмертном стихе присутствует рука Ирины Одоевцевой, то это совершенное продолжение руки Георгия Иванова.

Литература

- Адамович 1958 — *Адамович Г.В.* Наши поэты. Георгий Иванов // Новый журнал. 1958. № 52. С. 55–62.
- Арьев 2011 — *Арьев А.* Взаимно искажая отраженья. Ирина Одоевцева и «Посмертный дневник» Георгия Иванова // Россия и Запад: Сб. в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 640 с.
- Бицилли 2000а — *Бицилли П.М.* Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 204–358.
- Бицилли 2000б — *Бицилли П.М.* [Рец. на: Иванов Г. Отплытие на остров Цитеру. Избранные стихи. 1916–1936. Петрополис, 1937] // Трагедия русской культуры / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 451–452.
- Бицилли 2000в — *Бицилли П.М.* [Рец. на: Якорь. Антология зарубежной поэзии] // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 551–555.
- Вейдле 1977 — *Вейдле В.В.* Георгий Иванов // Континент. 1977. № 11. С. 359–369.
- Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль... 2010 — Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль. Тройственный союз (Переписка 1953–1958 годов) / публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньелли. СПб.: Петрополис, 2010. 576 с.
- Гуль 1955 — *Гуль Р.* Георгий Иванов // Новый журнал. 1955. № 42. С. 110–126.
- Дружинина 2008 — *Дружинина С.И.* Сложноподчиненные предложения обусловленности: виды и разновидности // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2008. № 26 (127). Вып. 25. С. 30–37.

³ Здесь приводим цитаты из стихотворений Г.В. Иванова «У моря» из первого сборника «Отплытие на о. Цитеру» (1912) и «Все бездыханней, все желтей...» из второй книги стихов «Вереск» (1916).

- Иванов 1975 — *Иванов Г.В.* Собрание стихотворений / под ред. В. Сечкарева и М. Далтон. Würzburg: Jal-Verlag, 1975. 368 с.
- Иванов 1994 — *Иванов Г.В.* Борис Поплавский. «Флаги». Издательство «Числа». Париж, 1931 // *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 531–534.
- Иваск 1953 — *Иваск Ю.* Рифма (новые сборники стихов) // *Опыты.* 1953. № 1. С. 194–199.
- Крейд 1989 — *Крейд В.* Петербургский период Георгия Иванова. Tenaflы: Эрмитаж, 1989. 190 с.
- Крохина 1999 — *Крохина Н.П.* Экзистенциальные мотивы поэзии Г. Иванова // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1999. Вып. 4. С. 311–322.
- Окатова 2001 — *Окатова Н.Т.* Особенности функционирования союза *будто* // Владимир Даль и современная филология: Мат-лы междунар. науч. конф. 22–23 ноября 2001 г. Нижний Новгород. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2001. Т. 1. С. 243–247.
- Орехова 2011 — *Орехова Е.Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 296 с.
- Соколова 2009 — *Соколова Т.С.* Символика света в ранней лирике Георгия Иванова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 236–242.
- Черемисина, Колосова 1987 — *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. М.: Наука, 1987. 197 с.
- Чернышева 2005 — *Чернышева А.Ю.* Развитие подчинительных конструкций как шаг к эволюции синтаксических связей // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. Кн. 2. С. 168–180.

Н.Ю. Масоликова

«ПИСЬМА НА РОДИНУ» В.Я. ИРЕЦКОГО

«РАЗОРЕННОМУ МЕДВЕДЮ»
ОТ «КУРФЮРСТЕНДАММСКОГО ЖУЧКА»

Некоторые встречи Случаются — не планируются, не назначаются и не происходят, а — Случаются... один раз, возможно, но оставляя След... или делая превентивный Укол...

След и Укол я получила сразу, с первых шагов в эмигрантике. На одной из международных конференций мне посчастливилось Слушать профессора Федора Полякова: именно так — Слушать, или даже Вкушать, потому что его выступление оказалось неординарно поэтически-лирическим, полным сравнений-афоризмов-символов, почти убаюкивающим... и полным разгрома «единства славянских народов» (почти цитирую автора). «Разоренные медведи» — историософская тема в поэзии Вячеслава Лебедева и Антония Ладинского» — так назывался доклад-песня, фонтанирующий образами и символами, связанными с неизвестной мне до этой встречи Россией: «...орла, единственной птицы, которая может смотреть на солнце...» и «русских, не заслуживающих византийской птицы, должных использовать “медведя”...», «русских как племени, а не государства, бредущих по дорогам Европы, как медведь, выгнанный из норы... и какой будет путь? Что дальше?..», «...эмигрантах — водолазах, должных поднять наверх петровский корабль...», «...русских, лишенных исторической памяти... народ в цивилизации лишен соблазнов, и поэтому он не разрушает историческую память — каждый камень на парижской мостовой несет больше исторической памяти, чем все российские библиотеки...». Это было настоящее, должна признаться, испытание для новичка. (Пишу эти строки с улыбкой на лице.)

Эти записи-цитирования прожили со мной более 10 лет. И больше я не встречалась с Федором Поляковым лично. Но След и Укол были бесповоротно восприняты мной.

С большим удовольствием и некоторым придыханием, поздравляя юбиляра от всей души с новым жизненным рубежом и пользуясь случаем (благодарю ни с кем не сравнимую Марину Сорокину), я отправляю многоу-

важаемому профессору Федору Полякову в ответ, через 10 лет после первой и единственной встречи с «Разоренным медведем», другую эмигрантскую ноту-метафору о русских, о смысле, о тоске, об исторической памяти — «Письма на Родину» почти забытого литератора-эмигранта первой волны Виктора Ирецкого (1882–1936)¹. Это, конечно, иной уровень, это проза — здесь нет поэтических орлов и медведей, а все пчелы да жучки... Но от этого русскость, глубина чувств и жгучесть образов не ослабевают.

Желаю здравствовать! С приветом от «курфюрстендамского жучка».

Источники и литература

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Масоликова, Сорокина 2018 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Елена Антипова: русский апостол Бразилии (1892–1974). М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2018.

Сорокина, Масоликова 2019 — Нелитературная судьба писателя Виктора Ирецкого (1882–1936) / публ., вступ. ст. и коммент. М.Ю. Сорокиной, Н.Ю. Масоликовой // *Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* / Ed. by L. Fleishman, S.M. Newerkla, M. Wachtel. Berlin et al.: Peter Lang, 2019. С. 339–385. (Stanford Slavic Studies; Vol. 49).

¹ О нем см.: [Масоликова, Сорокина 2018; Сорокина, Масоликова 2019].

Виктор Ирецкий

ПИСЬМА НА РОДИНУ

Подготовка текста и публикация Н.Ю. Масоликовой

I

Вы просите, дорогой друг, чтобы я в кратких словах рассказал вам, что такое русская эмиграция. Я не берусь ответить на этот вопрос. Эмиграция разншерстна. Удельный вес ее не одинаков. А я — не беспристрастный наблюдатель. Но кое-что я расскажу Вам о ней. Очень часто сталкиваясь с кем-нибудь из эмигрантов, я испытываю ощущение человека, который внезапно видит самого себя. Пусть поэтому все нижесказанное останется между нами: мой рассказ имеет отношение и ко мне самому.

Водится у нас в России крохотный черный жучок величиною с горошину. Я не помню, как его звать. Кладет этот жучок яички у входа в подземные галереи диких пчел. Из яичка выходит личинка. Лежит она у входа и ждет. Ждет терпеливо и долго. И когда выползет из подземного улья трутень, она мигом взберется к нему на спину и уютно спрячется под его крыло. Так она у него там и живет. И снова ждет. Случая выжидает. Свадьбы ждет, суматохи. Вылетает пчелиная царица из улья, — веселый свадебный полет! — а за нею во весь дух ее кавалеры, трутни.

Сами понимаете: каждому из кавалеров лестно царицей обладать, — и вот начинается разудалая погоня за счастьем. Хитро и целесообразно подстроила природа. Ей надо, чтобы сильнейший самец царицей завладел и произвел отборнейшее потомство. Так оно и происходит. Как раз сильнейший и догоняет царицу. По нашему, человеческому разумению не очень-то удобно брачный акт в воздухе справлять, но у пчел на этот счет, очевидно, другие вкусы. Не станем останавливаться на этом. И вот когда трутень-победитель в жадных объятьях своих сжимает царицу (бедняга, он платится за это жизнью, как герои «Египетских ночей») — личинка жучка, пользуясь любовной баталией, мигом переползает к царице под крылышко. А когда счастливая новобрачная вдова возвращается домой и начинает класть яички, для которых в ячейках заготовлен мед, ловкая личинка забирается в одну из таких ячеек и живет себе там на всем готовом, как ваш нэпман в Кисловодске.

Для чего все это я вам рассказываю? При чем здесь эмигранты? И какое это имеет отношение ко мне? А вот какое, мой друг.

Вы подумайте: сколько удачных совпадений, сколько счастливых случайностей, сколько кинематографических чудес! Не правда ли, почти то же самое пережили многие из эмигрантов, чудесно избежавшие тифа, расстрела, голодной смерти, испанки, бандитских нападений, погромов, ссылки в Нарымский край. Чудеса! Чудеса! И очутились в Берлине, на Курфюрстендамм, где пьют себе боуль и читают «Бэует».

Надо думать, приходится думать, естественно думать, что этот удачливый курфюрстендаммский жучок свыше предназначен для какой-нибудь высокой,

замечательной роли. Недаром же его так счастливо хранила и лелеяла судьба и вскормила его чужим, заранее заготовленным медом. Сейчас я расскажу Вам, каков его удел. Вылетев из гостеприимного улья, удачливый, везучий, — он тотчас же находит кучу свежего коровьего помета, забирается под эту кучу и живет там до самой смерти. Только и всего...

Милый друг! Когда я вспоминаю, сколько замечательных, выдающихся, талантливых, а может быть, и гениальных людей погибло в России со времени войны, передо мной неизменно рисуется куча помета, в которой живет счастливо спасшийся, сытый довольный жучок. Стоило ли ему проделывать все эти чудесные истории? Надо ли ими гордиться? Не ошибаемся ли мы, курфюрстендамские жучки, считая, что судьба благосклонно донесла нас до берега для целей высоких и важных? Не предназначены ли и мы для жизни в навозе? Увы, я думаю, что это так: мы навоз. Великое осталось там, позади, в священной родной земле. Мы же напрасно тешим себя иллюзиями и в тайных голосах молчания наивно обретаем надежду.

II

Мне надо было перевозить книги. В транспортной конторе запросили неизменно много. Тогда кто-то посоветовал мне отправиться на Савиньи-плац: там можно найти дешевого возчика. Я так и сделал, и действительно нашел его.

Передо мной стоял маленький, смуглый, вертлявый человек с веселыми черными глазами. Он приветливо расспросил меня о количестве груза и назначил очень скромную плату. Мы быстро столковались. Уходя, я спросил его фамилию.

— Сен-Дени, — ответил возчик и не без галантности поклонился.

Я с изумлением посмотрел на него.

— Откуда у вас такая звучная французская фамилия?

Возчик махнул рукой, точно отмахивался от далеких незримых видений, и сказал:

— Я потомок гугенотов.

На другой день, когда он перетаскивал книги, я разговорился с ним:

— Вы знаете что-нибудь о ваших предках?

— Нет, ничего. Мой дед что-то рассказывал. Но я позабыл. Помню только, что они были богатые люди. Очень богатые.

— У вас остались какие-нибудь вещи от них?

— Нет. Ничего.

— А чем занимался ваш отец?

— Он тоже был ломовой извозчик.

Мы добросовестно работали до позднего вечера — нагружали и разгружали. Сен-Дени, переносивший огромные кипы книг, по-видимому, устал очень мало. Я же от непривычки устал смертельно и возвращался домой на некрепких, колеблющихся ногах.

Дома ждал меня ужин, но есть мне не хотелось. Кроме усталости, меня еще угнетала леденящая тоска. Чтобы избыть ее, я подошел к кровати моего семилет-

него сына и залюбовался влажным зноем его спящего лица. Оно было чудесно. В розовой улыбке его трепетала безмятежность. Тогда леденящая тоска обнажила свои шипы, и я понял тайное беспокойство, которое одолевало меня к концу дня.

Даниил Ирецкий-
Антипофф, сын В.Я.
Ирецкого. <Не ранее
1932 г.> РГАЛИ

В.Я. Ирецкий. <Не ранее 1919 г.>
Centro de Documentação e Pesquisa
Helena Antipoff. Ибирите, Бразилия

Елена Антипова, жена
В.Я. Ирецкого. 1924 г.
РГАЛИ

— Мой милый звереныш, — мысленно говорил я, обращаясь к своему сыну. — Я расскажу тебе печальную сказку о французах Сен-Дени. Это были люди зажиточные — может быть, суконщики, может быть, ювелиры, а может быть, и врачи. Были, возможно, среди них и священники. Они исповедовали иную веру и были гонимы. И покинули они свою родину. Не из жадности наживы и алчности, а из жадности благоуханной свободы, которую время от времени угашает черная кровь. Они рассуждали просто и, казалось, трезво: не вечно же будет длиться Варфоломеевская ночь; не навсегда же небо закрылось дымом костров; когда-нибудь наступит и день. Но ночь затянулась. Ночь сильно затянулась, а истребительные молнии продолжали сверкать десятилетия. Горек и ненадежен эмигрантский хлеб. Грудь мачехи не дает молока...

Мой дорогой мальчик, неужели же ты или твои дети, подобно черномазому Сен-Дени, будут таскать чужие клады и позабудут свою родину — могилы предков и алтарь богов?

И. Антанасиевич

БАЛКАНСКОЕ VS СОВЕТСКОЕ: РУССКИЙ ВЗГЛЯД

*(Заметки о югославских плакатах
периода немецко-фашистской оккупации (1941–1944))*

Русская эмиграция в Югославии как культурный и исторический феномен вызвала и вызывает самый пристальный интерес. И хотя по «югославской» эмиграции существует обширная историография, тем не менее до сих пор нет труда, который рассматривал бы русскую эмиграцию в Югославии как целостное культурное явление, породившее особый культурный тип. С одной стороны, этот культурный тип, т. е. русские эмигранты, стремились сохранить прежнюю модель мира в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и бытовал лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке (таким образом сохранялось понятие «русский»). С другой — русская эмиграция была вынуждена активно интегрироваться не только в быт, но и в культурологическую модель нового мира (так создавалось понятие «балканскости», «балканства» как этнической принадлежности и территориального маркера, которое могло иногда выступать как оппозиция по отношению к понятию «русский»). Еще одна важная сторона — выстраивание модели восприятия советской России (что создавало понятие «советский», выступавшее прежде всего как оппозиция к понятию «русский» и, опосредованно, к «балканский»).

Пытаясь показать генезис и взаимоотношения всех трех понятий, в качестве иллюстрации мы будем использовать материал белградской Антимасонской выставки 1941 г. как пример балканского агитационного плаката периода Второй мировой войны, где обыгрывается антитеза «балканское — советское».

Анализируя визуальный агитационный текст плаката, пытаемся рассмотреть его как некий особый текст, где понятия «балканское» и «советское» являются своеобразными метафорами, которые требуют особого уровня толкования, и выяснить, насколько на создание этих образов повлияли представители русской эмиграции, поскольку многие исследователи в качестве исполнителей и идейных вдохновителей выставки называют русских художников-комиксистов и карикатуристов [Kreso 1979; Тимофе́ев 2011; Vanjac 2015].

Действительно, русские художники, входившие в так называемый белградский круг художников, основателей югославского комикса, — Ю. Лобачев, К. Кузнецов, Н. Навоев, В. Гулевич, А. Ранхнер, С. Соловьев, В. Жедринский, И. Шеншин, Н. Тищенко (см.: [Антанасиевич 2018]) — почти все так или иначе сотрудничали с коллаборационистской прессой в Сербии во время Второй мировой войны (кроме умершего в 1930 г. Николая Навоева). Даже Юрий Лобачев, будучи членом действовавшего в то

время в Белграде Союза советских патриотов, участвовал в работе журналов «Коло», «Дом и свет» и «Мали забавник»¹. В журнале «Мали забавник» работали К. Кузнецов и В. Гулевич. Для журнала «Дикобраз» («Бодьикаво прасе») и газеты «Ново време» рисовали В. Жедринский и Н. Тищенко. Имя И. Шеншина, правда, безо всяких ссылок на источники, упоминается, когда речь идет об агитационных мультфильмах. Почти все перечисленные выше художники сотрудничали и с издательством «Юго-Восток», которое возникло в конце 1941 г. как немецкое (в рамках оформленного к тому времени Отдела пропаганды «Юго-Восток» («Propaganda-Abteilung Südost»)) и не только использовало оборудование и помещения крупнейшего сербского издательства «Геца Кон»², но и продолжало выпускать книжные серии, начатые этим издательством до войны. Поэтому многие русские художники, сотрудничавшие с ним в предвоенные годы, продолжили работать и в годы оккупации.

Когда же речь идет о круге предполагаемых участников Антимасонской выставки в Белграде — самого широкого агитационного мероприятия 1941 г., то в число его исполнителей исследователи включают почти всех русских художников, создателей югославского комикса. Именно они, комиксисты и карикатуристы, считаются идейными вдохновителями и исполнителями выставки. Считаются, хотя несмотря на интенсивные поиски нам пока не удалось найти документально-го подтверждения участия многих художников. Например, легенда об активном участии в выставке Алексея Ранхнера не подкреплена никакими документами. Зато уже точно можно утверждать, что в работах по ее подготовке участвовала дочь художника Марина. Так, в документах супруги Ранхнера, которые она заполняла в лагере для перемещенных лиц в Зноймо (Чехословакия), Лидия Ранхнер пишет: «Мой супруг в 1942 году вступил в ряды “Ниро Waffen SS”, а моя дочь Марина работала как художник в Агитационном отделении Отдела пропаганды “Юго-Восток”»³. Аналогичная информация содержится в анкете самой Марины Ранхнер, сообщавшей, что после окончания школы она работала художником в Агитационном отделении Отдела пропаганды «Юго-Восток»⁴. Поскольку сам Ранхнер к тому времени жил отдельно от семьи⁵ и нес службу в рядах вспомогательной полиции, возникает сомнение в его участии. Долгое время считалось, что Ранхнера уничтожили в 1942 г. белградские подпольщики за участие в Антимасонской выставке. Существует еще несколько версий о его кончине в 1942 г.⁶ (как

¹ В своих мемуарах Ю.П. Лобачев пишет, что к работе в журнале «Коло» его привлек директор газеты «Политика» Владислав Рибникар [Лобачев 1997, с. 112].

² Основатель издательства, предприниматель и издатель Геца Кон, был депортирован как еврей и расстрелян. В рамках Антимасонской выставки была устроена и отдельная выставочная секция (комната) Гецы Кона, где он представлен как агитационный центр мирового еврейства.

³ Данные из досье «Einwandeerzentrale Nord-Ost, Lutzman-stad», которое хранится в Архиве Югославии (далее — АЮ), см.: Ф. 95. П. 323/893.

⁴ Там же.

⁵ Хотя официального развода не было, Ранхнер жил отдельно от семьи, по всей видимости, с 1938 г., когда на него завели отдельную регистрационную карту (Исторический архив Белграда, далее — ИАБ).

⁶ Ю.П. Лобачев пишет, что А. Ранхнер заснул пьяным в овраге в белградском районе Карабурма и замерз [Лобачев 1997, с. 125].

и о смерти Ивана Шеншина в 1944 г.), но все они пока остаются лишь версиями и требуют проверки, хотя в недавно найденном нами некрологе в качестве причины смерти Ранхнера приводится болезнь сердца⁷.

По сути, с определенной степенью уверенности можно говорить об участии в выставке лишь одного художника — Константина Кузнецова, автора многочисленных плакатов, нескольких брошюр и комиксов агитационного характера. Причем Кузнецова часто называют не просто штатным художником, а начальником Отдела пропаганды «Юго-Восток» [Кольанин 2003, с. 92].

В этом отделе за Сербию отвечало подразделение, носившее название «Отдел пропаганды «С»» (Propagandaabteilung «S») и состоявшее из семи секций: планирования, активной пропаганды, печати, фотографии, радио, театра и фильма [Kreso 1979, s. 74]. Непосредственно выставкой занимался отдельно созданный рабочий комитет, который делился на четыре группы: пропаганды и организации, антикоммунистическая, антимасонская и антиеврейская. В организации выставки им помогала агитационная служба партии фашиствующего толка «ЗБОР» — «Здružена борбена организација рада» («Объединенная боевая организация труда»), которая была сформирована еще до войны⁸.

Именно Отдел пропаганды «С», возглавляемый доктором Липертом, курировал выставку с немецкой стороны (здесь чаще всего упоминаются имена Ганса Рихтера и Адольфа Насенштейна⁹).

Из досье BdS (Befehlschaber der sicherheitspolizei und sicherheitsdienst — полиции безопасности), которое хранится в ИАБ, следует, что К. Кузнецов не просто участвовал в деятельности Отдела пропаганды «Юго-Восток» в качестве штатного художника, но и был главой художественного ателье.

Впрочем, некоторые авторы считают, что группа русских художников (упоминаются более 80 человек¹⁰, а всего в подготовке к выставке участвовало 144 человека [Antimasonska izložba 1942]) руководилась известным живописцем Степаном Колесниковым [Kreso 1979, s. 134; Кольанин 2003, с. 102]. Роль и количество русских художников в организации выставки кажутся немного преувеличенными.

В сохранившемся в АЮ документе с подписью автора идейного проекта выставки Лазаря Прокича, в котором художникам предлагается разработать десять тем, упоминаются фамилии лишь сербских художников Митриновича и Костица¹¹. Списков других художников (включая и русских) пока найти не удалось. В Военном архиве Сербии находятся списки 117 человек (чаще всего уведомления о выплате гонорара), причастных к работе Отдела пропаганды «Юго-Восток». В этих списках имен русских художников также нет, Впрочем, списки эти датирова-

⁷ Новый путь. Белград, 1942. 17 окт.

⁸ Архив Сербии (далее — АС). БИА, II/69, ob. Služba SDK i «ZBOR».

⁹ АЮ. Ф. 100. П. 14/50-523, 526, 527, 528. См. также: [Стояновић 2015, № 2].

¹⁰ Иногда упоминается, что в художественном ателье было около 50 человек [Јовановић 1972, s. 204].

¹¹ АЮ. Ф. 100. П. 523. Также в данном документе упоминается Ганс Рихтер, который именуется инструктором.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	90
Name: Kuznecov										IV A 1 1023/43									
Vorname: Konstantin																			
Geboren:																			
Beruf: Leiter des Ateliers der Propaganda-Abt. "Südost"																			
Wohnung: Belgrad, Kosovska 39																			
Abt.-Zeichen: B.d.S. Belgrad K 1104																			
Ga:																			

MB-BKS-1

Регистрационная карта художника К. Кузнецова

ны большей частью 1943 г. и к Антимасонской (1941) и Антикоммунистической (1942, 1944) выставкам отношение имеют косвенное¹².

Всего в выставке было задействовано 144 человека во всех четырех секциях. Отмечу, что когда в документах речь идет о количестве привлеченных людей, то учитывается весь персонал, работавший над организацией выставки, а не только ее оформители. Всего было нарисовано 126 плакатов и графиков, выпущено 60 тысяч экземпляров плакатов и 100 тысяч экземпляров листовок, а также сделано 1740 фотографий. Отдельно было подготовлено 19 брошюр общей численностью 200 тысяч экземпляров и 176 кинороликов¹³.

Сама выставка под официальным названием «Большая выставка деятельности масонов, евреев и коммунистов»¹⁴ открылась 21 октября 1941 г. в здании бывшей масонской ложи «Югославия»¹⁵.

Подготовка к выставке началась в июле 1941 г. с формирования уже упомянутого рабочего комитета, ядро которого составляли представители партии «ЗБОР»¹⁶. Автором идейного проекта был Лазарь Прокич, а председателем комитета значился Джордже Перич — публицист и директор агентства «Авала» (он и открыл выставку, поскольку премьер-министр Милан Недич на открытие не приехал, а посетил выставку чуть позднее). В комитет также входили Стеван Клуич (директор выставки),

¹² Военный архив Министерства обороны Республики Сербия (далее — ВА). Ф. 60. П. 5, 1/117.

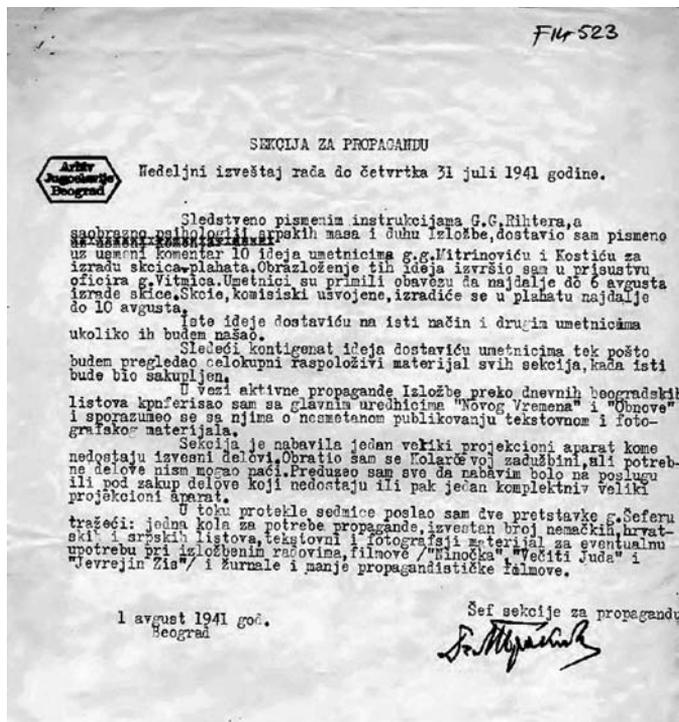
¹³ Ново време. 1941. 17 окт.; см. также: [Vanjas 2015, s. 13].

¹⁴ Ее продолжением была Антикоммунистическая выставка, которая открылась 1 сентября 1942 г. и во многом использовала агитационный материал первой выставки (что иногда вызывает путаницу при анализе визуального материала). Об открытии Антикоммунистической выставки подробно писала и русская пресса, см.: Новый путь. Белград, 1942. 6 сент.

¹⁵ Гарашанинова улица, 8. Ныне улица Светозара Марковича.

¹⁶ Об активной работе партии «ЗБОР» в подготовке выставки свидетельствует рапорт Л. Прокича от 31 июля 1941 г. с приложениями некоторых плакатов. См.: АЮ. Ф. 100. П. 14/50-523.

Милан Банич (директор секции пропаганды и организации выставки), Миодраг Джорджевич (директор антикоммунистической секции), Михайло Балич (директор антиеврейской секции) и Милован Попович (директор антикоммунистической секции) [Vanjas 2015, s. 15]. При подготовке к выставке в качестве примера была взята антимасонская выставка, которая с успехом прошла в Париже в Музее из-

Документ из Архива Југославије

ячных искусств (Petit Palais) в октябре 1940 г. и на которой, как и позже в Белграде, были выставлены, кроме плакатов, еще и предметы масонских лож.

К выставке была выпущена и серия марок (четырёх видов, а также конверты и девять видов открыток, напечатанных тиражом 108 тысяч экземпляров)¹⁷, которые бесплатно раздавались все дни выставки (до ее закрытия 18 января 1942 г.; за 75 дней экспозицию посетили 80 800 человек) [Antimasonska izložba 1942]. Всеволод Гулевич часто упоминается как художник марок, хотя, по всей видимости, был лишь автором идеи, а художником являлся С. Груйич [Vanjas 2015, s. 15]. Именно его имя упоминается и в газетах того времени и обозначено инициалами «С.Г.» на отдельных марках¹⁸. Идейное решение большей части марок далеко от оригинального и повторяет частую в то время модель — сила,

¹⁷ Обнова. Белград, 1942. 20 янв.

¹⁸ См.: Ново време. Белград, 1941. 23, 25 дек.; 1942. 3 янв.; Обнова. Белград, 1942. 19 янв.; и др.

Антимасонская выставка интересна тем, что не просто повторяет частые агитационные мотивы Третьего рейха, но и включает в себя мотивы, которые обнажают конфликты, существовавшие в тогдашней Югославии. Выставка, по сути дела, продолжила тему борьбы с масонами, которая актуализировалась в середине 1934 г. (первой крупной дискуссией на эту тему можно считать газетную статью Джуря Еремича «Масонство и югославянство»²⁰) и достигла своего апогея к концу 1940 г. (в газетах «Обнова», «Наша борба», «Время» и др. печатались не только антимасонские материалы, но даже списки масонов с призывом их физического уничтожения²¹).

Тенденции сепаратизма в Королевстве Югославия, которые начались в последние годы правления Александра Карагеоргиевича и явились причиной его гибели, были связаны не только с хорватским или македонским национализ-

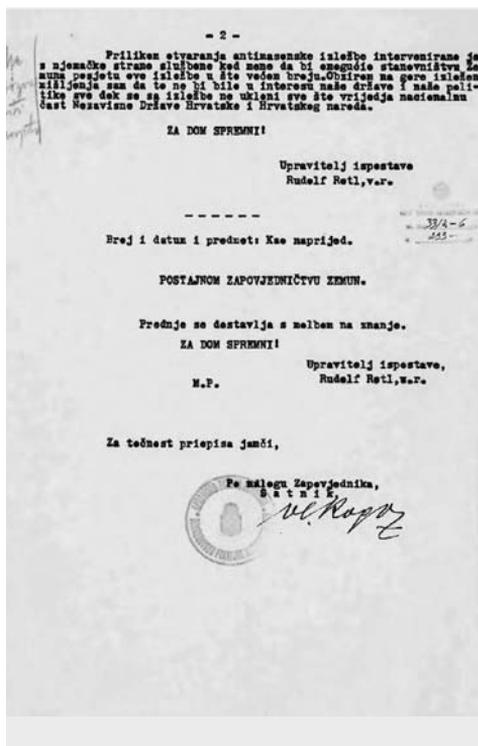
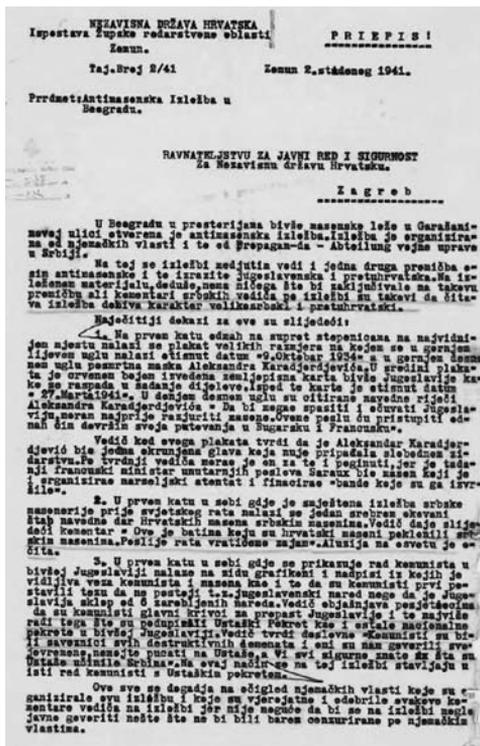

*Антимасонские марки
(художник — С. Груйич, предполагаемый автор идеи — В. Гулевич)*

мом, но и с тем, что все сильнее в сербском обществе назревал конфликт между югославской моделью развития страны и сербской националистической моделью. Основной темой выставки явился именно этот конфликт. Выставка должна была развенчать «tuđinske misli: jevrejstva, masonstva, komunizma, demokratije, internacionalizma» («чуждые мысли: еврейства, масонства, коммунизма, демократии, интернационализма») [Vanjas 2015, s. 17] и создать нужный правительству М. Недича образ — сербский. И это удалось настолько, что даже коллаборацио-

²⁰ Там же. См. также: Правда. Белград, 1934. 12 июня. Хотя попытки связать масонство и опорочить идеи югославянства были и ранее, см.: [Слободни Зидари 1932].

²¹ Почти все участники оргкомитета Антимасонской выставки были авторами публицистических статей антимасонского и прогерманского направления. О том, насколько эта тема была популярна уже в 1940 г., свидетельствует и то, что только в августе–сентябре 1940 г. опубликовано несколько статей в газетах «Новое время» и «Правда»: 16 августа — «Масонство и моральная дезинтеграция», 21 августа — «Сокольство и масонство», 24 августа — «Масонское безобразие», 28 августа — «Вечное правление в Задужбине Ильи Коларца», 2 сентября — «Масонские мутные воды», 21 сентября — «По общему мнению масонство нужно пресекать в корне» и т. д.

Жалоба на выставку с подписью Рудольфа Ретла, начальника отделения полиции в Земуне (тогда в составе Независимого государства Хорватия)

нистское правительство Независимого государства Хорватия (НДХ) жаловалось немецким оккупационным властям, что выставка слишком националистическая и сербская²².

Решая задачи создания пропагандистского образа, художники должны были придумать новый, и он не только опирался на уже задействованные в пропаганде типологические образы, но и учитывал местную специфику. Плакатов с «местной» тематикой не так уж и много, как может показаться на первый взгляд, поскольку часть плакатов Антимасонской выставки представляет собой местное издание немецкой военной пропаганды с универсальными темами и мотивами — это плакаты антимасонской темы (копии плакатов Бруно Ханича и тем из журнала «Lustige Blätter», копии плакатов правительства Петена) и плакаты, которые готовились для Восточной Европы (серия плакатов о событиях в Виннице и Катynie). Они или просто переводились, или незначительно адаптировались под местные реалии (см. цв. вкл.).

Остальные плакаты оперируют темами, которые можно считать специфиче-ски балканскими, что позволяет дать анализ всех заключенных в них символиче-ских смыслов.

²² ВА. Ф. НДХ. П. 235-29/2-91, 91а.

Плакат-листовка «Куда?»

(худ. К. Кузнецов)

Перевод: Куда? Сербия находится на Балканах. Балканы находятся в Европе. Европе представляют европейские народы. Европейские народы сегодня ведут битву за независимость и свободу целого континента. Сербия — не изолированный остров. Сербия — это составная часть Европы. Без союза нет жизни ни Сербии и никому в Европе. Без победы <европейского> союза Сербию ожидает смерть. Серб! Ты с полным правом ожидаешь лучшее будущее. Ты хочешь свободу. Это оправдано. Порядок, работа, социальная правда, право на культурное развитие, право на жизнь — кто тебе все это гарантирует? Принесут ли тебе это народы, которые не с тобой в союзе? Принесут ли тебе правду или осуществят ли твои желания те, которые далеко от твоего отечества — англичане, американцы, Советы? А может, стоит довериться тому, кто близко, кто твой близкий сосед, который живет с тобой в европейском союзе... Наблюдай за событиями. Думай. Ответ рядом.

Прежде всего обращает на себя внимание тенденция создать идеальный образ Балкан, образ пространства, в котором нет места интернациональной, масонской, еврейской Югославии, а есть место Сербии. Именно на идеальном образе Сербии, на сербстве как здоровой традиции, на православии и кириллице делается основной упор. Серб на плакатах — крестьянин-труженик, защищающий свою страну от чужаков. Этот основной визуальный образ совпадал с образом крестьянской страны, которую формировала еще до войны пропаганда общества «ЗБОР», противопоставляя «национальное» село «масонскому» городу, полному разврата [Најдановић 1937], и был основой культурного плана правительства Милана Недича [Стојановић 2012] (см. цв. вкл.).

Следующий за основным, также немаловажный аспект визуального текста ставит Сербию в геопозицию страны — части европейского мира. Именно к этому отсылает нас серия плакатов, где подчеркивается, что Сербия защищает не только себя, но и европейские традиции (см. цв. вкл.).

Создав оппозиционную символическую пару «мать Сербия — мачеха Югославия», художники создали и внутреннюю зеркальную пару — «страдающая Россия — чудовищный Советский Союз». В плакатах художников Сербия и Россия показаны как жертвы, страдающие от напасти, которая им чужда. Нет ни одного случая задействования слов «Россия» и «русский» в отрицательном смысле. В образе врага появляются только Советы, обыгрывается только понятие советского. Чтобы сильнее сблизить аналогии, Сербия и Россия представлены как страдаю-

щие славянские страны, которыми завладела злобная орда неславянских, чуждых народов.

Такой подход был частью общего художественного оформления выставки, имевшей отдельный «Русский павильон», вход в который украшал лозунг «Не дај, Србине, да теби Јевреје униште Србију, како шти су уништили Русију»²³.

Образ Германии, могущей защитить настоящих славян от советского хама, был популярен в некоторой части русского эмигрантского общества в Югославии. Вот что писал член Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичев бывшему члену Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову о впечатлениях от агитационной поездки по Югославии: «Рассказываю я Вам это для характеристики той среды, которая здесь представляет Россию, — убожество мысли, фантастические представления о жидомасонском заговоре, о революции русской, посеянной Америкой. Живое место в душах этих людей — ненависть к жидам, радость от погрома, ненависть к французам. На дне души — мечта о германце»²⁵.

7-Сталин за писањим столом, кроз прозор се види рат (бежање большевичких војника). Текст: Сталин спрема књигу успомена под насловом "Ниса никада био Славен...зашто ме оптужују?"

*Предложение темы карикатуры*²³

*Перевод: Сталин сидит за письменным столом, через окно видит, как бегут большевики.
Текст: Сталин готовит книгу воспоминаний «Я никогда не был славянином... почему меня обвиняют?»*

Сближение понятий «сербский/балканский» с понятием «русский» и выстраивание оппозиции к «советский», т. е. неславянский, четко просматривается и в других визуальных текстах периода оккупации. Художник Константин Кузнецов, рисуя в 1941 г. комикс-аллегорию «История о несчастном короле» («Прича о несрећном краљу»), Сербию вообще представляет в виде условного европейского королевства, что во многом совпадало с концепцией правительства М. Недича — Новая Сербия в Новой Европе.

Данный комикс сохраняет черты, свойственные аллегории: все политические события раскрываются в сказочных образах. Войны в самом комиксе очень мало, и она показана, как это и следует в сказках, абсолютным абстрактным злом с железными птицами. Большевики (и коммунисты Тито) представлены в образе не просто неславянском, но и далеком от человеческого — это монстры, пугающие и уродливые (приблизительно похожий, подчеркнуто нечеловеческий облик будут

²³ Народне новине. 1941. 16 нояб.

²⁴ АЮ. Ф. 100. П. 524.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 516. Л. 1–2, 4–5.

Кадры из комикса «История о несчастном короле»
(худ. К. Кузнецов)

иметь и красноармейцы в до-военном комиксе С. Соловьева «Казачи» по роману М. Шолохова «Тихий Дон»²⁶).

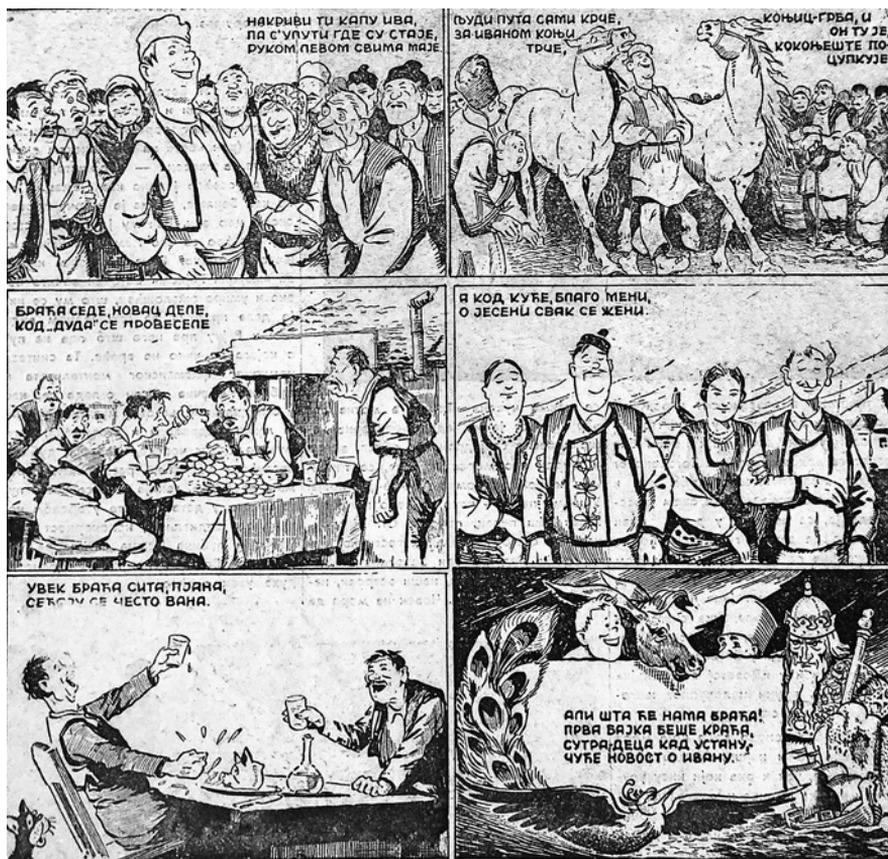
Примером сближения Сербии и России является и комикс «Конек-Горбунок»²⁷, который выходил в журнале «Мали забавник» (переводчик — Павел Поляков). О том, что именно это было целью, свидетельствует не только перевод Полякова, который сделал все, чтобы звучание текста было близко и понятно сербам как по смыслу, так и в мельчайших оттенках, но и изображения Кузнецова, нарядившего крестьян из сказки в сербскую народную одежду: вместо шапок — сербские головные уборы-шайкачи, вместо лаптей — сербские опанки, рубахи подпоясаны широким поясом и сверху надеты жилеты.

Вообще тема задействованности детской литературы оккупационного периода (публикация сказок и легенд, которые подаются в определенном визуальном оформлении или в виде определенных подборок, имеющих агитационный характер, например продолженная серия «Золотой книги» (с иллюстрациями Шеншина, Гулевича, Жедринского), или комиксы по народным сказкам и легендам — комикс «Нибелунги» Гулевича, или агитационные комикс-плакаты Кузнецова, карикатурные комиксы Тищенко) требует отдельного исследования.

Таким образом, выстраивается интересная русско-сербская линия балканского агитационного текста, которая объединяет Россию, Сербию и Европу, а оппозицию им составляют понятие «Советы», которые воплощаются в образах антирусских, антисербских, т. е. антиславянских и антиевропейских, и понятия «Британия», которая показана как центр колониализма, и «США» как центр ма-сонский и капиталистический, центр мировой плутократии. Эта линия была в согласии с позицией, составлявшей основу движения сербских националистов [Прокић 1940], и совпадала с тенденциями, бытовавшими и в среде русских эмигрантов.

²⁶ Более подробно об этом см.: [Антанасиевич 2015a].

²⁷ Комикс не закончен. Более подробно см.: [Антанасиевич 2015b].

Страница из комикса «Конек-Горбунок» (худ. К. Кузнецов, сценарист П. Поляков)

В итоге получился агитационный текст с особой авторской интонацией, который обладал способностью перенимать чужую символику и, перекодируя, включать ее в свой фонд, а ныне дает возможность считывать и анализировать информацию, помогающую сформировать более полное представление о мыслях и побуждениях того времени.

Источники и литература

- АС — Архив Сербии
- АЮ — Архив Югославии
- ВА — Военный архив Министерства обороны Республики Сербия
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ИАБ — Исторический архив Белграда

Антанасиевич 2015а — Антанасиевич И. Русская классика в картинках. Белград, 2015. (Б-ка «Язык и литература». Сер. «Русская эмиграция в Белграде»; кн. 7).

- Антанасиевич 2015б — *Антанасиевич И.* Сказка «Конек-Горбунок» в переводе Павла Полякова // *Славистика*. 2015. Т. XIX. С. 444–456.
- Антанасиевич 2018 — *Антанасиевич И.* Русский комикс Королевства Югославия. СПб., 2018.
- Јовановић 1972 — *Јовановић Н.* Антимасонска и антикомунистичка изложба у Београду 1941. године, НОР и револуција у Србији 1941–1945. Београд, 1972.
- Кољанин 2003 — Кољанин М. Антисемитски стереотипи и пропаганда у Србији 1941–1942. године // *Историја 20. века*. Год. 21, св. 1. Београд, 2003.
- Лобачев 1997 — *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.
- Најдановић 1937 — *Најдановић Д.* Град-расград // *Хришћанска мисао*. 1937. № 3.
- Прокић 1940 — *Прокић Л.* Три интернационале // *Време*. 1940. 25 јула.
- Слободни Зидари 1932 — Слободни Зидари и сарајевски атентат // *Политика*. 1932. 21 фебр.
- Стојановић 2012 — *Стојановић А.* Српски цивилни културни план владе Милана Недића. Београд, 2012.
- Стојановић 2015 — *Стојановић А.* Антимасонска изложба у Београду 1941. у контексту нацистичке антимасонске активности у окупираној Европи 1939–1945 // *Војноисторијски гласник*. 2015. Бр. 2.
- Тимофејев 2011 — *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руске емиграције на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- Antimasonska izložba 1942 — Antimasonska izložba zatvara se u nedelju // *Ново време*. 1942. 14 јанв.
- Банјас 2015 — *Банјас Ј.* Antimasonski plakati 1941–1942. Београд, 2015.
- Кресо 1979 — *Кресо М.* Нјемачка окупациона управа у Београду — 1941–1944 — са освртом на централне окупационе команде и установе за Србију, Југославију и Балкан. Београд, 1979.

И. Дубови-Лузянина

БОРИС ИСААКОВИЧ ЭЛЬКИН (1887–1972):
ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Дорогой Федор Борисович!

Желаю вам цвести, расти,
копить, крепить здоровье,
Оно для дальнего пути –
Главнейшее условие.
Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

С.Я. Маршак

Denn es ist gut, wenn uns die
verrinnende Zeit nicht als etwas erscheint,
das uns verbraucht und zerstört, sondern
als etwas, das uns vollendet.

*Antoine de Saint-Exupéry,
Die Stadt in der Wüste*

Некоторые выдающиеся личности заслуженно занимают первые ряды мировой истории, о них пишут монографии, книги, главы в учебниках и статьи. Другие, не менее выдающиеся люди, но по тем или иным причинам не находящиеся в первых рядах истории, на протяжении долгого времени (или даже навсегда) могут оставаться в неизвестности. Между тем их присутствие, как бы оно ни было не заметно, является при этом значительным, ведь зачастую своими идеями, словами, делами они влияли на важные, а иногда и основополагающие события истории. Называют таких людей по-разному: серые кардиналы, тени, мосты, через которые главные герои могли добраться с одного на другой берег мировой истории. Таким образом, даже самая великая история складывается из целого ряда связанных между собой маленьких историй отдельных людей. Важным представителем этой группы и был юрист-эмигрант Борис Исаакович Элькин (1887–1972).

Эмигранты привозят с собой в новую страну историю своей жизни, постепенно раскрывая ее новым коллегам и друзьям, разворачивая, как живописное полотно. У большинства история их жизни способна уместиться в маленький походный рюкзак. Борис Элькин привез с собой не маленький рюкзак, а огромный чемодан, полный опыта и идей, которые еще предстоит отсортировать и досконально изучить. В данной статье я хочу выделить лишь некоторые эпизоды из жизни Бориса Исааковича, его полная биография будет представлена в рамках моей дипломной работы в Венском университете.

ДЕТСТВО И СТУДЕНЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Борис Исаакович Элькин (1887, Киев — 1972, Лондон) — видный представитель русско-еврейской эмиграции первой волны, был одним из основателей берлинского русскоязычного издательства «Слово», помогал освободить писателя Романа Гуля (1896–1986) из нацистского концлагеря в Ораниенбурге, участвовал в публикации первой версии романа Марка Алданова (1886–1957) «Истоки», давал рекомендации поэту-акмеисту Георгию Адамовичу (1892–1972) для стажировки в Манчестерском университете, был душеприказчиком двух министров Временного правительства России — Александра Ивановича Гучкова (1862–1936) и Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). К концу жизни Борис Исаакович написал несколько важных работ о русском общественном движении, Временном правительстве, русской литературе и масонстве в России XIX в.

В неопубликованном документе, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ), носящем характер досье и датированном 1933 г., содержится более полное описание жизни Б.И. Элькина:

Борис Исааковичъ ЭЛЬКИНЪ родился въ Кіевѣ 4 октября 1887 г., окончилъ курсъ Кіевской 5 гимназіи и юридическаго факультета С. Петербургскаго Университета. Былъ предназначенъ къ оставленію при университетѣ для подготовки къ профессурѣ, но предположеніе это не осуществилось въ виду еврейскаго происхожденія Б.И. Элькина. Въ 1910 г. вступилъ въ С. Петербургскую присяжную адвокатуру и вскорѣ сталъ ближайшимъ сотрудникомъ юридическаго журнала «Право», часто замѣняя редактора послѣдняго; работа въ «Правѣ» продолжалась до самозакрытія этого журнала въ 1918 г. Въ январѣ 1919 г. Б.И. Элькинъ оставилъ Россію и поселился въ Берлинѣ, гдѣ и проживаетъ по настоящее время (іюнь 1933 г.). Вскорѣ по переѣздѣ въ Берлинъ, Б.И. Элькинъ былъ приглашенъ на мѣсто завѣдующаго русскимъ отдѣломъ газеты «Vossische Zeitung», каковое мѣсто занималъ до заключенія Германію Раппалскаго (*sic!*) договора, послѣ чего оставилъ сотрудничество въ этой газетѣ вследствие расхожденія во взглядахъ съ редакціею. Сотрудничалъ нѣкоторое время въ «Neue Presse». Помѣстилъ въ разныхъ изданіяхъ рядъ статей, въ томъ числѣ въ журналъ «Le Monde Slave» (1927 г.) большую работу «Les contours économiques de la Russie d'aujourd'hui». Въ эмиграціи Б.И. Элькинъ, близко связанный съ П.Н. Милюковымъ, сотрудничаетъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ», участвуетъ въ русскомъ республиканско-демократическомъ движеніи, состоитъ предсѣдателемъ Берлинской русской р.-д. группы. Кромѣ того, Б.И. Элькинъ принимаетъ руководящее участіе въ профессиональной организаціи находящихся за-границею дѣятелей русской присяжной адвокатуры, состоитъ въ теченіе многихъ лѣтъ членомъ правленія Берлинскаго (*sic!*) Союза Русской Присяжной Адвокатуры въ Германіи и представляетъ этотъ союзъ въ Федерациі Русскихъ Адвокатскихъ Союзовъ. Наконецъ, вскорѣ послѣ своегопоселенія (*sic!*) въ Берлинѣ Б.И. Элькинъ былъ однимъ изъ учредителей мѣстнаго Комитета помощи русскимъ ученымъ и писателямъ, чле-

номъ правленія и казначеемъ котораго онъ безмѣнно состоитъ по сіе время (1933 г.)¹.

После окончания 5-й гимназии в Киеве, где одним из одноклассников Элькина был прозаик Марк Алданов [Рогачевский 1996, с. 225], Борис поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Помимо правовых дисциплин, его интересуют история России и Европы, а также политэкономия. Он посещает курсы ведущего российского историка и основоположника методологии исторической науки в России Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), а также экономиста и представителя «легального марксизма» Михаила Ивановича Туган-Барановского (1865–1919)².

Во время обучения в университете Элькин женился на Анне Александровне Перельман. Точный день свадьбы доподлинно неизвестен, но поскольку их единственный ребенок, сын Александр, родился в 1909 г.³, а их семьи придерживались традиционно-консервативных взглядов, то свадьба состоялась не ранее 1909 г.

В 1910 г. Элькин заканчивает обучение и поступает в ряды присяжной адвокатуры. Так начинается его карьера помощника юриста в области международного права [Белобровцева 1996, с. 236] под патронатом Иосифа Владимировича Гессена (1865–1943), который также нанимает его редактором журнала «Право» [Рогачевский 1996, с. 222].

ЭМИГРАЦИЯ В БЕРЛИН

В начале 1919 г. Борис Элькин эмигрирует со своей женой Анной и девятилетним сыном Александром через Брест в Берлин. Здесь семья Элькиных проживает на улице Костанцерштрассе, 2 в районе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф. Благодаря отличному знанию немецкого языка, который Б.И. Элькин изучал, вероятно, с раннего возраста, его интеграция в Германии проходит весьма успешно. Ему удается достаточно быстро установить деловые контакты и приняться за юридическую работу. Клиентами Элькина становятся не только ведущие фигуры либерально настроенной русской эмиграции, но и политики, писатели, бизнесмены и деятели культуры [Белобровцева 1996, с. 236]. Вследствие успешной практики вскоре новая резиденция юриста в Берлине представляла собой просторную пятикомнатную квартиру⁴; его соседями были весьма состоятельные люди, большая часть из которых — евреи: Эрна Нойман (Линдеманн; 1896–1943)⁵, депортированная в

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

² Там же; [Рогачевский 1996, с. 222].

³ ГА РФ. Ф. Р-5898. Оп. 1. Д. 11. Л. 19 об. (Дело Зондхеймера по иску к Б.И. Элькину. На русском и немецком яз.).

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 11 об.

1943 г. и убитая в Освенциме [Koordinierungsstelle]; Макс Нивелли (1878–1926)⁶, один из первых, кто свои художественные фильмы посвящал антисемитизму и связанным с ним предрассудкам (наиболее известный фильм М. Нивелли — «Ритуальное убийство» («Der Ritualmord», 1919), снятый совместно с австрийским режиссером Йозефом Дельмонтом (Delmont)); благородное семейство фон Путткамер⁷; Фрида Калманович (1886–1938)⁸, педиатр и врач муниципальной школы, внесенная в список еврейских рабочих и вынужденная выйти на пенсию в 1933 г., умерла в Розенхайме в 1938 г. [Seidler 2007, S. 224–225].

Помимо юридической практики Б.И. Элькин зарабатывает на жизнь посреднической деятельностью. Например, писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) поручает ему найти издателя для русских публикаций трех своих романов — «Смерть богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Антихрист. Петр и Алексей»⁹. В 1924 г. он заключает агентский договор с Международным бюро переводов «Берлин-Шарлоттенбург» (Internationalen Übersetzungs-Agentur zu Berlin-Charlottenburg)¹⁰.

В соответствии с действовавшим на тот момент советским законодательством Элькин, эмигрировавший после 7 ноября 1917 г. без разрешения правительства и живший за пределами Советского Союза более пяти лет, потерял советское гражданство¹¹ и стал де-юре признанным апатридом.

КРУГ ОБЩЕНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Во время длительного отпуска в Италии, где Элькин пробыл до 3 октября 1925 г., он встречается с католическим священником Владимиром Абрикосовым (1880–1966), который после женитьбы на своей кузине Анне Ивановне Абрикосовой, стороннице католического движения в Москве, в 1909 г. перешел в католичество [Товарищество А.И. Абрикосова Сыновей]. На обратном пути Элькин останавливается на несколько дней в Париже; там он навещает историка и участника антибольшевистского движения Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956), Марка Алданова, писателя Михаила Андреевича Осоргина (1878–1942) и адвоката Марка Вениаминовича Вишняка (1883–1976)¹².

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5898. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Ф. Р-5897. Оп. 1. Д. 26. Л. 24 (Дело Д.С. Мережковского по иску к З.И. Гржебину. На русском и немецком яз.).

¹⁰ Там же. Л. 147.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 389 (Дело Б.И. Элькина по иску к В.Г. Венгеру. На русском и немецком яз.).

¹² Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 14. Л. 74 (Переписка А.Ф. Изюмова с И. Трюнингом, Г. Острогорским, С. Франком, Я. Полонским, Б. Элькиным, Ф. Махиным, Д. Любавским).

ХАРАКТЕР

24 марта 1926 г. Борис Элькин и его жена Анна заключают договор на страхование жизни (полис № 601534) с Базельским страховым обществом на сумму 3000 долларов США¹³. С культурологической точки зрения год, в котором заключено страхование, интересен. К 1925 г. многие русские эмигранты Берлина покидают Германию в надежде на спокойную, безопасную и сытую жизнь в Праге или Париже. А вот Элькин остается в Берлине, как будто чем-то удерживаемый, а именно постоянной готовностью поддержать друзей и знакомых в беде. Элькин не только талантливый юрист, но и очень добрый, отзывчивый человек, всегда старающийся, в зависимости от своего материального положения, максимально помогать товарищам: 14 сентября 1924 г. он оплачивает известному врачу Абраму Соломоновичу Залманову (1875–1964) подписку на берлинский журнал «Дни»¹⁴, самый важный печатный орган социалистов-революционеров в эмиграции.

Элькин очень общителен и высоко ценит личные контакты. Его многочисленные письма почти без исключения выдают особенность его характера: письма, напечатанные на пишущей машинке, всегда сопровождаются рукописным дополнением имени адресата, а также личным пожеланием и подписью. Это придает документам и письмам личный характер.

Бывали ситуации, когда Борис Элькин чувствовал себя обиженным. Как-то историк Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) выступил с критикой Элькина после празднования 70-летия Павла Николаевича Милюкова в марте 1929 г. в Берлине, и Элькин ответил публичной критикой мемуаров Кизеветтера «На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914)», незадолго до того опубликованных. Он утверждал, что книга не только содержит массу фактических ошибок, но и полностью смешивает жанры мемуарной и научно-исторической работ. Слишком много автобиографических событий и крайне субъективного восприятия сопровождаются небольшой каплей правды¹⁵, считал Элькин. Кизеветтер описывается им как «обыватель, притом самовоспроизводящийся, пошляк»¹⁶.

ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖ

К концу 1929 г. Элькин едет в Париж и Лондон, вероятно, в поисках нового жилья. Берлин уже стали покидать последние русские, и Элькин также начинает поиск альтернативного места проживания для себя и своей семьи¹⁷.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-5769. Оп. 1. Д. 99 (Переписка с Б.И. Элькиным о выплате страхового налога Базельскому страховому обществу).

¹⁴ Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 14. Л. 100 об.

¹⁵ Там же. Л. 80–85.

¹⁶ Там же. Л. 87.

¹⁷ Там же. Л. 86.

Планы очередной эмиграции Элькин реализует после очень печального и депрессивного периода 1930–1933 гг. в другой берлинской квартире по адресу: Куфштайнерштрассе, 5 в районе Берлин-Шенеберг. Его жизненный опыт, дальновидность и критическая оценка ужесточения политики по отношению как к русским, так и к евреям сыграют важную роль, ведь Элькина не удивил приход нацистов к власти и он успел перевезти семью в Париж (авеню Хени Мартина, 30)¹⁸ в 1933 г. [Рогачевский 1996, с. 223]. Его решению последуют ряд руководителей русского Берлина; в частности, как пишет О.В. Будницкий, «председатель Союза русских евреев в Германии Я.Л. Тейтель. Уехали председатель Союза русской присяжной адвокатуры в Германии Б.Л. Гершун, адвокат Б.И. Элькин, историк И.М. Чериковер, бывший нарком юстиции в советском правительстве левый эсер И.З. Штейнберг (через год — его брат, философ А.З. Штейнберг) и многие другие. Уехали меньшевики, сравнительно комфортно чувствовавшие себя в Веймарской Германии» [Будницкий 2010, с. 296].

Другой серьезной причиной переезда в Париж, вероятно, послужит отсутствие достаточных средств для существования. Элькин не всегда мог рассчитывать на получение гонорара за свою адвокатскую работу. Временами ему приходилось полагаться на поддержку гуманитарных организаций. В 1933 г. в результате дипломатического признания СССР Соединенными Штатами Америки счета всех российских компаний будут заморожены по просьбе правительства США. Соединенные Штаты утверждали, что эти счета были национализированы советскими властями, которые, в свою очередь, передали свои права американскому правительству. Спор об этих вопиющих нападках со стороны правительства США, как писал юрист Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1979), продолжался до конца 1950-х гг. [Зейде 2005, с. 343], и все это время зарплаты не могли быть выплачены.

В Париже Элькин жалуется на одиночество, ведь он перестал занимать высокое положение, возвращаться в элитных кругах и встречаться с влиятельными политиками:

Я живу одиноко и грустно. Трудно вообще жить в эпоху, которой почти не понимаешь, но которой выступающие вперед черты противны. Что происходит в России? Здесь, в Париже, о России знают очень мало, — меньше, чем в прежние годы знали о России в Берлине. Потому ли это происходит, что более велика отдаленность и меньше здесь приезжих из России, или потому, что немцы следили за событиями в России, а французы не следят, или потому, что нынешняя стадия в России труднее поддается пониманию, но знают здесь о России меньше малого¹⁹.

Элькину не хватает славы, приглашений на мероприятия и внимания журналов, поэтому в письмах он просит адресатов посвятить ему хотя бы несколько

¹⁸ Там же. Л. 95.

¹⁹ Там же. Л. 94.

строк. О.В. Будницкий и А. Полян описывают это состояние как злость [Будницкий, Полян 2013, с. 141]. Но, принимая во внимание переписку и избранные Элькиным слова, им скорее овладело чувство скуки, одиночества и тоски, т. е. русская хандра, а вовсе не неприкрытая злоба.

ЛОНДОН ЗОВЕТ

В конце 1930-х гг. семья Бориса Элькина переезжает сначала в Ирландию, а затем в Великобританию, где через десять лет ей будет предоставлено подданство [Рогачевский 1996, с. 224]. Этот переезд становится столь же неожиданным, как и своевременным [Будницкий, Полян 2013, с. 146]. Семья поселилась в Ившеме, недалеко от Оксфорда, а затем переехала в Лондон.

Во время Второй мировой войны Элькин беспокоится о тех русских эмигрантах, которые не смогли покинуть Францию. Он помогает при прохождении визовых процедур, отправляет посылки, организует сбор средств. Элькин становится своеобразным связующим звеном между русскими эмигрантами во Франции и США в 1944–1945 гг., частично это происходит по техническим причинам: почтовая служба между Англией и США работает лучше, чем между США и Францией, и новости из Парижа достигают Лондон (и, таким образом, Ившем) быстрее, чем Нью-Йорк [Будницкий 2011, с. 257].

Лондонское же наследие Бориса Исааковича Элькина его единственный сын Александр Борисович Элькин незадолго до своей кончины в 2001 г. передаст архиву Лидского университета (Великобритания).

* * *

Если другие эмигранты часто размышляли над идеей возвращения в Россию, Элькин никогда не допускал такую мысль, по крайней мере согласно доступным мне архивным данным. До конца жизни Борис Элькин останется эмигрантом, бросившим свой дом в надежде на лучшую жизнь.

5 июля 1972 г. Борис Исаакович Элькин умрет, так никогда больше и не побывав в России.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

- Белобровцева 1996 — *Белобровцева И.* Русская литературная эмиграция о «визите» в советское посольство (1945): событие и реакция // Блоковский сборник. Вып. XIII: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту: Тартуский ун-т, 1996. С. 233–243.
- Будницкий 2010 — *Будницкий О.В.* Русские евреи в нацистской Германии (1933–1941) // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 283–316.
- Будницкий 2011 — *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция. Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 243–260.

- Будницкий, Полян 2013 — *Будницкий О.В., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Зейде 2005 — *Зейде А.* Без Империи. Тексты и контексты жизни русского еврея Алексея Александровича Гольденвейзера // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 331–346.
- Рогачевский 1996 — *Рогачевский А.* Борис Элькин и его оксфордский архив // *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / сост. М. Пархомовский.* Бет-Шемеш, 1996. С. 222–243.
- Товарищество А.И. Абрикосова Сыновей — Священник Владимир Абрикосов (Католическая Церковь) // *Товарищество А.И. Абрикосова Сыновей: [сайт]*. URL: http://abrikosov-sons.ru/svyaschennik_vladimir_abrikosov___ (дата обращения: 17.04.2019).
- Koordinierungsstelle — Koordinierungsstelle Stolpersteine Berlin, Erna Neumann (geb. Lindemann). URL: <https://www.stolpersteine-berlin.de/biografie/856> (дата обращения: 23.03.2019).
- Seidler 2007 — *Seidler E.* Jüdische Kinderärzte 1933–1945. Entrechtet — Geflohen — Ermordet. Basel, 2007.

А.С. Быкова

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ МУРАТОВ (1881–1950):
ЗАБЫТОЕ В ИРЛАНДИИ РУССКОЕ ИМЯ

Представителей так называемой первой волны русской эмиграции, возникшей после революций 1917 г. в России, можно было встретить по всему свету. Многие бывшие российские подданные обосновались в Ирландии, стране, которая в начале XX в. боролась за независимость, пережила жестокую гражданскую войну и затем строила свою государственность в непростых условиях. Могилы наших соотечественников разбросаны по острову Ирландия, многие давно заброшены или даже совсем не обозначены. В этой статье мы расскажем о поисках могилы человека выдающегося, весьма известного в свое время, по трудам которого до сих пор учатся студенты и чьи книги переиздаются.

Павел Павлович Муратов (1881–1950) — историк, искусствовед, драматург, писатель, переводчик, критик, издатель — был ярким и признанным сыном Серебряного века. Знаток византийского и итальянского искусства, он прославился книгами «Образы Италии» (Т. 1–2. М., 1911–1912), работой «Русская живопись до середины XVII в.» (М., 1914) и участием в многотомной «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря, в которой Муратову была заказана часть о русской живописи допетровской эпохи. Перед Первой мировой войной он был редактором художественного журнала «София» в Москве; в 1918 г. выпустил сборник рассказов «Герои и героини», в 1922 г. — «Магические рассказы» и роман «Эгерия».

В 1922 г. Павел Павлович уехал в эмиграцию. «Без всякого давления со стороны советского правительства, он решил покинуть Россию. Это выстраданное решение Муратов в течение долгих лет никак не мог признать для себя окончательным», — отмечает итальянская русистка Патриция Деотто (Deotto) (цит. по: [Деотто]). В эмиграции он жил сначала в Берлине, в 1923 г. обосновался в Италии, в 1927 г. переехал в Париж, в 1939 г. — в Англию, после Второй мировой войны — в Ирландию.

Нина Берберова, в доме которой в Берлине в 1922–1923 гг. Муратов был частым гостем, вспоминала, что

...он был человеком тишины, понимавшим бури, и человеком внутреннего порядка, понимавшим внутренний беспорядок других. Стилизация в литературе была его спасением, «декадентству» он открыл Италию. Он был по-своему символист, с его культом вечной женственности, и вместе с тем — ни на кого не похожий среди современников. Символизм свой он носил как атмосферу,

как ауру, в которой легко дышалось и ему, и другим около него. Это был не туманный, но прозрачный символизм, не декадентский, а вечный. В своей тишине он всегда был влюблен, и это чувство тоже было слегка стилизовано — иногда страданием, иногда радостью. Его очарования и разочарования были более интеллектуальны, чем чувственны, но, несмотря на это, он был человеком чувственным, не только «умным духом». <...> Он был цельный, законченный западник, еще перед Первой мировой войной открывший для себя Европу, и я в тот год через него узнавала ее. Впервые от него я услышала имена Жида, Валери, Пруста, Стрэчи, Вирджинии Вулф, Папини, Шпенглера, Манна и многих других, которые были для него своими, питавшими его мысль, всегда живую, не обремененную ни суевериями, ни предрассудками его поколения (цит. по: [Берберова]).

Муратов разбирался и понимал военную стратегию. «Первое из известных мне увлечений Муратова было военное дело, вернее сказать стратегия, фантазии о движении войсковых масс, флотов и т. п. В 1904 г. писал он вместе с братом в московских газетах: он — о морской войне, брат — о сухопутной (тогда воевали в Японии)», — рассказывал о Павле Павловиче его друг, писатель и переводчик Борис Зайцев (цит. по: [Фокин, Князева 2007, с. 328]).

Около 1933 г. Муратов сблизился с историком Уильямом Эдвардом Дэвидом Алленом (Allen; 1901–1973). Многогранный человек, под стать Муратову, Аллен был писателем, путешественником, военным, дипломатом, бизнесменом, фермером, библиофилом и радушным хозяином, в доме которого всегда было много гостей.

В 1940–1946 гг., когда Муратов жил в Лондоне и работал в библиотеках и архивах, он совместно с Уильямом Алленом подготовил ряд книг по военной истории: «Русские кампании 1941–1943 гг.» (The Russian Campaigns of 1941–1943. Middlesex, 1944), «Русские кампании 1944–1945 гг.» (The Russian Campaigns of 1944–45. Harmondsworth, 1946), «Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921» (Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828–1921). Cambridge, 1953). Последняя была издана уже после его смерти.

В 1946 г. Аллен купил в Ирландии в графстве Уотерфорд имение «Уайтчерч хауз» («Whitechurch House»), в 1947 г. туда переехал и Муратов. В том же году Муратов вместе с четой Алленов был принят президентом Ирландии¹.

О жизни Муратова в Ирландии мы можем судить по некрологу Веры Остоя, опубликованному в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1955 г.:

...окна комнаты, в которой жил Павел Павлович, выходят в огражденный высокой каменной стеной столетний сад — любимое детище его последних дней. Здесь по его выбору и под его наблюдением садовник сажал молодые фруктовые деревья рядом с корявыми, но все еще живыми «дедовскими» яблонями. <...> Муратову приятно было жить в таком доме, где все пропитано любовью к прошлому и к тому, что составляет культуру всего мира, и где все носит несо-

¹ The Irish Times. 1947. 28 June.

мненный отпечаток интереса к прошлому России. Здесь П.П. любили как родного, должно ценили его многогранный облик «человека Ренессанса», здесь понимали широту его дарований, здесь за ним ухаживали и скрасили последние годы его блестящей, но очень трудной жизни. У Муратова было больное сердце... (цит. по: [Соловьев]).

Имение «Уайтчерч хауз», Каппа, Дангарван, графство Уотерфорд, Ирландия. Фотография опубликована на сайте <https://www.independent.ie> 15 октября 2018 г.

Дом Аллена славился огромной богатой библиотекой, одной из лучших в Ирландии, коллекцией восточных ковров, старинных икон, гравюр, мебели XVIII в., стекла и серебра. Много сил и средств вкладывал хозяин дома и в содержание земель вокруг: поля, сады, пастбища, пашни, деревья, коровы, лошади, собаки и даже ласки — были гордостью Аллена.

В имении Алленов Павел Муратов скончался 5 октября 1950 г.

С именами Муратова и Аллена связана одна малоизвестная сейчас история. Благодаря им в Национальной галерее Ирландии есть коллекция православных икон XIII–XVII вв. византийского и русского письма. Коллекцию из 24 икон Аллен продал галерее в 1968 г.: как сообщалось в газете «The Irish Times», в конце торгов У. Аллен внес 20 тысяч фунтов стерлингов и оплатил расходы по составлению специального цветного каталога, который был написан экспертами Дэвидом и Тамарой Талбот Райс (Talbot Rice), до этого коллекция была каталогизирована Павлом Муратовым². Известна как «коллекция Наташи Аллен», названная так в честь умершей в 1966 г. третьей жены У. Аллена Натальи Максимовны Косовской (1900–1966), русской эмигрантки, реставратора иконописи, составившей данную коллекцию. Иконы и сейчас можно увидеть в специальном зале Национальной галереи.

² 24 Ikons Acquired by National Gallery // The Irish Times. 1968. 3 February.

В начале XXI в. о Муратове вспомнили, в 2012 г. в Риме был открыт Международный научно-исследовательский центр Павла Муратова, проходят международные конференции «Муратовские чтения», в 2005 г. вышел сборник его работ о древнерусской живописи [Муратов 2005], в 2016 г. был переиздан знаменитый трехтомный труд «Образы Италии». А вот в Ирландии и Великобритании имя Муратова забыто. Клайв Джеймс, австралийский писатель, переводчик, критик и автор телевизионных программ, проживающий в Великобритании, в своей книге «Культурная амнезия» сокрушается по этому поводу: «Книга (“Образы Италии”. — А.Б.) редко сейчас упоминается, и имя ее автора редко обнаруживается даже в исторических работах о русской эмиграции после 1917 г.» [James 2012, p. 526].

Найти захоронение Муратова оказалось непростым делом. Прежде всего мы обратились к свидетельству о смерти. В реестре округа Дангарван графства Уотерфорд Муратов записан как «Paul Muradoff», женатый, 69-ти лет, профессор искусств на пенсии, причина смерти: сердечная недостаточность, стеноз митрального клапана в течение 10 лет. Там же дан и полный адрес места смерти: Whitechurch House, Cappagh, Dungarvan, Co. Waterford.

(Please note that all Copies made on this Page should be certified as foot.)

04188243

18.50. *Διάρρησις Θάνατου* } *Whitechurch* } *Διάρρησις Ἀν Ὑγιανῶν-Κλινικῆς* } *Dungarvan*
 (Deaths Registered in the District of) } } (in the Special Medical Registrar's District of) }
 } } *Waterford* }

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.
Имя (ФА)	Дата и время смерти	Имя и фамилия	Имя (Фамилия по браку)	Состояние (замуж, холост, вдовец)	Возраст (лет)	Профессия, образование, занятие	Случай смерти (официальный случай смерти и причина смерти)	Подпись, квалификация, место жительства	Дата записи	Подпись
1/48	18.5.12. Fifth October	Paul Muradoff	in	Married	69.	Retired Professor of Arts	Cardiac Failure 142 Arterial Stenosis 10 Years Colic House Cappagh Co. Waterford	William E O Allen Occupier of Whitechurch	Death Certified	W. J. Kelly Registrar

*Свидетельство о смерти Павла Муратова.
 Реестр округа Дангарван графства Уотерфорд, 1950 г., запись № 148*

В некрологе В. Остоя, который мы уже цитировали ранее, есть упоминание, что похоронен Муратов на

...маленьком кладбище вблизи католической церкви, где служил мессы очаровательный священник, отец Морфи, тоже большой друг и почитатель покойного. Над могилой — простой крест, имя Павла Павловича Муратова, дата его смерти — 5 октября 1950 года и евангельские слова «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое» (цит. по: [Соловьев]).

В справочнике «Незабытые могилы» отмечено, что Муратов похоронен в Ирландии [НМ, с. 671], но место захоронения не указано.

В архивах ирландских газет нам удалось найти два некролога. Первый, совсем короткий, в «The Irish Times», только сообщал о смерти Муратова³. Во втором,

³ The Irish Times. 1950. 13 October.

опубликованном в «Sunday Independent», сообщалось о похоронах в деревне Баллинамила (Ballinameela)⁴, округ Дангарван на южном побережье Ирландии. Дом Уильяма Аллена был расположен неподалеку. Данный округ обслуживается тремя католическими церквями.

Поиск в Интернете по словам «Ballinameela Cemetery» (кладбище в Баллинамила) выдал кладбище при церкви Святого Джеймса (Saint James Church Graveyard). Захоронения на этом маленьком сельском кладбище были описаны и сфотографированы в 2012 г. местным историческим обществом и вся информация размещена на сайте «Historic Graves»⁵. Однако могила П.П. Муратова там не значилась.

Тогда мы отправили три запроса: чиновнику, отвечающему за охрану окружающей среды в Городском совете Уотерфорда (именно данное ведомство занимается всеми делами, связанными с кладбищами), в секретариат Епархиального отделения Уотерфорда и Лисмора и в местное историческое общество. Историческое общество ответило практически сразу, но их представитель проживал в 60 милях от тех мест и обещал помочь, как только появится такая возможность. Из офиса католической церкви направили к священнику нужного церковного округа и дали его координаты. От чиновника Уотерфорда ответ пока не пришел.

Все «ниточки» вели к кладбищу при церкви Святого Джеймса. Искать надо было там. Мы предположили, что, возможно, описанный в некрологе В. Остоя крест на могиле не сохранился, и решили тщательно, камень за камнем, прове-

Могила Павла Муратова. Фотография Eddie Cantwell, 2012 г., публикуется с разрешения сайта «Historic Graves»

Могила Павла Муратова. Фотография John Tierney, 2019 г., сайт «Historic Graves»

⁴ Sunday Independent. 1950. 8 October.

⁵ См.: <https://historicgraves.com>.

рить все фотографии с сайта «Historic Graves» с увеличением. И начали с безымянных могил. И могила нашлась! Крест сохранился, и надпись читается довольно четко по остаткам букв. Возможно, когда делались фотографии всех захоронений на кладбище, имя показалось слишком странным для тех мест или надпись не смогли прочесть.

Кладбище очень ухоженное и чистое, трава аккуратно подстрижена, по всей территории расставлены горшки с цветущими нарциссами. Могила Павла Муратова расположена в углу у самой стены, она в хорошем состоянии, было очень приятно увидеть на ней свежие цветы. На подножии выбито: «Павел Муратов 1881–1950». Другие надписи обнаружить не удалось. Крест на могиле не такой простой формы, как может показаться. Нижняя часть сделана в виде конуса, это необычная форма для Ирландии, и можно смело предположить, что надгробие было выполнено по специальному заказу У. Аллена.

Сейчас имя Муратова добавлено на сайт «Historic Graves» и создан мемориал на сайте «Findagrave». Будем надеяться, что больше могила не потеряется.

Литература

- Берберова — *Берберова Н.* Курсив мой. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/5575/Berberova_-_Kursiv_moi_%28Glavy_1-4%29.html (дата обращения: 07.03.2019).
- Деотто — *Деотто П.* Павел Павлович Муратов // Русские в Италии: [сайт]. URL: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=345> (дата обращения: 07.03.2019).
- Муратов 2005 — *Муратов П.* Древнерусская живопись. История открытия и исследования. М., 2005.
- НМ — Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков и др. М., 2004. Т. 4.
- Соловьев — *Соловьев Ю.* Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова. URL: <https://sites.google.com/site/urijsoloveev/ocerk-zizni-i-tvorcestva-pavla-pavlovica-muratova> (дата обращения: 07.03.2019).
- Фокин, Князева 2007 — *Фокин П., Князева С.* Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков. М., 2007. Т. 2.
- James 2012 — *James C.* Cultural amnesia: Notes in the margin of my life. Croydon, 2012.

**«ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ,
ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ /
КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ»:
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА**

М.Ю. Сорокина

БИОГРАФИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ
И СЛОВЕНЦЕВ / КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Международный круглый стол «Проблемы биографики русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия» состоялся 2 октября 2018 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в рамках Недели русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия (более подробный обзор этого события см. в разделе «Хроника» наст. изд.).

Выбор темы для круглого стола не был случаен. Как известно, в истории российского зарубежья межвоенного периода XX в. КСХС / Королевство Югославия занимает особое место. Новое государственное образование, возникшее на обломках нескольких империй, многонациональное, многоконфессиональное и мультикультурное по структуре, оно испытывало сложную постимперскую трансформацию и находилось в поиске своих новых идентичностей по всему спектру международной и внутренней жизни. Одним из следствий этого поиска стала известная лояльность к русским/российским эмигрантам/беженцам, обеспечившая относительно мягкое, по сравнению с другими странами, вхождение и интеграцию «чужого» (эмигрантского) во все сферы жизни довоенной Югославии.

В то же время народы, населявшие королевство, имели свою многовековую европейскую и балканскую историю, а также свою историю взаимоотношений с Россией. Фактор России (и/или СССР) всегда присутствовал на Балканах, но часто имел разнонаправленный характер — попадая в тот или иной международный либо внутривосточный контекст, он становился как позитивным, так и негативным «агентом влияния» и для самого королевства, и для населявших его русских беженцев. Большая зависимость от гео- и внутривосточных изменений делала даже принявших новое подданство или гражданство эмигрантов очень уязвимыми, а в некоторые исторические эпохи, например после Второй мировой войны, заложниками и жертвами различных конфликтов.

Вероятно, это стало одной из причин того, что в отличие, например, от «французской» русской эмиграции межвоенного периода, которая доминировала и до сих пор доминирует в дискурсе публичной, да и академической истории, «югославская» русская эмиграция долго не могла выработать своего автономного исторического дискурса. Несмотря на многолетнюю поддержку русских эмигрантов королем Александром I Карагеоргиевичем и его правительствами, она словно

«затаилась» на многие десятилетия, оставив очень мало персональных свидетельств — личных архивов и мемуаров, которые только в самое последнее время стали выявляться и публиковаться.

Характерным отражением этой «потайной жизни» является эмигрантская мемориальная культура. Кладбища и участки захоронений русских беженцев в бывшей Югославии весьма отличаются от местных некрополей и всегда располагаются на их периферии. Молчаливость (отсутствующие или очень лаконичные эпитафии), скрытность (отсутствие изображений усопших, нередко анонимные могилы), бедность — основные визуальные черты русских захоронений межвоенного периода. Их «русскость» скрывалась или по крайней мере не акцентировалась. Она определяется только по использованию русского языка. Такое «биографическое молчание» присутствует даже в тех русских некрополях, которые, казалось бы, конфессионально и культурно тесно связаны с местными кладбищами, например в Белграде. Так, здесь на Новом гробле покоятся, по нашим подсчетам, более 40 профессоров столичного университета — русских эмигрантов. Только у троих из них на надгробном памятнике указана докторская степень и/или звание академика, у одиннадцати — профессора. Подавляющее большинство представлено только фамилиями. И это несмотря на то, что, в отличие от коллег, вынужденных неоднократно менять страну пребывания, большинство русских ученых-беженцев навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с Югославией. Такая деиндивидуализация памяти, свойственная русским захоронениям в целом, однако, создает и свою особую идентичность — коллективную идентичность эмигрантского сообщества.

Русская эмиграция фактически «молчала» почти до начала 90-х гг. XX в., и таким образом одна из крупнейших европейских русских диаспор оказалась слабо изученной просопографически и социологически, а ее место на карте русского зарубежья считалось глубоко «провинциальным». Только к концу XX в. благодаря усилиям югославских/сербских, словенских и других исследователей (М. Йованович, Т. Миленкович и др.), российских ученых (В.А. Тесемников, В.И. Косик и др.), потомков первой волны эмиграции (А.Б. Арсеньев, Т.В. Пушкадия-Рыбкина и др.) и несколько позднее — уже и «сербских русских» нового поколения (И. Антанасиевич, А. Тимофеев) в российской историографии и общественном сознании постепенно стало появляться понимание того, что межвоенный Белград был одним из главных центров русской эмиграции в мире, вполне сравнимым по напряженности своей социальной и культурной жизни с такими традиционными центрами русского рассеяния, как Париж, Берлин, Прага.

Однако, несмотря на то что русская эмигрантская интеллигенция — а только в Белградском университете в довоенный период преподавали свыше восьмидесяти русских профессоров, ставших основателями научных школ и директорами институтов, членами Сербской академии наук и искусств, — оказала значительное влияние на все сферы культуры, науки и искусства бывшей Югославии, и по сей день не существует сколько-нибудь заметной биографической литературы, посвященной представителям русского зарубежья в этой стране и основанной на релевантных исторических документах.

Впрочем, формирование отдельной научной дисциплины — биографики со своей теорией и методологией также пришлось только на последние десятилетия XX в., хотя особый жанр биографий как описания судьбы человека, сделанного «другими», существует многие столетия. На смену исторической парадигме, основными конструктивными элементами которой были «общество», «движения» и «массы», пришла микроистория, где, с одной стороны, основной фокус сосредоточен на индивидуальном и особенном, а с другой, выражаясь социологическим языком, хронологические описания институциональных этапов жизненного пути конкретных людей выстраиваются в масштабное просопографическое полотно.

Стоит, однако, отметить, что биографические нарративы беженцев и эмигрантов XX столетия, в том числе российских, — один из самых скрытных и ненадежных источников. Многие элементы их биографий (даты рождения и кончины, социальное происхождение, подданство, профессиональный статус и др.), приводимые даже в собственноручно написанных в эмиграции Curriculum vitae, разительно отличаются. И объясняется это не столько ограниченными ресурсами биографической памяти, сколько выбором самих эмигрантов, конструировавших свои новые идентичности (нередко многочисленные), иногда вынужденно, а иногда — в свободном пространстве, инструментарием биографических легенд — как в зависимости от того, кем они себя осознавали и кем бы хотели остаться в памяти потомков, так и чаще всего — от конкретного адресата своего биографического послания.

Участники круглого стола в Доме русского зарубежья приводили многочисленные примеры таких биографических мифов, которые и сегодня с трудом поддаются расшифровке, тем более значимыми оказываются результаты уже проведенных исследований. Н.В. Бондарев, справедливо констатировавший, что на фоне интереса к «белым русским» на Балканах в тени остаются «красные русские», выстроил на архивных источниках и продемонстрировал драматические траектории судьбы политэмигрантов — агентов Коминтерна. К.К. Семенов, напротив, обратившись к биографиям и боевому пути «белых» русских офицеров, оказавшихся в эмиграции в КСХС и не нашедших места в «новой» жизни, показал закономерность их превращения в военных наемников. М.М. Горинов на материалах русской охранки документировал активное революционное прошлое известного филолога Е.В. Аничкова, ставшего одним из самых ярких русских общественных деятелей КСХС. Р. Радженович и М.Ю. Сорокина на примере сербских эпизодов научной биографии всемирно известного лингвиста и филолога Р.О. Якобсона затронули в своих выступлениях роль славистов как проводников культурных трансферов. А.Ю. Тимофеева в докладе, посвященном «сломанным судьбам» русских эмигрантов первого послевоенного десятилетия, на основе архивных документов Управления государственной безопасности Югославии реконструировал уникальный список персоналий, который требует своего дальнейшего биографического изучения. С. Мандич, опираясь на собрания Исторического архива Белграда, показал перспективные документальные биографические ресурсы для новых исследований. М. Живанович отметила необходимость детального изучения судьбы не только отдельных людей, но и целых институтов эмигрантской

жизни, в частности Русского дома в Белграде. Г.Н. Энгельгардт и И.А. Конорева рассказали о достижениях и проблемах исторической и современной мемориальной политики по отношению к эмигрантскому сообществу в бывшей Югославии. И. Антанасиевич, продемонстрировав недостаточность традиционных источников — свидетельств самих художников-комиксистов и мемуаров, резюмировала результаты своих изысканий парадоксом Ст.Е. Леца, который можно отнести ко всей биографии русского зарубежья: «в жизни все не так, как на самом деле».

Действительно, то, как биографические нарративы соотносились и соотносятся с коллективной, семейной и исторической памятью, — вопросы одинаково важные и для современной публичной, и для академической истории. Особую значимость они имеют для такого бурно развивающегося направления историографии, как история миграций, которое в последние десятилетия стало ареной «войн памяти» и «национализации». Параллельно переосмыслению и новой концептуализации истории европейских миграций, в том числе и российских, работает и процесс пересоздания исследовательского инструмента — стандарта (формуляра) жизнеописания, который существенно перекраивает ранее сложившиеся несущие конструкции Curriculum vitae, а с ними и национальных исторических нарративов.

Так, например, принадлежность к той или иной национальной ветви эмиграции, в том числе и прежде всего из Российской империи / СССР, теперь определяется в европейской историографии, заимствующей этот подход из американской исторической традиции и миграционной практики, местом рождения человека. Например, родившийся в Киеве известный политический и общественный деятель, русский националист В.В. Шульгин, важный эпизод жизни которого как волынского помещика восстанавливает статья Т.М. Симоновой, сегодня автоматически становится причисленным в историко-научной и биографической литературе к «украинской» эмиграции. Подобного рода метаморфозы исторических практик и политик коренным образом изменяют взгляд как на миграционные потоки всего XX в., так и на описание русского эмигрантского сообщества в КСХС / Королевстве Югославия. Если учесть, что беженцами в этой стране оказались прежде всего российские граждане, родившиеся и проживавшие в южных губерниях бывшей Российской империи, то приходится прийти к неутешительному выводу, что мы буквально на глазах теряем «русскую эмиграцию». И это еще одно подтверждение огромного значения биографики как исторической науки и современной исследовательской практики.

Участники круглого стола, который продолжался целый день и доклады которого охватывали разные хронологические периоды, социальные и профессиональные сообщества русской эмиграции в бывшей Югославии, отметили необходимость начала работы по составлению биографического словаря этой эмиграции и единодушно выразили надежду, что подобные встречи и дискуссии будут продолжаться на площадке Дома русского зарубежья и в дальнейшем, привлекая всех знатоков и любителей истории русского зарубежья.

И. Антанасиевич

В ЖИЗНИ ВСЕ НЕ ТАК, КАК НА САМОМ ДЕЛЕ:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ИХ ВАЖНОСТЬ

Ни для кого не секрет, что биография является важным компонентом любого исследования, поскольку анализ творчества автора находится в тесной связи с изучением его жизни и общества. В этом смысле анализы биографий репрезентативны, т. е. их исследование интересно с точки зрения понимания механизмов тех социальных процессов, которые происходили в то время, и тех жизненных стратегий, которые вырабатывала для себя русская эмиграция.

Исследуя тему возникновения югославского комикса, в становлении которого принимало участие значительное количество русских издателей, художников и сценаристов, мы столкнулись с необходимостью воссоздания их биографий и проверки ранее известных сведений. Несмотря на значительные усилия, наше исследование пока не дает возможности составить даже первичную хронологическую биографию, и мы можем предложить лишь биографическую справку, более или менее обзорную. Причем форма самой биографической справки не универсальна, поскольку зависит от источников, которыми мы располагали в этот момент.

На начальном этапе исследования для определения основных дат жизни художников использовались работы Здравко Зупана [Зупан 1999; Зупан, Драгинчић 1986] и других авторов, занимающихся периодом становления югославского комикса [Ивков 1999], но, как показала практика, эти данные во многом оказались неверными. И это не просчет исследователей, благодаря которым сохранились ценнейшие материалы и личные свидетельства людей, знавших художников. Более того, их разыскания дали толчок к внимательному изучению основных биографических данных. Ситуацию усложняло и то, что хранящиеся в Историческом архиве Белграда (далее — ИАБ) регистрационные карточки (так называемые картоны), обязательно заполнявшиеся на каждого жившего в городе иностранца, далеко не всегда содержали правильные сведения, поскольку составлялись со слов анкетированных, а они иногда давали заведомо неверные сведения. Между тем именно регистрационные картоны легли в основу первых биографий художников-комиксистов.

Так, согласно югославской регистрационной карте время и место рождения Константина Константиновича Кузнецова (1895–1980) — 3 мая 1895 г., Петроград (Россия)¹.

¹ Иногда указывается и другая дата — 16 апреля.

СОПСТВЕНИК КУПЕ
SOPSTVENIK KUPE
ХОТЕЛ
HOTEL

ПРИЈАВА — PRIJAVA
ПРИЈАВЉУЈЕ СЕ: — PRIJAVLJUJE SE:

БЕГОВ СТАН
NEGOV STAN

Улица, број, сарај — Улица, број, сарај
Кралева Тасића 32

Име породично и рођење, да дете или удовица и рођење или девојачко породично име
Кузнецов Константинивич
Константинович

Занимање — Занимање
Уметник - цртач
Русско

Држављанство — Državljanstvo
3 V / 1925

Дан, месец и година рођења — Дан, месец и година rođenja
3 V / 1925

Место рођења, срез, земља — Место rođenja, srez, zemlja
Пермь - Пермская губерния - Россия

Забављана општина, срез, земља — Završajna opština, srez, zemlja
Косовски Манастир

Брачно стање — Брачно стање
Нежен
Невенчан

Вера — Vera
Православна

Рођење или оца и мајке, и мајчино девојачко презиме
Константинович - и Великићева рођ. Кузнецов

Ранији стан у Београду, улица и број, или у неком другом месту; село, срез, бановина
Ранији стан у Београду улица и број, или у неком другом месту: село, срез, бановина

ЖЕНА И ДЕЦА ИСПОД 18 ГОДИНА — ŽENA I DECA ISPOD 18 GODINA

Рођење или и девојачко породично име жене и рођење или дете	Рођење или и девојачко породично име жене и рођење или дете	Мушко muško muč'o	Женско žensko	Дан, месец и година рођења Dan, mesec i godina rođenja	Место рођења Mesto rođenja
Зупанова	Зупанова			14-IV-1900	Пермь
				20-VI-1924	Пермь

5-VI-45 држ. - одмор

НАПОМЕНА: Зована 37-8-2837/31 држ. Константинович Кузнецов
НАПОМЕНА: Константин Константинович Кузнецов

Станар — Stanar
Кузнецов Константинивич
Константинович

(датум)
(datum)
(mesec)
(mesec)
10.13.1926
3. V. 1925
3. V. 1925

Класички или управитељско-станодавач
Vlasnik klasičnik ili upraviteljsko-stanodavac

Регистрациона карта житеља Београда К.К. Кузнецова.

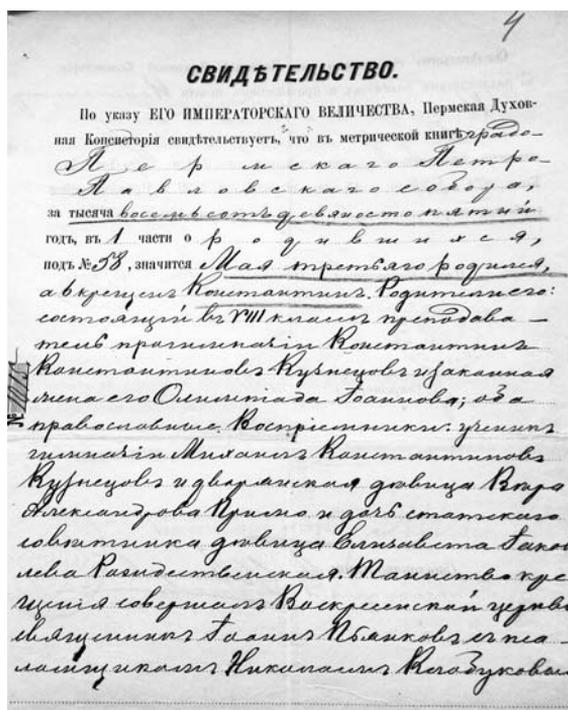
ИАБ, УГБ, Централно одељење —
Картотека грађан, живућих у Београду

Однако опублицовани у газети «Родне дали» некролог на смрт хуђоника у качеству места рођенја указывал город Воронеж²; а документи, полућенне нами из Музеја-архива руској културе у Сан-Франциско, — анкеты Кузнецова, запоуленне им лично для вьезда в США, — указывали третье место рођенја — город Пермь. Благодаря помощи М.Ю. Сорокиной и сотруђников Государственного архива Пермской области удалось документально подтвердить, что именно Пермь была местом рођенја хуђоника.

В дальнейшем для воссоздания биографии К.К. Кузнецова помогла важная деталь, упомянутая исследователем Здравко Зупаном, — он указал, что отец Кузнецова был директором гимназии и в этом статусе расстрелян большевиками (одновременно бытовала версия, что он был убит на глазах у сына уголовниками). Проверка этих легенд показала, что хотя Константин Кузнецов родился в Перми, но вместе с отцом после 1899 г. переехал в Чернигов. Кузнецов-старший получил там должность преподавателя русского языка и словесности³. В 1918 г. он, к тому

² Родные дали. 1980. Апрель. № 313. Подпись Миши Смирнова.

³ Окончил Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко по словесному отделению в 1893 г. со званием учителя гимназии на правах кандидатов университетов. С 1893 г. воспитатель при пансионе Екатеринбургской гимназии, а с января 1894 г. учитель русского языка Пермской женской гим-

Запись в метрической книге о рождении К.К. Кузнецова.
Государственный архив Пермской обл.
Ф. 37. Оп. 6. Д. 346. Л. 43 об. — 44

времени инспектор, действительно был убит (видимо, по доносу учеников-коммунистов) в разгар красного террора в городе [Красный террор 2010, с. 23].

Таким образом постепенно восстанавливалась основная канва жизни Константина Кузнецова до его прибытия в Югославию: учеба в школе, поступление на юридический факультет Киевского университета, досрочный призыв в 1916 г. и отправка в 3-ю Петергофскую школу прапорщиков, по окончании которой он был произведен в младшие войсковые унтер-офицеры, затем фронт, Гражданская война, Черниговский корпус Украинской державы и «французская эвакуация» из Крыма (1920), Константинополь, Германия (сотрудничал в русском журнале «Жизнь и искусство»), приезд в Королевство сербов, хорватов и словенцев — сначала в Суботицу, затем в тихий городок Панчево. Все эти сведения имеют документальное подтверждение, однако их недостаточно для составления полной биографии.

Так, например, факт учебы в художественной школе в Югославии хотя и упоминается у многих исследователей, пока не подтвержден документально, и даже непонятно, о какой школе или курсах идет речь. Вообще многие эпизоды югославского периода жизни Кузнецова остаются неясными. Его работа в качестве штатного художника в универсальном магазине «Митич» и в комикс-журналах того

назии и Пермского Алексеевского реального училища, см.: Государственный архив Пермского края. Ф. 185. Оп. 1. Д. 119.

периода более или менее не вызывает споров, хотя в первом случае остается открытым вопрос, участвовал ли Кузнецов в создании первых рекламных фильмов этого периода, а во втором требуется уточнение, какие комиксы под авторством Кузнецова публиковались вне границ Югославии (эта сторона деятельности предприятия «Универсал Пресс», созданного Александром Ефимовичем Ивковичем⁴, требует отдельного исследования). История его брака с Зинаидой Сергеевной Ларионовой⁵ также неизвестна, хотя и важна для нас, поскольку есть сведения, что она была сценаристом многих комиксов. Найденный нами документ, свидетельствующий о ее работе в штате Технической дирекции в качестве художника⁶, вызывает вопрос, насколько она помогала мужу и как художник. Впрочем, значимый для истории комикса вопрос о сценаристах является одним из самых болезненных, поскольку не всегда есть возможность установить точно, кто из авторов работал над сценарием. В случае Кузнецова он частично решен, когда речь идет о сценариях Павла Полякова и Бранко Видича, но остается открытым в определении участия Зинаиды Кузнецовой, а возможно, и других сценаристов.

Почти неизвестна работа Кузнецова в качестве иллюстратора (за исключением нескольких книг, где указана его фамилия). Очень мало достоверной информации и о его деятельности в период оккупации, хотя можно точно утверждать, что он рисовал для журналов, которые финансировали фашисты: например, печатался в поддерживающих правительство Недича⁷ журналах «Дикобраз» («Бодьикаво прасе») и «Мали забавник».

Также, без всякого сомнения, Кузнецов числился художником Агитационного отделения Отдела пропаганды «Юго-Восток», которое действовало на территории оккупированной Югославии, и рисовал плакаты и брошюры для так называемой антимасонской и антикоммунистической выставок в Белграде⁸. На основании изучения плакатов и брошюр авторство Кузнецова подтверждается визуально и не вызывает сомнений, но документов об этой деятельности практически нет, кроме выданной ему легитимации.

Осенью 1944 г. Кузнецов бежит из Югославии и попадает в лагерь для перемещенных лиц в Австрии, а в конце 1946 г. оказывается в Мюнхене. Этот период также документально практически не подтвержден и реконструировать его возможно, только выявляя работы Кузнецова в качестве иллюстратора⁹ и карикатуриста

⁴ Сведения о жизни Ивковича также находятся в процессе выявления и анализа; более-менее полный материал имеется о его предприятии — фотоцинографии (затем издательстве) «Рус».

⁵ Ларионова — по первому мужу. Девичья фамилия неизвестна. Вместе с женой Кузнецов воспитывал и ее дочь от первого брака — Ирину.

⁶ Београдске општинске новине. 1940. Фебруар, бр. 23.

⁷ Милан Недич (1877–1946) — министр обороны Королевства Югославия, премьер-министр Правительства национального спасения. По окончании Второй мировой войны отдан под суд по обвинению в государственной измене, покончил жизнь самоубийством (по одной из версий — убит в тюрьме).

⁸ Ныне хранятся в ИАБ; см. также: [Ракочевич 1996].

⁹ Кузнецов рисовал обложку к журналу «Огни» (1946, № 1), а также обложку и три иллюстрации к книге Саши Черного «Ослиный тормоз» (Мюнхен, 1946) и обложки к некоторым изданиям Ди-Пи, например к журналу «На перепутье».

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Name: Кузнецов										IV A 1 1023/43									
Vorname: Konstantin																			
Geboren:																			
Beruf: Leiter des Ateliers der Propaganda-Abt. "Südost"																			
Wohnung: Belgrad, Kosovska 39																			
Akt-Zeichen: B.d.S. Belgrad K 1104										7039/43									

106-518-1

Регистрационная карта К.К. Кузнецова, шефа ателье Пропандного отделения «Юго-Восток». Белград, 1943 г. ИАБ, Bds — K 110

(под псевдонимами Кисточкин, Кузя и КЗ), что требует детального исследования не только издательств Ди-Пи, юмористических и сатирических журналов (включая уже известный нам журнал «Петрушка»)¹⁰, но и немецкой прессы развлекательного и сатирического характера. Нам уже удалось найти не только комикс «Охота за ядерной тайной» («Die Jagd nach dem Atomgeheimnis»), который был опубликован в 1948 г., но и комикс «All's well that ends well / ende gut alles gut»¹¹ для журнала «Christmas Tree» (1945) и комикс (вероятно, незаконченный) «Зашифрованное письмо» («Der chiffrierte Brief»).

В Мюнхене Кузнецов составляет, рисует и издает прекрасный очерк-альбом «Ледяной поход» к 33-й годовщине 1-го Кубанского похода¹², что опять же требует биографического уточнения (кто был носителем идеи? Почему Кузнецов выступает инициатором издания, если не был участником похода? Или, может, был, но этот факт его биографии не отображен? и т. д.).

Очень фрагментарно мы знаем и американский период его творчества, который реконструируется по наследию, хранящемуся в Музее-архиве русской культуры в Сан-Франциско (прежде всего по иллюстрациям и открыткам нью-йоркского издателя Мартьянова). Часть картин Константина Кузнецова выкупила русская эмигрантка Соня Коулфакс, с которой художник познакомился в 1950-е гг. Также

¹⁰ Например, в РГАЛИ (ф. 2041, оп. 1, д. 199) есть карикатура Кузнецова «Пленные немецкие солдаты и офицеры под конвоем казака»: но в каком издании она была опубликована — неизвестно, да и биографические данные о Кузнецове приводятся неверные.

¹¹ Английское и немецкое названия комедии У. Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается».

¹² Создав для этих целей денежный фонд совместно с генералом П.И. Глазенапом.

необходим внимательный анализ газет и журналов калифорнийского региона, где, несомненно, нас ждут еще открытия...

Биографические исследования обязательно включают в свою орбиту и других участников творческого процесса. Так, когда речь идет о комиксе, очень важной является биография человека, чья жизнь и деятельность часто пересекались с Константином Кузнецовым, — сценариста Павла Полякова (1902–1991).

Павел Сергеевич Поляков оставил значительный след в истории югославского комикса, хотя и не был художником. Его писательский и переводческий талант превратил рисунки Константина Кузнецова в настоящее чудо. Павел Поляков был не просто переводчиком, а переводчиком-поэтом, поэтом даровитым, тонко чувствующим текст и чутко улавливающим культурологические различия, поэтому его переводы-адаптации отличаются не банальным буквализмом, а являются творческой обработкой классических текстов, сохраняя их стиль и атмосферу. Это совсем непросто, если учитывать, что переводил Поляков для графических романов такие тексты, как сказки А.С. Пушкина и П. Ершова.

Официально считается, что Павел Поляков родился 7 (20) декабря 1902 г. на отцовском хуторе Разуваев станицы Островская Усть-Медведицкого округа Области войска Донского¹³. Хотя в некоторых биографических справках местом рождения П.С. Полякова ошибочно указывается станица Березовская — место, где он рос и которое он часто вспоминает в своих стихотворениях. Судьба его, кадета Донского императора Александра III кадетского корпуса в Новочеркасске, была похожа на многие эмигрантские судьбы: пройдя Крым и Грецию, он осел в Королевстве СХС — сначала вместе с корпусом в маленьком словенском городке Стрниште¹⁴, затем — с корпусом же, который переехал на новое место пребывания, — в герцеговинском местечке Билеча и лишь в 1926 г., уже будучи выпускником, Поляков перебрался в Белград, где стал студентом университета, а по его окончании был принят в Министерство просвещения Югославии в качестве дежурного (дневничара), а также подрабатывал редактором в пресс-бюро при Парламенте королевства.

Биография Павла Полякова доюгославского и начального югославского периодов устанавливается на основании довольно надежных фактов: это списки учащихся корпуса, кадетские рукописные журналы, где стоит его подпись (он также сочинитель гимна корпуса). Однако деятельность Полякова как переводчика и поэта недостаточно исследована¹⁵. Мало знаем мы и о его политической активности¹⁶, хотя на основании журналов «Казацкая вольница», где регулярно публиковались сведения о белградских казаках, можно составить сравнительно верное впечатление о его роли в руководстве белградского казачьего круга. Впрочем, эти

¹³ Сейчас Даниловский район Волгоградской области.

¹⁴ Ныне город Кидричево в Республике Словения.

¹⁵ Известно, что он переводил Пушкина и Гоголя для издателя Б. Месаревича и издательского дома «Геца Кон» и др. Стихи Полякова печатались в Софии, Праге, Париже.

¹⁶ Он поддерживал националистические идеи о формировании суверенного государства свободных казаков — Казакии. См. более подробно: [Арсеньев 2010].

свидетельства поддерживаются и данными Министерства внутренних дел, которое несколько раз задерживало активистов движения и среди них Павла Полякова. Трое были вынуждены покинуть страну, а Поляков, отсидев положенный административный срок наказания, был отпущен под надзор полиции¹⁷. В документах полиции указано, что Павел давно не активен в среде казачества, хотя в «Казачьей вольнице» он именуется руководителем казачьего движения Белграда. Одно несомненно — Павел Поляков был не только поэтом, переводчиком и сценаристом комикса, но и политически активным человеком.

Деятельность Полякова в период оккупации Белграда также мало известна, однако бесспорным является тот факт, что он продолжает сотрудничать и дружить с Кузнецовым (совместно они создают комикс «Петр Великий»), с которым, вероятно, и покинул Белград в 1944 г., а затем оказался в австрийском лагере для перемещенных лиц и позже переехал в Германию, в Мюнхен. Предположение о совместном уходе из Белграда основано на похожем маршруте, хотя никаких подтверждающих эту версию документов у нас нет. Отдельного исследования требует роль Полякова как сценариста агитационных текстов для уже упомянутых анти-масонской и антикоммунистической выставок в Белграде.

В Германии Павел Поляков переводит, пишет стихи и сказки в стихах¹⁸. Несмотря на то что германский период его жизни известен, до сих пор нет полной библиографии его творчества. Поэтому утверждение А. Арсеньева, что Поляков — «...выдающийся поэт донского казачества в эмиграции, о биографии которого не собраны еще данные, а также отсутствует оценка его политической и культурной деятельности» [Арсеньев], к сожалению, верно и сегодня.

Имя П. Полякова стало известно в России в начале 1990-х гг., когда несколько стихотворений поэта вошли в антологию «У Донского казачьего заграничья» (Ростов-на-Дону, 1994). На Дону публиковались и сборники его стихотворений [Поляков 2001; 2007].

Умер Павел Поляков 30 октября 1991 г. в доме для престарелых в местечке Фрейсинг в Баварии, оставив в наследство дочери роман «Смерть Тихого Дона», который хранился у нее до 2005 г. В этом же году роман был подготовлен к печати благодаря содействию исследователя истории казачьего зарубежья К. Хохульникова и вышел в свет в 2006 г.

В Сербии имя Павла Полякова вспомнили в 1999 г., когда Ненад Петрович и студия «Janus» отреставрировали комиксы «Золотой петушок» и «Сказка о царе Салтане».

Приблизительно так же сложно восстанавливаются и биографии остальных создателей комикса. Дополнительные сложности связаны с тем, что сами художники, сценаристы, издатели часто скрывали данные о себе. Например, издатель Анатолий Иванович Прицкер изменил фамилию на Иванович; издатель Александр Ефимович Ивкович взял фамилию жены, и мы до сих пор не можем уста-

¹⁷ См.: [Арсеньев], а также: АЮ. Ф. 66; Ф. 74.

¹⁸ Стихотворные сказки «Три брата» и «Олень», поэма «Дядя Янош» (1957), а также сборники «Лирика» (1958), «Veni, vidi, vale» (1972) и «Отава» (1981).

новить его настоящую фамилию¹⁹, а следовательно, не можем восстановить и его биографию, несмотря на то что наследники Ивковича живы; совершенно непонятно, кто из художников скрывается под именем Ана Лю, и т. д.

Приходится задействовать все возможные источники, проверяя каждый из них, поскольку даже свидетельства самих комиксистов или их детей не дают полной уверенности в том, что они правильны. Так, в воспоминаниях дочери Алексея Борисовича Ранхнера (1897–942) Наталии указано, что родители — Алексей Ранхнер и Лидия Естифьева (в первом браке Бойно-Родзиевич²⁰) встретились и сочетались браком на ледоколе, покидавшем, перед наступлением большевиков, Архангельский порт, но сама Лидия Павловна в анкете пишет, что попала на территорию Югославии с дочерью Зоей через Норвегию, поскольку числилась медсестрой в армии генерала Миллера, а с мужем познакомилась в 1922 г., когда работала в отделении Государственной статистики в Белграде²¹. Что косвенно подтверждается и другими документами.

В настоящее время полностью уточнены дата и место рождения Анатолия Ивановича Прицкера (отчество Иванович стало его официальной фамилией в 1934 г.)²², хозяина крупного издательства «Народное просвещение» («Народна просвета»)²³, его жизнь периода до эмиграции, прибытие и жизнь в КСХС/Югославии, однако совсем ничего неизвестно о его жизни в период оккупации (кроме того, что он был в Венгрии) и совсем мало о южноамериканском периоде (особенно о венесуэльском).

Более или менее подробно известны жизнь и творчество Николая Павловича Навоева (1913–1940), а недавно его родственники, ныне живущие в России, предоставили его детские фотографии.

Биография основателя югославского комикса Юрия Павловича Лобачева (1909–2002), хотя и наиболее известна — он оставил великолепные воспоминания, тем не менее нуждается во многих уточнениях. Например, мало сведений о жизни художника в период оккупации Югославии, а также о депортации из страны и пребывании в Румынии. Своего исследователя ждут судьба и литератур-

¹⁹ Александр Ефимович Ивкович родился в Одессе 2 февраля 1894 г., но его настоящая фамилия неизвестна: фамилия Ивкович была взята после брака с сербкой Даринкой Ивкович, а буква Й (J), которую он ставил после имени, на самом деле была русской Е: его отца звали Ефим, хотя Ивкович во всех документах имя своего отца переводил на сербский. Так появился серб Александр (Йефта) Ивкович.

²⁰ Бойно-Родзевич Сергей Аркадьевич (1883 — до 1978) — генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской войн, а также Белого движения в Сибири.

²¹ АЮ. Ф. 95. Досье Einwandererzentrale-Nord-Ost, Lutzman-stad.

²² О. Джурич в своей книге «Русская литературная Сербия» предполагает, что, меняя фамилию, Прицкер пытался скрыть свое еврейское происхождение. Внучка Анатолия — Валерия свидетельствует, что дед был караимом, а фамилию изменил по требованию жены перед браком. Между тем, скорее всего, Прицкер сменил фамилию, чтобы избежать путаницы, т. к. по традиции сербы были склонны принимать отчество за фамилию (так Сергей Головченко в свое время стал Сергеем Мироновичем).

²³ Жизнь издательства была долгой, и вплоть до начала 90-х гг. XX в. это было самое крупное югославское издательство, правда, утратившее в социалистические времена слово «народное» и ставшее просто издательством «Просвета».

ное творчество сценариста Вадима Павловича Курганского (1908–1975), в 1951 г. уехавшего в США.

На основании архивных анкет Сергея Мироновича Головченко (1898–1937) из Белграда и Загреба удалось уточнить дату и место его рождения²⁴. Если ранее местом его рождения ошибочно считали Петербург, иногда — Иркутск²⁵, то теперь точно известно, что художник родился 28 ноября 1898 г. в Одессе на Пересыпи.

Восстановлены одесский и харьковский периоды жизни художника комикса Алексея Борисовича Ранхнера (1897–1942). Остаются открытыми его участие в Сербском добровольческом корпусе (о котором он упоминает в анкете, хранящейся в Военном архиве Белграда) и вопрос о его деятельности в период оккупации. Установлена дата кончины Алексея Ранхнера — 12 октября 1942 г. Причиной смерти был сердечный приступ, хотя довольно долго существовало несколько версий его кончины: говорилось, что Ранхнера убили из-за сотрудничества с правительством Недича (наряду с именем Константина Кузнецова имя Ранхнера упоминается в связи с плакатами, нарисованными для антимасонской и антикоммунистической выставок в Белграде²⁶). Иная версия гласит, что Ранхнера убили белградские подпольщики, поскольку он служил во вспомогательной полиции — *Hiro Waffen SS*. Здравко Зупан, опираясь на воспоминания Ю.П. Лобачева, утверждает, что художник был найден мертвым в октябре в одном из оврагов на Карабурме, куда он упал в пьяном состоянии и замерз насмерть [Зупан 1999]. И только недавно был найден некролог, который дочери Ранхнера — Наталья и Марина — опубликовали в газете «Новый путь»²⁷.

Нам удалось найти отчество художника Сергея Соловьева (1901–1975) — Васильевич, что помогло обнаружить в Италии документы о его кончине и уточнить место захоронения. Изучением галлиполийских рукописных журналов началось постепенное восстановление раннего периода жизни художника²⁸. К сожалению, многие вопросы его биографии, прежде всего связанные с периодом оккупации Югославии, остаются открытыми.

Немало моментов из биографии Ивана Ивановича Шеншина уже не представляют загадку. База данных М.Ю. Сорокиной, которая занималась исследованием судьбы и научного наследия брата Ивана Шеншина — Алексея Ивановича Шеншина, позволила дать ответы на ряд вопросов российского периода жизни братьев. Увы, найти фотографии Ивана мы не смогли, а его биография периода оккупации требует значительных уточнений. Считается, что он был расстрелян 16 ноября 1944 г. за сотрудничество с оккупантами, которое выражалось в том,

²⁴ АЮ. Ф. 14. П. 79.

²⁵ Так указано в некрологе, подписанном полковником Фурманом, в журнале «Часовой» (1938, № 206). Впрочем, этот город появляется в биографии Головченко не случайно: здесь Сергей окончил военное училище. Белградский некролог в газете «Время» (11 ноября 1937 г.) в качестве места рождения упоминает Омск, белградская газета «Правда» сообщает об Одессе.

²⁶ Судя по анкете Лидии Павловны Ранхнер, ее дочь Марина Ранхнер также рисовала плакаты для выставки и числилась в штате Агитационного отделения Отдела пропаганды «Юго-Восток».

²⁷ Новый путь. Белград, 1942. 18 окт. № 37.

²⁸ Исследуется и галлиполийский период жизни С.М. Головченко и Н.И. Тищенко.

что после закрытия журнала «Микиево царство»²⁹ Иван Шеншин рисовал иллюстрации к сказкам Г.-Х. Андерсена и братьев Гримм для издательства «Юго-Восток» («Südost»). Но есть сведения, что Шеншин вместе с Кузнецовым участвовал в создании агитационных мультфильмов в этот период, однако никакого документального подтверждения эти факты не имеют. Вообще период оккупации Югославии (и выезд из страны) — всегда самый сложный для биографа период. Документов сохранилось мало, а в своих воспоминаниях (если они были) авторы пытались умолчать или пропустить это время.

Несмотря, например, на то, что мы довольно хорошо знаем биографию Владимира Ивановича Жедринского (1899–1974), известного художника, сценографа и театрального деятеля, периоды его жизни в Белграде, а затем в Загребе во время войны, и выезд из Югославии в Марокко требуют дополнительных сведений.

Также сложно восстанавливается этот период жизни художника и карикатуриста Николая Ивановича Тищенко (1906 — 1990-е). Долгое время считалось, что он погиб в 1941 г. Исследователь сербского комикса Слободан Ивков сообщает, что после бомбежки Белграда 6 апреля 1941 г. о Тищенко нет никаких сведений, что позволяет сделать выводы о его гибели во время обстрела [Ивков 1999]. На самом деле благодаря исследованию А. Арсеньева³⁰ известно, что еще во время войны художник выехал из Белграда и до начала 1950-х гг. жил в Берлине. Переезд Тищенко из оккупированной Сербии в нацистскую Германию вызывает много толков и догадок. Чаще всего строится предположение о его сотрудничестве с фашистами, но никаких фактов, подтверждающих это, не обнаружено; впрочем, как нет и сведений, опровергающих такое сотрудничество. В начале 1950-х гг. Тищенко переехал в Бразилию, где занимался карикатурой, сотрудничал с крупными газетами. О бразильском периоде его жизни мы знаем мало, хотя есть данные, что он переписывался с Сергеем Соловьевым, с которым его связывала тесная дружба еще с Галлиполи. Мы знаем, что Николай Тищенко скончался в начале 1990-х гг. в городке Сальвадор-Байя, где и похоронен, но установление точной даты его смерти — дело будущего.

Многое сделано для восстановления биографии Всеволода Константиновича Гулевича (1903/04–1964): опираясь на письмо его сына А.Б. Арсеньеву, удалось выяснить точную дату и место рождения: Всеволод Константинович Гулевич родился 21 декабря³¹ 1903 (3 января 1904) г. в уездном городке Соколка (между Белостоком и Гродно), где в то время стоял 63-й пехотный Углицкий генерал-фельдмаршала Апраксина полк, в котором служил его отец. Будущий художник учился в Полоцком кадетском корпусе, а в эмиграции оказался в 1920 г. в составе Крымского кадетского корпуса, который после эвакуации из Крыма нашел приют сначала в Горажде, а затем в маленьком городке Стрниште, близ г. Птуй (сейчас Республика Словения). По окончании корпуса Гулевич поступил в Николаевское кавалерийское училище в сербском городе Бела-Црква и вышел корнетом в Грод-

²⁹ Журнал был закрыт в начале войны.

³⁰ Во вступительной статье к комиксу в серии «Златно доба» издательства «Комико» (Нови-Сад).

³¹ Указывается и иная дата — 23 декабря.

ненский гусарский полк. Впрочем, о бытовании гродненских гусар в Югославии сведений практически нет. Очень мало сведений о его жизни в оккупированной Югославии, хотя мы знаем, что Гулевич вместе с Кузнецовым сотрудничал в журналах правительства Недича и в 1944 г. вместе с супругой и сыном Владимиром покинул страну. Информация о жизни Гулевича после отъезда из Югославии очень скудна. Долгое время даже считалось, что он погиб в 1944 г. На самом деле в этом году семья Гулевичей переехала сначала в Осиек, затем в Вену, а затем в Зальцбург, где художник зарабатывал рисованием портретов представителей зальцбургской знати и почетных граждан и иллюстрированием молитвенников и икон для католического издательства. В 1949 г. он уезжает из Европы в США, в Нью-Йорк. Всеволод Гулевич скончался в марте 1964 г. и похоронен неподалеку от Нью-Йорка на кладбище Ново-Дивеевского Успенского православного женского монастыря вместе с супругой — Натальей Георгиевной³² и братьями — Сергеем, Александром и Николаем.

Восстановление биографий — процесс медленный, требующий кропотливой работы, но дающий полную картину жизни и творчества человека, что само по себе драгоценно. Самое главное в этом процессе — тщательная проверка даже кажущихся надежными данных и умение признать предыдущие сведения ошибочными. Что не всегда бывает легко, но возвращается сторицей, принося россыпь удивительных открытий, которые делают личность не просто ходячим персонажем, а творчество обогащают новыми гранями.

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии

ИАБ — Исторический архив Белграда

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Арсеньев 2010 — *Арсеньев А.* Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. 2010. № 259. С. 121–124.

Арсеньев — *Арсеньев А.* Павел Сергеевич Поляков (1904–1981) // Растко: [электронная библиотека сербской культуры]. URL: http://www.rastko.rs/strip/arsenjev-poljakov_c.html (дата обращения: 10.09.2019).

Зупан 1999 — *Зупан З.* Златно доба српског стрипа или Стрип у Србији 1935–1941. Београд, 1999.

Зупан, Драгинчић 1986 — *Зупан З., Драгинчић С.* Историја југословенског стрипа 1. Нови Сад, 1986.

Ивков 1999 — *Ивков С.* Мала историја српског стрипа. Београд, 1999.

Красный террор 2010 — Красный террор глазами очевидцев / сост., предисл., примеч. С.В. Волкова. М., 2010.

Поляков 2001 — *Поляков П.С.* Господь казаков воскресит. Ростов н/Д, 2001.

Поляков 2007 — *Поляков П.С.* Казачья слава и печаль. Ростов-н/Д, 2007.

Ракочевич 1996 — *Ракочевич Б.* У служби стрипа и — окупатора // Политика. 1996. 9 авг. С. 9.

³² Ее отец — Георгий Иванович Елчанинов, генерал-майор, был последним командиром 12-го Ахтырского гусарского полка.

Н.В. Бондарев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИНТЕРНА НА БАЛКАНАХ В 20-е гг. XX в.
(НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИЙ В.Н. САКУНА
И Б.Л. РУДИНОЙ-ФОСС)

Сюжеты из жизни российских эмигрантов первой волны, которых, конечно, правильнее называть не эмигрантами, а апатридами, — людьми, насильственно лишенными родины, стали неотъемлемой частью отечественной биографики как минимум со второй половины 80-х гг. XX в. Определенное время понадобилось на то, чтобы утвердить и легитимизировать Белград в качестве одного из главных центров русской эмигрантской жизни в Европе, наряду с Парижем, Берлином и Прагой, — в 1990-е гг. этот факт нам, балканистам, приходилось доказывать, зачастую с боем («в Югославии собрались одни клерикалы и маргиналы, незачем их обсуждать» — слова, сказанные автору этих строк неким общепризнанным специалистом по эмиграции на конференции в МГУ в 1998 г.). Однако благодаря усилиям российских ученых — В.А. Тесемникова, В.И. Косика, О.Н. Решетниковой, Е.А. Бондаревой, а также «сербских русских» — потомков эмигрантов первой волны, прежде всего А.Б. Арсеньева и А.В. Тарасьева, к концу 2000-х история эмиграции на Балканах была окончательно и бесповоротно введена в российский научный обиход. Решающим моментом в этом процессе, как нам представляется, стала публикация на русском языке фундаментальной монографии Мирослава Йовановича «Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940» (2006) и подготовленного им же многотомного сборника документов «Москва — Сербия, Белград — Россия: документы и материалы» (2009–2017). На сегодняшний день работы общего характера по истории российской эмиграции на Балканах — это уже, так сказать, научный «мейнстрим», которым никого не удивишь, зато получили развитие исследования по отдельным, более узким темам внутри данного направления, появляются специальные монографии о русских историках в Югославии (Е. Бондарева), русских художниках-комиксистах (И. Антанасиевич). Это, вне всяких сомнений, отрадная тенденция.

Однако, вынуждены мы констатировать, на фоне интереса к «белым русским» на Балканах в тени остаются «красные русские», идет ли речь об идейных коммунистах среди российских эмигрантов или о деятельности эмиссаров Москвы (советская разведка, инструкторы Коминтерна и т. д.). Надо сказать, что и при советской власти на эту тему писали немного, но кое-какие публикации все-таки появлялись. Из самых необычных и неожиданных — романы блистательного, рискнем сказать, *лучшего* отечественного переводчика с сербско-хорватского Ивана Дорбы (В.Д. Чеботаева) «Белые тени» (1981) и «Под опущенным забралом»

(1983), рассказывающие о миссии советского разведчика среди российской военной эмиграции в Югославии (есть основания полагать, что романы до некоторой степени автобиографичны).

В данной публикации мы рассмотрим биографии двух агентов Коминтерна, отправленных на Балканы для работы среди местных коммунистов в рамках операции «глубокого внедрения», — в обоих случаях агенты рассчитывали на получение югославского гражданства и должны были остаться в Королевстве Югославия надолго, если не навсегда. Планам этим не суждено было сбыться — миссия закончилась провалом, агенты были спешно отозваны в Москву.

Для начала буквально несколько слов скажем об истории югославской компартии и положении коммунистов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1928 г. — Королевство Югославия). Социалистическая рабочая партия (коммунистов) Югославии — СРПЮ(к) — была создана в 1919 г. на парламентских выборах 1920 г. показала отличный результат, заняв третье место после проправительственных Демократической и Радикальной партий. Однако уже в конце 1920 г. компартию высочайшим указом короля Александра Карагеоргиевича объявляют вне закона, и югославские коммунисты на последующие 25 лет переходят на нелегальное положение. Все эти годы проходят в постоянных и непрерывных фракционных дразгах, обусловленных как многонациональностью Югославии, сложностью и болезненностью национального вопроса, так и противостоянием между «правыми» (наследовавшими австро-марксистскую традицию) и «левыми» (абсолютизовавшими опыт первых лет построения социализма в советской России). При этом поддержка компартии среди широких народных масс постоянно снижалась — от 130 000 членов и третьего места на выборах в 1920 г. до 200 членов партии и 300 человек сочувствующих в 1939 г.¹ В силу всех этих причин югославская компартия была постоянным объектом критики руководства Коминтерна; как сказал Г. Димитров Иосипу Брозю Тито в 1938 г., «все в вашей партии фракционеры и сами вы фракционер» [Бондарев 2018, с. 235].

Логичным решением в сложившейся ситуации стала посылка в Югославию наделенных широкими полномочиями инструкторов Коминтерна, не являющихся уроженцами этой страны, с целью оздоровления положения внутри партии. Один из первых таких коминтерновских посланцев — болгарин Иван Караиванов (Генчев), правда, незапланированной руководством Коминтерна помехой стало настроенное отношение сербов к болгарам (после трех войн этих народов друг с другом за тридцать с небольшим лет). Также среди агентов Коминтерна можно отметить Геворка Саркисовича Алиханова (Алиханяна) — не только высокопоставленного сотрудника Коминтерна и близкого друга Тито, но и отчима советской диссидентки-правозащитницы Елены Боннэр. В фокусе нашего небольшого исследования тем не менее оказываются не Караиванов и Алиханов, а два других коминтерновца — В.Н. Сакун и Б.Л. Рудина-Фосс. Этих, столь различных людей если что-то и объединяло, то исключительно авантюрный склад характера.

¹ См. об этом: [Бондарев 2018, с. 258].

Владимир Николаевич Сакун

И — до некоторой степени — тот факт, что с конца 1930-х гг. их жизнь, как говорится, пошла под откос. Но обо всем по порядку.

Владимир Николаевич Сакун родился в 1902 г. в Красноярске, причем в некоторых анкетах он утверждает, что по происхождению — рабочий, а в других — из дворян². Удивительным образом и то и другое — правда. Его отец, Николай Олимпиевич Сакун, был мелкопоместным дворянином Черниговской губернии, в ранней юности увлекшимся народническими идеями и ушедшим из дома, чтобы жить жизнью простого рабочего; мать же — неграмотная дочь путевого обходчика³. Таким образом, социалистические идеи Владимир Сакун усвоил с младых ногтей. В возрасте 18 лет он вступил в ВКП(б), сразу же был отправлен на учебу в Сибирскую партшколу в Омск. После окончания школы работал инструктором в Омском губревкоме, затем уполномоченным по продразверстке. В 1922 г. Сакун направлен на работу в Черемховский район Иркутской области, в батальон частей особого назначения (ЧОН), где был политкомиссаром. Боролся, по его собственным словам, с «недобитыми беляками, бандитами и хунхузами»⁴. В 1924 г. направлен для дальнейшего обучения в Москву, в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, готовивший руководящие кадры для Советского Союза и зарубежных компартий.

Именно в стенах «свердловского университета» произошла судьбоносная встреча Сакуна с будущей супругой, югославской коммунисткой македонского происхождения Малиной Поп-Ивановой (коминтерновский псевдоним — Галкина Елена Николаевна)⁵. Точная дата их вступления в брак неизвестна, однако в материалах личного дела указывается, что начиная с 1926 г. Сакун стал много времени проводить с югославскими коммунистами и пытался самостоятельно учить «югославский язык»⁶. Был ли этот брак обусловлен внезапно вспыхнувшим чувством или же Сакуна и его жену Малину изначально планировали засылать в Югославию как семейную пару — вопрос открытый. Можем лишь констатировать, что использование в качестве разведчиков и разного рода нелегалов семейных пар — хорошо известная тактика и советской разведки, и Коминтерна. Хрестоматийный пример — неудачное восстание в Бразилии в 1935 г., курировать которое из Москвы были направлены четыре семейные пары: Павел Стучевский — Софья Стучевская, Луис Карлос Престес — Ольга Бенарио, Артур Эверт — Элиза Эверт-

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 2, 12.

³ Там же. Оп. 65а. Д. 12500. С. 25–26.

⁴ Там же. Оп. 277. Д. 1844. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Оп. 65а. Д. 12500. С. 27.

Соборовская и Франц Грубер — Хелена Крюгер, причем Стучевские являлись сотрудниками советской военной разведки, а остальные — Исполкома Коминтерна (по крайней мере формально). Принципиально важно, что во всех этих случаях речь идет не о фиктивном браке, а о переплетении любви и политики, как в хорошем приключенческом романе с очень печальным, трагическим финалом⁷. По той же схеме строилась работа семейной пары Брайны Рудиной-Фосс и Альфреда Бергмана, о которых мы подробно расскажем далее (кстати говоря, их также собирались отправить поднимать революцию в Бразилию).

Малина Поп-Иванова

Как бы то ни было, 19 марта 1928 г. делегация компартии Югославии на IX пленуме Исполкома Коминтерна (далее — ИК КИ) направляет официальное обращение в «узкую комиссию секретариата ИК КИ» о том, что члены делегации считают возможным «использовать на постоянной партийной работе в Югославии тов. Владимира Сакуна, оканчивающего в нынешнем году Свердловский университет. Тов. Сакун старый член ВКП(б) и сам выразил пожелание работать в нашей партии. Правление Свердловского университета не возражает против поездки тов. Сакуна в Югославию, и мы просим отправить его туда в таком же порядке, в каком откомандировываются обратно в Югославию другие югославские студенты Свердловского университета»⁸. Сакун переходит в распоряжение ИК КИ, выводится из рядов ВКП(б) и принимается в компартию Югославии. Летом 1928 г. вместе с супругой Владимир Николаевич Сакун прибывает в Загреб, где ему предстоит поселиться.

Одним из первых контактов Сакуна в Загребе оказывается Иосип Броз, будущий маршал Тито. По поводу их знакомства сербский историк Бранислав Глигориевич пишет: «Первый большой карьерный взлет Иосипа Броза тесно связан с миссией в Югославии коминтерновского инструктора Владимира Николаевича Сакуна, находившегося на Балканах под псевдонимом Миркович (или Милькович). Он довольно много времени провел в Югославии. Его заданием было выяснить, насколько жизнеспособна КПЮ после всех имевших место фракционных противостояний. Он был на многих партийных пленумах и совещаниях, много общался с активистами. В отчете, который он затем послал в Москву, особенно отмечается работа загребской парторганизации, деятельность которой обычно связывается с личностью Иосипа Броза. Карьерный скачок Броза, который до этого был простым профсоюзным функционером, связан именно с работой этого инструктора Коминтерна, на чьи указания о том, как надо организовать работу Партии, Броз постоянно ссылался во время VIII партконференции в Загребе...

⁷ Об этом см., например, статью «Коминтерн и ноябрьское восстание в Бразилии» в журнале «Родина» (2013, № 10, с. 71–80).

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 6.

Решения этой партконференции просто не могли бы быть приняты без прямой поддержки представителей ИК КИ» [Gligorićević 1992, s. 213–214].

Отметим, научной достоверности ради, что упомянутая партийная конференция состоялась в феврале 1928 г., стало быть, Сакун ни присутствовать на ней не мог, ни писать о ней в Москву. Но то, что знакомство с Сакуном придало новый импульс карьере Тито, — несомненно.

Также мы не можем согласиться с тем фактом, что Сакун пробыл в Загребе долго — приехал он, как уже говорилось, летом 1928 г., а в январе 1929 г. был вынужден вернуться в Москву. В записке, которую мы цитировали, речь идет о «постоянной партийной работе», да и сам Сакун рассчитывал на то, что ему удастся получить югославское гражданство и надолго остаться на Балканах, хотя у местных партийцев это его намерение вызывало большие сомнения⁹. Что же послужило причиной скорого отъезда Сакуна из Югославии? Далее вниманию читателей предлагается история, поверить в которую невозможно, если бы не подтверждающие ее архивные документы.

К октябрю 1928 г. Сакун освоился на новом месте настолько, что посчитал возможным собственноручно убить человека, причем без одобрения местных партийцев и без ведома Исполкома Коминтерна. Павший от руки Сакуна был, конечно, не случайной жертвой, а партийным курьером, юношей по имени Влатко Матович, которого загребские товарищи подозревали в работе на полицию, но точно в этом уверены не были. Сакун же считал, что с предателями и доносчиками церемониться не стоит и нужно решать вопрос быстро и четко, по-коммунистически. Здесь, вероятно, сказался его опыт продрозверстки и борьбы с хунхузами. Сакун несколько раз поднимал вопрос о необходимости устранения Матовича на партийных собраниях и, оставшись крайне недовольным тем, что партия ничего по этому поводу не может постановить, решил взять дело в свои руки. Сначала он, на свой страх и риск, «нанял для устранения полицейского агента каких-то двух мелких уголовников, иногда выполнявших поручения для компартии, имена которых он вспомнить не может, но они были братьями и фамилия их начиналась на букву “Б”»¹⁰. Братья «Б» задаток взяли, но исполнять поручение не спешили. Тогда Владимир Николаевич понял, что надеяться в этой стране ему можно только на самого себя, назначил Матовичу встречу поздно вечером в загребском парке Тушканец, где и убил потенциального провокатора. Причем пистолет ему достать не удалось, и Сакун был вынужден пользоваться «подручными средствами» (деталей убийства коминтерновские документы не содержат и, наверное, это к лучшему...) ¹¹.

Реакцию загребских товарищей на поступок Сакуна можно охарактеризовать как абсолютнейший, полнейший шок. В тот момент ликвидации однопартийцев для югославских коммунистов еще были в новинку (они войдут во вкус, но позже, к середине 1930-х гг.), опять-таки подобные важные решения не принимаются единолично и уж точно не исполняются товарищем из Москвы, «которому полиция

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 21–22.

и так дышала в затылок, потому что знала, что он русский и советский»¹². Также отметим, что супруги Владимира Николаевича в момент совершения им убийства в Загребе не было, она участвовала в четвертом конгрессе молодых коммунистов Югославии, проходившем в Дрездене. Будь она в тот момент с мужем, возможно, и до убийства дело не дошло бы. Отправка Владимира Сакуна из Югославии назад в Москву оказалась проблематичной, во-первых, потому что сам он уезжать категорически не хотел, во-вторых, потому что пути отступления для него отработаны не были. Тем не менее в ноябре из Москвы приходит директива — немедленно вернуть его на родину. Ближе к Новому году Сакуна вместе с супругой, которая также изначально отказывалась уезжать, удается переправить в Вену, а в конце января 1929 г. Владимир Николаевич и Малина уже были в Москве.

Логично предположить, что в Советском Союзе Сакуна ждут те или иные меры репрессивного характера. И действительно, в феврале его выводят из состава КПЮ и отправляют на «партчистку». Под «чисткой», однако, в те годы понимается нечто принципиально иное, чем в конце 1930-х гг., а именно: Владимир Николаевич Сакун приезжает в Крым и устраивается ответственным пропагандистом в трест «Крымкость» (обработка костей животных, изготовление клея, желатина и т. д.). Там он работает с февраля по октябрь 1929 г., в течении всего этого периода, собственно, и проходит «чистку» — органы партийного контроля разбирают его поведение и решают, что с ним делать, пока сам Сакун наслаждается красотами советской Тавриды. В октябре комиссия ВКП(б) полностью снимает с В.Н. Сакуна обвинения, он задним числом, с февраля 1929 г., восстанавливается в рядах партии и возвращается в Москву. И не просто в Москву, а на работу в Балканский секретариат Коминтерна, референтом которого он становится¹³. То есть несанкционированное убийство товарища по партии как метод политической борьбы было признано вполне правомочным как ВКП(б), так и Исполкомом Коминтерна.

Далее история Владимира Сакуна и его супруги делает очередной удивительный поворот, в который практически невозможно поверить. В октябре 1929 г., как раз, когда Владимир Николаевич был восстановлен в партии и Коминтерне, в СССР въезжает его тесть — Стефан Македонович Поп-Иванов, старый социалист и борец за независимость Македонии («говорящее» отчество он себе придумал сам). Прибыв в Советский Союз, Поп-Иванов сразу же (1 октября) арестовывается ОГПУ как полицейский провокатор и вероятный шпион, — собственно, его и выманили в Москву именно для ареста. 3 марта 1930 г. Стефан Поп-Иванов был приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу за шпионскую деятельность, 6 марта приговор приведен в исполнение¹⁴. В материалах дела против Стефана Поп-Иванова значится, что полицейскими провокаторами были и два его сына, Иван и Цеко¹⁵. Иван сгинул в середине 1930-х гг. при невыясненных обстоятельствах, а

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Жертвы политического террора в СССР, см.: <http://lists.memo.ru/d27/f35.htm> (дата обращения: 17.09.2018).

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 17, 20.

Цеко Поп-Иванов — личность чрезвычайно известная, поэт и драматург, издатель многочисленных литературных журналов, для очень молодой македонской литературы (самой молодой из славянских) он практически классик. В годы Второй мировой войны «Цеко брат Малины» примкнул к болгарскому коммунистическому повстанческому движению в Македонии, покончил жизнь самоубийством накануне входа в Скопье югославских партизан Иосипа Броза Тито [Ристовски 1989, с. 394–427].

Что касается Сакуна и Поп-Ивановой, то арест отца Малины никак не сказался на их судьбе, скорее, наоборот, сыграл сугубо положительную роль. Несмотря на тестя-шпиона и свояков-провокаторов, Владимир Николаевич благополучно работает в Коминтерне с 1929 по 1933 г., его супруга в это время преподает в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

История «Стефана Македоновича» и сама по себе, и в контексте биографии В.Н. Сакуна вызывает закономерные вопросы. Ликвидацию, которую Сакун осуществил в Загребе, партия посчитала не вполне правомочной (затем сняла обвинения, но в 1937 г. снова к ним вернулась). При этом само Советское государство, в лице ОГПУ, в отношении злосчастного «Македоновича» действует в рамках столь же диких представлений о морали — заманить, убить, без детального выяснения обстоятельств, без права на защиту. Второй момент, мимо которого, на наш взгляд, нельзя пройти, — есть вероятность, что прощение всех грехов и работу в Коминтерне Владимир Сакун получил в благодарность за привлечение (заманивание) в СССР своего тестя. Мы не можем однозначно утверждать, что это было именно так, но подобное объяснение «непотопляемости» Сакуна в 1929–1930 гг. представляется нам вполне логичным.

Работа Сакуна в балканском ландсекретариате Коминтерна сопровождалась рядом скандалов, которые детально разобраны в его личном деле, но у нас нет возможности рассмотреть их в рамках этого небольшого исследования. Констатируем лишь, что в 1933 г. В.Н. Сакуна увольняют из Коминтерна и отправляют на работу директором машинно-тракторной станции в Омской области, куда с ним отправляется и Малина Поп-Иванова. В 1937 г. обоих арестовывают, Сакуна ставят в вину и убийство Матовича в Загребе, и аморальное поведение в годы работы в ИК КИ, и пропажи документов из коминтерновского архива, и антисоветские разговоры с персоналом машинно-тракторной станции, и много что еще¹⁶. Казалось бы, на этот раз ему не ускользнуть из «ежовых рукавиц» советского правосудия. Однако же Владимир Сакун обладал каким-то совершенно фантастическим запасом удачливости. В 1939 г. его, равно как и Малину Поп-Иванову, выпускают из тюрьмы. Часть обвинений против супругов снята, в партии, правда, они не восстановлены, но им разрешено проживать везде, кроме столиц, и даже занимать руководящие должности среднего звена. Так, Сакун становится директором лесхоза в селе Червишево Тюменской области, а его супруга там же учителем¹⁷.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 26–27.

¹⁷ Там же.

В 1942 г. В.Н. Сакун был призван на фронт. В очередной раз его жизнь оказалась под угрозой, но он снова сумел устроиться наилучшим для себя образом, оказавшись старшим лейтенантом интендантской службы 12-й зенитной дивизии 1-го Белорусского фронта. Награжден в 1944 г. орденом Красной Звезды с формулировкой «в условиях боевой обстановки своевременно обеспечивал полк боеприпасами и продовольствием, в результате чего полк сбил 54 самолета противника». В 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги», с формулировкой «проявил большую энергию и старание в обеспечении личного состава батальона полноценным питанием»¹⁸. Здесь можно было бы сыронизировать по поводу боевых заслуг Сакуна, но мы этого делать не будем.

В 1945 г. Владимир Сакун возвращается в село Червишево на довоенную должность и начинает бомбардировать областные и центральные партийные инстанции требованиями восстановить его в коммунистической партии. До 1948 г. он подчеркивает свое знакомство с Тито, после 1948 г. пишет, что он и его жена пострадали от Тито и его клики еще в 1920-х гг.¹⁹ Однако в партии его не восстанавливают ни в сороковых, ни в пятидесятых, ни в годы хрущевской «оттепели», и только после отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. Сакуна полностью реабилитируют и восстанавливают в КПСС, причем с зачетом непрерывного партийного стажа с 1920 г. После чего он в одночасье из директора леспромхоза становится директором областного лестреста и переезжает жить в Тюмень. На пенсию В.Н. Сакун выходит в 1971 г. всеми уважаемым старым партийцем²⁰. Год его кончины нам не известен. Супруга Сакуна Малина скончалась в 1954 г., на исторической родине считается жертвой политических репрессий, имя Малины Поп-Ивановой носит средняя школа в ее родном македонском городе Кочани.

История с «ковбойским» поведением В.Н. Сакуна в Загребе была далеко не единственным эксцессом подобного рода. Проанализировав провал на международном поле кадров «из народа», подобных Сакуну, руководство ВКП(б) и Коминтерна сделало определенные выводы. Как следствие, на работу в Коминтерн перешел фактический создатель советской внешней разведки (ИНО ОГПУ) Меер Абрамович Трилиссер, в Коминтерне работавший под именем Михаил Александрович Москвин. Трилиссер принес с собою другие методы работы, в частности, принципиально иной подход к «международным кадрам». На международном направлении стали использоваться люди, уже бывавшие за границей, хорошо знающие иностранные языки и бытовые реалии, умеющие адаптироваться к любой среде и не выглядеть белыми воронами ни в Берлине, ни в Белграде, ни в Багдаде. Одним из типичных выдвиженцев «эпохи Трилиссера» стала Брайна Львовна Рудина-Фосс (коминтерновский псевдоним Ольга Павловна Ненадова).

Рассматривая фотографии Брайны Рудиной, которых в личном деле немало, сложно поверить, что эта женщина, похожая на английскую аристократку, а точ-

¹⁸ Портал «Подвиг народа». Наградные списки, см.: <http://podvignaroda.ru/?#id=1001743014&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 18.09.2018).

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 26–35.

²⁰ Там же.

Брайна Львовна Рудина-Фосс. 11 июля 1902 г. Рига

нее сказать, на английских аристократок в исполнении Ванессы Редгрейв или Хелен Миррен, — дочь неграмотного еврея из белорусского местечка, как это утверждается в официальной биографии. Насчет неграмотности ее родителей, впрочем, у нас есть серьезные сомнения. Но прежде чем обратиться к биографии Рудиной-Фосс, необходимо отметить, что в российской историографии, будь то материалы по истории Коминтерна или исследования, посвященные Балканам, имя Брайны Львовны практически не фигурирует. В отличие от бывших югославских республик, где Рудина-Фосс по сей день имеет репутацию довольно скандальную, ее считают этакой коминтерновской Мата Хари. Последний раз автор этих строк столкнулся с подобным отношением к Б.Л. Рудиной-Фосс непосредственно на конференции «Проблемы биографики

русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия» — один из участников, председатель союза художников-комиксистов Сербии Зоран Стефанович, поведал присутствующим о том, что в юные годы написал киносценарий, действующими лицами которого были Брайна Рудина-Фосс и Адольф Мук. По жанру это была авантюрная комедия с погонями, перестрелками и переодеваниями. Не факт, что прожившая долгую и, судя по всему, не очень счастливую жизнь Рудина-Фосс заслуживает такого киноуплощения, впрочем, фильм по этому сценарию снят так и не был.

Итак, согласно официальной биографии, Брайна Львовна Рудина-Фосс родилась в 1902 г. в Риге. Отец ее — торговец дровами Линка Абрамович Рудин, уроженец местечка Пищалки Полянской волости Ошмянского уезда Виленской губернии (сегодня это территория Белоруссии), мать — Роха-Гита Якобсон, дочь сторожа из города Дагда неподалеку от Двинска (а это уже территория Латвии)²¹. В более ранней версии биографии, правда, Брайна Львовна указывает, что ее дед по отцовской линии «был учителем еврейского языка на деревнях», а отец «после военной службы женился на дочери писаря»²². То есть оба родителя хотя и принадлежали формально к крестьянскому сословию, вполне подпадают под определение «разночинной интеллигенции» и уж точно были людьми грамотными. В такой вариант социального происхождения Брайны Рудиной нам как-то легче поверить. Так или иначе, перебравшийся в Ригу еще в 1897 г. уроженец Виленской губернии Линка Рудин стал отцом пятерых детей — дочерей Брайны, Мириам и Рики, сыновей Якова и Самуила. Забегая вперед, отметим, что все отпрыски семейства Рудиных имели левые, просоветские политические взгляды, трое из них стали участниками гражданской войны в Испании, а после оккупации Латвии фашистами четверо из пятерых детей бежали в Советский Союз, это, собственно,

²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 183. С. 33–37.

²² Там же. С. 152–153.

все семейство, кроме младшей сестры Рики, которая еще в конце 1930-х гг. уехала с мужем в Америку²³.

С началом Первой мировой войны Линка Рудин перевозит свое семейство подальше от театра боевых действий, а именно в город Великие Луки, где с успехом развивает дровяной бизнес («в годы войны он очень обогатился»), покупает четырехкомнатный дом и бакалейную лавочку. В Великих Луках семья проводит пять лет и только в 1920 г. репатрируется в Ригу. За пять лет дети привыкли к жизни в России и русскому языку, порядки в независимой Латвии не вызывают у них восторга. Тем более что ни одну из сестер не принимают в высшие учебные заведения Риги из-за их еврейского происхождения, так, во всяком случае, пишет в автобиографии Б. Рудина-Фосс²⁴. Брайна и Мириам, а затем Самуил и Рика уезжают учиться в Берлин, благо их отец мог себе позволить оплачивать обучение детей за границей, пока не разорился в 1929 г.

Учеба в Германии для Брайны также была связана со значительными трудностями. «В Берлине меня не хотели допустить как иностранку без немецкой средней школы к экзаменам, — пишет Брайна Рудина, — поэтому в 1923 г. я перевелась во Фрейбург на юге Германии. Во Фрейбурге я проучилась до 1925 г., но там мне не хотели выдать диплом. С 1925 по 27 г. я заканчивала обучение в Вене. С 1927 года я работала врачом в разных больницах, т. к. меня как еврейку и иностранку часто не принимали в больницы. Работала в Страссбурге (Франция), Кобурге (Германия), где меня сняли с работы, после того, как на местных выборах победил кандидат от нацистов. В 1930 г. я, наконец, осела в Берлине...»²⁵

Выражая сочувствие Брайне Львовне в связи с ее вынужденно кочевой жизнью, отметим, что один немаловажный для нее город она в автобиографии упомянуть забыла. А именно немецкий университетский городок Йену, где в 1923 г. Рудина-Фосс познакомилась со своим будущим мужем, молодым коммунистом из Загреба Альфредом Бергманом (Bergman). В одном из коминтерновских документов она признает, что познакомилась с ним в Йене²⁶, но не уточняет, когда и при каких обстоятельствах, сам же Бергман в этом вопросе вполне однозначен: «Брайну Рудину я знаю по йенской партшколе с июня 1923 г.»²⁷ Йенская партшкола СДПГ (затем КПГ) была основана Розой Люксембург в 1911 г. для подготовки партийных кадров не только из Германии, но и из других европейских стран. В отличие от центральной партшколы в Берлине, йенская в 1920-е гг. имела формат более закрытый и была теснейшим образом связана с советской разведкой. В 1923 г. ее работу курировал Отто Браун (Braun), он же Карл Вагнер, на тот момент руководитель контрразведки КПГ, а в будущем — советский представитель в ставке Мао Цзэдуна, автор книги «Китайские заметки (1932–39)». Одной из слушательниц школы именно в 1923–1924 гг. была соратница и гражданская жена Брауна Ольга Бенарио, уже

²³ Там же. С. 33–37.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 34–35.

²⁶ Там же. С. 153.

²⁷ Там же. Д. 1891. С. 15.

упоминавшаяся выше как член «бразильской восьмерки» [Кочик 2004, с. 74–75]. В общем, хорошая подобралась компания в Йене в 1923-м...

Если мы принимаем как данность тот факт, что связь Брайны Рудиной с советской разведкой начинается не в 1930-х, а еще в 1923 г., это позволяет увидеть ее биографию, в том числе постоянные перемещения по Европе, в несколько ином ключе — молодая «медичка» вполне могла быть еще и курьером. Как бы то ни было, с 1930 г. Брайна Рудина работает в Берлине в разных больницах, в 1931 г. становится членом компартии Германии, «в ноябре 1932 г., — пишет она, — мне предложили расписаться с немцем для получения гражданства, т. к. надвигалась реакция. Расписалась с членом КПГ Густавом Фоссом, никогда с ним не жила, это был формальный брак. С приходом к власти Гитлера я ушла в подполье и продолжала работать — инструктором райкома, потом секретарем по агитпропу в районе Веддинг. В конце 1933 г. я по приказу Берлинского комитета выехала в Югославию, т. к. меня искало Гестапо в связи с обнаружением спрятанного оружия...»²⁸ Агитпроп и спрятанное оружие, однако, не то чтобы напрямую соотносятся друг с другом, видимо, Брайна Львовна что-то недоговаривает...

Но гораздо интереснее для нас другой момент — почему из фашистской Германии Брайна Рудина-Фосс бежит именно в Югославию? Понятно, почему не в хорошо ей знакомую Австрию — политически грамотный человек мог предвидеть неизбежность аншлюса. Но почему не во Францию, где эмигрантов-антифашистов принимают охотно, почему не в Чехословакию, президент которой Томаш Гарриг Масарик (Masaryk) тоже настроен антифашистски? Почему не в Америку, куда вскоре уедет с мужем ее сестра Рика? По собственному признанию Брайны Львовны, до момента приезда в Загреб она знала ровным счетом двух югославов — Альфреда Бергмана и некоего Войко Ивековича, врача, члена партийкейки берлинского района Вильмерсдорф (речь идет, судя по всему, о Хрвое «Войко» Ивековиче (Dr. Hrvoje Ivekovic), хирурге и фармакологе, достаточно известной в Хорватии фигуре²⁹). Здесь мы или признаем, что этому поступку нет логичного объяснения, или принимаем на веру «семейственную» теорию — Брайну Рудину направили в Загреб именно для того, чтобы она вышла замуж за Альфреда Бергмана и работала с ним в паре по «технической» части.

Ибо Альфред Бергман (конспиративное имя Ненадов Михаил Иванович) был как раз большим специалистом по тому, что в Коминтерне называлось «партийной техникой», т. е. по секретной и нелегальной части функционирования партии. Бергман родился в Боснии в 1901 г., его отец был железнодорожным служащим, до 1919 г. членом социалистической партии, после — коммунистической, в автобиографии Альфред с гордостью называет своего отца «профессиональным революционером». Бергман-младший окончил гимназию в Загребе, затем коммерческое училище в Вене и партийную школу в Йене³⁰. По отзыву одного из однопартий-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 183. С. 35.

²⁹ См.: <https://www.geni.com/people/Hrvoje-Ivekovi%C4%87/6000000024472391957> (дата обращения: 18.09.2018).

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1891. С. 1.

цев, «со студенческих лет Альфред Бергман работает по технике ЦК (курьер и вся конспиративная работа) у всех оргсекретарей. В 1934–35 гг. заведовал партийной техникой КПЮ»³¹. Также Бергман в 1920-е гг. осуществлял связь между болгарской политической эмиграцией и ЦК компартии Югославии по македонскому вопросу и отлично справился с этим заданием — хвалит его за это Иван Караиванов, который вообще редко кого хвалит³². В общем, пред нами человек опытный и неоднократно доказавший свою преданность коммунистическим идеалам.

В 1934 г. Бергман и Рудина-Фосс сочетаются в Загребе законным браком, Брайна Львовна получает вид на жительство в Югославии и собирается оформлять гражданство, также она автоматически становится членом КПЮ. Работать по специальности у нее не получается, но возвращается она в основном в кругах местных врачей, из которых многие учились в Вене, Праге и Будапеште. Недоброжелатели Брайны Рудиной, а они у нее, безусловно, были уже тогда, пишут, что «в Загребе она вела богемский образ жизни, скиталась по кафе, старалась знакомиться с коммунистами и симпатизирующими, членом Партии не была», собственно, и с Бергманом Рудина-Фосс познакомилась якобы в процессе «скитаний по кафе» — «во время каникул поехала в отпуск в Югославию и там познакомилась с Бергманом»³³. Авторы этих инсинуаций явно не в курсе знакомства Бергмана и Рудиной в йенской партшколе еще в 1923 г. Как бы то ни было, в 1934 г. происходит большой провал заградской парторганизации, бытует мнение, что именно по вине Бергмана — якобы он на партийные деньги купил подержанный фургон для перевозки нелегальной литературы из Вены в Загреб, хотя ему и говорили, что для этих целей лучше использовать арендуемый транспорт, который бы все время менялся³⁴. Вся «партийная техника» с Бергманом во главе, включая и Брайну Рудину, переезжает в Вену.

Поскольку личность самого Альфреда Бергмана слишком хорошо знакома югославской полиции, для операций в стране он использует супругу. «Работая в центральном аппарате в Вене, я неоднократно въезжала в Югославию со всякими поручениями от ЦК, — пишет Рудина-Фосс, — перевозила материалы, снимала квартиры для хорватских партийных кадров и т. д.»³⁵ Отметим также, что в ряде документов указывается, что в 1934–1935 гг. Бергман и Рудина-Фосс руководили партийной техникой *совместно*. А уже упоминавшийся сотрудник Отдела кадров Ко-

Альфред Бергман

³¹ Там же. С. 30.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 183. С. 38, 52.

³⁴ Там же. С. 32–33.

³⁵ Там же. С. 36.

минтерна Иван Караиванов, в целом благоволивший Бергману, констатирует, что «жена Бергмана много умнее и опытнее своего мужа. Бергман же вначале работал хорошо, но потом нагадил и потому его сняли и отправили на учебу в Москву...»³⁶

В августе 1935 г. Бергман и Рудина-Фосс въезжают в СССР, поселяются в принадлежащей Коминтерну гостинице «Люкс» на улице Горького, Бергман под фамилией Ненадов учится в Международной ленинской школе (МЛШ), причем рекомендует его к приему туда Иосип Броз Тито, утверждающий, что Бергман один из самых перспективных партийцев, а знает он его с 1924 г.³⁷ Брайна Рудина, под именем Ольга Ненадова, работает врачом в Клиническом институте инфекционных болезней в Сокольниках. Интересная деталь — именно Брайна Рудина знакомит Иосипа Броза с его второй женой, немецкой комсомолкой Люцией Бауэр (Иоганной Кёниг (Koenig))³⁸. Девушка эта, несмотря на юный возраст (22 года), была на подозрении у советского руководства как агент Абвера. Нам сложно сказать, то ли Брайна Львовна не знала о подозрениях в отношении Люси Бауэр, то ли, наоборот, знала и именно поэтому ее с Тито познакомила. В любом случае, судьба второй супруги Иосипа Броза трагична — въехала в Советский Союз в 21 год, вышла замуж за Тито в 22 года, расстреляна как немецкая шпионка в 23 года. Также отметим, что Тито недолго горевал по своей юной супруге, буквально через два месяца после ее ареста вступил в отношения с еще более юной словенской комсомолкой Гертой Хаас (Haas) [Бондарев 2018, с. 267]. Таков моральный облик типичного сотрудника Коминтерна.

Меж тем руководимый М.А. Трилиссером-Москвиным Отдел международной связи Коминтерна принял решение об отправке Альфреда Бергмана и Брайны Рудиной-Фосс как семейной пары в Бразилию, «товарищ Ненадов» по этому поводу даже начал учить португальский язык³⁹. К сожалению или к счастью, подготовленное Коминтерном ноябрьское восстание 1935 г. в Бразилии окончилось полнейшим провалом. Так называемая бразильская восьмерка, в том числе хорошо знакомые Рудиной Ольга Бенарио, Артур Эверт и Франц Грубер, были арестованы и замучены в бразильских тюрьмах. Посмотреть Бразилию Ненадовым не довелось. Как бы то ни было, очень скоро неудачная попытка захвата власти в Бразилии оказывается в тени испанских событий — в июле 1936 г. в Испании происходит военный переворот, страна раскалывается на республиканцев и франкистов, начинается затяжная гражданская война. Именно с целью отправки в Испанию «Ненадовы» покидают Советский Союз в декабре 1936 г. Однако в Праге их догоняет новая директива ИК КИ — Брайна Рудина поступает в распоряжение ЦК компартии Югославии, конкретно оргсекретаря Милана Горкича (Иосипа Чижинского), Альфред Бергман едет в Париж, чтобы там заниматься отправкой балканских коммунистов в Испанию⁴⁰.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 183. С. 16, 32.

³⁷ Там же. Д. 1891. С. 18.

³⁸ Там же. Личное дело Иосипа Броза Тито. Т. 2. С. 223–225.

³⁹ Там же. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1891. С. 101.

⁴⁰ Там же. Д. 183. С. 36.

Брайна Львовна оказывается участницей сложной внутрипартийной интриги: глава КПЮ Милан Горкич пытается оттеснить от конкретной работы в стране Иосипа Броза, который уверенно движется к тому, чтобы сместить Горкича и самому стать первым лицом в партии. Изначально именно Иосип Броз («товарищ Вальтер») должен был руководить отправкой добровольцев из Югославии в Испанию, но Горкич решает поручить это важнейшее задание своему приятелю, парикмахеру из черногорского Котора Адольфу Муку и Брайне Рудиной-Фосс⁴¹. Формат данной публикации не позволяет нам детально остановиться на обстоятельствах миссии Брайны Рудиной по отправке в Испанию югославских добровольцев. Отметим лишь, что авантюра эта закончилась провалом, в котором в равной степени виновны и Мук, и Рудина-Фосс. Муку было поручено зафрахтовать в Марселе корабль, который заберет югославских интербригадистов из нескольких заранее оговоренных точек на Адриатическом побережье. По словам Брайны Рудиной, он начал пить и сорить деньгами еще в Марселе, связался с очень подозрительным капитаном корабля, судя по всему, старым контрабандистом, хорошо известным французской и итальянской полиции, в общем, допустил все возможные нарушения конспирации⁴². Но и сама Брайна Львовна, по справедливости говоря, проявила себя не лучшим образом, посвящая в детали операции людей, в надежности которых отнюдь не была уверена. Другое дело, что она так толком и не выучила сербско-хорватский язык, не до конца представляла себе местную специфику, не имела собственных контактов, а вынуждена была довольствоваться теми, которые ей дали Горкич и Мук. При этом находившийся одновременно с ней в стране Иосип Броз, обиженный на Горкича, полностью самоустранился от деятельности по отправке добровольцев, как и возглавивший «партийную технику» после отъезда в Москву Бергмана Стеван Лилич (Адлер). С такими исполнителями отправка добровольцев в Испанию не могла не потерпеть фиаско, но первопричиной провала является в корне неверная кадровая политика Милана Горкича, что ему и поставили в вину в 1937 г. (расстрелян, реабилитирован в 1956 г.).

Адольфа Мука арестовали прямо на борту корабля «Корсика» 4 марта 1937 г., Брайну Рудину-Фосс — в тот же день в черногорском рыбацком поселке Чань, вместе со 150 добровольцами, которых она должна была переправить на корабль. Далее начинается история ее тюремных мытарств, продолжавшаяся восемь месяцев. Избавим читателя от наиболее членовредительских подробностей, скажем лишь, что в белградской «Главняче» (главном следственном изоляторе Королевства Югославия) Брайна Львовна Рудина-Фосс подвергалась унижениям, пыткам и побоям. В какой-то момент от побоев у нее отнялись ноги, но даже после этого к ней не допустили тюремного врача. Кормили один раз в день, спала она на бетонном полу на соломе, ужасно страдая от насекомых. В аналогичных условиях содержался и Адольф Мук. Брайна Рудина настаивает при этом, что Мук быстро сломался и выдал всех, а сама она держалась до последнего: «на суде Мук сказал мне, что написал показаний на 70 страниц и не жалеет об этом, в тюрьме он соби-

⁴¹ Там же. С. 52.

⁴² Там же. С. 54–71.

рался обучаться бухгалтерии, чтобы потом работать в банке или открыть дело, говорил мне, что увлечение коммунистическими идеями для него было ошибкой»⁴³.

Перемена участи Брайны Рудиной-Фосс происходит, когда в Белграде появляется человек, называющий себя ее шурином, мужем сестры Мириам, рижским архитектором И.А. Витлиным. Проверить, кем был этот человек на самом деле, не представляется возможным, но именно он нанял для защиты Брайны одного из лучших сербских адвокатов того времени Драгана Симича. После вмешательства Симича условия содержания Рудиной-Фосс существенно улучшились, побои прекратились, а дело против нее начало рассыпаться. В итоге на суде Брайну Львовну обвинили только в помощи коммунистам, так как ее собственное членство в партии доказать не удалось, а также в нарушении миграционного законодательства. Обвинения в принадлежности к запрещенной в Югославии компартии с нее были сняты, равно как и обвинения в антигосударственной деятельности. Адольф Мук получил десять лет тюрьмы («но рассчитывал выйти лет через 5–6»), еще двое участников «аферы “Корсика”» — пять лет и полтора года. Все потенциальные интербригадисты были оправданы и отпущены на свободу, громкого политического процесса, на который рассчитывали обвинители, не получилось. Напоследок, правда, югославские власти решили поиздеваться над депортируемой Брайной Рудиной, предложив отправить ее в Германию (формально она оставалась немецкой гражданкой со времени брака с Фоссом). Однако адвокат Симич добился, чтобы Брайне Львовне купили билет на самолет во Францию за счет Министерства юстиции⁴⁴. В январе 1938 г. она уже гуляла с Альфредом Бергманом по дождливому, но все равно прекрасному Парижу.

Впереди «супругов Ненадовых» ждет Испания, где Брайна Львовна работала директором полевого госпиталя и заслужила восторженные отзывы испанских коллег (ее буквально не хотели отпускать из Испании, умоляли остаться), а Бергман работал в контрразведывательной части («ликвидационная комиссия»), и его, наоборот, несколько раз избивали его же соотечественники за излишнее рвение в борьбе с «пятой колонной». Там же, в Испании, оказались сестра Брайны Мириам, имевшая якобы связь с испанским генералом Гомесом, а также брат Самуил, служивший не в контрразведке, как Бергман, а в полевой разведке⁴⁵. Но история семейства Рудиных на испанской гражданской войне — это абсолютно отдельная история, заслуживающая отдельной публикации.

Рассмотрев детально тему работы Брайны Рудиной-Фосс на Балканах, считаем своим долгом написать и о финальной части ее жизненного пути, хотя бы в самых общих чертах. В 1939 г. она покидает Испанию, сопровождая корабль с тяжело ранеными республиканскими офицерами. В Москве контрольной комиссией Коминтерна ей предъявлено несколько обвинений: в превышении полномочий во время пребывания в Испании, в провале отправки югославских добровольцев и даже совершенно абсурдное — в близости с нацистами в период 1929–1933 гг. Репрессий она избежала, но ее ходатайство о вступлении в ВКП(б) удовлетворено

⁴³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 183. С. 54–71.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Д. 1891. С. 107, 120–121.

не было, до конца жизни Брайна Рудина оставалась беспартийной. В годы войны руководила несколькими госпиталями, сначала госпиталем Международной ассоциации помощи рабочим (МОПР) в Уфе, затем полевым госпиталем на Украине. После войны пыталась получить югославское гражданство, но ей в этом было отказано, несмотря на заступничество видного югославского партийца Велько Влаховича. После 1948 г. писала Микояну о том, что является жертвой Тито, но в партию ее все равно не приняли. В 1950–60-х гг. работала в Риге заместителем главврача городской поликлиники № 7 — несмотря на то, что она являлась уникальным специалистом, на более высокую должность Брайна Львовна не могла претендовать, не будучи членом партии. Умерла 9 ноября 1973 г.⁴⁶ Своего мужа, Альфреда Бергмана, она последний раз видела в 1939 г. — после поражения испанских республиканцев он оказался в лагере для перемещенных лиц на территории Франции, бежал оттуда в Югославию и был убит в Загребе хорватскими усташами как еврей и коммунист в 1941 г. После его гибели замуж Брайна Рудина-Фосс больше не вышла. Два ее брата погибли в годы Второй мировой, Самуил был направлен инструктором к партизанам, Яков был простым ополченцем. Сестра Мириам также работала в Риге врачом, умерла в 1990 г.⁴⁷

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ИК КИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
КПЮ — Коммунистическая партия Югославии
КУНМЗ — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
МОПР — Международная ассоциация помощи рабочим
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
СДПГ (затем КПП) — Социал-демократическая партия Германии
СРПЮ(к) — Социалистическая рабочая партия (коммунистов) Югославии

Источники и литература

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Бондарев 2018 — *Бондарев Н.* Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют. М.: Вече, 2018.

Кочик 2004 — *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ. М: Эксмо, 2004.

Ристовски 1989 — *Ристовски Б.* Портреты и процессы: в 2 т. Скопје: Култура, 1989. Т. 2.

Glgorijević 1992 — *Glgorijević B.* Komintern: Jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd: ISI, 1992.

⁴⁶ Time Note: Briana Rudina-Foss, см.: <https://nekropole.info/en/Braina-Rudina-Foss> (дата обращения: 17.09.2018).

⁴⁷ Российская еврейская энциклопедия: Рига, см.: <https://www.rujen.ru/index.php/РИГА> (дата обращения: 18.09.2018).

М.Ю. Сорокина

РОМАН ЯКОБСОН В ПРАГЕ: ДЕЛА ЮГОСЛАВСКИЕ

В июне 1955 г. выдающийся лингвист и филолог Роман Осипович Якобсон (1896–1982) был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств (САНИ)¹. В сентябре того же года он, профессор Гарвардского университета (США), посетил Белград, где впервые после Второй мировой войны состоялся Международный съезд славистов. Небольшая переписка Якобсона с президентом САНИ, выдающимся сербским славистом Александром Беличем (1876–1960), недавно опубликованная в Белграде, охватывает 1938–1958 гг. [От чужих к своим 2016, с. 307–316], но носит преимущественно официальный характер. Между тем непосредственные контакты русского филолога с представителями научной, дипломатической и политической элиты Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее — КСХС) начались значительно раньше и были несравнимо более разнообразными.

Романа Якобсона многое связывало с КСХС, и в частности с Сербией, в межвоенный период — прежде всего его многолетний научный интерес к народному эпическому творчеству и народному стихосложению, сотрудничество с сербскими филологами, попытки создать Славянский институт в СССР², а также участие во второй половине 1920-х гг. в международном проекте по изучению живого эпического сказительского мастерства на Балканах и в СССР. Инициированный профессором Немецкого университета Карла Фердинанда в Праге Герхардом Геземанном (Gesemann; 1888–1948), этот проект предполагал изучение «живых славянских эпосов» в перспективе исследования европейских эпических произведений в целом, однако не был осуществлен в задумывавшемся масштабе [Бахтина 1993, с. 297–309, 322–323; 2015]. Докторская диссертация Якобсона «Über den Versbau der serbokroatischen Volkseren», защищенная в том же университете в 1930 г. под руководством другого известного слависта, профессора Франца Спины (Spina; 1868–1938), также была посвящена строению стихов сербско-хорватского народного эпоса. Интенсивное сотрудничество филолога с пражскими балканистами продолжилось и в рамках Немецкого общества славянских исследований и его печатного органа — журнала «Славянское обозрение» («Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker»),

¹ Подробнее об этом см. статью Р. Радженович в наст. разделе.

² См. мою статью об этом в наст. изд., в разделе, посвященном юбилею профессора Ф.Б. Полякова.

возглавлявшихся профессорами Геземанном и Спиной [Автономова 2009; Марченко 2016].

Однако, помимо научных связей и проектов, была еще одна сфера пересечения Романа Яacobсона с Югославией, которая никогда не рассматривалась в историографии, — активное участие филолога, в 1920-е гг. сотрудника советского полпредства в Праге, в неформальных переговорах с целью установления дипломатических отношений между советской Россией и КСХС. Эти попытки пока мало известны в историографии, которая традиционно придерживается тезиса о монархичности как основе безусловной поддержки русских «белых» беженцев этим государством (что, несомненно, справедливо), хотя недавняя работа Н.Н. Станкова, базирующаяся на документах Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ) МИД РФ, показывает, что ситуация была куда амбивалентнее — диалог между королевским правительством в Белграде и советской Россией пытались начинать уже в годы Гражданской войны [Станков 2018, с. 153]³. В 1920-е гг. эти попытки приобрели достаточно интенсивный и систематический характер с обеих сторон. О них знали немногие посвященные, тем не менее один из учителей Яacobсона, его друг и коллега, член-корреспондент РАН Н.Н. Дурново (1876–1937), до 1928 г. живший в Чехословакии, был в курсе участия Яacobсона в таких переговорах. В августе 1934 г. в ходе следствия по делу «Русской национальной партии» Дурново рассказывал: «Хотя коммунизму Яacobсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился <...> добросовестно и с некоторым энтузиазмом. <...> Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР» [Ашнин, Алпатов 1994, с. 11–12].

Это поразительное свидетельство, приоткрывающее еще одну неожиданную сторону «ненаучной» биографии и деятельности Р.О. Яacobсона в 1920-е гг., до сих пор не привлекало внимания исследователей, хотя в историографии накопилось уже немало материалов о Яacobсоне — сотруднике советского полпредства в Чехословакии. В самые последние годы этот сюжет о «дипломате поневоле» получил интенсивное документальное развитие в работах [Гланц 1999; Сорокина 2000; Робинсон 2004; Генис 2009; Konečný, Polley 2014/2015; Сорокина 2016; Стайнер 2018], встретившись с давно обозначенной Н.С. Автономовой и М.Л. Гаспаровым проблемой взаимосвязи социальных и научных проектов Яacobсона как важнейшего инструмента коммуникаций не только самого ученого, но шире — славистического научного сообщества послевоенной Европы XX в. ([Автономова Гаспаров 1999; Автономова 2009]; см. также: [Жацис, Одесский 2011]). Большая политика и большая славистика в XX столетии — тема, еще ждущая своих исследователей.

Важнейшим и нередко единственным опубликованным источником о бурной «параллельной» жизни молодого «советского спеца» оставалось его мемуарное интервью Б. Янгфельдту 1977 г., содержащее многие неизвестные и неожиданные

³ Еще 18 августа 1920 г., когда войска генерала П.Н. Врангеля находились в Крыму, советские представители в Лондоне вступили в переговоры с министром иностранных дел А. Трумбичем, вскоре прекращенные по распоряжению председателя правительства КСХС М. Весничя.

факты многолетнего тесного сотрудничества Яacobсона с советским Народным комиссариатом иностранных дел [Яacobсон 2012, с. 21–112]. Между тем документы собственно АВП РФ МИД РФ⁴, сопровождавшие «советскую» карьеру филолога, оставались почти неисследованными, за исключением комплекса материалов, связанных с его инициативой по приглашению в 1925 г. на юбилей АН СССР президента Чехословакии Томаша Г. Масарика (Masaryk; 1850–1937) [Сорокина 2000]. В рамках настоящей статьи, опираясь на выявленные документы из АВП РФ МИД РФ, мы затронем некоторые эпизоды «пражской» деятельности Р.О. Яacobсона, относящиеся к его участию в организации предварительных переговоров по установлению дипломатических отношений между СССР и КСХС в середине 1920-х гг.

«СОВЕРШЕННО ЧУЖДЫЙ <...> ПО ДУХУ,
СОВЕРШЕННО ЛОЯЛЬНЫЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАМ»

Как известно, Роман Яacobсон приехал в Прагу из Ревеля (Эстония) 10 июля 1920 г. в качестве официального сотрудника миссии советского Красного Креста по репатриации бывших русских военнопленных Первой мировой войны, которую возглавлял в прошлом врач и активный деятель Бунда, а теперь большевик Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939). Миссия исполняла функции первого советского представительства в Чехословакии, не имевшей в то время дипломатических отношений со страной побеждавшего большевизма, а несколько позднее трансформировалась в советскую торговую миссию с консульскими функциями⁵.

Отъезду миссии из Ревеля предшествовало несколько телефонограмм наркома иностранных дел Г.В. Чичерина полпреду в Эстонии И.Э. Гуковскому, в которых подчеркивалась важность миссии Гиллерсона для прорыва дипломатической блокады советской России: «Мы очень дорожим возобновлением отношений с Чехословакией»⁶. 20 июня 1920 г. телеграмма Чичерина с извещением о грядущем выезде миссии в Прагу в составе семи человек была отправлена и министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу: «Секретарь Кузьмин Geraut Левин Buraliste Вишневский Agent pour commissions Jacobson Стенографистка Гуляновская Ждут разрешения на выезд»⁷. Однако реально они выехали в Германию⁸ только 3 июля, о чем Чичерину докладывал все тот же Гуковский: «Только что отбыл в Штеттин на пароходе Гиллерсон и его сотрудники кроме Левина и Якубсона⁹ не

⁴ Моя самая искренняя благодарность руководителям Историко-документального департамента МИД РФ и сотрудникам Архива внешней политики РФ МИД РФ, благодаря профессиональному и благожелательному содействию которых стала возможной моя работа в этом важнейшем для истории отечественной науки архиве.

⁵ Дипломатические отношения между СССР и ЧСР были установлены только в 1934 г.

⁶ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 43–43 об. (на бланке наркома, автограф Г.В. Чичерина).

⁸ Маршрут миссии пролегал через Германию: Штеттин — Берлин — Боденбах.

⁹ Так в тексте.

успевших заручиться разрешением эстонского правительства на выезд из Эстонии <...> Яacobсон и Левин выедут завтра»¹⁰.

10 июля 1920 г. в 16.32 поезд из Берлина, в котором находилась советская миссия, прибыл на пражский вокзал Вудро Вильсона [Стайнер 2018, с. 14]. Миссия временно расположилась в центре города в отеле «Империял», вскоре часть ее переехала в здание Красного Креста Чехословакии на улице Некланова в районе Вышеграда, и с этого момента чешская полиция начала неусыпное наблюдение за всеми ее сотрудниками.

После приезда в Прагу Роман Яacobсон, единственный член миссии, владевший чешским языком, покинул ее в конце октября 1920 г., чтобы стать студентом философского факультета Карлова университета¹¹. С точки зрения статусного академического сообщества он приехал в Прагу никем — рядовым выпускником Московского университета и остро нуждался в подтверждении своего образования чехословацким университетом. Хотя факультет принял его документы, русские профессора-эмигранты (прежде всего В.А. Францев) сумели воспрепятствовать официальному зачислению «советского чиновника из миссии» и Яacobсону разрешили приходить только на курсы преподавателей, давших свое согласие на такое посещение. Вероятно, жесткая обструкция со стороны влиятельной элиты русского эмигрантского сообщества и стала одной из причин того, что 5 октября 1921 г. Р.О. Яacobсон официально «оформился» в пражском Земгоре¹² как «русский эмигрант» [Сорокина 2018].

Благодаря недавней публикации донесений пражской полиции известно, что, несмотря на уход из миссии, и зимой 1920 г., и в 1921 г. Р.О. Яacobсон «постоянно бывал в советском полпредстве, почти каждый день общаясь с его членами до самого вечера» (цит. по: [Стайнер 2018, с. 16]). По справедливому замечанию П. Стайнера, пока остается не вполне понятным, в какой мере Яacobсон прекратил работать на НКВД в указанный период.

Документы АВП РФ не дают однозначного ответа на этот вопрос, но, судя по многочисленным косвенным данным, Яacobсон никогда не прерывал неформальные контакты с миссией. И как только в мае 1922 г. в Прагу приехал новый полпред — Павел Николаевич Мостовенко (1881–1938), сотрудничество Романа Яacobсона с советскими представителями возобновилось в полном объеме. Он занял штатную должность «корреспондента», круг обязанностей которого был чрезвычайно широк и разнообразен, — информировать полпреда и связанные с миссией учреждения о политическом «курсе» местной прессы и Малой Антанты¹³; снабжать местные газеты информацией о советской России и ее планах; под-

¹⁰ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 36.

¹¹ Некий товарищ Салат из Берлина подтверждал в письме в НКВД от 10 ноября 1920 г., что «единственный член миссии, владеющий чешским языком, товарищ Яacobсон, беспартийный, ушел из миссии и записался студентом в Пражский университет. В миссии больше не работает» (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. Папка 2. Д. 13. Л. 14).

¹² Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике — орган белой эмиграции.

¹³ Малая Антанта — политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920–1938 гг.

держивать связи между миссией и корреспондентами местных газет; писать материалы по заданию полпреда в заграничные и российские органы печати; снабжать местные газеты материалами для «статей на интересные нам темы», а также материалами для интервью; наконец, «выполнение отдельных, связанных с прессой и литературными кругами заданий»¹⁴. По сути, это была очень напряженная работа красного пресс-атташе — доверенного коммуникатора и/или «агента влияния», имевшего доступ ко многим сокровенным и закулисным сторонам пропагандистской деятельности советской миссии.

Полпред Мостовенко высоко оценивал работу Якобсона в этой должности и докладывал в НКВД, что «очень хорошо» сработался с ним и что он «исключительно работоспособный и очень большой добросовестности в работе» сотрудник. Тем не менее старый большевик называл Якобсона «типичным спецом <...>, которого прежде всего необходимо держать в руках»¹⁵. Когда же осенью 1922 г. выяснилось, что ввиду бюджетного сокращения должность «корреспондента» передается из миссии в штат Российского телеграфного агентства (РОСТА), полпред приложил все усилия, чтобы «не уступить Якобсона...». Он писал в Москву, что потеря корреспондента срывает работу всей миссии и «нам совершенно невозможно отказаться от <его> работы»¹⁶, просил пересмотреть решение и, наконец, 29 декабря обратился с письмом-протестом в Коллегию НКВД, где обосновывал незаменимость Якобсона как «политического референта»¹⁷.

Любопытно, что Мостовенко ни разу не упомянул в этом письме в качестве аргумента важности Якобсона для миссии знание им чешского языка и настаивал именно на его деловых качествах. Несколько позже в письме заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову от 15 февраля 1923 г. полпред специально отметил «твердую репутацию» Якобсона как «друга чешского народа», во время службы в полпредстве выпустившего в свет «серьезную научную работу по исследованию чешского языка и приготовившего к печати следующую»¹⁸.

Своим демаршем Мостовенко не только «отбил» корреспондента, но и добился того, что Якобсон стал официально именоваться заведующим отделом печати полпредства. Сменивший Мостовенко в марте 1923 г. Константин Константинович Юренев (1888–1938) в «Дневнике полпреда» записал 15 марта свои первые впечатления от встречи с филологом: «...молодой, умный, проходимистый парень. Беспартийный. Имеет огромные связи с журналистами и здешним обществом. Очень ценный работник». Как и его предшественник, Юренев также весьма функционально отнесся к своему референту: «К сожалению, доверить ему полностью я не рискнул бы. Условился с ним насчет нашей дальнейшей работы. Он будет еже-

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53943. Папка 275. Л. 60.

¹⁵ Там же. Л. 56.

¹⁶ Там же. Л. 56 (письмо от 14 декабря 1922 г.).

¹⁷ Там же. Л. 110–110 об.

¹⁸ Там же. Л. 104 об. Речь идет о работе «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским» ([Берлин], 1923).

дневно делать мне общий обзор прессы, раз в неделю составлять “Бюллетень” — обзор печати»¹⁹.

В тот же день в письме М.М. Литвинову полпред заявил, что

в дальнейшем предстоит замена нынешнего заведомо печати т. Якобсона. Он не свой человек и слишком давно пребывает за границей. Кроме того, т. Якобсон человек широкого размаха и несмотря на то, что отделы печати ликвидированы уже во всех постпредствах, он ухитрился сохранить в Праге аппарат отдела в составе 4 человек. Я принимаю меры к ликвидации пережитка. Эта мера будет иметь своим последствием отягощение т. Якобсона новой работой (кстати, он не любит себя переутомлять) и возможны недоразумения с ним на этой почве. <...> Касаясь же существа работы отдела печати, — надо признать ее вполне удовлетворительной²⁰.

Эта последняя оценка вскоре перевесит желание «ликвидировать пережитки». Пройдет два месяца, и Юрнев будет просить руководство НКВД оставить Якобсона в Праге хотя бы сверхштатным сотрудником, а в декабре 1923 г. выдвинет проект создания нового отдела печати при полпредстве во главе все с тем же «спецом»²¹. Когда же весной 1924 г. и полпред Юрнев покинет Прагу, а Управление делами НКВД захочет «перебросить тов. Якобсона в СССР», временно исполнявший обязанности полпреда С.С. Александровский в очередной раз будет настаивать об оставлении филолога в миссии, указывая, что хотя Якобсон «совершенно чуждый нам по духу человек», однако «совершенно лояльный по отношению к нам <...> и сознательно не сделает ничего идущего во вред нам или вразрез с нашими интересами»²².

Все лето и осень 1924 г. в центральном аппарате НКВД в Москве обсуждали, что делать с «незаменимым» и непотопляемым пресс-атташе. В июле Коллегия НКВД постановила «предупредить» нового полпреда Владимира Александровича Антонова-Овсеенко (1883–1938), что «т. Якобсон лишь временно оставляется в Праге»; в октябре она же собиралась отправить на его место нового сотрудника, но так, чтобы «тов. Якобсон продолжал числиться штатным сотрудником Постоянного представительства»²³. Роман Якобсон был полностью в курсе происходящего и отлично знал о зыбкости своего положения; он писал Н.Н. Дурново: «На службе: снова пришло требование из Москвы о моем устранении, о том же сообщает П.²⁴ Антонов отбивается, но это не может вечно продолжаться. В Россию не поеду, здесь не устроиться, остается, по английской поговорке, пойти в сад и есть червячков» [Letters and Other Materials 1994, p. 83].

¹⁹ Там же. Д. 53958. Папка 276. Л. 1–2 (Дневник полпреда).

²⁰ Там же. Д. 53952. Папка 275. Л. 22.

²¹ Там же. Д. 53992. Папка 279. Л. 7.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 7 об.

²⁴ Видимо, Ярослав Папоушек (1890–1945), чехословацкий историк и многолетний сотрудник МИД.

«ПОСЛАТЬ ИНФОРМАТОРА В ЮГОСЛАВИЮ...»

Упомянутый среди имен высших руководителей Чехословакии и других постоянных информантов Якобсона Стево Ключич (Клуич)²⁶ занимал в посольстве Королевства СХС в Праге положение, аналогичное его советскому собеседнику, — он именовался «корреспондентом» и пресс-атташе миссии в Праге до февраля 1927 г. (с коротким перерывом)²⁷. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между КСХС и СССР, рабочие контакты между сотрудниками дипломатических миссий одного уровня — обычная практика, и два пресс-атташе регулярно встречались в кафе, где бывала вся литературная Прага²⁸. Главным содержанием их бесед, как видно из «дневников» советских полпредов, в которых в обязательном порядке фиксировались все встречи сотрудников миссии, было обсуждение возможности установления дипломатических отношений между КСХС и СССР, а также актуальных международных событий.

Впервые имя Стевана Ключича появляется в «Дневнике полпреда» К.К. Юрнева в сентябре 1923 г. в связи с перспективой прямых югославо-советских переговоров в Берлине «не позднее конца октября» этого года. Уже тогда полпред пронизательно заметил, что Ключич «умный человек, но, несомненно, глубоко продажный. Я уверен, что он помимо службы своему королю служит еще и Минделу Чехословацкой Республики»²⁹.

Тем не менее контакты продолжались, и 5 ноября полпред сделал еще одну запись:

Сегодня Ключич убедительно просил Якобсона повидаться с ним для разговора по интересующему обе стороны вопросу. Я разрешил Якобсону пойти на свидание, поручив ему дать понять югославам, что после первого сообщения Ключича о том, что Югославия сейчас не может вести серьезные переговоры с нами, всякие словопрения на эту тему окончательно отпадают.

Разговор записываю в дневник так, как мне доложил о нем Якобсон: «По словам Ключича, <...> в числе вопросов, которые Пашич³⁰ поручил Нешичу³¹ уладить в Праге, стоит и русский вопрос. Нешич должен довести до решительной фазы переговоры с Россией. Пашич хочет иметь договор, но хочет иметь его сам, и сам непосредственно через Нешича направлять ход переговоров»³².

²⁶ В документах АВП РФ везде используется фамилия Ключич, частая в Сербии, хотя ее оригинальное написание — Kluić и было бы правильнее транслитерировать как Клуич. Благодарю профессора И. Антанасиевич за эту консультацию.

²⁷ Приношу самую глубокую благодарность Р. Радженович за предоставленные сведения о С. Ключиче, основанные на его «Послужном списке», из фонда Министерства иностранных дел (АЮ).

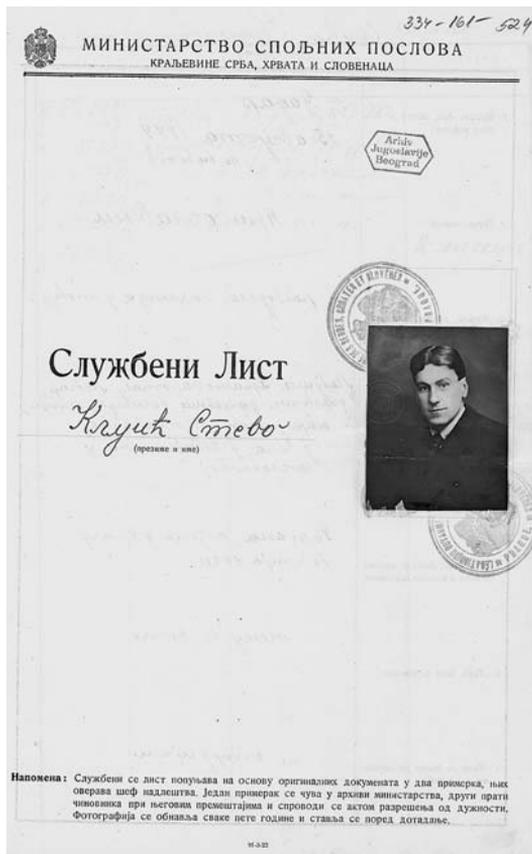
²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53959. Папка 276. Л. 161–162.

²⁹ Там же. Л. 12. См. также: [Национальный вопрос 2000].

³⁰ Никола Пашич (1845–1926) — выдающийся сербский и югославский политик, премьер-министр КСХС в 1918, 1921–1924, 1924–1926 гг.

³¹ Люба Нешич — посол КСХС в Чехословакии.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53959. Папка 276 (Секретный архив НКВД 1923 Архив Чичерина) Л. 103.

С. Ключич. Обложка личного дела. <Не ранее 1928 г.> АЮ

что на всем протяжении 1923–1927 гг. Роман Яacobсон находился в эпицентре центрально- и юго-восточной (как минимум) европейской политики и был осведомлен о многих ее закулисных событиях так, как, пожалуй, ни один другой «спец» из России/СССР. Более того, он оказался приемлем в роли доверителя и парламентаря, альтернативного канала информации для многих сторон, в том числе советской и югославской.

История несостоявшейся встречи премьер-министра королевского правительства Николы Пашича с заместителем наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым летом 1926 г., в организации которой Р.О. Яacobсон играл не последнюю роль, — яркое подтверждение этого тезиса.

Эти записи только начинают фиксацию встреч Ключича и Яacobсона, происходивших с разной частотой и интенсивностью, при разных советских полпредах на протяжении всего периода 1923–1927 гг., в ходе которых они обменивались информацией по всему спектру двусторонней и международной проблематики — от положения дел в Малой Антанте до внутривнутриполитических проблем Чехословакии. Обмен, по-видимому, был настолько взаимопользным, что уже 19 ноября 1924 г. Ключич даже передал приглашение советским дипломатам «послать информатора в Югославию, напирая на Яacobсона» и обещая, что последний будет принят «Пашичем, Нинчичем³³ и др. руководящими политиками»³⁴.

Тем не менее в какой мере каждая из сторон (да и сколько их было!?) была заинтересована в достижении определенного результата и использовала для контригры и/или дезинформации своих прессатташе — вопрос самостоятельного исследования. Для нас важно то,

³³ Нинчич Момчило (1876–1949) — министр иностранных дел КСХС (1921–1926), председатель Лиги Наций в 1926 г.

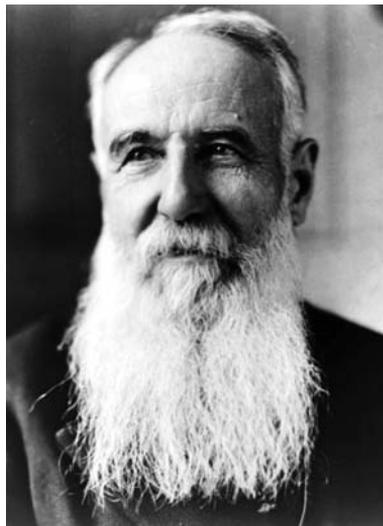
³⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53973. Папка 278. Т. 3. Л. 149–150 (Дневник полпреда).

Она стартовала 10 июня 1926 г., когда С. Ключич сообщил Р. Якобсону, что премьер-министр КСХС Н. Пашич, находившийся в Карлсбаде³⁵, хочет встретиться здесь с М.М. Литвиновым для обсуждения возможности нормализации отношений с СССР³⁶. Одновременно, как бы в знак подтверждения серьезности намерений югославской стороны в отношении СССР, С. Ключич предложил устроить поездку Р. Якобсона на весьма закрытую конференцию Малой Антанты, проходившую в словенском Бледе³⁷.

На следующий день, 11 июня, уже сам советский полпред В.А. Антонов-Овсеенко виделся с послом КСХС в Праге Л. Нешичем, который также сообщил ему о намерении премьера Н. Пашича в скорейшем времени установить «нормальные отношения» с СССР³⁸. Информирова наркома Г.В. Чичерина об этой встрече, В.А. Антонов-Овсеенко писал о своем впечатлении, что «Нешич искренно работает над сближением Югославии с нами и, в частности, что идея о свидании Пашича с Литвиновым возникла именно у него и, может быть, еще не вполне усвоена Пашичем»³⁹.

Уже 13 июня В.А. Антонов-Овсеенко встретился с М.М. Литвиновым, который посчитал «полезным свидеться с Пашичем — на нейтральной почве и после Бледской конференции Малой Антанты»⁴⁰. По словам полпреда, Литвинов «признал желательной поездку Якобсона в качестве представителя советской печати в Блед на время конференции»⁴¹. К сожалению, мы не располагаем пока сведениями о том, состоялась ли эта поездка Романа Якобсона в КСХС. Но из переписки В.А. Антонова-Овсеенко с наркомом Г.В. Чичериным понятно, что у планировавшейся акции было немало противников в самом советском НКВД и, несомненно, за его пределами тоже.

Письмо В.А. Антонова-Овсеенко от 26 июня столь важно и интересно для понимания алгоритма советской позиции в отношении КСХС, что мы приведем значительные выдержки из него; полпред писал:

Никола Пашич. <1919 г.>
Википедия

³⁵ Ныне Карловы Вары, Чехия.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53997. Папка 279. Л. 117.

³⁷ Там же. Л. 119.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 121.

⁴⁰ Там же. Л. 123.

⁴¹ Там же. Интересно, что здесь же В.А. Антонов-Овсеенко отметил, что «М<аксим> М<аксимович> подтвердил <...>, что т. Раковский добивается перевода Якобсона к нему». В это время Х.Г. Раковский (1873–1941), с которым Р. Якобсон был знаком еще с 1918 г., участвуя в подготовке документов для переговоров с гетманом П.П. Скоропадским, возглавлял советское посольство в Париже.

Очень опасаясь, что момент упущен и проектированное свидание М.М. Литвинова с Пашичем не сможет состояться — разъедутся. <...> Считаю, что неиспользование нами предложения, исходившего от пашичевских кругов, было ошибкой. <...> Мне кажется, что Вы принимаете слишком на веру сообщения тех, кто считает Пашича твердокаменным, совершенно негибким политиком, застывшим на довоенных концепциях. Вы также, как будто, преувеличили значение проектированного свидания для упрочения личной позиции Пашича <...>. С точки зрения великосербского империализма, Пашич — это элемент консолидации. Радич и вся «демократическая оппозиция» — элемент антигосударственный. Раздоры в стане империалистском не столь глубоки, чтобы обещать распад этого стана и при нынешней слабости революционных партий торжество «демократии».

Велико-сербянский империализм, представленный Пашичем, конечно, легче, чем, например, хорватский национализм, мирится с политикой Италии в Адриатике и без труда направляем в своих аспирациях в сторону Солуни. Но ему все же не по нутру окончательное подчинение итальянской указке, и он всерьез мечтает об усилении на Балканах «славянского» (точнее русского) влияния в противовес итальянскому.

Мне думается, что нас не дезинформируют, говоря о стремлении Индел СХС, еще до ангажирования в новые комбинации (скорее всего, с Италией), упрочить свои отношения с «новой Россией».

Объяснять согласие Пашича, по предложению Нешича — Нинчича, свидеться с т. Литвиновым простым желанием Пашича использовать в своей личной борьбе и этот козырь — инициативы сближения с СССР — так объяснять было бы, думается мне, слишком упрощенным. Да и наконец, что собственно теряем мы от этого свидания, совершаемого по явно не нашей инициативе? Что мы теряем от выдвижения во внутреннюю борьбу СХС в качестве одного из «козырей» — нашего «признания»?

Думаю, что не теряем ничего, а кое-что можем, даже и в таком случае, выиграть.

Может быть, еще успеете дать телеграфно окончательный ответ на вопрос о «свидании»⁴².

Хотя и запоздало, но Москва все-таки дала санкцию на проведение неформальной встречи Н. Пашича и М.М. Литвинова, однако свидание не состоялось. 3 июля 1926 г. Антонов-Овсеенко объяснял Г.В. Чичерину почему:

Нами было утром 30 июня сообщено Нешичу для передачи Пашичу, что Максим Максимович согласен свидеться с ним в частном порядке в Карлсбаде в нейтральном месте днем в субботу 3 июля. Ответ нам обещан до 22 час<ов> 1 июля.

Ответ последовал утром 2 июля: здоровье Пашича так ухудшилось, что ему запрещено покидать постель; он с удовольствием поехал бы к Литвинову в Мариенбад или свиделся с ним в нейтральном месте в Карлсбаде, но просит ввиду своей болезни Литвинова навестить его в его квартире в Карлсбаде

⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53997. Папка 279. Л. 133–135.

«для сердечнейшего разговора». При этом Ключич передавал просьбу Пашича — не упустить этого случая.

В 11 часов 2 июля т. Калина передал по телефону т. Литвинову этот ответ югославов. Тов<арищ> Литвинов немедленно откликнулся: «Дипболезнь... Передайте, что я вызван экстренно и уезжаю в субботу из Чехословакии».

Я решил задержать передачу этого ответа югославам: сообщить им, что ответа пока нет, но что мы думаем наладить дело, если Нешич или Ключич отвезут лично Литвинову приглашение Пашича. Нешич был в отсутствии (в Карлсбаде), Ключич же заявил, что он весь день занят приемом «гостей», прибывающих из Югославии в Прагу на сокольский слет (в частности, нескольких югослав<ских> министров) и сможет поехать в Мариенбад автомобилем только после 8 часов вечера с возвращением ночью же в Прагу...

Я счел это, конечно, неприемлемым.

В ответ лично т. Якобсоном Ключичу заявлено: «Мы сообщили 1 июля Литвинову, торопившемуся с отъездом, что окончательный ответ будет ему передан до 22 часов в тот же день. Не получив до установленного срока ответа, Литвинов в связи с полученным им вызовом ускорил свой отъезд из ЧСР»⁴³.

Как известно, дипломатические отношения СССР с королевской Югославией были установлены только в июне 1940 г., когда облако нацизма уже вовсю накрыло Европейский континент и Вторая мировая война приближалась к границам королевства. Судьбы двух пресс-атташе — Романа Якобсона и Стевана Ключича, которые играли весьма заметную роль посредников в советско-югославских контактах второй половины 1920-х гг., сложились полярно противоположно.

В августе 1928 г. С. Ключич был уволен с югославской государственной службы по подозрению в работе на немецкую разведку. В дальнейшем он поселился в Берлине, где в 1936 г. на сербском, а в 1937 г. и на немецком языках вышла его книга «Пути немецкого возрождения», а также немало других пронацистских текстов и брошюр. В годы фашистской оккупации Сербии (1941–1944) Ключич вернулся в страну и активно сотрудничал с немецкой властью, он известен как организатор и директор большой Антимасонской (антикоммунистической и антиеврейской) выставки в Белграде (1941)⁴⁴. Есть версия, что после освобождения Белграда он был расстрелян за сотрудничество с оккупантами.

Роман Якобсон оставался на службе в советском полпредстве в Праге также до 1928 г. В дальнейшем он защитил диссертацию в Немецком университете Карла Фердинанда в Праге и получил место профессора в Брно, откуда бежал с началом Второй мировой войны. В конечном итоге Якобсон перебрался в США, чему в немалой степени способствовала его репутация энергичного и умелого коммуникатора славистического сообщества межвоенного периода.

Славистика, всегда тесно связанная с развитием национальных движений славянских народов, в XX в. вместе с их выходом на арену большой европейской и мировой политики также стала ее составной частью. И ученые-слависты играли в

⁴³ Там же. Л. 145–146. Н. Пашич скончался 10 декабря 1926 г.

⁴⁴ См. статью И. Антанасиевич об этой выставке в наст. разделе.

этой политике отнюдь не только пассивную роль жертв различных политических режимов и военных кризисов, но, напротив, как показывает пример Романа Якобсона и многих других специалистов (А. Белич, П. Буайе и др.), они имели свою собственную научную и общественную повестку дня, умели и даже преуспевали в разнообразном манипулировании политиками различного уровня для достижения своих целей. Идеи, теории, концепции и технологии, так же как их авторы и творцы, именно в XX в. стали непосредственно влиять на развитие политических, социальных и культурных институтов мирового сообщества, предлагая различные модели совместной реализации «своего» и «другого» интеллектуального и научного потенциала. Дальнейшие историко-биографические исследования на основе новых архивных материалов, несомненно, откроют еще многие, ранее неизвестные аспекты этого влияния.

Источники и литература

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
АЮ — Архив Югославии
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

- Автономова 2009 — Автономова Н.С. «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 59–74.
- Автономова, Гаспаров 1999 — Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 334–340.
- Ашнин, Алпатов 1994 — Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
- Бахтина 1993 — Бахтина В.А. Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Якобсон, Ю. Соколов) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1993. С. 297–323.
- Бахтина 2015 — Бахтина В.А. Прага — Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. ст. и мат-лов / отв. ред. С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 318–386.
- Генис 2009 — Генис В.Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). М.: Б/и, 2009. Кн. 1. С. 507–531.
- Гланц 1999 — Гланц Т. Разведывательный курс Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 354–362.
- Кацис, Одесский 2011 — Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Изд. дом «Регнум», 2011. С. 201–232.
- Марченко 2016 — Марченко Т.В. Россия на страницах «Slavische Rundschau» // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 142–178.
- Национальный вопрос 2000 — Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов. Ч. 1: Май 1922 г. — май 1924 г. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 253–254.
- От чужих к своим 2016 — От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / сост., подгот. текста и ком-

- мент. Н. Благоевича, А. Мичич и И. Мрджа; общ. ред. К. Ичин. Белград: Логос, 2016. С. 307–316.
- Робинсон 2004 — *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
- Сорокина 2000 — *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика-Якобсона» // In *Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина*. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2000. С. 117–142.
- Сорокина 2016 — *Сорокина М.Ю.* Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 73–92.
- Стайнер 2018 — *Стайнер П.* Which Side Are You on, Boy?»: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2018. Т. 9, № 1. С. 13–28.
- Станков 2018 — *Станков Н.Н.* Образование Малой Антанты в документах миссии Красного Креста РСФСР в Чехословакии (1920–1921 годы) // *Славянский альманах*. 2018. № 3–4. С. 152–172.
- Якобсон 2012 — Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012.
- Konečný, Polley 2014/2015 — *Konečný K., Polley I.* Roman Jakobson and Czechoslovakia in the context of Czechoslovak-Soviet relations (1920–1969) // *Modern Greek Studies Yearbook. A Publication of Mediterranean, Slavic, and Eastern Orthodox Studies*. 2014/2015. Vol. 30/31. P. 145–170.
- Letters and Other Materials 1994 — Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945 / ed. by J. Toman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994.

А.Ю. Тимофеев

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ. 1948–1953 гг.
РЕПРЕССИИ ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
ПРОТИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

Изучение русской эмиграции в Югославии достигло определенных результатов: есть обобщающие работы, принадлежащие перу сербских и русских исследователей [Маевский 1966; Каџаки 1991; Јовановић 1996; Косик 2000; Јовановић 2006; Косик 2007; Арсеьев 2011], а также ряд монографий по ключевым вопросам. Однако последнее десятилетие существования русской эмиграции в Югославии («роковые сороковые») остается до сих пор неизученным как российскими, так и югославскими историками. Эта тема является насущной и важной по многим причинам. Прежде всего в силу актуальности событий Второй мировой войны (1941–1945), которые в Югославии приобрели особое значение благодаря событиям гражданской войны, развивавшейся параллельно с войной против оккупантов. В этих событиях в самых различных формах участвовали и русские эмигранты. Одних последовательное желание бороться против коммунистов довело до конфликта с местным населением, а потом и разочарования в своем деле. Другие, стоявшие на позициях «оборончества», сражались в подполье и заплатили своими жизнями за любовь к Родине. Значение изучения мировоззрения тех, кто пытался использовать внешний фактор для решения внутренних проблем политики России, но разочаровался, увидев колониальные аппетиты иностранных менторов, не нуждается в объяснении. Не менее интересны судьбы тех малочисленных русских эмигрантов, кто тяготел к России, несмотря на господствующую там идеологию. Хотя тема военных дней уже получила некоторое историографическое освещение в работах автора данной статьи [Тимофеев 2011; Москва — Сербия 2017; Црвена армија и руска емиграција 2018], все-таки общее описание наиболее трагических событий в жизни югославской части русской эмиграции (1944–1954), которое можно назвать ее последним десятилетием, все еще ждет своего исследователя.

Великий исход русской эмиграции из Югославии (1944–1945) сопровождался репрессиями против оставшейся части русских, прошедших двойную чистку (советской военной контрразведки СМЕРШ и партизанской югославской спецслужбы ОЗН). Если первые вычищали реальные крупные фигуры, то вторые были мелким ситом, в результате чего в заключении оказалась большая часть мужчин-эмигрантов. Болезненная тема репрессий югославских коммунистов против образованной части своих сограждан в послевоенное время является новой и очень актуальной для современной историографии стран — наследниц Югославии. Эту

тему особенно любят «раскручивать» сторонники девальвации освободительной роли России (как наследницы СССР, а значит, и Красной армии в Европе). Страдания русской эмиграции, а точнее тех, кто считал себя (и был) невиновным в коллаборационизме, до сих пор в значительной мере являются фигурой умолчания. Еще менее известно современной сербской историографии о трагическом конце, который обрела русская эмиграция в результате террора 1948–1953 гг. Освещение и исследование этого вопроса крайне актуально и несомненно должно развеивать ревизионистские мифы о «русских корнях» послевоенных репрессий против гражданского населения Сербии.

Конфликт СССР и Югославии в 1948–1953 гг. недостаточно известен и в России, где его в массовом сознании рассматривают лишь через общую призму конфликта сталинизма и «гуманного» социализма с «человеческим лицом». Определенным исключением являются лишь узкоспециальные работы российских югославистов, и прежде всего ведущая работа на эту тему [Аникеев 2002]. Открытие архивов югославских спецслужб, а также развитие историографии в Сербии (наследнице Югославии) заставляет взглянуть на этот вопрос шире и объективнее. Репрессии не были направлены против неких идейных «сталинистов», они имели более широкий спектр — борьбу против прорусски настроенных слоев сербов (не только в Сербии, но и в других республиках — в Черногории, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговине), склонных к национальному усвоению идей коммунизма вроде А. Йовановича и П. Попиводе (в противоположность титовским идеологам вроде экстремистски настроенного М. Джиласа и более хитрого и скрытного Э. Карделя, склонных к троцкистским экспериментам). В Хорватии и Боснии число осужденных сербов было намного больше, чем процентный состав сербов в этих республиках. В Черногории (и Македонии) большая часть осужденных относилась к русофилам, причем многие из них не были яркими сторонниками создания новых национальных формирований в этих республиках, которые отпочковались от сербского народа. В нынешней Сербии эта тема была и остается крайне актуальной. Исследование причин и фокуса репрессий 1948–1953 гг. имеет поддержку гражданского населения Сербии и в то же время не вызывает отторжения у структур, являющихся правонаследниками организаций, проводивших меры по борьбе с реальными и мнимыми сторонниками Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (далее — ИБ), что уже позволило выпустить два сборника документов на эту тему [Заточеници Голог Отока 2016; Између две отаџбине 2016]. Вот почему важно изучить и рассмотреть пережитое русской эмиграцией в годы конфликта ИБ. Конфликт 1948 г., до сих пор используемый в пропаганде разжигателей вражды между сербами и русскими, на самом деле является еще одним существенным элементом их взаимосвязанной судьбы.

В среде русской эмиграции и ее потомков (как в Югославии, так и за ее пределами) события «сороковых» (т. е. с 1941 по 1953 г. — от начала Второй мировой войны до окончания судебных процессов против русской эмиграции) остаются наиболее острыми и мучительными воспоминаниями. С точки зрения исследования (эмпирически, исходя из исследовательского опыта) стоит отметить, что для прошедшей изгнание в Югославии части русской эмиграции невнимание к

этому вопросу (лишения военного времени 1941–1944 гг., беженство в лагерях перемещенных лиц, преследования в 1944 и 1948 гг.) является очень болезненным. Именно об этом в первую очередь задают вопросы и заводят беседы последние оставшиеся в живых русские эмигранты из бывшей Югославии, что стало особенно заметно в ходе полевых исследований в рамках съемок объемного документального кинопроекта, в котором автору данной статьи довелось выступить научным консультантом [Ордовский-Танаевский 2013].

В данный момент исследователи Центра русских и восточнославянских исследований им. М. Йовановича при философском (общегуманитарном) факультете Университета Белграда (Сербия) активно работают над научным проектом «Конец русской эмиграции в Югославии. Роковые сороковые: от начала Второй мировой войны до разрыва Сталин-Тито». Архивной базой данного проекта стали документы стран бывшей Югославии (Сербии и Хорватии как наиболее важные), в значительной степени уже выявленные, а также документы российских архивов (ГА РФ, АВП РФ, РГАНИ и личные собрания потомков тех русских эмигрантов, кто спасся из Югославии в 1950-е гг.). Привлекается и исчезающий, но крайне важный пласт — устной истории — интервью русских эмигрантов, оставшихся в Югославии и проживающих там до сих пор. Можно также привлечь архивы или научные интервью эмигрантов третьих стран. Результаты этой работы воплотились в публикации ряда сборников документов с обширными исследовательскими введениями.

В итоге была выявлена проблема, напрямую связанная с темой конференции — «Проблемы биографики русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия». Дело в том, что только методами микробиографики можно ответить на сравнительно сложный вопрос о роли гонений 1948 г. в окончательной ликвидации русской эмиграции как единой социальной группы. Если в 1944 г. были ликвидированы формальные организации русской эмиграции, то после событий 1948–1953 гг. — последние попытки неформальных объединений. Русские эмигранты превратились в официально нежелательное и гонимое этническое меньшинство, обреченное на криптосуществование, мимикрию, вымирание и ассимиляцию. Наиболее активная в выражении собственного мировоззрения часть эмигрантов подверглась арестам, пыткам, заключениям и изгнанию из страны. Страх, который впитали русские эмигранты и их дети в результате террора 1948–1953 гг., передавался и их потомкам. Пример этого чувства вины и страха за свое русское происхождение, распространенного среди переживших репрессии эмигрантов, наглядно описан в воспоминаниях Йована Чарторижского. Этот потомок русских эмигрантов, родившийся в Сербии в 1950 г., рассказывал, что «в их семье было запрещено говорить о трагедии, которая произошла с семьей Чарторижских. Причиной этого было то, что им такие разговоры пробуждали болезненные воспоминания о голгофе, пережитой их семьей (эмиграции), и потому, что они были под постоянным присмотром и контролем милиции и УДБ-ы, особенно во время Информбюро, когда к ним почти ежедневно приходили, допрашивали и изводили. Эти мучения и страх сыграли свою роль в том, что семья решила вовсе не говорить об этом» [Терзић 2017, с. 41–42].

Атмосфера страха и неуверенности в результате сочетания беспокоящего и неусыпного внимания «компетентных органов» и повседневного давления «сознательных граждан и соседей» вела к вынужденной и насильственной ассимиляции потомков русской эмиграции, что было описано в мемуарах и других «бывших русских» (см.: [Афанасьев 2007]).

Существует несколько оценок численности русской эмиграции в Югославии в первые послевоенные годы. В донесении посла СССР в Югославии, сохранившемся в бумагах главы советского МИД В.М. Молотова, количество белых русских эмигрантов в Югославии на 1 ноября 1945 г. насчитывало 12 519 человек (из них в Сербии — 9280)¹. Вероятно, имелись в виду лишь лица без югославского или другого гражданства с паспортом Российской империи или с нансеновским паспортом. После войны они были вынуждены оптировать за югославское или советское гражданство. На официальной переписи 1948 г. число граждан Югославии, заявивших на переписи о своем русском происхождении, было оценено в 20 069 человек (из них в Сербии — 13 329) [Konačni rezultati 1954]².

На следующей переписи 1953 г. русские (а вместе с ними украинцы, русины, чехи и словаки) исчезают: в ней остается группа «остальные славяне» — 174 284 человека на всю Югославию [Popis stanovništva 1959]. Примерную численность русских можно определить исходя из того, что в предыдущей переписи русинов (и той их части, которая декларировала себя как украинцев) было 37 140 человек на всю Югославию, словаков — 83 626, чехов — 39 015. То есть по переписи 1948 г. численность «остальных славян 1953 г.» (русских, русинов, словаков и чехов) составляла 179 850 человек на всю Югославию. Русские — 11,16 % от «остальных славян» в Югославии. Можно предположить, что это соотношение не изменилось и в 1953 г. Таким образом, мы получим предполагаемую численность русских в 1953 г. — 19 450. Эти гипотетические цифры кажутся нам крайне маловероятными: данные из фонда Министерства внутренних дел Республики Сербия в Архиве Сербии свидетельствуют о том, что репрессии сравнительно слабо коснулись словаков, чехов и русинов, проживавших компактно, в аграрных и сравнительно закрытых консервативных общинах. Даже в пресловутом Регистре осужденных за симпатии к ИБ число русинов составляет 6 человек, число чехов — 64, словаки и вовсе были столь малочисленны, что не выделялись из миниатюрной группы «остальные» [Регистар лица 2016]. Куда более вероятной нам кажется другая прогностическая цифра, которую можно получить, если отнять от численности «остальных славян» в Югославии в 1953 г. известную нам точно численность словаков, чехов и русинов на 1948 г. в Югославии, — 159 781 и в Сербии — 98 518.

Исходя из этого, можно предположить, что в 1953 г. в Югославии оставалось 14 503 русских. Впрочем, и эта цифра выглядит слишком оптимистичной. По данным современных исследователей русской эмиграции А.Б. Арсеньева и М.Л. Ор-

¹ ГА РФ. Ф. Р9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 412.

² Здесь и далее приводим результаты переписей по данным Института статистики Республики Сербии, которые опубликовали свои статистические обзоры в электронном виде без нумерации страниц, см.: <http://www.stat.gov.rs>.

довского-Танаевского, Управление государственной безопасности Югославии уже в 1949 г. констатировало, что к середине 1949 г. в стране оставалось всего «13 057 русских, из них 5874 имели советское гражданство, 6887 — югославское, а 296 не имели подданства» [Гимназия в лицах 2018, с. 25–26]. Те же данные о 13 тысячах русских эмигрантов на 1949 г. зафиксированы и в сводной справке УГБ о русской эмиграции, составленной в 1953 г. [Црвена армија и руска емиграција 2018, с. 154].

Численность неудобных «русских» мало интересовала югославских демографов и позже [Popis stanovništva 1970; 1972; 1982]. Фокус с исчезающим меньшинством югославские демографы показывали и по поводу немцев и итальянцев, которых с 1953 г. прятали в категории «остальные неславяне». При этом об уничтожении немцев и итальянцев в титовской Югославии уже после 1991 г. написаны книги, регулярно организуются научные конференции. Исчезновение русской этнической группы в годы суровых чисток 1940-х и 1950-х, а потом и в «блаженные времена» титовской Югославии до сих пор не стало предметом подробного изучения.

Число русских жителей Югославии, напрямую пострадавших от титовских репрессий 1948 г., сравнительно сложно оценить, как и вообще оценить общую цифру жертв репрессий политического процесса откола Югославии от советского блока в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Заключение в тюрьмы и судебные процессы после пыток, жестокие условия в тюрьмах и унижения в лагерях проводились титовским режимом не менее кроваво и жестко, чем их противниками в сталинском СССР в 1930-е гг. В первое послевоенное десятилетие титовский режим, укреплявший свою власть в завоеванной стране, в процентном соотношении по числу расстрелянных и посаженных был даже более brutальным, чем советский режим в то же десятилетие, так как последний уже имел достаточный авторитет страха и не нуждался в особо массовых репрессиях.

Существует известный Регистр лиц, осуждавшихся за сочувствие резолюции Информбюро. Этот документ сохранился в нескольких экземплярах в архивах бывших югославских республик (точнее, в рассекреченной части архивов местных разведок). Он был отсканирован и выложен в интернет в 2013 г. в Хорватии (<http://www.noviplamen.net/dosije-o-golom-otoku/>), а в 2012–2016 гг. подготовлен к печати и издан в качестве публикации источника в Сербии [Регистар лица 2016]. Этот список, конечно же, интересно статистически изучить. Вот, например, краткий обзор национальностей, упомянутых в списке.

Национальность	Численность	% от числа лиц в Регистре	% от численности населения Югославии
албанец	437	2,682792	4,757966
бразилец	1	0,006139	
болгарин	258	1,583891	0,387647
чех	64	0,392903	0,247367
египтянин	1	0,006139	

француз	1	0,006139	
грек	4	0,024556	
итальянец	87	0,534103	0,50453
венгр	246	1,510227	3,147913
австриец (или немец)	10	0,061391	0,350854
поляк	6	0,036835	
влах (или румын)	22	0,135060	0,406382
русский	107	0,061391	0,127244
цыган (или турок)	7	0,042974	0,461169
серб	7184	44,103383	41,51076
хорват	2586	15,875744	23,99397
словенец	561	3,444042	8,974279
македонец	812	4,984959	5,13645
черногорец	3552	21,806127	2,699089
югославянин	4	0,024556	
русин (или украинец)	6	0,036835	0,235479
остальные (евреи, турки, словаки и лица без гражданства)	125	0,767389	

Исходя из этой таблицы, можно составить список лояльности и нелояльности отдельных народов Югославии, сравнивая процентное соотношение по численности в Регистре и по численности в республике по переписи 1948 г. Эту калькуляцию мы провели для народов, число осужденных среди которых составляло 100 и более лиц.

«ИНДЕКС ЛОЯЛЬНОСТИ» ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ
ПО РЕГИСТРУ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ИБ

Национальность	Кол-во в Регистре	% от общего числа в Регистре ИБ	% от общей численности в ФНРЮ	% ФНРЮ / % ИБ	% ИБ / % ФНРЮ
словенец	559	3,431764	8,974279	2,615063	0,3824
венгр	246	1,510222	3,147913	2,084405	0,479753
албанец	439	2,69507	4,757966	1,765433	0,566433
хорват	2.581	15,84505	23,99397	1,514288	0,660376
македонец	809	4,966542	5,13645	1,034211	0,966921
серб	7.186	44,11566	41,51076	0,940953	1,062752
болгарин	263	1,614587	0,387647	0,240091	4,165095
русский	107	0,656885	0,127244	0,193708	5,162405
черногорец	3.540	21,73246	2,699089	0,124196	8,051775

Регистр, а в особенности его итоговая цифра — около 16 тысяч человек очень активно использовались и используются для определения общего баланса жертв репрессий против противников титовской версии коммунизма в 1940–50-е гг. Проблема всех этих построений и статистические выкладки буквально висят в воздухе. Этот список не является полным списком лиц, пострадавших от титовских репрессий против сторонников СССР в указанном периоде. По данным объемного историографического исследования Г. Милорадовича, опубликованного во введении к вышеупомянутой публикации Регистра, данные о 16 тысячах пострадавших в ходе репрессий против сторонников ИБ стоит считать неполными и неточными. Фактически речь шла о партийно-полицейской неформальной репрессии, где задержанные не обязательно подвергались аресту, а могли быть допрошены и направлены в лагеря без судебного решения. Некоторые были убиты или покалечены в ходе этих допросов до такой степени, что не подвергались дальнейшей изоляции. По мнению Г. Милорадовича, базирующегося на архивных данных и глубококом изучении научной и служебной литературы, общая численность жителей Югославии, подвергавшихся задержанию и санкциям по обвинению в симпатиях к СССР в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг., составила около 60 тысяч человек, из них только через лагерь Голый остров (закрыт в 1956 г., кроме него существовала сеть более мелких лагерей и тюрем по всей стране) прошло примерно 30 тысяч человек [Регистар лица 2016, с. 28–32]. Интересно, что истинное число русских, осужденных в титовской Югославии за реальные или мнимые симпатии к СССР, также было намного больше, чем 100 человек. Тот же А.Б. Арсеньев считает, что их численность — около 200 человек. Кроме того, вместе со своим соавтором М.Л. Ордовским-Танаевским он полагает, что после исхода русских из Югославии в результате репрессий конца 1940-х — начала 1950-х гг. «фактически закончилась история русской эмиграции в Югославии» [Гимназия в лицах 2018, с. 26].

Кто были эти русские, указанные в вышеупомянутом Регистре? Уже на первых порах становится ясно, что Регистр вряд ли можно назвать окончательным и точным документом, так как он кишит опечатками, двойными именами и расхождениями. С точки зрения нашей темы важно то, что среди русских, указанных в нем, очевидно (судя по именам и местам рождения), отмечено и несколько русинов: Бильна Никола (от отца Якова), Ердельи Янко (от отца Василия), Херцег Грегор (от отца Максима), Колбас Янко (от отца Янка), Ломпар Мелания (от отца Янка), Медвед Янко (от отца Йозефа), Огризович Анка (от отца Пантелиа), Павлович Джуро (от отца Джуре), Сабадош Владимир (от отца Янка), Шарик Марко (от отца Йована). В то же время несколько русских — судя по именам, фамилиям и известным лицам — было записано под другими национальностями (обычно это касалось молодежи, которую записывали по месту рождения).

Список русских граждан Югославии (см. Приложение), составленный на основании Регистра ИБ, не может считаться полным — не только исходя из общих рассматриваний и мемуарных данных, которые подробно изучил Г. Милорадович. Известны также имена русских эмигрантов, арестовывавшихся по подозрению в сочувствии СССР и в то же время не включенных в список. Наиболее известен

из «неучтенных» случай профессора А.В. Соловьева, продержанного на допросах в КПЗ целых 18 месяцев, а после этого выброшенного из страны вместе с семьей [Тимофеев 2017]. В этом Регистре не упомянуты и погибший в застенках УДБ о. Владислав Григорьевич Неклюдов, инженер П. Крат, профессор И. Голенищев-Кутузов и некоторые другие участники известного процесса августа 1951 г. против «группы советских шпионов», а также фигурировавшие в отчетах некие Федор Шаламов и Скорик, а также профессор Всеволод Тумим, чиновник МВД БиГ Петр Соколов, техник Мстислав Зилов, чиновник Анатолий Поляков, инженер Евгений Поляков, чиновник Владимир Костромин, домохозяйка Любовь Босич, домохозяйка Ольга Голенищева-Кутузова, инженер Сергей Марков, инженер Борис Марков, инженер Никола Савченко, певица Любовь Безуглова, бывший чиновник советской комендатуры Мария Волобуева, чиновник Владимир Пономарев, чиновница Ольга Ярон, профессор Владимир Мартино, профессор Кирилл Мартино, театральная режиссер Лидия Мансветова-Хвостова, чиновник Игорь Русанов, чиновница Галина Демиденко и др.

Репрессиям подвергались бывшие переводчики, прикомандированные к офицерам СМЕРШа и НКГБ после освобождения: чиновник Ольга Савченко, бывший государственный прокурор из Белой Церкви Никола Булгаков, домохозяйка Татьяна Заносенко, чиновник Григорий Скворцов, чиновник Иван Акулов, бывший юрисконсульт Леонид Алексеев, чиновница Тамара Ефимова, учащаяся Вера Иванова, бывший торговец Иван Корольков, врач Алексей Котляров, строительный техник Николай Козловский, чиновник Борис Тормаков, чиновник Всеволод Высоцкий, помощник адвоката Федор Висевко, адвокат Александр Коробов, бывший подполковник Тихон Дунаев, помощник адвоката Аркадий Желеховский, чиновник Владимир Ворнаховский, чиновник Николай Гарденин, домохозяйка Лидия Ильченко, бывший директор гимназии Иван Михайлович Малинин, чиновник Щукин, студентка Тамара Скута, чиновница ЮСПАДа Одиселидзе, чиновница Татьяна Гутеша и др. [Црвена армија и руска емиграција 2018, с. 156, 160]. Эти пять десятков имен могут быть дополнены на основании дальнейшего исследования. Исходя из этого, можно согласиться с оценкой А.Б. Арсеньева в две сотни осужденных за реальные или мнимые симпатии к СССР русских жителей Югославии в 1948–1953 гг.

Стоит при этом отметить, что цифра в две сотни осужденных за 1948–1953 гг. не выглядит значительной лишь при первом рассмотрении. Если соотнести ее с общим числом русских эмигрантов в Югославии в 1948 г. (около 20 тысяч человек), получится, что арестам, побоям и заключению подверглись свыше 1 %. Если исходить из оценок 1949 г. (около 13 тысяч человек), то можно сказать, что через югославские тюрьмы и лагеря прошло не менее 1,5 %. Смертность составила около 5 %. Для того чтобы оценить жестокость условий заключения, стоит сказать, что в конце 1930-х гг. шанс на смертность в сталинских лагерях колебался в районе 2–5 % [Вишневский 2003]. На пике репрессий в СССР, по переписи 1937 г., проживало 162 млн человек, за 6 лет — с 1934 по 1939 г. — было осуждено за различные политические преступления 2 029 557 человек, что составило около 1,36 % населения страны [Земсков 2012]. Таким образом, уровень травматично-

сти репрессий 1948–1954 гг. для русского населения Югославии можно сравнить с травматичностью Большого террора 1930-х гг. для жителей СССР. Кроме тюремного заключения, титовскими властями практиковалась и другая, более массовая форма наказания — высылка. Организаторы изгнания предпочитали высылать русских эмигрантов на Запад, где большинство из них попадало в лагеря перемещенных лиц (сформированные сразу после Второй мировой войны), и лишь в случае, если последние настаивали, высылка проводилась в социалистические страны, откуда бывшие эмигранты надеялись попасть в СССР.

Дальнейшее изучение истории последнего десятилетия русской эмиграции в Югославии должно быть продолжено в разных направлениях. В том числе и путем детального изучения биографий всех лиц, подвергавшихся репрессиям в самом конце существования югославской эмиграции как единой социальной группы.

Сокращения

- ИБ — Информационное бюро коммунистических и рабочих партий — международная коммунистическая организация в 1947—1956 гг., преемница Коммунистического Интернационала, распущенного в 1943 г.
- НКГБ СССР — Народный комиссариат государственной безопасности СССР в 1943–1946 гг.
- ОЗН (Отделение защиты народа) — название югославских партизанских военных контрразведывательных организаций 1943–1946 гг.
- СМЕРШ (Смерть шпионам!) — название советских военных контрразведывательных организаций 1943–1945 гг.
- УДБ — Управление государственной безопасности, центральный орган политического контроля титовской Югославии 1946–1966 гг.
- ЮСПАД — Югославско-советское пароходное агентство на Дунае (акционерное общество речного транспорта) 1946 г.
- ЮСТА — Югославско-советское транспортное агентство (акционерное общество гражданской авиации) 1946–1949 гг.

Источники и литература

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации

АС — Архив Сербии

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

Аникеев 2002 — *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

Арсеьев 2011 — *Арсеьев А.Б.* Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011.

Афанасьев 2007 — *Афанасьев В.Б.* Мой отец руски емигрант. Београд, 2007.

Вишневский 2003 — *Вишневский А.* Демография сталинской эпохи. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema02.php>.

Гимназия в лицах 2018 — Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) / сост. А.Б. Арсеьев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Кн. I–II. Белград, 2018.

- Заточеници Голог Отока 2016 — Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / приред. Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофеев. Београд, 2016.
- Земсков 2012 — *Земсков В.Н.* О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. 2012. № 1 (66).
- Између две отаџбине 2016 — Између две отаџбине: југословенски политички емигранти у Совјетском Савезу 1948–1956: документи Управе државне безбедности ФНР Југославије / приред. Г. Милорадовић, А. Тимофеев. Београд, 2016.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.
- Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану. 1920–1940. Београд, 2006.
- Косик 2000 — *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- Косик 2007 — *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). М., 2007.
- Маевский 1966 — *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: в 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.
- Москва — Сербия 2017 — Москва — Сербия, Белград — Россия: Сб. док. и мат-лов: в 4 т. / сост. А. Тимофеев, Г. Милорадовић, А. Силкин. Београд; М., 2017. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг.
- Ордовский-Танаевский 2013 — *Ордовский-Танаевский М.Л.* Русский Корпус. Свидетельства (6 серий x 00:52:00). [Документальный фильм]. 2013.
- Регистар лица 2016 — Регистар лица осуђиваних по основу Информбироа. Документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / приред. Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофеев. Београд, 2016.
- Терзић 2017 — *Терзић П.* Руска емиграција у Сенти (Утицај руске емиграције на културни живот града Сента). Сента, 2017.
- Тимофеев 2011 — *Тимофеев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- Тимофеев 2017 — *Тимофеев А.Ю.* Русский правовед из Варшавы как пример судеб белой эмиграции в Югославии в течение и по окончании Второй мировой войны // Историк-слависты МГУ. Многоликий и беспокойный славянский мир. М., 2016. С. 469–492.
- Црвена армија и руска емиграција 2018 — Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу антии-овске пропаганде / приред. А. Тимофеев. Београд, 2018.
- Каџаки 1991 — *Каџаки Ј.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S. H. S. (Yugoslavia): 1920–1945. Arnhem, 1991.
- Коначни резултати 1954 — Коначни резултати пописа становништва од 15.3.1948. год. Становништво по народности. Београд, 1954. Књ. IX.
- Попис становништва 1959 — Попис становништва и станова 1953. Београд, 1959. Књ. 1: Vitalna и етничка обележја.
- Попис становништва 1970 — Попис становништва и станова 1961. Београд, 1970. Књ. 1: Vitalna и етничка обележја.
- Попис становништва 1972 — Попис становништва и станова 1971. Национални састав становништва по општинама. Stat. bilten 727. Београд, 1972.
- Попис становништва 1982 — Попис становништва, домаћинства и станова 1981. године. Национални састав становништва по општинама. Stat. bilten 1295. Београд, 1982.

Приложение

СПИСОК РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГОСЛАВИИ,
ОСУЖДЕННЫХ В РАМКАХ БОРЬБЫ С ПРОСОВЕТСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ
В ФРНЮ В 1948–1958 гг., СОСТАВЛЕННЫЙ НА ОСНОВАНИИ РЕГИСТРА
ИЗ АРХИВА СЕРБИИ, Ф. БИА, ЗБ. П, БР. 109*

Ф.И.О.	Дд./мм./гг. рожд.	Общ рожд.	Нац. по протоколу	Орган задержания	Орган следствия	Дата ареста	срок в мес.	Вид наказания	Дата освоб.	Дополнение
1. Акрит Михаил Митрофанович	050604		русский	КРС-ЮНА		121051	240	Уголовное наказание	291156	
2. Акрит Тамара Ивановна	280209		русский	КРС-ЮНА		121051	84	Уголовное наказание		
3. Александрович Александр Петрович	290926	Вуковар	русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	040649	24	Административное наказание	310552	
4. Алексич Ольга Александровна	291012		русский	УДБ ФНРЮ		241149	18	Лицо скончалось в заключении	281050	
5. Амброшевич Борислав Фердинандович	281207		русский	УДБ Белграда	УДБ ФНРЮ	230549	24	Административное наказание	070851	Повторно осужден 04.06.58–24.12.60 на 24 месяца
6. Арандаренко Григорий Михайлович	020825	Белград	серб	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	180653	24	Административное наказание	010755	
7. Баков Никита Петрович	140516		русский	УДБ ФНРЮ		280751	240	Уголовное наказание		Наказание сокращено
8. Боремович Арсений Михайлович	250694		русский	УДБ НР Биг		110753	240	Уголовное наказание		
9. Борисевич Владимир Александрович	220314		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	080851	144	Уголовное наказание	291156	Помилование

* Термин «русские жители Югославии» используется в качестве собирательного названия для общей группы русских, проживавших в Югославии, которую составляли граждане и неграждане, эмигранты из России и уроженцы Югославии, их потомки.

10. Борисов Петр Владимирович	271121	Любля	русский	УДБ НР Словении	УДБ НР Словении	УДБ НР БиГ	140452	14	Административное наказание	101153	
11. Владимирович Антон Георгиевич	180188		русский	УДБ ФНРЮ			160252	24	Административное наказание	060754	
12. Высоцкий Николай Всеволодович	190617		русский	УДБ ФНРЮ	УДБ ФНРЮ	УДБ НР БиГ	270251	96	Уголовное наказание	300754	Наказание сокращено
13. Гембачев Сергей Николаевич	250899		русский	УДБ НР Хорватии	УДБ НР Хорватии		050649	240	Уголовное наказание	291158	
14. Гесслер Вадим Александрович	191116		русский	УДБ НР БиГ	УДБ НР БиГ		080449	60	Уголовное наказание	080454	
15. Глебов Александр Иванович	300413		русский	УДБ НР Хорватии	УДБ НР Хорватии		140250	40	Административное наказание	170851	
16. Глушенко Михаил Александрович	071189		русский	УДБ Белграда	УДБ Белграда		220451	24	Административное наказание	080653	
17. Голубев Сергей Александрович	180807		русский	УДБ ФНРЮ	УДБ ФНРЮ		130848	240	Уголовное наказание		
18. Гончаров Василий Федорович	010105		русский	УДБ ФНРЮ	УДБ ФНРЮ		060150	18	Административное наказание	030153	
19. Гортынский Дмитрий Михайлович	160131	Белград	русский	УДБ ФНРЮ	УДБ ФНРЮ		081149	24	Административное наказание	010551	
20. Григорьев Георгий Николаевич	180802		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии		230649	120	Уголовное наказание	230655	Наказание сокращено
21. Гридин Борис Александрович	280813		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии		251251	36	Уголовное наказание	251254	
22. Давиденко Владимир Иванович	280398		русский	КРС-ЮНА	КРС-ЮНА		280848	108	Уголовное наказание	281156	Помилование
23. Данилов Владимир Васильевич	070106		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии		260455	48	Уголовное наказание	291156	Помилование
24. Демченко Михаил Степанович	200994		русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии		140352	42	Уголовное наказание	140955	
25. Демьянов Виктор Модестович	260521	Панчево	русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии		261153	24	Административное наказание	291155	

Ф.И.О.	Дд./мм./гг. рожд.	Общ рожд.	Нац. по протоколу	Орган задержания	Орган следствия	Дата ареста	срок в мес.	Вид наказания.	Дата освоб.	Дополнение
26. Денисов Кирилл Николаевич	051230	Кралево	русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	010952	54	Уголовное наказание	010955	Наказание сокращено
27. Джурович Мария Акимовна	040813		русский	КРС-ЮНА	УДБ Белграда	180751	24	Административное наказание	220653	
28. Еремина Мария Ивановна	040223	Крижевци	русский			271151	24	Административное наказание	060454	
29. Еремич Татьяна Кирилловна	270316		русский	УДБ ФНРЮ		270449	12	Административное наказание	220653	
30. Жеребков Илья Владимирович	180719		русский	УДБ ФНРЮ	УДБ Белграда	060749	72	Уголовное наказание	060755	
31. Забиякин Владимир Борисович	050428	Охрид	русский	УДБ НР Македонии	УДБ НР Македонии	030451	24	Административное наказание	080653	
32. Заболотский-Дубровин Борис Семёнович	020209		русский	КРС-ЮНА		071149	72	Уголовное наказание	071155	
33. Карагеоргий-Алкалаев Михаил Павлович	210800		русский	УДБ ФНРЮ		130650	120	Уголовное наказание		
34. Карпов Павел Богданович	251222	Подравская Слатина	русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Хорватии	090752	60	Уголовное наказание	291156	Помилование
35. Картовцев Алексей Антонович	140707	Осиек	хорват	УДБ НР Хорватии	УДБ НР Хорватии	130649	36	Административное наказание	230453	
36. Кобелев Григорий Степанович	000025		русский	УДБ НР Сербии		000449	15	Административное наказание	251149	
37. Кожемякин Георгий Николаевич	270221	Герцег Нови	русский	УДБ Белграда		130249	24	Административное наказание	291149	
38. Кожемякин Михаил Николаевич	240925		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	270549	24	Административное наказание	170352	
39. Кожемякина Нина Димитриевна	010498		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	210349	36	Административное наказание	161052	

40. Косценя Леонид Леонидович	060613	русский	КРС-ЮНА	160451	96	Лицо скончалось в заключении	200752
41. Красношевская Ида Мария Х.	090928	русский	УДБ НР Хорватии	290351	24	Административное наказание	060554
42. Крестич Ирина Павловна	020124	русский	УДБ ФНРЮ Сербии	190351	24	Административное наказание	220653
43. Крьюков Алексей Федорович	300385	русский	УДБ НР БИГ	120549	132	Уголовное наказание	Наказание сокращено
44. Кубло Павел Анастасьевич	260800	русский	КРС-ЮНА	060251	54	Уголовное наказание	060855
45. Кудрович Владимир Сергеевич	100708	русский	КРС-ЮНА	070153	96	Лицо скончалось в заключении	240454
46. Кузманович Галина Владимировна	250421	русский	УДБ НР Сербии	200351	96	Уголовное наказание	Наказание сокращено
47. Лабуховская Симка Матвеевна	020227	русский	УДБ ФНРЮ	150752	24	Административное наказание	060254
48. Лазарев Лев Павлович	031010	русский	КРС-ЮНА	291251	48	Уголовное наказание	291255
49. Лебедев Александр Владимирович	150731	русский	УДБ ФНРЮ	090749	18	Административное наказание	
50. Лебедев Владимир Александрович	051206	русский	КРС-ЮНА	210649	108	Уголовное наказание	
51. Ляшевский Виктор Владимирович	131103	русский	УДБ НР Словении	190549	72	Административное наказание	Повторно особое учреждение 04.06.58–29.07.59 на 24 месяца
52. Макаresco Леонид Аркадьевич	140404		УДБ ФНРЮ	280648	72	Лицо скончалось в заключении	271253
53. Макаров Владимир Вячеславович	100207	русский	КРС-ЮНА	300150	96	Уголовное наказание	

Ф.И.О.	Дд./мм./гг. рожд.	Общ рожд.	Нац. по протоколу	Орган задержания	Орган следствия	Дата ареста	срок в мес.	Вид наказания.	Дата освоб.	Дополнение
54. Маслова Вишня Адамовна	260230	Мостар		УДБ НР Словении		160649	06	Административное наказание	291149	
55. Миликич Татьяна Николаевна	090814		русский	КРС-ЮНА	УДБ Бел-града	210850	96	Уголовное наказание	300555	Переведен на условное
56. Мордовин Милан Данилович	130422	Славонская Пожега	русский	КРС-ЮНА		061050	84	Уголовное наказание	060456	Наказание сокращено
57. Музалевский Александр Васильевич	100923	Печ	русский	УДБ НР Черногории	УДБ НР Черногории	260751	24	Административное наказание	250254	
58. Наумов Юрий Олегович	080124	Косовская Митровица	русский	УДБ НР Сербии		031249	90	Уголовное наказание	031255	Наказание сокращено
59. Немухин Михаил Михайлович	101102		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	090849	30	Административное наказание	280752	
60. Нечаева Елена Дмитриевна	170429	Кралево	русский	УДБ НР Сербии		201148	20	Уголовное наказание	291154	Наказание сокращено
61. Никонов Степан Андреевич	170592		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	180651	216	Уголовное наказание	181252	
62. Огнен Владимир Иванович	070294		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	110649	72	Уголовное наказание	110655	
63. Павловский Афанасий Афанасьевич	040889		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Хорватии	250549	60	Лицо скончалось в заключении	030851	
64. Пелипец Владимир Васильевич	000094		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	190159	24	Особое учреждение	160461	
65. Першак Мирко Яковлевич	060324		русский	УДБ НР Словении		180950	18	Административное наказание	220252	
66. Першак Лидия Афанасьевна	150398		русский	УДБ НР Словении	УДБ НР Словении	150950	24	Уголовное наказание	150952	

67. Пирожков Борис Ильич	240717		русский	КРС-ЮНА	УДБ Бел-града	031049	36	Уголовное наказание	031052
68. Поплавский Владимир Вячеславович	060431	Баня Лука	русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Македонии	061248	72	Уголовное наказание	061154
69. Попов Миодраг Дмитриевич	050129	Кралево	русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	291249	24	Административное наказание	100353
70. Попов Николай Аркадьевич	271196		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	180651	216	Уголовное наказание	181252
71. Прокопенко Сергей Васильевич	230222	Прокупле	русский	УДБ НР Словении	УДБ НР Сербии	180848	180	Уголовное наказание	180855
72. Пстроцкий Георгий Дмитриевич	150909		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Биг	120149	60	Уголовное наказание	180154
73. Пушкин Георгий Константинович	000030	Пожаревац	русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	010649	18	Административное наказание	011049
74. Рейтер Сергей Васильевич	020495		русский	УДБ Бел-града	УДБ Бел-града	301150	24	Административное наказание	080653
75. Романенко Николай Иванович	191225	Крагуевац	серб	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	221150	168	Уголовное наказание	050655
76. Романов Александр Степанович	171224	Скопье	русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Македонии	160349	42	Уголовное наказание	221251
77. Романовский Михаил Кириллович	250828	Кочани	македонец	УДБ НР Македонии	УДБ НР Македонии	180450	12	Административное наказание	281251
78. Романовский Николай Романович	231125	Скопье	македонец	УДБ НР Македонии	УДБ НР Македонии	210251	18	Административное наказание	0752
79. Росинский Василий Герасимович	121124	Штип	македонец	КРС-ЮНА	УДБ НР Македонии	160649	120	Уголовное наказание	031253
80. Рудинский Николай Матвеевич	030922	Субботица	хорват	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	100949	48	Уголовное наказание	041152
81. Рудомино Аркадий Владимирович	090115		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	280449	24	Административное наказание	170851
82. Русанов Николай Игоревич	250324	Мурская Собота	словенец	УДБ НР Словении	УДБ НР Словении	220549	15	Административное наказание	

Ф.И.О.	Дд./мм./гг. рожд.	Общ рожд.	Нац. по протоколу	Орган задержания	Орган следствия	Дата ареста	срок в мес.	Вид наказания.	Дата освоб.	Дополнение
83. Савченко Игорь Петрович	250813		русский	УДБ ФНРЮ		050749	156	Уголовное наказание		
84. Сердок Лидия Николаевна	150630	Панчево	русский	УДБ ФНРЮ		201050	24	Административное наказание	030153	
85. Сикорский Михаил Васильевич	070519		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Биг	260252	30	Уголовное наказание	260854	
86. Ситарски Кирилл Михайлович	181210		русский	УДБ ФНРЮ		210549	192	Уголовное наказание		
87. Сколинович Даниил Андреевич	071025		русский	КРС-ЮНА	КРС-ЮНА	050850	168	Уголовное наказание		
88. Смоловцев Богдан	000000			УДБ НР Сербии		000359	42			
89. Смолян Евгения Евгениевна	000004		русский	УДБ НР Хорватии		270449	20	Административное наказание	291149	
90. Солнцев Радомир Васильевич	060927	Сень	русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Сербии	070153	108	Уголовное наказание	291156	Помилование
91. Сопка Владимир Петрович	021015	Вуковар		УДБ Бел-града	УДБ Бел-града	101249	36	Административное наказание	230453	
92. Сорокин Георгий Владимирович	061199		русский	УДБ НР Биг	УДБ НР Биг	200752	18	Административное наказание	060754	
93. Сливак Ана Самуиловна	160329	Бачки Петровац		УДБ Бел-града	УДБ НР Сербии	080252	24	Административное наказание	241153	
94. Спрухарик Андрей Александрович	000026	Шид		УДБ НР Хорватии		100949	14	Административное наказание	121149	
95. Сухих Сузана Ивановна	120230	Данилов-град	русский	УДБ ФНРЮ	УДБ Бел-града	301249	18	Административное наказание	291151	
96. Трофимов Александр Иванович	200106		русский	КРС-ЮНА	КРС-ЮНА	150851	108	Уголовное наказание	291156	Помилование
97. Тумина Нина Петровна	180411		русский	КРС-ЮНА	УДБ НР Биг	030449	168	Уголовное наказание	291155	Переведен на условное

98. Февр Михаил Михайлович	270702		русский	КРС-ЮНА	КРС-ЮНА	120752	60	Уголовное наказание	291156	Помилование
99. Холод Дмитрий Филиппович	000000	Прнявор	русский	УДБ НР БяГ		210750	24	Лицо скончалось в заключении	310750	
100. Храмов Константин Семенович	281205		русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	251051	24	Административное наказание	010855	
101. Хрипковский Владимир Иванович	240704		русский	КРС-ЮНА	УДБ Белграда	050550	96	Уголовное наказание	050556	Наказание сокращено
102. Чумаков Григорий Михайлович	010601		русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	310152	24	Уголовное наказание	310154	
103. Чучувадзе Игорь Тимофеевич	170927	Дубровник	русский	УДБ НР Сербии		110750	96	Уголовное наказание		
104. Шалаев Михаил Николаевич	200995		русский	УДБ НР Хорватии	УДБ НР Хорватии	161051	24	Административное наказание	250254	
105. Шелченко Николай Павлович	061204		русский	УДБ НР Сербии	УДБ НР Сербии	080649	30	Административное наказание	140254	
106. Шубин Николай Алексеевич	261197		русский	УДБ ФНРЮ		080351	24	Административное наказание	060754	
107. Яковлевич Лидия Георгиевна	090424		русский	КРС-ЮНА		161152	72	Уголовное наказание		

Р. Радженович

РОМАН ОСИПОВИЧ ЯКОБСОН —
ЧЛЕН СЕРБСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Датой основания Сербской академии наук и искусств (далее — САНИ) считается 19 ноября 1841 г.¹ В соответствии с Уставом академия является независимой организацией, управляемой ее членами, работает на основании Закона о САНИ, которым регулируется научно-исследовательская деятельность². Члены академии выбираются президиумом — высшим органом управления. Процедура предложения и избрания новых членов академии, как и критерии оценки их вклада в науку и искусство, определяются Уставом академии³.

Членом САНИ может быть избран иностранный гражданин, имеющий исключительные заслуги в развитии науки или искусства. «Исключительность» вклада в науку подразумевает оригинальные исследовательские результаты и опирающиеся на них работы, которые высоко оценены в стране и за рубежом и благодаря которым значительно совершенствуются познания о соответствующей научной области, а также «прикладные решения, основанные на этих научных результатах. Вклады кандидатов должны значительно превосходить стандарты, которые установлены в науке и высшем образовании»⁴.

По инициативе отделения САНИ или по собственной инициативе президиум предлагает выбор иностранных граждан в члены академии, который проводится с помощью тайного голосования. Ранее, на собраниях отделения, которые проходят самое позднее до марта выборного года, назначаются комиссии. «Два члена комиссии должны быть из отделения, в которое кандидат предлагается»⁵.

Рефераты о кандидатах содержат основные биографические и библиографические сведения о работе претендента, систематизированный очерк и оценку их работ и результатов, особенно тех, которые являются исключительным достижением в науке (и искусстве), а также дается подробное обоснование предложения.

¹ Ее предшественники: Общество сербской словесности (основано 19 ноября 1841 г.) и Сербское ученое общество (основано 29 июля 1864 г.); Сербская королевская академия (основана 1 ноября 1866 г.). С 1947 г. — САНИ.

² Статут САНИ. Ст. 5.

³ Закон о САНИ. Ст. 10, 13.

⁴ Статут САНИ. Ст. 10–11.

⁵ Там же. Ст. 18.

В рефератах должны быть перечислены количество работ в международных и национальных журналах, количество монографий в значимых издательствах, вводных лекций, лекций на значительных международных конференциях, участие в редакционных комитетах, награды и признания. Указывается и работа по развитию новых поколений ученых, международное сотрудничество и работа по организации науки. Реферат содержит полные ссылки на ключевые работы. Наряду с обязательными показателями комиссия в реферате может указать и все другие особые сведения, которые она считает важными в выборе кандидата. «В заключении реферата резюмируются основные положения комиссии в отношении вклада кандидата в своей области, с особым акцентом на оригинальность и репутацию кандидата»⁶.

Выбор кандидатов происходит на собрании отделения САНИ — в течение мая выборного года, когда отделения принимают решения о поданных рефератах, т. е. учитываются мнения выбранных комиссий. Для того чтобы решение о выборе иностранного члена было действительным, необходимо присутствие большинства из общего числа членов отделения, за исключением членов, постоянно проживающих за рубежом. Считается, что решение о принятии предложения о выборе кандидата принято, когда за него, тайным голосованием, проголосуют большинство присутствующих членов.

Так, по инициативе Отделения языка и литературы САНИ членом-корреспондентом выборного 1955 г. был предложен Роман Осипович Якобсон, тогда уже один из ведущих лингвистов в мире, главный идеолог европейской ветви структурной лингвистики, классик американской лингвистики. Он окончил гимназию при Лазаревском институте восточных языков (1914), а затем историко-филологический факультет отделения славянской филологии Московского университета (1918).

Большую часть своей жизни Роман Якобсон провел за пределами России. С 1920 г. он жил в Чехословакии, получив в 1937 г. чехословацкое гражданство. Степень доктора была присвоена Якобсону в 1930 г. в Немецком университете в Праге (тема: «О строении стихов сербско-хорватского народного эпоса» («Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen»)). В 1931 г. ученый переехал в Брно, где преподавал в университете имени Масарика русскую филологию и древнечешскую литературу.

Из Чехии Якобсон переезжает в Данию (Копенгаген), позднее в Швецию (Уппсала), где также преподает в университетских центрах. В 1941 г. Якобсон покидает Европу и переезжает в Нью-Йорк. В США он пишет большинство своих лингвистических, психолингвистических работ и работ по теории литературы. Также он преподает в лучших американских университетах — Колумбийском и Гарвардском. Всесторонне образованный, с широким спектром научных интересов, он был одним из главных теоретиков структурной лингвистики и поэтики, ведущим славистом, типологом, занимался психолингвистикой и экспериментальной фонетикой. Роман Якобсон был и первым председателем Московского лингвисти-

⁶ Там же. Ст. 19.

ческого кружка (1915), одним из основателей Пражской лингвистической школы (1926), одним из основателей Нью-Йоркского лингвистического кружка и его журнала «Word» (1944).

До 1955 г. Р.О. Якобсон уже являлся членом Датской королевской академии наук (1949), Американской академии наук и искусств (1950), членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Хельсинки (1949), почетным членом Общества по изучению мифологии «Теоноя» в Брюсселе (1950), а также Международной фонетической ассоциации (1951), членом Филологического общества в Лондоне (1950), членом Акустического общества Америки (1951), заместителем председателя Международной ассоциации современных славянских языков и литератур в Париже (1952).

Процедура предложения Отделения языка и литературы САНИ об избрании членом-корреспондентом Р.О. Якобсона, решения комиссии по этому поводу в марте выборного года, встреч отделения и окончательного голосования в течение мая на основании всего материала была опубликована.

Поскольку отделения обязаны «Президиуму САНИ предложения по выбору кандидатов, которые на основании рефератов приняты большинством, как и мнения, которые высказали уполномоченные избиратели, доставить в срок до 1 июня выборного года»⁷, Отделение языка и литературы САНИ до 1 июня 1955 г. передало президиуму полный материал о Романе Якобсоне.

Президент САНИ Александр Белич созвал заседание 10 июня 1955 г. в 10 часов утра. Он открыл заседание президиума и констатировал, что присутствует достаточное количество членов академии для проведения заседания. Был прочитан протокол ежегодного собрания за 15 апреля 1955 г., который принят без замечаний, а третьим пунктом повестки дня значился выбор новых членов. Председатель констатировал, что на собрании присутствуют 25 регулярных членов академии и что тем самым выполнено законное условие для выбора новых членов.

Для подсчета голосов были определены академики В. Мишкович и К. Петкович.

Начался выбор кандидата Отделения природно-математических наук, затем Отделения медицинских наук. Через некоторое время председатель прервал заседание и назначил его продолжение на 10 часов утра 14 июня 1955 г. Состав присутствующих, собравшихся в этот день, немного отличался: из академиков не было Моши Пияде, а из членов-корреспондентов — Р. Кашанина, В. Новака, С. Павловича и П. Вуевича; между тем присутствовали и трое членов-корреспондентов, которых не было 10 июня 1955 г., а именно: М. Йосифович, М. Вукдрагович и Д. Павлович.

Заседание 14 июня началось в 10 часов.

Присутствующие: председатель А. Белич, заместитель председателя М. Миланкович, секретарь Академии П.С. Йованович; академики: Й. Радонич, Ж. Джорджевич, Т. Живанович, И. Джая, Н. Радойчич, А. Билимович, В. Мишкович, И. Андрич, Н. Салтыков, С. Станкович, П. Колендич, П. Ко-

⁷ Статут САНИ. Ст. 21.

невич, Дж. Нешич, П. Савич, К. Тодорович, Г. Острогорски, Д. Неделькович, К. Шахович, И. Секулич, Ч. Симич и К. Петкович; член-корреспонденты: С. Бошкович, Д. Пантелич, Й. Тадич, С. Джелинео, Г. Елезович, М. Йосифович, М. Младенович, С. Добросавлевич, И. Джуричич, В. Арновлевич, И. Синдик, М. Милунович, С. Стоянович, Дж. Андреевич-Кун, М. Вукдрагович, П. Стеванович, М. Милосавлевич, Д. Павлович и С. Радойчич.

За рубежом: академики П. Йованович, Й. Карамата и М. Рош.

В командировке: академик С. Христич.

На больничном: В. Петкович, Т. Росандич и М. Васич.

Извинился член-корреспондент М. Лукович.

Председатель открывает продолжение заседания Президиума, уточняя, что количество присутствующих достаточно для выбора новых членов⁸.

Продолжается выбор новых членов Отделения медицинских наук, а затем переходят к выбору кандидатов Отделения языка и литературы. После выбора внутри страны переходят к выбору иностранных членов. Первым кандидатом был Андре Ваян, профессор Французского колледжа (Collège de France), а ранее профессор сербского языка в Школе восточных языков (École des langues orientales) в Париже, которого Отделение языка и литературы предложило в качестве члена-корреспондента.

После него приступили к выбору Романа Осиповича Якобсона, профессора Гарвардского университета, которого Отделение языка и литературы Сербской академии наук предложило в качестве члена-корреспондента.

Председатель дает детальную справку о кандидате.

После голосования председатель объявляет, что Роман Осипович Якобсон, профессор Гарвардского университета, выбран членом-корреспондентом САН.

Председатель объявляет паузу.

После паузы Президиум продолжает работу в 12.30.

Переходят к выбору кандидата Отделения социальных наук...⁹

Роман Осипович Якобсон не присутствовал на заседании 14 июня 1955 г., когда его избрали членом-корреспондентом Сербской академии наук (и искусств), но в сентябре того же года он был в Белграде, где впервые после Второй мировой войны, 15–21 сентября, в зале Сербской академии наук прошел Международный съезд славистов¹⁰. Около 60 славистов из почти всех стран мира, в которых изучаются славянские языки и литература, собрались на съезде, открытом Александром Беличем. На третий день съезда, прежде чем началась работа секций, единогласно было принято «предложение о создании Международного комитета славистов, который в будущем будет созывать съезды и конгрессы международного характера и заботиться об их организации» [Политика 1955а]. В этот

⁸ [Протокол... 1955].

⁹ Там же.

¹⁰ До войны слависты мира провели два конгресса — в 1929 г. в Праге и в 1934 г. в Варшаве и Кракове, а третий конгресс, который должен был состояться в Белграде в 1939 г., не был проведен из-за войны.

комитет вошли 12 членов и 12 заместителей — среди них и Роман Якобсон из США. В этот же день в секции литературы Якобсоном был прочитан реферат о результатах работы, достигнутых в лингвистике и литературе за последние 10 лет. На пленарном заседании профессор в качестве представителя Калифорнийского университета перечислил значимые работы Колумбийского и Гарвардского университетов США в сфере изучения древних славянских памятников письменности, особенно русских — «например “Слово о полку Игореве” и его связях с Задонщиной» [Политика 1956]. Он говорил также о сотрудничестве ученых-лингвистов и о помощи, которую современная рентгенология, высшая математика и физика оказывают лингвистике. Особенно были интересны замечания о изучении языка американских славян, в чем говоре сливаются разные диалекты и влияние англосаксонского окружения.

Во время пребывания Якобсона в Белграде Александр Белич лично познакомил его со своей бывшей студенткой, сербским лингвистом Милкой Ивич. Более двух часов они обсуждали проблематику славянских падежей. По возвращении в Америку Р. Якобсон внимательно изучил работы Милки Ивич. Вероятно, благодаря этому, спустя пять лет, муж М. Ивич, Павле, также лингвист и член САНИ, получил приглашение читать лекции в Гарварде, а Милка, в качестве профессора-гостя, — в Йельском колледже. Во время пребывания супругов Ивич в Америке они общались с Якобсоном; профессор, вероятно, сыграл важную роль в их жизни, так как по его совету японцы, сразу после Хомского, пригласили Павла и Милку Ивич провести лингвистические курсы их специалистам в Токио. Позднее, по рекомендациям Р. Якобсона и известного чешского слависта Хавранека, Милка Ивич была выбрана членом Международной комиссии по изучению грамматической структуры славянских языков. «Якобсон уже был старым и уставшим и отказывался от всех подобных приглашений, — позже вспоминала М. Ивич, — но от нашего (моего и Павле) не отказался — он приехал в Нови-Сад и для наших студентов провел несколько незабываемых лекций» [Радованович 1985].

Когда Роман Осипович умер в Бостоне (18 июля 1982 г.), Милка Ивич написала некролог, опубликованный в «Ежегоднике САНИ» за 1983 г. Она его описывала как исключительно работоспособного человека, потому что и на больничной койке он имел достаточно сил, чтобы надиктовывать свои опасения об отдельных проблемах, которые привлекали его внимание. Якобсон оставил более пятисот опубликованных работ и еще семнадцать, которые он закончил в период с июня 1981 по июнь 1982 г. и передал в печать.

Роман Якобсон являлся почетным доктором двадцати пяти университетов, членом многих ученых обществ и девяти академий наук.

«У нас была особая причина оказывать почести Якобсону, — пишет Милка Ивич в некрологе. — Этот космополит по жизненному пути и важным достижениям был трогательно предан славянскому миру, из которого происходил. Свою приверженность этому миру он показывал разными способами. О сербской среде он всегда говорил с нескрываемой теплотой. Не только тем, что сотрудничал с журналами нашей научной области, но и выбором предмета анализа умел непосредственно обогатить нашу науку и культуру <...>. Сербская академия наук и ис-

куств может только гордиться тем, что великий Роман Якобсон с удовольствием назывался и ее членом» [Ивић 1984].

Литература

- Закон о САНИ — Закон о Сербской академии наук и искусств, 2010.
Ивић 1984 — *Ивић М.* Роман Осипович Якобсон // Ежегодник САНИ. ХС за 1983 год. Белград, 1984. С. 393–395.
Политика 1955а — Политика. 1955. 17 сент.
Политика 1955б — Политика. 1955. 19 сент.
Протокол... 1955 — Протокол заседания Парламента, прошедшего 10, 14 и 29 июня 1955 года // Ежегодник САНИ. LXII. Белград, 1955. С. 34–40.
Радованович 1985 — *Радованович М.* Три вопроса Милке Ивич // Литературное слово. Т. VIII. № 253. Белград, 1985.
Статут САНИ — Статут Сербской академии наук и искусств, измененный и дополненный, от 26.05.2017.

С. Мандич

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ БЕЛГРАДА

Русская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) представляет собой сложное историческое и социальное явление, одинаково значимое для истории Балкан, России, Европы и мировой истории. С другой стороны, Белград по праву считается важным международным архивным центром для исследования различных феноменов современной истории, включая историю русской эмиграции, самой массовой группы межвоенной политической эмиграции в КСХС [Jovanovic 2006]. Среди учреждений, которые хранят ценный архивный материал, необходимый для воссоздания истории русской эмиграции после революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. в советской России, Исторический архив Белграда (далее — ИАБ), безусловно, занимает важное место¹.

Этот архив хранит сегодня около 2800 фондов и коллекций, или 13 погонных километров архивных материалов, охватывающих период с XVI в. до наших дней. Самым древним фондом является «Земунская магистратура (1749–1934)», а самым древним отдельным документом — «Диалог между турком-османом и христианином XVI века». Большая часть фондов включает в себя такие сферы, как экономика и финансы, социальные и политические институты и общества, образование, культура, наука, общественные организации, здравоохранение, судебные органы и религиозные учреждения. В архиве находятся также многочисленные личные и семейные фонды и коллекции.

В этой статье мы упомянем наиболее важные архивные фонды и коллекции, имеющие значение для исследования биографических данных русских эмигрантов в период 1920–1950-х гг. Некоторые коллекции представляют собой особенно ценные источники по биографике русских беженцев, проживавших в Белграде. Когда речь заходит о возможностях использования подобных архивных документов в будущем, необходимо иметь в виду перспективы внедрения новых технологических решений внутри архива, а также процессы обмена данными и различные формы сотрудничества между учреждениями.

Самым важным архивным фондом ИАБ, содержащим наибольшее количество биографических данных о русских беженцах, является «Карточный реестр

¹ Важно упомянуть и другие белградские учреждения, значимые для изучения русской эмиграции: Архив Сербии, Архив Югославии, Архив Сербской академии наук и искусств, Архив Сербской православной церкви, Национальная библиотека Сербии, Библиотека Белградского университета.

Белграда и земунских граждан Центрального управления делами Администрации города Белграда», крайние даты документов — начало 1920-х — конец 1940-х гг. Этот реестр является частью фонда «Белградская городская администрация (UGB) 1839–1944 годов». Фонд охватывает период с 1924 по 1944 г. (но карты хранились до 1950-х гг.); он сосредоточен в 848 картонных коробках (755 из них относятся к жителям Белграда и 93 — к жителям Земуна). Общее количество карт превышает один миллион; они размещены в ящиках в алфавитном порядке. Карты напечатаны на обеих сторонах; размер карты — 21 × 19 см. Все карты имеют одинаковые поля ввода для личных данных, которые не всегда целиком заполнены. Карты заполнялись от руки, чернилами, что следует учитывать при критическом анализе данных.

Карты с их структурой данных представляют собой неисчерпаемый источник для исследования демографических характеристик столицы КСХС/Югославии, а затем и Федеративной Народной Республики Югославии. Сведения, доступные на карточках, следующие: адрес; имя и фамилия; профессии; гражданство; дата рождения; место рождения; происхождение — муниципалитет, округ, страна; признание; предыдущее место жительства; имя и девичья фамилия жены²; имя/имена ребенка/детей; персональное описание для иностранных граждан; регистрация места жительства с указанием даты, адреса и имени арендодателя; дата снятия с учета и новый пункт назначения. Каждая карточка имеет примечание к полю, которое часто содержит дополнительную информацию.

Хорошо известно, что первоисточники, использовавшиеся для реконструкции истории русской эмиграции на Балканах, несмотря на хорошую сохранность, демонстрируют определенные ограничения. Профессор Мирослав Йованович отметил, что фонды организаций и учреждений эмигрантов, а также фонды правительственных учреждений, отвечавших за эмигрантов, очень богаты архивными материалами, созданными с начала 1920-х до 1925–1926 гг. [Jovanovic 2006, с. 19–20]. По истечении этого срока количество архивных материалов уменьшается. Карточный реестр жителей Белграда и Земуна, хранящийся в ИАБ как особый вид архивных материалов, созданных государственными органами, безусловно, обладает определенной степенью достоверности и может заполнить пробелы и после 1926 г., когда документация правительственных органов и количество эмигрантских учреждений уменьшаются, особенно после того, как проблемы с проживанием беженцев были решены. Регистрационные карточки фиксируют период интеграции эмигрантов в новую среду.

Результаты нашего исследования регистрационных карт русских эмигрантов — выдающихся личностей периода Февральской революции, представителей политической и военной элиты Российской империи, находившихся в Белграде, — в первую очередь демонстрируют новое измерение этого архивного материала для исследований истории русской эмиграции [Mandić 2017]. Кроме того, они указывают на количественные характеристики данных, хранящихся в более чем

² Иногда указывается дата брака или браков, если лицо состояло в браке более одного раза, а также дата и место рождения жен.

одном миллионе регистрационных карточек белградских жителей. Так, результаты исследования показывают, что число эмигрантов в Белграде увеличивалось, в то время как их общее количество в королевстве, напротив, уменьшалось: в период с 1921 по 1924–1925 гг. число русских беженцев в КСХС сократилось с 40 000 до 35 000, а в Белграде, наоборот, увеличилось с 3500 до 10 000 человек³ (население Белграда в 1931 г. составляло 239 000 человек). Эти цифры говорят о том, что можно социологически исследовать многие аспекты истории русской эмиграции на большой выборке тех, кто был зарегистрирован в Белграде и чьи регистрационные карточки сегодня хранятся в ИАБ.

Упомянем лишь несколько аспектов истории русской постреволюционной диаспоры, которые могут быть дополнительно исследованы через реестр гражданских карт. Например, благодаря информации о предыдущем месте жительства, дате снятия с учета и следующем пункте назначения можно отследить процесс отъезда беженцев, который был неотъемлемой частью их жизни на Балканах [Jovanovic 2006, с. 150]. Русские эмигранты стремились жить в большом городе, ибо только здесь они могли надеяться на интеллектуальный труд и дальнейшую карьеру, хотя многие из них были готовы принять любую работу. Русские солдаты и армейские офицеры испытывали наибольшие трудности при поиске работы, что видно из регистрационных карточек генералов Русской императорской армии: Петра Ивановича Аверьянова, Владимира Павловича Шатилова, Михаила Алексеевича Пржевальского. Генерал-лейтенант Аверьянов сначала работал в Кадастре, затем был профессором математики в гимназии в Чуприи, а впоследствии перешел на службу в югославскую армию. Генерал от инфантерии Шатилов работал частным клерком, а генерал Пржевальский был сотрудником в Военном министерстве. Кроме того, подробная информация о членах семей эмигрантов позволяет глубже понять их жизнь, трудности, проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться — как отдельным лицам, так и целым семьям и всему сообществу [Там же, с. 470–477]. Следует также учитывать, что ряд русских эмигрантов в Белграде, вероятно, не был зарегистрирован в карточном реестре жителей по разным причинам: например, для выезда из Белграда до 1924 г., дабы избежать регистрации полицией, или, возможно, карта не сохранилась. Есть также несколько случаев, когда один человек был зарегистрирован дважды. Так, Михаил Борисович Максимович был зарегистрирован в апреле 1924 г. как студент семинарии, а 14 января 1938 г. — под именем Йован (Иоанн) Борисович Максимович, епископ Шанхайский.

Карточный реестр жителей Белграда и Земуна 1924–1950 гг., насчитывающий более миллиона регистрационных карточек, был отсканирован в 2016 г. Это упростило их повседневное использование. В предыдущие десятилетия всегда была вероятность, что после использования какая-нибудь карта не вернется на свое место в алфавитном порядке, что было равнозначно ее потере навсегда. Если бы процесс оцифровки реестра карт включал базу данных с возможностью поиска

³ Позже число русских эмигрантов в Белграде также начало уменьшаться: в 1929–1930 гг. их проживало в Белграде около 9432 человек, в 1941–1942 гг. — около 6500, см.: [Jovanović 1996, с. 186, 218–219].

по всем данным, имеющимся на картах, будущие исследования русской эмиграции были бы значительно облегчены и можно было бы проанализировать новые аспекты эмиграции на репрезентативной выборке.

Не менее важным историческим источником по биографическим данным русской эмиграции являются архивные материалы, созданные немецкими оккупационными властями и сербскими учреждениями, сотрудничавшими с ними во время Второй мировой войны. Этот архивный материал хранится в фондах Администрации города Белграда и Начальника полиции безопасности и службы безопасности — BdS (документы, созданные немецкой политической полицией, которая контролировала столицу и большую часть недической Сербии). Кроме того, концентрационный лагерь в Банице был создан во время войны в качестве департамента Администрации города Белграда по решению и распоряжению немецких властей [Мицковић, Радојчић 2009, с. 50–58]. Архивные материалы, хранящиеся в отделе специальной полиции (личные дела агентов и сотрудников специальной полиции и дела арестованных), материалы, созданные немецкой политической полицией (личные дела арестованных, реестр арестованных и лиц, за которыми следит гестапо), и личные данные из книг концентрационного лагеря Баница содержат много важной информации о русских эмигрантах. Эти документы наилучшим образом иллюстрируют судьбу русской эмиграции во время Второй мировой войны: некоторые эмигранты входят в состав чинов Русского охранного корпуса, некоторые уезжают из Белграда в организационные центры власовской армии, другие становятся агентами или должностными лицами специальной полиции и гестапо, а некоторых допрашивают и арестовывают за их левые политические взгляды. Как и многие другие белградские жители, они также репрессировались, расстреливались и отправлялись в лагерь Баница и в другие немецкие лагеря [Ракочевић, Латинчић 1996; Тимофејев 2011]. По нашим оценкам, в этих фондах содержится информация примерно о четырехстах русских эмигрантах с такими судьбами.

Хорошим примером, демонстрирующим богатые возможности фондов периода Второй мировой войны, является случай биографического словаря чинов Русского охранного корпуса [Волков, Стрелянов (Калабухов) 2009]. Он содержит сведения о 3582 чинах, и лишь в немногих из них приводятся сведения из ИАБ, между тем в его архивных фондах находится биографическая информация для значительно большего количества чинов Русского охранного корпуса.

В заключение хотелось бы упомянуть еще о нескольких фондах с биографической информацией о русских эмигрантах. О работавших на государственной службе можно найти сведения в материалах отделов кадров этих учреждений или в списках сотрудников. Например, муниципалитет города Белграда вел списки русских эмигрантов, работавших здесь⁴. Следует упомянуть фонды «Коммерческий суд в Белграде» и «Агентство коммерческой разведки Белграда (Крединтинформ)». Сведения о жизни эмигрантов сохраняются в документах торговых и медицинских, а также ремесленной палат в Белграде. Значительную информацию можно найти в

⁴ ИАБ. ОГБ Опште одељење, Административни одсек. 1923. Ин. б. 52. Ф. 21. Р. бр. 292.

фонде «Техническая дирекция муниципалитета города Белграда». Этот материал упорядочен по названиям улиц и сохраняет все сведения о зданиях на определенной улице, имя владельца, номер участка и разрешение на строительство.

Источники и литература

ИАБ — Исторический архив Белграда

Волков, Стрелянов (Калабухов) 2009 — *Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М.: Рейтар: Форма-Т, 2009.

Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996.

Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану 1920–1940. Београд: Чигоја штампа, 2006.

Мицковић, Радојчић 2009 — *Мицковић Е., Радојчић М.* Концентрациони логор Београд — Бањица у окупраном Београду — архивска грађа // Логор Бањица / Логораши 1941–1945. Београд: Историјски архив Београда, 2009. С. 50–58.

Ракочевић, Латинчић 1996 — *Ракочевић Б., Латинчић О.* Руски емигранти у Београду, траг и инспирација: каталог изложбе. Београд: Историјски архив Београда, 1996.

Тимофејев 2011 — *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији 1941–1945: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011.

Mandić 2017 — *Mandić S.* Russian Emigration and Year 1917 in the Collections of the Historical Archives of Belgrade: Participants of the February Revolution in Belgrade // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья: Междунар. науч.-просветит. конф. Москва, 26–28 октября 2017 г. / сост. М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 517–532.

М.М. Горинов-мл.

ЧТО РУССКАЯ ОХРАНКА ЗНАЛА О ЕВГЕНИИ АНИЧКОВЕ

Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — одна из самых ярких и многогранных личностей российской диаспоры в Югославии¹. Диапазон его интересов очень широк: историк литературы, критик, писатель, фольклорист, педагог. Председатель Русской академической группы в Белграде, профессор Белградского университета (1920), с 1926 г. профессор философского факультета университета в г. Скопье. С 1925 г. почетный член Союза русских писателей и журналистов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, заместитель его председателя. Под редакцией Аничкова в 1937 г. вышел «Белградский Пушкинский сборник». Евгений Васильевич читал лекции по истории русской и французской литературы XIX в., средневековой европейской литературы [Миленкович 1996, с. 138; Тесемников 2002, с. 216; Сорокина 2011, с. 60]. В литературных и философских кругах Югославии его очень ценили, он пользовался большой любовью своих учеников, которых у него за долгую службу в Скопье было немало [Унковский 1937].

В эмиграции Евгений Аничков опубликовал несколько крайне любопытных работ по истории раннего русского христианства, влиянию западной литературы на славянский мир². Ряд трудов, вышедших в свет на сербском языке («Лев Толстой в глазах Запада», «Судьба поэзии Пушкина»)³, знакомят сербских читателей с русским литературным наследием.

Большой личный фонд Е.В. Аничкова, включающий в себя его мемуары и научные материалы, хранится в Архиве Сербской академии наук и искусств (ф. 8259)⁴. Его литературные труды (пьесы, рассказы) находятся в составе ряда личных архивных собраний в Национальной библиотеке Сербии в Белграде

¹ Приношу благодарность М.Ю. Сорокиной за идею этой работы и выявление архивных материалов.

² «Христианство и Древняя Русь» (Прага, 1924), «История эстетических учений» (Прага, 1926), «Западные литературы и славянство» (т. 1–2, Прага, 1926). Библиография трудов Аничкова в эмиграции представлена в «Материалах для библиографии русских ученых трудов за рубежом»: Вып. 1. Белград, 1931. С. 14–16; Вып. 2. Белград, 1941. С. 27.

³ Вјачеслав Иванов // Nova Evropa. 1922. 21 marta; Последње године Достојевскога живота // Ibid. 1922. 1 apr.; Руске књиге // Српски књижевни гласник. 1922. 1 јуна; Лав Толстој пред очима Запада // Мисао. 1928. 10 авг.; Л.Н. Толстој. Београд, 1929; Судбина Пушкинове поезије // Српски књижевни гласник. 1937. 16 феб.

⁴ Этот фонд содержит рукопись воспоминаний Е.В. Аничкова «В прежней России и за границей. Повесть о судьбах родины и о самом себе» — 26 тетрадей, его ненапечатанные статьи и литературные произведения. Копия частей 3 («Пестрые годы») и 5 («Последнее десятилетие царской России») этих мемуаров и статья «Русское дворянство и социализм» хранятся в ГА РФ, в фонде коллекций микрофотокопий доку-

[Ичин 2007, с. 89–90]. Удивительно, что при этом жизненный путь ученого остается неисследованным: о нем написаны лишь небольшие справочные статьи в биографических словарях (см.: [Тименчик 1989, с. 77–78; Серков 2001, с. 61; Мнухин 2008, с. 61; Сорокина 2011, с. 59–60]).

В трудах, посвященных Аничкову, указывается, что он был революционером [Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61; Мнухин 2008, с. 61], но документальных свидетельств почти не приводится. Между тем в Государственном архиве РФ, в фонде Департамента полиции (ф. 102), находятся материалы наблюдений за ним, протоколы допросов и другие интересные документы, раскрывающие его биографию.

Родился Евгений Аничков 17 (29) января 1866 г. в г. Боровичи Новгородской губернии⁵, в семье потомственного дворянина, отставного штабс-капитана лейб-гвардии Стрелкового батальона, юриста Василия Ивановича Аничкова (1838–1881). Детство провел в Тифлисе и Вильно, где отец служил военным судьей [Аничков 1904, с. 338–339; Тименчик 1989, с. 77; Гутнов 2004, с. 148]. Василий Иванович был человеком литературно образованным, актером-любителем. «Любовь к родной литературе и была той умственной атмосферой, в которой я жил мальчиком», — вспоминал Евгений [Аничков 1904, с. 339]. В 1878 г. семья переехала в Петербург, где мальчик учился в 6-й, а в 1886 г. окончил 2-ю классическую гимназию. В том же году Е. Аничков стал студентом германо-романского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета и под влиянием филолога А.Н. Веселовского (1838–1906) сосредоточил свои силы на изучении истории западноевропейской литературы [Аничков 1904, с. 339; Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61]. В это время он и попадает в поле зрения Петербургского охранного отделения.

Согласно полицейским данным, Евгений состоял членом университетского Научно-литературного общества⁶, закрытого 12 июня 1887 г. министром просвещения вследствие того, что в его состав входили главные участники покушения 1 марта 1887 г. на Александра III (П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, П.Я. Шевырев и др.). Александр Ильич Ульянов (1866–1887), казненный по этому делу, был секретарем общества⁷. Ввиду близкого знакомства с А.И. Ульяновым Евгений Аничков и его старший брат Иван, состоявший также секретарем Научно-литературного общества⁸, были подвергнуты обыску, но ничего, их компрометирующего, обнару-

ментов зарубежных архивов: Ф. 8091. Оп. 20. Д. 37. Л. 1–227. Неопубликованные статьи Аничкова о литературе и его переписка хранятся и в его личном фонде в РГАЛИ (ф. 1008).

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25505; ГА РФ. Оп. 200. Делопр-во 7 (1903 г.). Д. 2850. Ч. 1. Л. 1.

⁶ Научно-литературное общество содействовало научным и литературным занятиям студентов, устраивая научные рефераты и литературные чтения, предпринимая перевод иностранных научных сочинений и издания лучших студенческих диссертаций и статей, см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 82. Делопр-во 3 (1886 г.). Д. 647. Л. 19, 22. Евгений Аничков вступил в это общество 30 октября 1886 г.

⁷ Там же. Л. 3–3 об., 4, 28.

⁸ Аничков Иван Васильевич (1863–1921) — археолог, этнограф, краевед. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета. В 1890-х гг. участковый мировой судья Боровичского уезда.

жить не удалось. А потому братья к дознанию не привлекались и после кратковременного ареста в Доме предварительного заключения были освобождены⁹.

Как следует из справки, составленной Департаментом полиции, в декабре того же 1887 г. Евгений Аничков принял активное участие в студенческих беспорядках в Петербурге. Причем он являлся одним из главных организаторов сходов для выражения сочувствия московскому студенчеству, протестовавшему против действий инспектора Московского университета А.А. Брызгалова (1844–1888), усилившего шпионаж за учащимися, и пострадавшему от репрессий правительства. Кроме того, Евгений выступал против университетского устава 15 августа 1884 г., усиливавшего полицейский надзор над студентами¹⁰. За это он был исключен из университета и ему, по распоряжению московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова (1810–1891), было запрещено жить в Москве и Московской губернии¹¹. Этот запрет будет снят только 4 декабря 1899 г.¹²

Аничков был выслан из столицы и отбывал воинскую повинность в 28-м Новгородском драгунском полку на территории Малороссии, где занимался изучением фольклора и знакомился с крестьянским хозяйством [Аничков 1904, с. 339; Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61]. Осенью 1889 г. восстановлен в Петербургском университете, который окончил в 1892 г. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию [Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61; Сорокина 2011, с. 59]. В 1894 г. Аничков впервые выехал за границу, в Лондон, где проработал около года в Британском музее [Аничков 1904, с. 339; Серков 2001, с. 61]. В Англии он не переставал интересоваться происходящим на родине, о чем свидетельствует перехваченное Петербургским охранным отделением письмо его университетского товарища Александра Михайловича Ону (1865–1935), будущего историка и дипломата, в котором тот сообщал Аничкову о произведенных в Петербурге арестах знакомых им оппозиционно настроенных студентов¹³.

В 1895 г. Евгений Васильевич сдал магистерский экзамен¹⁴, после чего был принят в штат Университета Св. Владимира в должности приват-доцента истории западноевропейской литературы и лектора английского языка [Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61; Гутнов 2004, с. 148; Сорокина 2011, с. 59]. Ежегодно совершал по-

С 1899 г. действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии. С 1907 г. служил в Новгородском окружном суде.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Делопр-во 3 (1894 г.). Д. 452. Ч. 1. Л. 1 об.; Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Ч. 1. Л. 12.

¹⁰ Студенты Петербургского университета также требовали удаления ректора М.И. Владиславлева и инспектора М.Ф. Цивилькова, открытия студенческой столовой, разрешения землячеств [Толмачев 2007, с. 532–533].

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 84. Делопр-во 3 (1888 г.). Д. 72. Л. 5, 20; Ф. 102 (ОО). Оп. 235. Д. 307. Л. 25. Воспоминания Е.В. Аничкова об этом периоде («Устав 1884-го года и студенчество на перепутье») были опубликованы в составе вышедшей в 1934 г. в Париже книги «Памяти русского студенчества. Сборник воспоминаний конца XIX — начала XX вв.» (с. 36–71).

¹² Там же. Оп. 92. Делопр-во 3. Д. 452. Ч. 1. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 2. Письмо от 26 апреля 1894 г.

¹⁴ Экзамен на звание магистра истории западноевропейской литературы, см.: Там же. Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Ч. 1. Л. 2.

ездки за границу с научными целями. Хотя ничего подозрительного за Аничковым замечено не было, он все равно находился под подозрением как бывший участник студенческих беспорядков и персона, связанная с покушавшимися на цареубийство. Так, в циркуляре Департамента полиции на имя начальников жандармских пограничных пунктов от 2 июня 1900 г. Аничков был включен в число лиц, которых по возвращении из-за границы следует подвергать тщательному таможенному досмотру и за которыми нужно установить секретное наблюдение. В сентябре того же года он был подчинен негласному полицейскому надзору¹⁵.

4 марта 1901 г. начальник Киевского губернского жандармского управления В.Д. Новицкий (1837–1907) докладывал в Департамент полиции, что по недавнем возвращении из очередной служебной командировки Евгений Васильевич стал заведующим кафедрой истории западноевропейских литератур в Университете Св. Владимира, но не сошелся во взглядах с ректором Ф.Я. Фортинским¹⁶ по поводу прокатившихся здесь в декабре 1900 г. студенческих беспорядков. Их последствием было большое количество уволенных студентов для отбытия воинской повинности (50 человек). Аничков выразил убеждение, что если бы ректор лично явился на студенческие сходки и попытался умиротворить митингующих, то это бы их успокоило. Фортинский же ответил в такой форме: «Вероятно, Вы еще после поездки Вашей за границу находитесь в несколько нервном возбуждении и настроении»¹⁷. После этого Аничков подал прошение об отставке. Начальник киевских жандармов также сообщал, что Евгений Васильевич представляется многим окружающим его лицам «неблагонадежной» личностью. Он подтверждал это тем фактом, что под попечением Аничкова находился исключенный из Университета Св. Владимира студент А.Д. Покотилев (1879–1904), известный Департаменту полиции в качестве активного подстрекателя к беспорядкам¹⁸.

В апреле 1901 г. Евгений Васильевич уехал за границу и поселился во Франции¹⁹. Заграничная агентура русской полиции фиксировала, что Аничков в числе некоторых других профессоров, лишенных, вследствие их политической неблагонадежности, кафедр в российских университетах, стал организатором Русской высшей школы общественных наук в Париже, открытой в ноябре того же года. Здесь он читал курсы по русскому язычеству и европейским литературным течениям XIX в., а также под его руководством велись практические занятия по сравнительной истории литературы²⁰. Профилем школы была определена социология.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Д. 452. Ч. 1. Л. 26–27; Ф. 102 (ОО). Оп. 235. Д. 307. Л. 2.

¹⁶ Фортинский Федор Яковлевич (1846–1902) — историк-медиевист. Ординарный профессор (с 1897), декан историко-филологического факультета (1887–1890), ректор (1890–1902) Университета Св. Владимира в Киеве.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 235. Д. 307. Л. 14–14 об., 25 об.

¹⁸ Там же. Л. 14 об., 15. А.Д. Покотилев был исключен из университета за участие в демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге. Прожив некоторое время в Полтаве, скрылся за границу, где вступил в Боевую организацию эсеров и готовил покушение на министра внутренних дел В.К. Плеве (1846–1904). Погиб от разорвавшейся в руках бомбы.

¹⁹ Там же. Л. 16, 25 об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 226 (1898 г.). Д. 3. Ч. 140. Л. 21; Оп. 235. Д. 307. Л. 26.

Студентом мог стать любой желающий без каких-либо сословных и национальных ограничений. Плата за обучение была невысокой — 30 франков в год. Профессора пользовались максимальной свободой преподавания и могли обсуждать не только научные, но также политические и социальные вопросы [Гутнов 2004, с. 5, 96, 167, 248].

В глазах российских силовиков Русская высшая школа общественных наук представлялась заведением революционным. В августе 1901 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин (1853–1902), основываясь на сведениях заграничной агентуры, сообщал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу (1844–1907), что «группа политиканствующих профессоров» решила организовать в Париже школу, имеющую целью «развивать учащуюся молодежь в политическом смысле путем специальных лекций». Он подчеркивал, что профессора собираются учредить партию, готовую к борьбе за политическую свободу, и издавать оппозиционный правительству либеральный орган. Кроме того, преподаватели Е.В. Аничков и Ю.С. Гамбаров (1850–1926) в целях приобретения популярности вошли в контакт с живущими в Цюрихе представителями русской революционной эмиграции — основателем Аграрно-социалистической лиги В.М. Черновым (1873–1952) и врачом-гигиенистом профессором Ф.Ф. Эрисманом (1842–1915). Опасаясь, что задача учредителей школы состоит в создании центра антиправительственной агитации и подготовке слушателей в революционном духе, Д.С. Сипягин просил В.Н. Ламздорфа потребовать от французской стороны по дипломатическим каналам пресечь начинание «политиканствующих профессоров»²¹.

Однако основатели учебного заведения действовали в строгом соответствии с французским законодательством, и поэтому закрыть его с помощью дипломатического нажима русским властям не удалось [Там же, с. 4]. Кроме того, по мнению исследователей, полагать, что всеми преподавателями двигали исключительно мотивы низвержения существующего в России строя, было бы неверным. В школе работали и вполне лояльные к самодержавию профессора, которые приняли участие в данном предприятии за плату [Там же, с. 105, 242–243].

В мае 1902 г. Аничков вернулся в Россию, а в июле того же года был назначен приват-доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре западноевропейских литератур²². Состоял также временно приглашенным преподавателем Высших женских (Бестужевских) курсов [Серков 2001, с. 61]. В то же время он продолжал оставаться под негласным надзором полиции²³.

В декабре 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве запретил Особому комитету, в который входил Е.В. Аничков, намеченное на 3 января 1903 г. чествование двухсотлетия русской периодической печати²⁴.

²¹ Там же. Оп. 226. Д. 3. Ч. 140. Л. 3, 3 об., 15, 15 об., 44 об.

²² Там же. Ф. 102. Оп. 92. Д. 452. Ч. 1. Л. 16, 17, 19; Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Ч. 1. Л. 12 об.

²³ Там же. Оп. 92. Д. 452. Ч. 1. Л. 19а.

²⁴ Членами этого комитета по подготовке празднования юбилея печати являлись многие известные писатели и общественные деятели: Н.Ф. Анненский, В.Я. Богучарский, С.А. Венгеров, И.В. Гессен, М. Горький, А.И. Каминка, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.К. Михайловский, В.Д. Набоков, Н.А. Рубакин, В.И. Семевский, М.М. Стасюлевич, см.: Там же. Оп. 100. Делопр-во 3 (1902 г.). Д. 39. Л. 3 об.

Причиной послужило то, что, согласно полицейским данным, устроители этого мероприятия предполагали агитировать за представление правительству адреса о свободе печати, а затем собирались устроить обед, на котором планировали произносить антиправительственные речи²⁵.

Департамент полиции зафиксировал присутствие Аничкова на петербургской студенческой вечеринке 2 февраля 1903 г., где социал-демократы спорили со сторонниками идеалистической философии, убеждая их в том, что «сначала надо избавиться от гнета и произвола²⁶, а потом уже говорить о самосовершенствовании личности»²⁷. Обсуждалась и форма выражения протестов. Одни студенты предлагали забастовки и демонстрации, но хорошо организованные; а другие утверждали, что сначала нужно «поднять общество до сознания, что ему нужна политическая свобода», а только потом действовать.

В 1903 г. контакты Аничкова с неблагонадежными лицами были особенно интенсивными. В марте 1903 г. начальник московской охранки сообщал в Департамент полиции о том, что Евгений прибыл 24 января 1903 г. в Москву и в течение трех дней проживал в гостинице «Дрезден» в одном номере с Ариадной Владимировной Борман (1869–1962)²⁸, журналисткой, сотрудницей ярославской газеты «Северный край». Эта газета была популярной среди рабочих и считалась оппозиционной правительству²⁹. Редакция газеты славилась распространением нелегальной литературы. Сотрудниками этого издания были революционеры. Так, в ней работал Иван Каляев (1877–1905), убивший в 1905 г. великого князя Сергея Александровича (1857–1905)³⁰.

По сведениям Петербургского охранного отделения, в начале ноября 1903 г. в петербургской квартире Аничкова (Гагаринская ул., д. 14) проживал известный своей политической неблагонадежностью и антиправительственными речами Василий Алексеевич Смирнов (1877–?), корректор типографии Э.Г. Фалька в Ярославле, выпускавшей газету «Северный край»³¹.

17 ноября 1903 г. на станции Белоостров Финляндской железной дороги при таможенном досмотре вещей Аничкова, ехавшего из Гельсингфорса в Петербург, в кармане висевшей в вагоне его шинели было обнаружено 7 экземпляров нелегального журнала «Освобождение», издававшегося в Штутгарте П.Б. Струве (1870–1944). Е.В. Аничков и его спутница Ариадна Борман подверглись досмотру, у них в мешках было найдено 106 экземпляров этого печатного органа³². Попутчи-

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 100. Делопр-во 3. Д. 2513. Л. 3, 14–14 об., 15–16, 20.

²⁶ Имелся в виду произвол правительства.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 231 (1903 г.). Д. 534. Л. 1.

²⁸ В первом браке Ариадна Владимировна (урожд. Тыркова) была замужем за инженером-кораблестроителем Альфредом Николаевичем Борманом (с 1890 г.). Во втором (с 1906 г.) — за британским журналистом, корреспондентом газеты «Times» Гарольдом Вильямсом (Williams; 1876–1928).

²⁹ ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 226 (1898 г.). Д. 13. Ч. 16. Л. 19.

³⁰ Там же. Л. 2, 9, 11, 21 об.

³¹ Там же. Оп. 231 (1903 г.). Д. 1700. Л. 26–26 об., 31, 33, 35.

³² Там же. Ф. 102. Оп. 173. Делопр-во 6 (1913 г.). Д. 21. Т. 5. Л. 119 об.; Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Ч. 1. Л. 2, 12 об.; Ф. 827. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

ки были арестованы и преданы суду по обвинению в покушении на распространение журнала, в статьях которого заключается «дерзостное порицание» самодержавного образа правления и содержится призыв к его замене конституционным строем³³.

Подсудимые также обвинялись в провозе нескольких брошюр, изданных редакцией журнала «Освобождение»³⁴. Кроме того, Аничкову инкриминировалось составление обнаруженной в квартире А.В. Борман рукописной заметки «В стране беззакония, насилия и молчания». Заметка выражала сочувствие цели журнала — борьбе с самодержавием в России: «Мы приветствуем Струве на его славном пути борьбы с главным и важнейшим злом русской земли: с обветшалым и затхлым самодержавием, опирающимся на продажное и бездарное, пагубное для России чиновничество»³⁵.

На допросах Евгений Васильевич подчеркивал, что встречающееся в рукописи выражение «борьба с самодержавием» имеет в виду «духовную борьбу с идеей иерархического управления», противопоставляя ей управление путем расширения сферы деятельности органов самоуправления³⁶. Он заявлял, что сочувствует журналу «Освобождение», поскольку считает его не революционным произведением печати, а полезным «органом реформ», сообщаям русскому обществу «точные» сведения о распоряжениях правительства, а также о событиях в общественной жизни³⁷.

Дело рассматривалось в Петербургской судебной палате. Несмотря на усилия адвоката Н.П. Карабчевского (1851–1925), старавшегося доказать, что привезенные номера журнала не содержали в себе признаков революционной пропаганды, 28 апреля 1904 г. Аничков был приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения на 2 года и 6 месяцев³⁸.

В июне того же года мать Е.В. Аничкова Ольга Петровна Кидошенкова, жена сенатора, действительного тайного советника Н.В. Кидошенкова (1828–1905), обратилась к Николаю II с прошением о смягчении участи сына. Император заменил

Евгений Васильевич Аничков (ГА РФ. Ф. 1742 (Коллекция фотографий). Оп. 1 (Коллекция портретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений). Д. 1259 (Аничков Евгений). Л. 1)

³³ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 46. Л. 3 об., 4 об.

³⁴ Брошюры «Самодержавие и земство», «Материалы по рабочему вопросу», «Освобождение».

³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 200. Делопр-во 7 (1903 г.). Д. 2850. Л. 4, 27; Ф. 827. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

³⁶ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 об., 4, 15.

³⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Л. 23.

³⁸ Там же. Оп. 92. Делопр-во 3 (1894 г.). Д. 452. Ч. 2. Л. 9; Ф. 827. Оп. 1. Д. 46. Л. 9–9 об.

наказание заключением в Петропавловскую крепость на один год без лишения прав. В августе просительница ходатайствовала перед министром внутренних дел о зачете сыну в срок наказания времени, уже проведенного им в предварительном заключении (в петербургском Доме предварительного заключения). Ходатайство было поддержано министром юстиции. 15 декабря 1904 г. Николай II повелел освободить Аничкова от дальнейшего заключения в крепости³⁹. Выйдя на волю, Евгений Васильевич защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», за которую получил Уваровскую премию Академии наук [Гутнов 2004, с. 149].

Ариадна Борман была приговорена к двум с половиной годам тюремного заключения, но эмигрировала за границу и стала деятельной сотрудницей редакции журнала «Освобождение». В 1905 г. вернулась в Россию, вступила в Партию народной свободы, была избрана в ее Центральный комитет.

А.Е.В. Аничкову недолго пришлось наслаждаться свободой. В августе 1905 г., в разгар Первой русской революции, он стал одним из организаторов «Всероссийского крестьянского союза», революционной организации, объединявшей крестьян и сельскую интеллигенцию⁴⁰. «Крестьянский союз» выступал за созыв Учредительного собрания, ликвидацию частной собственности на землю и передачу помещичьих, казенных и монастырских земель в общенародное достояние (помещикам должна была выплачиваться частичная компенсация), введение всеобщего начального бесплатного образования, демократизацию местного самоуправления [Сенчакова 1989, с. 153–155; Куреньшев 2004, с. 11, 47, 57–59; Колесниченко 2006, с. 32–33].

6 сентября 1906 г. Аничков был привлечен в Новгородском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в том, что в декабре 1905 г. он собирав крестьян в деревне Коремева Боровичского уезда Новгородской губернии. Он говорил им о невыполнении правительством «Манифеста 17 октября 1905 г.», провозгласившего дарование политических свобод, о необходимости присоединиться к «Крестьянскому союзу» и призывал к отбиранию земли у помещиков «в пользование трудящегося класса». Аничков передал нескольким крестьянам программные документы союза с целью распространения, а также сам читал и разъяснял постановления II съезда союза 6–10 ноября 1905 г.⁴¹, на котором было решено не платить налогов и податей; не представлять сельских приговоров на утверждение земских начальников (а исполнять по постановлениям сходов); сменить все местные крестьянские власти (волостных старшин, сельских старост) и выбрать новых всеобщим прямым голосованием [Сенчакова 1989, с. 155–156; Куреньшев 2004, с. 121, 134].

3 октября 1906 г. Евгений Аничков был арестован на своей петербургской квартире (15-я линия Васильевского острова, д. 18, кв. 3). При обыске были об-

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Делопр-во 3. Д. 452. Ч. 2. Л. 5, 9, 14–17, 19–20.

⁴⁰ Большинство членов союза составляли крестьяне, но его местными организациями (губернскими, уездными, волостными и сельскими комитетами) руководили представители интеллигенции.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 203. Делопр-во 7 (1906 г.). Д. 1146. Л. 1, 3, 15; Ф. 124. Оп. 47. Д. 517. Л. 17 об., 18.

наружены воззвания, брошюры и переписка союза. В тот же день его отпустили (до суда) под залог в 1 тысячу рублей, внесенный врачом-микробиологом, журналистом, членом правления петербургского отделения масонского общества «Мир», одним из основателей армянской националистической партии «Дашнакцутюн» И.З. Лорис-Меликовым (1862–1931)⁴². Евгений Васильевич познакомился с ним во Франции. По рекомендации И.З. Лорис-Меликова и М.М. Ковалевского (1851–1916) Аничков был посвящен в парижскую франко-русскую масонскую ложу «Космос»⁴³ [Николаевский 1990, с. 151–152; Берберова 1997, с. 20–21, 29, 132; Гутнов 2004, с. 92]. Видимо, связи Лорис-Меликова по масонской линии и помогли Евгению Васильевичу временно выйти на свободу.

По данным петербургской полиции, в 1907 г. Аничков читал лекции на Санкт-Петербургских общеобразовательных курсах А.С. Черняева. Но 25 августа 1907 г. курсы были закрыты градоначальником Д.В. Драчевским (1858–1918) на один месяц ввиду того, что Петербургское охранное отделение выявило участие ряда слушателей (Никифора Патеюка, эсера Прокопия Климушкина) в вооруженных экспроприациях, совершенных в столице в 1906–1907 гг., и в распространении нелегальных изданий. Кроме того, двенадцать слушателей образовали террористическую группу («Организацию боевых дружин при Петербургском комитете партии социалистов-революционеров»), поставившую целью убийство высших должностных лиц⁴⁴. 3 сентября 1907 г. учредитель-директор курсов А.С. Черняев (1873–1916) ходатайствовал о разрешении возобновить занятия и не прекращать уже начавшихся вступительных экзаменов. Градоначальник разрешение дал, но при условии, что приват-доцент Аничков, «неблагонадежный в политическом отношении», к чтению лекций допущен не будет⁴⁵.

Приговором Петербургской судебной палаты 4 декабря 1907 г. за участие во «Всероссийском крестьянском союзе», «поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего государственного и общественного строя», Евгений Васильевич был присужден к заключению в Петропавловскую крепость на полтора года⁴⁶. На этот раз он отсидел весь назначенный ему срок.

В августе 1908 г. товарищ председателя Государственной думы барон А.Ф. Мейендорф (1869–1964) ходатайствовал перед товарищем министра внутренних дел сенатором А.А. Макаровым (1857–1919) об отсрочке наказания для осужденного

⁴² Там же. Ф. 102. Оп. 203. Д. 1146. Л. 3 об., 5.

⁴³ По сведениям Департамента полиции, внимательно отслеживавшего деятельность масонских организаций, 16 мая 1905 г. Евгений Аничков был принят в ложу «Космос» и посвящен в степень «Ученика», а в январе 1906 г. возведен в степень «Подмастерья», а затем «Мастера», см.: ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 233а (1905 г.). Д. 12. Ч. 2. Л. 2 об., 116 об., 176. Эта ложа, основанная еще в 1887 г., выступала за низвержение монархии и замену ее республиканским строем и занималась пропагандой пацифизма. Она состояла под эгидой Великого востока Франции, ставившего своей задачей уничтожение монархий, официальных церквей, установление всемирной республики и полный интернационализм, вплоть до ликвидации границ и всеобщего разоружения (Там же. Л. 2 об., 74 об., 79, 85 об., 87, 110 об., 117).

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. Делопр-во 4 (1907 г.). Д. 140. Л. 4, 8 об., 15, 18.

⁴⁵ Там же. Л. 22 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 203. Д. 1146. Л. 15; Ф. 124. Оп. 47. Д. 517. Л. 2.

и разрешении ему выехать на десять дней в Великобританию для участия в 3-м международном научном конгрессе, посвященном мировым религиям. Мейендорфу было отказано⁴⁷. А в марте 1909 г. жена Евгения Васильевича, писательница Анна Митрофановна Аничкова (1868–1935), просила о помиловании супруга ввиду его тяжелого состояния здоровья (неврастения и хроническая сердечная недостаточность) и бедственного положения многодетной семьи⁴⁸. Но Николай II повелел прошение отклонить⁴⁹.

После освобождения Е.В. Аничков остается в поле зрения охраны, но редко упоминается в ее отчетах. Вероятно, он уже отошел от активной революционной деятельности и фигурирует просто как неблагонадежное лицо. В 1909–1916 гг. он состоял профессором Психоневрологического института в Петербурге [Серков 2001, с. 61; Гутнов 2004, с. 247; Сорокина 2011, с. 60]. Работая в его стенах, издал, пожалуй, наиболее значимый свой труд — «Язычество и Древняя Русь» (СПб., 1914) [Гутнов 2004, с. 149].

В 1910 г. Петербургское охранное отделение информировало Департамент полиции о состоявшемся 23–28 апреля этого года в столице II Всероссийском съезде писателей и журналистов, в деятельности которого приняли участие оппозиционные правительству лица: секретари съезда В.В. Водовозов (1864–1933), юрист, член «Союза освобождения»; Н.И. Иорданский (1876–1928), журналист, меньшевик. На этом съезде Аничков не присутствовал, но был избран в ревизионную комиссию намечавшегося в 1911 г. в Киеве III съезда писателей⁵⁰.

В мае 1911 и ноябре 1912 г. начальник петербургской охраны М.Ф. фон Коттен (1870–1917) сообщал в Департамент полиции данные, свидетельствующие о том, что Психоневрологический институт представлял собой «гнездо революционной заразы». Студенты института принимали активное участие во всех антиправительственных демонстрациях и выступлениях⁵¹. Причину оппозиционного настроения учащихся он видел во влиянии профессоров института, значительная часть которых отличалась «крайне левым направлением». В число таких преподавателей Михаил Фридрихович включал Е.В. Аничкова, М.М. Ковалевского, С.А. Венгерова (1855–1920), С.О. Грузенберга (1876–1938), В.А. Мякотина (1867–1937), Е.В. Де-Роберти (1843–1915), Е.В. Тарле (1874–1955)⁵².

⁴⁷ Е.В. Аничкову предлагалось выступить с докладом о славянской мифологии, см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 203. Д. 1146. Л. 21–23, 31.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 517. Л. 7, 18. У Аничковых было трое детей: Игорь (1895–1978) — филолог, доктор наук, жил в СССР, преподаватель Ленинградского университета; Татьяна (в замуж. Перфильева; 1898–?) — художник, скульптор; после 1917 г. эмигрировала, жила в США, затем в Италии, где стала известным скульптором; Елизавета (в замуж. Евреинова; 1894–1940) — филолог, жила в СССР, расстреляна в 1940 г.

⁴⁹ Там же. Л. 17, 20.

⁵⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 119. Делопр-во 4 (1910 г.). Д. 168. Л. 23, 47, 59, 62.

⁵¹ Забастовка 1 ноября 1911 г. в годовщину смерти Л.Н. Толстого. Институтская сходка 24 ноября 1911 г., на которой выражался протест против репрессий правительства в отношении депутатов Государственной думы. Уличные беспорядки 15 апреля 1912 г. по случаю расстрела рабочих на Ленских приисках.

⁵² ГА РФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 241 (1911 г.). Д. 59. Ч. 57. л. А. Т. 2. Л. 315–317 об., 319 об., 320; Т. 3. Л. 147, 149–150.

Между тем сами профессора испытывали на себе революционный дух своих студентов. Так, 26 января 1912 г. на студенческом Совете старост был обсужден доклад о грубости заведующего хозяйственной частью института профессора Аничкова по отношению к служащим института и обременении их ненужной работой в праздничные дни. Старосты выразили «неодобрение» этим «новым веяниям», о чем было решено довести до сведения Аничкова и Совета института⁵³.

В ноябре 1912 г. М.Ф. фон Коттен докладывал в Департамент полиции, что большая часть населения столицы, представители всех общественных слоев и политических течений, с интересом отслеживали события на Балканском полуострове, в частности ход Первой Балканской войны 1912–1913 гг. И профессор Евгений Аничков был среди тех, кто подписал опубликованное 19 октября 1912 г. воззвание к русскому обществу с призывом о нравственной и материальной помощи балканским народам, борющимся с Османской империей⁵⁴.

М.Ф. фон Коттен отметил, что «так называемые прогрессивные круги» общества относятся к южным славянам вполне сочувственно и высказываются за активное вмешательство России в разрешение славянского вопроса⁵⁵.

Видимо, это и объясняет то обстоятельство, что с началом Первой мировой войны Аничков вступил добровольцем в ополчение. Затем служил военным цензором [Тименчик 1989, с. 78; Серков 2001, с. 61]. В 1917 г. он был откомандирован в Русский экспедиционный корпус во Францию, направлен на Салоникский фронт [Серков 2001, с. 61; Гутнов 2004, с. 149; Сорокина 2011, с. 60]. С 1920 г. остался в КСХС. В начале 1930-х гг. принял югославское гражданство⁵⁶. Скончался 22 октября 1937 г., похоронен на Новом кладбище в Белграде [Тесемников 2002, с. 217].

Материалы русской охранки, хранящиеся в ГА РФ, свидетельствуют об активном участии Аничкова в революционном движении на протяжении почти 20 лет: с 1887 по 1905 г. По его признанию, он мечтал об обновлении русской жизни, разрешении первоочередных для страны вопросов: аграрного, университетского, религиозного, национального. Аничков считал, что высшие центральные учреждения неспособны к творческой работе, не могут самостоятельно выработать эффективные законы. Законодательная деятельность правительства нуждается в помощи деятелей местного самоуправления, лучше осведомленных о нуждах страны и готовых участвовать в делах государственной важности⁵⁷. Однако самодержавная власть предпочитала опираться на неэффективный чиновничий аппарат, и это вызывало неприятие Аничкова. Сперва он сочувствовал либеральной программе журнала «Освобождение», выступавшего за политические права и свободы. Но после того как права были декларированы «Манифестом 17 октября 1905 г.», это показалось ему недостаточным, потому что они не реализовывались

⁵³ Там же. Т. 3. Л. 151.

⁵⁴ Воззвание также подписали ученые С.А. Адрианов, В.М. Бехтерев, В.И. Вернадский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.П. Кондаков, С.Ф. Ольденбург, Е.В. Де-Роберти, М.П. Чубинский.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 121. Делопр-во 4 (1912 г.). Д. 278. Л. 29.

⁵⁶ Там же. Ф. 10003. Оп. 12. Д. 17. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 200. Делопр-во 7. Д. 2850. Л. 20–22.

на практике, и его симпатии сдвинулись влево. Программа создававшегося Аничковым «Крестьянского союза» с его социальными требованиями (социализация земли, всеобщее обучение) была весьма близка к программе партии социалистов-революционеров. Таким образом, он прошел путь от студента-бунтаря и либерала до социалиста. Будучи противником правительственного произвола, нарушения прав личности, Аничков боролся против этого, был готов идти на риск. Представляется, что его отход от революционной деятельности после 1905 г. связан не только с репрессиями правительства (ликвидация «Крестьянского союза»), но и со сменой вектора духовных исканий. Известно, что в этот период происходит сближение Е.В. Аничкова с поэтом-символистом Вячеславом Ивановым (1866–1949), он обращается к литературе, драматическому творчеству. Активно участвует в деятельности Общества ревнителей художественного слова, выступает в литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака», редактирует собрание сочинений Н.А. Добролюбова (1911–1913 гг.) [Тименчик 1989, с. 78; Успенская 2007, с. 99–101]. Тем не менее в 1930-е гг., уже находясь в эмиграции, Аничков признавал, что не жалеет о бурной молодости.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Аничков 1904 — *Аничков Е.В.* Автобиография // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. Т. 6. С. 338–341.

Берберова 1997 — *Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.

Гутнов 2004 — *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.

Ичин 2007 — *Ичин К.* Арлекиада («Возмездия страшный час») Е. Аничкова // Русская диаспора и сербско-русские культурные связи: Междунар. науч. симпозиум (Белград, 23–24 мая 2007): Сб. докладов. Белград: Славистическое общество Сербии, 2007. С. 89–98.

Колесниченко 2006 — *Колесниченко Д.А.* Всероссийский крестьянский союз в 1905–1907 гг. М.: ИРИ РАН, 2006. 311 с.

Куренышев 2004 — *Куренышев А.А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.: АИРО–XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 336 с.

Миленкович 1996 — *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 136–147.

Мнухин 2008 — Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т. 1: А–К. 796 с.

Николаевский 1990 — *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М.: ТЕРРА, 1990. 207 с.

Сенчакова 1989 — *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989. 264 с.

- Серков 2001 — *Серков А.И.* Русское масонство, 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
- Сорокина 2011 — Аничков Евгений Васильевич // Российское научное зарубежье: Библиографический справочник / ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М.: Парад, 2011. С. 59–60.
- Тесемников 2002 — *Тесемников В.А.* Русские профессора-слависты философского факультета Белградского университета (1919–1941 гг.) // Югославянская история в новое и новейшее время: Мат-лы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения проф. В.Г. Карасева. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 2002. С. 213–218.
- Тименчик 1989 — *Тименчик Р.Д.* Аничков Евгений Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь: в 5 т. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 77–78.
- Толмачев 2007 — *Толмачев Е.П.* Александр III и его время. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2007. 720 с.
- Тыркова 1990 — *Тыркова А.В.* На путях к свободе. 2-е изд. L.: Overseas Publ. Interchange, 1990. 437 с.
- Унковский 1937 — *Унковский В.Н.* Памяти профессора Е.В. Аничкова // Новое русское слово. 1937. 29 нояб. № 9065. С. 2.
- Успенская 2007 — *Успенская Э. Е.В.* Аничков: проект спасения красотой // Русская диаспора и сербско-русские культурные связи: Междунар. науч. симпозиум (Белград, 23–24 мая 2007): Сб. докладов. Белград: Славистическое общество Сербии, 2007. С. 99–114.

К.К. Семенов

РУССКОЕ НАЕМНИЧЕСТВО В СЕРБИИ (1924 г.):
АЛБАНСКАЯ АВАНТЮРА В БИОГРАФИЯХ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ

В первой половине XX в. представители русской военной эмиграции оказались вовлечены в самые разные войны и конфликты во всех уголках земного шара. Причины для вступления в чужеземные армии при этом значительно различались: от жесткого антибольшевизма до отчаяния и тоски по Родине, нередко в качестве мотива выступала благодарность к приютившей стране. Стоит сказать, что, помимо добровольного вступления в ряды иностранной армии, существовали и случаи условно добровольной или даже насильственной мобилизации, особенно широко распространившиеся в годы Второй мировой войны. Единственный довольно массовый случай наемничества в истории русской военной эмиграции имел место в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1924 г. Предыстория этого явления такова.

После эвакуации военных лагерей Русской армии в Турции КСХС стало основным местом прибежища для многих тысяч русских эмигрантов. К лету 1923 г. в королевстве находилось около 12 000 военнослужащих Русской армии генерала П.Н. Врангеля [Йованович 2005, с. 98]. Среди прибывших в страну русских эмигрантов преобладали чины кавалерийских и казачьих частей. Некоторые кавалерийские части были приняты на службу в пограничную стражу и жандармерию КСХС. Один из новоявленных пограничников полковник Е.Н. Обозненко так вспоминал об этом: «...очутился на службе в пограничной страже на границе с Албанией. Галлиполли, Салоники, Гевгели, Дубровник и, наконец, небольшой заброшенный черногорский порт Бар на побережье Адриатического моря — вот краткий маршрут скитаний...» [Обозненко 2003, с. 270].

Летом 1924 г. в сопредельной с КСХС Албании начались масштабные волнения, ставшие известными как Июньская революция. В результате волнений премьер-министр Албании Ахмет-бей Зогу бежал в КСХС. За короткое время в стране сменилось два правительства, и 17 июля 1924 г. к власти пришли либералы во главе с православным епископом Феофаном (в миру Фан Стилиан Ноли (Noli)). Правительство Ноли провозгласило демократические преобразования и вскоре оказалось в изоляции. Единственной страной, начавшей сотрудничество с Ноли, стал Советский Союз. В сентябре 1924 г. в Албанию прибыла многочисленная миссия из советской России во главе с А.А. Краковецким.

Тем временем Ахмет-бей обратился за военной помощью к королю СХС Александру I и Бенито Муссолини, но получил вежливый отказ. Тем не менее с

молчаливого согласия властей КСХС на границе с Албанией стали собираться отряды сторонников Ахмет-бея. Их основу составляли зависимые от Ахмет-бея албанские крестьяне. Кроме того, обладая значительным финансовым капиталом, Ахмет-бей решил воспользоваться услугами наемников. На территории Албании у беглого премьер-министра осталось достаточно много сторонников, но участие наемников в войне давало Ахмет-бею больше шансов на победу, так как албанские войска не имели боевого опыта и были плохо знакомы с пулеметами и артиллерией. Таким образом, наемники должны были стать основой армии Ахмет-бея. В качестве главных претендентов на участие в албанском походе рассматривались ветераны итальянской армии и русские эмигранты.

В конце 1924 г. Ахмет-бей связался с русским офицером А.М. Миклашевским, служившим в чине полковника в армии КСХС, и предложил ему организовать наемный отряд из русских эмигрантов. После недолгих сомнений Миклашевский согласился и занялся вербовкой эмигрантов в формируемый отряд, для чего Ахмет-бей передал ему крупную сумму денег в золотых монетах. Первый опыт вербовки был печальным — двое завербованных скрылись с деньгами, полученными в качестве аванса. Однако Миклашевский и ставший его помощником штабс-ротмистр Л.П. Сукачев смогли быстро навербовать людей. Сам Сукачев позже так вспоминал об этом:

Средневековый колорит начинавшейся, казалось, фантастической (но оказавшейся вполне реальной) эпопеи был выдержан до конца: армия наемников, которой командовал потомок Александра Македонского (за которого выдавал себя Зогу), армия, оплачиваемая золотом (а не «керенками»), должна была привести к власти Ахмет-бея! [Сукачев 2003, с. 282].

Формирование Русского отряда (далее — РО) началось 10 декабря 1924 г. в г. Дебар. Основу отряда составили бывшие военнослужащие кавалерии Русской армии, преимущественно солдаты и офицеры 9-го Киевского гусарского полка. Организация РО была закончена за пять дней, в его составе насчитывалось 102 человека [Берестовский 2003, с. 274]. Пятнадцать русских офицеров были утверждены в чинах албанской армии. Командиром отряда, в звании майора, стал сам А.М. Миклашевский, помощником командира отряда — капитан 1-го класса В.В. Берестовский, начальником штаба — капитан 1-го класса Н.А. Русинов, командиром батареи — капитан 1-го класса А.П. Барбович, начальником пулеметной команды — капитан 1-го класса К.К. Улагай. На вооружении отряда было четыре горных орудия и восемь итальянских пулеметов «Фиат» [Там же]. У чинов отряда преобладала русская униформа.

16 декабря 1924 г. отряды Ахмет-бея перешли границу Албании. На следующий день в Албанию вступил РО, силы которого вскоре заняли район Резан-Брата-Клобуциста. Следующей боевой задачей отряда стало взятие города Пешкопея. РО находился в центре боевых позиций сторонников Ахмет-бея. Ему было приказано атаковать противника и развить наступление от деревни Блато на Пешкопею и далее по шоссе Дебар-Пешкопея, имея целью взятие Пешкопеи и уничтожение основных сил противника. Два орудия и два взвода пулеметной ко-

манды РО были приданы различным албанским отрядам для огневой поддержки. Утром 17 декабря отряды Ахмет-бея начали наступление. Противник оказывал сильное сопротивление, используя для обороны каждую складку местности, но пулеметы и батарея РО вынудили противника очистить деревню Покести и отойти к деревне Исмитет, а затем в район с. Сапко–Гроздани–Попмарза. В этом районе части Ноли попытались закрепиться, но умелые действия пулеметов и орудий РО вновь заставили албанцев отойти с большими потерями.

Преследуя отступающего противника, чины РО ворвались в Пешкопею. В казармах этого городка отрядом был окружен целый батальон албанцев. В полном составе он сдался русским наемникам. Хотелось бы отметить, что именно мастерство русских офицеров и их выдержка сыграли основную роль в победе под Пешкопеей. Утром 18 декабря в город прибыл сам Ахмет-бей, он принял парад своих войск, во главе которых шел РО. Командир отряда Миклашевский доложил бею о разгроме врага. Наемники приветствовали Ахмет-бея русским «ура».

Победа у Пешкопеи явилась началом освобождения Албании от советского влияния. После этой победы на сторону Ахмет-бея стали переходить части албанской армии, ранее сражавшиеся за Фана Ноли. После перехода на сторону бея крупного отряда полковника Цена-бея Криузиу дорога на столицу Албании — Тирану была открыта. 20 декабря 1924 г. чины РО начали наступление на Тирану.

Участие русских наемников в албанских событиях обрастало легендами, так, Л.П. Сукачев вспоминал:

За это время репутация нашего отряда успела вырасти в какой-то сказочный миф. По-видимому, воскресли легенды времен Скобелева о непобедимости русского оружия, о могуществе русских войск. Словом, говорили, что с Ахмет-беем идет многотысячная русская армия. В результате такой «информации» враг отступал в панике: мы вообще больше не видели противника; иногда только проходили через вырытые, но брошенные окопы [Сукачев 2003, с. 285].

К 23 декабря войска Ахмет-бея Зогу достигли перевала Гафа-Мурисес, простиравшегося неподалеку от албанской столицы. На этом перевале войска Ноли попытались оказать сопротивление отряду бея, но были опрокинуты фланговым ударом. 26 декабря 1924 г. в 14 часов РО вошел в Тирану. Правительство Ноли и его советские друзья бежали на четырех пароходах. Власть в стране перешла к Ахмет-бею. «Сознаюсь, что быть воином-освободителем мне нравилось...» — вспоминал позже Сукачев [Там же, с. 284].

Ахмет-бей Зогу был искушенным политиком: вернув должность премьер-министра, он и не собирался останавливаться на достигнутом. 25 января 1925 г. при самом активном участии РО, прошедшего в Тиране демонстрацию своей мощи, в Албании была провозглашена республика. Ахмет-бей Зогу стал первым албанским президентом. Будет не лишним отметить, что ранее отряд получил приказ начать обстрел учредительного собрания Албании, если вдруг возникнут сложности в избрании Ахмет-бея на президентство. Несмотря на решительную победу бея, РО еще долго не расформировывался. Чины отряда, к примеру пулеметная команда, участвовали в разоружении албанских горцев.

Чины Русского отряда. Тирана, 1924 г.

При создании РО его чины подписали трехмесячный контракт, после окончания которого срок службы наемников несколько раз пролонгировался. Лишь спустя 18 месяцев с момента подписания первого контракта Русский отряд был расформирован. По возвращении Миклашевского в КСХС командиром отряда стал В.В. Берестовский.

Существование РО и участие белоэмигрантов в албанской войне вскоре получили широкую известность:

Пулеметная команда Русского отряда.

Цифрами отмечены: 1 — Л.П. Сукачев, 2 — К.К. Улагай. Место неизвестно, март 1925 г.

Венский корреспондент «Chikago tribune» сообщает, что среди албанских повстанцев видную роль играли так называемые врангелевские войска, которые были переодеты в албанцев. По словам корреспондента, об этом говорил в Вене нынешний глава албанского правительства Ахмед Зогу, сообщивший, что деньги на экспедицию были даны правительствами Югославии¹ и Италии...²

Также начали циркулировать слухи о наборе эмигрантов в албанскую жандармерию. Это вызвало беспокойство у руководства РОВС, который был образован П.Н. Врангелем из остатков Русской армии. 31 декабря 1924 г. генерал П.Н. Врангель издал приказ № 1573/П, в котором, в частности, отмечал:

До сведения моего дошло, что, в связи с происходящей в Албании гражданской войной, производится вербовка добровольцев в ряды борющихся сторон и что некоторые чины армии получили предложение записаться в ряды сражающихся.

Вновь подтверждаю, что участие русских как в борьбе государств между собою, на той или иной стороне, так и в гражданской борьбе в какой-либо стране совершенно недопустимо, ибо оно неизбежно отразится и осложнит и без того тяжелое положение русской эмиграции, а кроме того, может привести и к пролитию русской крови русскими же, притом за совершенно чуждые интересы...³

В заключение генерал Врангель приказал представлять ходатайства об увольнении от службы людей, участвующих в подобных боевых действиях. 7 января 1925 г. П.Н. Врангель издал новый приказ о недопустимости военной службы чинов РОВС в ходе локальных конфликтов.

Закончилась гражданская война в Албании. Русский вклад в эту войну оказался крайне весомым — без участия русских наемников Ахмет-бей Зогу вряд ли бы смог столь быстро одержать победу. Военный представитель Врангеля в КСХС, анализируя участие своих соотечественников в албанских событиях, позже писал:

В Скопле и Дебре собиралась русская военная молодежь, шли и полковники и даже инженеры. Причем гнала их туда не только нужда, и привлекало не только золото Ахмед-Зогу. В Тиране сидел советский представитель Краковецкий, и борьба с правительством Фаноли окрашивалась в глазах многих офицеров в цвет «борьбы с большевизмом». Суть вооруженного вмешательства за деньги во внутренние дела чужого народа от этого, конечно, не меняется⁴.

После роспуска РО его чинам была предложена пожизненная пенсия в размере получаемого в отряде жалованья, но при условии постоянного проживания в Албании. Данные условия оказались очень заманчивыми, и большинство русских остались в Албании, став ее гражданами, а затем и подданными Ахмет-бея Зогу,

¹ Так в тексте.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 526.

³ Там же. Л. 218.

⁴ Там же. Л. 526.

провозглашенного королем 25 августа 1928 г. Жизнь русских в Албании была достаточно скучной и однообразной, потому многие участники событий стали покидать страну.

Рассмотрев предысторию участия русских эмигрантов в албанских событиях, попытаемся разобраться в биографиях русских наемников и ответить на вопрос, так ли уж случайно их появление среди сторонников Ахмет-бея. В качестве объекта исследования возьмем русских офицеров отряда. Из 102 наемников нами выявлено 20 офицеров. Семь из них — участники Первой мировой войны, а один, помимо того, участвовал в Русско-японской войне. Все офицеры воевали в Гражданскую войну на Юге России, и 5 из них приняли участие в знаменитом Ледяном походе. 14 штаб-офицеров (из них 7 — полковники) и 6 обер-офицеров. Большинство офицеров — 16 человек — были кавалеристами, 1 — авиатором, 1 служил в бронечастях и 2 в пехоте.

К апрелю 1939 г. в Албании проживало лишь 19 русских участников событий 1924 г. Пятеро из них — Н.А. Белевский, М.С. Красенский, Л.П. Сукачев, К.К. Улагай и Фиалковский — стали офицерами албанской армии. После итальянской оккупации четверо офицеров перешли в армию Италии, а Улагай вернулся в Югославию.

Сфокусируем наше внимание на судьбах семи старших офицеров — полковников, служивших в РО. Старейшим из них по возрасту был полковник Кирилл Григорьевич Коноплев, родившийся в 1881 г.⁵ Он участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, штабс-ротмистром вступил в Добровольческую армию и как начальник пулеметной команды Черкесского конного полка участвовал в Ледяном походе. Во ВСЮР был произведен в полковники и командовал 2-м Черкесским конным полком. В составе Русской армии был эвакуирован из Крыма и находился в Галлиполи, затем перебрался в КСХС. После участия в албанском предприятии выехал в Италию, проживал в Риме при русской церкви, пел в церковном хоре, зарабатывал на жизнь, снимаясь в кино, скончался 1 августа 1956 г.

Самой колоритной личностью среди старших офицеров был командир РО полковник Андрей Михайлович Миклашевский, родившийся 14 января 1882 г. и происходивший из дворян Екатеринославской губернии. В мае 1899 г. он поступил в Морской кадетский корпус; с сентября 1901 г. младший, а с сентября 1902 г. — старший гардемарин⁶. В мае 1903 г. Миклашевский был произведен в мичманы и определен в 34-й флотский экипаж Черноморского флота, назначен адъютантом экипажа. В сентябре 1903 г. назначен командиром 3-й роты эскадренного броненосца «Двенадцать Апостолов». В марте 1904 г. стал младшим флаг-офицером штаба начальника Учебного отряда Черноморского флота. В 1904—1905 гг. последовательно служил на малых канонерских лодках «Кубанец» и «Уралец». В октябре 1905 г. был зачислен слушателем в Артиллерийский офицерский класс учебного артиллерийского отряда Балтийского флота. В сентябре 1906 г. назначен артиллерийским офицером 2-го разряда в 29-й флотский экипаж. С октября

⁵ Там же. Ф. Р-5843. Д. 4. Л. 514.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 347-026 (1917) Миклашевский А.М.

1906 г. служил на эскадренном броненосце «Ростислав». С декабря 1906 г. лейтенант, с ноября 1907 г. в запасе флота. Находясь в запасе, занимался развитием автосообщения в Екатеринославской губернии, получил прозвище «Кипящий автомобиль». С октября 1912 г. на службе в Черноморском флоте, с ноября 1912 г. на службе на различных должностях в Сибирской флотилии. В апреле 1914 г. Миклашевский за стрельбу в порту по голубям из нагана был отстранен от командования кораблем и помещен под арест командующим флотилией вице-адмиралом М.Ф. Шульцем. 15 апреля 1914 г. уволен со службы по прошению.

С 28 июля 1914 г. Миклашевский вновь на службе в автомобильной учебной роте, штабс-капитан. С августа 1914 г. командующий 8-й автомобильной ротой. С сентября 1914 г. прикомандирован к 1-й автомобильной пулеметной роте. При отступлении под Ловичем в декабре 1914 г. под артиллерийским огнем противника взорвал три моста и обеспечил беспрепятственный отход наших частей, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени [Разведчик 1916, с. 509]. 14 марта 1915 г. контужен в поясницу. С мая 1915 г. начальник артиллерии Кладовского отряда, 10 сентября 1915 г. контужен в голову и левое плечо. В декабре 1915 г. командовал пароходом и 2-й батареей пушек «Канэ». С февраля 1916 г. начальник службы связи и заведующий прожекторами Экспедиции особого назначения, капитан. С апреля 1916 г. командующий 2-й батареей 128-го отдельного артиллерийского дивизиона. С сентября 1916 г. подполковник, с августа 1917 г. командир 7-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона батарей «Е». С сентября 1917 г. полковник. 25 сентября подал рапорт об отчислении от командования из-за последствий контузий. За участие в боях в Первой мировой войне Миклашевский был награжден сербским орденом «Звезда Карегеоргия». В годы Гражданской войны он служил во ВСЮР. В эмиграции проживал в КСХС. Из-за сербского ордена был принят на военную службу в армию КСХС в чине полковника [Сукачев 2003, с. 282]. По согласованию с властями королевства возглавил РО. В 1925 г. Миклашевский вернулся в КСХС, проживал в Скопье и служил в механизированных частях. По информации историка С.В. Волкова, в конце Второй мировой войны Миклашевский выехал из Белграда для вступления в РОА.

После ухода Миклашевского РО возглавил полковник Владимир Владимирович Берестовский, родившийся в 1884 г.⁷ На Первую мировую он вышел прапорщиком в 9-м гусарском Киевском полку, в декабре 1915 г. заработал орден Св. Георгия 4-й степени, а 25 ноября 1917 г. — Георгиевское оружие. В годы Гражданской войны Берестовский служил во

171 Владимирь БЕРЕСТОВСКИЙ
Подполковникъ

Владимир Владимирович Берестовский в албанской парадной форме. Место и дата снимка неизвестны

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5843. Оп. 1. Д. 5. Л. 12 об.

ВСЮР, был командиром дивизиона 9-го гусарского Киевского полка. В 1920 г. в Русской армии, полковник, был тяжело ранен. В ноябре 1920 г. был эвакуирован в составе армии, галлиполиец. Судя по полученным наградам и личным воспоминаниям, был достаточно храбрым офицером. В албанском походе, будучи заместителем командира РО, водил албанцев в штыковые атаки [Берестовский 2003, с. 276]. После окончания албанской эпопеи остался жить в стране. Скончался Берестовский в 1944 г. в Албании, перед смертью был близок к КНОД⁸.

Артиллерийскими батареями отряда командовал полковник Александр Павлович Барбович, племянник известного генерала И.Г. Барбовича. А.П. Барбович родился 1 апреля 1887 г. в Виленской губернии, происходил из потомственных дворян Полтавской губернии. Образование получил во 2-м кадетском корпусе (1905) и Михайловском артиллерийском училище (1908)⁹. Из училища был выпущен в 41-ю артиллерийскую бригаду подпоручиком. В сентябре 1910 г. произведен в поручики, в августе 1914 г. в штабс-капитаны, награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В январе 1915 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, в феврале 1915 г. — орденом Св. Анны 4-й степени. В мае 1915 г. был прикомандирован к Эскадре воздушных кораблей, артиллерийский офицер воздушного корабля «Илья Муромец-IV». В ноябре 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, в октябре 1916 г. — орденом Св. Анны 2-й степени с мечами и бантом; капитан с ноября 1916 г., подполковник с июля 1917 г. Награжден Георгиевским оружием за воздушные бои 18 июня 1917 г. при разведке в районах деревень Сарнике-Гурно и Юнашкув.

В годы Гражданской войны Барбович сражался на Юге России. В эмиграции проживал в КСХС, был членом местного Общества офицеров-артиллеристов в КСХС¹⁰. По завершении албанской истории выехал в Эфиопию. Служил военным советником негуса Хайле Селасие I. Участвовал в Итало-эфиопской войне 1935—1936 гг. Попал в итальянский плен, умер в лагере в 1940 г.

Начальником штаба РО, как и полагается, был офицер Генерального штаба полковник Николай Аполлонович Русинов. Он родился 4 декабря 1894 г., проживал в Петрограде¹¹. В 1916 г. был подьесаулом 8-й сводной сотни лейб-гвардии

*Александр Павлович Барбович
в албанской военной форме.
Место неизвестно. Около
1930 г.*

⁸ Там же. Ф. Р-5762. Д. 70. Л. 81.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 2256 (1909 г.) Барбович А.П.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6798. Оп. 1. Д. 39а. Л. 14 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-6792. Оп. 1. Картотека Р. Л. 3066—3068.

Сводно-Казачьего полка. С ноября 1916 г. обучался (2,5 месяца) на подготовительных курсах первой очереди военного времени Генерального штаба, после был назначен старшим адъютантом мобилизационного отдела штаба Астраханского казачьего войска [Ганин 2009, с. 606]. Летом 1919 г. Русинов служил во ВСЮР, был эвакуирован из Севастополя в составе Русской армии, Гражданскую войну закончил полковником¹². В эмиграции проживал в г. Великая Топлица, являлся членом Общества русских офицеров ГШ в КСХС.

Начальником пулеметной команды РО был полковник Кучук Касполетович Улагай. Он родился 25 января 1893 г. в черкесском ауле Пшибай. Окончил реальное училище в Екатеринодаре, поступил в Варшавский политехнический институт, из которого перевелся в Елисаветградское кавалерийское училище. В 1913 г. был выпущен корнетом в 18-й Северский драгунский полк, командовал 5-м эскадронам, в составе которого служил Семен Буденный [Лехович 1998, с. 254]. К моменту революционных потрясений находился на Кавказском фронте. За годы войны был произведен в ротмистры и награжден Георгиевским оружием¹³. В ноябре 1917 г. вступил в ряды Кубанской армии. С января 1918 г. командир Черкесской партизанской сотни. После соединения Кубанской армии и Добровольческой в составе Черкесского конного полка. Участник Ледяного похода. После гибели генерала Л.Г. Корнилова и отступления от Екатеринодара в темноте вывел всю кавалерию Добровольческой армии из-под удара красных. С 11 декабря 1918 г. командир 1-го Черкесского полка [Волков 2004, с. 527].

11 февраля 1919 г. Улагай был произведен в полковники. Позднее он в составе отряда своего однофамильца, генерал-лейтенанта С.Л. Улагая, участвовал в десанте на Кубань. В сентябре 1920 г. Улагай стал командиром партизанского отряда на Кубани, а затем находился в отрядах генерала М.А. Фостикова. Вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля К. Улагай эвакуировался из Крыма в Галлиполи. Последний пост Улагая в Русской армии — командир 3-го Кубанского казачьего полка.

Вкусив все тяготы лагерной галлиполийской жизни, он в 1921 г. переехал в Болгарию. Здесь Улагай активно включился в работу организации генерала Покровского. Эта организация занималась подготовкой казачьих десантов в советскую Россию и проводила террористические акты против просоветски настроенных эмигрантов. Затем Улагай перебрался в КСХС. Поселившись в Белграде, он устроился на небольшую частную фабрику и зарабатывал на жизнь тем, что красил металлические абажуры. После расформирования отряда Улагай остался в Албании, получил албанское гражданство, был награжден орденом Скандербеге. Вскоре по просьбе бея он стал руководить конным заводом в Шияке. Вслед за этим Улагая направили на четырехмесячные офицерские курсы в м. Скутари (Италия). После успешной сдачи экзамена произведен в следующий чин в албанской армии и назначен командиром 3-й группы альпийских стрелков. Когда итальянские войска вторглись в Албанию, Улагай перебрался в Югославию. После Апрельской войны он стал сотрудничать с

¹² ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 3. Л. 80.

¹³ ЛАА. Личное дело штандартенфюрера войск СС К. Улагая. Л. 3.

немецкими оккупационными властями. В 1942–1944 гг. Улагай служил при штабе немецкого коменданта в Белграде [Романько 2004, с. 289].

Затем Кучук Касполетович перебрался в Германию. Вскоре после начала войны Германии с СССР Улагай стал одним из лидеров Мусульманского комитета по освобождению Северного Кавказа. Его сотрудничество с немцами оказалось плодотворным, и 11 декабря 1944 г. Улагай был произведен немцами в штандартенфюреры войск СС. В январе 1945 г. назначен командиром боевой группы «Северный Кавказ» Кавказского соединения войск СС в Италии. Вплоть до конца апреля 1945 г. подразделение Улагага вело борьбу с итальянскими партизанами, а затем вместе со своими подчиненными Кучук Улагай отступил в Австрию, где в мае 1945 г. сдался англичанам. Благодаря албанскому паспорту и усилиям его жены Улагага удалось избежать выдачи в СССР в Шпитале. В 1945–1947 гг. он находился в лагере для перемещенных лиц Чина-Читта в Италии. В конце 1940-х гг. с помощью своей сестры Фатимы и ее мужа, «русского албанца» Куракина, переехал в Чили. Здесь Улагай работал в Военно-географическом институте. В ноябре 1952 г. избран атаманом Чилийской общеказачьей станицы. Скончался Кучук Улагай 8 апреля 1953 г. в Сантьяго.

Самым малозаметным полковником в РО был Григорий Феофанович Сербин. После гимназии он поступил в Санкт-Петербургский университет, но не окончил его. В 1914 г. Сербин окончил Николаевское кавалерийское училище и был выпущен в 9-й гусарский Киевский полк. Прошел с ним Первую мировую и Гражданскую войны. Был эвакуирован в составе Русской армии. Находился в лагере Галлиполи, затем в лагере «Селемие» в Турции. В эмиграции проживал в КСХС, служил в пограничной страже. После Албании жил в Швейцарии, скончался 13 февраля 1934 г. в Давосе [Околоков 2004, с. 269].

Проведя сравнительный анализ биографий семи офицеров — участников албанской авантюры, мы можем сделать несколько выводов. Из семи полковников пятеро в годы Первой мировой были офицерами-кавалеристами (один из них позже причислен к ГШ), все семеро воевали в Первую мировую и Гражданскую войны в России, а полковник Коноплев еще и в Русско-японскую войну. Полковник Барбович имел несчастье стать участником Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и сгинул в лагере военнопленных. Более удачливым оказался Кучук Улагай, уцелевший в годы Второй мировой войны и избежавший выдачи в СССР. Участие полковника Миклашевского в Апрельской и Второй мировой войнах подлежит дальнейшему изучению.

Рассмотренные нами биографии — свидетельство того, что появление этих офицеров в рядах РО было не случайностью, а скорее закономерностью. Нищенское существование на чужбине, невозможность хорошо устроиться в КСХС (исключение лишь — полковник Миклашевский) и склонность к авантюрам подтолкнули русских офицеров к участию в албанском походе.

Список сокращений

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России

ГШ — Генеральный штаб

КНОД — Казачье национально-освободительное движение

КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

ЛАА — Личный архив автора

РО — Русский отряд

РОА — Русская освободительная армия

РОВС — Русский общевоинский союз

СС — Охранные отряды (от нем. SS — Schutzstaffeln)

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Берестовский 2003 — *Берестовский В.* Русский отряд в Албанской армии. История похода Дибра–Тирана 10–26 декабря 1924 г. // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 273–280.

Волков 2004 — *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004.

Ганин 2009 — *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009.

Йованович 2005 — *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

Лехович 1998 — *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1998.

Обозненко 2003 — *Обозненко Е.Н.* Из прошлого // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 270–273.

Окороков 2004 — *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004.

Разведчик 1916 — Награды Георгиевским кавалерам // Разведчик. 1916. 6 авг. № 1344.

Романько 2004 — *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.

Сукачев 2003 — *Сукачев Л.П.* В Албании // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 280–289.

Т.М. Симонова

К БИОГРАФИИ ВАСИЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА ШУЛЬГИНА (1878–1976):
ВИЗИТ В ПОЛЬСКУЮ РЕСПУБЛИКУ В 1938 г.*

О жизни В.В. Шульгина в тревожные годы межвоенного периода (1938–1939) — кануна Второй мировой войны — мало что известно. По свидетельству родных и современников, он приобрел имение в Дубровнике (Королевство Югославия) и занимался его обустройством [Рыбас 2014, с. 458]. На покупку имения в королевстве требовались немалые средства, которые русскому эмигранту литературным трудом не заработать. И такие средства были, поскольку известный русский эмигрант, изгнанник и беженец, являлся состоятельным волынским помещиком вплоть до своего визита в Польшу весной 1938 г.

В Архиве новых актов (Archiwum Akt Nowych, Варшава, Польша) в фонде Русского общественного комитета (далее — РОК) нами обнаружены два документа, датируемые 1938 г. Первый — от 26 февраля 1938 г.: копия справки (свидетельства) правления комитета, что Василий (сын Виталия) Шульгин, «проживающий в Югославии, выехал из России в 1920 г. с армией ген<ерала> Врангеля и никогда не был и не является советским гражданином». Справка выдана для предоставления в Государственный сельскохозяйственный банк в Варшаве и была действительна в течение двух недель¹.

По всей видимости, одной этой справки для проведения операций в банке было недостаточно, поэтому 18 марта РОК выдал свидетельство за подписью председателя комитета, удостоверяющее, что Василий Шульгин, «проживающий в Белграде (Югославия), не имеет установленного гражданства, является эмигрантом из России, не является и никогда не был гражданином СССР». В подтверждение этой информации ко второму документу прилагался еще один: уведомление Делегации по делам российских беженцев в Королевстве Югославия² № 745 от 14 марта того же года. Весь комплект документов был адресован «Властям Речи Посполитой Польши»³.

* Работа подготовлена при поддержке Центра польско-русского диалога и согласия (Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia).

¹ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН). Archiwum Rosyjskiego komitetu spolecznego (далее — ARKS). Warszawa. T. 23. S. 66.

² Официальное название этой структуры: Делегация, ведающая интересами русской эмиграции в Югославии.

³ ААН. ARKS. T. 23. S. 34.

Важно подчеркнуть, что обе русские эмигрантские организации — РОК в Польше и Делегация в Королевстве Югославия — в этот период выполняли функции дипломатических представительств и защищали интересы русских бесподанных беженцев (апатридов), проживавших по нансеновскому паспорту. Контакты между обеими институциями были довольно оживленными, в архиве РОК мы обнаружили несколько писем из югославской Делегации в Варшаву периода 1930-х гг. с различными просьбами о содействии русским беженцам, по каким-либо причинам оказавшимся на территории Польши. Весьма тесно РОК контактировал и с югославским консулом в Варшаве, а консулы Югославии, Болгарии, Чехословакии регулярно получали приглашения РОК на мероприятия «Дней русской культуры»: концерты русской музыки, спектакли русской труппы и прочие культурные события русской колонии⁴.

Русские беженцы с нансеновскими паспортами в Польше с 1 ноября 1934 г. были переданы под опеку Польского Красного Креста (далее — ПКК) в связи с закрытием Международного представительства им. Ф. Нансена в Польше, который возглавляла баронесса Фелькерзам⁵. С целью решения вопросов «индивидуального характера» ПКК избрал для сотрудничества две русские беженские организации в Польше, которые осуществляли «непосредственную опеку над беженцами» «в области их материальных и культурных потребностей»: РОК и Русский попечительный комитет над эмигрантами в Польше (с филиалами в Калише, Торуне, Луцке и Ковеле), а также Украинский и Грузинский комитеты⁶. На международном уровне работу ПКК курировало Министерство иностранных дел Польши⁷. РОК до последнего дня его существования возглавлял генерал П.Н. Симанский⁸, супругой которого была дочь генерала Н.В. Ружского⁹ Вера. Неудивительно, что Шульгин обратился за поддержкой именно в РОК.

Продажу имения Шульгин осуществлял в Варшаве через Сельскохозяйственный банк — один из самых надежных польских банков, который занимался сделками с земельной недвижимостью. Имение на Воыни в Острожском уезде приносило Шульгиным неплохой доход; особенно доходной была мельница. В 1906 г. поместье Шульгина составляло 300 десятин¹⁰, или 327,7 га, но к моменту его

⁴ См., в частности: ГА РФ. Ф. Р-8262. Оп. 1. Д. 4. Л. 137–140.

⁵ Елизавета Арминовна фон Фелькерзам (?–1960), дочь камергера Его Величества А.Е. фон Фелькерзама, хранителя галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа, с 1909 по 1915 г. — директора музея. В период Первой мировой войны — сестра милосердия Русской императорской армии, получила ранение. Сотрудница беженских организаций в Риге. В 1927 г. переехала в Польшу, руководитель Международного представительства (присутствия) им. Ф. Нансена в Варшаве. Похоронена в Берлине на кладбище Погост-Тегель.

⁶ AAN. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Konsularny. Wydział opieki prawnej. T. 12343. S. 5.

⁷ Ibid. S. 15–16.

⁸ Пантелеймон Николаевич Симанский (1866–1938), генерал-лейтенант Русской императорской армии, военный историк. С 1919 г. в эмиграции в Польше, председатель РОК.

⁹ Николай Владимирович Ружский (1854–1918), генерал-адъютант. В период Первой мировой войны — главнокомандующий Северо-Западного, затем — Северного фронтов. Активный участник Февральского переворота; сыграл выдающуюся роль в отречении императора от престола. Убит чекистами в Пятигорске 1 ноября 1918 г.

¹⁰ 100 десятин = 109 254 га.

продажи в 1938 г. оно могло уменьшиться в силу требований аграрного закона Польской республики от 28 декабря 1925 г., который предусматривал продажу излишков земель свыше 180 га государству за наличный расчет или возмещение ценными бумагами [Prutis 2017, s. 209].

Однако этого могло и не случиться (пока мы не располагаем более точной информацией), поскольку аграрная реформа в Польской республике проходила вяло и крупные помещичьи хозяйства продолжали существовать. На страже частной земельной собственности стояли Конституции республики 1921 и 1935 гг.; к 1939 г. лишь около одной пятой земель магнатов, подлежащих парцелляции, было выкуплено и продано крестьянам [Ibid., s. 213].

Старинное волыньское имение Курганы в Острожском уезде с четырехсотлетним дубом в жизни Шульгина играло очень важную роль и было местом постоянного притяжения, он стал его *genius loci*¹¹. На Волынь (с. Агатовка Буринской волости Острожского уезда) он вернулся, выйдя в запас прапорщиком полевых инженерных войск в 1902 г., и до начала Русско-японской войны занимался сельским хозяйством. После неудачной попытки попасть на русско-японский фронт и последующей за этим службы в Киеве, где восстанавливали порядок после революционного шторма, Шульгин, вновь выйдя в отставку, приехал в Курганы. Там как земский гласный он был втянут в общественную и политическую жизнь губернии и в 1906 г. был избран депутатом II Государственной думы как помещик от Волынской губернии; там же затем переизбирался и в III, и в IV Госдуму [Шульгин 2016, с. 216].

Среди земляков Шульгин пользовался репутацией «славного депутата», лишь ему было поручено особо важное задание от избирателей — найти и доставить в музей князя Константина Острожского, правившего в XVI в., памятную медаль в его честь. Поиски были длительными, и искомую медаль он обнаружил только у начальника Петербургского порта. Тот отлил для него копию, с ямщиком отправленную в музей Острога землякам... [Там же, с. 223].

Именно там, в родном имении, Шульгин написал первые строки исторического романа длиной в жизнь — о князе Яноше Воронцеком. Первую часть романа он издал в 1914 г. в Киеве, вторую — в Париже в 1930 г. [Шульгин 1914; 1930]; работу над рукописью третьей части продолжал и в Сремских Карловцах, и во время немецкой оккупации, когда был «отрезан от всего мира» [Тюремная одиссея 2010, с. 278], и во владимирской тюрьме.

В конце 1950-х гг. К.И. Чуковский пытался облегчить условия ссылки четы Шульгиных в инвалидном доме г. Владимира и разыскать тюремные рукописи В.В. Шульгина, включая продолжение романа. По его мнению, «русско-славянские связи в XVI—XVII вв. — тема жгучая и очень актуальная»; «люди, знающие этот роман, отзываются о нем как об очень талантливом произведении» [Там же, с. 300]. Но результаты поисков рукописи были печальны: выяснилось, что тюремные тетради с продолжением романа под названием «Чудесные приключения князя Воронцекого» были сожжены надзирателями в феврале 1948 г. во владимирской тюрьме.

¹¹ Тением места, духом места (*лат.*).

мирской тюрьме, о чем был составлен соответствующий акт [Тюремная одиссея 2010, с. 318].

Вспоминая начало своей общественно-политической деятельности, Шульгин отмечал, что никакого желания «закабалить себя в политику» он не испытывал, хотел жить в деревне: «немножко хозяйничать, немножко писать “приключения Воронежского”», «что-нибудь делать и по земству» (Шульгин был назначен попечителем «по пожарно-страховым делам»). Предел своей общественно-политической деятельности он видел в том, чтобы «скакать на Ваське всюду, где произошел пожар», составлять протокол, что ускоряло получение страховой премии. «Тушить всероссийский пожар» Шульгин не собирался [Шульгин 2016, с. 65]. В политику он был втянут «против своей воли», не разделял мнения «маниловых», которые мечтали об «обрусении» поляков: «каждая нация имеет свой смысл, свое провиденциальное значение, и ломать ее, калечить ее, по-моему, и преступно, и глупо», — отмечал Шульгин [Там же, с. 218].

Польские помещики были сплоченной группой, решительно настроенной на победу; они стремились усилить свои позиции в Государственной думе (Польское Коло). В «политической заварушке» поляки сыграли главную роль, поскольку члены Государственного совета польского происхождения «ухватились за национальные курии для некоторых закулисных махинаций» — им «выгодно было, чтобы Волынь пошла на Волынь» [Там же, с. 216]. Волынская губерния была сложным административным организмом — в ней насчитывалось 12 уездов, 5 уездных городов принадлежали частным владельцам: например, соседнее Дубно — княгине Барятинской¹², Ровно — князю Любомирскому¹³. Уездный город Острог принадлежал удельному ведомству, имел городскую думу и упрощенное городское управление.

Шульгину — крупному помещику от русских, чтобы добиться успеха у русской части населения Волыни на выборах во II Государственную думу, пришлось провести непростую предвыборную кампанию в уезде, заручиться поддержкой мелких землевладельцев и сформировать блок с уполномоченными от владельцев каждыми 200-ми десятинами земли. Польские помещики были сильнее и сплоченнее, но молодой Шульгин смог получить поддержку русской части населения губернии — духовенства и мелких землевладельцев; после чего «крышка гроба захлопнулась» — он был «заживо погребен навсегда», став политиком, «политику ненавидящим» [Там же, с. 80].

Его популярность в Думе быстро набирала обороты, он стал одним из лидеров консервативного крыла, присоединившись к немногочисленным правым в ее

¹² Княгиня Елизавета Александровна Барятинская (урожд. Чернышова; 1826–1902), супруга князя генерал-адъютанта, шталмейстера В.И. Барятинского; статс-дама двора. Имение перешло по наследству дочери Елизавете Владимировне Шуваловой (1855–1938).

¹³ Любомирские — польский княжеский род, восходит к началу XVI в., крупнейшие земельные магнаты, меценаты. Потомки рода создали благотворительный фонд: <http://www.fundacjaksiazatlubomirskich.pl/index.php/en/> (дата обращения: 06.07.2019).

составе: В.М. Пуришкевичу¹⁴, П.А. Крушевану¹⁵, графу В.А. Бобринскому¹⁶, епископу Платону (Рождественскому)¹⁷ и др.

Кроме дохода от имения, у Шульгина мог быть еще один источник прибыли: в апреле 1913 г. его отчим построил возле Ровно Бабино-Томаховский сахарный завод, на церемонии открытия которого присутствовал и депутат Госдумы, о чем была сделана специальная закладка в фундамент здания. В 1923 г. завод у владельцев приобрело чешское акционерное общество, а после майского переворота Ю. Пилсудского¹⁸ в 1926 г. он перешел к польскому акционерному обществу. Польяки провели реконструкцию предприятия, превратив его в крупное производство сахара в Польской республике [Там же, с. 266–277]. Однако данные о том, что Шульгин, как и другие члены его семьи, мог оставаться акционером этого завода, пока не обнаружены.

Западные уезды Волынской губернии бывшей Российской империи вошли в состав второй Речи Посполитой по Рижскому мирному договору, завершившему советско-польскую войну (март 1921 г.). Острожское поместье Шульгина было сохранено, и он стал крупным помещиком Польской республики. При этом Шульгин оставался апатридом, не приняв советскую власть и советское гражданство, как и гражданство любого другого государства, включая польское.

Вовлеченный в операцию «Трест», он наивно полагал, что «инкогнито» проследовал через Чехословакию и Польшу, что «сделал все усилия, чтобы сбить с толку» тех, кто мог следить за ним... Около полутора месяцев в Ровно он вживался в образ: отращивал бороду до тех пор, пока из зеркала на него не стал смотреть «не то факир, не то раввин». Шульгин оделся по волынской моде: стал носить «высокие сапоги, короткое пальто на баране и каракулеву потертую шапку», так как в Ровно, по его наблюдениям, «ясно чувствуется дыхание России» [Шульгин].

Волынским помещиком он оставался, когда переезжал из Франции в Югославию на постоянное жительство в 1930 г. «из соображений семейного порядка»: там находились его родственники — сестра и сын Дмитрий, а также родственники жены. Короткое время проживал в Белграде, затем переехал в Дубровник, откуда в 1932 г. окончательно переехал в Сремские Карловцы. Старшему следователю по особо важным делам МГБ Цветаеву он сообщил в июле 1946 г., что переезжал и

¹⁴ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), один из лидеров монархической организации «Союз русского народа». Депутат Государственной думы II, III, IV созывов, участник убийства Г. Распутина. Участник Белого движения, скончался от тифа в Новороссийске.

¹⁵ Павел Александрович Крушеван (1860–1909), депутат Государственной думы II созыва от Бессарабии, журналист.

¹⁶ Владимир Алексеевич Бобринский (1867–1927), член Государственной думы II, III, IV созывов, принадлежал к умеренно правым, фракции националистов. Один из руководителей неославянского движения. Делегат Всеславянского съезда в Праге и член Общества славянской взаимности (1908). Эмигрант.

¹⁷ Платон (в миру Порфирий Федорович Рождественский; 1866–1934), депутат II Государственной думы, митрополит Североамериканский и Аляскинский, архиепископ Кишиневский и Хотинский, архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии; митрополит Тифлиссский и Бакинский, экзарх Кавказа. В 1920 г. эмигрировал в США, признан Американским церковным собором и утвержден митрополитом всея Америки и Канады. Вместе с митрополитом Евлогием вышел из Собора в Сремских Карловцах.

¹⁸ Юзеф Пилсудский (1867–1935), польский политик, государственный деятель, маршал (с 1920).

в другие города Югославии, но окончательно поселился в Сремских Карловцах в 1936 г.¹⁹

Политической работы, согласно его показаниям, он уже не вел; но много писал и был товарищем председателя Союза русских писателей и журналистов в Югославии А.И. Ксюнина — одного из самых блестящих репортеров русской печати периода Первой мировой войны, выдающегося журналиста [Суворин 1938]. В частности, Шульгин принимал участие в «устной газете» этого союза («антисоветские доклады в г. Белграде для белоэмигрантов») [Тюремная одиссея 2010, с. 248].

В отечественной литературе о Шульгине имеет место утверждение, что его переезд из Франции в Югославию, расположенную на периферии русских политических центров, был очевидным понижением в социальном статусе и означал для Шульгина политическое забвение [Рыбас 2014, с. 458]. Но для Шульгина, по его искреннему признанию, политика была «гробом», в котором его чрезвычайно живая, талантливая и впечатлительная натура возлежала с огромным усилием. Политическая деятельность стала его крестом, который он вынужден был нести, наступая на горло собственной песне, отрывая драгоценное время от творчества и своего обожаемого исторического героя — князя Яноша.

Более важным стимулом для переезда мог стать долг перед близкими родственниками, которые были важнее политики. В Югославии он подрабатывал кассиром в строительной фирме «Атлант», основанной русскими офицерами-эмигрантами.

В упомянутом произведении о Шульгине С.Ю. Рыбаса также высказано мнение, что в связи с началом мирового экономического кризиса в 1929 г. имение Шульгина в Польше перестало приносить доход [Там же]. Однако это соображение не вполне соответствует действительности: конечно, мировой экономический кризис негативно отразился и на экономике Польши, но наиболее пострадавшим сегментом польского сельского хозяйства были мало- и среднеземельные крестьянские хозяйства. Польское поместье Шульгина оставалось до весны 1938 г. стабильным источником дохода.

Управлял имением Вацлав Цезаревич Каминский — доверенное лицо Шульгина и старинный приятель, который проживал в районе сахарного завода в Бабино, в 20 верстах от Ровно. Именно Вацлав Цезаревич в марте 1930 г. принял у себя в доме племянницу Шульгина, Ирину Дмитриевну Пихно, которая без визы, нелегально перешла польскую границу 4 марта 1930 г., в связи с чем предстала перед польским судом «по обвинению появления в Польше без разрешения» [Спор о России 2012, с. 395].

Именно на адрес Каминского Шульгин просил В.А. Маклакова²⁰ выслать «удостоверение из Сербии», что она является племянницей Шульгина, или официальное письмо на бланке председателя Эмигрантского комитета в Сербии о том же. Хлопоты, начатые Маклаковым по получению для Ирины Дмитриевны визы во

¹⁹ Во время допроса 15 января 1945 г. Шульгин сообщил, что в Сремских Карловцах проживал с 1938 г. [Тюремная одиссея 2010, с. 182].

²⁰ Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), адвокат, политический деятель, член Государственной думы II, III, IV созывов, посол Временного правительства во Франции, эмигрант.

Франции или Сербии, принесли свои плоды — она получила разрешение до суда проживать в имении Каминского [Там же, с. 395–396].

Наконец, 12 апреля 1930 г. Маклаков сообщил Шульгину, что Ирина Дмитриевна получила визы в Югославию, и Франции и что она «может ехать, куда хочет». По его словам, «французы хлопотали перед польским правительством, чтобы ее в Россию не высылали», и поляки отнеслись к этой просьбе со вниманием, поскольку ее высылка стала бы «некоторым афронтом французским властям» [Там же, с. 402–403].

Важно отметить, что ситуация и в Европе, и в Польше начиная с 1933 г., когда Германия вышла из Лиги Наций и взяла ясно очерченный курс на восстановление военного потенциала и расширение своей территории за счет соседних государств, стимулировала изменение внешне- и внутривнутриполитических курсов во многих государствах Европы, в первую очередь — в соседней Польше. После принятия польской Конституции 1935 г., которая подводила базу под режим санации, установила единоначалие и предоставила чрезвычайные полномочия президенту, существенно изменилось в худшую сторону положение национальных меньшинств.

На восточных кресах (землях) закрывали украинские и белорусские школы и печатные издания, к 1937 г. этот процесс стал массовым. Развернулась польская колонизация за счет крестьянских земель местного населения. В Польше формировался культ армии с маршалом Рыдз-Смиглы²¹ во главе; в марте 1938 г. Польша, поддержанная Германией, предъявила претензии на Виленский край, а 1 октября — ультиматум Чехословакии, за которым последовало вторжение в Тешинскую Силезию. Европа стремительно двигалась к большой войне...

Как и некоторые русские эмигранты, Шульгин не чувствовал смертельной опасности от расплзающейся нацистской чумы и даже проявлял некоторые симпатии к фашизму, полагая, что Германия должна стать руководящим звеном в тройственном союзе с Россией и Японией [Тюремная одиссея 2010, с. 308]; приветствовал аншлюс Австрии Германией [Шульгин 1938]. Однако развитие внутриполитической ситуации в целом в Польше и в Волынском воеводстве в частности не могло не стимулировать мысль о продаже имения, расположенного в 2 км от границы с СССР. На вырученные от продажи средства был приобретен участок земли в Дубровнике, где Шульгины развернули строительство своего нового дома.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

AAN — Archiwum Akt Nowych — Архив новых актов (Варшава, Польша)

²¹ Эдвард Рыдз-Смиглы (1886–1941), польский политик и военачальник, после смерти Ю. Пилсудского — на посту главного инспектора (верховного главнокомандующего) сил обороны, маршал Польши (1936), был ориентирован на сотрудничество с Германией.

- Рыбас 2014 — *Рыбас С.Ю.* Василий Шульгин: судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Спор о России 2012 — Спор о России. В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939. М.: РОССПЭН, 2012.
- Тюремная одиссея 2010 — Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М.: Книжница: Русский путь, 2010.
- Суворин 1938 — *Суворин Б.А.* Памяти А.И. Ксюнина // Возрождение. 1938. 20 мая.
- Шульгин — *Шульгин В.В.* Три столицы. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/134188/Shulgin_-_Tri_stolicy.html (дата обращения: 15.10.2018).
- Шульгин 1914 — *Шульгин В.В.* Приключения князя Воронцовского. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914.
- Шульгин 1930 — *Шульгин В.В.* Приключения князя Воронцовского в стране свободы. Париж: Russia minor, 1930.
- Шульгин 1938 — *Шульгин В.В.* Аншлусс и мы. Белград: Изд. Н.З. Рыбинского, 1938.
- Шульгин 2016 — *Шульгин В.В.* Последний очевидец / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Директмедиа, 2016.
- Prutis 2017 — *Prutis S.* Reformy agrarne w Polsce po odzyskaniu niepodległości w 1918 roku // *Studia Iuridica Agraria*. 2017. T. 15. S. 201–216. URL: [XVhttps://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/6789/1/SIA_15_2017_S.Prutis_Reformy_agrarne_w_Polsce_po_odzyskaniu_niepodleglosci.pdf](https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/6789/1/SIA_15_2017_S.Prutis_Reformy_agrarne_w_Polsce_po_odzyskaniu_niepodleglosci.pdf) (дата обращения: 16.10.2018).

М. Живанович

МОЛОТ В РУКАХ КРАСНЫХ:
СУДЬБА РУССКОГО ДОМА ПОСЛЕ 1944 г.

Приближение Красной армии к границам Югославии осенью 1944 г. вновь поставило русских белых эмигрантов перед выбором — уехать или остаться. Многие выбрали первое. Начался новый исход [Жовановић 2006, с. 13; Тимофејев 2011, с. 85–87; Арсењев 2011].

Осенью 1944 г. в Русском доме в Белграде — центре политической и культурной жизни русской эмиграции — проводилась регистрация и выдача документов. С собой рекомендовали брать лишь самое ценное и необходимое. Участники этих событий позже вспоминали:

Закончив погрузку первой партии, автомобили тронулись в путь. Вытянувшись в колонну, пошли по пустынным улицам к новому мосту через Саву. Был ранний час, и город еще спал. Замедлив ход, переехали мост и, набирая скорость, стали быстро удаляться от Белграда. Исчезали в утреннем тумане обрывистый берег Савы, покрытый зданиями, Калемегдан, Патриарший Дом, Кафедральный собор, и только крест на колокольне, как бы благославляя уезжающих, оставался виден на небе. Каждый был занят своими мыслями. Некоторые, прикрыв лицо платком, старались скрыть набегавшие слезы, некоторые крестились и шептали молитвы... Трагедия повторилась: как двадцать четыре года тому назад, тоже осенью, покидали русские люди свою Родину, так и теперь расставались со ставшей родной страной и ее народом... Паровоз засвистел, запыхтел, и поезд тронулся. Застучали колеса, замелькали станционные здания, дома пригорода и поезд, увеличивая скорость, вышел в открытое поле. Удалялись от Земуна, а на горизонте был виден Белград. Подходили к открытым дверям вагона посмотреть на него. Поезд продолжал свой путь и на повороте исчез вид на Белград. Прощай наш город, быть может, навсегда» [Данилов 1981, с. 88–89].

Весь вокзальный перрон был занят провожающими. Здесь присутствовало, вероятно, все русское население Белой Церкви. У всех вид был растерянный, даже испуганный, некоторые плакали. Были, впрочем, и такие, которые продолжали твердить: «Ну, куда вы едете?.. На что вы надеетесь?..» [Курганский 1975, с. 58].

Для многих эмигрантов началась новая эвакуация. Какая судьба будет ждать русских, остающихся в Югославии после освобождения страны советскими войсками и Народно-освободительной армией Югославии и прихода к власти комму-

нистической партии? Этот вопрос волновал всю, уже немногочисленную русскую диаспору.

Прихода советских войск в Белую Церковь (город на северо-востоке страны) значительная часть русских ожидала спокойно, веря, что «за двадцать пять лет многое изменилось и большевики уже не те, что были когда-то». Шли горячие дискуссии на тему — «уезжать или не уезжать» [Там же]. Они закончились с приходом Красной армии и установлением новой социалистической власти. Многие белоэмигранты были арестованы, отправлены в лагерь, лишены работы¹. Судьба русских учреждений в Югославии также оказалась тяжелой. Приведем только два примера.

В Музее Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви находились исторические реликвии, связанные с Россией: знамена корпусов и полков, книги, рукописи. В 1944 г. знамена попали в руки Красной армии, которой их передал заведующий музеем полковник Барышев², и были отправлены в Москву (хранились в Военно-историческом архиве), но судьба других предметов и экспонатов оказалась печальной. Командование Красной армии приказало солдатам вынести их во двор здания кадетского корпуса. «Все же остальное было свалено в кучу и тут же сожжено» [Кованько 1990, с. 62–63]. Стол, за которым погиб генерал Л.Г. Корнилов, разбили на куски и тоже сожгли [Там же]. В ноябре 1944 г. была уничтожена почти вся периодика и часть книжного фонда Библиотеки отделения Русской матицы (культурно-национального общества) в г. Новый Сад³ [Арсеньев 1995].

Судьбу еще одного значимого русского учреждения в Югославии — Русского дома в Белграде — хорошо описывает следующий отрывок:

Одни потащились товарными поездами неведомо куда, лишь бы подальше от красных, другие остались пережидать бурю (и многие все же уехали позднее), но русское гнездо было разрушено. Русский дом опустел <...>, как таковой <он> существует и поныне. Но это уже не наш дом, хотя на вид он все тот же — живы даже наши березки у бокового входа. Зато с парадного входа мозолят глаза советские афиши [Первая русско-сербская... 1973, с. 51].

Идея сооружения Русского дома⁴ как средоточия русских культурных учреждений и русского культурного центра принадлежала председателю Державной комиссии по делам русских беженцев и Русского культурного комитета (далее — РКК), профессору Белградского университета, академику Александру Беличу⁵ [Ђурић 1990, с. 40–41]. Именно РКК в начале 1930 г. поставил задачу построить

¹ О судьбе русских жителей Белой Церкви после освобождения города и прихода коммунистической партии к власти в 1944–1945 гг. см.: [Арсеньев 2011].

² Барышев Петр Владимирович (?–?) — полковник, хранитель музея с октября 1938 г. [Седьмая кадетская памятка 1997].

³ Часть книг, преимущественно русская художественная литература, поступила в фонды Библиотеки Матицы сербской и Народной библиотеки «Джуро Даниич» в Новом Саду [Арсеньев 1995].

⁴ О Русском доме в Белграде см.: [Ђурић 1990, с. 40–41; 1994, с. 123–128; Ђурђевић 2004, с. 185–186; Просен 2008а].

⁵ О Русском культурном комитете см.: [Косик 1992, с. 26–27].

Постройка Русского дома. Из собрания Милоша Ђуришича

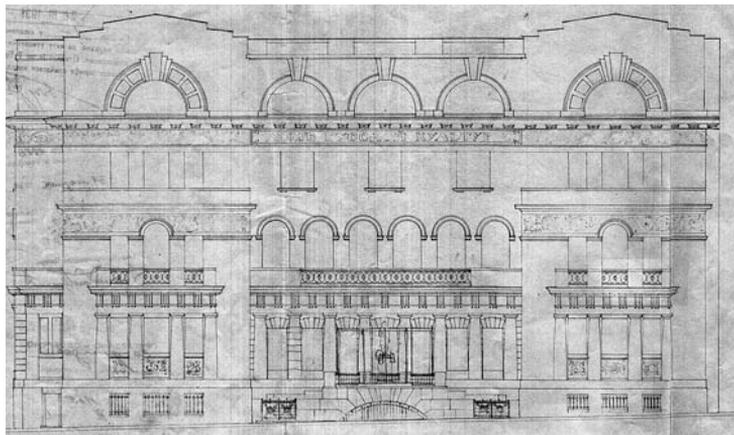
Дом русской культуры [Косик 1992, с. 27], и эта идея встретила поддержку короля Александра I Карагеоргиевича.

В.Н. Штрандтман, делегат, ведавший интересами русской эмиграции в Югославии, уступил для этой цели большой участок на территории бывшего русского посольства [Н.Ч. 1931]. По приглашению РКК проект здания разработал архитектор, генерал-майор Василий Федорович Баумгартен⁶ [Ђурић 1990, с. 40–41; Косик 1992, с. 27]. Постройка началась в 1931 г. на месте, где ранее находилось Управление правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев С.Н. Палеолога⁷, ведавшее приемом и размещением русских беженцев в Королевстве СХС⁸. Здание управления было демонтировано в начале марта 1931 г.

⁶ О В.Ф. Баумгартене см.: [Арсеьев 1994 ; Ђурђевић 2004; Просен 2008а, с. 215–216].

⁷ Об Управлении правительственного уполномоченного см.: [Јовановић 1996, с. 68].

⁸ В этой же усадьбе сосредоточились Окружной монархический совет и организация, возглавляемая генералом Э.В. Экком [К сооружению Русского дома 1931].

Проект В.Ф. Баумгартена. 1931. Из собрания ИАБ

[К сооружению Русского дома 1931], а торжественное открытие Русского дома состоялось 9 апреля 1933 г. [Ђурић 1990, с. 40–41]. Его строительство обошлось государственной казне в сумму около 9 миллионов динар (без стоимости земли) [Рклицкий 1933], номинально здание было построено на деньги Русского культурного комитета (АЮ, ф. 334, оп. 17, д. 716).

*Русский дом имени императора Николая II.
Из собрания Милоша Ђуришича*

Проектом Баумгартена предусматривалось установление статуи царя-мученика Николая II перед Домом⁹ (ИАБ, ф. 6-27-33-1931; [Н.Ч. 1931]), но по неизвестным причинам реализовать эту идею не удалось, хотя здание получило имя императора [Њ.В. Краљица присуствује 1933]. Первоначально — согласно проекту — он назывался Домом русской культуры (ИАБ, ф. 6-27-33-1931).

В здании, описанном прессой как монументальное [Дом руске културе 1931], разместились эмигрантские учреждения. На первом этаже — русская публичная библиотека, зал для концертов и вечеров и зал Русского научного института, на втором — мужская и женская гимназии, на третьем — Державная комиссия по делам русских беженцев, на четвертом — студии: музыкальная, театральная и искусств. Внизу располагалось общество «Русский сокол». В Доме находились и Музей русской конницы, Музей императора Николая II, церковь, зимний сад, кинозал, читальня [Ђурић 1990, с. 40–41].

⁹ По сведениям белградской прессы, планировалось установить бюст императора в большой передней [Дом руске културе 1931].

Несмотря на признание Югославией СССР в июне 1940 г., Русский дом, как отметил автор статьи в русской эмигрантской прессе, оставался «сосредоточием русских интересов» [Н. З. Р. 1940, с. 18]. Во время гитлеровской оккупации в том же здании разместилось «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» [Тимофе́ев 2011, с. 37].

Сразу после освобождения Белграда в октябре 1944 г., по словам настоятеля русской церкви Св. Троицы в Белграде протоиерея Иоанна Сокаля, здание находилось в плохом состоянии. Все помещения Русского дома были

...закрыты без всякого надзора и заботы о них. Закрыты были они внезапно; вследствие этого поправки повреждений, полученных во время уличных боев, не были проводимы, и здания эти остались незащищенными против зимних непогод. Многократные обращения к сербским властям и различным общественным организациям остались пока безуспешными. Не застекленные окна не предохранят их от холода, снега и дождей, подземные воды заливают подвальные помещения; водопроводные трубы лопнули с первыми морозами (цит. по: [Косик 2003, с. 203]).

Вскоре в то же здание переселилась антифашистская организация русских эмигрантов в Югославии — Союз советских патриотов¹⁰. Ее члены начали уборку и очищение Дома — выбрасывали мусор и сломанную в ходе освобождения мебель, русские художники (к сожалению, их имена пока неизвестны) рисовали портреты советских лидеров [Тимофеев 2012б, с. 252]. (Кстати, портреты советского и югославского лидеров были повешены даже в окнах здания бывшего русского императорского посольства в центре Белграда.) Однако этих мероприятий оказалось недостаточно — требовалось проведение капитального ремонта здания, который и осуществили югославские власти.

Уже в январе 1945 г. СССР поставил вопрос о передаче ему дома бывшего русского императорского посольства в Белграде и двух зданий (вместе с их библиотеками), построенных на участке земли, «принадлежащем Советскому Союзу», перед Национальным комитетом освобождения Югославии (первым временным революционным правительством Югославии). Речь, конечно, шла о Русском доме и Детском доме Российского общества Красного Креста (старой организации). По

Здание бывшего русского императорского посольства в центре Белграда. Журнал «Life»

¹⁰ О деятельности Союза советских патриотов см.: [Тимофеев 2012а; 2012б; Тимофе́ев 2012; Ёхина 2015].

этому вопросу обращались и к Тито, указывая ему, что, как говорилось в телеграмме, «перспектива открытия вслед за образованием нового югославского правительства, Посольство СССР требовало от Югославии скорейшего оформления того дела» и установления немедленной охраны этих зданий (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1373, л. 75), т. е. выполнение данных условий связывалось с политическими вопросами. Между тем решение вопроса не исключало того, что СССР в будущем обратится к югославским властям с просьбой выделить другой участок земли и приступит к строительству специальных зданий посольства (Там же).

Пока неизвестно, кому принадлежала идея проведения ремонта зданий. Однако Министерство строительства Югославии в марте 1945 г. обратилось к военной миссии СССР с просьбой «произвести восстановление и реконструкцию домов и планирование земельного участка в Белграде, принадлежащих Советскому Союзу» (АЮ, ф. 13, оп. 86). В своем ответе военная миссия подчеркнула, что она не «возражает против производства этих работ» (Там же).

16 марта министр строительства принял решение начать работы в трех зданиях — бывшего русского императорского посольства, Детского дома и Русского дома. Во время военных действий в городе в октябре 1944 г. они были повреждены, а Русский дом частично сгорел. Наблюдение за работами вел специально сформированный Комитет по ремонту. Согласно приказу министра, они должны были начаться немедленно¹¹. Капитальный ремонт производился на государственные деньги. Решением Комиссариата по делам финансов была выделена большая сумма — кредит в размере 20 млн динаров (Там же). Работы продолжались до 10 декабря 1945 г. В тот же день Комитет по ремонту передал их Посольству СССР в Белграде (Там же). О том, какое значение для министерства (и государства) имели эти работы, свидетельствует следующий факт: по просьбе министра рабочий день людей, трудившихся над восстановлением зданий министерства, «советского посольства» и государственной больницы в Белграде, был продлен до 10 часов. Количество работавших увеличилось на 50 % (Там же, оп. 3).

Работы по реконструкции трех зданий начались уже 19 марта (Там же, ф. 13, оп. 86). Фасад Русского дома был поврежден в результате взрывов гранат: второй этаж здания сгорел, столярные изделия частично повреждены, почти все окна были выбиты. Пришлось ремонтировать окна, изготавливать новые столярные изделия. Стоимость строительного материала составила 600 000 динаров (Там же, оп. 87). Ремонтные работы велись также на фасаде здания, стенах и плафонах второго этажа — накладывали новую штукатурку на плафон. Предполагаем, что в том же году сбили высеченную на фасаде главного входа надпись «Дом императора Николая II». Убрали как мраморные доски, посвященные памяти императора Николая II и короля Александра I¹², находившиеся в вестибюле Русского дома,

¹¹ Министерство строительства очень спешило закончить ремонтные работы. В одном из писем управление города Белграда сообщало, что ремонт по «техническим и политическим причинам» (слово «политическим» было вычеркнуто) «следует провести в кратчайшие сроки», см.: АЮ. Ф. 13. Оп. 87.

¹² На двух мемориальных досках было написано: «В вечную благодарность королю Югославии Александру I, защитнику русских», «В вечную благодарность императору Николаю II, защитнику сербов».

так и скульптуру на стене концертного зала. Позже на том же месте установили барельеф Ленина (АЮ, ф. 112, оп. 221).

Кроме сербов, в ремонтных работах участвовали и русские, которые получали зарплату от Министерства строительства (Там же, ф. 13, оп. 22). Так, работали братья **Константин и Георгий Леонидовичи Никифоровы** (ИАБ, ф. 1¹³), сыновья полковника артиллерии Леонида Васильевича и внуки генерал-майора русской армии Константина Каллининовича Можай-Можаровского [Лични односи 1927, с. 1473]. Константин родился в 1911 г. в деревне в Амурской области, а его брат — в Королевстве СХС в Дубровнике в 1922 г. (ИАБ, ф. 1). Константин учился в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в г. Горажде, но не окончил его [Бугураев 1973]. Переехав в столицу, окончил частную гимназию и архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Во время оккупации Константин проживал в Белграде (и несколько месяцев — в деревне Житиште (в Банате) и в Нише). Георгий несколько раз менял место жительства — жил в Белграде, затем в г. Сараево, Смедерево (недалеко от Белграда). Освобождение Белграда в октябре 1944 г. застало братьев в столице Югославии (ИАБ, ф. 1). В рамках капитального ремонта зданий Константин Леонидович работал техником, Георгий — поденщиком (АЮ, ф. 13, оп. 87). К сожалению, их дальнейшая судьба малоизвестна. В 1950 г. Георгий Леонидович уехал в Италию (ИАБ, ф. 1), а скончался в 2010 г. в г. Нануэт (штат Нью-Йорк, США).

Виктор Борисович Котов работал полировщиком и делопроизводителем (АЮ, ф. 13, оп. 86, 87). Он был техником и каменщиком. Решением министра внутренних дел в 1938 г. получил югославское гражданство. Жил в Белграде, где его застало освобождение столицы Югославии (ИАБ, ф. 1).

*Скульптура на стене концертного зала Русского дома.
Из собрания Милоша Юришича*

*Барельеф В.И. Ленина. 1966.
Из собрания АЮ
(фонд «Танюг»)*

¹³ Этот и другие далее приводимые документы находятся в Картотеке жителей Белграда и Земуна, хранящейся в Историческом архиве Белграда. Автор благодарит С. Мандича (ИАБ) за помощь.

Александр Сергеевич Пичугин и **Андрей Иванович Заболоцкий** работали каменщиками (АЮ, ф. 13, оп. 87). Александр Сергеевич родился в Москве в 1895 г. Был техником и столяром. Получил югославское гражданство (ИАБ, ф. 1). Андрей Иванович был делопроизводителем. Родился в Одессе в 1898 г. Освобождение Белграда застало его в столице Югославии (Там же).

По окончании ремонтных работ и передаче здания советскому посольству в Югославии Русский дом стал называться Домом советской культуры. Решение о его создании и подчинении Всесоюзному обществу культурной связи с границей (далее — ВОКС) принял Совет министров СССР 11 июня 1946 г. ЦК ВКП(б) назначил Анатолия Калинина его директором. Именно он проведет еще один ремонт Дома [Пејовић 2010, с. 35].

Несмотря на новое название, для жителей Белграда, и не только для них, Дом остался «русским». Так, в белградской прессе в ноябре 1946 г. упомянут «Русский дом» [Јуче је одржан 1946]. В мае и октябре следующего, 1947 г., публикуя информацию о различных мероприятиях, состоявшихся в этом здании, пресса в скобках поясняла читателям, что Дом советской культуры — это бывший Русский дом [Скупштина Друштва 1947; Филм «Москва» 1947; Премијера најновијег 1947]. Даже в отчетах о деятельности Общества культурного сотрудничества Югославии с СССР¹⁴ в 1947 г. упоминается «Русский дом» (АЮ, ф. 524, оп. 11). Это не случайно.

В том же, 1946, году директор Дома открыл (неофициально) библиотеку, созданную как из малочисленных книг, полученных от ВОКС, так и из книг, отобранных из фонда библиотеки Русского дома (следует сказать, что 50 томов книг из библиотеки Русского дома были сожжены) [Пејовић 2010, с. 36]. Открытие библиотеки стало вторым событием после ремонта здания. К моменту приезда А. Калинина в Белград в марте 1947 г., по словам советского посла в Югославии А.Ю. Лаврентьева, Дом находился в плохом состоянии. Однако уже к маю директор произвел ремонт концертного зала и зала для чтения лекций, библиотеки, читального зала. Оставалось лишь отремонтировать фасад и перестроить физкультурный зал в приемную [Там же, с. 35].

До 15 октября для Дома было закуплено новое оборудование — мебель, столы, пианино; привезены киноаппараты, радио, фотоаппараты, портреты, картины, государственные флаги (ГА РФ, ф. 5283, оп. 17, д. 542, л. 10–11). Капитальный ремонт здания должен был быть закончен до 15 сентября, так как торжественное открытие Дома советской культуры предусматривалось приурочить к празднованию 30-й годовщины Октябрьской революции — в ноябре того же года. Строительные материалы и рабочую силу изыскали на месте (Там же, л. 7).

Проекты реконструкции здания и интерьера были разработаны в сентябре–октябре 1947 г.¹⁵ Предусматривались перестройки входного портика на главном

¹⁴ Об Обществе культурного сотрудничества Югославии с СССР см.: [Пејовић 2010; Милорадовић 2012, с. 201–217].

¹⁵ В Музее науки и техники (далее — МНТ) в Белграде хранится коллекция Г.И. Самойлова. Она содержит проект реконструкции Дома советской культуры 1947 г. Этот и другие далее цитируемые документы из той же коллекции.

*Проект перестройки входного портика на главном фасаде. 1947.
Из собрания МНТ (коллекция Г.И. Самойлова)*

фасаде, бокового фасада, холла, гардеробной и подвального помещения. Согласно проекту, на входе собирались установить две фигуры — мужчины (с опущенным мечом) и женщины с колосьями; две мачты сверху, украшенные пятиконечными звездами, и государственный герб Советского Союза. Однако по неизвестным причинам эти детали не были реализованы, хотя государственный герб СССР украсил холл Дома — он был поставлен над внутренними входными дверями.

*Внутренняя дверь. 1947.
Из собрания МНТ
(коллекция Г.И. Самойлова)*

Автором данных проектов являлся русский эмигрант, казак Г.И. Самойлов [Просен 2007, с. 108; 2008а, с. 218]. Пока неизвестно, кто нанял его — директор Дома, ВОКС, советское посольство в Белграде или, может быть, Министерство иностранных дел СССР. Тем не менее у него была очень интересная жизнь.

Григорий Иванович Самойлов родился в 1904 г. в Таганроге [Милованович 1996, с. 279]. В возрасте шести лет он поступил в художественную школу в Таганроге, а в 12 лет уже стал помощником декоратора в городском театре. Через полгода Самойлов становится декоратором. Талантливый мальчик был своего рода участником борьбы с большевиками — рисовал агитационные плакаты [Б. К. 1929].

*Г.И. Самойлов.
Опубликовано в:
[Миловановић 1994, с. 262]*

В 1921 г. он эмигрировал вместе с отцом, донским полковником, в Королевство СХС. Поступил в Донской Императора Александра III кадетский корпус в г. Билеча [Милованович 1996, с. 279]. Его первой большой работой стали корпусная церковь и театр. Писал декорации и для Сербского городского театра. Во время каникул в Белой Церкви расписывал стены в Донском институте. Мотивами его творчества стали Ермак, Платов, казачьи гербы и эмблемы [Б. К. 1929]. По окончании корпуса Самойлов поступил на архитектурное отделение Белградского университета [Милованович 1996, с. 279]. Работал в двух сербских фирмах. Рисовал национальные игральные карты для Югославии, дипломы для отбывших воинскую повинность, всевозможные проекты и портреты. Самойлов проиллюстрировал две книжки сказок, рисовал обложки для книг и журналов: «Наполеон» Д.С. Мережковского, «Под небом Югославии» А.А. Бурнакина, «Песни воли» П. Полякова. Публиковал карикатуры в сербских газетах, преимуще-

ственно в «Речи». Художник-энтомолог при Министерстве народного здоровья, где и был издан альбом его работ.

В 1930 г. Г.И. Самойлов окончил университет, защитив дипломную работу «Югославский пантеон». Затем работал в студии известного сербского архитектора А. Джорджевича, где участвовал в разработке проектов Белградской фондовой биржи (ныне Этнографический музей) и Белого дворца на Дединье. Два года спустя был назначен ассистентом отделения византийской и старосербской архитектуры технического факультета Белградского университета [Милованович 1996, с. 279–280; Просен 2001, с. 90]. Женился на сербке, Данице Люйич, секретаре в Министерстве просвещения [Личне вести 1933]. В 1933 г. Самойлов начал самостоятельную архитектурную деятельность. До войны он разработал несколько десятков проектов в Белграде и Сербии¹⁶ — жилые и общественные здания, церкви и часовни [Милованович 1996, с. 279–280; Просен 2001, с. 90].

Начало войны застало Самойлова на Фрушкой горе, где он руководил работами по строительству бункера. После отступления с армией в Боснию, в день капитуляции Югославии 17 апреля 1941 г., Самойлов попал в плен под Сребреницей [Милованович 1996, с. 280]. Следует сказать, что он мог избежать плена: немцы объявили, что в плен попадут только сербы, однако Самойлов не захотел покинуть своих соратников и отправиться в лагерь для офицеров. Его послали в концентрационный лагерь Бад-Шульцы, а затем в 1942 г. — в Шталаг IX-C, на-

¹⁶ О его проектах см.: [Миловановић 1994; Милованович 1996, с. 281–283; Бурђевић 1997; Просен 2001, с. 90–104; 2008б, с. 386–389].

ходившийся недалеко от Бухенвальда, где он провел три года [Просен 2008б, с. 386; Prosen 2003, s. 7]. В 1943 г. Г.И. Самойлов соорудил в лагере часовню с иконостасом. Идея постройки родилась после того, как лагерь посетил генерал СС, который спросил офицера, где сербская часовня, на что тот ответил: у сербов нет культуры. Это оскорбило Григория Ивановича, который, чтобы доказать им обратное, решил построить часовню. Обменивая продукты из посылок Красного Креста на материалы и инструменты, он и его помощники построили часовню с иконостасом¹⁷ [Милованович 1996, с. 280; Prosen 2003, s. 84–85].

В биографии Самойлова особенно интересен еще один факт. Во время оккупации Сербии его работы были представлены на выставке сербских художников, павших в плену, которая состоялась в Белграде в конце марта — начале мая 1943 г. Григорий Иванович — единственный из русских художников, чьи картины были выставлены. «Дебютантом в качестве художника является Григорий Самойлов, кстати, один из наших выдающихся архитекторов молодого поколения», — писала сербская пресса [Манојловић 1943, с. 12].

Пока неизвестно, каким образом его картины оказались в Белграде. По сведениям прессы, семьи и друзья военнопленных уступили некоторые работы [Данас се отвара 1943]. Были и художники, которые отправили свои произведения через освобожденных из плена друзей [Јуче је свечано отворена 1943]. Но тогда возникает вопрос: как они узнали про эту выставку? Возможно, от своих семей, поскольку пленные поддерживали связь с ними. Так или иначе, в экспозиции были представлены два или три автопортрета Григория Ивановича [Манојловић 1943]. Из них, по словам автора статьи, опубликованной в сербской газете, особенно выделялась работа «Интимный уголок», на которой художник изобразил самого себя в плену: на полотне мы видим мужчину в окружении картин перед кроватью и столом [Огромно интересовање публике 1943]. В ходе открытия вы-

*Иконостас в часовне Рождества
Иоанна Крестителя на белградском
Центральном кладбище.
Фотография автора*

¹⁷ После освобождения иконостас был демонтирован и вывезен в Субботицу (город на севере Югославии), затем в Белград, в Патриарший Дом. Хотя Сербская Православная Церковь предложила украсить церковь Св. Марка (в столице) этим иконостасом, по желанию Григория Ивановича его монтировали в часовне на Центральном кладбище [Prosen 2003, s. 85].

Г-БА САМОЙЛОВ ГЛЕДА АУТОПОРТРЕ СВОГ МУЖА

*Автопортрет Г.И. Самойлова.
Выставка сербских художников, павших в плену. Газета «Српски народ».
1943. 3 апр. С. 12*

ставки премьер-министр Правительства национального спасения¹⁸ М. Недич¹⁹ и министр по делам просвещения В. Йонич²⁰ купили несколько картин для учреждений, в том числе и «Интимный уголок» [Там же; Велико интересовање 1943].

По возвращении из плена Григорий Иванович продолжил работу в университете. Он преподавал основы рисунка и живописи. Одновременно участвовал в восстановлении страны. Разработал проект здания машиностроительного факультета (1950–1952), интерьер Президентского управления Югославии и Зал Исполнительного совета Сербии (1947), осуществил переделку интерьера Сербской академии наук и искусства (1949–1951). Стал ординарным профессором Белградского университета. В 1974 г. вышел на пенсию, однако продолжал работать. В 1974–1975 гг. реконструировал гостиницы «Москва» и «Эксцельсиор» в Белграде [Милованович 1996, с. 283; Просен 2008б, с. 389–391]. На мозаиках в «Москве» представил Россию, ее столицу, странствия беженцев, свою новую родину — Сербию и Белград [Лопушина 2008].

В 1980-е гг. Григорий Иванович принял участие в работе по увековечению памяти кадетских корпусов, находившихся в Югославии. Русский участок кладбища в Белой Церкви был в крайне запущенном состоянии²¹. Желание привести его в порядок встретило поддержку участников организованного в 1983 г. 8-го съезда Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом, учредившего Комиссию по делам кадетских и русских кладбищ, главным образом в Югославии. Комиссия в свою очередь предложила образовать постоянную Комиссию по заботе об этих могилах. Съезд принял данное предложение, и вскоре она была основана.

На следующем съезде в 1984 г. именно ее члены привезли проект, сделанный Самойловым, и предложили перенести останки в сооруженный по идее Григория Ивановича простой железобетонный склеп. По желанию Нью-Йоркского

¹⁸ «Правительство национального спасения» — правительство оккупированной немецкими войсками Сербии, существовавшее с августа 1941 по октябрь 1944 г.

¹⁹ Милан Недич (1877–1946) — сербский военный и государственный деятель, генерал, министр обороны Югославии (1939–1940), в августе 1941 — октябре 1944 г. премьер-министр Правительства национального спасения, созданного после оккупации Сербии немецкими войсками.

²⁰ Велибор Йонич (1892–1946) — министр по делам просвещения в правительстве М. Недича.

²¹ На русском участке кладбища в Белой Церкви похоронены как кадеты, офицеры-воспитатели, преподаватели, служащие и члены их семей Крымского и Первого русского великого князя Константина Константиновича корпусов, так и жители города [Арсеньев 2011].

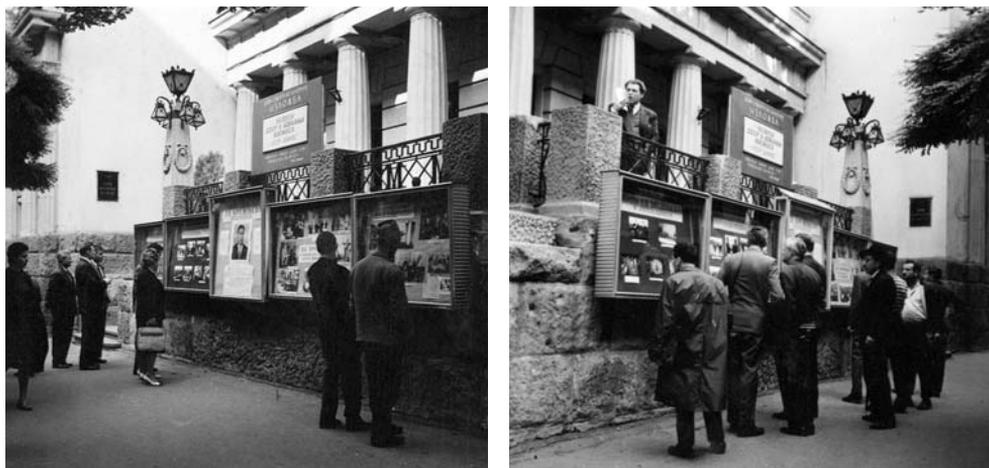
кадетского объединения²² [Сальников, Николаев-Волков 1990], восьмидесятилетний Самойлов разработал проект часовни для памятника кадетам, воспитателям, преподавателям и служившим в русских учебных заведениях в Югославии на кладбище в Белой Церкви. Однако после изучения проекта выяснилось, что его реализация невозможна по финансовым соображениям. Составление нового, более доступного проекта было поручено инженеру-строителю В.Т. Соболевскому, члену комиссии. В мае 1985 г. Владимир Тимофеевич разработал три проекта памятника, а Самойлов — еще один, под названием «Три волны» [Доклад Соболевского 1987, с. 122]. Поскольку стало ясно, что идея переноса останков сопряжена с большими трудностями, было принято решение построить памятник. Несколько месяцев спустя сметы вариантов были присланы в правление объединения в Нью-Йорке, которое финансировало проект, и был выбран эскиз Соболевского под названием «В-1» [Карпов 1986, с. 127–129].

В 1988–1989 гг. Григорий Иванович работал над перестройкой кинотеатра «Белград» в театр «Теразие». Он умер в Белграде в 1989 г. [Милованович 1996, с. 281; Просен 20086, с. 391]. Похоронен на городском Центральном кладбище, в семейной усыпальнице, построенной по его же проекту [Prosen 2003, s. 111].

Причина, по которой проект Г. Самойлова реконструкции фасада Дома так и не был реализован, неизвестна. Однако известно, что торжественное открытие Дома откладывалось (хотя библиотека и читальня работали) [Пејовић 2010, с. 37].

Новая фаза советско-югославских отношений, начавшаяся принятием Резолюции Информационного бюро в 1948 г. и вследствие этого политическим конфликтом между властями Москвы и Белграда, не осталась без последствий для Дома советской культуры. С апреля следующего года началось давление властей на Дом, его сотрудников и посетителей [Там же, с. 216]. В ноябре того же года он был заблокирован. Все улицы, ведущие к Дому, круглые сутки находились под контролем органов Государственной безопасности. Предпринят ряд полицейских мер, чтобы воспрепятствовать нормальной работе этого учреждения. У каждого выходящего из Дома проверяли документы (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1375, л. 150). В день празднования годовщины Октябрьской революции арестовали несколько русских, граждан СССР, а на следующий день охранника Дома, тоже гражданина Советского Союза [Пејовић 2010, с. 217]. 17 ноября югославские власти задержали 70 человек — советских (русских эмигрантов) и югославских граждан, когда они выходили из здания, и увезли их в полицию. Граждан Югославии после этого арестовали (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1375, л. 150). Под угрозой арестов югославским гражданам было запрещено посещать Дом (Там же, л. 170) (в январе 1949 г. количество посетителей выставок в Доме составляло в среднем 170–200 человек; по выходным Дом посещало около 500 человек, из которых югославы составляли 70–80 % [Пејовић 2010, с. 205]).

²² В 1984 г. по заказу того же объединения Г.И. Самойлов разработал и два варианта памятника, который планировали построить на кладбище в Ново-Дивееве (штат Нью-Йорк, США) на участке, где хоронили бывших кадет. Один из них представлял собой крест с крыльями — вертикальными полуцилиндрами. Однако проект не был реализован [Карпов 1994, с. 122].

Дом советской культуры. 1962. Из собрания АЮ (фонд «Танюг»)

В 1961 г. были урегулированы статус и деятельность Дома. По соглашению, заключенному между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республикой Югославией об урегулировании деятельности Дома советской культуры в Белграде, он стал иностранным информационным учреждением (АЮ, ф. 559, оп. 20, д. 41). В его задачи входило «ознакомление югославского общественного мнения с жизнью и событиями в СССР» и «развитие дружеских и культурных связей между советским и югославским народами» (Там же, оп. 21, д. 43). Изменили и расположение помещений. В подвале Дома советской культуры находился выставочный зал. На первом этаже — библиотека, читальня и зрительный зал, на третьем — квартиры сотрудников Дома, на четвертом — кабинет и квартира руководителя, две приемные, музыкальный зал, методический кабинет русского языка. В здании поместились и Торговое представительство СССР в Югославии (ранее находилось в здании бывшего русского императорского посольства, которое разрушили через несколько лет после ремонтных работ) и школа (Там же).

В конце XX в. здание вновь изменило свое название — в 1994 г. его переименовали в Российский центр науки и культуры в Белграде, или просто «Русский дом»²³. Неслучайно спустя три года после войны и прихода коммунистической партии к власти писали и говорили о «Русском доме». Как бы ни менялось название Дома — «Русский дом имени императора Николая II», «Дом советской культуры», «Русский дом (Российский центр науки и культуры в Сербии)», — как для русских, так и для сербов он всегда оставался и остается «русским». Но не только. Он остался центром сосредоточения русских и сербов.

Для всех многосторонних отраслей эмигрантской культурной жизни нужно было создать центр, который с одинаковой любовью... принял к себе

²³ Тогда же убрали барельеф Ленина и установили новый — Московского Кремля.

всех, в ком горит живой пламень русского духа. Так возник этот дом.... Пусть представление богатств русской культуры нашему народу (сербскому. — М.Ж.) всегда будит в нем уважение к своему северному брату, пусть словом и делом насаждает во все русские и югославские сердца наши взаимопознание... [Орехов 1940, с. 9–10].

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ИАБ — Исторический архив Белграда

МНТ — Музей науки и техники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Арсењев 1994 — *Арсењев А.* Баумгартен Василиј (Вилхелм) Фјодорович // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова / приред. М. Сибиновић, М. Межински, А. Арсењев. Београд, 1994. Књ. II. С. 231.

Арсењев 1995 — *Арсењев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1995. 253 с.

Арсењев 2011 — *Арсењев А.Б.* Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. 291 с.

Б. К. 1929 — Б. К. Г.И. Самойлов, казак-художник // Вольное казачество. 1929. 25 марта. С. 20–21.

Бугураев 1973 — *Бугураев М.К.* Донской Императора Александра III Кадетский Корпус. Воспоминания кадет Донского Корпуса. Мадрид, 1973. 592 с.

Велико интересовање 1943 — *Мар. М.* Велико интересовање Београђана за изложбу слика из заробљеништва // Ново време. 4 апр. С. 5.

Данас се отвара 1943 — Данас се отвара изложба сликара из заробљеништва // Ново време. 1943. 28 марта. С. 5.

Данилов 1981 — *Данилов В.С.* Эвакуация русской белой эмиграции из Югославии // Кадетская перекличка. Нью-Йорк, 1981. № 28. С. 87–94.

Доклад Соболевского 1987 — Доклад В.Т. Соболевского // Кадетская перекличка. Нью-Йорк, 1987. № 42. С. 121–123.

Дом руске културе 1931 — Дом руске културе // Време. 1931. 15 марта. С. 10.

Ђурђевић 1997 — *Ђурђевић М.* Григорије Самојлов (архитектонски опус) // Годишњак града Београда. XLIV. Београд, 1997. С. 257–272.

Ђурђевић 2004 — *Ђурђевић М.* Архитект Василиј Фјодорович Баумгартен // Годишњак града Београда. LI. Београд, 2004. С. 183–190.

Ђурић 1990 — *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. Горњи Милановац, 1990. 300 с.

Ђурић 1994 — *Ђурић О.* Шездесет година Руског дома Императора Николаја II у Београду (1933–1993) // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова / приред. М. Сибиновић, М. Межински, А. Арсењев. Београд, 1994. Књ. I. С. 123–128.

Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 386 с.

Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану: 1920–1940. Београд, 2006. 560 с.

Јуче је одржан 1946 — Јуче је одржан Први конгрес Друштва за културну сарадњу Југославије са Совјетским Савезом // 1946. 6 нояб. С. 3.

- Јуче је свечано отворена 1943 — Јуче је свечано отворена изложба радова сликара ратних заробљеника // *Обнова*. 1943. 29 марта. С. 4.
- Ћхина 2015 — *Ћхина Н.А.* «История русского сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.
- К сооружению Русского дома 1931 — К сооружению Русского дома // *Царский вестник*. 1931. 14 марта. С. 2.
- Карпов 1986 — *Карпов А.* О Русском участке Православного Кладбища в Белой Церкви, Югославия // *Кадетская переключка*. Нью-Йорк, 1986. № 40. С. 127–130.
- Карпов 1994 — *Карпов А.* О памятнике на кадетском участке кладбища в Ново-Дивеево // *Кадетская переключка*. Нью-Йорк, 1994. № 54. С. 122–125.
- Кованько 1990 — *Кованько Г.А.* Ужин в Москве // *Кадетская переключка*. Нью-Йорк, 1990. № 48. С. 60–63.
- Косик 1992 — *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 20–32.
- Косик 2003 — *Косик В.И.* Русский дом // *Славянский альманах*. 2003. № 8. С. 196–203.
- Курганский 1975 — *Курганский В.* Тридцать лет тому назад // *Кадетская переключка*. Нью-Йорк, 1975. № 11. С. 55–64.
- Личне вести 1933 — *Личне вести* // *Просветни гласник, службени орган Министарства просвете*. 1933. С. 133.
- Лични односи 1927 — *Лични односи* // *Службени војни лист*. Орган и издање Министарства војске и морнарице. 1927. 2 авг. С. 1473–1476.
- Лопушина 2008 — *Лопушина М.* Хотел Москва — првих 100 година. Зрењанин, 2008. 228 с.
- Манојловић 1943 — *Манојловић Т.* Изложба сликара из заробљеништва // *Српски народ*. 1943. 3 апр. С. 12.
- Миловановић 1994 — *Миловановић М.* Григорије Иванович Самојлов // *Руси без Русије*. Српски Руси / ур. З. Бранковић. Београд, 1994. С. 255–264.
- Милованович 1996 — *Милованович Милан*. Архитектор Григорий Самойлов // *Русская эмиграция в Югославии* / ред. А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. М., 1996. С. 279–285.
- Милорадовић 2012 — *Милорадовић Г.* Лепота под надзором: Совјетски културни утицаји у Југославији 1945–1955. Београд, 2012. 461 с.
- Њ. В. Краљица присуствује 1933 — Њ. В. Краљица присуствује освећењу Дома цара Николе II у Београду // *Време*. 1933. 10 апр. С. 3.
- Н.З.Р. 1940 — *Н.З.Р.* Русские в Югославии // *Часовой*. 1940. 25 дек. С. 18.
- Н.Ч. 1931 — *Н.Ч.* Дом русской культуры // *Царский вестник*. 1931. 27 июня. С. 4.
- Огромно интересовање публике 1943 — Огромно интересовање публике за изложбу сликара из заробљеништва // *Обнова*. 1943. 1 апр. С. 4.
- Орехов 1940 — *Орехов В.В.* Несколько предварительных слов // *Часовой*. 1940. 5 июня. С. 9–10.
- Первая русско-сербская... 1973 — Первая русско-сербская женская гимназия // *Кадетская переключка*. Нью-Йорк, 1973. № 6. С. 47–51.
- Пејовић 2010 — *Пејовић М.* Односи Друштва за културну сарадњу Југославија-СССР и Свесавезног друштва за културне везе са иностранством 1945–1948. Магистарски рад. Београд, 2010. 262 с.
- Премијера најновијег 1947 — Премијера најновијег совјетског филма «У име живота» // *Политика*. 1947. 13 авг. С. 9.
- Просен 2001 — *Просен М.* Прилог проучавању београдског опуса Григорија И. Самојлова // *Наслеђе*. Београд, 2001. № 3. С. 89–104.

- Просен 2007 — *Просен М.* О соцреализму у архитектури и његовој појави у Србији // Наслеђе. Београд, 2007. № 8. С. 95–118.
- Просен 2008а — *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. Београд, 2008. № 9. С. 211–220.
- Просен 2008б — *Просен М.* Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья / отв. ред. О.Л. Лейкинд. СПб., 2008. С. 385–393.
- Рклицкий 1933 — *Рклицкий Н.* В память Царя-мученика Николая II // Царский вестник. 1933. 13 апр. С. 1.
- Сальников, Николаев-Волков 1990 — *Сальников В.Н., Николаев-Волков Д.М.* Памяти инж. арх. Григория Ивановича Самойлова // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1990. № 48. С. 135.
- Седьмая кадетская памятка 1997 — Седьмая Кадетская Памятка. Юбилейная. 1920–1995. Нью-Йорк, 1997. 462 с.
- Скупштина Друштва 1947 — Скупштина Друштва за културну сарадњу Србије са СССР // Политика. 1947. 10 мая. С. 7.
- Тимофејев 2011 — *Тимофејев А.Ј.* Руси и други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. 460 с.
- Тимофејев 2012 — *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота — антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје. Београд, 2012. № 3. С. 257–277.
- Тимофеев 2012а — *Тимофеев А.Ю.* Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.
- Тимофеев 2012б — *Тимофеев А.Ю.* Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны // Славянский альманах. 2012. № 1. С. 241–257.
- Филм «Москва» 1947 — Филм «Москва» и предавање арх. Бранка Максимовића // Политика. 1947. 19 окт. С. 5.
- Prosen 2003 — *Prosen M.* Život i delo arhitekta Grigorija Samojlova. Diplomski rad. Filozofski fakultet u Beogradu. Beograd, 2003.

Г.Н. Энгельгардт

«БЕЛОЭМИГРАНТЫ» ИЛИ «ПРОСТЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ» —
СОВЕТСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БЕЛГРАДЕ И КАЗАЧИЙ МЕМОРИАЛ
В КОРБЕВЦЕ (ВРАНЕ) В НАЧАЛЕ 1990-х гг.*

По-разному складывалась судьба памятников русским эмигрантам в Сербии в период существования социалистической Югославии (1945–1991). При этом советское посольство в Белграде практически полностью игнорировало сам факт их наличия. Хотя мемориальные дела составляли важную часть деятельности посольства, они, как правило, ограничивались вопросами награждения ветеранов партизанского движения 1941–1945 гг. и ухода за захоронениями советских солдат.

Одной из первых попыток обратить внимание на наследие русской эмиграции в Сербии, предпринятой в самой среде советских дипломатов в Белграде, стал проект «реабилитации» памятника строителям «Русской дороги» на юге Сербии, в с. Корбевац (община Вране).

«Руски пут», или «Русская дорога», — главный памятник деятельности русских эмигрантов на юге страны. Ныне региональная трасса Р442 Вране–Босильград, на протяжении около 70 км извивается по местным горам. Названа она так потому, что в 1921–1925 гг. ее строили чины Кубанской казачьей дивизии под руководством генерала Василия Петровича Логвинова¹, многие из которых похоронены в этих краях, включая и самого генерала [Волков 2016]. Соединив юг Сербии с восточной Болгарией, дорога имела большое значение для развития региона в первой половине XX в. Однако в ходе послевоенной урбанизации большинство лежащих вдоль нее деревень, по свидетельству сербских СМИ, обезлюдело в 1960–70-х гг. [Tasić 2018].

В селе Корбевац еще самими казаками был воздвигнут памятник своим братьям в виде пятиметровой усеченной пирамиды с надписью: «Кубанская казачья дивизия. Братьям-казакам, погибшим на чужбине». Примечательно, что памятник пережил все перипетии непростого развития советско-югославских

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00163 «Историческая политика в странах бывшей Югославии».

¹ Василий Петрович Логвинов (1864–1923) — кубанский казак, после окончания Ставропольской гимназии и Ставропольского казачьего юнкерского училища офицер 1-го Хоперского Е.И.В. великой княгини Анастасии Михайловны полка Кубанского казачьего войска, с 1892 г. служил в Собственном Е.И.В. конвое, в 1904–1905 гг. участвовал в Русско-японской войне, с 1910 г. командир лейб-гвардии 1-й Кубанской сотни (1910). С 1914 г. полковник, служил во 2-м Хоперском полку Кубанского казачьего войска, с 1915 г. командовал 2-м Екатеринодарским полком Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине, с 1 августа 1918 г. в резерве чинов при штабе Кубанского казачьего войска. Генерал-майор. Скончался 18 ноября 1923 г. в г. Вранье (Югославия) [Волков 2016; Русская армия в Великой войне 2017].

отношений, сохраняемый заботами местных жителей. В 2010 г. он был обновлен усилиями местной ветеранской организации СУБНОРа² [ТО-Вране 2017] (несколько необычно, учитывая, как правило, «партизанскую» ориентацию этой ветеранской организации, чуждой особым симпатиям к «белым») и работавшей на модернизации железной дороги во Вране российской госкомпании «РЖД». В последние годы к нему возлагали цветы представители посольства России в Белграде и руководства «РЖД» [РТ-Вране 2016].

Наряду с памятником в Корбевце был воздвигнут и памятник на самой высокой точке дороги, на горе Бесна Кобила (1923 м). От него расходятся дороги на вершину горы и к альпийской гостинице [ТО Вране 2017]. Стоящий на высоте 1666 м знак также был обновлен в 2010 г. СУБНОРом Вране. На фотографии из путевого отчета белградских велотуристов читается надпись на памятнике: «Русская казачья дивизия своим братьям-казакам, умершим здесь в 1921–1925 г. Да не повторится братоубийственная война. Обновил СУБНОР Вране 2010 год» [Klub 2010]³. Добавленная фраза о неповторении братоубийственной войны может отражать идейные борения местного СУБНОРа при увековечивании памяти все-таки «классовых врагов». Борений, потребовавших отдельного обоснования в виде осуждения гражданской войны как таковой.

Можно сказать, что мемориалам на «Русской дороге» выпала куда более завидная судьба, чем многим русским захоронениям начала XX в. на территории бывшей Югославии.

В Архиве внешней политики РФ пока выявлено два документа о них, проливающие некоторый свет на эволюцию отношения к наследию русской эмиграции в стране.

Это отчет первого секретаря посольства СССР в Белграде Виктора Васильевича Бондарева о посещении селения Корбевац в общине Вранье⁴ от 18 мая 1990 г.⁵ и составленное на его основе письмо советника-посланника В.И. Колдовского главе

² СУБНОР — Савез удружења бораца народно-ослободилачког рата (*серб.*) — Союз обществ бойцов народно-освободительной войны. Созданная в 1947 г. ведущая ветеранская организация социалистической Югославии.

³ «Руска козачка дивизија својој браћи-козацима умрлим од 1921–1925 год “Да братоубилачког рата више не буде” Обновлио СУБНОР Вране». URL: https://web.archive.org/web/20140104033436im_/http://1.bp.blogspot.com/_KY_r6Po0UHA/TKJddh_qKII/AAAAAAAAADFc/DtSW5w2A4zw/s640/090+Ruski+spomenik.jpg (дата обращения: 30.09.2018).

⁴ Так в тексте.

⁵ Отчет о командировке в местное содружество Корбевац (община Вранье) первого секретаря посольства Бондарева В.В. 24 мая 1990 г. // АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. Д. 4. П. 121 (Референтура по Югославии). Л. 43–45.

Краснодарского краевого совета народных депутатов Н.И. Кондратенко от 27 декабря 1990 г.⁶

По приглашению местных властей советский дипломат посетил Корбевац на торжества 9 мая 1990 г. и был принят председателем конференции ССНО⁷ Бранко Маничем и главой скупщины общины Вране Светизаром Любичем, предложившими посольству совместно увековечить память казаков.

«По словам собеседников, в данной местности глубоко чтут память этих строителей. Их никто не воспринимал и не воспринимает здесь как белоэмигрантов, а как простых и близких по крови русских людей, ценой тяжелейшего и самоотверженного труда проложивших сложнейший горный путь, способствовавший развитию целого края».

Интересно описание состояния мемориала на рубеже эпох, в конце социалистической Югославии. Дипломат отмечает его ухоженность, подчеркивая неофициальный и неинституционализированный характер этой заботы:

«За памятником в селе Корбевац по собственной инициативе следит местное население. Он хорошо ухожен, окружен недавно поставленной оградой. К нему ведет свежепроложенная бетонная дорожка, в планах — разбитие небольшого сквера. При этом, однако, памятник не включен ни в какие официальные реестры. Местное руководство хотело бы знать мнение советской стороны по этому поводу. Само оно считает, что в современных условиях к нему можно было бы подойти деидеологизированно и отмечать память казаков за то, что они сделали на данном месте. Оно предлагает осуществлять здесь традиционное возложение венков вместе с представителями советского посольства»⁸.

Эти осторожные формулировки — не воспринимают «в качестве белоэмигрантов» — прекрасно отражают переходный период рубежа 1980–90-х гг., переживавшийся СССР и Югославией. Прежние табу уже теряли свою силу, но еще не растаяли окончательно, поэтому и представители местной номенклатуры, и советский дипломат уже обсуждали увековечивание памяти русских эмигрантов, но еще считали целесообразным избегать в официальных документах положительной характеристики «белогвардейцев», ограничиваясь осторожным призывом к модному в тогдашнем СССР «деидеологизированному» подходу.

Общее, пусть еще и «идеологически сомнительное» прошлое тем не менее рассматривается и вполне прагматически — как основа для хозяйственного взаимодействия южной общины Сербии с советскими/российскими территориями. Власти Вране стремились установить связи Корбевца «с одним из сел Российской Федерации», мотивируя это «весьма развитыми экономическими контактами предприятий (“Симпо”, “Коштана”, “Юмко”, “Симод”) данного региона с советски-

⁶ Письмо советника-посланника посольства СССР в СФРЮ В.И. Колдовского председателю Краснодарского совета народных депутатов Н.И. Кондратенко. 27 декабря 1990 г. // АВП РФ. Ф. 202 (Посольство СССР в СФРЮ). Оп. 52. Д. 5. П. 230. Л. 18.

⁷ Так в тексте. Следует читать: ССТН (Социјалистички савез радног народа — Социалистический союз трудового народа Югославии), в 1953–1990 гг. подконтрольное Союзу коммунистов Югославии (СКЮ) объединение официальных общественно-политических организаций СФРЮ.

⁸ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 51. Д. 4. П. 121. Л. 43–44.

ми партнерами, распространение сильных симпатий к СССР здесь в целом». На их взгляд, «такие связи могли бы предусматривать обмен делегациями, художественными коллективами, тургруппами, дальнейшее развитие экономического сотрудничества».

Но при всей осторожности обе стороны все-таки уже воспринимают память о ранее сомнительных эмигрантах как легитимную основу для взаимодействия. Как раз наличием русского наследия обосновано предложение о развитии двусторонних связей, причем в качестве возможного партнера прямо предполагаются именно кубанские поселения⁹, т. е. имеющие непосредственное отношение к чинам Кубанской казачьей дивизии и их потомкам.

В отчете о поездке приведено подробное экономико-географическое описание региона, выделен его «предгорно-южный» характер, подчеркнут высокий уровень симпатий к СССР, выраженный, в частности, в повышенном отклике на сбор помощи для жертв землетрясения 1988 г. в Армении¹⁰.

Переданное В.В. Бондаревым предложение из Вране и Корбевца не сразу получило поддержку посольства СССР в Югославии. Все же через полгода, накануне новогодних праздников, посольство решилось дать ход инициативе и обратилось к главе Краснодарского краевого совета народных депутатов Н.И. Кондратенко с предложением поддержать обращение властей Корбевца, так как «наиболее подходящим партнером для установления двусторонних связей с нашей стороны, с учетом имеющегося исторического наследия и близости природно-хозяйственных показателей, могла бы стать одна из предгорных казачьих станиц Краснодарского края РСФСР»¹¹. В письмо практически дословно вошло предложение из отчета В.В. Бондарева¹². Выбор адресата, помимо географии, мог дополнительно диктоваться и тогдашним увлечением «Батьки-Кондрата» казачьим наследием.

Пока ответа из Краснодара в материалах посольства за 1991–1992 гг. выявить не удалось. Очевидно, что бурная эпоха практически одновременного кризиса обоих государств, завершившаяся их распадом как раз в указанные годы, а наложенные на Сербию и Черногорию (в 1992–2003 гг. образовавших Союзную Республику Югославию — СРЮ) 30 мая 1992 г. тяжелейшие международные санкции — все это надолго затормозило развитие любых двусторонних начинаний. Тем более что санкционный режим не ограничивался только экономикой, а предусматривал заморозку и культурного сотрудничества с «третьей Югославией» [СБ ООН 1992].

По словам супруги дипломата, Елены Анатольевны Бондаревой, сопровождавшей его в поездке в Корбевац, в мае 1990 г. они встретили там дышавшее изобилием «богатое село с богатыми домами», так как многие его жители уже длительное время работали гастарбайтерами в ФРГ, как и глава самоуправления

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Л. 44–45.

¹¹ Там же. Ф. 202. Оп. 52. Д. 5. П. 230. Л. 19.

¹² Там же. Ф. 144. Оп. 51. Д. 4. П. 121. Л. 45.

Бранко Манич, занимавшийся грузовыми автоперевозками. Б. Манич был инициатором контактов с посольством СССР, а позднее навестил Бондаревых в Белграде, где был сильно поражен «скудным советским бытом». В речи на празднике Манич обратился к дипломату: «Уважаемый господин посол, передай, что мы хотим сотрудничать, а из уважения сохранили памятник. Нам главное, что они русские, а русских мы любим»¹³.

Однако, несмотря на бурные перипетии новейшей сербской истории, частично планы позднеюгославского руководства Корбевца все-таки осуществились через два десятилетия — сам памятник был обновлен в 2010 г. и теперь к нему возлагают венки представители Российского государства и бизнеса, его и общину Вране посещают делегации с Кубани, в том числе и казахи [Vaseljenska.com 2012].

Не пропали даром и усилия дипломата посольства СССР в СФРЮ В.В. Бондарева по продвижению увековечивания памяти строителей «Русской дороги» в советских властных инстанциях. Делая все необходимые политические реверансы о «простых русских людях» и никак не «белоэмигрантах», по факту В.В. Бондарев стал одним из первопроходцев возвращения памяти о русских эмигрантах на Балканах, их исторической реабилитации начала 1990-х гг.

Источники и литература

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации Министерства иностранных дел Российской Федерации

Волков 2016 — Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016. Буква «Л». С. 274. URL: <http://swolkov.org/info1.htm> (дата обращения: 30.09.2018).

РТ-Вране 2016 — РТ-Вране. Чепурин положио цвеће крај споменика у Корбевцу 2 септембар 2016. URL: http://www.rtv-vranje.rs/index.php?option=com_k2&view=item&id=13515:serugin-polozio-cvese-kraj-spomenika-u-korbevцу&Itemid=239 (дата обращения: 30.09.2018).

Русская армия в Великой войне 2017 — Логвинов Василий Петрович [Электронный ресурс] // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=10348> (дата обращения: 30.09.2018).

СБ ООН 1992 — Резолюция Совета Безопасности ООН № 757 от 30 мая 1992 г. «О положении в Югославии». URL: [http://undocs.org/ru/S/RES/757\(1992\)](http://undocs.org/ru/S/RES/757(1992)) (дата обращения: 30.09.2018).

ТО-Вране 2017 — Туристичка организација града Врање. Руски Споменик. URL: <http://www.tovranje.rs/index.php/component/content/article/2-uncategorised/152-ruski-spomеник> (дата обращения: 30.09.2018).

Klub 2010 — Klub ljubitelja Lade NIVE 4x4 Čemernik i Besna Kobila (i opet — al' zamalo). 29th September 2010. URL: <https://web.archive.org/web/20120313215636/http://www.ladaniva.co.rs/showthread.php?s=a82842b80386663926ece7befe5be118&t=1175&page=1&pp=10> (дата обращения: 30.09.2018).

¹³ Запись беседы с Е.А. Бондаревой 12 декабря 2018 г. Рабочий архив автора.

Tasić 2018 — *Tasić S.* Ruski Put — najveća uspomena na Kozake. OK-Radio 10 jula 2018. URL: https://www.okradio.rs/vesti/lokalne/ruski-put-najvesca-uspomena-na-kozake_69813.html (дата обращения: 30.09.2018).

Vaseljenska.com 2012 — Козаци посетили Врање и српске светиње. 21 јуна 2012. URL: <https://www.vaseljenska.com/drustvo/kozaci-posetili-vranje-i-srpske-svetinje/> (дата обращения: 30.09.2018).

И. А. Конорева

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ
В БЕЛГРАДЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ СЕРБИИ»

Проект по сохранению в информационном пространстве сведений о захоронениях соотечественников, которые в силу различных обстоятельств, не всегда зависящих от них, покинули свою историческую родину и нашли упокоение в сербской земле, появился в результате выполнения работы по фиксации отремонтированных к августу 2014 г. захоронений в Белграде на Новом кладбище (Ново Гробле), выполняемой преподавателями и студентами исторического факультета Курского государственного университета (далее — КГУ).

В рамках мероприятий, посвященных 100-летию с начала Первой мировой войны, в соответствии с поручениями Президента и Правительства Российской Федерации при участии МИД РФ, Минкультуры РФ, Росархива, Отдела внешних церковных связей Московского патриархата и созданного в 2013 г. Общественного фонда поддержания, восстановления и сохранения комплекса историко-мемориальных памятников «Русский некрополь в г. Белград», а также Россотрудничества в Белграде была произведена реконструкция русского кладбища и создан историко-мемориальный комплекс «Русский некрополь». В проекте по выполнению ремонтно-восстановительных работ были объединены усилия Правительства РФ, общественных организаций, личных инициатив отдельных граждан, волонтерских групп. В этот процесс были вовлечены представители профессиональных сообществ, молодежь, просто неравнодушные люди.

Преподаватели и студенты КГУ с 2014 г. в рамках реализации одного из направлений работы научно-образовательного Центра изучения русского историко-культурного наследия за рубежом — «Через историческую связь поколений — к единству Русского мира» — осуществляли сбор информации (публикации о соотечественниках — эмигрантах первой и второй волн, фотографии, в том числе имеющихся надгробий с указанием места расположения, сопутствующие сведения по конкретным личностям и т. д.), касающейся судеб людей, которые так и не смогли вернуться на историческую родину, найдя упокоение — в данном конкретном случае — в сербской земле. Электронный ресурс, созданный в конце 2015 г. по студенческой инициативе¹, явился результатом учебной исследовательской работы будущих историков, выполнение которой позволяет не только научить студентов правильному использованию исторических источников раз-

¹ Сайт «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии» (<http://rn-belgrade.ru>).

личного характера, но и получить навык работы в таком сложном формате, как обработка сведений «устной истории», установление связей с представителями разных стран, народов, конфессий. Кроме того, идея размещения информации в виртуальном пространстве была также реализована с целью поделиться имеющимися сведениями с потомками, у которых нет возможности посетить места упокоения их предков. В конечном итоге именно обращения на исторический факультет родственников эмигрантов, похороненных в Белграде (после сообщений в местных СМИ о поездке в Сербию студентов истфака), укрепили преподавателей и студентов в мысли о необходимости поделиться данной информацией. Являясь представителями образовательной организации, не занимающейся коммерческой деятельностью и не выполняющей исследований в области генеалогии, историки КГУ решили предоставить уже собранную ими информацию в распоряжение интересующихся, начав формирование базы данных, пополнение которой не прекращается в настоящее время и планируется в дальнейшем посредством выполнения научно-исследовательской работы в рамках обучения на историческом факультете. В результате в период 2014–2018 гг. участие в работе по сбору и обработке имеющейся информации приняли более 120 студентов и преподавателей КГУ, в разные годы входившие в состав временных научно-исследовательских коллективов. Были собраны сведения о более чем 10,5 тыс. наших соотечественниках, захороненных в сербской земле.

Как известно, первые захоронения русских эмигрантов на Ново Гробле стали производиться с середины 1920-х гг. В тот период на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев проживало, по приблизительным подсчетам, от 30 до 40 тыс. бывших подданных Российской империи. С ноября 1920 г. по благословению Патриарха Сербского Димитрия была образована Русская церковная община в Белграде. Ее основатель и первый настоятель — протопресвитер Петр Беловидов (16 (28) декабря 1869 г. — 14 (27) апреля 1940 г.). По мнению о. Виталия (Тарасьева), духовная жизнь русских в Белграде после этого стала гораздо богаче, а в 1924 г. на территории Старого белградского кладбища на Ташмайдане был построен русский храм «во славу и честь Святой Троицы» [Тарасьев 2014, с. 153–154].

По распоряжению короля Александра I Карагеоргиевича было выделено четыре участка, где должны были компактно располагаться захоронения русских эмигрантов. На сегодняшний день эти участки (парцеллы) административно обозначены как 80, 80а, 90, 90а. Однако отдельные захоронения наших соотечественников имеются и в других частях кладбища, что говорит о недостаточно строгом соблюдении данного предписания. По свидетельствам ныне проживающих в Сербии потомков эмигрантов, это можно объяснить желанием родственников производить семейные захоронения вне зависимости от этнической принадлежности.

Всего на сегодняшний день имеются персональные данные о 3142 русских, захороненных на территории Ново Гробле, из которых 741 — участники Первой мировой войны.

Из видных россиян-эмигрантов, упокоившихся на этом кладбище, можно выделить политика М.В. Родзянко (1859–1924), дипломата Н.Г. Гартвига (1853–1914),

генерала М.В. Алексеева (1857–1918), архитектора Н.П. Краснова (1864–1939), балерину Н.В. Кирсанову (1898–1989) и др.

В Архиве Югославии имеется информация о том, как жили русские эмигранты. Особый интерес представляют сведения, которые можно получить из личных писем, направленных на имя короля Александра². Кроме того, сербские исследователи уже проделали большую работу по изучению истории жизни и деятельности русских на территории КСХС, о чем свидетельствует значительное количество работ по данной теме [Павлов 1994; Арсеньев 1996; 1999; 2003; 2010а; 2010б].

С приходом в 1944 г. к власти в Югославии коммунистического лидера И.Б. Тито для русской эмиграции начались тяжелые времена и в моральном, и в материальном отношении. Средств на поддержание мемориала в надлежащем состоянии не хватало, он постепенно ветшал и к концу XX в. пришел в запустение. После распада в начале 1990-х гг. единой Югославии сербские власти старались что-то сделать для улучшения ситуации, но средств у молодого государства катастрофически не хватало. Положение еще более усугубилось из-за бомбардировок авиацией НАТО Белграда в 1999 г.

Лишь в начале XXI в. ситуация стала меняться к лучшему. С 2003 г. начинаются контакты работников Посольства РФ в Сербии и представителей Русской Православной Церкви (далее — РПЦ) с официальными лицами, ответственными за содержание Ново Гробле. Спустя пять лет была достигнута соответствующая договоренность с мэрией Белграда о проведении там реставрационных работ. В конце 2010 г. подписан меморандум о сохранении Русского некрополя³, его окончательный статус был закреплен в дополнении к Закону о кладбищах и порядке захоронений, принятом в апреле 2012 г.⁴, в котором указывалось, что подворье РПЦ в Белграде имеет право сохранять и поддерживать Русский некрополь [Тарасьев 2014, с. 191].

В сентябре 2011 г. начались первые работы по восстановлению русских захоронений. К 2012 г. отремонтировано около 200 могил, в основном за счет пожертвований благотворителей из России («Газпромнефть», фонд Анатолия Лисицына и др.), возле часовни построена колокольня.

Сербскими специалистами был осуществлен демонтаж саркофагов и памятников, произведены земляные работы, вывезены разрушенные надгробия, не подлежавшие восстановлению, произведена облицовка надгробных мест гранитом. Специалисты-камнерезы изготовили новые надгробия и памятники.

² См., например: АЮ. Ф. 74. Д. 20–33. Просьба писателя Д.С. Мережковского королю Югославии о финансировании издания его книги «Лица святых» на сербском языке. Просит 5000 франков для издания книги во Франции, был дан положительный ответ.

³ Документ подписали Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербия А.В. Конузин, настоятель подворья Русской Православной Церкви в Белграде протоиерей Виталий Тарасьев и заместитель мэра Белграда М. Кркобаич. Подробнее об этом см.: В Белграде подписан Меморандум о создании Русского некрополя. URL: <http://w.vizantia.info/43711.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/1358534.html>.

⁴ Об этом см.: Храм Святой Троицы и Иверская часовня в Белграде (подворье Русской Православной Церкви). URL: <http://www.Patriarchia.ru/db/text/4547484.html>.

На государственном уровне было принято решение определить срок завершения ремонтных работ к 1 августа 2014 г. и в этот же день провести церемонию освящения Русского некрополя.

В начале лета 2014 г. на одной из встреч со студентами и преподавателями исторического факультета КГУ член Совета Федерации Федерального собрания РФ В.В. Рязанский обратился с предложением посетить белградское кладбище и принять участие в популяризации сведений о Русском некрополе. Первоначально предполагалось, что студенты исторического факультета под руководством преподавателей произведут перепись имеющихся после ремонтных работ захоронений и подготовят несколько сообщений об этом в местных СМИ. Во время первой поездки представителей КГУ в столицу Сербии (6–13 июля 2014 г.) настоятель Свято-Троицкого храма протоиерей о. Виталий (Тарасьев) обратился также с предложением к преподавателям и студентам исторического факультета собрать материал о жизни и деятельности архиепископа Курского и Обоянского Феофана, поскольку именно с его именем связана история главной курской святыни — Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение».

Во время этой поездки состоялась встреча с А.В. Тарасьевым (автором книги «4 духовника»), который лично знал архиепископа Феофана и много рассказал о белградском периоде его жизни. В «Курских епархиальных ведомостях» за 1912–1916 гг. была выявлена информация, позволяющая уточнить малоизученные страницы жизни и деятельности архиепископа Феофана. Копии этих материалов были переданы в Свято-Троицкий храм. На сегодняшний день в КГУ создан архив материалов, которые предполагается использовать для научных исследований и в процессе обучения студентов исторического факультета.

Историками КГУ также были установлены связи с Архивом Югославии (М. Милошевич, Р. Радженович и др.), сотрудники которого любезно согласились предоставить для работы материалы, относящиеся к периоду Первой мировой войны, русской эмиграции межвоенного периода, а также документы, связанные с историей Второй мировой войны.

С 5 по 11 августа 2014 г. преподаватели и студенты исторического факультета КГУ в ходе исследовательской экспедиции начали работы по фиксации захоронений на Ново Гробле. Всего были обследованы три русских участка (около 400 захоронений), проведены работы по памятнику русским воинам, крипте Иверской часовни. В результате были сфотографированы захоронения: общий вид, имеющаяся на них текстовая информация, расположение отдельных захоронений в типичных рядах. Весь собранный материал обработан и переведен в цифровой формат для последующего размещения на интернет-ресурсе.

В 2015 г. была организована вторая экспедиция в Белград историков КГУ. Полученные данные захоронений 14 парцелл (№ 46, 47, 48, 77, 77а, 80, 80а, 82, 84, 90, 90а, 106, 107, 112) позволили значительно увеличить количество имен, внесенных в электронную базу данных.

В 2017 г. участниками экспедиции на городском кладбище г. Белграда были продолжены работы еще на 49 парцеллах (№ 1, 5, 8, 11, 12, 22, 40, 45, 45а, 51–58, 66–68, 68а, 81, 81а, 82ц, 103, 104–107, 107а, 107б, 108, 108а, 109, 110а, 111, 111а, 112–114,

117, 117а, 118, 118а, 119, 120, 120а, 120б, 120в, 120ц). Всего в период 2014–2017 гг. работы осуществлялись на 63 участках Ново Гробле.

Важной составляющей проведения фиксации захоронений являлось желание участников экспедиций уточнить количество эмигрантов — уроженцев Курской губернии, нашедших упокоение в сербской земле, тем более что на сегодняшний день отсутствует единый ресурс, позволяющий получить подробную информацию о наличии или отсутствии захоронений конкретных лиц русского происхождения за пределами исторической родины. Сопоставление информации со сведениями, имеющимися у представителей Свято-Троицкого храма, позволяет с сожалением констатировать утрату многих захоронений, однако имеющиеся персональные данные определяют возможные перспективы проведения дальнейших исследований.

Кропотливая исследовательская и аналитическая работа уже была проведена и сейчас проводится в этом направлении сербским ученым И.Н. Антанасиевич, являющейся одним из ведущих специалистов по истории русской эмиграции в Сербии, которая много сделала в данном направлении [Антанасиевич 2017].

Утрата захоронений в силу объективных (естественное разрушение) и субъективных (продажа земли под новые захоронения в связи с отсутствием за ними соответствующего ухода и несоблюдением существующих финансовых условий, ошибки при выполнении ремонтных работ) обстоятельств также актуализирует процесс создания более масштабного электронного ресурса.

Размещение фотографий захоронений с указанием места и сопутствующими сведениями, как показывает практика, помогает родственникам найти своих предков, способствует проведению исторических, статистических и иных видов исследований. Создание единой базы данных погребений наших соотечественников за границей с возможностью ее расширения за счет привлечения оригинальных источников, недоступных на сегодняшний день по причине их хранения в личных семейных архивах потомков, представляется очень важным. Полученная от частных лиц и надлежащим образом оформленная информация также позволяет уточнить отдельные исторические сюжеты для последующей их реконструкции. С этой целью сайт был дополнен вкладкой «Отдельные захоронения», где размещены материалы, предоставленные родственниками — потомками эмигрантов в режиме обратной связи.

Таким образом, уже созданный сайт требовал постоянного планомерного включения новых сведений за счет информации из других городов Сербии. Этим объясняется целесообразность создания расширенной версии сайта — «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии», который в конечном итоге объединил уже накопленный и новый материал в единый электронный справочный ресурс.

Отдельный раздел сайта представляет материалы о наших земляках-курянах, упокоившихся в сербской земле. К 2016 г. выявлены имена 10 курян, которые захоронены на Ново Гробле, но имеющиеся данные не совпали с реально существующими погребениями, например: М.Л. Аксёнов (генерал-майор) — не найдено; В.М. Анненков (крестьянин) — не найдено; М.К. Богорадов — не найдено; В.Д. Бор-

зов (мещанин, актер) — не найдено; епископ Н. Карпов — имеется; А.М. Михайлов (дворянин, генерал-лейтенант) — имеется; В.П. Петров — не найдено; Феофан (архиепископ) — имеется; П.Н. Худокормов (штабс-капитан) — имеется; Е.Ф. Шаламов (ребенок крестьянского происхождения) — не найдено; и т. д.

Первичное сопоставление информации показало наличие лишь 40 % захоронений из ранее выявленных по имеющимся в нашем распоряжении сведениям. В 2017 г. данный раздел был пополнен именами курян, похороненных в других городах Сербии. Всего нам известны фамилии 39 уроженцев Курской губернии.

Продолжение работы по фиксации захоронений наших соотечественников было решено проводить в рамках научно-образовательных проектов «Материалы о русских захоронениях как справочно-информационный источник при изучении истории эмиграции XX в.» и «Через историческую связь поколений — к единству Русского мира». Благодаря грантовой поддержке последнего уже осуществлена их реализация в виде работы по теме «Выявление захоронений россиян в Сербии и увековечение в виртуальном пространстве памяти о соотечественниках, упокоившихся за пределами Родины». Большое количество выходцев из России, по предварительным сведениям, имелось в сербских городах Нови-Сад, Бела Црква, Зренянин, Нови-Бечей, Сремски-Карловци, Вранье, Суботица, Смедерево, Чуприя, Парачин, Крагуевац, Велики-Бечкерек, Панчево, Велика-Кикинда, Крушевац, Заечар, Ниш, Чачак, Лозница, Лазаревац и др. Последующие экспедиции в часть этих городов и населенных пунктов подтвердили предварительную информацию. Результатом работы в данном направлении явилось обновление сайта «Русский некрополь в Белграде» и его значительное расширение за счет включения дополнительных сведений, популяризация полученной информации на научных конференциях, написание статей, разработка справочно-информационных буклетов и др. Кроме того, результаты проведенных исследований размещаются на других интернет-порталах, публикуются в журналах в виде статей, материалов научных конференций, информации в местных СМИ.

В рамках осуществления проекта, который с 2017 г. выполнялся на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 68-рп от 5 апреля 2016 г. и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Союз пенсионеров России», сделана значительная по объему работа.

Прежде всего в январе 2017 г. были определены маршруты поисково-исследовательских экспедиций, принято решение об организации экспедиции в северную (Белград, Нови-Сад, Зренянин, Суботица) и южную (Смедерево, Панчево, Крагуевац) части Сербии. По имеющейся информации, в данных городах проживали русские эмигранты (а ныне проживают их потомки), следовательно, имеются захоронения, однако сведения о них отрывочные и нуждались в уточнении (с точки зрения количества сохранившихся могил).

В феврале 2017 г. были укомплектованы две волонтерские группы по 8 человек из числа преподавателей, аспирантов и студентов КГУ. В период с 19 по 29 марта 2017 г. состоялась поисково-исследовательская экспедиция, работавшая в северной части Сербии. В ее состав вошли преподаватели, аспиранты и студен-

ты исторического факультета КГУ. Данная экспедиция ставила своей целью не только поиск и фиксацию захоронений наших соотечественников, но и знакомство с дружественной страной, расширение контактов, формирование у студентов представлений о мире за пределами России. Очень полезными были контакты с местным населением, представителями государственных и образовательных структур, религиозных и общественных организаций, которые всегда оказывали поддержку и проявляли дружеское участие.

В городе Нови-Сад при содействии членов Сербской народной партии организованы переговоры с заместителем секретаря по культуре, информации и работе с религиозными организациями автономной области Воеводина профессором Н. Кузмановичем о расширении культурных связей Воеводины с Курской областью.

Участники экспедиции взяли интервью у известного сербского краеведа русского происхождения А.Б. Арсеньева, занимающегося изучением истории русской эмиграции в Сербии и много сделавшего для сохранения памяти о ней. Он подарил свои книги и организовал посещение Успенского кладбища, на котором захоронено 225 русских. А.Б. Арсеньев особо отметил роль представителей РПЦ в Сербии как хранителей православных традиций [Арсеньев 1998, с. 7–8; 2004а; 2004б].

В городе Сремски-Карловци были проведены встречи с руководством Городского архива Сербской академии наук и искусств (профессор Ж. Димич) и Белградской академии Сербской православной церкви по искусству и сохранению культурного наследия (профессор П. Миодраг), которые любезно предоставили возможность членам экспедиции познакомиться с материалами о жизни известных деятелей Белого движения — барона П.Н. Врангеля и первого митрополита РПЦЗ Антония (Храповицкого).

На кладбище города Сремски-Карловци были сфотографированы захоронения русских эмигрантов, включая общий вид, имеющуюся на них информацию (в том числе захоронение отца П.Н. Врангеля — Н.Е. Врангеля, крест на могиле которого был поставлен благодаря усилиям А.Б. Арсеньева).

Кроме того, проведены работы на Успенском кладбище в г. Нови-Сад и на кладбище в г. Петроварадин. На каждом из них выявлено по одному братскому захоронению военнопленных времен Первой мировой войны, не учтенных Министерством обороны РФ.

Одновременно члены экспедиции посетили г. Зренянин, где были проведены переговоры с руководством городского исторического архива (директор — М. Баства), местного музея (директор — М. Лакич) и городской народной библиотеки «Жарко Зренянин» (директор — М. Белогрич) о предоставлении документов о жизни русских эмигрантов в городе и округе, с которыми предполагается работа во время очередной экспедиции.

В г. Зренянин осуществлены работы на местном кладбище, сфотографированы захоронения, выявлено братское захоронение военнопленных времен Первой мировой войны (85 человек), не учтенное Министерством обороны РФ, в местной библиотеке найден список этих военнопленных. Вся информация размещена на

сайте в разделах «Захоронения», а также «Списки захоронений» с указанием источника информации.

Особый интерес у членов экспедиции вызвали контакты с представителями сербской стороны г. Суботица. Состоялись прием в городской управе, посещение гимназии (профессор Е. Ветро), а также встречи с сотрудниками местного исторического архива (заведующая — Т. Сегединчев), которые поделились материалами об изучении русского языка и культуры, публикациями сотрудников архива о вкладе русских эмигрантов в развитие города [Segedincev 2009]. Обследованы сохранившиеся захоронения на православном и католическом кладбищах, а также сфотографированы памятники бойцов Красной армии, освобождавших Югославию; составлена первичная опись могил.

Члены экспедиции были приглашены на прием в Общество сербско-русской дружбы г. Суботица им. Св. Александра Невского (председатель — Р. Тодосиевич, руководитель — Г. Караман), где состоялся круглый стол, на котором обсуждались вопросы взаимодействия и развития научных и дружеских связей. Председатель общества организовал телефонные переговоры с потомком русских эмигрантов Л. Плужниковым (г. Сталач), который обещал найти более подробную информацию о захоронениях русских в пригородах Суботицы.

В результате проведенной работы членами экспедиции собран обширный материал по захоронениям русских (военнопленных периода Первой мировой войны, российских эмигрантов и их потомков, воинов Красной армии, освобождавших Югославию в 1944 г.) в городах Белград, Нови-Сад, Петроварадин, Сремски-Карловци, Зренянин, Суботица (около 800 захоронений) [Конорева 2017].

Таким образом, в ходе экспедиции участники осмотрели русские захоронения в шести городах Сербии, а также провели многочисленные встречи с представителями местных общественных и государственных организаций.

Первоначально не планировалось собирать информацию, касающуюся периода Второй мировой войны, поскольку она уже представлена на соответствующих информационных ресурсах России и Сербии, однако бережное отношение сербов к могилам советских солдат сформировало понимание необходимости расширения хронологических рамок электронного ресурса и в перспективе включения дополнительных вкладок, где должны найти отражение данные материалы.

В результате поездки дополнительно к уже имеющимся сведениям были выявлены имена курян: Ильин Николай (ок. 1896, Курск — 1943), геодезист; Малахов о. Нил Михайлович (1884, село Дубиновка, Курской губ. — 1934), протоиерей. Часть материалов была опубликована ранее (см.: [Арсеньев 2013]).

В период с 28 июня по 6 июля 2017 г. состоялась научно-исследовательская экспедиция на юг страны. Сотрудники сербского отделения фонда «Единство православных народов» (руководитель фонда — Н. Коцев) оказали неоценимую помощь в организации рабочих встреч с представителями государственных и общественных организаций в городах Панчево, Крагуевац, Кралево, Смедерево.

В ходе встреч членам экспедиции были переданы списки солдат Красной армии, погибших при освобождении г. Панчево и округи и перезахороненных на

мемориальном комплексе в г. Вршавец, показаны места захоронений наиболее известных представителей русской эмиграции в Панчево (архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил, последний комендант Порт-Артура Константин Николаевич Смирнов и др.) [Палибрк-Сукић 2005].

В архиве г. Панчево местные краеведы познакомили членов экспедиции с архивными фондами, а также рассказали о значительном вкладе русских людей в историю их города, в частности в развитие сербской медицины [Ђорђевић 2004]. Достигнута договоренность о работе курских историков с документами архивохранилища. Участники экспедиции посетили здание бывшей больницы, где располагался крупнейший русский госпиталь на Балканах (ныне — молодежный центр г. Панчево).

Также была организована встреча с членом правления общины Панчево Н. Ротаром и начальником протокола городской общины Д. Степанов, которая передала членам экспедиции списки захоронений представителей эмиграции на территории Панчево и его округи. Данные списки также размещены на сайте с указанием, кто их предоставил.

В результате исследований выявлены пять имен курия, похороненных в Панчево: Лав Гладков, русский домовладелец (65 лет), умер в Панчево (1929); Ольховски Владимир, русский офицер (56 лет), умер в Панчево (1930); Беленков Анисим, торговец (42 года), умер в Панчево (1930); Боборикин Григорије, русский солдат (36 лет), умер в Панчево (1930); Родионов Анатолије, русский солдат (35 лет), умер в Панчево (1931). К сожалению, не удалось обнаружить их захоронений, тем не менее полученные сведения очень важны с точки зрения изучения регионального компонента. Данные сведения также размещены на сайте.

В Смедерево состоялась рабочая встреча с представителями гражданских обществ и организаций, которые познакомили членов экспедиции с результатами своих научных исследований, связанных с изучением истории политических репрессий в Югославии в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Членам группы были предоставлены списки расстрелянных, в которых встречаются и русские фамилии. Представители сербской стороны поделились сведениями о русских захоронениях в городах Кикинда, Ягодина, Пирот, Бела Црква, Херцег-Нови (Черногория).

Вместе с тем выявлена тенденция (после 1948 г.) к смене русских фамилий на сербские — видимо, для того, чтобы избежать репрессий со стороны югославских коммунистических властей, вступивших в конфликт с Советским Союзом. Данные обстоятельства значительно затрудняют поиск информации о соотечественниках, но и в некоторой степени объясняют факт утраты во многих семейных склепах русских фамилий при одновременном сохранении русских имен.

Участники экспедиции посетили места боев 2-й Шумадийской партизанской бригады и частей Красной армии, которые совместно освобождали г. Смедерево и его окрестности от гитлеровских захватчиков. Получена информация о том, что в селе имеются четыре кладбища и на каждом из них есть захоронения русских, что позволяет говорить о необходимости проведения дополнительной экспедиции [Петровић 1946; У славу хероја 2014].

В Крагуеваце на Старом военном городском кладбище были сфотографированы три русских братских захоронения. Сербские коллеги рассказали о трагических событиях периода Второй мировой войны, связанных с расстрелом 3000 мирных жителей, в том числе 300 детей, в Крагуеваце [Јовановић 2017].

В г. Кралево состоялась встреча с директором Общества охраны памятников И. Милоновичем, который проинформировал, как общество занимается реставрацией имеющихся на территории города и округи 317 памятников; им была предостережена попытка установления в г. Чачак памятника 22 солдатам вермахта, погибшим при обороне города от частей Красной армии.

В Архиве Югославии членам экспедиции были предоставлены документы из фонда «Королевский двор Югославии» за период 1929–1941 гг. Производилась работа с описями, а также копирование документов, представляющих интерес для реализации проекта. Осуществлена ознакомительная работа с документами из фонда «Министерство внутренних дел Югославии», копирование интересующих членов экспедиции материалов из фонда «Королевский двор» с просьбами представителей русской эмиграции, направленными на имя короля Александра в период 1921–1934 гг. Особый интерес представили документы, касающиеся жизни и деятельности наших земляков⁵.

Кроме того, осуществлялась работа с документами фонда «Министерство религии Югославии». В результате создан архив фото-, видео-, аудио- и текстовых материалов, связанных с русскими эмигрантами в Сербии. На сегодняшний день студенты в процессе научно-исследовательской работы (практики, которая является обязательной составляющей учебного плана подготовки студентов) занимаются пополнением ресурса информацией, получаемой из сети интернет и от родственников в режиме обратной связи. В разделе сайта «Отдельные захоронения» уже размещены такие сведения⁶, и работа продолжается.

В процессе реализации проекта выявились задачи, которые необходимо решать для того, чтобы успешно продолжать работу по формированию базы данных о наших соотечественниках.

Прежде всего следует уделить внимание изучению материалов сербских архивов — от Архива Югославии до местных провинциальных архивов. Знакомство с фондами, относящимися к истории русской эмиграции, позволяет говорить о наличии большого объема информации, подлежащего обработке. Данному процессу вполне могут содействовать сербские специалисты, уже многое сделавшие в изучении истории жизни и деятельности наших соотечественников, а также сербские студенты-историки, с которыми, к сожалению, пока не налажено сотрудничество. Для сербских историков может представлять интерес информация об их соотечественниках, которые в разные периоды находились на территории

⁵ Обращение бывшего курского юриста к королю Александру с просьбой предоставить ему работу в области садоводства, огородничества или цветоводства в связи с полным отсутствием средств к существованию // АЮ. Ф. 74. Д. 19–32. Просьба куриянина А. Овсянникова (учитель) к королю о предоставлении работы по специальности в связи с хорошим знанием сербского языка в гимназии, где обучаются дети русских эмигрантов // Там же. Ф. 69. Д. 174–274.

⁶ См.: <http://rn-belgrade.ru>.

Курской губернии. Такие исследования сейчас также проводятся аспирантами и студентами исторического факультета в Государственном архиве Курской области, где найдены сведения о нескольких десятках сербов.

Дополнительным фактором, способным облегчить изучение интересующих вопросов, может стать создание электронной библиотеки, куда следует внести в цифровом формате уже изданные или планируемые к изданию исследования как с русской, так и с сербской стороны. Имеющиеся монографии и статьи сербских коллег зачастую недоступны широкой российской общественности по причине их публикации малым тиражом и отсутствия перевода. Что касается исследований на русском языке, то ранее они не подлежали тематической классификации и не объединены на едином ресурсе. Размещение данных материалов возможно на созданном сайте «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии» в разделе «Публикации».

Для организации такого рода работы необходимо объединить усилия научной общественности, государственных и общественных организаций. Для этого также необходима организационная и финансовая поддержка на уровне правительственных структур обоих государств, научного сообщества. Членам исследовательского коллектива исторического факультета КГУ удалось выполнить значительный объем работы благодаря поддержке государственных и общественных структур России и Сербии, однако данное исследование требует продолжения.

В качестве примера поддержки инициативы курских историков со стороны местной администрации может служить организация на средства Городского собрания г. Курска экспедиции в г. Ужице. В рамках подготовки к празднованию 50-летия установления побратимских связей городов Курска и Ужице 27 мая — 1 июня 2018 г. была организована очередная экспедиция курян в Сербию. В Городском архиве Ужице членам экспедиции предоставлены материалы о вкладе русской эмиграции в строительство железной дороги Белград–Сараево. Сделаны фотографии 59 русских захоронений в городах Ужице и Златибор. Организация данной экспедиции стала возможна благодаря привлечению внимания местной администрации к работе Центра КГУ, в частности к тому разделу сайта, где размещены сведения о курянах, похороненных на территории Сербии. Планируется проведение аналогичной работы в Нише, с которым у Курской области также существуют многолетние дружеские связи.

В результате пятилетней работы преподавателей и студентов исторического факультета на сайте «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии» удалось разместить фотографии 2840 фактических захоронений, 7918 имен в списках. Общий итог — найдены сведения о 10 758 уроженцах Российской империи, захороненных на территории Сербии. Наличие зафиксированных данных в перспективе, на наш взгляд, может помочь в организации и проведении статистических, социологических, исторических исследований отдельных вопросов всеобщей истории новейшего времени, часть которых уже проведена сербскими и российскими специалистами.

Организованные экспедиции и выполнение работ по сбору информации преподавателями и студентами КГУ позволили не только объединить на одном

ресурсе сведения, но и подтвердить тенденцию, заключающуюся в постепенной утрате русских захоронений по причине как отсутствия надлежащего ухода, так и несоблюдения коммерческих составляющих содержания захоронений, отказа от необходимой в случае реставрации серьезной подготовительной работы по сверке сведений, более бережного и деликатного отношения к материальным историческим источникам. Данные процессы в значительной степени актуализируют сбор и фиксацию сведений о наших соотечественниках, захороненных за границей.

Участники проекта с большой благодарностью примут рекомендации специалистов, которые помогут улучшить структуру и содержание сайта «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии», а также с соблюдением всех авторских прав разместят предоставленную информацию, являющуюся интеллектуальной собственностью отдельных исследователей и авторских коллективов с целью дальнейшего совершенствования сайта и превращения его в более значимый с научной точки зрения информационный ресурс. Участники выражают надежду на то, что их инициатива найдет отклик и позволит превратить начинание преподавателей и студентов исторического факультета КГУ в международный проект, объединяющий совместные усилия специалистов и просто неравнодушных людей России и Сербии.

Источники и литература

АЮ — Архив Югославии (Белград, Республика Сербия)

- Антанасиевич 2017 — *Антанасиевич И.* О мемориальном комплексе «Русский некрополь» на Новом Кладбище (Ново Гробле) в Белграде: справка // 2017 год в истории и судьбе российского зарубежья: Международная научно-просветительская конференция. Москва 26–28 октября 2017 года / сост. М.Ю. Сорокина. М.: Вифсаида: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 533–555.
- Арсеньев 1996 — *Арсеньев А.Б.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 47–99.
- Арсеньев 1999 — *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999.
- Арсеньев 2003 — *Арсеньев А.Б.* «Русские люди... всколыхнули наше местечко»: Как принимали изгнанников в Сремски Карловцах // Родина. Российский исторический журнал. 2003. № 10. С. 98–102.
- Арсеньев 2004а — *Арсеньев А.Б.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. // Православная Русь. 1998. № 17. С. 7–8.
- Арсеньев 2004б — *Арсеньев А.Б.* Руске цркве и манастири у Југославији // Наше слово. Нови Сад, 2004. С. 6–7.
- Арсеньев 2010а — *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Русская колония в Нови-Саде // Родина. Российский исторический журнал. 2010. № 11. С. 148–151.
- Арсеньев 2010б — *Арсеньев А.Б.* Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. Нью-Йорк, 2010. Кн. 259. С. 111–164.
- Арсеньев 2013 — *Арсеньев А.Б.* Русский некрополь в Сремских Карловцах (скончавшиеся в 1922–1986 гг.) // Арсеньев А. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2013. С. 85–87.

- Ђорђевић 2004 — *Ђорђевић Др.* Историја панчевачке медицине до 1944. године. Панчево, 2004.
- Јовановић 2017 — *Јовановић Ј.А.* Одстрел Анђела. Крагујевац: Субнор Србије, 2017.
- Конорева 2017 — *Конорева И.А.* О реализацији социјално значајног пројекта «Через историческују везу поколењих — к јединству Русског мира» (по итогима првој научно-исследоватељској експедицији (19–29 марта 2017 г.)) // Через историческују везу поколењих — к јединству Русског мира: Материјали круглог стола по итогима научно-исследоватељској експедицији у Републику Србија (22 маја 2017 г.) / отв. ред. И.А. Конорева. Курск, 2017. С. 29–36.
- Павлов 1994 — *Павлов Б.Л.* Русскаја колонија у Великом Бечкерече (Петровграде — Зренянине). Зренянин, 1994.
- Палибрк-Сукић 2005 — *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005.
- Петровић 1946 — *Петровић Д.М.* Преживели оптужују. Београд: Издавач Спомен-парк, 1946.
- Тарасев 2014 — *Тарасев В.* Из историје Русског некропоља на Новом кладбище у Белграде // Руски некропољ у Белграде: символ историческе дружбе / под ред. М. Радојевић, М. Кович. Белград: Фонд подржанја, ванстановлења и сохраниења комплекса историко-меморијалних памятникова у Републике Србије «Руски некропољ»: Институт политическог и економическог дијалога, 2014 (Београд: Бирограф). С. 153–154.
- У славу хероја 2014 — У славу хероја (погинулим припадницима славнее Црвене армије у Шумадији и Поморављу 1944 г.). Крагујевац, 2014.
- Segedincev 2009 — *Segedincev Т.* Ruski emigrant I gimnazijski profesori // ExPannonia 12–13. Subotica, 2009. S. 5–10.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Н.И. Герасимов

«ПОРАЖЕНИЕ ГИТЛЕРА
ЕСТЬ НЕОБХОДИМОЕ <УСЛОВИЕ>... РЕВОЛЮЦИИ»:
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПЕРЕПИСКИ ЖУРНАЛА
«ДЕЛО ТРУДА – ПРОБУЖДЕНИЕ» (МАРТ–АПРЕЛЬ 1941 г.)

Изучение анархистской периодики русского зарубежья — особая проблема для современных исследователей. Она относится к такому типу вопросов гуманитарного знания, от решения которых зависит скорость исследований в смежных областях научной деятельности. От ясного представления о том, как развивалась печать русских анархистов в эмиграции, зависят история общественно-политической мысли русского зарубежья, а также история издательского дела зарубежной России. Долгое время научное сообщество находилось в ожидании появления систематического исследования этой проблемы. В 2015 г. казалось, что ситуация принципиально изменилась: в свет вышла (посмертно) книга А.Г. Менделеева «Печать русских анархистов» [Менделеев 2015]. Монография могла стать первым масштабным исследованием русской анархистской периодики с момента зарождения русского анархизма до его «расцвета» в XX в., но таковым не стала. Большое количество фактологических ошибок и не самый удачный исследовательский подход (отказ от хронологии в пользу «тематизации») говорят о том, что нельзя рассматривать данную монографию в качестве успешной попытки ликвидировать очевидный «пробел» в историческом знании. Даже больше: отечественные специалисты пришли к мнению, что «такую книгу ни в коем случае нельзя рекомендовать ни журналистам, ни историкам, ни исследователям анархического движения, тем более — широкому кругу читателей» [Рублев, Талеров 2015, с. 243]. В библиографическом словаре-справочнике «Анархизм в истории России: от истоков к современности» часть, посвященная эмигрантской периодике русских анархистов, представлена как приложение к основному тексту [Ермаков, Талеров 2007, с. 689–716]. В ставшей уже классической монографии П.Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» [Базанов 2008] анархистские инициативы упоминаются, но не подвергаются анализу.

Целый комплекс проблем в изучении идейного наследия русских анархистов-эмигрантов усиленно решается только в последнее десятилетие. Крайне малое количество опубликованных первоисточников и общая склонность современного научного сообщества интегрировать тему русской анархистской эмиграции в контекст истории мирового анархистского движения затрудняют современные исследования [Герасимов 2016; 2018]. Тем не менее успехи есть как в публикации и переиздании сочинений эмигрировавших анархистских теоретиков [Аршинов

2015а; 2015б], так и в непосредственных аналитических исследованиях общественно-политической и творческой деятельности покинувших Россию «либертариев» [Рублев 2016а; Богатырева, Базанов 2018; Каневская, Шульгина 2018]. Отдельно стоит сказать о выходе в свет на русском языке в 2018 г. последнего (3-го) тома автобиографии Э. Гольдман «Проживая свою жизнь» [Гольдман 2018], а также о публикации большого исторического очерка «Русское анархистское движение в Северной Америке» Л. Липоткина (к сожалению, пока только на английском языке) в 2019 г. [Lipotkin 2019]. Важное место в изучении творческого наследия русских анархистов занимают публикации эпистолярия ключевых фигур эмигрантского анархистского движения — именно в личной переписке революционеров, а не на страницах эмигрантских журналов можно найти объяснения противоречивым фактам, которые встречаются в современной научной печати [Герасимов 2016; 2018; Рублев 2012; 2016б]. Переписка сотрудников того или иного периодического издания представляется современным специалистам особенно ценной.

«Дело труда — Пробуждение» — один из самых важных журналов в истории русской анархистской эмиграции. Он просуществовал дольше всех ныне известных радикальных «левых» периодических изданий на русском языке после событий 1917 г. (1940–1963). Являясь «рупором» рабочей культуры русской эмиграции, он продолжал то, что начинали «Дело труда» (1930–1939) [Ермаков, Талеров 2007, с. 705] и «Пробуждение» (1927–1939) [Там же, с. 706]: развивал публичное пространство русской анархистской мысли вдали от России, где революция быстро сменилась большевистским террором. Вместе с тем о самой редакционной группе мы пока знаем немного. Даже вопрос, кто же был главным редактором издания, до сих пор нельзя назвать окончательно решенным. А.В. Антошин на основании архивных документов Международного института социальной истории в Амстердаме утверждает, что И. Данилюк¹ «фактически возглавлял редакцию журнала» [Антошин 2006, с. 67]. Однако другие отечественные историки считают, что главным редактором являлся Г.П. Максимов², а не И. Данилюк [Герасимов

¹ Данилюк И. (?–1963) — анархо-коммунист, секретарь Объединенной федерации русских рабочих США и Канады. В начале издания «Дела труда — Пробуждения» отвечал за отбор статей, редактуру и подбор материалов для журнала. Жил в Нью-Йорке, в районе Манхэттена. Косвенно участвовал в деятельности нью-йоркской группы анархо-коммунистов «Авангардная группа» («The Vanguard Group»), выпускавших англоязычный политический журнал «Авангард: журнал либертарных коммунистов» («Vanguard: A Libertarian Communist Journal»; 1932–1934) под руководством С. Долгова (Dolgoff; 1902–1990).

² Максимов Григорий Петрович (1893–1950) — революционер, теоретик анархо-синдикализма, публицист. Сотрудник издательства «Голос труда» (1917–1918), секретарь Исполнительного бюро Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов (1918). В 1919 г. служил в рядах Красной армии. Приговорившись к расстрелу за неподчинение приказу. Был помилован. В 1920 г. соучредитель Российской конфедерации анархистов-синдикалистов (РКАС). В 1921 г. заключен в Таганскую тюрьму. Один из инициаторов голодовки, в результате которой 13 анархистов (включая Г.П. Максимова) были высланы из страны. После приезда в Штеттин установил связи с немецкими анархо-синдикалистами и стал жить в Берлине. В столице Германии участвовал в издании журналов «Рабочий путь» и «Анархический вестник». Там же создал Группу защиты заключенных революционеров в России. В 1924 г. переехал в Париж. В 1925 г. по приглашению русских рабочих организаций переехал в Чикаго, где редактировал анархистские журналы «Голос труженика» и «Дело труда». С 1940 г. главный редактор издания «Дело труда — Пробуждение».

2017; Ермаков, Талеров 2007, с. 705]. Дело в том, что вплоть до № 4 (апрель–август 1941 г.) пост главного редактора не был четко обозначен.

«Дело труда — Пробуждение» появился на свет как «сплав» двух анархистских, но непохожих друг на друга изданий. «Дело труда» был общественно-политическим журналом, придерживающимся строго анархо-коммунистической идеологии, в то время как «Пробуждение» тяготело к литературно-философской направленности и считалось более просветительским, дискуссионным, на его страницах рабочие могли читать как сочинения современных анархо-мистиков, так и отрывки из классической прозы Ф.М. Достоевского [Достоевский 1938] и других литераторов. Первый «получил новую жизнь» в Чикаго после запрета на издание в Париже³, второй изначально выпускался русскими рабочими в Детройте и в США был более известен. Важным обстоятельством является и тот факт, что сотрудники «Пробуждения» препятствовали слиянию, считая, что сотрудничество двух журналов может происходить без всякой структурной интеграции [Храневич 1937], поэтому новая редакционная группа изначально состояла из людей, чьи взгляды на необходимость совместной работы сильно различались.

Сотрудники «Дела труда — Пробуждения» придерживались разных политических убеждений: в 1941 г. это обстоятельство хоть и не артикулировалось, но тоже могло быть косвенной причиной сложившегося конфликта. Анархо-коммунистический журнал «Дело труда» уже с 1931 г. выходил под началом анархо-синдикалиста Г.П. Максимова. Анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты, несмотря на различия во взглядах, все же представляли собой такой тип анархизма, в котором идея социальной революции «рисуетя» как общественно-политическое событие. «Пробуждение» издавалось под руководством литераторов и анархо-мистиков Е.З. Долинина (Моравского)⁴ и М.И. Рубежанина⁵, говоривших больше о «революции духа», чем о социальной революции. Кроме того, сотрудники журнала (и редакторы, и постоянные авторы) скептически относились к анархо-синдикализму [Липоткин 1937, с. 1], поэтому отношение к Г.П. Максиму тоже могло быть неоднозначным. Сам чикагский анархист упрекал Е.З. Долинина (Моравского) и М.И. Рубежанина в «обслуживании всех классов», называя их «пресмыкающимися, которых трудно поймать» [Максимов 1933, с. 17]. Неудивительно, что те, кто работал над «Пробуждением», не стремились влиться в новый коллектив. Тем не менее русские анархисты Детройта не отказались от материальной поддержки нового издания и даже приветствовали лекционный тур Г.П. Максимова, что окончательно закрепило за чикагским анархистом авторитет теоретика анар-

³ После того как во Франции журнал «Дело труда» был запрещен, соратник Н.И. Махно С.Е. Волков перенес издание в США, где Г.П. Максимов, по сути, дал ему «вторую жизнь».

⁴ Долинин Евгений Захарович (наст. фам. Моравский; 1897–1938) — революционер, публицист и анархо-мистик. В 1917 г. организатор Союза пропаганды безгосударственного социализма «Возрождение». Участник Второй конференции Петроградской Федерации анархистов в Петрограде (28 ноября 1917 г.). Кандидат в члены ВЦИК IV созыва в 1918 г., член анархистской фракции съезда. Сотрудник журнала «Вольная жизнь». В 1924 г. эмигрировал в США, где сотрудничал с «Американскими известиями» и «Волной». Редактор газеты анархо-мистиков «Рассвет» (1926–1937) и журнала «Пробуждение» (1927–1938).

⁵ Рубежанин Мосией Иванович (наст. фам. Гайдук; 1888–1983) — революционер, публицист и анархо-мистик. Редактор газеты анархо-мистиков «Рассвет» (1926–1937) и журнала «Пробуждение» (1927–1939).

хизма, чьи идеи справедливо рассматривались в качестве фундамента идейной политики журнала.

На основании публикуемых писем и исходя из содержания «Дела труда — Пробуждения» за 1940–1941 гг., можно говорить о том, кто к марту 1941 г. составлял «ядро» редакционной группы. Непосредственным редактированием издания занимались в прошлом работавшие вместе над «Делом труда» Г.П. Максимов и И. Данилюк, а также Самусин⁶ и Ю.С. Карпик⁷. Постоянными авторами журнала были Г.П. Максимов и печатавшиеся ранее в «Пробуждении» Б. Гершенфельд⁸ и Л. Липоткин⁹.

После слияния в 1940 г. двух упомянутых выше изданий новоявленные коллектив в течение всего года находился в состоянии непрекращающегося кризиса: сказывались и идейные разногласия, и организационные проблемы, и совершенно полярные взгляды сотрудников на позиционирование анархистского сообщества в отношении Второй мировой войны. Весной 1941 г. многочисленные противоречия перешли в открытую конфронтацию между Г.П. Максимовым, с одной стороны, и И. Данилюком и его товарищами — с другой. Комплексные проблемы, с которыми столкнулась редакционная группа журнала, носили как технический, так и идеологический характер:

1. *Редакция и издание.* После переезда из Парижа в Чикаго в 1925 г. Г.П. Максимов уже имел большой опыт редакторской работы, авторитет теоретика анархизма и множество связей с самыми знаменитыми анархистами во всем мире (от Э. Гольдман до Н.И. Махно). Помимо эмигрантской русскоязычной прессы, он

⁶ Узнать, кто скрывается за фамилией Самусин, не представляется возможным. Вместе с тем в мемуарном очерке К. Соломон (см.: *Solomon C.F. A memoir: some anarchist activities in New York in the thirties and forties // Social Anarchism. 2001. № 30. P. 1–12*) говорится о Самусине, товарище И. Данилюка, который, так же как и его друг, участвовал в издании русскоязычной анархистской прессы.

⁷ Карпик Юлиан Степанович (псевд. Ю. Полещук; 1895–?) — публицист-эмигрант, анархист. Эмигрировал в США в 1912 г. В 1924–1925 гг. редактор газеты анархо-мистиков «Рассвет». В журнале «Новое русское слово» печатался под псевдонимом Ю. Полещук. Автор очерков о русской дореволюционной эмиграции в Америке (США и Канада). В 1977 г. находился в переписке с отечественным журналистом и правозащитником В.В. Белорецким.

⁸ Гершенфельд Борис (?–?) — литературный критик, публицист, анархист, один из инициаторов Альманаха кружка пролетарских писателей в Северной Америке, неоднократно печатался в анархистском журнале «Пробуждение». Автор таких литературно-философских очерков, как «Разум и чувство» (1924), «Христианство — анархизм — коммунизм» (1938) и др.

⁹ Лазарев Э.С. (псевд. Л. Липоткин; 1891–1959) — общественно-политический деятель, анархо-коммунист, сотрудник редакции журнала «Дело труда — Пробуждение». Еще учась в школе, в возрасте 13 лет участвовал в революционных событиях 1905 г. в Одессе. В 1910 г. эмигрировал в США, где стал членом Объединенной федерации русских рабочих США и Канады. Первые годы эмигрантской жизни Э.С. Лазарева проходили в Детройте. Позже он переехал в Рочестер штата Нью-Йорк (предположительно в 1926 г.). В 1917 г. принимал участие в организации лекционного тура В.М. Волина. Активно печатался под псевдонимом Лазарь Липоткин в анархистской периодической печати. В 1920–1924 гг. входил в состав редколлегии журналов «Волна» и «Пробуждение». В 1926 г. поддержал идею Н.И. Махно и П.А. Аршинова создать «Организационную платформу Всеобщего союза анархистов». Всю свою жизнь оставался последовательным критиком политики СССР. Автор книги «Русское анархистское движение в Северной Америке», впервые опубликованной и переведенной на английский язык канадским историком М. Арчибалдом в 2019 г.

прекрасно знал и европейские, и американские издания, а его имя было широко известно в среде активистов рабочих организаций. До появления на свет «Дела труда — Пробуждения» Г.П. Максимов, уже находясь в США, выпускал «Голос труженика» (1924–1927) и «Дело труда» (1931–1939). В 1940 г. вопрос о том, кто в первую очередь должен войти в состав новой редакционной коллегии, не обсуждался — Г.П. Максимов был идеальной кандидатурой. Вместе с тем имелись сложности технического порядка: издавать «Дело труда — Пробуждение» планировалось в Нью-Йорке, в то время как Г.П. Максимов жил в Чикаго. Вплоть до № 3 (январь–март 1941 г.) существующая «пропасть» преодолевалась с помощью энтузиазма и творческого оптимизма И. Данилюка, взявшего на себя большую часть редакционной работы, тогда как Г.П. Максимова отводилась роль «авторитетного специалиста» и автора, чьими статьями можно занять первые страницы журнала. Расстояние давало о себе знать: от Г.П. Максимова постоянно требовались новые тексты, а о том, как формируется содержание номера, он узнавал в последнюю очередь. Это обстоятельство вызывало раздражение у чикагского анархиста, ведь уже «шел» 3-й номер, а уровень слаженной работы все еще был очень низким.

2. *Целевая аудитория.* И. Данилюк полагал, что если журнал ориентирован на трудовую русскую эмиграцию, то сами рабочие и должны стать авторами статей. Г.П. Максимов видел смысл журнала не в том, чтобы «дать голос» рабочему классу, а сделать издание, за которое «не стыдно». Если И. Данилюк был готов закрыть глаза на низкий уровень публикуемого материала, предполагая, что журнал будет таким, каким его своим творчеством сделают сами рабочие, то Г.П. Максимов такой взгляд не принимал в принципе, считая, что тогда редакции придется русскоязычные тексты рабочих «переводить на русский». Искренняя вера И. Данилюка в творческий потенциал рабочих-эмигрантов не нашла точек соприкосновения со скептическим «академизмом» Г.П. Максимова, предъявлявшего к текстам фабричных рабочих такие же требования, как и к тем, кто занимается интеллектуальным трудом.

3. *Отношение к войне.* Если И. Данилюк, как и многие другие анархисты, полагал, что между милитаризмом Германии и милитаризмом СССР нет принципиальной разницы (анархизм должен занять нейтральную сторону, осуждая войну как таковую), то Г.П. Максимов считал Гитлера большей угрозой для мирового освободительного движения, чем Сталина. В то время как И. Данилюк полагал пацифизм единственным возможным ответом на Вторую мировую войну, Г.П. Максимов упрекал редакционную группу в том, что ее члены лишь прикрываются антивоенной риторикой, а на деле воспроизводят позицию американских политиков-изоляционистов. По сути, Г.П. Максимов оказался в той же ситуации, что и П.А. Кропоткин в 1914–1918 гг. (он считал милитаризм Германии крайним проявлением духовной и политической реакции для всего мира).

Полемика вокруг журнала могла бы продолжаться и дальше, если бы Г.П. Максимов не отправил в редакцию публичное заявление о своем уходе. Это произошло между 18 марта и 10 апреля 1941 г. — к сожалению, сохранилась лишь часть редакционной переписки и точную дату события установить пока невозможно.

Вместе с тем письмо И. Данилюка к Г.П. Максиму от 10 апреля 1941 г. дает основание считать, что поступок чикагского анархиста сильно взволновал всю редакцию. Сотрудничество с ним очень ценили, а его уход нанес бы непоправимый удар по кадровой политике издания. Сопоставляя письмо Г.П. Максимова от 20 апреля 1941 г. с предыдущими письмами и содержанием «Дела труда — пробуждения» за март–май 1941 г. (№ 3 и 4), можно говорить, что И. Данилюк пошел навстречу своему товарищу и удовлетворил следующие требования:

1. Журнал стал редактироваться в Чикаго, а издаваться в Нью-Йорке. Таким образом, Г.П. Максимов мог сфокусировать свои силы на редакции текстов, предоставив решение технических проблем издания журнала И. Данилюку и другим.

2. Все публикуемые материалы теперь обязательно проходили редакционный контроль лично Г.П. Максимовым. Это означало не только введение более строгой политики отбора материала в отношении качества, но и проведение не менее строгой идеологической политики: тексты, противоречащие «линии» журнала, к публикации не допускались.

3. Г.П. Максимов уже мог не просто отстаивать свои «оборонческие» идеи, но и распространять их на политику журнала. С № 4 (апрель–август 1941 г.) «Дело труда — Пробуждение» уверенно говорит о необходимости поражения Гитлера в интересах трудящихся всего мира.

После выполнения требований Г.П. Максимова Б. Гершенфельд, более всех настаивавший на «нейтралитете» анархистов в условиях войны, был «вычеркнут»¹⁰ (после № 3 его имя на страницах издания больше не встречается), Л. Липоткин «оставлен»¹¹. Начиная с № 4 чикагский анархист стал помещать минимум две свои статьи в каждый номер. Журнал выходил как общественно-политическое издание, художественные тексты к публикации не допускались.

Трудно сказать, действительно ли Г.П. Максимов был готов уйти из редакции журнала или это был известный шантаж, но именно после данного события он стал главным редактором в полном смысле слова. Вероятно, нью-йоркская группа редакции сама понимала, что не справляется без строгого руководства, ведь внутренние противоречия с течением времени не решались сами собой.

К сожалению, с учетом вышеуказанных исследовательских сложностей, при составлении научного комментария возникло множество проблем при идентификации изданий и установлении личностей, упоминаемых в письмах. Отдельная сложность — годы жизни. К примеру, на основании опубликованного в № 68 «Дела труда — Пробуждения» известия о смерти И. Данилюка можно говорить только о дате смерти (20 ноября 1963 г.), о дате рождения в некрологе ничего не сказано [Умер И. Данилюк 1963]. Однако большая часть проблем все же решена, а та, что вызывает вопросы, снабжена особыми пояснениями публикатора в форме предположений.

¹⁰ Одно из требований Г.П. Максимова заключалось в том, что если тексты Б. Гершенфельда будут публиковаться в «Деле труда — Пробуждении» и дальше, то он уйдет из состава редколлегии.

¹¹ Статьи Л. Липоткина часто публиковались на первых страницах «Пробуждения», но уже в «Деле труда — Пробуждении» им стала отводиться второстепенная роль.

Журнал «Дело труда — Пробуждение» начал издаваться в беспокойное время, когда пожар Второй мировой войны разгорался с каждым месяцем все сильнее и сильнее, но дипломатические отношения между Германией и СССР еще были возможны (несмотря на их сложность и неоднозначность). Издание появилось на свет во многом с целью преодоления депрессии, которая царил в анархистском сообществе: гражданская война в Испании в 1939 г. анархистами и республиканцами была окончательно проиграна, а усиление тоталитарных режимов продолжалось, что привело к массовому закрытию анархистских периодических изданий во всем мире. Даже в США открыто издавать радикальный «левый» журнал было крайне опасно: политики продолжали говорить о «красной угрозе», а всякий профсоюзный деятель мог быть обвинен в пособничестве большевикам. Мечта о свободном обществе, основанном на самоуправлении, равенстве и солидарности, казалось, вновь ушла в тень. Весной 1941 г., когда театр военных действий начал расширяться в геометрической прогрессии, а до нападения Германии на СССР оставалось несколько месяцев, журнал «Дело труда — Пробуждение» сформировал свои идеологические и организационные принципы, которые позволили ему стать самым влиятельным русскоязычным анархистским изданием во всем мире на два десятилетия вперед.

Представленная ниже редакционная переписка сохранилась в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, в отделе русских коллекций, в личном фонде Г.П. Максимова (1893–1950)¹². Текст оригиналов документов машинописный, без карандашных и чернильных помет. Орфография и пунктуация современная (но с сохранением специфических особенностей, отражающих авторскую манеру). Общеизвестные имена не комментируются.

Источники и литература

- Антошин 2006 — Антошин А.В. Российские анархисты в эмиграции. 1920–1960-е гг. (по документам Международного института социальной истории) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 66–72.
- Аршинов 2015а — Аршинов П.А. Анархо-большевизм и его роль в русской революции // Анархизм: pro et contra: Антология / сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талерова. СПб.: РХГА, 2015. С. 860–866.
- Аршинов 2015б — Аршинов П.А. К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // Анархизм: pro et contra: Антология / сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талерова. СПб.: РХГА, 2015. С. 866–872.
- Базанов 2008 — Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.
- Богатырева, Базанов 2018 — Богатырева Л.В., Базанов П.Н. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 годов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 1. С. 23–31.
- Герасимов 2016 — Герасимов Н.И. Г.П. Максимов и история русской анархистской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 93–120.

¹² International Institute of Social History. Arch. 00852. Inv. nr. 3. P. 7–13, 16–19.

- Герасимов 2017 — *Герасимов Н.И.* Дело труда — Пробуждение — анархистский эмигрантский журнал // Издательское дело русского зарубежья (XIX–XX в.): Сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт Российской истории РАН. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 391–396.
- Герасимов 2018 — *Герасимов Н.И.* «Мы забыли, что законы написаны и пишутся для бедняков»: Письма Г.П. Максимова и О.И. Максимовой к Эмме Гольдман (апрель–май 1927 г.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 100–117.
- Гольдман 2018 — *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь: в 3 т. М.: Радикальная теория и практика: Common Place, 2018. Т. 3. 418 с.
- Достоевский 1938 — *Достоевский Ф.М.* Поп и дьявол // Пробуждение. 1938. № 88–89. С. 18.
- Ермаков, Талеров 2007 — *Ермаков В.Д., Талеров П.И.* Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник. СПб.: Соларт, 2007. 724 с.
- Каневская, Шульгина 2018 — *Каневская Г.И., Шульгина Н.В.* Политические организации русской эмиграции в Китае в 1920–1940 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 84–88.
- Кропоткин 1931 — *Кропоткин П.А.* Письмо к М.И. Гольдсмит // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина / под ред. Г.П. Максимова. Чикаго: Федерация русских анархо-коммунистических групп США и Канады, 1931. С. 239–251.
- Липоткин 1937 — *Липоткин Л.* Мысли о «Пробуждении» // Пробуждение. 1937. № 82–83. С. 1–2.
- Максимов 1933 — *Максимов Г.П.* «Рассвет» — проводник русского фашизма // Дело труда. 1933. № 76. С. 15–20.
- Менделеев 2015 — *Менделеев А.Г.* Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 247 с.
- Рублев 2012 — *Рублев Д.И.* «Теория анархии Бакунина... до сих пор представляется в ложном свете»: Письмо Г.П. Максимова к П.Б. Аксельроду. 1923 г. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 197–201.
- Рублев 2016а — *Рублев Д.И.* Социально-экономические противоречия новой экономической политики в оценках российских анархистов (1921–1929) // История в подробностях. 2016. № 1–2 (67–68). С. 28–35.
- Рублев 2016б — *Рублев Д.И.* «Жду визы, какой-либо визы, с нетерпением»: Письма Нестора Махно 1924–1925 гг. // Исторический архив. 2016. № 4. С. 51–66.
- Рублев, Талеров 2015 — *Рублев Д.И., Талеров П.И.* Написана ли уже история анархистской печати России? (немного о посмертном издании одной книги). <Рец.>: Менделеев А.Г. Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 247 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 231–244.
- Умер И. Данилюк 1963 — *Умер И. Данилюк* // Дело труда — Пробуждение. 1963. № 68. С. 1.
- Храневич 1937 — *Храневич К.И.* Резолюция Районной Конфедерации по Объединению Федерации «Дело труда» с Федерацией «Пробуждение», состоявшейся 25 апреля 1937 г. в городе Нью-Йорке // Пробуждение. 1937. № 84–87. С. 15–17.
- Lipotkin 2019 — *Lipotkin L.* The Russian Anarchist Movement in North America / transl. from the Russian by M. Archibald. Edmonton: Black Cat Press, 2019. 287 p.

1

17 марта 1941 г., Чикаго, Иллинойс

Дорогие друзья, в прошлую пятницу получил журнал. Не упрекаю и не обвиняю за него: первый блин вышел ужасно грязным и безобразным комом. Думаю, что второй не будет намного лучше. Дело дрянь. В таком виде журнал издавать нельзя. Это будет не только бесполезная трата тяжелого труда и денег, но и вредная трата, ибо журнал потеряет всякое уважение среди своих, потеряет читателей и писателей, вызовет презрительную насмешку у противников и врагов. Смех же, как вы знаете, разит вернее пули.

Интеллигентный человек стыдится показывать журнал другим людям. Так, например, товарищ, который переводит статьи Карбо¹ и сам пишет для журнала, отказался взять журнал для редактора и членов редакционной коллегии литовской газеты², в которой он работает. Стыдно мне, говорит, за журнал и за себя. На этот раз, говорит, не понесу журнал в редакцию.

Я посылаю вам два экземпляра журнала: один мною исправленный, чтобы показать вам наглядно, что в нем делается, а другой с четырьмя пустыми страницами (10, 11, 14 и 15), по-видимому, печатник был пьян и не вставил в раму страницы. Корректурные ошибки — неприятная вещь, но не большая беда, с ними еще кое-как можно мириться: почти у всех журналов имеются корректурные ошибки, больше — меньше, но есть. Беда, когда выбрасываются строки и вставляются не те, которые нужны. А самая ужасная беда — это синтаксически, стилистически и логически неисправленные статьи, т. е. статьи, которые, прежде чем отдать в набор, нужно перевести с русского на русский и из детского лепета сделать серьезный разговор взрослого человека. Если <бы> вы прислали мне на исправление статью Лазарева³, Петрова⁴, рабочую хронику, «По наклонной плоскости»⁵ и всю остальную мелочь, то журнал имел бы, конечно, корректурные ошибки (повторяю, это не большая беда, если они не извращают смысла), но выглядел бы <не> так ужасно, как он выглядит теперь. И я ведь писал вам об этом: присылайте оригиналы мне на исправление, присылайте корректуру, хотя бы в страницах, а вы это не сделали. По-видимому, Карпик вам не помогал ни в чем.

Работа над журналом отнимает много времени. При нем нужно стоять в типографии до последнего момента. Когда страницы сверстаны, их нужно заново прочитать, отметить ошибки и технические недочеты. Когда ошибки в страницах исправлены и строки вставлены, нужно опять посмотреть, хотя бы только на исправленные места, и только после этого ставить на странице «ОК». Типографу нельзя доверять и на него нельзя полагаться, нужен свой глаз, присмотр.

Как же мы поступим с журналом в дальнейшем? Я не уверен теперь, что следующий выпуск будет лучше, а между тем издавать журнал страшно необходимо и именно теперь. Что же делать? Имеется два выхода. Первый — испробовать то, что я вам все время предлагал, и вы не приняли, а именно: журнал печатается в Нью-Йорке, но редактируется в Чикаго. Это значит, что ни одна строчка, не проверенная мною, не должна сдаваться в набор. Вы присылаете мне для проверки, для читки первую корректуру, вторую читаете сами; затем вы присылаете мне страницы для последней корректуры, а дальнейшие исправления просматриваете сами. Это хлопотно и берет время.

Второй — опять печатать журнал в Чикаго, чего я не хотел бы и ни в коем случае не возьмусь, если Волков⁶ не будет мне помогать технически: доставлять материал в типографию и из типографии и стоять при верстке, которая будет производиться по сделанной мной расклейке, «лейаут»⁷.

Третье — найдите хорошо знающего дело человека и платите ему за выпуск каждого номера.

Четвертое, самое ужасное — совсем не издавать.

Это все о журнале. Посылаю вам в этом письме адрес подписчика и доллар на подписку. Журнал № 3 я выслал ему, вы начните высылку с № 4.

Я просил у вас № 2 «ДТП»⁸ — не получил. Просил бюллетени МТР⁹ — не получил. Подписка на «Нью-Йорк Таймс»¹⁰ кончилась 5-го марта, с этого числа я не получал газеты. Скажите, не стесняйтесь, будете продолжать подписку или нет? Если будете, то перестаньте быть Плюшкиными и выписывайте на три месяца. Мне даже неприятно об этом говорить. Во всяком случае говорю об этом последний раз. Надоело.

В заключение прошу вас всех при обсуждении вопрос<ов> о журнале не ругаться и не обвинять друг друга. Будьте хорошими товарищами, не кипятитесь.

¹ Карбо Эусебио (Carbo; 1883–1958) — испанский анархист, публицист, активный участник Международной ассоциации труда. Последовательный критик большевистской политики. В годы диктатуры Примо де Риверы (1923–1930) находился в эмиграции. Во время гражданской войны в Испании (1936–1939) занимал различные посты в Каталонском правительстве, решал проблемы образования. После прихода к власти франкистов эмигрировал во Францию, а потом в Мексику, где прожил до глубокой старости, не прекращая печататься в анархистской прессе.

² Установить название газеты представилось невозможным. Подавляющее большинство анархистских журналов и газет на территории США выходило благодаря материальной поддержке рабочей организации IWW (Industrial Workers of the World), в том числе и на литовском языке — это позволяет «сузить область поиска», сосредоточившись на изданиях, связанных с рабочей организацией. В XX в. литовские эмигранты выпускали ежемесячные «Рабочий голос» («Darbininku Balsas»; Балтимор, 1914–1917; Чикаго, 1917–1923) и «Пролетарий» («Proletaras»; Чикаго, 1919–1923) тиражом до 2000 экземпляров. В конкретном случае речь идет или о малотиражном издании, или об издании, финансовый источник которого пока современной науке неизвестен.

³ Липоткин Л. Государство и война // Дело труда — Пробуждение. 1940. № 3. С. 9–10.

⁴ Петров Л. Война и свобода // Дело труда — Пробуждение. 1940. № 3. С. 20–21.

⁵ По наклонной плоскости // Дело труда — Пробуждение. 1940. № 3. С. 24.

⁶ Волков С.Е. (?-?) — участник «махновского» движения, анархо-коммунист, соредатор журнала «Дело труда» в США (1930–1931). После запрета издания во Франции принимал активное участие в его возобновлении в Чикаго с использованием сил «Прогрессивно-го клуба» русских анархистов Нью-Йорка.

⁷ «Лэйаут» (англ. layout) — термин, используемый в полиграфии и издательском деле, обозначающий макет.

⁸ Имеется в виду «Дело труда — Пробуждение».

⁹ Бюллетень Международного товарищества рабочих (далее — МТР). Следуя принципам Первого интернационала в 1920-х гг., МТР окончательно разорвало всякие отношения с марксистами, встав на позиции анархо-синдикализма. Активистам удалось объединить революционные профсоюзы по всему миру в единую сеть. В современной историографии используется термин «Международная ассоциация труда». Русские активисты в конце

1980-х — 1990-е гг. считали, что слово «рабочий» ассоциируется исключительно с работником промышленного сектора, поэтому было предложено иное название — Международная ассоциация труда (МАТ). В современной историографии это обстоятельство учитывается, в исследованиях используется термин «МАТ», а не «МТР».

¹⁰ «Нью-Йорк Таймс» («The New York Times») — американская ежедневная газета, издаваемая в Нью-Йорке, одна из самых старых в истории США. Выходит с 1851 г.

2

18 марта 1941 г., Чикаго, Иллинойс

Дорогой товарищ Данилюк! Придя с работы, нашел ваше письмо, на которое отвечаю немедленно. Что касается журнала, то я написал для группы на адрес товарища Самусина. В этом письме я сказал все необходимое о журнале, поэтому повторяться не буду. Скажу только несколько слов. Журнал вышел ужасным. В таком виде издавать нельзя, лучше совсем приостановить издание. Дело, конечно, не в корректуре, корректурные ошибки — это полбеды. Самое главное — это отсутствие редактора. Все статьи, заметки и переводы, которые не прошли через мои руки, выглядят ужасно и нуждаются в переводе на русский язык. Затем, выброшенные строчки, оставленные корректурные строчки, пропущенные слова, ненапечатанные страницы (10, 11, 14 и 15 — совершенно белые в некоторых экземплярах). Вы прочтете мое письмо в группу и все узнаете, а сейчас повторяться не стану. Между прочим, одновременно с письмом я послал два экземпляра журнала: один с белыми, пустыми страницами, а другой — исправленный. Из последнего вы увидите, насколько журнал страшен.

Вы пишете, что Карпик обещает работать над журналом. Великолепно, пусть работает. Может быть, следующий выпуск будет приличным. Но это может быть только при условии, что Карпик будет работать над журналом вплотную — от начала до конца, т. е. до момента включения страниц в форму. Обращайте внимание на шрифты и эпиграфы, набирайте «италик»¹ или «8 пойнт»² и ставьте их на соответствующих им местах, а не так, как в статье Мыслителя³.

Статью о Первом мае я писать не буду. Терпеть не мог писать подобные праздничные статьи, особенно когда праздник потерял свою свежесть и даже значение. Пусть Карпик пишет или Лазарев⁴, последнему эта тема очень подходит: пусть себе «калякает», большой ответственности нет.

Я не думаю, что для нашего журнала подходят статьи Герншфельда на текущие события и злободневные вопросы. Мы не толстовцы и не пацифисты. Гитлер должен быть разбит в интересах международного рабочего класса, в интересах убиения диктатуры вообще, а это резолюциями и моральными протестами не сделаешь — нужна сила.

Вы рассылаете письма «пишущим товарищам». Можно поинтересоваться, что за «пишущие товарищи»? До сих пор мне ни один не был известен. Правда, «пишущих товарищей» много, но переводящих их писания на русский язык очень мало, чтобы не сказать, почти нет. Все эти «пишущие товарищи» годятся самое большое на корреспонденции и легонькие неотчетливые статейки. Неужели Вы думаете, что их произведениями можно заполнить журнал и успешно бороться с меньшевистскими и эсеровскими влияниями и завоевать «респект»⁵ с их стороны и со стороны серьезных читателей, которые не принадлежат нам?

Ощущаю какое-то внутреннее беспокойство за журнал, мне начинает казаться, что он погибнет. Я буду несказанно рад, если мои предчувствия не оправдаются, ибо журнал сейчас страшно необходим.

В прошлом письме я просил прислать мне № 2 «ДТП», советские газеты и бюллетени МТР. Еще раз прошу об этом. «Таймс» я не выписывал, потому что «брок»⁶, как только материальные дела поправятся, буду выписывать сам: чужой хлеб горек, хотя газета выписывалась не для моего личного удовольствия. Больше об этом я говорить не буду, не буду Вас беспокоить.

Из Вашего письма я понял, что от меня вам нужна была только статья о Первом мае и что вы рассчитываете заполнить журнал сами. Так как я отказываюсь писать на первомайскую тему, то в случае, если никто на эту тему не напишет, я должен взамен написать какую-то другую статью. Но у меня сейчас начался сезон⁷ и, кроме того, я еду на лекции в Детройт на 29–30 марта, следовательно, я не могу дать категорическое обещание, но буду стараться.

Ну будьте здоровы! Работайте в группе дружно. Страшно боюсь, как бы вы все там не перессорились из-за журнала, тогда все погибнет надолго. Привет товарищам. Крепко жму руку.

Искренне с Вами, Максимов.

¹ «Италик» (*англ.* Italic) — термин, используемый в полиграфии и издательском деле, обозначающий курсивный шрифт.

² «Пойнт» (*англ.* point) — термин, используемый в полиграфии и издательском деле, обозначающий размер шрифта и других печатных элементов. В данном случае Г.П. Максимов говорит о необходимости использовать 8-й «размер» шрифта для печати.

³ Настоящее имя автора, скрывающегося под псевдонимом Мыслитель, до сих пор неизвестно.

⁴ Лазарев Э.С. (печатался под псевдонимом Л. Липоткин; 1891–1959).

⁵ Respect (*англ.*) — уважение.

⁶ Имеется в виду английское выражение «I'm broke» («нахожусь в трудном финансовом положении»).

⁷ Г.П. Максимов никогда не был профессиональным рабочим, но после эмиграции в США в 1925 г. ему пришлось «освоить» сферу ремонтных работ. Несмотря на то что лекции русского анархиста пользовались популярностью, деньги направлялись в фонды рабочих и анархистских организаций. Материальное благополучие Г.П. Максимова напрямую зависело от того, будут ли удачные заказы в текущем сезоне (весна–осень).

3

ЗАЯВЛЕНИЕ Г. МАКСИМОВА.

Довожу до сведения читателей «Дело Труда — Пробуждение», что в связи с переводом журнала в Нью-Йорк моя работа по редактированию закончилась с выходом второго номера и что, начиная с третьего, я не несу ответственности ни за техническую сторону журнала, ни за его направление.

С товарищеским приветом, Г. Максимов

10 апреля 1941 г., Нью-Йорк

Уважаемый товарищ Максимов! На последнем собрании были прочитаны Ваши письма, одно к Самусину, а другое ко мне. В ответ на них пишу по поручению Группы¹. В обоих письмах Вы пишете о том, что третий номер вышел уродливым во всех отношениях. Группа с этим согласна, но не совсем: Ваше указание на действительно огромные литературные, грамматические и корректурные ошибки мы принимаем и считаем поучительными для нас, но отвергаем Ваше заявление и опасение за направление журнала.

Направление журнала с самого его появления на свет было анархо-коммунистическим, оно остается таковым теперь и в будущем не будет изменено, если журнал будет выходить. Правда, Вы намекаете на какой-то пацифизм, хотя в номере пока напечатана лишь статья Лазарева против войны². Но ведь наше движение было и должно быть пацифистским в отношении всех империалистических войн, и к теперешней войне оно должно быть пацифистским, потому что это война двух империалистических лагерей. И жаль, что мы не в состоянии объяснить трудящимся надлежащим образом, каким страшным бичом для человечества является и современная война. И если бы я это письмо Вам лично <писал>, то указал бы, как теперешние администраторы Америки, кричащие о победе над фашизмом, цепляются за фалды фашизма. Это факт, о котором я напишу в следующий номер журнала.

Итак, Группа считает, что никаких признаков уклона от принятого нами давно идеологической линии в номере нет. Это, во-первых, во-вторых, если бы это и оказалось, то мы не можем никак понять, как Вы, товарищ Максимов, действительно много поработавший для журнала и теперь видно искренне встревоженный о нем, решились прислать свое заявление о снятии своей ответственности за направление журнала. Для напечатания в нашем общем журнале. Мы далеки от мысли, что Вы желаете рассориться с нами, но Ваше заявление наводит нас на мысль, что Вы вообразили в нас какую-то оппозицию, желающую якобы изменить направление журнала. Но предположим на минутку, что Вы правильно определили намерения, но опять-таки возникает вопрос, как Вы могли допустить мысль, что мы согласились бы напечатать в журнале такое заявление. Нет, сечь самих себя мы не собираемся, да еще незаслуженно. Предположим другое: мы пойдем навстречу Вашему желанию и поместим Ваше заявление. Какое впечатление это вызвало бы у товарищей в провинции? Товарищи подумали бы, что действительно журнал попал в руки злостных вредителей. Так что Ваше заявление, если бы оно было помещено, могло бы ослабить и без того слабые наши ряды, а не укрепить их. Так что для пользы дела согласитесь с нашим доводом и не настаивайте, чтобы заявление было помещено в журнале.

Другое дело — Ваше желание снять с себя ответственность за техническую сторону журнала. С этим приходится согласиться. Но и это было бы для <нас> несносным: это было бы комом грязи со стороны серьезного деятеля движения в лицо тех, кто не обладает достаточной подготовкой к ведению такого серьезного дела, как издание журнала, кто поэтому не может быть ответственным за оказавшиеся в номере технические недостатки, но желает искренне не допустить это в

будущем. Вы пишете, что краснеете перед серьезными читателями, мы тоже, но кто это <т> серьезный читатель, трудно об этом судить. Вот, например, товарищ Бурндыго в Акроне, собравший по подписному листку 13,50 <\$> на журнал, его считать серьезным читателем или нет? Да, можно и следует. Правда, товарищ, как и все мы, простые смертные, вот уже семнадцать лет издающие журнал, не знает литературных, грамматических и иных тонкостей печатного дела, но ведь журнал издаем не для интеллигенции, знающей это дело, а для таких, как т. Бурндыго. Вот таких людей, читателей, Вам следовало бы иметь в виду и заботиться только о том, чтобы помочь Федерации³ выпускать журнал в более или менее приличном виде.

Вы пишете, что лучше прекратить издание журнала, чем выпускать его в таком виде. Мы не обещаем и не надеемся, что журнал будет выходить так опрятно во всех отношениях, как в Чикаго, но издаваться он будет и по мере издания будет улучшаться. Вы обнаружили ошибки в статье Петрова и в статье Лазарева. А ведь Лазарев и Карпик были когда-то редакторами, и Карпик исправлял статью Петрова и Мыслителя, и он обещал редактировать журнал. Оказывается, над редакторами нужен редактор. Но предположим, что Вы по какой-то причине не сможете или не пожелаете исправлять материал, который мы будем посылать Вам. То что, мы должны будем прекратить издание журнала? Нет, пока будут хотя <бы> второстепенные редакторы и люди, желающие помогать журналу материально. Дело будет продолжаться, не так, как следует, но будет. Будет продолжаться так, как это не раз в Америке делалось: журналы анархические выпускались очень коряво, но это было лучше, чем ничего.

Так вот, решение группы заключается в том, что мы будем посылать все статьи для исправления Вам, а товарищ Карпик здесь будет вести техническую сторону дела.

С товарищеским приветом, по поручению Группы, И. Данилюк

¹ Как в случае с Группой «Дело труда» и Группой «Пробуждение», имеется в виду широкий круг сотрудников журнала, включая редакторов, постоянных авторов, типографов и т. д. (см.: [Храневич 1937]).

² *Липоткин Л.* Государство и война // Дело труда — Пробуждение. 1940. № 3. С. 9–10.

³ Объединенная Федерация русских рабочих организаций США и Канады.

5

20 апреля 1941, Чикаго, Иллинойс

Уважаемые товарищи, вчера получил от вас статью Стоцкого¹. Очень хорошо, что прислали ее на исправление. Это не статья, а что-то ужасное: образец самоуверенного невежества, проявление абсолютного неуважения к печатному слову, к читателю и к предмету статьи, т. е. к Джордано Бруно. Читая эту статью, я приходил, приближаясь к концу, в больший и больший ужас. Какой большой позор был бы для журнала, для вас и для меня, если бы она была напечатана.

Первое основное правило для всякого пишущего: нужно знать предмет, о котором пишешь. Стоцкий не только не знает предмета своей статьи, но еще настолько ленив, что не потрудился заглянуть в какой-либо энциклопедический словарь, чтобы ознакомиться с Коперником, Бруно и Галилеем.

Стоцкий посвящает свою статью трехсотлетию со дня смерти Бруно, но Бруно был сожжен в 1600 г., а сейчас 1941 г., т. е. Стоцкий опоздал всего лишь на 41 год. Дальше, Бруно не только не был самым лучшим поэтом своего времени, но и вообще не имел никакого отношения к поэзии, хотя и написал несколько сатир. В противность утверждению Стоцкого, произведения Бруно дошли до нас. Коперник не только не умер в тюрьме, но никогда в ней не сидел. Все, что Стоцкий пишет о Копернике в тюрьме, есть сплошное измышление. Такое же измышление, грубое и невежественное, о сожжении на костре Галилея: Галилей не был сожжен. В статье ничего не сказано о Бруно и понятно почему: нужно знать, а Стоцкий ничего не знает. Он ссылается на древнюю историю, чтобы придать своему невежеству более солидный вид, но он никогда, наверное, не нюхал этой истории и ни бельмеса не понимает в ней. В интересах журнала и Стоцкого уничтожьте эту статью как можно скорее, ибо от нее можно сгореть от стыда. Помните, с нашими «писателями» нужно быть очень-очень осторожными и постоянно быть начеку.

Теперь о статье Гершенфельда «Семнадцать с половиной миллиардов»². Как я понимаю, вы прислали ее мне не для исправления, а для ознакомления. Я ознакомился с ней и считаю, что помещение этой статьи в журнале будет означать перемену позиции к текущей войне, к борьбе против комнацифашизма, к интернациональной солидарности рабочего класса и извращение анархической тактики и некоторых анархических положений.

Ход мыслей Гершенфельда вполне совпадает с ходом мысли «Чикаго Трибьюн»³, мистера Линдберга⁴, Вилера⁵ и других изоляционистов: наша хата с краю, и нам безразлично, кто кого побьет в Европе — Гитлер Англию или Англия Гитлера, но самое лучшее: устроить между ними договорный мир. Но победа Гитлера или договорный мир с ним означает ни больше ни меньше как установление нацистской диктатуры во всей Европе, что я говорю, во всем мире. На это Гершенфельд в своей статье отвечает: ну и что такого? Какая разница для народа, кто его эксплуатирует? Никакой. Однако сам Гершенфельд предпочитает буржуазную демократию и оставил <?> Россию. Почему? Какая ему разница, кто его эксплуатирует и угнетает — Сталинская бюрократия или капиталистическая демократия?

Это простое блудословие, вредное, антирабочее и профашистское. Мы, и в первую очередь Бакунин и Кропоткин, жестоко критиковали, критикуем и будем критиковать буржуазную демократию, но ни Бакунин, ни Кропоткин, ни мы никогда не делали вывода: монархия плоха, ужасна и демократия плоха, поэтому в борьбе монархии с демократией мы не принимаем никакого участия, ибо нам безразлично, кто нас будет угнетать и эксплуатировать. Они делали как раз обратный вывод: в борьбе демократии с монархией все наши симпатии на стороне первой как более прогрессивной, хотя и далекой от совершенства, по сравнению со второй, с монархией. Ну и что мы имеем теперь? Попытку установить мировую диктатуру, покоящуюся на рабстве трудящихся, на угнетении других национальностей, на расовом делении. Посмотрите наш кропоткинский сборник, письмо Кропоткина к М. Гольдсмит⁶, в котором он говорит о национальном вопросе и национальной независимости, и сравните со статьей Гершенфельда. Вы увидите,

что между ними существует расхождение такое же, какое существует между нами и Сталиным, между нами и Гитлером.

Современная война после поражения Франции носит характер не только империалистический, но классовый, гражданский. Теперь стоит вопрос не только о захвате тех или иных территорий, уничтожении независимого существования тех или иных народов, но и о коренном изменении политического и экономического режима. Мы до войны были против комнацифашистского режима и выносили против него самые зажигательные резолюции, а когда пришло время выполнять эти резолюции, то нам говорят, что мы пацифисты и не должны вмешиваться в эту войну.

Если мы считаем, что Гитлер нехорош, что он должен быть разбит, то мы должны <не> только <не> мешать его поражению, но оказать этому всяческое содействие. Что касается меня, то я считаю, что поражение Гитлера есть необходимое <условие> европейско-азиатской революции, с которой не смогут справиться буржуи победоносного англо-американского блока, наоборот, этот блок, несмотря на то что сейчас он старается зажать рабочих в тисках, будет захлестнен этой революцией и не только вынужден будет разжать тиски, но и сдать их в музей социальных древностей.

Эту точку зрения я проводил в журнале, в лекциях, в беседе, везде. Ясно, если в журнале найдет<ся> выражение точк<и> зрения Гершенфельда, которая является прямо противоположной моей, мне не по пути ни с Гершенфельдом, ни с журналом. Я остаюсь последовательным анти-комнацифашистом и не могу помогать этой сволочи даже косвенно. Вся моя надежда на стихийную революцию европейских и азиатских масс в результате поражения Гитлера, и в интересах этого поражения я готов на все жертвы. Готовы ли вы? Если готовы, то <отложите> вредные гершенфельдские идеи, не позволяйте им запачкать революционную репутацию журнала, и мы будем работать дружно, как работали все прошлые годы.

Что касается группового письма, то оно произвело на меня плохое впечатление, но сейчас я не буду говорить о нем. Поговорю когда-либо в другой раз.

С товарищеским приветом, Г. Максимов

¹ Информации ни о личности Стоцкого, ни о его статье не сохранилось.

² Рукопись статьи не сохранилась.

³ «Чикаго Трибьюн» («Chicago Tribune») — американская ежедневная газета, издаваемая с 1847 г. Одно из самых старых периодических изданий в Чикаго.

⁴ Линдберг Чарльз Огастус (Lindbergh; 1902–1974) — американский летчик и общественный деятель. Известность получил в 1927 г., когда совершил первый в истории одиночный трансатлантический перелет. В годы Второй мировой войны вместе с главой газеты «Чикаго Трибьюн» Р. Маккормиком был одним из активнейших «изоляционистов», настаивавших на обязательной политике невмешательства США в ход боевых действий.

⁵ Уилер Бёртон Кендалл (Wheeler; 1882–1975) — американский политик, сенатор США в 1923–1947 гг. Член политического лобби «Америка прежде всего» («America First Committee»), защищавшего идеи политического изоляционизма в годы Второй мировой войны.

⁶ См.: [Кропоткин 1931].

П.А. Трибунский

В.С. СЛЕПЧЕНКО И РОССИЕВЕДЕНИЕ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КОЛЛЕДЖЕ НОТТИНГЕМА

Формирование и развитие знаний о России в Великобритании пришлось на конец XIX — начало XX в., пережив настоящий «русский бум» в годы Первой мировой войны. Россияведение в иноязычных странах без привлечения русскоязычных специалистов состояться, разумеется, не могло. Среди тех, кто стоял у истоков британского россияведения, как раз и оказался В.С. Слепченко (Слипченко), судьба которого пока не изучалась исследователями.

Василий Семенович Слипченко родился 27 февраля¹ 1887 г. в станице Переяславской Кавказского отдела Кубанской области в семье казачьего урядника Семёна Емельяновича (?–?) и Ефросиньи (урожд. Середова; ?–?). Среднее образование В.С. Слипченко получил в Кубанском Александровском реальном училище (Екатеринодар; 1897–1905). Свою мечту о дальнейшем образовании ему пришлось оставить: он начал зарабатывать деньги, давая уроки, чтобы поддержать семью (что делал до 1930-х гг. уже из Великобритании). Сдав в 1908 г. экзамен на звание домашнего учителя математики, Слипченко проработал 1908/09 учебный год в Темрюкском трехклассном городском училище. С сентября 1909 г. он стал учителем V Екатеринодарского начального мужского училища².

21 декабря 1909 г. Слипченко подал прошение директору Московского коммерческого института П.И. Новгородцеву о зачислении его с января 1910 г. слушателем 1-го курса экономического отделения. У поступившего Слипченко почти сразу начались трудности с оплатой обучения, что стало причиной его постоянных ходатайств об отсрочке. Несколько спасала положение стипендия от Кубанского общества вспомоществования³.

В начале 1911 г. Слипченко попал в поле зрения Департамента полиции, так как на его екатеринодарский адрес пришел почтовый конверт из Львова с вложенной социал-демократической газетой «Наш голос» на украинском языке. Никаких порочащих Слипченко сведений полиция не обнаружила, и дело было оставлено без движения. В 1930-х гг. он утверждал, что принадлежал к социал-демократическим

¹ Все события в России датированы по юлианскому календарю, в Великобритании — по григорианскому.

² ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 417. Оп. 6. Д. 303. Л. 2–3, 10, 17 д; Certificate of Naturalization to an Alien. Basil Slepchenko, 1 July 1930 // NA. HO 334/112/18419; В.С. Слепченко — А.В. Байкалову, 28 декабря 1935 г. // ВА. А.В. Baikalov papers. Box 7, folder «Slepchenko, Vasilii S.».

³ ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 417. Оп. 6. Д. 303. Л. 1, 4, 6, 13–16.

кружкам с 1903 г., одно время входил в Украинскую СДРП, в 1907 г. перешел в РСДРП. В годы обучения в Московском коммерческом институте он участвовал в работе социал-демократических студенческих кружков⁴.

Отметим, что с 1912 г. Василий Семенович стал писать свою фамилию как «Слепченко», хотя формальных оснований (высочайшего разрешения на перемену фамилии) у него не было. Под фамилией Слепченко он стал наиболее известен, что предопределяет наше дальнейшее использование именно этой формы.

Среди иностранных языков, которые изучал Слепченко в институте, был и английский (экзамен успешно сдал в апреле 1912 г.). Задавшись целью более основательно выучить английский язык, Слепченко потратил на это почти весь учебный год и даже съездил ради практики в Великобританию. Правда, остальные предметы учебной программы Слепченко запустил, почему и ходатайствовал 6 сентября 1913 г. о зачислении его вновь на 5-й семестр⁵. Но долго он не проучился.

Скорее всего, именно сам Слепченко выступил инициатором очередной поездки в Великобританию. 21 мая 1914 г. институт выдал ему удостоверение № 2424: Слепченко командировался за границу «для собирания материалов по вопросу об условиях организации студенческих экскурсий с целью изучения английского языка». Второй целью поездки называлось ознакомление с постановкой коммерческой корреспонденции в Англии, в чем институт просил содействия Русско-английской торговой палаты. Слепченко получил подробный список вопросов, ответы на которые должны были помочь руководству института оценить возможность студенческих экскурсий. Вскоре разразилась Первая мировая война, связь с В.С. Слепченко прервалась, и он был уволен из числа студентов с 15 октября 1914 г. как не внесший плату за обучение⁶.

По уверению Слепченко, он провел предварительные переговоры о будущих студенческих экскурсиях с представителями Лондонского университета, Лондонского муниципального совета, Лондонского союза учителей, отдельными учебными заведениями и частными лицами, однако собранный материал ввиду сложности почтовых сношений в Россию не отправил. В августе 1914 г. Слепченко добровольно явился на сборный пункт британской армии, но был отсеян по физическим показателям. В 1916 г. он был записан в армейский резерв и намечен к призыву в армию в следующем году, однако от службы освобожден, как занимающий важную для страны должность (лектор русского языка). Вероятно, весной 1915 г. Слепченко поступил на службу в русское консульство в Ливерпуле, но уже с 1 июня 1915 г. уволился⁷.

Увольнение Слепченко из консульства было напрямую связано с появлением интереса к «русским темам» в Университетском колледже Ноттингема (University

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Оп. 241. Д. 163. Ч. 36. Лит. А. Л. 1; В.С. Слепченко — А.В. Байкалову, 13 сентября 1933 г. // ВА. А.В. Baikalov papers. Box 7, folder «Slepchenko, Vasilii S.».

⁵ ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 417. Оп. 6. Д. 303. Л. 1, 9–9 об., 18–18 об.

⁶ Там же. Л. 1, 11–12 об.

⁷ Там же. Л. 7; АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. I-4. 1915. Д. 8 Л. 9, 13 об. — 14; [Form] № 2. 29 November 1929 // NA. HO 144/11688.

College Nottingham), который отсчитывает свою историю с 1881 г. Статус независимого учебного заведения высшего образования — Ноттингемский университет (The University of Nottingham) — получил с королевской хартией 1948 г. (подробнее о Ноттингемском университете см.: [Townroe 1928; Wood 1953]).

Интерес к «русским темам» в Ноттингеме появился весной 1915 г. Инициатором дополнения учебной программы курсом русского языка стало руководство Университетского колледжа. Ректор колледжа, желая обеспечить условия для приглашения специалиста, обратился в местную Торговую палату, предлагая разделить финансовые обязательства. Члены палаты, заинтересованные в развитии торговли с Россией, поддержали введение лекций по русскому языку в колледже и на заседании 13 апреля 1915 г. ассигновали на два года по 50 фунтов, равно как и приз для лучших студентов — 20 фунтов в год. Палата не преминула высказать пожелание, чтобы приглашенный преподаватель хорошо говорил на английском языке и знал условия английской коммерческой жизни. Совет колледжа с благодарностью принял деньги и согласился с высказанными требованиями⁸.

Заседание созданного в колледже комитета для рассмотрения кандидатур претендентов состоялось 7 мая 1915 г. Были произведены интервью трех претендентов на пост лектора русского языка: Д. Бузко (Bouzko), А.А. Бакши и В.С. Слепченко. Если личность первого претендента установить не удалось, то второй кандидат более-менее известен.

Александр (Анисимович) Бакши родился 10 апреля 1885 г. в Керчи у купца Нисима Захаревича (?-?) и Эсфирь (?-?), оба родителя — иудейского вероисповедания. После обучения в Керченской Александровской гимназии (1897–1904) в 1906 г. Бакши поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, переведясь в 1907 г. на юридический факультет. В феврале 1911 г. Бакши был исключен из университета за участие в беспорядках. В Санкт-Петербурге Бакши увлекся театральными экспериментами и кинематографом. В Великобритании он оказался, вероятно, осенью 1911 г., где начал сотрудничать в английской прессе, занимался переводом (в том числе для профессора Оксфордского университета П.Г. Виноградова). На волне интереса к России Бакши выступил в качестве переводчика трудов В.С. Соловьева и автора книги о русском театре. После ухода с поста профессора русского языка Королевского колледжа Лондона Н.В. Орлова (1844–1915) Виноградов рекомендовал Бакши, однако безуспешно. В 1926 г. Бакши перебрался в США, где на некоторое время стал одним из влиятельных кинокритиков, сотрудничая в ведущих периодических изданиях. В 1930–40-е гг. Бакши подвизался на переводческой ниве, знакомя американцев с произведениями русской и советской прозы и драматургии.

⁸ Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, March 2nd, 1915 and Adjourned Meeting held Monday, March 8th, 1915. P. 16; Minutes of Council Meeting held Tuesday, April 13th, 1915. P. 19–21 // MSC. UN. ACC 1865; Minutes of Meeting of Advisory Committee held 22nd February 1915 / Nottingham Chamber of Commerce. Advisory Committee. Minute Book // Ibid; Meeting of the Council of University College Nottingham 23 March 1915; Meeting of the Council of University College Nottingham 27 April 1915 / University College Council Book. Vol. VIII: 1913–1917. P. 224, 228 // MSC. UN. UCN/G/3/3.

В 1938 г. он получил американское гражданство, последнее упоминание Бакши в официальных документах — 1949 г. Ни место, ни дата его смерти неизвестны⁹.

Однако вернемся к выбору лектора для Университетского колледжа Ноттингема. Комитет остановился на третьем претенденте, В.С. Слепченко, который был принят на должность лектора русского языка с 1 сентября 1915 г. с жалованием 150 фунтов в год¹⁰.

Выдвижение кандидатуры В.С. Слепченко в качестве возможного лектора не обошлось без другого представителя российского научного зарубежья, М.В. Трофимова (1884–1948). По сведениям русских дипломатов, ректор ноттингемского колледжа У.Г. Хитон (Heaton), лично знакомый с Трофимовым, просил последнего рекомендовать лектора по русскому языку. Трофимов, проживавший в Ливерпуле в одном пансионе с сотрудником консульства Слепченко, счел последнего достойным претендентом и предложил ему выставить свою кандидатуру на конкурс. При этом Трофимов поставил Слепченко условие, что в случае принятия его в университет «он займется серьезной подготовкой к новой деятельности не менее трех месяцев для того, чтобы явиться вполне подготовленным и достойным русским лектором, для чего советовал ему работать в библиотеках и Британском музее». Как результат, после избрания лектором Слепченко уволился из консульства для подготовки к новой должности¹¹.

В мае 1915 г., сразу после избрания, В.С. Слепченко отправил письмо в Московский коммерческий институт на имя директора П.И. Новгородцева, в котором рассказал о небывалом подъеме в Великобритании интереса к России, выражающемся в стремлении установить непосредственные сношения с торговыми фирмами из России и в поощрении изучения русского языка. Слепченко сообщал, что, помимо классов русского языка для студентов и торговых служащих, ему надо было читать каждое полугодие цикл из нескольких коротких лекций. Список тем, которые ноттингемцы считали желательными, говорит о приоритете получения практических результатов от изучения русского языка и — шире — знаний о России, чем просто академические штудии:

- «1. Историко-статистический очерк товарообмена между Россией и Англией.
2. Роль иностранного капитала и предприимчивости в русской индустрии.
3. Условия иностранной торговли в России (таможенные тарифы).
4. Возможности для английской торговли в России после войны (какие германские товары могут быть с выгодой заменены английскими и т. д.).
5. Русские коммерческие методы.
6. Торговый устав и финансы России».

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47033. Л. 1, 15, 16 об., 17, 18, 19 об., 20, 21, 22, 26, 33; ГА РФ. Ф. Р-5906. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 31, 32; P. Vinogradoff — R.M. Burrows, 8 September 1915 / Russian Courses // KCLA. KAP/BUR 216; [Here to Produce Russian Revue 1926; Highsmith 1970; Бёрд 2006]. См. также: [Soloviev 1915; Bakshy 1916].

¹⁰ Meeting of University College Committee as to the appointment of a Teacher of Russian 7 May 1915 / University College Council Book. Vol. VIII: 1913–1917. P. 231 // MSC. UN. UCN/G/3/3; Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, May 4th, 1915. P. 29 // MSC. UN. ACC 1865.

¹¹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. I-4. 1915. Д. 8. Л. 9–10.

Выработка программы лекций, целью которых было поднять интерес коммерческих кругов к России, отдавалась на откуп Слепченко; не будучи специалистом в вопросах русской внешней торговли, он просил преподавателей института дать советы и указания по составлению и разработке программы¹². И хотя у нас нет точных данных, были ли присланы Слепченко из Москвы материалы и указания, необходимые для подготовки лекций, нельзя не отметить, что письмо директор института Новгородцев прочитал и рассмотрел.

С осеннего семестра 1915 г. В.С. Слепченко начал читать лекции по русскому языку — как для дневных студентов, так и для посещающих вечерние занятия (см. таблицу¹³). Во все годы преподавания плата за три семестра составляла 2 фунта 2 шиллинга и 1 фунт 1 шиллинг для дневных и вечерних слушателей соответственно. Единственный раз при объявлении курса на 1915/16 учебный год Слепченко указал пособие, которое будет использоваться в ходе занятий: «Simplified Russian Method Conversational and Commercial» Давида Бондаря, преподавателя русского языка из Манчестера. Указанное краткое пособие выходило несколькими изданиями (1911, 1915), пользовалось популярностью, особенно за наличие коммерческого отдела.

Таблица

Занятия В.С. Слепченко по русскому языку

	1915/16 учебный год	1916/17 учебный год	1917/18 учебный год
Дневные занятия	1-й год обучения вторник, пятница	1-й год обучения вторник, пятница 2-й год обучения вторник, пятница	1-й год обучения вторник, пятница 2-й год обучения вторник, пятница 3-й год обучения вторник, пятница
Вечерние занятия	1-й год обучения вторник, пятница	1-й год обучения понедельник, среда 2-й год обучения вторник, пятница	1-й год обучения среда, пятница 2-й год обучения среда, пятница 3-й год обучения вторник

Каталоги курсов колледжа также содержат сведения о специальных лекциях, читанных Слепченко: в 1915/16 учебном году — 5 лекций на тему «Англо-русские отношения», в 1916/17 учебном году — 5 лекций на тему «Россия в 19 столетии», в 1917/18 учебном году — 5 лекций на тему «Рождение Российской республики». Все лекции читались Слепченко на английском языке, были бесплатны для студентов, посещавших занятия по русскому языку, и платными для всех остальных [University College, Nottingham. Calendar ... 1915–1916 1915, p. 108, 240; University College, Nottingham. Calendar ... 1916–1917 1916, p. 62, 168; University College, Nottingham. Calendar ... 1917–1918 1917, p. 60; 20 s.p.]. Вероятно, именно эти курсы были обозначены в документах конференции преподавателей русского языка как лекции по русской истории [Memoranda 1917, p. 81], поскольку отдельных лекций по русской истории каталоги колледжа не фиксируют.

¹² ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 417. Оп. 6. Д. 303. Л. 7–8 об.

¹³ ¹² Таблица составлена по: [University College, Nottingham. Calendar ... 1915–1916 1915, p. 108, 240; University College, Nottingham. Calendar ... 1916–1917 1916, p. 62, 168; University College, Nottingham. Calendar ... 1917–1918 1917, p. 60; 20 s.p.].

Развитие интереса к России в Ноттингеме нашло поддержку у русского правительства. На нововведение обратила внимание русских властей Торговая палата в письме от 25 марта 1916 г. В ответ Министерство народного просвещения выслало через посла Дж. Бьюкенена (G. Buchanan) 71 книгу для библиотеки колледжа. Русский генеральный консул в Лондоне барон А.А. Гейкинг присоединил еще 138 книг для колледжа. Наборы книг были получены колледжем 3 июля и 1 сентября 1916 г. соответственно и составили начало «русского отдела» библиотеки¹⁴.

Годовые отчеты колледжа позволяют оценить вовлеченность студентов в занятия русским языком. Сорок один слушатель начал посещать дневные и вечерние русские классы в 1915/16 учебном году. Отчет 1916 г. констатировал лишь хорошую посещаемость. Зато в отчете за 1917 г. ректор колледжа с сожалением признал, что количество занимающихся русским языком упало катастрофически: занятия первого года посещали 2 человека, второго года — 2, третьего года — 3 [University College, Nottingham. 1915 1915, p. 8, 30; University College, Nottingham. 1916 1916, p. 27–28; University College, Nottingham. 1917 1917, p. 27]¹⁵.

Данные на конец 1916 г. приводятся в публикации журнала «Modern Language Teaching». Согласно им, в Ноттингеме обучалось 44 студента, из них 29 слушали начальный курс русского языка, 15 — углубленный, из них дневные занятия посещали 11 человек, а вечерние — 33 [Memoranda 1917, p. 81].

Примерно такие же данные содержатся в материалах Торговой палаты: в марте 1917 г. было 42 слушателя (10 посещали дневные занятия, 32 — вечерние). Сбор данных об обучающихся русскому языку проведен палатой с целью выяснить, как трагилось выделенное университету в течение двух лет ежегодное пособие в 50 фунтов, а главное, чтобы оценить новую заявку колледжа на продление гранта. Вывод для палаты оказался неутешительным: из 10 человек (в том числе 6 женщин), занимавшихся днем, производители кружев составляли 2, студенты — 3, без занятия — 5. Из 32 вечерних слушателей производителем кружев был 1, производителем чулочно-носочных изделий — 1, учеником по производству чулочно-носочных изделий — 1, адвокатом — 1, учителем — 4, делопроизводителем — 1, администратором — 2, клерками — 14, агентом — 1, кладовщиками — 3, без занятий — 3. Палата заняла жесткую позицию в вопросе выделения средств: первоочередной задачей объявлялось обучение русскому языку коммерсантов, а не дам для путешествий. Пособие колледжу было решено не давать, а на будущее выделять по 1 фунту 1 шиллингу за каждого студента, одобренного комитетом зарубежной торговли при палате¹⁶.

¹⁴ Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, July 4th, 1916. P. 39; Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, September 5th, 1916. P. 52 // MSC. UN. ACC 1865; Meeting of the Council of University College Nottingham 26 September 1916 / University College Council Book. Vol. VIII: 1913–1917. P. 360 // MSC. UN. UCN/G/3/3.

¹⁵ Meeting of the Council of University College Nottingham 27 March 1917 / University College Council Book. Vol. IX: 1917–1920. P. 18–19 // MSC. UN. UCN/G/3/4.

¹⁶ Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, May 1st, 1917. P. 31–32 // MSC. UN. ACC 1865; Minutes of Meeting of Foreign Trade Committee held at the Offices of the Chamber, on Wednesday, 25th April, 1917; on Tuesday, 15th, May, 1917 / Nottingham Chamber of Commerce. Parliamentary Committee & Foreign Trade Committee. Minute Book // Ibid; Minutes of Meeting of Advisory Committee held

Первый результат изменения финансирования был подведен на заседании палаты 5 марта 1918 г. Из 27 изучавших русский язык только 9 родились в Великобритании (из них лишь 1 работал в коммерческой фирме). В результате палата выделила колледжу лишь 9 фунтов 9 шиллингов¹⁷.

Несмотря на сокращение помощи со стороны палаты и уменьшение числа изучавших русский язык, финансовый комитет колледжа 12 марта 1918 г. предложил продолжить русские классы, снизив плату за посещение занятий, что и было утверждено сенатом колледжа 15 апреля 1918 г.¹⁸

Наряду с работой в колледже в Ноттингеме В.С. Слепченко преподавал русский язык в муниципальном коммерческом колледже в Дерби в 1917/18 учебном году и в технической школе в Лестере в 1916–1918 гг. [Jones 2009, p. 14–15].

Занятая В.С. Слепченко позиция в Ноттингеме ввела его в небольшой круг преподавателей русского языка в Великобритании. Он принял участие в первой конференции преподавателей русского языка в Англии 28 июля 1917 г. в Королевском колледже Лондона, организованной русским подкомитетом Ассоциации новых языков. В дискуссии на конференции Слепченко указал на важность преподавания коммерческой корреспонденции в курсе обучения. В том же номере, где был напечатан отчет о конференции, помещена единственная известная статья Слепченко изучаемого периода, посвященная вопросам оценки знаний учащихся [Report 1917, p. 163; Слепченко 1917].

На заседании совета колледжа 24 сентября 1918 г. было сообщено об отставке Слепченко и утверждении нового лектора русского языка, словенца Янко Лаврина (1887–1986), с жалованьем 150 фунтов в год плюс 15 % военный бонус. Детали его приглашения достоверно неизвестны, однако нельзя не отметить: в прошении на занятие поста лектора Лаврин писал, что об освободившемся месте ему сообщили лекторы русского языка Королевского колледжа Лондона, М.В. Трофимов и А. Раффи (1878–1946). Как писал ректор колледжа в отчете за 1918 г., должно было пройти какое-то время, чтобы у студентов вернулось желание посещать русские лекции¹⁹, — это предстояло сделать новому лектору, Я. Лаврину.

Дальнейшая карьера В.С. Слепченко как преподавателя россиеведческих курсов связана с Ливерпульским университетом, где на заседании факультета искусств 23 октября 1918 г. он был утвержден лектором по русскому языку²⁰.

at the Exchange, Nottingham on Tuesday, June 5th, 1917; on Tuesday 31st July, 1917 / Nottingham Chamber of Commerce. Advisory Committee. Minute Book // Ibid.

¹⁷ Nottingham Chamber of Commerce. Minutes of Council Meeting held Tuesday, March 5th, 1918. P. 16 // MSC. UN. ACC 1865.

¹⁸ University College, Nottingham. Copy Minutes. № 2. P. 228 // MSC. UN. UCN G/3/3; Senate Minute Book, 1904–1918. P. 486 // Ibid. UN. UCN G/6/1.

¹⁹ Meeting of the Council of the University College of Nottingham 24 September 1918 / University College Council Book. Vol. IX: 1917–1920. P. 150 // MSC. UN. UCN/G/3/4; [University College, Nottingham. 1918 1918, p. 11, 27]; Application re Russian Chair, University College, Nottingham, from Janko Lavrin to the Principal, University College, Nottingham, 6 September 1918 [копия] // Архив автора. Копию предоставил М.В. Джоунз (Ноттингемский университет). Ср.: [Lavrin 1977, p. 12].

²⁰ AUL. Faculty of Arts. Minute Book (16 May 1917 — 4 February 1920). S112. P. 101.

В последующие 34 года (с перерывами) Слепченко преподавал русский язык и литературу в Ливерпуле, до выхода в отставку в 1952 г.

Обстоятельства жизни В.С. Слепченко после того, как он покинул Ноттингем, складывались следующим образом. Британским гражданином Слепченко стал в 1930 г. В 1924 г. В.С. Слепченко (или, как его звали англичане, Basil Slepchenko) женился на местной уроженке, Алисе Мэри Такер (Tucker; 18 декабря 1893 — 8 августа 1947). В 1940-е гг. бездетная пара развелась. Во второй брак Слепченко вступил в 1946 г., его избранницей стала писательница Екатерина Васильевна Бакунина (1889 — 1 апреля 1976), после Второй мировой войны перебравшаяся из Франции в Великобританию [Российское зарубежье во Франции 2008, с. 105; Genealogy 2015]²¹.

По собственному признанию В.С. Слепченко, долгое время он сохранял связь с немногочисленными российскими меньшевиками в Великобритании, однако прервал с ними все контакты, по-видимому, в 1920-е гг.; был членом английской лейбористской партии, выйдя из ее состава в 1931 г. В 1933 г. Слепченко вступил в переписку с известным политическим деятелем А.В. Байкаловым (1882–1964), предлагая свою помощь в антикоммунистической пропаганде и борьбе. Как писал Слепченко Байкалову: «Чувство долга перед родиной у меня сильно, ненависть к большевизму велика, сидеть сложа руки надоело». Во второй половине 1930-х гг. он активно принимал участие в дебатах с защитниками Советского Союза²².

Но не только политике уделял время Слепченко. Он сотрудничал со Школой изучения славянства и Восточной Европы, в официальном органе которой был опубликован его перевод на английский язык «Дневника советской студентки» Н. Азволинской. Принял Слепченко участие и в праздновании 100-летнего юбилея со дня смерти А.С. Пушкина, выступив в Ливерпульском университете с публичной лекцией «Пушкин сейчас» (24 ноября 1937 г.) [Azvolinskaya 1930; University of Liverpool. The New Session 1937].

Выйдя в отставку в 1952 г., В.С. Слепченко купил собственный дом в маленьком провинциальном городке Кихлей, Йоркшир. Здесь он и умер 13 февраля 1966 г. В Кихлее нашла свое последнее пристанище и его супруга, Е.В. Бакунина, пережившая мужа на 10 лет [Бакунина 1958; Российское зарубежье во Франции 2008, с. 105; Genealogy 2015].

Какова же была роль В.С. Слепченко в развитии россиеведения в Университетском колледже Ноттингема? Он не имел профильного образования, и его участие в британской академической жизни могло состояться лишь в условиях недостатка специалистов. Слепченко неплохо справлялся с возложенным на него

²¹ County Borough of Wallasey Police, 18 th February 1930 // NA. HO 144/11688; [Form] № 2. 29 November 1929 // Ibid; Certificate of Naturalization to an Alien. Basil Slepchenko, 1 July 1930 // NA. HO 334/112/18419.

²² В.С. Слепченко — А.В. Байкалову, 2 сентября 1933 г., 9 сентября 1933 г. // ВА. А.В. Baikalov papers. Box 7, folder «Slepchenko, Vasilii S.»; *Slepchenko B.* Red Eye-Wash. Millions Exterminated by Terror. Reply to a Wireless Talk [вырезка из газеты «Birkenhead Advertiser» (1935. 16 June)] // Ibid; *Slepchenko B.* Mister Hamilton Fyfe Refuses a Challenge [вырезка из газеты «Birkenhead Advertiser» (1933. 9 December)] // Ibid; Mr. Slepchenko Wishes for Debate with Mr. Hamilton Fyfe [вырезка из газеты «Birkenhead Advertiser» (1933. 4 November)] // Ibid; [Mr. A. Monkhouse 1934].

преподаванием учебных предметов и не был вытеснен со своих позиций наводившими Великобританию высокообразованными русскоязычными беженцами после революции и Гражданской войны. Предвзятое отношение британцев к иностранцам затрудняло продвижение Слепченко и ему подобным выходцам из России по карьерной лестнице в образовании, в результате чего он закончил свою службу на той же должности, на которую был приглашен. Без сомнения, Слепченко внес некий вклад в развитие раннего этапа россиеведения в Великобритании, но существенно повлиять на этот процесс не мог.

Источники и литература

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ЦГАМ. ОХД до 1917 г. — Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
- AUL — Archive of the University of Liverpool. Special Collections & Archives. Sydney Jones Library. The University of Liverpool (Liverpool, UK)
BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (New York, USA)
KCLA — King's College London Archives (London, UK)
MSC. UN — Manuscripts and Special Collections. The University of Nottingham (Nottingham, UK)
NA — The National Archive (Kew, UK)
- Бакунина 1958 — *Бакунина Е.В.* К 40-летию Литературного фонда // Новое русское слово. 1958. 23 нояб. № 16684. С. 3.
Бёрд 2006 — *Бёрд Р.* Русский символизм и развитие киноэстетики: наследие Вяч. Иванова у А. Бахши и Адр. Пиотровского // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 67–98.
Российское зарубежье во Франции 2008 — Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1: А–К.
Слепченко 1917 — <*Слепченко В.С.*> Гарантии правильной оценки успешности экзаменуемых // *Modern Language Teaching*. 1917. Vol. XIII, № 3–4 (May–June). P. 163–164.
- Azvolinskaya 1930 — *Azvolinskaya N.* The Diary of a Soviet Student / Transl. by B. Slepchenko // *The Slavonic and East European Review*. 1930. Vol. 8, № 24. P. 662–677.
Bakshy 1916 — *Bakshy A.* The Path of the Modern Russian Stage and Other Essays. L., 1916.
Genealogy 2015 — Genealogy, Family Trees & Family History Records. URL: www.ancestry.com (дата обращения: 01.09.2019).
Here to Produce Russian Revue 1926 — Here to Produce Russian Revue // *The New York Times*. 1926. December 15. № 25162. P. 2.
Highsmith 1970 — *Highsmith J.M.* Alexander Bakshy: Pioneering Critic of Drama and Motion Picture // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1970. Vol. 29, № 2. P. 195–202.
Jones 2009 — *Jones M.V.* Славянский мир / *Slavianskii mir: The Story of Slavonic Studies at the University of Nottingham in the Twentieth Century*. Ilkeston, 2009.

- Lavrin 1977 — *Lavrin J.* Difficult Beginnings // Slavonica / Department of Slavonic Studies, University of Nottingham (Nottingham). 1977. Vol. 6, № 1. P. 12–14.
- Memoranda 1917 — Memoranda Adopted by the General Committee // Modern Language Teaching. 1917. Vol. XIII, № 3–4 (May–June). P. 75–85.
- Mr. A. Monkhouse 1934 — Mr. A. Monkhouse Defends Russia. «Plan Has not Failed» // Manchester Guardian. 1934. 24 March. № 27312. P. 18.
- Report 1917 — Report of Conference of Teachers of Russian // Modern Language Teaching. 1917. Vol. XIII, № 3–4 (May–June). P. 158–163.
- Soloviev 1915 — *Soloviev V.* War, Progress, and the End of History, including a Short-Story of the Anti-Christ: Three Discussions / Transl. by A. Bakshy; with a biographical notice by H. Wright. L., 1915.
- Townroe 1928 — *Townroe B.S.* Nottingham University College: A Record of its History and an Appreciation of the New Buildings. [Nottingham], 1928.
- University College, Nottingham. 1915 1915 — University College, Nottingham. 1915. Annual Report of the University College Council. To be Presented to the Governors at their Meeting on Thursday, December 16th, 1915. [Nottingham, 1915].
- University College, Nottingham. 1916 1916 — University College, Nottingham. 1916. Annual Report of the University College Council. To be Presented to the Governors at their Meeting on December 19th, 1916. Nottingham, [1916].
- University College, Nottingham. 1917 1917 — University College, Nottingham. 1917. Annual Report of the University College Council. To be Presented to the Governors at their Meeting on December 17th, 1917. [Nottingham, 1917].
- University College, Nottingham. 1918 1918 — University College, Nottingham. 1918. Annual Report of the University College Council. To be Presented to the Governors at their Meeting on December 19th, 1918. Nottingham, [1918].
- University College, Nottingham. Calendar ... 1915–1916 1915 — University College, Nottingham. Calendar for the Thirty-Fifth Session, 1915–1916. Nottingham, [1915].
- University College, Nottingham. Calendar ... 1916–1917 1916 — University College, Nottingham. Calendar for the Thirty-Sixth Session, 1916–1917. Nottingham, [1916].
- University College, Nottingham. Calendar ... 1917–1918 1917 — University College, Nottingham. Calendar for the Thirty-Seventh Session, 1917–1918. Nottingham, [1917].
- University of Liverpool. The New Session 1937 — University of Liverpool. The New Session // Manchester Guardian. 1937. 14 October. № 28416. P. 5.
- Wood 1953 — *Wood A.C.* A History of the University College Nottingham, 1881–1948. Oxford, 1953.

НЕКРОПОЛЬ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А.С. Быкова

РУССКИЕ МОГИЛЫ НА КЛАДБИЩЕ МАУНТ ДЖЕРОМ (ДУБЛИН, ИРЛАНДИЯ)

Кладбище Маунт Джером (Mount Jerome) расположено в южной части Дублина в районе Харольдс Кросс (Harold's Cross) рядом с одноименным парком. С 1835 по 1984 г. оно принадлежало «Генеральной компании по управлению кладбищем в Дублине» («General Cemetery company of Dublin»), одной из коммерческих компаний по управлению кладбищами, которые были созданы по распоряжению английского парламента для крупных городов Англии и Ирландии. Изначально Маунт Джером было основано как кладбище для всех христианских конфессий, но в XIX — начале XX в. служило местом захоронения протестантов. Это связано прежде всего с тем, что в 1832 г. на севере Дублина открылось кладбище Гласневин (Glasnevin Cemetery), ставшее главным католическим кладбищем, а также с тем, что в окрестностях Харольдс Кросса были преимущественно протестантское население и протестантские благотворительные учреждения. Считается, что первые католические захоронения появились на кладбище только в 1920-х гг., когда произошёл трудовой спор между управляющими и работниками кладбища Гласневин [Mount Jerome 1997, p. 5]. На кладбище хоронили людей из разных уголков страны, разных профессий и разного социального происхождения. В 1984 г. кладбище было куплено похоронным бюро «Мэсси». Алан Мэсси, новый владелец, проделал основательную работу по очистке кладбища от плюща и сорняков, и это привело к тому, что многие люди начали ставить новые памятники на старые могилы [Curtis 2016, p. 41]. Расчистка и инвентаризация захоронений позволили владельцам обнаружить неиспользованные участки, найти места для новых могил и продолжить успешно вести бизнес.

Благодаря проведенным на кладбище работам по расчистке была обнаружена группа захоронений с установленными на них православными крестами и выбитыми на табличках русскими именами¹. Но кто эти люди, чем занимались, как они попали в Ирландию, где жили — было толком неизвестно. Поиску русских могил на кладбище Маунт Джером, определению имен похороненных и выяснению их судьбы и посвящено настоящее исследование.

Ирландия не входила в число стран массовой русской эмиграции после революции 1917 г. Об Ирландии мало что знали. И связано это главным образом с

¹ Обозначение «русские» мы употребляем в данном контексте в широком смысле, имея в виду прежде всего представителей белой эмиграции, а также других выходцев из Российской империи, советской России и СССР.

экономическими причинами: Ирландия была бедной страной, и русские аристократы не могли здесь найти способ заработать на жизнь. Стремилась в основном во Францию, Германию, Великобританию, Бельгию — страны, где проживали родственники и друзья, были привычный круг общения и образ жизни. Кроме того, в Ирландию было непросто попасть из-за длительных и сложных процедур получения визы и права резидентства. Специальных государственных программ поддержки беженцев не существовало. К ним относились как к любым другим иностранцам и старались свести их количество к минимуму. Политика Ирландии была направлена лишь на то, чтобы предоставить право на временное пребывание на своей территории, обеспечить беженцам обучение или освоение новых навыков. Право на постоянное проживание предоставлялось в исключительных случаях, если иностранцы имели «особую ценность» для страны. Таким образом, в Ирландию попадали либо путем заключения брака, либо через родственные или личные связи. За очень редким исключением принимали именно беженцев. Помощь оказывали частные лица, благотворительные организации, церковь (в основном Объединенный совет церквей) и Красный Крест.

Частные лица и благотворительные общества не занимались сохранением своих архивов, не было организаций эмигрантов, которые бы озаботились сбором и сохранением сведений. Со стороны Русской православной церкви информация тоже не собиралась, так как своя церковь у русских в Ирландии появилась только в 2001 г. Таким образом, информации о русских эмигрантах в Ирландии практически нет, сведения обрывочны и неполны. Редко данные об эмигрантах попадали в Национальный архив Ирландии — в основном это случаи, когда они обращались за гражданством, обновляли нансеновские паспорта или оставляли завещание, но таких дел зафиксировано немного. Источниками информации послужили публикации в прессе. Так, в газете «The Irish Times» было опубликовано несколько биографий русских эмигрантов, некоторые из них без указания имен, некрологи, сообщения о смерти и заметки о доме, в котором жили беженцы. Часть сведений основана на документах, предоставленных Государственным архивом Хабаровского края, хранящим архив Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), и Международной службой розыска (ITS — International Tracing Service, Бад-Арользен, Германия), часть — на воспоминаниях родственников и друзей эмигрантов.

На данный момент на кладбище Маунт Джером нами найдено 38 русских захоронений. За каждым из них стоит сложная судьба, отразившая перипетии русской истории и истории русской эмиграции XX в.

Самая большая группа русских могил находится на участке 43, именно с изучения документов этого участка и началось наше исследование.

Михаил Сергеевич Попов (1896–1984).

Михаил Сергеевич родился 29 октября 1896 г. в Одессе в семье врача Сергея Евгеньевича Попова и Марии Михайловны Бухтеевой. Сергей Евгеньевич Попов — лекарь², к 1902 г. коллежский советник, несколько лет занимал должность

² Военный врач в дореволюционной России.

Кладбище Маунт Джером, участок 43, левая сторона. Фотография А. Быковой, 2018 г.

Кладбище Маунт Джером, участок 43, правая сторона. Фотография А. Быковой, 2018 г. Надпись на бордюре: *In Memory of THE PRESIDENTE of THE EUROPEAN REFUGEE'S HOME.* Надпись на плите: *LIDIA TKATSCHENKO EUEGENIA BAKAKIN ALEXANDER BAKAKIN OLGA MIROLJUBOV ALEXIS ALEXEIVICH ESSAULOV NADIA JERSCHUEVA ALICE LIBERIS*

Кладбище Маунт Джером, участок 43, могила Дмитрия и Михаила Поповых. Фотография А. Быковой, 2018 г. Надпись: *DIMITRY POPOV 1883-1960 MICHEL POPOFF 1896-1984*

Кладбище Маунт Джером, участок 43, могила Михаила и Юлии Климович. Фотография А. Быковой, 2018 г. Надпись: *JULIA P. KLIMOVITCH 15th March 1970 MICHAEL KLIMOVITCH Died 20th Aug. 1990*

помощника инспектора Врачебного управления при Одесском градоначальстве, врач прогимназии и конторы Государственного банка в Одессе [Российский медицинский список 1902, с. XV, 264]. Отец был убит в 1905 г., мать осталась вдовой с четырьмя детьми. В 1911 г. она снова вышла замуж за подданного Австро-Венгрии Генриха Генриховича фон Поглиэс, совладельца торгового дома «Братья Петрококино». Мария Михайловна работала секретарем благотворительного общества женского коммерческого училища Е.А. Бухтеевой. В начале Первой мировой

*Кладбище Маунт Джером, участок 43,
могила Юлиана Каменского.
Фотография А. Быковой, 2018 г.
Надпись: JULIAN KAMENSKY*

войны отчима, как подданного враждебного государства, отправили в ссылку в Екатеринбург. В 1920-х гг. супруги фон Поглиэс покинули Россию и уехали в Австрию. Когда и где не стало Генриха Генриховича, мы не знаем³, а Мария Михайловна жила в Париже до самой смерти в 1937 г.⁴

Михаил Сергеевич — выпускник Одесского кадетского корпуса 1914 г., окончил Николаевское кавалерийское училище в мае 1917 г. и поступил в 8-й гусарский Лубенский полк [Волков. База, буква «П», с. 554]. После Октябрьской революции в Добровольческой армии⁵, в начале 1919 г. оказался в Румынии, откуда переехал в Париж, где пробовал разные работы: от лесоруба до партнера по танцам в кафе. В Париже в 1925 г. женился на внучке 9-го графа Вестмита Мэри (Мэй) Терезе Нюжент (Nugent), которая была на пятнадцать лет его старше. Затем супруги переехали в Ирландию, жили на ферме «Стакамни» в графстве Килдер («Stacumny», Celbridge, Co. Kildare), разводили коров (ферма занимала около 90 акров земли). Детей у них не было, помогли вырастить двух девочек — племянницу жены Аниту Рамбольд (Puigserver-Rumbold) и дочь племянницы Михаила Сергеевича.

Михаил Попов получил ирландское гражданство одним из первых после принятия Закона о гражданстве в 1935 г., ему выдали сертификат № 7 от 13 мая 1936 г.⁶ Имя Попова и его жены мелькало в светской хронике, они бывали на приемах, выставках лошадей, скачках. Михаил Попов активно участвовал в жизни русских эмигрантов в Ирландии: он был со многими знаком, являлся участником встреч,

³ Данная информация основана на сообщениях Татьяны Куракиной (родственницы Михаила Попова). Татьяна Куракина в личной переписке с А. Быковой, 2018 г. (из личного архива автора).

⁴ Поглиэс Мария Михайловна, фон (урожд. Бухтеева; ? — 4 октября 1937, Франция). Отпевание в русской церкви в Аньере, р-н Парижа. Похоронена 6 октября 1937 г. [Незабытые могилы, т. 5, с. 500].

⁵ Анита Рамбольд (племянница М.С. Попова по жене) в личной беседе с А. Быковой, 2018 г.

⁶ NAI. 2013/50/105. Сертификат о натурализации на ирландском языке.

Михаил Попов, дата неизвестна
(личный архив А. Рамбольд)

Михаил Попов, 1917 г.
(личный архив А. Рамбольд)

занимался делами православной общины, некоторые русские гостили в его доме по несколько месяцев — супруги помогали устроить их судьбу. В 1956 г. ездил в Китай, чтобы организовать переезд своих родственников из Харбина в дом для беженцев «The Haven»⁷ в Дублине. В 1960-е гг. М. Попов с супругой продали ферму и переехали в дом в районе Фоксрок в Дублине (Byways, Westminster Road, Foxrock, Co. Dublin).

В 1967 г. с помощью службы розыска Красного Креста ему удалось выяснить адрес сестры, Татьяны Сергеевны Поповой (в замужестве Гладыревской), которая осталась в России и жила в Москве, М. Попов передал ей несколько писем. Однако страх перед КГБ был столь велик (наличие контактов с родственниками за границей могло разрушить карьеру и даже жизнь), что Татьяна так и не ответила на полученные письма. Более того, она хранила только часть писем — самые информативные страницы были уничтожены, и даже фото с изображением Михаила Попова было обрезано, хранилась только часть с его женой Мэй⁸. Михаил Попов больше контактировать с семьей не пытался. Давал уроки русского языка управляющей дома для русских беженцев «Сент-Эндрюс»⁹, чтобы она могла понимать своих жильцов.

М. Попов был убежденным противником советской власти. В одном из писем к своей племяннице Аните Рамбольд он писал: «Не забывай, что я принадлежу к старому режиму и даже сражался с Красной армией и покинул Россию навсегда. Мое поколение знает слишком много о путях и средствах установления власти большевиков, и коммунистические лидеры настолько мне отвратительны, даже

⁷ «Убежище» (англ.).

⁸ Татьяна Куракина в личной переписке с А. Быковой, 2018 г. (личный архив автора).

⁹ «Сент-Эндрюс» («St. Andrews») — второй дом для русских беженцев, был открыт в Дублине в 1957 г. на грант, полученный от Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, для размещения русских беженцев из Северного Китая. Первая группа беженцев прибыла в октябре 1958 г.

«The Haven» — дом для европейских беженцев.
Фотография А. Быковой,
2018 г.

сейчас»¹⁰. Скучал по России. Когда его племянница отправилась в туристическую поездку в СССР, просил привезти немного земли из Ленинграда, что она и сделала, эту горсть он хранил очень бережно и просил положить в его могилу.

После смерти жены в 1973 г. Михаил Сергеевич остался в очень стесненной финансовой ситуации, так как жена ничего не оставила ему, а своих сбережений у него было немного. Остаток жизни провел в доме, который ему предоставила его друг адвокат Стелла Вебб (Webb)¹¹, принимавшая активное участие в судьбе русских беженцев. Михаил Сергеевич Попов умер 14 февраля 1984 г. Принадлежал к Русской православной церкви.

Все остальные захоронения на данном участке — людей, которые провели остаток своей жизни в доме для европейских беженцев «The Haven», расположенном по адресу 192 Клонлиффи роуд, Дублин (192 Clonliffe Road, Dublin).

Дом для европейских беженцев был открыт в 1951 г. по инициативе и на средства Объединенного совета христианских церквей Ирландии. Комитет, представлявший протестантские церкви, купил георгианский дом, и за несколько месяцев добровольцы привели его в порядок и подготовили к прибытию жильцов. Дом был оборудован специально для проживания семейных пар, что отличает его от многих подобных домов. Это было трехэтажное кирпичное здание, расположенное недалеко от парка. В доме имелось 6 комнат на двоих, 4 комнаты на одного, 3 ваннные комнаты, масляное отопление, 2 гостиные, просторная кухня и подсобка, просторные сады с двух сторон.

Управляющей дома стала выпускница Лондонского университета, квалифицированная медсестра, имевшая опыт в подобной работе в Англии, миссис Джоан Фрит (Freeth). И хотя официально ее пост назывался «управляющая», по сути ее должность совмещала работы управляющей, медсестры, повара и хозяйки [An Irishwoman's Diary 1951]. По-русски миссис Фрит не говорила, но обещала овладеть им в ближайшее время. В доме были столовая, гостиная, пианино, встроенные шкафы и раковины в каждой спальне, он был обставлен сочетающейся мебелью и обеспечен красивой посудой. Дом хорошо управлялся, славился своими условиями, жильцы даже получали деньги на карманные расходы.

¹⁰ М. Popoff to Anita Puichserver-Rumbold, date unknown. Письмо М. Попова племяннице А. Рамбольд, дата неизвестна, примерно конец 1960-х — начало 1970-х гг. (личный архив А. Рамбольд).

¹¹ А. Рамбольд в личной беседе с А. Быковой, 2018 г.

Отбором первых обитателей занимался отец Дэвид Эслер (Esler), представитель Пресвитерианской церкви в Ирландии, он лично ездил по лагерям беженцев и перемещенных лиц в континентальной Европе [Haven in Ireland 1951]. Сейчас сложно сказать, какими критериями пользовался отец Дэвид Эслер, на наш взгляд, он старался выбрать тех христиан, «кто потерял все, кроме своей веры», и во многих случаях выбирал тех, кто не говорил по-английски, был преклонного возраста и имел проблемы со здоровьем. Их приглашали в Ирландию провести последние годы своей жизни в комфорте и с достоинством.

Первые беженцы прибыли в октябре 1951 г., среди них были выходцы из царской России, Эстонии, Литвы, Венгрии, люди разных конфессий — православные, лютеране и прихожане реформатской церкви. В честь жильцов был устроен небольшой прием — чтобы поприветствовать их и отпраздновать открытие дома, кроме того, они получили денежный подарок в размере 500 долларов (175 фунтов стерлингов) от властей тех лагерей для беженцев, где проживали до переезда в Ирландию. С самого прибытия беженцы включились в организацию жизни своего дома: разбили и возделывали сад, занялись рукоделием, ткачеством, созданием игрушек, рисованием, организовали для себя языковые курсы, посещали местные церкви, некоторые давали интервью журналистам и подрабатывали. Дом предназначался для тех, кто более-менее может себя обслуживать.

В начале 1950-х гг. было довольно много публикаций в газетах о «The Haven» и его обитателях, проводились благотворительные мероприятия по сбору средств для дома. Стоит отметить, что в публикациях редко упоминались имена беженцев, были напечатаны даже несколько коротких биографий, но без указания имен, и фотографии. Об этом, опасаясь за судьбы родных, оставшихся в СССР, просили сами обитатели дома. К концу 1950-х гг. интерес к ним стал угасать. Дом всегда существовал за счет добровольных пожертвований, в основном от представителей протестантских церквей Ирландии и Северной Ирландии. И количество жильцов уменьшалось — в 1979 г. их осталось всего 9. Тогда начали предлагать ирландцам селиться здесь как в доме престарелых, а в 1985 г. он был выставлен на аукцион. В здании был открыт новый дом престарелых, менялись хозяева, и сейчас это снова дом для беженцев.

Автору удалось соотнести опубликованные анонимные биографии с известными именами беженцев.

Аннет Озолинс / Анна Озолин (1887–1969).

Первой обитательницей «The Haven» стала оперная певица из Латвии¹². История ее жизни дает ответ на вопрос, почему беженцы не стремились ехать в Ирландию. Анна родилась 8 марта 1887 г. в городе Салдус, Латвия. В 1921 г. она потеряла в Одессе все — мужа, ребенка, имущество. Анна уехала в Париж и пела в Русской опере, как сама рассказывала. После оккупации Парижа немцами была депортирована в Германию, где работала на фабрике [Refugees to Make Their Home in Ireland 1951]. То есть через 20 лет она снова все потеряла. Анна не могла вернуть-

¹² Короткая биография без указания имени опубликована в газете «The Irish Times» от 17 августа 1951 г. [Refugees to Make Their Home in Ireland 1951]. Мы полагаем, что имя данной певицы — Аннет Озолинс / Анна Озолин.

ся на родину, да и во Францию ей некуда было возвращаться. После войны несколько лет провела в различных лагерях для перемещенных лиц. По профессии швея 1-го класса¹³. В ноябре 1950 г. она получила предложение о трудоустройстве и проживании от сестер милосердия в Корке, Ирландия. Монахини предлагали постоянное проживание, зарплату 3 фунта 10 шиллингов в месяц (сумма очень маленькая, скорее, тянет на карманные деньги) и оговаривали возможность, что Озолин сможет шить на заказ и подрабатывать, чтобы обеспечить свои нужды¹⁴. Озолин приняла предложение, предполагая, что у нее будет своя комната и от нее, 64-летней женщины, потребуют выполнять небольшую работу. По организационным причинам ее отъезд затянулся, она прибыла в Ирландию 24 апреля 1951 г.

В мае 1951 г. Анна Озолин написала два письма мисс Хьюз, представителю американского сектора Германии в Международной организации по делам беженцев. В письмах она жаловалась, что ее встретили не так, как ожидалось: ей приходится работать по 8 часов в день, что слишком много в ее возрасте, денег ей никто не платил, спать приходится в холодной комнате со сквозняком с 10 или 12-ю другими женщинами, что у нее нет денег даже на сахар для чая, а сахар им не дают. Вот как она описала свой первый день:

В Корк я прибыла в 5 часов вечера, меня встретила миссис МакКартли, жена начальника гарнизона города. Она отвела меня на мое рабочее место, а не на место жительства, как я предполагала. Там пожилая монахиня представила меня как работницу. Сначала я думала, что просто не поняла ситуацию или ослышалась, так как не знаю английского. Сестра принесла мне чай и бутерброды. Я выпила чай, но не притронулась к бутербродам, так как была Страстная Пятница согласно старому календарю. Затем меня отвели в мастерскую, где делали различные вязаные вещи. Я очень устала и не могла понять, зачем они мне все это показывают. Затем наступило самое худшее, сестра сказала, что у них нет места для моих чемоданов. <...> Я попросила показать мне мою комнату, сказав, что очень устала. Она ответила, что я не принцесса, а иностранка, и комната мне не положена. <...> Мы пришли в длинный коридор, в котором по обеим сторонам стояли кровати, разделенные деревянными перегородками. В Латвии в таких стойлах держат лошадей. Кровать была хорошая и чистая, но было так холодно и такой сквозняк, что я думала, что умру к утру¹⁵.

И это отношение к человеку 64-х лет, перенесшему международный перелет, несколько часов ожидавшему поезда и затем находившемуся в пути еще несколько часов!

Озолин написала, что здесь она на положении рабыни и обещает совершить суицид, если ситуация не изменится. Представитель Красного Креста Ирландии навестил ее и в отчете указал, что Озолин выглядит сильно похудевшей и ослабшей по сравнению с тем, как она выглядела месяц назад, и что условия ее разме-

¹³ ITS Archives. Bad Arolsen. Card of Annette Ozolins. 3.2.1.4/81122723.

¹⁴ Ibid. John Dillon. IRO Representative to Madame C.G. de Poret, Director, resettlement and Repatriation, 13 November 1950 // Copy of 3.2.1.4 / 81122725.

¹⁵ Ibid. Letter of Annette Ozolins to miss Hughes, 20 May 1951 // 3.2.1.4 / 81122747.

щения совершенно неудовлетворительные¹⁶. В бумагах, хранящихся в Бад-Арользене, подчеркивается, что Озолин не из тех, кто бы стал жаловаться напрасно, ее знали как образованную милую женщину, благодарную за оказанную ей помощь.

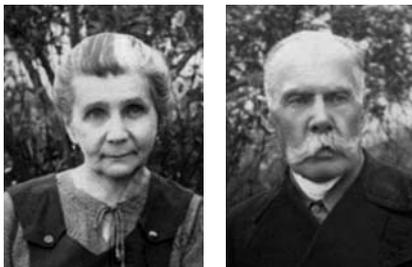
В июне Анну Озолин поместили временно в «Брабазон Хауз» («Brabazon House», 2 Gilford Road, Sandymount, Dublin), дом престарелых для женщин, находившийся под управлением Ассоциации помощи протестантам, оказавшимся в бедственном положении, и как только был готов «The Haven», перевели ее туда. Умерла она 8 сентября 1969 г. в госпитале в возрасте 82 лет. Принадлежала к Русской православной церкви.

18 октября 1951 г. в Дублин прибыла группа из 17 человек, которых разместили в «The Haven». Среди них было пять русских пар, венгерская пара, эстонцы и латыши. О венгерской паре в данной статье мы рассказывать не станем.

Иван (1871–1953) и Анна (1881–1955) Гавриловы.

Иван Гаврилов родился 30 августа 1871 г. в городе Рыльск Курской области. Анна Гаврилова (урожд. Латышева) родилась 20 ноября 1881 г. там же. К сожалению, про их жизнь практически ничего неизвестно. Мы знаем только, что Иван Гаврилов был учителем.

В 1948 г. Иван и Анна находились в лагере для перемещенных лиц в Астене, Австрия. В мае 1951 г. были направлены в госпиталь для хронических больных в городе Рид, затем — в госпиталь для беженцев в Линце. 16 октября 1951 г. из Зальцбургского центра для беженцев они отправились в Ирландию¹⁷. Иван умер 11 мая 1953 г., Анна — 9 сентября 1955 г. Оба принадлежали к Русской православной церкви.

Анна и Иван Гавриловы, 1951 г. Фотографии из медицинских карт Анны и Ивана Гавриловых (ITS Archive, Bad Arolsen. Envelope No. 1534, 10.19.28. Medical records Austria for Anna und Iwan GAWRILOW)

Эрнст Андрей (1873–1953) и Ирина (1884–?) фон Мантейфель.

Эрнст Мантейфель, как его называли в Ирландии, или Андрей Мантейфель, как значится в документах Международной организации по делам беженцев, родился 27 ноября 1873 г. Ирина родилась 26 марта 1884 г. в Нижнем Новгороде. Из знатного и богатого эстонского рода Мантейфелей. В некрологе, опубликованном в «The Irish Times», говорится: «Граф Эрнст Мантейфель... и его жена графиня Мантейфель происходят из Эстонии. Когда-то он был генералом царской армии и крупным землевладельцем в Эстонии до установления там советского режима. Также он был художником-миниатюристом» [Obituary 1953]. После Второй мировой войны они с женой оставались в госпитале для беженцев в Мюнхен-Швабинге, где получали медицинскую помощь¹⁸. В ноябре 1951 г. были отправлены

¹⁶ Ibid. A.N. O'Brien, Chief Executive Officer to Madame C.G. de Poret, Chief Africa / Europe Brunch, 24 May 1951 // 3.2.1.4 / 81122751.

¹⁷ Nicole Lorentz, ITS, to Anna Bykova, email from 14 November 2018 (из личного архива А. Быковой).

¹⁸ ITS Digital Archive. Bad Arolsen. Nachkriegszeitkartei, Mannteufel Andrej, 0.1 / 39873122, Nachkriegszeitkartei, Mannteufel Irina, 0.1 / 39873069.

в Ирландию. Считались лицами без гражданства и пользовались нансеновскими паспортами.

Эрнст Мантейфель не говорил по-английски, предпочитал проводить время в гостиной у окна и рисовать. Он умер 16 марта 1953 г., после его смерти Ирина Мантейфель уехала к родственникам в Германию и впоследствии перевезла туда останки мужа. Оба были протестантами.

Леонид Владимирович (1878–1960) и Татьяна Павловна (1878–1960) Зверевы.

Леонид Владимирович родился 14 апреля 1878 г. в городе Конотоп в семье, где была традиционной служба по управлению железными дорогами. Окончил Демидовский юридический лицей, кандидат прав. С 1915 г. вольнонаемный служащий Московско-Киевско-Воронежской железной дороги [Волков. База, буква «З», с. 130], довольно быстро сделал там карьеру. После революции 1917 г. во ВСЮР по ведомству Министерства путей сообщения, с февраля 1920 г. — министр путей сообщения Южно-Русского правительства [Там же]. Эвакуирован вместе с семьей на греческий остров Лемнос, где потерял двух маленьких детей из-за разразившейся эпидемии менингита. Затем Зверевы переехали в Югославию, где Леонид Владимирович работал учителем в старшей школе под Белградом. Преподавал латынь, историю и русский язык, со временем стал директором школы, чем очень гордился. Зверевых постигла новая трагедия — умер их единственный сын.

Леонид Владимирович работал в школе вплоть до 1944 г.; когда к власти пришел Тито, семье снова пришлось бежать. Они пытались перейти в Австрию, но были депортированы в Италию. Скитались по Северной Италии, затем опять попытались перейти в Австрию, на этот раз удачно. Следующие пять лет Зверевы провели в различных лагерях беженцев, дольше всего в Сент-Мартине в австрийском городе Филлах. Несмотря на все трудности, Леонид Владимирович старался не унывать и даже открыл в лагере старшую школу, собрав вокруг себя четырех учителей, священника и инженера. И чем Зверев гордился всю свою жизнь, дипломы, которые он выдавал студентам по окончании курса, были признаны несколькими американскими университетами как документы достаточные для поступления. Студенты, прошедшие его «лагерную» школу, позже писали ему со всего мира [Fled from Russia 1951]. В декабре 1950 г. Леонид и Татьяна находились в больнице для хронических больных в Астене (Австрия) и получали там медицинскую помощь. 16 октября 1951 г. из Центра беженцев в Зальцбурге были отправлены через Франкфурт-на-Майне в Ирландию¹⁹.

Во время пребывания в одном из лагерей у Зверева развилась гангрена на левой ноге, ногу пришлось ампутировать выше колена. Тем не менее до конца жизни он оставался жизнерадостным и оптимистичным человеком, самым жизнерадостным из всех беженцев, проживавших в «The Haven».

Татьяна Павловна родилась 18 июня 1878 г. в Рыбинске, Ярославская область. Разделила все трудности и выпавшие трагедии с мужем, умерла 10 мая 1960 г., Леонид Владимирович последовал за ней 30 декабря 1960 г. Оба принадлежали к Русской православной церкви.

¹⁹ Nicole Lorentz, ITS, to Anna Bykova, email from 14 November 2018 (из личного архива А. Быковой).

Иоган (1872–1955) и Хелена (1884–1956) Рютель.

Иоган Рютель родился 2 апреля 1872 г. в Эстонии. Окончил сельскохозяйственный колледж в Москве, затем еще три года учился в Сельскохозяйственном институте, проходил практику в Кёльне, по возвращении в Москву преподавал в сельскохозяйственном колледже и был управляющим больших садов и парков в Москве, в 1914–1916 гг. являлся управляющим четырех крупных имений в Туркестане. В 1919–1923 гг. преподавал сельское хозяйство в Университете Тарту. В 1923 г. Хелена унаследовала большой семейный садоводческий бизнес, и Иоган стал им управлять, параллельно читал лекции в сельскохозяйственных школах и преподавал в различных школах ботанику. Был известен разведением особых сортов томатов, и часто Министерство сельского хозяйства обращалось к нему за консультациями в делах, связанных с планированием парков. Шесть лет служил инспектором государственных парков Эстонии. Иоган Рютель был высокообразованным человеком, свободно говорил на английском, немецком, итальянском, русском языках, хорошо знал французский. Много путешествовал, бывал в Италии, Индии, Австралии и др.²⁰

Хелена родилась 7 сентября 1884 г. в Эстонии в семье Китс, занимавшейся крупным садоводческим бизнесом. Получила образование в колледже, свободно владела немецким, итальянским и русским языками, имела практический опыт садоводства и управления садоводческим бизнесом²¹.

После Второй мировой войны чета Рютель находилась в различных лагерях для перемещенных лиц в Германии, в июне 1951 г. оказалась в доме престарелых в Нойбурге-на-Дунае. Супруги хотели, чтобы их отправили в Австралию, затем согласились на Ирландию. Несмотря на свой возраст, производили впечатление весьма энергичных людей.

Иоган Рютель умер 8 июля 1955 г., Хелена — 5 марта 1956 г. Оба относились к Евангелическо-лютеранской церкви.

Александр Михайлович (1891–1959) и Ольга Григорьевна (1893–1963) Миролюбовы.

Александр Михайлович родился 15 марта 1891 г. в Москве. В справочнике С.В. Волкова упоминается Миролюбов Александр Михайлович, правда, с другим

*Иоган и Хелена Рютель, 1948 г.
Фотографии из учетной карточки
Иогана Рютеля (ITS Digital Archive,
Bad Arolsen. Identity Card for resident
of International Refugee Organization
Assembly Center, Johann RÜTEL,
3.1.1.1 / 68875050) и учетной кар-
точки Хелены Рютель (ITS Digital
Archive, Bad Arolsen. Identity Card
for resident of International Refugee
Organization Assembly Center, Helene
RÜTEL, 3.1.1.1 / 68875031)*

²⁰ ITS Digital Archive. Bad Arolsen. CM/1-Akte aus Deutschland. Rutel Johann. 3.2.1.1 / 79673658.

²¹ Ibid. Nachkriegszeitkartei. Rutel Helene, 3.1.1.1 / 68875030; CM/1-Akte aus Deutschland. Rutel Johann. 3.2.1.1 / 79673658.

годом рождения, но мы считаем, что это просто ошибка: «Подпоручик. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в дек. 1919 — фев. 1920 из Одессы в Салоники на корабле “Рио-Пардо”. На май 1920 в Югославии. Жена Ольга Григорьевна 1883, дочь Надежда 1908 (или 1919)» [Волков. База, буква «М», с. 449]. С данными Ольги Григорьевны тоже есть некоторая путаница, в разных документах указаны разные даты рождения: 23 июля 1893 г.²², 11 июля 1893 г.²³, 15 марта 1891 г.²⁴, родилась в Сураже, Черниговская область. Скорее всего, она была из семьи священников или семьи, тесно связанной с церковью. Видимо, следующие годы прожили в Югославии, в октябре 1944 г. прибыли в Австрию, по данным на 1950 г. они были в лагере для перемещенных лиц Астен, Австрия²⁵. В октябре 1951 г. отправлены в Ирландию.

Александр Михайлович умер 5 апреля 1959 г., Ольга Григорьевна умерла 6 ноября 1963 г. Оба принадлежали к Русской православной церкви.

Петр Михайлович (1874–1957) и Лидия Болеславовна (1881–1978) Ткаченко.

Из некролога, опубликованного в работе «Незабытые могилы», известно, что Петр Михайлович — воспитанник Ставропольской духовной семинарии, военную службу начал в Анапском резервном батальоне вольноопределяющимся, окончил Тифлисское военное училище в 1900 г., вышел в 78-й Навагинский полк. Служил в строевых частях и в штабах Кавказского военного округа и Кавказской армии, закончив службу в июне 1918 г. начальником отделения демобилизационного управления штаба Кавказского фронта. С октября 1918 г. в составе Добровольческой армии. В эмиграции в течение 19 лет был секретарем Русско-сербской гимназии в Белграде [Незабытые могилы, т. 6, кн. 2, с. 401]. В справочнике С.В. Волкова содержится та же информация, есть небольшие уточнения: «Ставропольская духовная семинария 1895, Тифлисское пехотное юнкерское училище (офицером с 1900)» [Волков. База, буква «Т», с. 191]. Подполковник.

Лидия Болеславовна родилась в 1881 г. на Кавказе в семье офицера Императорской армии, училась в музыкальной академии по классу фортепьяно. Вышла замуж за Петра Михайловича в 1903 г., и с тех пор они жили в Тифлисе до 1920 г. Были вывезены сначала в Константинополь, потом в Сербию, обосновались в Белграде. Как рассказывала сама Лидия Болеславовна в интервью корреспонденту «The Irish Times», с сентября 1921 по июль 1950 г. они жили в доме, который делили с другими людьми, для себя у них была только кухня и одна комната. Она немного зарабатывала, давая уроки музыки. Муж вышел на пенсию в 1941 г. Во время немецкой оккупации муж имел случайные работы, а Лидия Болеславовна продолжала давать музыкальные уроки. Они покинули Белград в июле 1950 г., чтобы перебраться в часть Германии, которую контролировали французы, там они оставались некоторое время со своими родственниками, затем были направлены в немецкий дом престарелых. Ткаченко сами поехали на встречу с Дэвидом Эслером просить его включить их в списки тех, кто будет направлен в Ирландию [Memorable Black

²² ITS Digital Archive. Nominal Roll of persons departing to EIRE. Miroljubov Olga. 3.1.3.2 / 81770927.

²³ Ibid. IRO Welfare Registration. Miroljubov Olga. 3.1.1.1 / 68306387.

²⁴ Ibid. Bestandsliste des DP-Camps Asten (Österreich). 3.1.1.2 / 82044792.

²⁵ Nicole Lorentz, ITS, to Anna Bykova, email from 16 October 2018 (из личного архива А. Быковой).

Sea Voyage 1952]. Стоит особо отметить, что Лидия Болеславовна согласилась на интервью только при строгом условии, что ее имя не будет раскрыто, так как она опасалась навредить своим друзьям за железным занавесом.

Петр Михайлович умер 26 мая 1957 г., Лидия Болеславовна дожила до 96 лет и умерла 24 ноября 1978 г. уже в другом доме, в доме престарелых «Гаскойн» («Gascoigne», Camden Row, Dublin) [Deaths 1978].

Арвид (1881–1954) и Алиса (1891–1984) Либерт, Майя Свигер (1863–1954).

Арвид Христианович Либерт родился 30 октября 1881 г. в Елгаве (Латвия), в 1900 г. вступил вольноопределяющимся в 103-й пехотный Петрозаводский полк, служил в 114-м и 130-м пехотных полках. Выпускник 1905 г. Виленского военного училища (Виленское пехотное юнкерское училище) в звании подпоручика. На 1 января 1909 г. — поручик 114-го пехотного Новоторжского полка в Митаве, затем капитан. Был в плену с февраля 1915 по 1918 г. Полковник латвийской армии. С 1922 г. командир 8-го пехотного Даугавпилсского полка, в 1924 г. — начальник отдела переподготовки вооруженных сил Латвии. С 1924 г. в отставке. Был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней [Либерт]. В августе 1944 г. вместе с женой и свекровью выехал в Германию. Согласно карточке из лагеря для перемещенных лиц, Арвид работал менеджером на фабрике²⁶. В Берлине семья оказалась в американском секторе и попала в лагерь для перемещенных лиц. В 1950 г. Арвид Либерт жил в доме престарелых в Германии.

Его супруга Алиса родилась 3 октября 1891 г. в Риге. В карточке из лагеря для перемещенных лиц значится ее сфера занятий — машинистка²⁷. Больше о ней ничего неизвестно, только дата смерти — 13 ноября 1984 г. и место смерти — дом престарелых «Вервилл ретрит» (Verville Retreat, Vernon ave, Clontarf, Dublin).

Жили супруги с матерью Алисы — Майей Свигер (урожд. Эйдманис), родившейся 24 ноября 1863 г. в г. Калвенес, Либава (ныне Лиепая), Латвия. Она умерла 6 января 1954 г. в возрасте 90 лет [Deaths 1954]. Майя Свигер похоронена не вместе с остальными беженцами из «The Haven», а на участке 115 в могиле С2, которая принадлежала Генриетте Хартфорд (Henrietta Hartford) и которую та подарила Комитету дома европейских беженцев. Сама Генриетта умерла в 1950 г. и похоронена в той же могиле.

Все трое принадлежали к Лютеранской церкви.

Когда места в доме «The Haven» освобождались, в связи со смертью жильцов или в связи с их переводом в другой дом престарелых, приезжали новые беженцы. Несколько человек прибыли из Китая.

Дмитрий Владимирович (1883–1960) и Глафира Николаевна (1892–?) Поповы.

Дмитрий Владимирович Попов — двоюродный брат Михаила Сергеевича Попова, о котором мы говорили выше. Через своего друга в США Дмитрий Владимирович разыскал кузена, и в 1956 г. Михаил Попов отправился в Китай, чтобы перевезти родственников в Ирландию, что ему удалось.

²⁶ ITS Archives. Bad Arolsen. Nominal roll of persons departing from 600 IRO. Liberts Arvids. 3.1.1.2 / 82021514.

²⁷ Ibid. Refugee/ Displaced person statistical card. Liberts Alice. 3.1.1.1 / 68045845.

Дмитрий и Глафира Поповы, 1935 г. Фотографии из дела Попова Дмитрия Владимировича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38398. Л. 1) и Поповой Глафиры Николаевны (Там же. Д. 38543. Л. 1)

Дмитрий Владимирович Попов родился 30 апреля 1883 г. в Перми, отец был преподавателем в гимназии, его несколько раз переводили с места на место, в конце концов семья осела в Екатеринбурге. Дмитрий Владимирович в 1902 г. окончил Екатеринбургскую мужскую гимназию, в 1908 г. — физико-математический факультет Императорского Казанского университета. Отбыл действительную военную службу по жребию в пехоте в 1908–1910 гг., уволен в звании младшего унтер-офицера. Служил конторщиком в Екатеринбургском отделении Сибирского торгового банка, затем служащим в Екатеринбургском отделении Русского для внешней торговли банка. После захвата банка большевиками оставил службу. Параллельно в 1912–1916 гг. был казначеем Екатеринбургского общества сестер милосердия Красного Креста.

В 1919 г. эвакуирован в Харбин, где служил сначала в Харбинском отделении Китайско-Американского банка, с 1929 по 1939 г. — в Сити-банке счетоводом и банковским бухгалтером. В 1939 г. был уволен, в 1942 г. снова поступил на службу в Биньцзянский торгово-промышленный банк²⁸. Прихожанин Русской православной церкви.

Глафира Николаевна (урожд. Воронцова) — дочь купца, родилась 19 декабря 1892 г. Окончила частную гимназию В.Н. Хитрово в Санкт-Петербурге. Вышла замуж в октябре 1911 г., все время состояла при муже²⁹. Единственный их сын Алексей Дмитриевич Попов родился 31 июля 1912 г. в Екатеринбурге, в 1929 г. окончил Гимназию им. А.С. Пушкина в Харбине, в 1932 г. — Автотехническую школу Христианского союза молодых людей (ХСМЛ). Состоял в Русском общевойсковом союзе и Всероссийской фашистской партии, в 1934 г. окончил военно-училищные курсы РОВС³⁰. По образованию — шофер-механик, работал в радиотехнической конторе. В 1949 г. был арестован, репатриирован в СССР, где осужден на 25 лет трудовых лагерей [БД «Жертвы», Попов Алексей Дмитриевич]. Был освобожден досрочно, жил в Свердловске, работал в Сталинском райбыткомбинате в радиомастерской радиотехником, умер в 1978 г.

После внезапной кончины Дмитрия Владимировича 6 декабря 1960 г. Глафира Николаевна сделала невероятную вещь: решила вернуться в СССР. Через Красный Крест она узнала, что ее сын, которого она не видела около двадцати лет, жив. В то время в Ирландии не было русского посольства, так что Глафире Николаевне надо было оформлять документы в другой стране. Установить, выехала ли она в СССР и встретилась ли с сыном, нам не удалось. Известно только, что Ирландию она покинула и отправилась, скорее всего, в Великобританию.

²⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38398. Л. 3–7.

²⁹ Там же. Д. 38543. Л. 1 — 1 об.

³⁰ Там же. Дело Попова Алексея Дмитриевича. Л. 4–4 об.

Йонис / Иван (1896–1977) и Галина (1901/1910–1974) Фотопуло.

Иван Антонович Фотопуло (так он значился в документах на русском языке) родился 10 октября 1896 г. Известно, что Иван Антонович был греком, рожденным в Турции; в юности работал в Москве. Галина Яковлевна — русская, примерно 1901 или 1910 года рождения (в документах БРЭМ разные сведения), про нее практически ничего неизвестно. После революции 1917 г. чета Фотопуло эмигрировала в Харбин, где оказалась в 1918 г., прибыли через Читу. Были греческими подданными.

Иван Антонович много лет являлся комиссионером по покупке и продаже домов и земельных участков. Работал один, без всяких посредников и компаний, благодаря чему считался более выгодным посредником, чем другие, и брал меньший процент. Имел большие связи и знакомства с японскими, маньчжурскими и иностранными кругами, где был известен как энергичный делец, знающий местные условия. В агентурных сведениях в личном деле И.А. Фотопуло отмечено, что почти во всех правительственных и казенных учреждениях он имел связи и личные отношения, за все время деятельности в Харбине никогда и ни с кем не имел недоразумений³¹. Благодаря его деловой хватке и знанию местных условий было проведено много крупных сделок, способствовавших росту города и развитию его экономической славы. Знали его и как щедрого жертвователя. В годы стихийных бедствий в Ниппон и Маньчжу-Ди-Го он жертвовал крупные суммы на помощь пострадавшим, для «Бала народностей» устроил за свой счет греческий киоск, поразивший всех своей роскошью, киоск дал большие суммы на благотворительные нужды. В газетах о нем писали как о враге коммунизма и подчеркивали, что «всякое начинание, освященное знаком борьбы с этим мировым злом, находит живейший отклик в его сердце»³². В личном деле Фотопуло в БРЭМ также есть донесения, намекающие на то, что коммерческая деятельность — лишь прикрытие его секретной работы и связей с мафией, но никаких конкретных обвинений выдвинуто не было.

Когда стало невозможно работать и жить в Харбине, Фотопуло продали все имущество и переехали в Гонконг, откуда с помощью ООН были перевезены в Ирландию в 1964 г. [Hong Kong Refugees 1964; Refugees from Hong Kong 1964].

Галина Яковлевна умерла 5 марта 1974 г., Иван Антонович — 11 февраля 1977 г. Оба православные.

Надежда Ершова (1892–1971).

Другие эмигранты звали ее Мадам Надя. Родилась 4 сентября 1892 г. в Москве. Согласно карточке из Международной службы розыска — модистка³³. Была ак-

Иван Фотопуло, дата неизвестна. Фотография из газетной вырезки, издание не указано (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Дело Фотопуло Ивана Антоновича. Л. 3)

³¹ Там же. Дело Фотопуло Ивана Антоновича. Л. 4.

³² Там же. Л. 3.

³³ ITS Archives. Bad Arolsen. Displaced person statistical card. 3.1.1.1 / 67002118. Jershowa Nadeschda.

трисой, осела в Германии до войны, во время войны работала в русском шляпном магазине в Берлине. В декабре 1950 г. дублинская компания «Headwear Ltd.» предложила Надежде Ершовой работу с зарплатой 5 фунтов в неделю³⁴. Владели компанией австрийцы, одна из владельцев мисс Ведеман (Wedeman) сама прибыла в Ирландию в 1939 г. как беженка и приглашала на работу беженцев. Ирландский Красный Крест сотрудничал с ней много лет, условия труда были достойными. Надежда приняла предложение.

Прибыла в «The Haven» в ноябре 1963 г. в очень плохом состоянии, затем ее здоровье улучшилось [Few refugees in Dublin home 1964]. Умерла 2 октября 1971 г. Принадлежала к Русской православной церкви.

Александр Александрович (1893–1968) и Евгения Филипповна (1895–1978) Бакакины.

Александр и Евгения Бакакины, 1942 г. Фотографии из дела Бакакина Александра Александровича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2450. Л. 1) и дела Бакакиной Евгении Филипповны (Там же. Д. 2451. Л. 1)

Александр Александрович Бакакин родился 24 декабря 1893 г. в Миасском Заводе Оренбургской губернии. Отец занимался коммерческой деятельностью, имел торговлю товарами и мясное дело³⁵. В 1912 г. А.А. Бакакин окончил гимназию в Уфе и поступил вольноопределяющимся в 196-й Инсарский пехотный полк, младший унтер-офицер, ушел до срока по болезни, помогал в деле отцу. С 1917 по 1919 г. служил секретарем Троицкого съезда мировых судей, вместе с Троицким судом был эвакуирован в Читу, затем уехал в Харбин. Служил у присяжного поверенного Гольдмана. В 1922–1940 гг. был доверенным лицом фирмы «Клементаски и Ко». В его деле из архива БРЭМ есть справка с характеристикой:

«Бакакин является фактическим руководителем всех дел фирмы. Преследуя исключительно интересы фирмы, Бакакин всеми мерами старается угнетать русских служащих. Когда фирма торговала автомобилями, продавая их в рассрочку под поручительство, Бакакин разорил не один десяток русских эмигрантов. Вся его деятельность в фирме направлена в ущерб русским интересам»³⁶. В 1941 г. перешел на службу в страховую контору «Окура» на должность заведующего европейским отделением, с марта 1943 г. уполномоченный 3-го отдела Главного бюро по группе русских служащих страхового общества «Окура».

Евгения Филипповна родилась 2 декабря 1895 г., жила с матерью в Екатеринбурге, в 1914 г. окончила гимназию, с 1921 г. в Харбине, в 1922 г. вышла замуж за Александра Александровича Бакакина, с тех пор жила на иждивении мужа³⁷. Детей не было.

³⁴ ITS Archives. Cable from 1.12.1950. Copy of 3.2.1.4 / 81023255.

³⁵ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2450. Л. 16.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Там же. Д. 2451. Л. 1–1 об.

Бакакины прибыли в Ирландию в 1958 г. вместе с другими русскими беженцами из Китая, которыми занимался Красный Крест, их как семейную пару разместили в «The Haven». На вопрос корреспондента «The Irish Times», как беженцы устроились на новом месте, Е.Ф. Бакакина отвечала, что всем нравится их новый дом, но есть одна жалоба: «Погода здесь такая влажная» [Russian refugees happily settled 1958]. Александр Александрович умер 10 октября 1968 г., Евгения Филипповна — 27 октября 1978 г. Оба принадлежали к Русской православной церкви.

Наталья Петровна Андреева-Урбанович (1899–1973) и Ольга Петровна Гамрекели (1899–1973).

Две сестры. Наталья Петровна родилась 6 марта 1899 г. в городе Серпец Плоцкой губернии, Ольга Петровна — 23 мая 1899 г. в крепости Двинск Витебской губернии. Разные даты и места рождения двух родных сестер выглядят странно. Скорее всего, это связано с ошибкой при оформлении документов. Дворянки по происхождению. В Маньчжурии они оказались в 1908 г. вместе с родителями. Отец — Петр Клементьевич Андреев — подполковник, в 1908 г. был назначен начальником Харбинского жандармского управления. Отец умер в 1917 г., сестрам пришлось закончить обучение в женской гимназии М.А. Оксаковской и искать работу.

Наталья поступила в телефонистки на телеграфную станцию КВЖД, где работала до 1922 г., в 1923–1925 гг. — машинистка в Техническом училище при Харбинском Политехническом институте, в 1925–1931 гг. — в коммерческой службе КВЖД, в эти же годы состояла в Союзе служащих. Затем безработная, на иждивении мужа. С октября 1932 г. в гражданском браке с польским поданным Урбановичем Александром Михайловичем, литовцем по происхождению, русским фашистом, который занимался сбором рекламы в разных издательствах и одно время сам был издателем. Имела паспорт СССР с 1925 г., в 1935 г. обратилась в Бюро по делам русских эмигрантов в городе Харбине с прошением о переходе на эмигрантское состояние. Формальности были выполнены, и ее перевели. Жила с матерью Верой Николаевной. В марте 1937 г. мать умерла³⁸. А в документах Урбановича значится, что с женой разошелся³⁹.

Ольга Петровна в 1920–1932 гг. служила в Харбинском политехническом институте машинисткой и стенографисткой, была уволена по паритету. Имела китайское подданство. Вышла замуж за Семена Андреевича Гамрекели (1879 г. р.), бывшего вице-губернатора Акмолинской области, находящегося в эмиграции с 1921 г. и служившего в Харбине сначала в Городском совете, в Харбинском политехническом ин-

Наталья Андреева-Урбанович, 1938 г., и Ольга Гамрекели, 1935 г. Фотографии из дела Андреевой Натальи Петровны (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Дело Андреевой Натальи Петровны. Л. 1) и дела Гамрекели Ольги Петровны (Там же. Дело Ольги Петровны Гамрекели. Л. 1)

³⁸ Там же. Дело Андреевой Натальи Петровны. Л. 5–10.

³⁹ Там же. Дело Урбановича Александра Михайловича. Л. 1.

ституте, а затем в 1933–1937 гг. надзирателем уездной полиции на станции Ананчи (Цицикар)⁴⁰. После смерти мужа (точную дату мы не знаем, примерно 1938–1939 гг.) безработная. С 1942 г. устроилась машинисткой учетного подотдела в Главном бюро по делам российских эмигрантов Маньчжурской империи⁴¹.

Прибыли в Ирландию с помощью Красного Креста в 1961 г., были размещены в «The Haven». Ольга Петровна умерла 22 августа 1973 г., Наталия — буквально через два месяца, 15 октября 1973 г. В опубликованном в «The Irish Times» сообщении о смерти особо отмечено, что Наталия была «любимая жена Александра Урбановича» [Deaths 1973]. Обе православные.

Юлий Аркадьевич Каменский (1890?–1975).

По воспоминаниям людей, которые знали Юлия Аркадьевича в Ирландии, он родился в Санкт-Петербурге, где и пережил революцию, уехал в Харбин. В справочнике «Весь Харбин» за 1926 г. есть его адрес: ул. Артиллерийская, 37 [Весь Харбин 1926, с. 249]. Во время войны, пытаясь укрыться от японской армии, поехал в Шанхай, там был посажен в тюрьму, где пережил пытки и издевательства. Через четыре с половиной года его отпустили с извинениями. Без знакомств и какого-либо имущества он работал как чернорабочий в доках Шанхая [Julian Kamensky 1975]. С помощью Красного Креста попал в Ирландию. Преподавал в Тринити-колледже, читал лекции на русском языке небольшой группе студентов, был комментатором на RTE (ирландской телерадиовещательной компании), давал короткие комментарии о делах, связанных с СССР и Восточной Европой, но был уволен после событий в Чехословакии. Подрабатывал переводчиком: в публикациях «The Irish Times» встречаются упоминания, что Каменский помогал Марии Кнебель, советской актрисе и театральному режиссеру, когда она приезжала в Дублин ставить «Вишневый сад» в 1968 г. [Henry Kelly talks 1968; Kelly 1968]. Предлагал свои услуги Министерству иностранных дел в качестве учителя русского языка и советника по восточноевропейским делам, однако хотя и признавали, что он мог бы быть хорошим учителем, его политические взгляды считали не имеющими реальной основы⁴². Каменский интересовался театром, кино и музыкальной жизнью, любил своих студентов и запомнился друзьям как сердечный и обходительный джентльмен. Был слепым.

Умер 10 апреля 1975 г., похоронен в отдельной могиле рядом с коллективным захоронением русских беженцев. Православный.

В 1986 г. в Тринити-колледже был учрежден приз в размере 50 евро в честь Юлия Каменского, который ежегодно вручается студенту старшего курса, показавшему лучший результат на экзамене по устному русскому языку в части 2. Учрежден двумя анонимными жертвователями — видимо, его бывшими студентами.

Михаил Борисович (1895–1990) и Юлия Павловна (1899–1971) Климович.

Михаил Борисович Климович родился 24 октября 1895 г. в городе Новозыбков, Новозыбков уезд, Черниговская губерния. Из дворян Могилевской губернии. Отец был священником в Забайкальской области. Как Климович писал в авто-

⁴⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Дело Гамрекели Семена Андреевича. Л. 20.

⁴¹ Там же. Дело Гамрекели Ольги Петровны. Л. 3–7, 63.

⁴² NAI. DFA 422/240. A minute to Mr O'Toole. 13 February 1970.

биографии, по окончании полного курса Троицкосавского реального училища, поступил в Иркутское военное училище ускоренный курс которого окончил 1 сентября 1915 г. по первому разряду. Избрал вакансию в 31-й запасной батальон, отправился на службу в город Ачинск. Позднее — на фронт в Проскуровский пограничный сводный полк, где находился до декабря 1917 г., службу в полку закончил в чине штабс-капитана. После революции перебрался в Киев, затем в Верхнеудинск Забайкальской области, потом бежал через Монголию в Харбин. В сентябре 1918 г. поступил на службу в Семеновский полк Особо-Маньчжурского отряда, где пробыл до 26 октября 1921 г., службу закончил в чине подполковника. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени. По возвращении в Харбин устроился на службу в «Андерсен, Мейер и Ко» заведующим складом, затем кассиром и бухгалтером. Прослужил два года и уехал в Америку, обосноваться там не удалось, вернулся в Харбин⁴³. Поступил конторщиком в Главную бухгалтерию КВЖД, через два года был уволен в связи с отказом принять советское гражданство. Поменял несколько мест работы, до 1935 г. работал бухгалтером и заведующим конторой в представительстве «Форда», остался без работы, когда компания ликвидировалась. С 1924 по 1943 г. состоял в китайском подданстве. В 1942 г. решил заняться коммерцией и основал паточный завод «Кристалл» по адресу Стрелковая ул., 9⁴⁴.

Юлия Павловна Климович (урожд. Коршунова) родилась 4 апреля 1899 г. в Красноярске, получила домашнее образование и окончила шесть классов гимназии в Симбирске. В графе «сословная принадлежность» указывала «крестьянка Симбирской губернии». Жила с бабушкой, отец служил на Ташкентской железной дороге, мать жила с ним, потом родители уехали в Харбин в 1911 г., так как отца перевели на КВЖД. Приехала к ним в 1915 г. С 1916 г. состояла в Организации сестер милосердия Российского общества Красного Креста. В Харбине окончила курсы сестер милосердия в 1919 г., в 1925 г. вышла замуж, имела частную практику медсестры⁴⁵. Детей не было.

Супруги приехали в Ирландию в 1960-х гг. как беженцы при помощи Красного Креста. Юлия Павловна умерла 25 марта 1971 г., Михаил Борисович — 20 августа 1990 г. Похоронены в отдельной могиле рядом с коллективным захоронением русских беженцев. Обратите внимание, на могильной табличке указана неверная дата смерти Юлии Климович — 15 марта 1970 г. Нами специально был сделан запрос в Главное регистрационное бюро Ирландии (General Register Office): соглас-

Михаил и Юлия Климович, 1935 г.
Фотографии из дела Климовича Михаила Борисовича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20792. Л. 1) и Климович Юлии Павловны (Там же. Д. 20796. Л. 1)

⁴³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20792. Л. 6, 30.

⁴⁴ Там же. Л. 26–32.

⁴⁵ Там же. Д. 20796. Л. 5–8.

но выписке из реестра, она умерла именно 25 марта 1971 г. Оба принадлежали к Русской православной церкви.

Были среди жителей «The Haven» и те, кто попал в Ирландию сам.

Алексей Алексеевич Есаулов (1898–1963).

Алексей Есаулов, 1940 г. Фотография из британской учетной карточки иностранца (NAI. 2013/50/721. Certificate of Registration No. 1032322 issued 16th December 1940 at Cardiff)

Алексей Алексеевич Есаулов родился 11 мая 1898 г. в Нарве. Служил в императорской гвардии в 1915–1917 гг., капитан. В 1922 г. получил эстонское гражданство. Уехал во Францию, где участвовал в движении русских бойскаутов. Художник, фотограф, скульптор. В мае 1940 г. бежал из Франции, работал матросом и стюардом на различных кораблях, пока в феврале 1941 г. на корабле «Noemijulia» не попал в Ирландию. В Дублине нанялся на корабль «Кристина» стюардом, но служил скорее сторожем: корабль много лет не выходил в море, так как был сильно поврежден, со временем капитан корабля и Алексей Есаулов даже стали выращивать овощи на палубе судна [Deck Garden 1944]. Также Есаулов делал модели самолетов, рисовал картины, участвовал в выставках. В ноябре 1941 г. в галерее «Горри» прошла его выставка, открывала которую Зинаида Башкирова Бёрк⁴⁶. Она рассказала публике, что Алексей Есаулов много путешествовал по Европе и Востоку, рисовал посмертный портрет короля Александра для королевы Югославии, портрет папы Пия XI и других известных людей [Paintings 1941]. На выставке были представлены портреты, акварели, эскизы. Ему оказывал покровительство Михаил Сергеевич Попов, о котором мы говорили выше, он заказал ему несколько портретов. Но работы Есаулова не очень ценились, семья их не сохранила⁴⁷. В 1943 г. одна из работ «Алжирский чистильщик сапог» получила приз [The Art of Alexis Essaulov 1943]. В 1947 г. устроился на работу в фотомастерскую «Polyphoto» (по адресу Henry Street, Dublin), занимался фотографией и параллельно рисовал портреты по заказам частных лиц⁴⁸. Был избран в члены RHA (Royal Hibernian Academy — Академия искусств). В 1949 г. получил ирландское гражданство, в качестве своих занятий в заявлении на получение гражданства написал «моряк и художник»⁴⁹.

Умер 24 января 1963 г. Женат не был.

Рядом с данным участком находится еще одна русская могила — АС95. Похоронены в ней **Елизавета Константиновна Случевская (1885–1965)** и **Мария Ильинична Разумихина (1879–1969)**.

Елизавета Константиновна — младшая дочь от первого брака поэта Константиана Константиновича Случевского и Ольги Капитоновны Случевской (урожд. Лон-

⁴⁶ Бёрк Зинаида Алексеевна (урожд. Башкирова; 1908–1996) — русская эмигрантка, жена ирландского политика Джеймса Бёрка, художник-керамист. Оставила мемуары, см.: [Bashkiroff 1960].

⁴⁷ А. Рамбольд в личной беседе с А. Быковой, 2018 г.

⁴⁸ NAI. 2013/50/721. John Gordan's report, D/Garda, 1250.

⁴⁹ Ibid. Application for Certificate of Naturalisation.

гиновой). Родилась 23 августа 1885 г. в Царском Селе, уже после того, как родители ее разъехались (они разошлись в 1884 г., развод был оформлен позже — в 1891 г.). Училась в Женской Царскосельской гимназии, а затем в консерватории по классу фортепиано. Революционную смуту семья надеялась переждать в имении Головино в Курской губернии, которое являлось приданым Ольги Капитоновны, но в 1919 г. имение было отобрано. После смерти матери в 1922 г. Елизавета переехала в город Славянск, где работала в Губсоюзе, затем учителем музыки и давала частные уроки. В 1930-е гг. ее приняли на службу в местную библиотеку, где она проработала до начала Великой Отечественной войны [Иванченко 2011, с. 262]. В это же время к ней обратилась за помощью невестка ее умершего двоюродного брата Мария Ильинична Разумихина, Елизавета Константиновна пригласила ее к себе и до конца жизни заботилась о родственнице, которая была на шесть лет старше. С тех пор они жили вместе. После оккупации Славянска немецкими войсками Елизавета Константиновна и ее невестка уехали в Берлин, где в эмиграции жила младшая сестра Елизаветы, родившаяся во второй семье отца, Александра Константиновна Коростовец (урожд. Случевская). Позже в феврале 1945 г. они переехали в Австрию, спасаясь от бомбардировок и подступающей к городу линии фронта. В 1948 г. Елизавета Константиновна вместе с Марией Ильиничной переехала в Ирландию.

Долгое время единственным источником сведений о Елизавете Константиновне были слова Сергея Маковского:

Дети Случевского, за исключением дочери Елизаветы, были привязаны к нему и к ласковой мачехе. <...> Лишь одна Елизавета перешла на сторону матери, сделавшей все, чтоб разлучить ее с отцом. До сих пор, проживая в Ирландии («тайной монахиней» при католическом монастыре), она не изменила неприязненного отношения к его памяти и не ценит его как религиозного мыслителя. Сообщаю эти сведения со слов младшей дочери от второго брака, Александры Случевской, по мужу Коростовец... [Маковский 2000, с. 74].

И эти слова переходили из одного издания в другое. А ведь у Маковского очень много неточностей. Ответ на вопрос, как возникла идея переезда в Ирландию и почему, есть в одном из писем Елизаветы Константиновны, опубликованном в книге И.Е. Иванченко «Родов связующая нить»:

В Австрии мы познакомилась с герцогиней Габсбургско-Лотарингской, которая со своими 2-мя детьми, сыном — 12 лет и дочерью — 15 лет жила рядом с крестьянами, у которых мы нашли приют, и я скоро стала давать уроки дочери герцогини — Клаудии. <...> Герцогиню очень беспокоил вопрос, как она даст образование детям (в эти годы это было непросто) <...> Девочка могла бы учиться в Ирландии, куда доступ гораздо легче Англии. <...> В конце концов, мы надеялись попасть в Америку, куда были приняты послушницами в монастырь, но как достать визу и все прочие необходимые блага жизни в нашем возрасте и при отсутствии каких бы то ни было средств и связей? И вот в голове моей сестры родился план: герцогиня поедет с детьми, а мы в качестве ее прислуги доедем до Ирландии (транзитную визу в Ирландию получить легко). Оттуда моя сестра сейчас же «выхлопочет» нас в Англию. В Англии

русских много, «авось» как-нибудь устроимся. Таков был общий план (цит. по: [Иванченко 2011, с. 264–265]).

Но этим планам так и не суждено было сбыться: ни в Америку не попали, ни в Англию не переехали. Последние годы своей жизни Елизавета Константиновна и Мария Ильинична провели в Ирландии.

По воспоминаниям Мирейд Бреслин Келли, дочери Маргарет МакМакин⁵⁰, ее мать была дружна с представителями белой эмиграции и в начале 1950-х гг. отправила ее на уроки русского языка к двум пожилым русским леди — мадам Елизавете Случевской и Марии (фамилию она не запомнила), которые жили в комнате на улице Эклесс (Eccles street). Между собой дамы говорили на французском, Мария совсем не говорила по-английски⁵¹. Также ее мать ежегодно 6 июня собирала многих русских эмигрантов и русистов в своей квартире, чтобы отпраздновать день рождения Пушкина.

Затем Елизавета Константиновна и Мария Ильинична переехали в дом престарелых, но это был не дом при католическом монастыре, как указывает С. Маковский, и не Русский старческий дом, как сказано в книге И.Е. Иванченко. Дом назывался «Брабазон Хауз» («Brabazon House»), и это был дом престарелых для женщин, который существовал на средства и под управлением Ассоциации помощи протестантам, оказавшимся в бедственном положении. Именно в этом доме в 1951 г. оказалась Анна Озолин (об этом см. выше) и встретила там Случевскую и Разумихину⁵². Вероятнее всего, Елизавета Константиновна и Мария Ильинична получали помощь от Ирландского Красного Креста довольно длительное время.

Дом престарелых до сих пор существует там же, но сейчас им управляет другая компания, никаких документов тех лет у них не сохранилось. И ассоциации уже давно нет. Действительно, совсем недалеко находится штаб-квартира католической организации «Религиозные сестры милосердия» («The Religious Sisters of Charity»), но, как вежливо и одновременно с некоторым возмущением ответила на расспросы автора этих строк одна из сестер, «Брабазон Хауз» — протестантское учреждение, поэтому они никогда и никоим образом не были вовлечены в деятельность данного дома и, соответственно, никакими записями не распола-

Могила Е. Случевской и М. Разумихиной. Фотография А. Быковой, 2019 г. Надпись: ELIZABETH SLUCHEVSKAYA Died 10th July 1965 aged 80 years MARRIED 21 YEARS MARIA RASUMICHINA Died 21st June 1969 aged 84 years R.I.P.

⁵⁰ Маргарет МакМакин (McMakin) — лингвист, переводчик русской классической литературы на ирландский язык, преподаватель русского языка в Тринити-колледже в Дублине и активистка обществ ирландско-советской дружбы. Была дружна со многими русскими эмигрантами, оказывала им помощь, и в ее квартире часто кто-то из них жил.

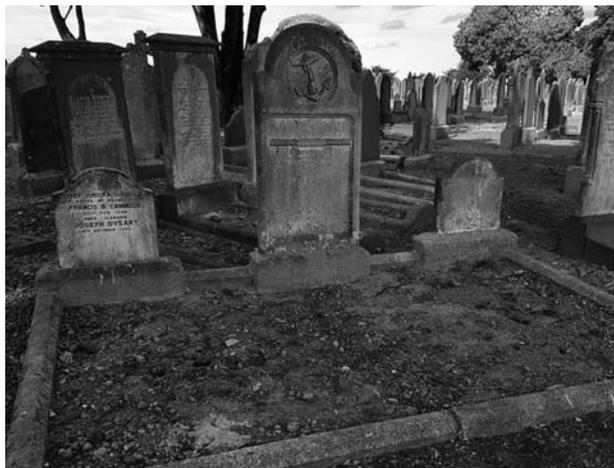
⁵¹ Мирейд Бреслин Келли в личной беседе с А. Быковой, 2019 г.

⁵² ITS Archives, Bad Arolsen. SM 1 Bogen. 3.2.1.4 / 81122756. Letter of A.N. O'Brien, Chief Executive Officer of Irish Red Cross to Madame de Poret, International Refugee Organisation, 29 June 1951.

гают. Таким образом, никаких официальных контактов между жителями дома престарелых и католическими сестрами быть не могло.

Елизавета Константиновна продолжала подрабатывать, давая уроки русского языка, учеников было немного, они навещали ее, а те из них, кто ездил в СССР, привозили ей литературу и делились своими впечатлениями. Елизавета Случевская умерла 10 июля 1965 г., Мария Разумихина — 21 июня 1969 г., похоронена в той же могиле. Обе были православными.

Следующее коллективное захоронение, где нашли покой четыре выходца из Российской империи, находится на участке 354 и принадлежит Миссии моряков.

Кладбище Маунт Джером, участок 354, участок Миссии моряков. Фотография А. Быковой, 2018 г. Надпись на левой части: *Jesus said «Peace be still» JOOSEP JURISKA, 26 July 1945 Capt.*

Native of Kasmu, Estonia

Надпись по центру: *And the grave at each side of it have been bought by a few kind Contributors & Vested in the MISSIONS to SEAMEN Heb. VI. 19 MARTIN PAJU, 14th Oct. 1948 Capt. Native of Orajoe, Estonia NIKOLAI MEYER, 8th Dec. 1949 EUDAKIM GERAZIMOFF U.S.S.R. 5th Feb. 1962*

Евдоким Афанасьевич Герасимов (1893–1962).

Евдоким Герасимов родился 27 августа 1893 г. в поселке Новилока⁵³, как указано в его заявлении на получение ирландского гражданства. Служил в русской армии во время Первой мировой войны 1914–1918 гг., был в немецком плену. После освобождения в 1919 г. отправился в Голландию, где нанялся моряком. Плавал на различных бельгийских и британских кораблях, пока в 1940 г. не попал на ирландский корабль «City of Waterford», на котором и прибыл в Ирландию 13 октября 1941 г. С тех пор плавал на ирландских кораблях. В 1942 г. был ранен, когда его корабль был атакован самолетом, после госпитализации вернулся к работе. Работодатели хвалили его, отмечая, что он хороший моряк и уверенно действует в чрезвычайных ситуациях⁵⁴. Получил ирландское гражданство в 1948 г. Женат не был, о детях ничего неизвестно. Умер 5 февраля 1962 г. в Госпитале для безнадежно больных.

Евдоким Герасимов, 1930 г. Фотография из удостоверения личности (NAI. 2013/50/869. Certificate of Identity No. T.C.11384 from 9 August 1930 at London)

⁵³ NAI. 2013/50/869. Application for Certificate of Naturalisation.

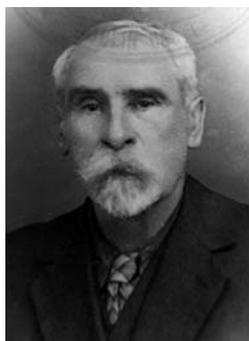
⁵⁴ Ibid. D/Garda Gordon's report.

Йозеп Юриска (1888–1945) — капитан эстонского торгового флота из Кясму, Эстония. Идя с Кубы на корабле «Piret» с грузом сахара, он получил телеграмму о том, что Эстония стала частью СССР и он должен отвести корабль в Мурманск. Но капитан повел корабль в Дублин. Однажды ночью к нему вошел один из моряков и потребовал поднять красный флаг, капитан отказался [Seaman and Red Flag 1941]. Моряк угрожал ему, за что и оказался под судом. Йозеп остался в Ирландии, где и умер 26 июля 1945 г. За день до смерти подписал завещание, согласно которому все его имущество оставалось жене Эльфриде Юриска, проживавшей в Швеции⁵⁵. Наследство оценивалось в сумму более 2 тыс. фунтов, что по тем временам было весьма приличной суммой.

Николай Мейер (1907–1949) — моряк из Эстонии, служил пожарным на пароходе «Laban Hower», погиб 8 декабря 1949 г. в пьяной драке [Seamen Not Guilty of Manslaughter 1950], когда корабль стоял в порту.

Маргин Паю (1875–1948) — морской офицер в отставке, капитан, из Орайы, Эстония. Умер 14 октября 1948 г. в возрасте 73 лет.

Еще одно захоронение нашлось на участке 399, могила А99 — **Палладий Максимович Воронич (1878–1953)**.

Палладий Воронич, 1942 г. Фотография из учетной карточки иностранца (NAI. 2013/50/707. Certificate of Registration No. G.S.14904 issued 11th February 1942 at Dublin)

Палладий Максимович родился 26 ноября 1878 г. в Одессе. По образованию корабельный инженер. С 1932 по 1941 г. жил в Марселе. Прибыл в Дублин на корабле «Noemejulia» 22 февраля 1941 г. в качестве главного инженера корабля. Как и Алексей Есаулов, рассчитывал переждать войну в Ирландии, а затем вернуться во Францию, где остались его жена и двое детей. Первое время жил в квартире Маргарет МакМакин и работал по профессии; сохранилось его письмо к М. МакМакин, написанное на пароходе «Irish Rose» 14 января 1943 г.:

На пароходе идут работы, по машине много рабочих. Вообще живется не очень весело, бывают и мелкие дрязги. Со многим приходится мириться; я иностранец, без знания языка, да к тому же стар. Новая еще неприятность, — телеграфное сообщение с Францией прервано, — порвалась последняя связь с близкими мне. Почта официально функционирует, но в теперешнее время мало надежды на нее⁵⁶.

Дочь Маргарет МакМакин Мирейд Бреслин Келли запомнила его как настоящего джентльмена, доброго, милого, хлебосольного — в лучших русских традициях⁵⁷.

В декабре 1943 г. Палладий Максимович купил в Дублине магазин «Рыба и чипсы» («Fish and Chips», 57 High street, Dublin), но бизнес не пошел, и он его продал в

⁵⁵ NAI. 2013/50/869. Will of Joosep Juriska.

⁵⁶ П. Воронич с s/s «Irish Rose» М. МакМакин, письмо на русском языке, 14 января 1943 г. (из личного архива Мирейд Бреслин Келли, дочери М. МакМакин).

⁵⁷ Мирейд Бреслин Келли в личной беседе с А. Быковой, 2019 г.

январе 1945 г. Зарабатывал починкой обуви у себя в комнате, давал уроки русского языка и даже подрабатывал уборщиком. Жил у Алексея Есаулова, который не брал с него плату за комнату⁵⁸. Получил ирландское гражданство в 1949 г. Умер 19 января 1953 г., похоронен в коллективной могиле, которая никак не обозначена.

На соседнем участке 395 находится могила А82: **Владимир (1884–1935) и Мария (1884–1977) Мартинсон**. Владимир Иванович Мартинсон родился в Риге 25 июля 1882 г., обосновался в Дублине еще в начале XX в., в 1914 г. получил британское гражданство (напомним, что в то время Ирландия была частью Британской империи). По профессии кок, затем один из владельцев магазина «Рыба и чипсы», позже владелец ресторана. Жена Мария, дожила до 93 лет, умерла в Белфасте 22 октября 1977 г., ее прах был рассыпан на могиле мужа в 1979 г.

И последняя русская могила, которую нам удалось разыскать на кладбище Маунт Джером, находится на участке 335, могила А16: **Лидия Степановна Прескотт (1901–1987)**. Лидия Прескотт (Prescott), друзья помнят ее как Лиду Прескотт, родилась 5 апреля 1901 г. в Харькове в семье мещан Степана и Александры Кисляковых. Степан Захарович Кисляков был землевладельцем и владельцем домов. Как утверждала Лидия, родители погибли в 1919 г. во время Гражданской войны⁵⁹, в 1920 г. в Севастополе она вышла замуж за ирландского (тогда еще британского) офицера Джорджа Элворда Прескотта, вместе с ним и своей сестрой Ольгой Преженцовой переехала в Ирландию, которую никогда не покидала. Муж принял предложение правительства Ирландии и служил в Министерстве финансов, отвечал за правительственные церемонии [Deaths 1948], умер 24 июня 1948 г.

Лидия жила в одном из старейших домов Доннибрука «Сан-Марио» («San Mario»), сейчас он называется «Лабурнум-коттедж» («Laburnum cottage», Donnybrook, Dublin). Дом датируют 1710 г., это старый фермерский дом, частично перестроенный, охраняется как историческая ценность. Внешние стены были выкрашены в розовый цвет, который сохранился и по сей день. По воспоминаниям друзей Лидии Прескотт, она знала шесть языков и вела себя, как будто она была при дворе. Эту легенду после ее смерти подхватили агенты недвижимости, и теперь во многих публикациях дом называют «домом бежавшей русской принцессы» [Doran 2014, p. 59]. Но дворянкой она не была. Некоторое время рабо-

Могила Владимира и Марии Мартинсон. Фотография А. Быковой, 2019 г. Надпись: *In Loving Memory of VLADIMIR MARTINSON Born Riga 25th July 1882 Died Dublin 18th February 1935 A devoted husband and father And his wife MARIA Died 22nd December 1977 «At Rest»*

⁵⁸ NAI. 2013/50/707. Application for naturalisation; Garda report.

⁵⁹ Ibid. 2013/50/486. Application for Naturalisation.

«San Mario» — дом, в котором жила Лидия Прескотт (сейчас называется «Labyrinth cottage»), Доннибрук, Дублин. Фотография А. Быковой, 2018 г.

тала в магазине одежды «Brown Tomas», давала уроки языков и блистала в своем маленьком кругу, даже устраивала замужества своих друзей. У нее было много высокопоставленных друзей. Особенно она гордилась дружбой с ирландским политиком Патриком Хиллери (Hillery)⁶⁰ и «королевой георгианской Ирландии» Маригой Гиннесс (Guinness)⁶¹. Лидия давала Хиллери уроки французского языка и, как она утверждала, манер. При доме был большой красивый сад. Сейчас от него ничего осталось, так как на месте сада идет стройка нового дома.

Детей у Лиды Прескотт не было. Жила с собакой и пятью кошками в окружении вещей, напоминающих о старой России [Peck 1998, p. 199–200, 203–204]. Умерла 26 сентября 1987 г., похоронена рядом с мужем. Могила совсем скромная,

Могила Лидии Прескотт. Фотография А. Быковой, 2019 г.

Надпись на левой стороне: *In Loving Memory of Captain GEORGE AYLRWARD PRESCOTT
M.C. 11 July 1881 — 24 June 1948*

Надпись на правой стороне: *and his wife LYDIA PRESCOTT died 26th September 1987*

без камня или таблички, только надпись сбоку на бордюре, с другой стороны — надпись о муже. Что интересно, согласно ее завещанию, дом должен был перейти Русской православной церкви за рубежом и служить домом для священников и

⁶⁰ Хиллери Патрик Джон (1923–2008) — ирландский политик от партии Fianna Feil, занимал министерские посты, в 1973 г. стал первым представителем Ирландии, вошедшим в Европейскую комиссию, затем был ее вице-председателем и комиссаром по социальной политике, с 1976 по 1990 г. — шестой президент Ирландии.

⁶¹ Гиннесс Марига (урожд. принцесса Мари Габриэль (Марига) фон Урах, графиня Вюртембергская; 1932–1989) — с 1954 г. замужем за представителем династии Гиннесс Дезмондом Гиннессом, вместе с которым основала в 1958 г. Ирландское георгианское общество с целью поощрения интереса и содействия сохранению выдающихся образцов архитектуры и смежных искусств всех периодов в Ирландии.

мог быть продан, только если не останется прихожан или членов данной церкви⁶². Несмотря на волю покойной, дом сразу был продан.

Нельзя утверждать, что наше исследование полностью закончено. Вполне возможно, что будут обнаружены и другие захоронения наших соотечественников на кладбище Маунт Джером или найдены дополнительные биографические сведения. На данный момент нами сделано все возможное, чтобы собрать информацию о людях, нашедших свое последнее пристанище в Харольдс Кроссе, и не дать их именам стереться из памяти.

Список сокращений

БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога

РОВС — Русский общевоинский союз

IRO — The International Refugee Organization — Международная организация по делам беженцев

ITS — International Tracing Service — Международная служба розыска (Германия)

Источники и литература

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края

NAI — National Archives of Ireland — Национальный архив Ирландии

БД «Жертвы», Попов Алексей Дмитриевич — Попов Алексей Дмитриевич (1912) // База данных «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Свердловской обл. Т. 6. URL: [https://ru.openlist.wiki/Попов_Алексей_Дмитриевич_\(1912\)_\(дата_обращения:_28.03.2019\)](https://ru.openlist.wiki/Попов_Алексей_Дмитриевич_(1912)_(дата_обращения:_28.03.2019)).

Весь Харбин 1926 — Весь Харбин на 1926 год: Адресная и справочная книга / ред.-изд. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926. 882 с.

Волков. База — Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России». URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 28.03.2019).

Иванченко 2011 — Иванченко И.Е. Родов связующая нить. Хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и эпистолярном наследии. СПб., 2011. 640 с.

Либерт — Либерт Арвид Христианович // Выпускники ВПЮУ-ВВУ (Л): Официальный сайт Организации ветеранов Вильнюсского радиотехнического училища войск ПВО страны. URL: http://www.vrtu-vvkure.com/VPYU/VPYU_L.pdf (дата обращения: 28.03.2019).

Маковский 2000 — Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. М.; Екатеринбург, 2000. 400 с.

Незабытые могилы — Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М., 1999–2007.

⁶² NAI. 2009/1/649. Will of Lidia Prescott.

Российский медицинский список 1902 — Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1902 годъ: (По сведениямъ къ 15 февраля 1902 г.). СПб., 1902. 638 с.

An Irishwoman's Diary 1951 — An Irishwoman's Diary // The Irish Times. 1951. 19 October.

Bashkiroff 1960 — *Bashkiroff Z.* The Sickie and the Harvest. L., 1960. 224 p.

Curtis 2016 — *Curtis J.* Harold's Cross. A history. Dublin, 2016. 128 p.

Deaths 1948 — Deaths // The Irish Times. 1948. 25 June.

Deaths 1954 — Deaths // The Irish Times. 1954. 8 January.

Deaths 1973 — Deaths // The Irish Times. 1973. 16 October.

Deaths 1978 — Deaths // The Irish Times. 1978. 25 November.

Deck Garden 1944 — Deck Garden // The Irish Times. 1944. 18 July.

Doran 2014 — *Doran B.M.* Donnybrook Then and Now. Dublin, 2014. 96 p.

Few refugees in Dublin home 1964 — Few refugees in Dublin home // The Irish Times. 1964. 26 November.

Fled from Russia 1951 — Fled from Russia Thirty Years Ago // The Irish Times. 1951. 29 December.

Haven in Ireland 1951 — Haven in Ireland for 18 Elderly Refugees // The Irish Times. 1951. 7 September.

Henry Kelly talks 1968 — Henry Kelly talks to Madame Maria Knebel // The Irish Times. 1968. 3 October.

Hong Kong Refugees 1964 — Hong Kong Refugees // The Irish Times. 1964. 6 July.

Julian Kamensky 1975 — Julian Kamensky: an appreciation // The Irish Times. 1975. 15 April.

Kelly 1968 — *Kelly S.* Chekhov's classic as in Russia // The Irish Times. 1968. 9 October.

Memorable Black Sea Voyage 1952 — Memorable Black Sea Voyage // The Irish Times. 1952. 1 January.

Mount Jerome 1997 — Mount Jerome: a Victorian cemetery / ed. by J. Langtry and N. Carter; contributions by project trainees. Dublin, 1997. 74 p.

Obituary 1953 — Obituary. Count Ernst Mannteuffell // The Irish Times. 1953. 18 March.

Paintings 1941 — Paintings by M. Alexis Essaulov // The Irish Times. 1941. 25 November.

Peck 1998 — *Peck C.* Mariga and her Friends. Ballivor (Co. Meath, Ireland), 1998. 312 p.

Refugees from Hong Kong 1964 — Refugees from Hong Kong // The Irish Times. 1964. 28 July.

Refugees to Make Their Home in Ireland 1951 — Refugees to Make Their Home in Ireland // The Irish Times. 1951. 17 August.

Russian refugees happily settled 1958 — Russian refugees happily settled // The Irish Times. 1958. April 10.

Seaman and Red Flag 1941 — Seaman and Red Flag // The Irish Times. 1941. 14 April.

Seamen Not Guilty of Manslaughter 1950 — Seamen Not Guilty of Manslaughter // The Irish Times. 1950. 16 February.

The Art of Alexis Essaulov 1943 — The Art of Alexis Essaulov // Dublin Evening Mail. 1943. 15 December.

ХРОНИКА

М.Ю. Сорокина

НЕДЕЛЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ,
ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ / ЮГОСЛАВИИ / СЕРБИИ
В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

С 1 по 5 октября 2018 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына проходила Неделя русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии / Сербии (сокращенно — Сербская неделя), посвященная 180-летию установления дипломатических отношений между Сербией и Россией.

Эта неделя — первая в ряду историко-просветительских, культурных и научных проектов Дома русского зарубежья, посвященных истории и жизни русской эмиграции во многих странах мира. Многие годы сотрудники Дома активно сотрудничают с различными сербскими культурными и научными учреждениями и организациями соотечественников, собирая, изучая и представляя в России и Сербии вклад русской эмиграции в культурную, научную и общественную жизнь Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия в период между Первой и Второй мировыми войнами.

В гости к Дому русского зарубежья приехала представительная делегация из Республики Сербия — профессора Белградского университета Ирина Антанасиевич и Алексей Тимофеев, известные исследователи и архивисты Ранка Радженович, Милана Живанович, Слободан Мандич, режиссеры, драматурги и писатели Зоран Стефанович и Драган Чирьянич, а также вдова известного сербского историка комикса Снежана Зупан.

Перед открытием Недели гости из Сербии встретились с директором Дома русского зарубежья В.А. Москвиным, который горячо приветствовал сербских коллег и выразил надежду, что такие творческие недели братских народов станут постоянным форматом общения в рамках культурных и научных программ Дома русского зарубежья. В тот же день Неделя стартовала открытием художественно-документальной выставки «Русский комикс Королевства Югославия» (автор — И. Антанасиевич, кураторы ДРЗ — М. Сорокина, Д. Жмылева), подготовленной при содействии Дома русского зарубежья, Департамента культуры города Москвы, Министерства культуры и информации Республики Сербия, Архива Югославии, Исторического архива Белграда, Архива Алтера, филологического факультета Белградского университета, Комикс-центра Республики Сербия. Выставка впервые в мире представила оригиналы рисунков, чертежи и зарисовки русских комиксистов-эмигрантов, ставших одними из основателей комикса в Королевстве Югославия, их архивные документы и фотографии, а также оригиналы

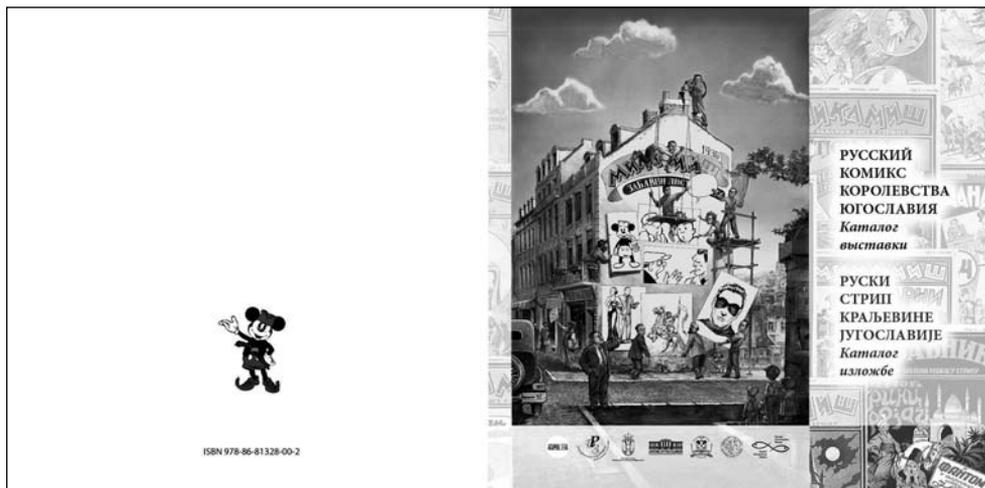
*Директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин принимает участников Недели.
Справа: И. Антанасиевич, Д. Чирьянич*

журналов 30-х гг. XX в., в том числе иностранные (французские, скандинавские и пр.), которые печатали комиксы русских эмигрантов.

В открытии выставки приняли участие российские и сербские государственные и общественные деятели, ученые, художники, журналисты, соотечественники. Директор ДРЗ В.А. Москвин особо отметил, что благодаря неутомимой деятельности современных русских соотечественников (А.Б. Арсеньев, И.Н. Антанасиевич и др.) наследие русской балканской эмиграции постоянно возвращается в Россию и становится общим достоянием коллективной памяти наших народов. Советник Министерства культуры и информации Республики Сербия Д. Тадич поблагодарил ДРЗ за большую работу по организации выставки и выра-

Официальный образ выставки «Русский комикс Королевства Югославия» (художник Д. Антанасиевич)

Обложка каталога выставки «Русский комикс Королевства Югославия»
(художник Д. Гайич)

Кураторы выставки «Русский комикс Королевства Югославия».
Слева направо: М. Сорокина, И. Антанасиевич, Д. Жмылева

зил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество между нашими странами и институциями. Руководитель Комикс-центра Республики Сербия, драматург и писатель З. Стефанович присоединился к словам коллеги и передал в дар ДРЗ коллекцию документальных фильмов по истории русской белой эмиграции. Горячими аплодисментами встретили присутствующие выступление сына основателя югославского комикса Ю.П. Лобачева Д.Ю. Лобачева. Директор Института славяноведения РАН доктор исторических наук К.В. Никифоров особо подчеркнул большую научно-исследовательскую работу, проведенную при подготовке выставки, и ее значение для изучения наследия русского зарубежья на Балканах.

Церемонию открытия выставки вели ее автор — доктор филологических наук, профессор Белградского университета Ирина Антанасиевич и куратор, заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ Марина Сорокина. К открытию выставки был подготовлен богато иллюстрированный каталог, изданный в Белграде и представленный гостям открытия в Москве.

2 октября состоялся международный круглый стол «Проблемы биографики русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия».

Как известно, Балканы и Сербия в частности традиционно играют особую роль в истории, политике, культуре и каждодневных практиках российского общества и государства, в мировом и общеевропейском пространстве. Поэтому встреча научных экспертов была организована Домом русского зарубежья им. А. Солженицына совместно с целым рядом российских и сербских организаций — Департаментом культуры города Москвы, Русской гуманитарной миссией, Курским государственным университетом, Белградским университетом (Республика Сербия), Архивом Югославии, Историческим архивом города Белграда, Комикс-центром Республики Сербия.

Участники круглого стола. Слева направо: М. Сорокина, И. Антанасиевич, А. Тимофеев

В рамках трех тематических секций — «Русское зарубежье в КСХС / Королевстве Югославия: проблемы, подходы, взгляды», «Русский комикс Королевства Югославия», «Источники по истории русского зарубежья в КСХС / Королевстве Югославия: архивы, некрополи, музеи» — научные эксперты обсудили широкий спектр проблем культурного взаимодействия и/или отталкивания в контексте «личных историй» русских/российских эмигрантов XX–XXI вв. на Балканах, прежде всего в бывшей Югославии.

Научные эксперты из России и Сербии — профессора Белградского университета И. Антанасиевич и А. Тимофеев, декан исторического факультета Курского государственного университета И. Конорева, а также Г. Энгельгардт (Институт славяноведения РАН), М. Сорокина (ДРЗ), М. Живанович (Белградский университет), Н. Бондарев (РГГУ), С. Мандич (Исторический архив Белграда), Р. Радженевич (Архив Югославии), М. Горинов-мл. и К. Семенов (ДРЗ), а также исследователи комикса А. Кунин (Центр рисованных историй и изображений РГБ для молодежи) и З. Стефанович (Комикс-центр Республики Сербия) — обсудили процесс «конструирования» эмигрантами своих биографий, особое внимание уделили судьбе русских эмигрантских некрополей в Сербии и на всем балканском пространстве, единодушно признав необходимость их научного описания.

Кроме того, отдельное внимание было уделено роли русского зарубежья в сохранении и развитии рисованных историй / комикса / графического романа.

Участники круглого стола, который продолжался целый день, единодушно выразили надежду, что подобные встречи и дискуссии будут продолжаться на площадке Дома русского зарубежья и в дальнейшем, привлекая всех знатоков и любителей истории русского зарубежья.

*Режиссер Д. Чирьянич и директор
Дома русского зарубежья В.А. Москвин*

Специальными гостями круглого стола были профессор Высшей школы экономики В. Кантор, а также С. Зупан, вдова известного исследователя югославского комикса З. Зупана (Сербия), и сын основателя сербского комикса Ю.П. Лобачева Д. Лобачев.

3 октября в ДРЗ состоялась творческая встреча с известным сербским кинорежиссером и писателем Драганом М. Чирьяничем — автором нескольких фильмов, рассказывающих об истории белой русской эмиграции в Сербии: сериала «Мы — кадеты, мы — дети России» (2006–2011), «Троицкосавск — Кяхта Саввы Владиславича» и др. На встрече демонстрировался многосерийный документальный фильм Д. Чирьянича «Русские белые зодчие», посвященный русским архитекторам-эмигрантам, во многом определившим современный облик Белграда и других балканских городов. Специально для показа в ДРЗ сербские коллеги сделали русские субтитры к фильму. И не ошиблись — несмотря на длительное время показа, никто не покинул зал, а после окончания демонстрации фильма зрители долго не расходились, задавая режиссеру многочисленные вопросы и высказывая свое отношение к затронутым в фильме проблемам русского культурного наследия. Директор Дому русского зарубежья В.А. Москвин, который вместе со всеми присутствующими аплодировал работе сербского режиссера, высказал уверенность, что в будущем ДРЗ покажет все фильмы Д. Чирьянича по русской тематике, принесенные в дар Дома русского зарубежья их создателем.

5 октября профессор Белградского университета, доктор филологических наук Ирина Антанасиевич выступила с лекцией «Русский комикс Королевства Югославия». Лекция, организованная культурно-просветительским проектом

«Приключения бравого солдата Швейка». Из комикса художника И.И. Шенишина. Коллаж

«Школа наследия» совместно с ДРЗ, завершала Сербскую неделю. Встречу открыла заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ М. Сорокина, которая рассказала, что профессор Антанасиевич — давний друг Дома, участник многих научных конференций, проводившихся в его стенах, член Международного совета «Ежегодника Дома русского зарубежья им. А. Солженицына», автор нескольких монографий и множества статей, член редколлегии ряда сербских литературно-художественных и академических журналов.

Лекция И. Антанасиевич была посвящена значительному вкладу русских художников, литераторов и издателей, представителей первой волны русской эмиграции, в развитие жанра комикса / графического романа / рисованных историй в предвоенной Европе. Лектор обратила внимание присутствующих на то, что из двенадцати крупнейших югославских художников этого жанра девять были русскими белоэмигрантами, которые познакомили подданных Королевства Югославия со многими адаптациями произведений русской, советской и мировой классики.

На протяжении недели сербские гости знакомились с многоплановой работой Дома, посетили его архив, где их приветствовала главный хранитель ДРЗ Е. Кривцова, осмотрели новое здание Музея русского зарубежья.

И.Н. Косиченко

«РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ»:
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

29–30 ноября 2018 г. Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына совместно с Российским государственным гуманитарным университетом был проведен первый научно-практический семинар «Российское научное присутствие в Латинской Америке», объединивший в одном академическом пространстве специалистов в различных областях истории русской науки и эмиграции, от филологии и истории до естественнонаучных экспедиций.

Присутствие соотечественников и их трудов в Латинской Америке отличается многогранностью: эмигранты, добившиеся высокого положения в науке и государственной службе стран Латинской Америки; научные экспедиции, внесшие свой вклад в исследование огромных пространств Южной и Центральной Америки; популяризация науки и культуры через дипломатические каналы и неформальные контакты; исследователи, совершившие важные открытия в изучении истории Латинской Америки; популяризация русской культуры и восприятие ее в мире — именно этим эпизодам истории русской и советской науки, включая вклад эмиграции первых волн, был посвящен прошедший семинар.

29 ноября состоялось торжественное открытие семинара в РГГУ, на котором присутствовали представители Министерства иностранных дел Российской Федерации (1-й секретарь Латиноамериканского департамента В.С. Финютин) и посольства Мексики (атташе по делам прессы и туризма Ф. Эскудеро), а также руководство РГГУ во главе с ректором А.Б. Безбородовым. Его выступление «Латинская Америка: из ненаписанных воспоминаний» открыло заседание первого дня работы семинара.

В своем выступлении ректор поделился воспоминаниями о работе латиноамериканского отделения советского «Радио Москва» в 1960–70-е гг., где его отец, Борис Безбородов, занимал в эти годы руководящие должности. В докладе рассматривались данные о принципах работы советского информационного вещания на Латинскую Америку, особенности подготовки специалистов. А.Б. Безбородов подчеркнул, что информация, представлявшаяся «Радио Москва», внимание руководства СССР к странам Латинской Америки внесли значительный вклад в позитивное восприятие жителями стран Латинской Америки Советского Союза и его культуры. Это влияние ощущается и поныне — в каждой стране региона можно встретить друзей России.

Заседание семинара в РГГУ

Семинар продолжился выступлением его соорганизатора, заведующей отделом истории российского зарубежья ДРЗ М.Ю. Сорокиной. Доклад открыла презентация будущего Музея русского зарубежья, одна из экспозиций которого будет посвящена русским ученым в Латинской Америке. Марина Юрьевна отметила, что научная деятельность русских ученых имеет большое значение не только для истории отечественной науки, но и для истории тех стран, где они работали. В качестве примеров были рассмотрены судьбы и творчество ряда ученых, работавших в Бразилии: выдающегося русско-бразильского психолога Елены Антиповой, физика-ядерщика Глеба Ватагина, жившего в 1930-е гг. в г. Сан-Паулу; филолога Борис Шнейдермана, впервые переведшего на португальский язык многие произведения русской классической литературы. Важным центром русской научной диаспоры в Южной Америке был г. Тукуман, столица одноименной провинции Аргентины, где работала и работает не одна династия ученых-выходцев из бывшей Российской империи (в частности, Пилкиных-Гавриловых и др.). В заключение Марина Юрьевна обратила внимание на важность изучения биографий русских ученых-эмигрантов в контексте стремительно меняющихся национальных исторических нарративов, когда чрезвычайно важно сохранять и отстаивать память о выдающихся соотечественниках, работавших за рубежом.

Доцент РГГУ Л.Г. Хорева посвятила свое выступление теме восприятия русской классической литературы в Латинской Америке на рубеже XIX–XX вв. Высокая популярность русской литературы на мировом уровне обеспечила ей скорое

попадание в Латинскую Америку, где она вызвала сначала интерес переводчиков, а впоследствии положила начало целому пласту беллетристики — псевдорусским повестям. Особенности перевода, в первую очередь некачественного, привнесли в латиноамериканские диалекты испанского языка некоторые русские слова, которые на определенном этапе перестали нуждаться в пояснениях для аудитории и породили невероятные мифы о русском быте и обрядах. Авторы, писавшие, как правило, под псевдонимами, либо пытались пародировать, либо всерьез имитировали произведения русской классики. Подобная псевдорусская литература выходила из-под пера в том числе весьма известных авторов, таких как Э. Эчеве́ррия, Х. Борхес и Х. Бетанкур.

А.В. Собисевич, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, представил доклад о российских естественнонаучных экспедициях в Латинской Америке в XIX–XX вв. Первые контакты российских исследователей произошли во время кругосветных плаваний Крузенштерна, Лазарева и др. Более планомерное изучение Южной Америки началось с прибытием Г.И. Лансдорфа в Бразилию и установлением дипломатических отношений с этой страной в 1812 г. Его усилиями с 1821 по 1828 г. было организовано несколько экспедиций, достигших самых отдаленных уголков Бразилии и вдохновивших отечественных исследователей на дальнейшее изучение Латинской Америки. Впоследствии Латинскую Америку посещали и советские ученые, но серьезных экспедиций не предпринималось до 1920-х гг., когда начал свои исследования по поиску центров происхождения культурных растений Н.И. Вавилов. Накануне Второй мировой войны поездки отечественных исследователей в Латинскую Америку стали крайне затруднены ввиду антисоветской позиции местных политических режимов и сложности политической обстановки. Контакты между учеными начали восстанавливаться лишь в 1956 г., когда на XVIII Международный географический конгресс в Бразилию отправилась советская делегация под руководством И.П. Герасимова.

Е.С. Соболева, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, посвятила свое выступление более углубленному рассмотрению Первой студенческой экспедиции 1914–1915 гг., участниками которой были Н.П. Танасийчук, Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп, С.В. Гейман, И.Д. Стрельников. Финансирование экспедиции осуществлялось самими участниками, каждый из которых внес по 300 рублей, а также Академией наук и различными общественными организациями. Изначальной целью экспедиции была аргентинская провинция Чако, поэтому экспедиция отправилась в Буэнос-Айрес, по пути изучая местные языки. Местная эмигрантская диаспора и научное сообщество помогли им с организацией экспедиции, и они отбыли в район Мату-Гросу, на границе Бразилии, Боливии и Парагвая. Практически сразу экспедиция распалась: Гейман отправился своим путем, дошел до Чили и в итоге попал в США, Танасийчук и Стрельников остались работать в Парагвае, Манизер же и Фиельструп продолжили путешествие и провели огромную полевую работу. Публикация материалов экспедиции началась практически сразу, но из-за революции и Гражданской войны многое не удалось завершить. Только уже в наши дни расшифровали и издали дневник Манизера.

Совместный доклад доцента РГГУ Е.А. Долговой и доцента Смоленского государственного университета М.В. Каиля осветил судьбу советского ученого-нефтяника и дипломата Ф.А. Требина. Доктор технических наук, автор нескольких публикаций и патентов, сразу по окончании Второй мировой войны, в 1945 г., он был назначен первым советским послом в Венесуэлу. Для ученого-нефтяника — это чрезвычайно странный поворот в профессиональной биографии, но, к сожалению, причины такого назначения пока не обнаружены. По прибытии в страну назначения Требин погружается в непривычный для ученого мир светской и протокольной жизни. Посольство СССР начинает организовывать просветительские мероприятия, имевшие целью ознакомление местного населения с русской классической и советской культурой. Как следствие военного переворота в Венесуэле советская дипломатическая миссия в этой стране была свернута, а посол Требин навсегда оставил дипломатическую службу.

Ведущий научный сотрудник Института археологии РАН Ш.Н. Амиров поделился воспоминаниями и документами о работе своего отца, Назима Амирова, по подготовке кубинских докторантов в советских научно-медицинских учреждениях. Под его руководством вели исследования и впервые на Кубе получили степень доктора биологических наук два кубинских докторанта, что было высоко оценено кубинским правительством.

Доцент РГГУ Д.Д. Беляев представил доклад о научной работе Татьяны Авенировны Проскуряковой — американского археолога русского происхождения, пытавшейся выявить закономерности в монументальных надписях майя. Ее отец и мать также занимались наукой, оба получили докторскую степень: отец в технических науках, а мать — в медицинских. С началом Первой мировой войны отец с семьей отправился в США по службе, и после революции Проскуряковы на родину не вернулись. Татьяна Проскурякова окончила Пенсильванский университет по специальности «архитектор», была прекрасным рисовальщиком и чертежником. В ходе работы в археологическом проекте «Пьедрас Неграс» она разработала методику представления архитектурных планов и добилась больших успехов в реконструкции архитектуры. Татьяна Проскурякова получила приглашение Института Карнеги участвовать в раскопках города майя Копан с целью составления архитектурных панорам. После этого она работала на многих древних городищах майя и в 1946 г. опубликовала альбом панорам городов майя, остающийся классикой и ныне. С 1958 г. и до конца жизни Татьяна Авенировна работала в Гарварде, занимаясь анализом монументальной скульптуры и иероглифической письменностью майя. Она выделила корреляцию в распределении сюжетов надписей и изображений и связала их с определенным набором дат и династиями царей. Разработанный Проскуряковой структурный анализ стал важной вехой в изучении текстов майя, подтвердившей результаты Ю.В. Кнорозова по дешифровке письменности майя.

Сессия семинара в РГГУ завершилась докладом профессора РГГУ Г.Г. Ершовой, посвященным биографии великого российского ученого Ю.В. Кнорозова и его работе в Латинской Америке. В 2019 г. отмечаются две даты: 70 лет первой научной публикации Ю.В. Кнорозова, а также 20-я годовщина со дня смерти

великого ученого. Этот год становится важной вехой для подведения итогов деятельности Мезоамериканского учебно-научного центра РГГУ по сохранению и развитию научной школы Кнорозова.

В 1955 г. Юрий Валентинович защитил свою знаменитую диссертацию, ставшую новым словом в майянистике и революционным прорывом в изучении письменности майя. Однако, несмотря на большой международный резонанс его работы, он продолжал оставаться невъездным, так как в начале Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории. Переводами на английский и продвижением его работ за рубежом, в первую очередь в США, занялась Софья Феодосьевна Добржанская, дочь известного генетика. Ситуация, когда Кнорозов присутствовал в Латинской Америке лишь своими научными трудами, сохранялась до 1990 г., но вот он приезжает в Гватемалу по приглашению президента страны, который награждает его Большой медалью Кецаля. В Гватемале и Мексике Кнорозову уделяли огромное внимание не только на научном, но и на общественном и политическом уровнях. В 1994 г. президент Мексики наградил Кнорозова Орденом ацтекского орла. В 1995 г. ученый впервые приехал сюда, на конгресс американистов в г. Четумаль (шт. Кинтана-Роо). В 2000 г. при поддержке Университета Кинтана-Роо и предпринимателя Маркоса Констандсе (Konstandse), жена которого была русского происхождения, вышел в свет трехтомник трудов Кнорозова. Юрий Валентинович скончался в 1999 г., так и не успев сделать многого из задуманного, однако его школа продолжает жить в Центральной Америке, как в Гватемале, так и в Мексике, где его имя стало знаковым для развития отношений между Россией, Мексикой и Гватемалой. Восхищение великим российским ученым стало важным фактором в росте народных симпатий в Латинской Америке к нашей стране, что так или иначе способствует продвижению интересов России в регионе. Не случайно в Мексике была учреждена Медаль Кнорозова, вручаемая ежегодно «за вклад в изучение и сохранение культуры майя». Учебно-научный Мезоамериканский центр РГГУ продолжает развивать научную школу Ю.В. Кнорозова в России и за рубежом. Он сохраняет память о гениальном ученом, а в 2018 г. в г. Мерида (Юкатан) был установлен памятник нашему соотечественнику, открывшему миру тексты майя, Юрию Валентиновичу Кнорозову.

30 ноября семинар продолжила сессия, прошедшая в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Приветствие участникам семинара направил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Парагвай в Российской Федерации Рамон Диас Перейра (Pereira).

Заседание семинара открыл доклад заведующей отделом истории российского зарубежья ДРЗ М.Ю. Сорокиной, посвященный обзору истории российской диаспоры в Латинской Америке в целом и научному аспекту деятельности соотечественников за рубежом в частности. Марина Юрьевна отметила, что латиноамериканские государства оказались для многих российских ученых не только временным убежищем, но местом сохранения и преумножения своего научного потенциала. Немало российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий в самых разных областях научного знания.

Выступает профессор З. Престес (Бразилия)

Профессор Федерального университета Флуминенсе (Рио-де-Жанейро, Бразилия) Зоя Престес (Prestes) посвятила свой доклад переводам и издательской судьбе произведений выдающегося русского психолога Льва Выготского, получивших широкое признание в Новом Свете. Такие работы психолога, как «Психология искусства», «Педагогическая психология», «Мышление и речь» и многие другие, сформировавшие ядро культурно-исторической теории, оказали огромное воздействие на латиноамериканскую психологическую мысль и до сих пор продолжают влиять на новые поколения психологов. В то же время профессор Престес отметила многочисленные погрешности в переводах работ Выготского на португальский язык, которые серьезно влияют на понимание мысли автора. Она выразила надежду, что совместными усилиями бразильских и российских историков психологии удастся подготовить подлинно научное «Собрание сочинений» Выготского на португальском языке.

Доклад К.К. Семенова, старшего научного сотрудника ДРЗ, был посвящен новым поступлениям в музейном собрании Дома, связанным с деятельностью русских эмигрантов в Парагвае. 17 июня 2018 г. президент Республики Парагвай Марио Абдо Бенитес передал президенту Российской Федерации В.В. Путину награды русских офицеров — участников Чакской войны (1932–1935), однако их персональная принадлежность оставалась неизвестной. Вклад русских эмигрантов в победу Парагвая был высоко оценен правительством страны — в честь погибших русских офицеров названы улицы в столице государства, многие получили парагвайские награды: 17 человек были награждены крестом Чако, 25 человек — Крестом Защитника, еще несколько человек получили медаль за обо-

Парагвайские студенты — участники заседания семинара в Доме русского зарубежья

рону форта Бокерон. Все три награды, полученные от президента Парагвая, были переданы В.В. Путиным в музейное собрание ДРЗ и вскоре будут доступны для посетителей Музея русской зарубежья.

Ведущий научный сотрудник ДРЗ М.М. Горинов-мл. представил доклад, также связанный с фондами Дома. Он отметил, что деятельности русских научных специалистов в Латинской Америке до сих пор уделяется недостаточное внимание в историографии. Тем важнее задача ознакомления исследователей с имеющимися источниками, и в этой связи большое значение имеют хранящиеся в архиве ДРЗ альбомы инженера Алексея Ивановича Калугина (1883–1982) под названием «Успехи», куда включены статьи из русскоязычных газет об успехах русских эмигрантов, в том числе ученых. Альбомы были отправлены Калугиным А.И. Солженицыну в 1981 г. и переданы в архив Дома в 1996 г. Всего по альбомам Калугина выявлено 22 работавших в Латинской Америке русских научных специалистов. Это вирусолог Л.А. Ткачевская, первая женщина-хирург в Аргентине Т.В. Бартош, горный инженер А.М. Пятницкий и др. Российские ученые, биографии которых отражены в альбомах А.И. Калугина, внесли большой вклад в развитие как мировой науки, так и латиноамериканских стран.

Доклад С.Л. Гонобоблевой, главного научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН, был посвящен полевым исследованиям в общинах староверов, чьи предки эмигрировали в Латинскую Америку. Несмотря на пребывание на периферии русского мира, южноамериканские староверы представляют собой удивительно жизнеспособную и динамичную общность, активно проявившую себя в стремительно меняющихся социальных и политических условиях

XXI в. Их связь с метрополией в начале их реэмиграции в 2000-х гг. осуществлялась как через исследователей, приезжавших в Латинскую Америку, так и через дипломатов.

Завершился научно-практический семинар выступлением С.Н. Калистратовой, посвященным деятельности дяди докладчицы — русско-перуанского археолога и этно-орнитолога Е.Н. Яковлева (1895–1934), прожившего 11 лет в столице Перу г. Лима и чье имя увековечено в названии «бульвар Евгения Яковлева». Будучи сыном довольно известных народовольцев, сосланных за свою деятельность в Торжок, Евгений Яковлев был вынужден эмигрировать и остался жить и работать в Лиме. Он работал заместителем директора Археологического музея в Лиме и в Национальном музее, вел научные изыскания, публиковал свои научные труды в журнале «Revista del Museo Nacional», издаваемом Национальным музеем Перу. Всероссийский историко-этнографический музей в г. Торжок Тверской области формирует архив семьи Яковлевых, и в настоящее время в составе коллекции музея более ста их документов и фотографий.

В.В. Леонидов

«ЛИКИ НЕСКУЧНОГО»:
ВЫСТАВКА В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
(27 мая 2019 г.)

Экспозиция «Лики Нескучного» знаменовала собой начало трехдневного марафона открытия Музея русского зарубежья. И в этом была своя логика. Замечательные этюды и картины одной из лучших художниц России, умершей в Париже в 1967 г., словно дали какое-то светлое вступление к первому дню работы музея, посвященного триумфу и трагедии русского изгнания.

На выставке были представлены произведения художников, чьи имена золотом вписаны в историю культуры нашей страны: и работа замечательного скульптора-баталиста Евгения Лансере, чьи бронзовые скакуны и казаки, такие популярные в России, стояли на столах представителей самых известных семей русского общества, и портрет кисти Альберта Бенуа, брата знаменитого искусствоведа и основателя журнала «Мир искусства» Александра Бенуа, и чудесные восточные акварели другого Евгения Лансере, сына скульптора. Настоящим открытием явились виртуозно выполненные графические рисунки Екатерины Лансере-Зеленковой, сестры великой Зинаиды Серебряковой, и прекрасные акварели ее сына Дмитрия (талантливый мастер, главный художник Мариинского театра, он сгинул в ГУЛАГе).

И все же главной «жемчужиной» стали никогда ранее не выставлявшиеся работы великой, несравненной, блистательной — да как только ее не называли! — Зинаиды Лансере, будущей Зинаиды Серебряковой.

Все эти произведения объединены темой имения Нескучное, находившегося в Курской губернии (ныне Харьковская область). Ураган «красного колеса» не пощадил Нескучное: усадьба была сожжена и разграблена, а могила хозяина — скульптора Евгения Лансере — осквернена. И все-таки обитателям Нескучного удалось вывезти оттуда произведения, которые спустя сто лет наконец-то предстали перед зрителями.

Между тем на рубеже XIX–XX вв. Нескучное являлось одним из самых ярких примеров культуры благословенных «дворянских гнезд». Здесь на семейных концертах звучала музыка, показывались домашние спектакли, рождались произведения, ставшие символами России. Здесь уходил в прошлое «золотой» русский век и рождалась новая эпоха. Здесь создавал свою конницу Евгений Лансере, писал этюды и искусствоведческие очерки Александр Бенуа, овладевал мастерством художника сын скульптора Евгений Евгеньевич Лансере. В Нескучном Зинаида Серебрякова рисовала с натуры крестьянок — так появился ее знаменитый «Кре-

стьянский цикл». Она очень любила Нескучное, приезжала сюда каждый год, сначала с сестрой и братом, позже с детьми.

И отсюда, из Нескучного, в 1921 г., сквозь охваченную хаосом страну, племянник Серебряковой, сын сестры художницы Екатерины Дмитрий Зеленков вывез уцелевшие работы своих родных в Петроград. Этюды, рисунки и акварели долго хранились в петергофской многоэтажке в семье Зеленковых-Лазаревых-Якубовичей, прямых наследников Екатерины Евгеньевны Лансере-Зеленковой. И все это происходило в XX в.! Остается только поражаться мужеству замечательных людей, не продавших картины в годы репрессий и не выменявших их на хлеб в блокаду...

Сейчас владельцами художественных работ являются математики Юрий и Дмитрий Якубовичи. Новый этап в судьбе сокровищ наступил, когда о них узнала ныне живущая в Нарве искусствовед Ирина Евгеньевна Иванченко. Пережившая блокаду, работавшая в Михайловском у самого Гейченко, она многие годы занимается историей русских дворянских родов. Особенно же ее интересуют многочисленные потомки поэта Серебряного века Константина Случевского. И. Иванченко нашла сотни документов в самых разных странах мира. Книги исследовательницы «Родов связующая нить» [Иванченко 2011] и «Род Случевских в истории. Портреты и судьбы» [Иванченко 2004] получили широкое признание. А так как племянница поэта Случевского вышла замуж за представителя рода Зеленковых, неутраченная Ирина Евгеньевна «напала на след» петергофских сокровищ.

Она обработала огромный архив Лазаревых-Зеленковых-Серебряковых-Якубовичей и выпустила книгу «У памяти в плену. По материалам семейного архива» [Иванченко 2017б], изданную на белой мелованной бумаге, с прекрасными иллюстрациями — фотографиями работ Серебряковой и ее близких, хранившихся у Якубовичей. Однако книга увидела свет в Нарве, тираж всего сто экземпляров, без указания ISBN, и мало кому попала в руки. В № 2 журнала «Русское искусство» за 2017 г. была опубликована глава из книги «У памяти в плену...» и представлены некоторые акварели и рисунки из этого собрания (см.: [Иванченко 2017а]).

О судьбе Нескучного рассказала в своей книге знаменитый искусствовед Тамара Рыбакова [Рыбакова 2015], но ей ничего не было известно о собрании шедевров у наследников Екатерины Евгеньевны Лансере-Зеленковой.

Более ста лет работы ни разу не экспонировались.

И вот долгожданный день настал. Перевозка шедевров из Петергофа и создание экспозиции потребовали больших усилий от сотрудников Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Основную идею решения выставки предложила и реализовала Светлана Урбан. Наряду с изобразительными работами здесь были представлены архивные документы обитателей Нескучного, в том числе альбом уникальных фотографий, на которых запечатлена Зинаида Серебрякова со своими детьми. Изобразительный ряд замечательно дополняли мемориальные вещи — например, шкафчик и посуда из дома Бенуа. Две прекрасные работы были предоставлены Ольгой Адамишиной, также являющейся представительницей рода Лансере. На интерактивных экранах посетители имели возможность «полистать» семейные документы и рисунки.

На открытии экспозиции собралось очень много людей. Знаменательно, что некоторые потомки Лансере-Серебряковых впервые встретились друг с другом именно на этой выставке. Выступавшие благодарили за возможность лицезреть прекрасные произведения искусства и познакомиться с удивительно светлыми судьбами их создателей.

Литература

- Иванченко 2004 — *Иванченко И.Е.* Род Случевских в истории. Портреты и судьбы. СПб.: Академический проект, 2004.
- Иванченко 2011 — *Иванченко И.Е.* Родов связующая нить: Хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и в эпистолярном наследии. СПб.: Алетейя, 2011.
- Иванченко 2017а — *Иванченко И.Е.* Нескучный мир семьи Лансере-Серебряковых // Русское искусство. 2017. № 2. С. 114–122.
- Иванченко 2017б — *Иванченко И.Е.* У памяти в плену. По материалам семейного архива. Нарва, 2017.
- Рыбакова 2015 — *Рыбакова Т.В.* Зинаида Серебрякова: Мелодия души. М.: У Никитских ворот, 2015.

РЕЦЕНЗИИ

М.А. Васильева

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА П.М. БИЦИЛЛИ

Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. — М.: Водолей, 2018. — 444 с.

Выход монографии о жизни и творчестве выдающегося историка и филолога русского зарубежья Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) в преддверии его 140-летнего юбилея — знаковое событие. Перед нами — своего рода итог отдельного и весьма плодотворного этапа в изучении наследия гуманитария-энциклопедиста. П.М. Бицилли уже давно стал предметом пристального интереса исследователей; остается только констатировать: расхожий зачин среднестатистической статьи эпохи 1990-х о «незаслуженно забытом» имени в данном случае себя изжил. Бицилли посвящены диссертации и коллективные монографии, статьи и архивные разыскания, конференции и семинары, его активно издают и изучают, интерес к творческому наследию ученого с каждым годом неуклонно растет. Только за последние годы литература о нем пополнилась тематическими сборниками, ценнейшими публикациями, внушительными штудиями по отдельной тематике и монографиями (см., например: [Бицилли 2012; Современные записки 2011–2014, т. 2, с. 479–646; Галчева, Голубович 2015; Петкова 2017; Пётр Бицилли: диалог на перекрестке культур 2017]). Современное исследовательское поле вокруг имени Бицилли настолько обширно, что претендует на отдельное направление — бициллиеведение. Заметим, что термин, предложенный автором рецензируемого издания, до сих пор считается спорным, однако постепенно «врастает» в эмигрантоведение.

На наш взгляд, феномен Бицилли — многогранного ученого и оригинального мыслителя — в необычайно широких по своему диапазону интересах к самым разным областям гуманитарных знаний, в неагрессивном, поступательном проникновении его идей и методов в современную науку. Будучи представителем российской школы историографии и медиевистики, в эмиграции он становится медиатором между лучшими традициями дореволюционной академической культуры и новыми веяниями в культурологии и художественной словесности XX в., теории исторического синтеза и теории литературы, общественной мысли и философии. Видный профессор Софийского университета, создатель внушительных хрестоматий и фундаментальных трудов по Высокому Средневековью, Ренессансу и классической русской литературе, ведущий автор «канонического» эмигрантского журнала «Современные записки», он в то же время одним из первых в русской эмиграции чутко реагирует на новые имена, идеи и явления — на новаторство Михаила Бахтина и Дмитрия Чижевского, на эксперименты молодых эмигрантских и советских писателей, на первые шаги евразийства и на ново-

градский почин и т.д. Отдельная и крайне актуальная сегодня тема — влияние Бицилли на гуманитарную науку второй половины XX в., на становление научного метода С.Г. Бочарова, Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова, А.П. Чудакова и др.

Между тем эволюция бициллиеведения содержит немало парадоксальных диссонансов. На фоне живого интереса к архивному собранию ученого, его наиболее крупный архив, находящийся в России (ИРЛИ РАН, ф. 804), будучи подробно описанным [Герашко, Кудрявцев 2009], введен в исследовательский контекст лишь отчасти; уже давно признан неоценимый вклад филолога в литературную критику русского зарубежья, однако специальное издание литературно-критического наследия Бицилли еще ждет своего часа; за рубежом (в Болгарии, Украине, Польше) ему были посвящены международные конференции, и только в России не состоялось ни одной значимой научной встречи в честь выдающегося соотечественника.

Создается впечатление, что масштаб личности и наследия Бицилли до сих пор не прояснен окончательно, не определено его место на той «иерархической лестнице» славистики XX в., на верхних ступенях которой прочно обосновались, например, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон. Кажется, что даже при самом активном изучении его портрет не завершен и многое ускользает от исследовательского взгляда. Не случайно на софийской конференции «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие» (2018) одним из участников был поставлен вполне резонный вопрос: «В чем казус Бицилли?»¹

В контексте сказанного тем большее значение обретает комплексный труд М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество». На некоторых особенностях издания хотелось бы остановиться отдельно.

Михаил Бирман — автор (совместно с А.Н. Горяиновым) наиболее полной и наиболее выверенной библиографии Бицилли, а также наиболее полного биографического очерка, которые были опубликованы еще 13 лет назад в издании «П.М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории» [Бицилли 2006, с. 633–718, 733–778], став незаменимым пособием для исследователей. Однако новое издание предлагает куда более подробную и полную реконструкцию биографии ученого. И то, что автор уже много лет отслеживает библиографию софийского профессора и литературу о нем, накладывает весомый отпечаток на итоговый труд. Летопись жизни и хроника публикаций в книге прочно переплетены. Авторитетный библиограф воссоздает наглядную карту научного пути Бицилли, по которой можно отследить не только историю становления имени, его движение в большую науку, в эмигрантскую и зарубежную периодику, интенсивность публикаций в разные годы, но также исследовательский контекст, зарождение и развитие рецепции наследия ПМБ (здесь мы используем аббревиатуру, введенную автором монографии. — М.В.). Не случайно именно Бирманом предложен термин «бициллиеведение» — на эволюцию литературы об ученом он смотрит также с объективной позиции добросовестного библиографа. Его труд обращается к разысканиям и публикациям последних лет, и «список цитируемой литерату-

¹ Антон Вадимович Свешников, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

ры» впечатляет (И. Анненкова, М. Велева, Т. Галчева, М. Голубович, А. Горяинов, Т. Двинятина, Б. Каганович, М. Ковалев, О. Коростелев, Л. Любенова, Г. Петкова, Т. Попова, М. Шруба, Д. Шумейко и др.). В этом плане книга Бирмана служит путеводителем по становящемуся бициллиеведению.

Еще одна особенность издания — богатый архивный материал. Помимо разысканий последних лет, предпринятых исследователями в архиве Университета Скопье, Бахметевском архиве, Архиве Российской академии наук, рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и пр., которые отслежены и учтены в книге Бирмана, в качестве уникального источника выступает богатейший архив самого автора. Это письма разных лет к М. Бирману членов семьи Петра Бицилли, его друзей и коллег — уникальные свидетельства, скрупулезно собранные в течение многих лет. Целый ряд крайне важных событий в биографии Бицилли восстановлен или уточнен в издании по письмам его дочери Марии Петровны и внучек Елизаветы Ивановой-Аначковой и Натальи Галь. Ценные факты содержатся в письмах племянниц профессора Натальи и Татьяны Певцовых, известного театроведа (бывшей ученицы Бицилли) Нины Гурфинкель, видного болгарского слависта Николая Дылевского и друга семьи В.Ю. Макарова и др. Эпистолярный дает немало новых сведений о жизни Бицилли в дореволюционной Одессе, обстоятельствах отъезда из России (28 января 1920), первых трудных годах пребывания в Королевстве СХС и жизни в Софии, куда в начале 1924 г. профессор переехал с семьей и где возглавил в Софийском университете кафедру новой и новейшей истории (вплоть до 1948). Личный архив М.А. Бирмана вносит и принципиально важные уточнения, в том числе в сумбурно интерпретированную в ряде изданий попытку четы Бицилли на склоне лет получить советское гражданство (в 1946–1948), в котором им было отказано.

Дополняют представленный в книге материал хранящиеся в архиве М.А. Бирмана рисунки Бицилли-гимназиста, фотографии разных лет, представленное в приложении генеалогическое древо Петра Бицилли и его супруги Марии Полянкевич. В том же приложении мы найдем хронику жизни и творчества П.М. Бицилли; алфавитный перечень адресатов профессора; список псевдонимов и криптонимов П.М. Бицилли, список периодических и полупериодических изданий, где он печатался; перечень спецкурсов, прочитанных ПМБ в Софийском университете (1924–1948), и, конечно же, наиболее полную на сегодняшний день библиографию трудов ученого и литературы о нем.

И, как итог, — перед нами — тщательно исполненное исследование трудов и дней выдающегося представителя русского зарубежья.

Автор этих строк, будучи сам исследователем творчества Бицилли², почерпнул из монографии немало интересных фактов. Многие из них выстроились в своеобразную логическую цепочку. Так, например, событие «второго плана» — участие в студенческих волнениях Императорского Новороссийского университета, повлекшее за собой дважды исключение Бицилли из этого учебного заведения (в 1902 и 1905), — определило в немалой степени «отставание» на пути к

² См., например: [Васильева 2000; 2008; 2014 и др.].

званию профессора. Он поздно вошел в большую науку, защитил магистерскую диссертацию в переломном 1917-м, получив звание экстраординарного профессора в 38 лет, а защитить докторскую диссертацию, как и занять место ординарного профессора в Саратовском университете ему помешали Октябрьская революция и Гражданская война. Этот факт скажется в дальнейшем, уже в эмиграции. Вместе с тем досадный временной люфт студенческих лет объясняет зрелость первых публикаций Бицилли, их методологическую убедительность и содержательную глубину. Еще одна логическая цепочка складывается из фактов первого эмигрантского периода, когда семья Бицилли проживала в Королевстве СХС. В монографии освещен значимый и до сих пор малоизвестный сюжет — намерение ПМБ защитить в Праге докторскую диссертацию, в качестве которой должен был выступить фундаментальный труд «Очерки теории исторической науки». Над этой книгой Бицилли, по мнению автора, стал работать еще в Одессе, а завершил в эмиграции в 1922 г. Однако крайняя нужда мешает осуществиться плану, да и сам труд выходит в Праге со значительной задержкой, лишь в 1925-м, когда Бицилли уже переехал в Софию и полностью погрузился в университетскую жизнь. Что же касается «югославского» периода, то в книге Бирмана мы находим примечательную деталь — в семье ПМБ, обосновавшейся в 1921 г. в сербском городе Скопье, на полгода были оставлены на попечение его племянницы Татьяна и Наталья, пока их мать, актриса Елизавета Певцова, гастролировала на Балканах. Племянница Наталья позже оставит самые теплые воспоминания о пребывании в семье профессора³. Немаловажный штрих в истории семьи соседствует с драматичным признанием Бицилли в письме А.В. Флоровскому (осень 1923): «Что касается защиты диссертации, я несколько не спешу с ее проведением, все равно у меня нет денег для приезда и долго еще не будет» [Бирман 2018, с. 92]. Так выстраивается еще одна логическая цепочка в биографии ученого, добавляется еще один штрих к портрету русского интеллигента, расставившего четкие нравственные приоритеты в первые годы эмигрантской безытности. И монография М.А. Бирмана добавляет немало подобных существенных штрихов к портрету Бицилли. Это начавшееся еще с Одессы и растянувшееся на долгие годы общение Бицилли с И.А. Буниным и Н.Л. Окуневым; пунктуально отслеженные заграничные поездки ученого в Ригу, Таллин, Берлин, Прагу и Париж вплоть до последней поездки в 1940-м в Югославию; активное участие в съезде РОАЗ (Российская организация академических союзов Зарубежья) в Праге (1924), Белграде (1928) и Софии (1930); воспоминания учеников о преподавательском стиле профессора и т. д. Подробно останавливаться на них не позволяет формат рецензии. Безусловно, реконструкция жизни Бицилли имеет в монографии свои нюансы. Многие факты почерпнуты автором из писем очевидцев, и большая часть эпистолярия датирована 1990-ми гг. Скорее всего, их свидетельства, пропущенные через патину времени, «отредактированы» в процессе припоминания. Однако заслуга М.А. Бирмана очевидна — он инициировал эту переписку и успел зафиксировать свидетельства из первых уст.

³ Рукопись воспоминаний Н.И. Певцовой (без заглавия) хранится в архиве М.А. Бирмана.

Отпечаток на специфику книги наложила также исключительная осведомленность исследователя об истории сотрудничества П.М. Бицилли с редакцией журнала «Современные записки». Как автор, принявший участие в солидном четырехтомном издании материалов архива редакции [Современные записки 2011–2014, т. 2, с. 479–646], М. Бирман перенес этот опыт в свою монографию. Эволюция творчества Бицилли в эмигрантской периодике рассматривается в книге во многом через призму публикаций ПМБ на страницах легендарного парижского журнала и переписки с его редакцией. Бесспорно, Бицилли был одним из самых активных авторов «Современных записок», определивших лицо периодического издания. Однако, как нам представляется, исследовательская «фокусировка» в монографии помещает на второй план ряд важных сюжетов в истории диалога Бицилли с эмигрантской прессой. Так, отдельный этап в биографии профессора, озаглавленный сотрудничеством с журналами «Числа» и «Новый Град», представлен в книге довольно скупо. Об этом периоде сказано лаконично: «Кроме поименованных публикаций в “С.З.” Бицилли еще с конца 1920-х гг. напечатал в иных изданиях ряд статей небольшого объема и рецензий, откликаясь на волновавшие его проблемы демократии и культуры. Они были обнародованы преимущественно в издававшихся в Париже журналах “Новый Град” и “Числа” и в софийских журналах (на болгарском языке) “Просвета” и “Философски преглед”» (с. 193).

Между тем сотрудничество Бицилли с «Числами» и «Новым Градом» представляет большой интерес как пример диалога с альтернативной «Современным запискам» периодикой, а по своему значению схож (не количественно, но качественно) с многолетним авторством в «Современных записках». Однако частотность публикаций в «Новом Граде» тоже показательна: 8 статей (здесь ПМБ опережает самого основателя журнала И.И. Бунакова-Фондаминского, уступив лишь двум другим новоградским идеологам — Г.П. Федотову и Ф.А. Степуно) и 10 рецензий (рекордное число). Участие ПМБ в этом проекте интересно развитием идейной стратегии — от критики евразийства в 1-м номере — до эссе с программным названием «На путях к новому граду» (№ 10) и поистине новоградской статьей «Урок истории» (№ 14), посвященной самым животрепещущим общественно-политическим темам в свете нацистского переворота в Германии и неминуемой угрозы Второй мировой войны (вопросы демократии, национального права, возможной федерализации Европы и т. д.). Знаменательно, что оба журнала сформировали — каждый по-своему — новейшую идеологию молодого поколения русского зарубежья. Если наложить публикации Бицилли в «Числах» (журнале, принципиально изгнавшем политику со своих страниц) на злободневный общественно-политический «новоградский дискурс», то мы получим куда более сложный портрет ученого-эмигранта и новый значимый штрих в целостном портрете мыслителя. В сущности, это еще одна «логическая цепочка», из тех, которые выстраивает монография М.А. Бирмана. И встречные размышления автора этих строк — суть дополнение к ценному комплексному исследованию.

Литература

- Бирман 2018 — *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
- Бицилли 2006 — *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянской культуры, 2006. 808 с.
- Бицилли 2012 — *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxiома, 2012. 426 с.
- Васильева 2000 — *Васильева М.А.* Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. М.: Русский путь, 2000. С. 5–28.
- Васильева 2008 — *Васильева М.А.* П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного заочного диалога // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 18–24.
- Васильева 2014 — *Васильева М.А.* Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П.М. Бицилли с Л.П. Карсавиным // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 50–64.
- Галчева, Голубович 2015 — *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
- Герашко, Кудрявцев 2009 — *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.
- Петкова 2017 — *Петкова Г.* «Да се даде ръководеща нишка...»: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017. 655 с.
- Пётр Бицилли: диалог на перекрестке культур 2017 — Пётр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография] / под ред. Р. Мниха // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Siedlce: Institut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im Franciszka Karpińskiego, 2017. 162 с.
- Современные записки 2011–2014 — «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М., 2011–2014.

IN MEMORIAM

М.А. Васильева

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГЕОРГИЕВНЫ ВАРШАВСКОЙ

(25 августа 1923, Берлин — 9 января 2019, Ферней-Вольтер)

Для Дома русского зарубежья им. А. Солженицына Татьяна Георгиевна Варшавская — человек особенный. Между тем привычные слова — «почетный даритель», «друг и соратник» — кажутся слишком формальными, не отражают всей полноты многолетней истории отношений нашего Дома с этой выдающейся женщиной.

Вспоминая о Татьяне Варшавской, уместнее всего обратиться к записям ее мужа, Владимира Варшавского (1906–1978), — заметкам середины 1950-х гг., которые вместе с обширным архивом писателя сегодня хранятся в Доме русского зарубежья:

Посредине века моя жизнь изменилась. Всё то доброе, что я искал в жизни, я нашел в моей жене. Она не рассуждала о смысле жизни, а просто любила меня, своих родных, своих знакомых. В ней был тот источник добра и любви, который, несмотря на всю мою рассеянность, малодушие и эгоизм, я искал в жизни. Это изменило мою жизнь (ДРЗ, ф. 291).

Повтор слова «жизнь» не имеет ничего общего со стилистической оплошностью. Татьяна Георгиевна по складу характера, по отношению к людям и к делу и была — сама жизнь.

О том, насколько справедливо это «субъективное» суждение о Татьяне Георгиевне восхищенного Варшавского, можно понять по письму к нему от 21 января 1960 г. его многолетнего друга литературного критика Георгия Адамовича:

Кланяйтесь, пожалуйста, очень сердечно Татьяне Георгиевне. Вы пишете,

Татьяна Георгиевна Варшавская на премьере фильма «Незамеченное поколение Владимира Варшавского». Москва, Дом русского зарубежья, 6 сентября 2013 г.

что Вас радует, что я к ней хорошо отношусь. Как могло бы быть иначе? В-первых — она Ваша жена и сделала Вас счастливым человеком. А во-вторых, даже если это забыть (но я не забываю), она вся светится чем-то таким, от чего светло и другим. Поверьте, я написал это, и мне как-то неловко, что Вы ей, может быть, дадите это прочесть. Но это — правда, и не для «обмена любезностями» [Адамович 2010, с. 324].

До последних своих дней Татьяна Варшавская разбирала архив мужа, передавая в Москву внушительными партиями многочисленные документы, рукописи, дневники, письма, фотоматериалы, зарисовки, издания с автографами и маргиналиями, аудиозаписи и фамильные реликвии. Так постепенно в Доме русского зарубежья за последние десять лет был сформирован колоссальный фонд 291, который по праву может называться архивом эпохи. Последняя партия поступила уже после того, как Татьяны Георгиевны не стало, — и снова поразила нас богатством и разнообразием писем, фотографий и реликвий. При этом большая часть материалов была не только внимательно просмотрена вдовой писателя, но и предварительно описана, — десятки машинописных страниц с краткими аннотациями, невероятный по объему труд!

Однако не только архивом Владимира Варшавского пополнились фонды Дома русского зарубежья благодаря Татьяне Георгиевне. Ее усилиями в Россию вернулись обширные архивные собрания Бориса Никольского и о. Кирилла Фотиева, семьи Левицких-Харкевичей и радиостанции «Свобода» и т. д. Первая публикация «Основ русской культуры» прот. Александра Шмемана в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» (2013) — результат все той же посреднической миссии Татьяны Георгиевны Варшавской, передавшей в ДРЗ скрипты «Радио Свобода» с лекциями богослова.

Человек необычайной эрудиции и высокой культуры, Татьяна Варшавская помогла многим исследователям ДРЗ, в том числе в подготовке целого ряда публикаций; при ее самом активном участии вышли в свет новая редакция книги Варшавского «Незамеченное поколение» [Варшавский 2010] и том его избранных произведений «Ожидание: проза, эссе, литературная критика» [Варшавский 2016].

Отдельная часть этой фундаментальной архивной истории — личный архив самой Татьяны Георгиевны: фотографии, документы и многочисленные письма к ней выдающихся представителей русского зарубежья (Александра Керенского, Зинаиды Шаховской, Никиты Струве, Романа Гуля, Андрея Седых, о. Александра Шмемана, Натальи Столяровой, Юрия Иваска и др.). Ее эпистолярный искрит яркими именами и темами. Здесь снова вспоминаешь слова Адамовича: «...она вся светится чем-то таким, от чего светло и другим». Возможно, именно в силу этих качеств Татьяна Варшавская стала одним из самых востребованных и отзывчивых корреспондентов эмигрантской эпохи. Ей много и многие писали, от нее с радостью получали письма и с ней охотно делились идеями и новостями, сомнениями и сокровенными тайнами. Свидетельница почти целого столетия, она была для нас, исследователей русского зарубежья, бесценным звеном, соединившим современную Россию с другой ее частью — Россией зарубежной. Теперь, когда Татьяны

Георгиевны не стало, горько осознавать, что в ее лице еще одна уникальная связь с Атлантидой русского зарубежья утрачена.

Татьяна Георгиевна в разговоре об истории своей семьи всегда охотнее говорила о родителях и о своем муже Владимире Сергеевиче, чем о себе. Между тем невероятно яркая судьба этой выдающейся женщины — отдельная страница в истории русского зарубежья.

Татьяна Георгиевна Варшавская (урожд. Дерюгина) родилась в Берлине 25 августа 1923 г. в семье юриста, бывшего предводителя псковского дворянства и члена IV Государственной думы от Псковской губернии Георгия Михайловича Дерюгина (1871–1933) и Татьяны Сергеевны (урожд. Тетериной; 1879–1971). Ее старшие братья — Георгий, Михаил и Владимир — родились в России. «Я очень переживала в детстве, что появилась на свет в “каком-то” Берлине, и завидовала брату Михаилу, родившемуся в Царском Селе», — вспоминала позже Татьяна Георгиевна.

Октябрьская революция застала семью врасплох. Отец находился в Петербурге и при помощи шведского посла смог уехать в Данию. Мать бежала с детьми из Пскова в Ригу. Объединилась семья в Берлине.

В годы Второй мировой войны юная Таня Дерюгина участвовала в движении Сопротивления, укрывала бежавших из плена англичан и французов. В 1951 г. за проявленное мужество была награждена орденом — «Les Chevaliers de la Croix de Lorraine et Compagnons de la Résistance — l'ordre — à Tania Deruguine en qualité de Chevalier» (этот орден теперь хранится в Доме русского зарубежья).

После войны Татьяна переехала из Берлина в Париж, а в мае 1949 г. переехала в Нью-Йорк, где ее взяли на работу в журнал «Ридерз Дайджест» («Reader's Digest»). В США она поступила в Колумбийский университет на славянское отделение, училась у профессора Бориса Станфилда, по окончании университета работала переводчицей в Рокфеллер-центре, в Госдепартаменте США, а позже, в 1970-е — при ООН. В 1980–1981 гг. работала ассистентом А.И. Солженицына в Кэвиндише (Вермонт).

В 1957 г. в Нью-Йорке, в известном салоне Марии Самойловны Цетлиной Татьяна Дерюгина познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Варшавским, автором знаковой книги «Незамеченное поколение» (1956). 28 июня 1959 г. они обвенчались в нью-йоркской Свято-Серафимовской церкви (см.: [Васильева 2010]). Фраза «их свела судьба», при

Татьяна Дерюгина. Около 1946 г.

всей своей шаблонности, здесь более чем уместна. Даже совпадение года рождения Татьяны Дерюгиной с годом, когда Владимир Варшавский потерял старшего брата Георгия, — символично. Смерть брата в 1923 г. в Русской гимназии

Татьяна и Владимир Варшавские. 1964 г.

Татьяной Дерюгиной. Кажется невероятным, но ни расстояния, ни многочисленные эмигрантские блуждания по разным странам, ни разница в возрасте не помешали состояться этой встрече. На склоне лет, в своем автобиографическом романе «Ожидание» Варшавский напишет:

Если человечество придет к тейяровой точке Омега, я готов все *простить*: и смерть близких, и все страшное, что происходило и происходит в мире, все чудовищные преступления, все неискупимые страдания, все непоправимые обиды, все миллионы раздавленных существований. Но я ставлю одно условие: с моей женой не должно произойти ничего дурного. С этим я не смогу примириться. Мне страшно, что я не могу охранить ее от страданий и смерти [Варшавский 2016, с. 312].

Судя по всему, заветное «условие» Владимира Варшавского было исполнено: долголетие Татьяны Георгиевны и ее необычайная жизнерадостность до сих пор продолжают восхищать, сохраняют свой отсвет. Она много путешествовала, встречалась с друзьями в России и в других странах, плодотворно работала как переводчик, в Татьянин день ее дом в Ферней-Вольтере всегда был полон народом. Незадолго до смерти, в сентябре 2018 г., Татьяна Георгиевна со своим другом профессором Жоржем Нива посетила Санкт-Петербург и затем увлеченно и со свойственным ей жизнелюбием рассказывала всем об этой поездке. «Прожила Татьяна Георгиевна долгую насыщенную жизнь и оставила по себе добрую память. Нам бы так», — напишет в письме к автору этих строк Наталия Дмитриевна Солженицына.

На отпевании Татьяны Варшавской 15 января 2019 г. в церкви Шамбези под Женевой присутствовало много народу — ее друзья, близкие; в совершении обряда отпевания принимал участие ее внучатый племянник священник Михаил Филиппенко. Панихида и погребение прошли 17 января в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Татьяна Георгиевна нашла упокоение на знаменитом русском кладбище рядом со своим мужем Владимиром Сергеевичем Варшавским.

Светлая память!

Переданные Т.Г. Варшавской архив и реликвии заняли достойное место в Музее русского зарубежья.

Литература

- Адамович 2010 — Георгий Адамович: «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 255–344.
- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста прилож., послесл. М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.
- Варшавский 2016 — *Варшавский В.С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика / предисл. Т.Н. Красавченко; сост., подгот. текста и коммент. Т.Н. Красавченко, М.А. Ва-

IN MEMORIAM

ильевой; послесл. М.А. Васильевой; вступ. ст. к прилож., сост. и подгот. текста М.А. Васильевой при участии О.А. Коростелева. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Книжница, 2016. 752 с.

Васильева 2010 — *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском // Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. 405–424 с.

РЕЗЮМЕ

УДК 92

**Наталья Дмитриевна Солженицына:
«У нас обоих было не “заячье сердце”»**

Интервью Катерине Гордеевой

Интервью записано в декабре 2017 г. на выставке «Писатель и тайна: Александр Солженицын» (Государственный музей-заповедник «Царицыно») в преддверии 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына. Опубликовано 30 января 2018 г.: <https://www.colta.ru/articles/literature/17197-u-nas-oboih-bylo-ne-zayachie-serdtse>.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, русское зарубежье, СССР, Россия.

УДК 821.161.1, 09, 091-5

Т.В. Марченко

**И.С. Шмелев и его окружение в фондах
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына:
перспективные стратегии исследования и издания**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarkh@mail.ru

Обзорная статья посвящена целям и задачам шмелеведения. Основной архив писателя хранится в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, он прошел научно-техническую обработку и вместе с архивными фондами РГАЛИ и НИОР РГБ становится фундаментом исследовательских практик и научно-критического издания наследия писателя. В статье намечены стратегии основных направлений коллективной научной работы на пути к созданию полного собрания сочинений писателя.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, наследие Ивана Сергеевича Шмелева, архив Шмелева, собрание сочинений.

УДК 82, 091, 002, 929

Т.В. Марченко, О.Н. Патока
**Архивное собрание Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына. Фонд 41 «Шмелев Иван Сергеевич»:
Исторический экскурс и обзор фонда**

Т.В. Марченко
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

О.Н. Патока
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: patolin@mail.ru

Формирование фонда 41 «Шмелев Иван Сергеевич» в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына было многоэтапным. Во время научно-технической обработки шмелевской коллекции материалы были описаны, систематизированы и стали доступны для дальнейшего научного изучения и издания. Краткий обзор фонда знакомит с основными комплексами архива — рукописями сочинений писателя и его обширным эпистолярием.

Ключевые слова: архив Ивана Шмелева, архивная опись, материалы фонда, рукописи, эпистолярий.

УДК 83.3 (2 Рос 6) 4 Укр + 63.3 (2) 6-4

О.Н. Патока
Культура сердца

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: patolin@mail.ru

Архив Ивана Шмелева, хранящийся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, поражает своей емкостью. Многообразно не только литературное, но и эпистолярное наследие крупнейшего русского писателя И.С. Шмелева. Среди его корреспондентов обнаруживаются неизвестные люди, и нить исследователя может привести к открытию новых судеб, поражающих своей неординарной историей. Такой исторической ниточкой послужило письмо к Ивану Сергеевичу нашей соотечественницы В.Н. Петровой, находившейся на тот момент в Подкарпатской Руси. Автором выявляются потомки семьи Петровых, прослеживается их история, более обстоятельно — внука Варвары Николаевны, Вадима Вадимовича Петрова, ставшего крупным композитором в Чехословакии. Основной темой размышлений автора статьи является не-

преложная духовная связь нескольких поколений этой семьи. Описываемые события охватывают период с 1927 г. по сегодняшний день.

Ключевые слова: русская эмиграция, русская эмиграция в Чехословакии, Подкарпатская Русь, русское зарубежье: литература, русское зарубежье: церковь, русское зарубежье: музыка, И.С. Шмелев, В.А. Петров, В.Н. Петрова.

УДК 929Новгород-Северский + 821.161.1

А.Д. Зорина

**И.И. Новгород-Северский и Ю.А. Кутырина:
Загадка первой встречи (из опыта работы с архивными
фондами близких И.С. Шмелева)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: annzorina25@gmail.com

Статья посвящена жизни и творчеству Ивана Ивановича Новгород-Северского, поэта, писателя, издателя (по архивным материалам Дома русского зарубежья им. А. Солженицына). Особое внимание уделяется первой встрече И.И. Новгород-Северского с Ю.А. Кутыриной. Интересно, что из опубликованных стихотворений И.И. Новгород-Северского мы узнаем о том, что он и Ю.А. Кутырина были знакомы с юности, приблизительно с 1907 г., когда они жили в России. А в биографических документах, хранящихся в фонде, а также в опубликованных воспоминаниях И. Жантийома-Кутырина (сына Ю.А. Кутыриной от первого брака) говорится о том, что они впервые встретились лишь в эмиграции, в 1927 г. в Париже. В заключение статьи приводится обзор документов, хранящихся в архивном фонде «Иван Иванович Новгород-Северский».

Ключевые слова: И.И. Новгород-Северский, Ю.А. Кутырина, И. Жантийом-Кутырин, поэзия, русская эмиграция, архивные документы, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 929, 93/94

П.Е. Ковалевский

Дневники

(январь–февраль 1924)

Публикация, вступительная статья и комментарии Н.В. Ликвинцевой

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Впервые публикуются дневниковые записи историка Петра Евграфовича Ковалевского за январь–февраль 1924 г., в которых идет речь о повседневной жизни рус-

ского эмигрантского Парижа и о съезде Бюро Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Праге.

Ключевые слова: Петр Евграфович Ковалевский, дневники, история русского зарубежья, РСХД.

УДК 930.25+7.036+78.071

С.В. Романова, М.Г. Талалай
**Фонд композитора Натальи Правосудович (1899–1988)
в архивном собрании Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына**

С.В. Романова
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: s.v.romanova@yandex.ru

М.Г. Талалай
Милан–Москва, Институт всеобщей истории РАН
E-mail: talalaym@mail.ru

В статье дается обзор фонда 1, М-60 архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, в который вошли воспоминания, партитуры, концертные программки, рецензии и аудиозаписи, отправленные в 1978 г. А.И. Солженицыну композитором Натальей Михайловной Правосудович (1899–1988), жившей в эмиграции в г. Мерано (Италия). В архив Дома русского зарубежья материалы попали в составе Всероссийской мемуарной библиотеки. Приводится не публиковавшееся ранее письмо Натальи Правосудович Александру Солженицыну.

Ключевые слова: Всероссийская мемуарная библиотека, русская эмиграция, русская колония в Мерано, музыка в изгнании, архивное собрание, мемуары, нотография.

УДК 821.161.1+ 72.012

А.Б. Шишкин
«Метафизический палладианец» Андрей Белобородов

Италия, Университет Салерно
E-mail: chichkine@gmail.com

В статье намечено описание художественного и жизненного пути художника-архитектора А.Я. Белобородова в России и в эмиграции. Статья предваряет публикацию фрагмента мемуаров художника, посвященных 1915–1918 гг.

Ключевые слова: А.Я. Белобородов, Дж. де Кирико, Вяч.И. Иванов, неоклассицизм, русская эмиграция в Париже и Риме, убийство Г. Распутина, революции 1917 г.

УДК 821.161.1+ 72.012

М.А. Васильева

Вечный город и Великий остров Андрея Белобородова

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

В статье рассматривается единство мемуарного, архитектурного и художественного наследия выдающегося представителя русского зарубежья Андрея Яковлевича Белобородова (1886–1965). Образы его графических циклов, созданных в Италии, интерпретируются как визуальный пролог к мемуарам. Особое внимание уделяется островной символике в творческом наследии художника (графический цикл «Великий остров») и «двуполюсности» белобородовского «петербургского текста».

Ключевые слова: архитектура и изобразительное искусство русского зарубежья, А.Я. Белобородов, мнемопоэтика русского зарубежья, «петербургский текст» русской эмиграции.

УДК 82-94

А.Я. Белобородов

Воспоминания

*Публикация подготовлена к печати Е. Дервяго и М. Пчелинцевой
под редакцией А. Шишкина*

Художник и архитектор Андрей Яковлевич Белобородов родился в Туле в 1886 г. С 1905 по 1912 г. — студент Императорской академии художеств, ученик Л.Н. Бенуа. После окончания Императорской академии художеств работал над интерьерами Кабинета Е.И.В. в Аничковом дворце, особняка Г.Г. Черткова и нижнего этажа дворца Юсуповых (набережная Мойки, 94), осуществлял архитектурные экспедиции. Воспоминания А.Я. Белобородова интересны тем, что не только отражают его частную и профессиональную жизнь, но и оказываются встроены в жизнь целого поколения, а исторические события, такие как убийство Г. Распутина и революции, вторгаются в его собственную судьбу. Возможно, именно из-за стремления осмыслить происходящие вокруг события автор не придерживается строгой мемуарной формы повествования от первого лица. Как и многие его современники, Белобородов был вынужден покинуть Россию, и с 1934 г. до своей смерти в 1965 г. он постоянно жил и работал в Риме.

Ключевые слова: А.Я. Белобородов, Ф.Ф. Юсупов, Юсуповский дворец, Г.Е. Распутин, убийство Г.Е. Распутина, история, архитектура, мемуары, архитектурные экспедиции, Октябрьская революция.

УДК 929

Ф.Б. Поляков

Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом

Австрия, Вена

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Переводчик Ганс (Иван Федорович) Руофф (Ruoff; 1893–1985) сыграл значительную роль в рецепции трудов Льва Шестова немецкоязычной средой. На основании переписки Льва Шестова, а также неизвестных писем Ганса Руоффа к Алексею Ремизову и семейного архива Руоффа восстанавливаются основные этапы его работы над переводами и делается попытка проследить их личные контакты. В приложении публикуются две фотографии Шестова, предположительно сделанные самим Руоффом и переданные нам его дочерью.

Ключевые слова: переводы русских религиозных философов в Германии, русская культура в Германии и Австрии, Алексей Ремизов, Ганс Руофф, Лев Шестов.

УДК 80 + 82

Г.А. Тюрин

«Науки юношей питают...»: О непреходящей пользе греческой палеографии для развития европейской славистики

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: sectorais@yandex.ru

Статья посвящена юбилею профессора Ф.Б. Полякова (Венский университет, Австрия). Отмечается его значительный вклад в различные области филологической науки.

Ключевые слова: Ф.Б. Поляков, Б.Л. Фонкич, славистика, греческая палеография.

УДК 8(091) + 327 + 94(497) + 94(497.1) + 94 (470+571) + 94(437)

М.Ю. Сорокина

Роман Якобсон в Праге: Славянский институт

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья вводит в научный оборот новые документы из Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ, свидетельствующие о попытках создания Славянского института в Москве в 1923–1927 гг. как одного из важных центров европейской славистики межвоенного периода и о роли выдающегося слависта Романа Якобсона в этом процессе.

Ключевые слова: Р.О. Якобсон, Я. Папоушек, П.Г. Богатырев, М.М. Литвинов, история славяноведения, славистика, русская эмиграция, русская эмиграция в Праге, русское зарубежье, социальная история науки.

УДК 821.161.1

М.А. Васильева

Союз как самостоятельная часть речи

(Об одном стихотворении Георгия Иванова)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

Статья посвящена позднему периоду творчества Георгия Иванова и прежде всего его «Посмертному дневнику», большей частью опубликованному в «Новом журнале» в 1958–1961 гг. Особое внимание уделяется стилистическому разбору стихотворения «За столько лет такого маянья...» и роли подчинительного союза как семантической границы.

Ключевые слова: Георгий Иванов, «Посмертный дневник», проблема авторства, феномен «обратной пропорции» в поэтике Г.В. Иванова.

УДК 82 + 82-6 + 811.161.1'336

Н.Ю. Масоликова

«Письма на Родину» В.Я. Ирецкого

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nmasolikova@mail.ru

Публикуется текст русского писателя-эмигранта первой волны В.Я. Ирецкого (1882–1936) «Письма на Родину».

Ключевые слова: В.Я. Ирецкий, русское зарубежье, «философский пароход».

УДК 769 + 94(497.1) + 94(47)

И. Антанасиевич
**Балканское vs советское: Русский взгляд
(Заметки о югославских плакатах периода
немецко-фашистской оккупации (1941–1944))**

Белград, Республика Сербия, Белградский университет
E-mail: antiira@mail.ru

В статье рассматривается белградская Антимасонская выставка 1941 г. как пример балканского агитационного плаката периода Второй мировой войны, где обыгрывается антитеза «балканское — советское».

Ключевые слова: Антимасонская выставка, русская эмиграция, русское зарубежье, русский комикс, Югославия периода оккупации, визуальный образ, Вторая мировая война.

УДК 94

И. Дубови-Лузянина
Борис Исаакович Элькин (1887–1972): Жизнь и судьба

Вена, Австрия
E-mail: ilona.luzyanina@gmail.com

В статье, написанной на основе впервые вводимых в научный оборот новых архивных документов Государственного архива Российской Федерации, рассматриваются некоторые эпизоды эмигрантской жизни известного адвоката Бориса Исааковича Элькина (1882–1936).

Ключевые слова: Б.И. Элькин, русское зарубежье, русский Берлин, интеллектуальные миграции.

УДК 94(415) + 325.25

А.С. Быкова
**Павел Павлович Муратов (1881–1950):
Забывтое в Ирландии русское имя**

Грейстоунз, Ирландия, Археологическое и историческое общество Грейстоунза
E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья посвящена поиску и атрибуции могилы выдающегося русского искусствоведа П.П. Муратова в Ирландии.

Ключевые слова: русские эмигранты в Ирландии, белая эмиграция, беженцы в Ирландии, П.П. Муратов.

УДК 94(497) + 94(497.1) + 94 (470+571)

М.Ю. Сорокина

Биографика русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия: Достижения и проблемы

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья представляет основные проблемные вопросы, затрагивавшиеся на международном круглом столе «Проблемы биографики русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия», состоявшемся 2 октября 2018 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в рамках Недели русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, биографика, персональная история, мемориальная культура, национализация истории, войны памяти, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Королевство Югославия.

УДК 94

И. Антанасиевич

**В жизни все не так, как на самом деле:
Биографические данные и их важность**

Белград, Сербия, Университет Белграда
E-mail: antiira@mail.ru

В статье дается обзор новых биографических материалов русских художников-комиксистов, работавших в эмиграции в Королевстве Югославия в межвоенный период XX в. Приводятся новые данные об их жизни и творчестве на основании архивных документов, а также определяются наиболее проблемные места художественных биографий, все еще ждущие своих исследователей.

Ключевые слова: русский комикс, наследие, биографика, Югославия.

УДК_929 + 327 + 329 + 32.019.57 + 321.022 + 321.64 + 321.74

Н.В. Бондарев

**Деятельность Коминтерна на Балканах в 20-е гг. XX в.
(на примере биографий В.Н. Сакуна и Б.Л. Рудиной-Фосс)**

Москва, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: bondarevnikit@yandex.ru

В исследовании на примере биографий двух нелегальных агентов Коминтерна на Балканах (В.Н. Сакун и Б.Л. Рудина-Фосс) рассматриваются отношение Коммунистического Интернационала к Балканскому региону, особенности функционирования разведструктур Коминтерна, участие югославских коммунистов в гражданской войне в Испании. Исследуется сложное смешение личностных, сугубо частных и общественно-политических аспектов в биографиях указанных деятелей, влияние политической ситуации на личную жизнь и зависимость принимаемых решений от обстоятельств биографии. Впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы и свидетельства очевидцев.

Ключевые слова: Коммунистический Интернационал (Коминтерн), Балканы, Королевство Югославия, Испания, агитация и пропаганда, разведывательная деятельность, нелегальная резидентура, коммунистическое подполье, гражданская война в Испании, Вторая мировая война, Меер Трилиссер (Москвин), Иосип Броз Тито, Милан Горкич, Адольф Мук, Брайна Рудина-Фосс, Альфред Бергман, Владимир Сакун, Малина Поп-Иванова.

УДК 8(091) + 327 + 94(497) + 94(497.1) + 94 (470+571) + 94(437)

М.Ю. Сорокина

Роман Яacobсон в Праге: Дела югославские

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья вводит в научный оборот новые документы из Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ, свидетельствующие о попытках установления дипломатических отношений между Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и СССР в 1923–1926 гг. и о роли выдающегося лингвиста Романа Яacobсона в этом процессе.

Ключевые слова: Р.О. Яacobсон, Н. Пашич, Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, С. Ключич, внешняя политика, дипломатическое признание СССР, русская эмиграция, русское зарубежье, социальная история науки.

УДК 94(497.1)

А.Ю. Тимофеев

Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности)

Белград, Республика Сербия, Университет Белграда
E-mail: Al.timofev@gmail.com

В статье на основании архивных документов и обзора историографических исследований рассматривается доминирующая роль репрессий 1948–1953 гг. в Югославии против просоветских граждан в окончательном исчезновении русской эмиграции в этой стране.

Ключевые слова: русская эмиграция, Югославия, Тито, репрессии, Советско-Югославский конфликт 1948 г.

УДК 929

Р. Радженович

Роман Осипович Якобсон — член Сербской академии наук

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии
E-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs; m.saradnja@arhivyu.rs

В статье рассказывается о Сербской академии наук и искусств, ее управлении, о правилах принятия в члены академии, в том числе иностранных граждан. 14 июня 1955 г. членом Сербской академии наук стал выдающийся лингвист XX столетия Роман Осипович Якобсон (1896–1982). Читателю предлагается ознакомиться с протоколом заседания, на котором рассматривалась кандидатура Якобсона, профессора Гарвардского университета, в качестве члена-корреспондента академии.

Ключевые слова: Сербская академия наук и искусств, Отделение языка и литературы, Р.О. Якобсон, А. Белич.

УДК 94

С. Мандич

Биографические источники по истории русской эмиграции в Историческом архиве Белграда

Белград, Республика Сербия, Исторический архив Белграда
E-mail: slobodan.mandic@gmail.com

В статье рассматриваются биографические источники по истории русской эмиграции, хранящиеся в Историческом архиве Белграда. Основное внимание уделено

такому важному источнику, как Карточный реестр граждан Белграда и Земуна 1924–1950 гг. Особое внимание уделено анализу структуры данных в карточках, имеющих значение в перспективе новых исследований русской эмиграции.

Ключевые слова: русская эмиграция, Белград, Королевство сербов, хорватов и словенцев, архивы, источники.

УДК 93/94-930.1

М.М. Горинов-мл.

Что русская охранка знала о Евгении Аничкове

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

Статья посвящена бурной революционной деятельности писателя, историка литературы Евгения Васильевича Аничкова (1866–1937). Автор опирается на материалы фонда Департамента полиции, хранящиеся в Государственном архиве РФ.

Ключевые слова: Евгений Аничков, Департамент полиции, Петербургское охранное отделение.

УДК 94

К.К. Семенов

Русское наемничество в Сербии (1924 г.): Албанская авантюра в биографиях белых офицеров

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: semenov@domrz.ru

В статье рассказывается об уникальном случае наемничества в среде русской военной эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1924 г. С помощью русских наемников Ахмет-бей Зогу одержал решительную победу над своими противниками в Албании. Автор фокусирует внимание на старших офицерах Русского отряда, исследует их биографии и причины вступления в наемный отряд.

Ключевые слова: эмиграция, офицерство, Албания, наемничество.

УДК 929.52+054.72

Т.М. Симонова

**К биографии Василия Витальевича Шульгина (1878–1976):
Визит в Польскую республику в 1938 г.**

Москва, независимый исследователь
E-mail: ivansimo@ya.ru

В статье рассказывается о крупном волынском помещике В.В. Шульгине (1878–1976), его имении Курганы Острожского уезда и значении усадьбы в жизни семьи Шульгиных.

Ключевые слова: В.В. Шульгин, Волынская губерния Российской империи, русская эмиграция в Польше, апатриды, Российский общественный комитет, П.Н. Симанский, В.Ц. Каминский, эмиграция в Югославии.

УДК 94(497.1)”1944”

М. Живанович

**Молот в руках красных:
Судьба Русского дома после 1944 г.**

Белград, Республика Сербия, Белградский университет
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

В статье рассматриваются судьба центра политической и культурной жизни русской эмиграции — Русского дома в Белграде — после Второй мировой войны и прихода к власти Коммунистической партии Югославии, а также роль русских эмигрантов в реконструкции, ремонте и адаптации здания Русского дома к новым условиям. Статья основана на документах российских (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории) и сербских архивов (Архив Югославии, Исторический архив Белграда, Музей науки и техники), мемуарах и сербской прессе.

Ключевые слова: Русский дом, Белград, Дом советской культуры, Григорий Самойлов.

УДК: 902.2.502.8, 94(47).084.9, 94(497.1)

Г.Н. Энгельгардт
**«Белоэмигранты» или «простые русские люди» —
советское посольство в Белграде и казачий мемориал
в Корбевце (Вране) в начале 1990-х гг.**

Москва, Институт славяноведения РАН
E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

Два документа Архива внешней политики РФ об усилиях первого секретаря посольства СССР в Белграде В.В. Бондарева по «реабилитации» памятника строителям «Русской дороги» на юге Сербии (казачий мемориал в с. Корбевец, община Вранье). Отчет В.В. Бондарева стал одной из первых позднесоветских попыток «реабилитировать» белую эмиграцию в Югославии при формальном соблюдении идеологических догм.

Ключевые слова: русская эмиграция в Сербии/Югославии, памятники русским эмигрантам, «Русская дорога», историческая политика, политика памяти, Корбевец, русско-сербские связи.

УДК 94

И.А. Конорева
**О реализации проекта «Русский некрополь
в Белграде и других городах Сербии»**

Курск, Курский государственный университет
E-mail: ikonoreva@yandex.ru

В статье рассмотрен вопрос о реализации научно-образовательного проекта «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии», выполняемого с 2014 г. преподавателями и студентами исторического факультета Курского государственного университета. Проект направлен на сохранение в информационном пространстве собранных в ходе научных экспедиций сведений о захоронениях соотечественников, установление контактов с представителями сербской общественности в целях поиска дополнительных данных о представителях русской эмиграции, а также возможность дальнейших совместных научных изысканий.

Ключевые слова: Русский некрополь в Белграде, Ново Гробле, Первая мировая война, русская эмиграция в Сербии, историческая память.

УДК 93/94

Н.И. Герасимов

«Поражение Гитлера есть необходимое <условие>... революции»: Из редакционной переписки журнала «Дело труда — Пробуждение» (март–апрель 1941 г.)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Публикация включает в себя редакционную переписку журнала «Дело труда — Пробуждение» за март–апрель 1941 г. Она состоит из трех писем Г.П. Максимова к нью-йоркской группе редакции, его заявления о выходе из редколлегии и пространного ответного письма от коллектива редакции. В переписке обсуждаются проблемы журнала и способы их преодоления.

Ключевые слова: «Дело труда — Пробуждение», анархизм, русская анархистская эмиграция, Г.П. Максимов, анархистская пресса.

УДК 930

П.А. Трибунский

В.С. Слепченко и россиеведение в Университетском колледже Ноттингема

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

Статья посвящена биографии В.С. Слепченко (1887–1966) и его роли в развитии россиеведения в Университетском колледже Ноттингема.

Ключевые слова: В.С. Слепченко, россиеведение в Великобритании, Университетский колледж, Ноттингем, российское зарубежье.

УДК 94(415) + 94(47).084, 325.25

А.С. Быкова

Русские могилы на кладбище Маунт Джером (Дублин, Ирландия)

Грейстоунз, Ирландия, Археологическое и историческое общество Грейстоунза
E-mail: abykovaireland@gmail.com

Автор рассказывает о проведенном в 2017–2018 гг. исследовании, которое было посвящено поиску и идентификации русских могил на одном из главных кладбищ города Дублина Маунт Джером (район Харольдс Кросс). Обозначение «русские» в данном кон-

тексте употребляется в широком смысле, имеются в виду прежде всего представители белой эмиграции, а также другие выходцы из Российской империи, советской России и СССР. На данный момент найдено 38 захоронений, за каждым из них стоит сложная судьба, отразившая перипетии русской истории и истории русской эмиграции XX в.

Ключевые слова: русские эмигранты в Ирландии, белая эмиграция, беженцы в Ирландии, Ирландский Красный Крест, Ирландия в 1950-е гг., кладбище Маунт Джером.

УДК 94(497) + 94 (497.11) + 94 (470+571)

М.Ю. Сорокина

**Неделя русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов
и словенцев / Югославии / Сербии в Доме русского зарубежья
имени Александра Солженицына**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор «Недели русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии / Сербии», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 1–5 октября 2018 г. и посвященной 180-летию установления дипломатических отношений между Сербией и Россией: художественно-документальной выставки «Русский комикс Королевства Югославия», впервые в мире представившей художественное наследие русских комиксистов-эмигрантов, ставших одними из основателей комикса в Королевстве Югославия, международного круглого стола «Проблемы биографики русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия», творческой встречи с известным сербским кинорежиссером и писателем Драганом М. Чирьяничем.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, русский комикс, биоградика русского зарубежья, выставочная экспозиция, архивные документы и музейные экспонаты.

УДК 94 + 929 + 061.3

И.Н. Косиченко

**«Российское научное присутствие в Латинской Америке»:
Научно-практический семинар**

Москва, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: ivan.kosichenko@gmail.com

В статье делается обзор докладов первого научно-практического семинара «Российское научное присутствие в Латинской Америке», проводившегося совместно

Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына и Российским государственным гуманитарным университетом и объединившего в одном академическом пространстве специалистов в различных областях истории русской науки и эмиграции, от филологии и истории до естественнонаучных экспедиций.

Ключевые слова: миграции, русская эмиграция, российское научное зарубежье, российское научное присутствие в Латинской Америке, Латинская Америка.

УДК 929 + 75 + 7.074

В.В. Леонидов

**«Лики Нескучного»: Выставка в Доме русского зарубежья
имени Александра Солженицына**

27 мая 2019 г.

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Обзор посвящен выставке «Лики Нескучного», открытие которой состоялось в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 27 мая 2019 г. и знаменовало собой начало трехдневного марафона открытия Музея русского зарубежья.

Ключевые слова: Нескучное, Зинаида Серебрякова, Александр Бенуа, Альберт Бенуа, Екатерина Лансере-Зеленкова, Евгений Лансере, И.Е. Иванченко.

УДК 929+821.16+94

М.А. Васильева

Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли

<Рец.: **Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество.** — М.: Водолей, 2018. — 444 с.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

Рецензия посвящена первой наиболее полной и обстоятельной монографии о выдающемся представителе русского зарубежья, ученом-гуманитарии Петре Михайловиче Бицилли (1879–1953). Автор книги — Михаил Бирман, доктор исторических наук, славист и балканист, посвятивший многие годы изучению наследия Бицилли.

Ключевые слова: русское зарубежье, П.М. Бицилли, биография, библиография, архивы.

УДК 821.161.1+930.253

М.А. Васильева

Памяти Татьяны Георгиевны Варшавской

(25 августа 1923, Берлин — 9 января 2019, Ферней-Вольтер)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijasil@mail.ru

Некролог посвящен почетному дарителю и большому другу Дома русского зарубежья Татьяне Георгиевне Варшавской (1923–2019), вдове писателя Владимира Сергеевича Варшавского. Слово в память об этой выдающейся женщине — повод снова сказать о ее яркой судьбе, ее роли в становлении архивного собрания ДРЗ и неоценимом вкладе в Музей русского зарубежья.

Ключевые слова: некролог, русское зарубежье, Татьяна Варшавская, архив, музейное собрание.

SUMMARY

Nataliya Dmitrievna Solzhenitsyna:
«Both of us did not have a “zayachie serdtse”»
Interview with Katerina Gordeeva

The interview was recorded in December 2017 at the exhibition «Writer and Mystery: Alexander Solzhenitsyn» (State Museum-Reserve «Tsaritsyno») on the eve of the 100th anniversary of the birth of A.I. Solzhenitsyn. Published January 30, 2018: <https://www.colta.ru/articles/literature/17197-u-nas-oboih-bylo-ne-zayachie-serdtse>.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, Russian abroad, USSR, Russia.

T.V. Marchenko
The Ivan Shmelev Collections Filed
in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad:
Far-Sighted Research and Publishing Strategies

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmonth@mail.ru

Survey article is focused on the Ivan Shmelev Studies. Kept in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad his archive has been revised and, along with the funds of RGALI and RMD RSL, turns to the basis of research practice and critical publication of the writer's legacy. The article outlines the collective research strategies and joint efforts to be embodied in the Shmelev' complete works.

Keywords: Russian émigré literature, Ivan Shmelev heritage, Shmelev' archive, complete works.

T.V. Marchenko, O.N. Patoka
Fund 41 Ivan Sergeevich Shmelev
in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Archive:
Historical Look and Modern Status

T.V. Marchenko
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

O.N. Patoka
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: patolin@mail.ru

It took a few stages to set up the Fund 41 Shmelev Ivan Sergeevich at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Archive. The Shmelev materials, as revised, has been described and systematized. Now they are available for the forthcoming study and publication. A brief observation provides an insider's view of the main complexes, i.e. manuscripts and a collection of letters.

Keywords: Ivan Shmelev archive, archives inventory, fund materials, manuscripts, epistolary.

O.N. Patoka
The Culture of the Heart

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: patolin@mail.ru

The Ivan Shmelev archive in the Alexander Solzhenitsyn centre for Studies of Russia Abroad strikes you as being very impressive. Both literary and epistolary heritage of the well-known Russian writer is various. Some unknown people come up among his correspondents and his research line can lead to the discovery of new destinies with extraordinary history. The letter of our compatriot, Petrova V.N., staying at that time in Podkarpatskaya Russ, to Ivan Sergeevich, turned out to be such a historical connection. The author discovers the Petrov's family descendants and follows their history, the history of her grandson, Vadim Vadimovich Petrov, who became a well known composer in Checkoslovakia, in more detail. Immutable spiritual connection of this family generations is the main topic of the author's reflections. The events described cover the period from 1927 to the present day.

Keywords: Russian emigration, Russian emigration in Checkoslovakia, Podkarpatskaya Russ, Russia Abroad: literature, Church, music, Ivan Shmelev, V.A. Petrov, V.N. Petrova

A.D. Zorina

**I.I. Novgorod-Severskiy and Y.A. Kutyryna:
Mystery of the First Meeting (Based on Documents
from Archival Funds of Close People by I.S. Shmelev)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: annzorina25@gmail.com

The article is devoted to life and creative work of Ivan Ivanovich Novgorod-Severskiy (1893–1969), Russian poet, writer and publisher (based on Archival Materials of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad). Special attention is given to the I.I. Novgorod-Severskiy's first meeting with Y.A. Kutyryna. Interestingly, from the published poems of I.I. Novgorod-Severskiy we learn that he and Yulia Kutyryna knew each other well since around 1907, when they were both young and lived in Russia. However, biographical notes found among archival sources, and published memoirs of I. Zhantiyom-Kutyryn (son of Y.A. from her first marriage) refer to the meeting of Y. Kutyryna and I.I. Novgorod-Severskiy in 1927 in Paris as first. The article concludes with an overview of documents of the Ivan Ivanovich Novgorod-Severskiy personal fund.

Keywords: I.I. Novgorod-Severskiy, Y.A. Kutyryna, I. Zhantiyom-Kutyryn, Russia Abroad, archival documents, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

P.E. Kovalevsky

The Diaries

(January–February of 1924)

The publication, introduction and comments by N.V. Likvintseva

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

There is the first publication of the Diaries of historian Petr Kovalevsky for the January-February of 1924 where we can read about the daily living of Russian emigrant Paris, about the congress of Bureau of Russian Student Christian Movement in Prague.

Keywords: Petr Kovalevsky, diaries, history of Russia Abroad, Russian Student Christian Movement.

S.V. Romanova, M.G. Talalay
**The Fond of the Composer Natalia Pravosudovich (1899–1988)
in the Archive of the Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad**

S.V. Romanova
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: s.v.romanova@yandex.ru

M.G. Talalay
Milan–Moscow, the Institute of the Universal History of the Russian Academy of Sciences
E-mail: talalaym@mail.ru

The article provides an overview of the Fond 1, M-60 of the Archive of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, which included memories, music, concert programs, reviews and musical recordings, sent in 1978 to Alexander Solzhenitsyn by composer Natalia Pravosudovich (1899–1988), who lived in exile in Merano (Italy). The materials became a part of the all-Russian Memoir Library. It is quoted previously unpublished letter Natalia Pravosudovich to Alexander Solzhenitsyn.

Keywords: The All-Russian Memoir Library, archives, fond, Russian emigration, Russian colony in Merano, music in exile, memories, musical recordings, note writing.

A.B. Shishkin
«The Metaphysical Palladian» Andrey Beloborodov

Salerno University, Italy
E-mail: chichkine@gmail.com

The article traces the artist and the architect A. Ia. Beloborodov art and life path in Russia and in the emigration.

Keywords: A. Ia. Beloborodov, G. de Chirico, V. I. Ivanov, neoclassicism, Russian emigration in Paris and Rome, assassination of G. Rasputin, Revolution of 1917.

M.A. Vasilieva
Eternal City and Great Island of Andrey Beloborodov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: marijavid@mail.ru

In article the unity of memoirs, architectural and art heritage of the outstanding representative of the Russian abroad Andrey Beloborodov (1886–1965) is considered. Images of its graphic cycles created in Italy are considered as the visual preface to memoirs. Special

attention is paid to island symbolics in creative heritage of the artist (the graphic cycle «Great Island») and opposite of the Beloborodov's «St. Petersburg text».

Keywords: architecture and fine arts of the Russian abroad, Andrey Beloborodov, mnemonic poetic manner of the Russian abroad, «St. Petersburg text» of the Russian emigration.

A.Ya. Beloborodov

Memories

*The publication was prepared by E. Derevyago and M. Pchelintseva
edited by A. Shishkin*

Artist and architect Andrey Yakovlevitch Beloborodov was born in Tula in 1886. He was a student of Imperial Academy of Arts in 1905–1912 under supervision of Leon Benois. After graduating Imperial Academy of Arts he took part in design of Cabinet of His Emperor Majesty of Anichkov palace, mansion of G. Chertikova and ground floor of Yusupov Palace. He also took part in architectural expedition. Interlacement of private live and historical events is of interest in Beloborodov reminiscence. Maybe because of that Beloborodov didn't abide by first person narration commonly used for memoir form. Like many of his contemporaries Beloborodov was forced to left Russia and from 1934 till his death in 1965 lived and worked in Rome.

Keywords: A.Ya. Beloborodov, F.F. Yusupov, Yusupov Palace, G.E. Rasputin, murder of G.E. Rasputin, history, architecture, memoir, architectural expeditions, October Revolution.

F.B. Polyakov

The Encounters of Lev Shestov with his Translator Hans Ruoff

Austria, Wien

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

The well-known translator from the Russian Hans (Ivan Fedorovich) Ruoff (1893–1985) played also a significant role in Lev Shestov's reception in German-speaking countries. The present paper aims at reconstructing of the main stages of Ruoff's work based on the correspondence of Lev Shestov, as well as on the unpublished letters of Hans Ruoff to Alexey Remizov and the family archive of Ruoff. The annex includes two photos of Shestov, presumably taken by Ruoff himself and submitted to us by his daughter.

Keywords: translations of Russian religious philosophers in Germany, Russian culture in Germany and Austria, Alexey Remizov, Hans Ruoff, Lev Shestov.

G.A. Tuirina

**«The Science of the Young Men Feeds...»:
On the Enduring Benefit of Greek Paleography
for the Development of European Slavic Studies**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: sectorais@yandex.ru

The article is dedicated to the jubilee of Professor F.B. Polyakova (University of Vienna, Austria) and notes his significant contribution to various fields of philological science.

Keywords: F.B. Polyakov, B.L. Fonkich, Slavic studies, Greek paleography.

M. Yu. Sorokina

Roman Jakobson in Prague: Slavic Institute

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article introduces new documents from the Archive for Foreign Policy of the Russian Federation of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation, testifying the attempts to establish the Slavic Institute in Moscow in 1923–1927 as one of the important centers of European Slavic studies of the interwar period and the role of the eminent slavist Roman Jakobson in this process.

Keywords: Roman Jakobson, P. Bogatyrev, Y. Papousek, M.M. Litvinov, the history of Slavic studies, Slavic studies, Russian emigration, Russian emigration to Prague, Russia Abroad, social history of science.

M.A. Vasilieva

Conjunction as a Notional Part of Speech

(about One Poem by Georgy Ivanov)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: marijvasil@mail.ru

The article is devoted to the late period of the creativity of Georgy Ivanov and, above all, his «Post-mortem Diary», mostly published in the «New Review» in 1958–1961. Special attention is paid to the stylistic analysis of the poem «For so many years of such toiling...» and the role of the subordinative conjunction as a semantic border.

Keywords: Georgy Ivanov, «Post-mortem Diary», problem of authorship, phenomenon of «inverse proportion» in poetry by G.V. Ivanov.

N.Yu. Masolikova
«Letters to the Homeland» by V.Ya. Iretsky

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@mail.ru

The publication of the text of the Russian emigre writer of the «first wave» V.Ya. Iretsky (1882–1936) — «Letters to the Homeland».

Keywords: V.Ya. Iretsky, Russia Abroad, «philosophical ship».

I. Antanasijevich
Balkan vs Soviet: Russian View
(Notes on the Yugoslav Posters of the Period of German-Fascian Occupation (1941–1944))

Belgrade, Serbia, The University of Belgrade
E-mail: antiira@mail.ru

The article deals with the visual material of the Belgrade Anti-Masonic Exhibition of 1941 as an example of a Balkan propaganda poster of the Second World War period, where the antithesis «Balkan — Soviet» is played out.

Keywords: Anti-Masonic exhibition, Russian emigration, Russia Abroad, Russian comics, Yugoslavia under the occupation, visual image, World War II.

I. Dubowy-Luzyanina
Boris Elkin (1887–1972): Life and Fate

Vien, Austria
E-mail: ilona.luzyanina@gmail.com

The article, written on the new archival documents of the State Archive of the Russian Federation, introduces and discusses some episodes of the emigrant life of the eminent lawyer Boris Isaakovich Elkin (1882–1936).

Keywords: B.I. Elkin, Russia Abroad, Russian Berlin, intellectual migration.

A.S. Bykova

**Paul Mouratoff (1881–1950):
Forgotten Name in Ireland**

Greystones (Ireland), Greystones Archaeological & Historical Society
E-mail: abykovaireland@gmail.com

The article describes the search and the identification of world famous art historian Paul Moratoff's grave at Saint James Church Graveyard (Ireland).

Keywords: Russian emigres in Ireland, White Russians, refugees in Ireland, Saint James Church Graveyard.

M. Yu. Sorokina

**The Personal History of the Russian Emigration
in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia:
Progress and Problems**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article presents the main problematic issues addressed at the International Round Table «The Personal History of the Russian Emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia», held on October 2, 2018 at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad in the framework of the Week of the Russian Emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia.

Keywords: Russian emigration, Russkoe zarubesh'e, biography, personal history, memorial culture, nationalization of history, memory wars, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Kingdom of Yugoslavia.

I. Antanasijevich

**In Life Everything is not so in Reality:
Biographical Data and its Importance**

Belgrade, Serbia, The University of Belgrade
E-mail: antiira@mail.ru

The article provides an overview of the new biographical materials dealing with the Russian comic book artists who worked in exile in the Kingdom of Yugoslavia during the interwar period of the twentieth century. New data on their life and work are given on the basis of the archival documents. It focuses on the most problematic places of the artistic biographies, still waiting for their researchers.

Keywords: Russian comics, heritage, biografika, Yugoslavia.

N. V. Bondarev

**Comintern and the Balkans in the 1920s
(Illustrated by the Cases of V. Sakun and B. Rudin-Foss)**

Moscow, Russian State University for the Humanities

E-mail: bondarevnikit@yandex.ru

This article is dedicated to life and deeds of two Comintern secret agents, Vladimir Sakun and Briana Rudin-Foss, stationed in the Balkans in late 1920s. Their biographies are brilliant example of Comintern undercover activities in Kingdom of Yugoslavia - spreading communist propaganda, transferring and laundering dirty money, buying illegal weapons, preparing the revolt, making arrangements for the civil war yet to come. Article is based mainly on never before published archive materials and memoirs.

Keywords: Comintern, Balkans, Kingdom of Yugoslavia, illegal activities, communist propaganda, revolt, insurrection, civil war, Spanish Civil War, Second World War, Meer Trilisser (Moskvin), Josip Broz Tito, Milan Gorkic, Adolf Muk, Briana Rudin-Foss, Alfred Bergman, Vladimir Sakun, Malina Pop-Ivanova

M. Yu. Sorokina

Roman Jakobson in Prague: Yugoslavian Case

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article introduces new documents from the Archive for Foreign Policy of the Russian Federation of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation, testifying the attempts to establish diplomatic relationship between the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and the USSR in 1923–1926 and the role of the eminent linguist Roman Jacobson in this process.

Keywords: Roman Jacobson, N. Pasić, G.V. Chicherin, M.M. Litvinov, S. Kluić, foreign policy, recognition of the USSR, Russian emigration, Russia Abroad, social history of science.

A. Yu. Timofeev

**Broken Fates. 1948–1953. Repression against Russian Emigration
in Yugoslavia during the First Post-War Decade
(by Materials of Public Safety Management)**

Serbia, University of Belgrade

E-mail: Al.timofev@gmail.com

The author of this article on the basis of archival documents and valuable archival documents argues the dominant influence of Tito's repressions of 1948–1953 in Yugoslavia against pro-Soviet citizens to the final disappearance of the Russian emigration in this country.

Keywords: Russian emigration, Yugoslavia, Tito, repression, the Soviet-Yugoslav conflict of 1948.

R. Radzhenovich

Roman Osipovich Jakobson — Member of the Serbian Academy of Sciences

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia
E-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs; m.saradnja@arhivyu.rs

The article tells about the Serbian Academy of Sciences and Arts, its management, the rules for admission to the academy, including foreign citizens. On June 14, 1955, the outstanding linguist of the XX century, Roman Osipovich Jacobson (1896–1982), became a member of the Serbian Academy of Sciences. The reader is invited to read the minutes of the meeting, which examined the candidacy of Jacobson, a professor at Harvard University, and his election as corresponding member.

Keywords: Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Language and Literature, R.O. Jacobson, A. Belich.

S. Mandich

**Biographical Sources for the Russian Emigration History
at the Historical Archives of Belgrade**

Belgrade, Republic of Serbia, Historical Archives of Belgrade
E-mail: slobodan.mandic@gmail.com

The paper deals with the biographical sources for the Russian emigration history hold at the Historical Archives of Belgrade. It focuses on the primary historical source, Card Register of the Citizens of Belgrade and Zemun 1924–1950. Special attention was paid to the analysis of the structure of data in the cards, especially those concerning the new perspectives of the researches of the Russian emigration.

Keywords: Russian emigration, Belgrade, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, archives, sources.

M.M. Gorinov-jun.

What Did the Russian Secret Police Know about Yevgeny Anichkov?

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The article is dedicated to the turbulent revolutionary activities of the writer, literary historian Yevgeny Vasilyevich Anichkov. The author relies on the files of the Police Department fund, stored in the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Yevgeny Anichkov, the Police Department, Petersburg's Department for defense of public security and order.

K.K. Semenov

**Russian Merchantability in Serbia (1924):
Albanian Adventure in the Biography of White Officers**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: semenov@domrz.ru

The article describes an unique case of mercenarism among Russian military emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in 1924. With the help of Russian mercenaries Ahmet Bey Zogu won a decisive victory over his opponents in Albania. The author focuses on the main officers of the Russian squad, examines their biographies and the reasons for joining the hired squad.

Keywords: emigration, officers, Albania, mercenarism.

T.M. Simonova

**To the Biography of Vasily Vitalievich Shulgin (1878–1976):
Visit to the Polish Republic in 1938**

Moscow, independent researcher

E-mail: ivansimo@ya.ru

Major Volyn landowner V.V. Shulgin. Manor Kurgany of Ostrog County and its significance in the life of the Shulgin family.

Keywords: V.V. Shulgin, Volyn province of the Russian Empire, Russian emigration to Poland, stateless persons, Russian Public Committee, P.N. Simansky, V.T.S. Kaminsky, emigration to Yugoslavia.

M. Zhivanovich

**Hammer in the Hands of the «Reds»:
The Faith of the Russian House after 1944**

Belgrade, Republic of Serbia, University of Belgrade

E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

The article examining the faith of the Russian House in Belgrade, a center of the political and cultural life of the Russian emigration after the end of the World War II when the Communist party of Yugoslavia came to power. The paper analyzes the role of the Russian immigrants in the reconstruction, renovation and adaptation of the building of the Russian

House to the new conditions. The article is based on the documents of the Russian and Serbian Archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive for the Social and Political History, Archive of Yugoslavia, Historical archive of Belgrade, Museum of Science and Technology), memoirs and Serbian press.

Keywords: The Russian House, Belgrade, The House of the soviet culture, Grigori Samoilov.

G.N. Engelhardt

«**Emigrees**» or «**Fellow Russians**»?

**Soviet Embassy in Belgrade on the Cossack Memorial
in Korbevac (Vranje Municipality) in early 1990-s**

Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

Two documents from the Foreign Policy Archive of Russian Federation on the effort of V.V. Bondarev, then diplomat at the Soviet Embassy in Belgrade to raise the issue of Cossack memorial in the village of Korbevac. Bondarev's memo was one of first attempts to «rehabilitate» emigrant Whites while pretending to follow the ideological guidelines.

Keywords: Russian emigration in Serbia / Yugoslavia, Russian monuments in Serbia / Yugoslavia, «Russian Road», historical policy, memorialization policy, Korbevac, Russian-Serbian grass-roots ties.

I.A. Konoreva

**On the Realization of the Project «Russian
Necropolis in Belgrade and other Serbian Cities»**

Kursk, Kursk State University
E-mail: ikonoreva@yandex.ru

The issue of the realization of the scientific and educational project «Russian Necropolis in Belgrade and other Serbian cities», which has been held since 2014 by professors and students of the History Faculty of Kursk State University, has been revealed in the article. The project is aimed at preserving data on burial places of our countrymen which have been collected during scientific expeditions, at establishment of contacts with Serbian citizens to search for additional data on Russian émigrés and at possibility for future common scientific investigations.

Keywords: Russian Necropolis in Belgrade, Novo Groble, World War I, Russian Emigration in Serbia, Historical Memory.

N.I. Gerasimov

**«Hitler's Defeat is a Necessary <Condition> of... Revolution»:
From the Journal Editorial Correspondence
«Dielo Truda — Probuzhdenie» (March — April 1941)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

The publication includes editorial correspondence of the «Dielo truda — Probuzhdenie» journal in the period March — April 1941. It consists of three G.P. Maximov's letters to the New York editorial group, not counting his resignation letter, as well as one response letter from the editorial team. The correspondence discusses the problems of the journal and how to overcome them.

Keywords: «Dielo truda — Probuzhdenie», anarchism, Russian anarchist emigration, G.P. Maximov, anarchist press.

P.A. Tribunskii

B.S. Slepchenko and Russian Studies at University College Nottingham

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: pt2140@yandex.ru

The article is dedicated to the biography of B.S. Slepchenko (1887–1966) and his role in the development of Russian Studies at University College, Nottingham.

Keywords: B.S. Slepchenko, Russian Studies in Great Britain, University College, Nottingham, Russian Abroad.

A.S. Bykova

Russian Graves on Mount Jerome Cemetery (Dublin, Ireland)

Greystones (Ireland), Greystones Archaeological & Historical Society
E-mail: abykovaireland@gmail.com

The author tells about her research conducted in 2017–2018. It was dedicated to the search and identification of Russian graves in Mount Jerome (Harold's Cross), one of the main cemeteries of Dublin city. The designation «Russians» is used in this context in a broad sense, meaning primarily the White Russian émigrés, as well as other immigrants from the Russian Empire, Soviet Russia and the USSR. At the moment 38 burials are found and the biographies of buried people are described more or less. These personal stories reflect the vicissitudes of Russian history and the history of the Russian emigration of the XX century.

Keywords: Russian emigres in Ireland, White Russians, refugees in Ireland, Irish Red Cross, Ireland 1950s, Mount Jerome Cemetery.

M. Yu. Sorokina

**The Week of the Russian Yugoslavian Diaspora Legacy
at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article reviews the Russian Yugoslavian Emigration Week, held at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and dedicated to the 180th anniversary of establishing diplomatic relations between Serbia and Russia. The main events of the Week were the artistic documentary exhibition «Russian Comics of the Kingdom of Yugoslavia», for the first time in the world presented the artistic heritage of Russian émigré comicists, who were among the founders of the comics in the Kingdom of Yugoslavia, the International round table «Problems of the Biographical Description of the Russian diaspora in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians / Kingdom of Yugoslavia», a meeting with the famous Serbian film director and writer Dragan M. Chirjanic.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, Russian comics, biography of the Russian diaspora, exhibition exposition, archival documents and museum exhibits.

I.N. Kosichenko

**«Russian Scientific Presence in Latin America»:
The Scientific-Practical Seminar**

Moscow, Russian State University for the Humanities

E-mail: ivan.kosichenko@gmail.com

The article reviews the papers presented at the first scientific-practical seminar «Russian scientific presence in Latin America», held jointly by the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and the Russian State University for the Humanities. This academic space united specialists in various fields of the history of Russian science and emigration, from philology and history to natural science expeditions.

Keywords: Migrations, Russian emigration, Russian scientific presence in Latin America, Russian scientific emigration, Latin America.

V.V. Leonidov

**«Faces of a Neskuchny»: Exhibition in the Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad**

May 27, 2019

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The review is dedicated to the exhibition «Faces of a Neskuchny», the opening of which took place at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad on May 27, 2019 and marked the beginning of a three-day marathon of the opening of the Museum of Russian Abroad.

Keywords: Neskuchny, Zinaida Serebryakova, Alexander Benois, Albert Benois, Ekaterina Lansere-Zelenkova, Eugene Lansere, I.E. Ivanchenko.

M.A. Vasilieva

The Chronicle of P.M. Bicilli Life and Creation

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijvasil@mail.ru

<**Birman M.A. P.M. Bicilli (1879–1953). The life and art.** — Moscow: Vodoley, 2018. — 444 p.>

The review is devoted to the first most complete and detailed monograph about the outstanding representative of the Russian abroad, humanitarian scientist P.M. Bicilli (1879–1953). The author of the book is Mikhail Birman, Doctor of Historical Sciences, Slavist and expert of Balkan studies, who devoted many years to studying the heritage of Bicilli.

Keywords: Russian abroad, P.M. Bicilli, biography, bibliography, archives.

M.A. Vasilieva

In Memory of Tatiana Georgievna Varshavsky

(August 25, 1923, Berlin — January 9, 2019, Ferney-Voltaire)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijvasil@mail.ru

The obituary is dedicated to the honorary donor and a big friend of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Tatiana Varshavsky (1923–2019), widow of writer Vladimir Varshavsky. The article of memory of this outstanding woman is an occasion to say again about her bright fate and her role in the formation of the archive collection of the

Summary

Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and her invaluable contribution to the Museum of Russian Diaspora.

Keywords: Obituary, Russian abroad, Tatiana Varshavsky, archive, museum collection.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антанасиевич Ирина,

доктор филологических наук, профессор Белградского университета (Республика Сербия);

научные интересы: творчество и судьба русских художников-эмигрантов, стоявших у истоков югославской школы комикса, история и поэтика русского комикса, визуальная культура, русская литература и эмиграция на Балканах.

11000 Београд, Србија, Студентски трг, 1
antiira@mail.ru

Бондарев Никита Викторович,

кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, факультет международных отношений и зарубежного регионоведения; *научные интересы:* история российской эмиграции, Балканы, Коминтерн на Балканах, история взаимоотношений России и балканских народов, российская мягкая сила (soft power, smart power).

125993 Москва, Миусская площадь, д. 6
bondarevnikit@yandex.ru

Быкова Анна Сергеевна,

кандидат политических наук, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Ирландия; исследователь;

научные интересы: представители белой русской эмиграции, проживавшие в Ирландии, а также поиск и идентификация русских могил в Ирландии.

abykovaireland@gmail.com

Васильева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; основатель и ответственный соредактор научной серии «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra»;

научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
marijavasil@mail.ru

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история анархистской эмиграции, история русской философии, социальная философия русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nickgerasimow@yandex.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории российско-го зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история России XIX — начала XX в.; Михаил Михайлович Карпович: научное и эпистолярное наследие; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879–1908); Игнатъевы в эмиграции; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru; mihail_gorinov@mail.ru

Дубови-Лузянина Илона,

научный сотрудник Центра евразийских исследований Венского университета;

научные интересы: история русского зарубежья.

lona.luzyanina@gmail.com

Живанович Милана,

PhD, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград, Республика Сербия);

научные интересы: история российско-сербских связей, русские некрополи в Сербии.

milana.zivanovic@yahoo.com

Зорина Анна Дмитриевна,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела архивно-рукописных и печатных источников Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: культура русского зарубежья, архивные материалы, философия, жизнь и творчество Л.Н. Толстого.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

annzora@domrz.ru; annzorina25@gmail.com

Конорева Ирина Александровна,

доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Курского государственного университета, кафедра всеобщей истории;

научные интересы: история международных отношений в XX в.

305000, Курск, ул. Радищева, д. 33

ikonoreva@yandex.ru

Косиченко Иван Никитович,

аспирант Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, Российский государственный гуманитарный университет;

научные интересы: Латинская Америка.

125047, Москва, Миусская площадь, д. 6
ivan.kosichenko@gmail.com

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью, главный библиограф Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
victor-leonidov@yandex.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: творчество матери Марии (Скобцовой), богословская и религиозно-философская мысль XX в., культура русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia.likvintseva@gmail.com

Мандич (Mandic) Слободан,

помощник директора Департамента организации и использования архивов Исторического архива Белграда;

научные интересы: историография, архивы.

11070 Нови Београд, Србија, Палмира Тољатија, 1
slobodan.mandic@gmail.com

Марченко Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., литература русского зарубежья, поэтика художественной прозы, творчество Бунина, Шмелева, Осоргина, литературные музеи России, история присуждения Нобелевской премии русским писателям (по архивным материалам), парижский текст русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
tvmarch27@gmail.com

Масоликова Наталья Юрьевна,

ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского научного зарубежья; история психологии; некрополистика.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
nmasolikova@gmail.com

Поляков Федор Борисович,

профессор, заведующий кафедрой русской литературы, Институт славистики Венского университета (Institut für Slawistik Universität Wien).

1010 Wien, Österreich, Universitätsring 1
fedor.poljakov@univie.ac.at

Радженович (Radjenovic) Ранка,

архивный советник Международного отдела Архива Югославии (Белград, Сербия);
научные интересы: дипломатические отношения Югославии с другими странами, российская эмиграция.

11000, Београд, Србија, Васа Пелагића 33
ranka.radjenovic@arhivyu.rs; m.saradnja@arhivyu.rs

Романова Светлана Витальевна,

заведующая сектором «Русский язык в странах рессеяния» отдела межрегионального и международного сотрудничества Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: русское зарубежье, история русской эмиграции в Италии, русский язык и русская литература за рубежом.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
s.v.romanova@yandex.ru

Семенов Константин Константинович,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: военная эмиграция, коллаборационизм, гражданская война в Испании, Вторая мировая война.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
ksemenov.mh@gmail.com

Симонова Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь;
научные интересы: история Польши, история русской эмиграции, история Первой мировой войны.

ivansimo@ya.ru

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
msorokina61@gmail.com

Талалай Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и представитель в Италии Института всеобщей истории РАН;
научные интересы: русское присутствие в Италии.

119334, Москва, Ленинский пр., д. 32
talalaym@mail.ru

Тимофеев Алексей Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории Белградского университета и Института новейшей истории Сербии;

научные интересы: история русской политики на Балканах в XIX–XX вв., история конфликтов на Балканах, история русской эмиграции.

11000, Београд, Трг Николе Пашића 11 / Ул. Чика-Љубина, 18-20
al.timofev@gmail.com

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
pt2140@yandex.ru

Тюрина Галина Андреевна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история классической филологии в России, жизнь и творчество А.И. Солженицына.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
sectorais@yandex.ru

Шишкин Андрей Борисович,

профессор Университета Салерно (Università degli Studi di Salerno), директор Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме;

научные интересы: русская и итальянская литература XVIII–XX вв.

84084 Fisciano SA, Italia, Via Giovanni Paolo II, 132
chichkine@gmail.com

Энгельгардт Георгий Николаевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН;

научные интересы: современная история стран экс-Югославии, политический ислам.

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а
georgi.engelhardt@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Приветственные речи (28 мая 2019 г.)	7
Визит Президента Российской Федерации В.В. Путина (24 июля 2019 г.)	22

ЮБИЛЕЙНОЕ

К 80-летию Н.Д. Солженицыной

Наталья Дмитриевна Солженицына: «У нас обоих было не “заячье сердце”» (Интервью Катерине Гордеевой)	25
--	----

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЕВ

<i>Т.В. Марченко. И.С. Шмелев и его окружение в фондах Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына: перспективные стратегии исследования и издания.</i>	45
<i>Приложение. Т.В. Марченко, О.Н. Патока. Архивное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Фонд 41 «Шмелев Иван Сергеевич»: Исторический экскурс и обзор фонда</i>	52
<i>О.Н. Патока. Культура сердца</i>	63
<i>А.Д. Зорина. И.И. Новгород-Северский и Ю.А. Кутырина: Загадка первой встречи (из опыта работы с архивными фондами близких И.С. Шмелева).</i>	72

АРХИВНОЕ

<i>П.Е. Ковалевский. Дневники (январь–февраль 1924). Публикация, вступительная статья и комментарии Н.В. Ликвинцевой</i>	85
--	----

<i>С.В. Романова, М.Г. Талалай.</i> Фонд композитора Натальи Правосудович (1899–1988) в архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына	119
--	-----

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

<i>А.Б. Шишкин.</i> «Метафизический палладианец» Андрей Белобородов	139
<i>М.А. Васильева.</i> Вечный город и Великий остров Андрея Белобородова	155
<i>А.Я. Белобородов.</i> Воспоминания. Публикация подготовлена к печати <i>Е. Деревяго и М. Пчелинцевой под редакцией А. Шишкина</i>	164

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ПОЛЯКОВА

<i>Ф.Б. Поляков.</i> Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом	185
<i>Г.А. Тюрина.</i> «Науки юношей питают...»: О непреходящей пользе греческой палеографии для развития европейской славистики	190
<i>М.Ю. Сорокина.</i> Роман Якобсон в Праге: Славянский институт	195
<i>М.А. Васильева.</i> Союз как самостоятельная часть речи (Об одном стихотворении Георгия Иванова)	207
<i>Н.Ю. Масоликова.</i> «Письма на Родину» В.Я. Ирецкого	215
<i>И. Антанасиевич.</i> Балканское vs советское: Русский взгляд (Заметки о югославских плакатах периода немецко-фашистской оккупации (1941–1944))	220
<i>И. Дубови-Лузянина.</i> Борис Исаакович Элькин (1887–1972): Жизнь и судьба	233
<i>А.С. Быкова.</i> Павел Павлович Муратов (1881–1950): Забытое в Ирландии русское имя	241

«ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ / КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ»: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

<i>М.Ю. Сорокина.</i> Биографика русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия: Достижения и проблемы	249
<i>И. Антанасиевич.</i> В жизни все не так, как на самом деле: Биографические данные и их важность	253

<i>Н.В. Бондарев.</i> Деятельность Коминтерна на Балканах в 20-е гг. XX в. (на примере биографий В.Н. Сакуна и Б.Л. Рудиной-Фосс).....	264
<i>М.Ю. Сорокина.</i> Роман Якобсон в Праге: Дела югославские.....	280
<i>А.Ю. Тимофеев.</i> Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности).....	294
<i>Р. Радженович.</i> Роман Осипович Якобсон — член Сербской академии наук.....	312
<i>С. Мандич.</i> Биографические источники по истории русской эмиграции в Историческом архиве Белграда.....	318
<i>М.М. Горинев-мл.</i> Что русская охранка знала о Евгении Аничкове.....	323
<i>К.К. Семенов.</i> Русское наемничество в Сербии (1924 г.): Албанская авантюра в биографиях белых офицеров.....	336
<i>Т.М. Симонова.</i> К биографии Василия Витальевича Шульгина (1878–1976): Визит в Польскую республику в 1938 г.....	347
<i>М. Живанович.</i> Молот в руках красных: Судьба Русского дома после 1944 г.....	355
<i>Г.Н. Энгельгардт.</i> «Белоэмигранты» или «простые русские люди» — советское посольство в Белграде и казачий мемориал в Корбевце (Вране) в начале 1990-х гг.....	372
<i>И.А. Конорева.</i> О реализации проекта «Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии».....	378

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>Н.И. Герасимов.</i> «Поражение Гитлера есть необходимое <условие>... революции»: Из редакционной переписки журнала «Дело труда — Пробуждение» (март–апрель 1941 г.).....	393
<i>П.А. Трибунский.</i> В.С. Слепченко и россиеведение в Университетском колледже Ноттингема.....	409

НЕКРОПОЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>А.С. Быкова.</i> Русские могилы на кладбище Маунт Джером (Дублин, Ирландия) ...	421
--	-----

ХРОНИКА

<i>М.Ю. Сорокина.</i> Неделя русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии / Сербии в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына	451
<i>И.Н. Косиченко.</i> «Российское научное присутствие в Латинской Америке»: Научно-практический семинар	456
<i>В.В. Леонидов.</i> «Лики Нескучного»: Выставка в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (27 мая 2019 г.)	466

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.А. Васильева.</i> Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли. <Рец.:> Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. — М.: Водолей, 2018. — 444 с.	471
--	-----

IN MEMORIAM

<i>М.А. Васильева.</i> Памяти Татьяны Георгиевны Варшавской (25 августа 1923, Берлин — 9 января 2019, Ферней-Вольтер)	479
Резюме	485
Summary	503
Сведения об авторах	519

CONTENT

OPENING OF THE MUSEUM OF RUSSIAN EMIGRATION

Welcome Speeches (<i>May 28, 2019</i>)	7
Visit of the President of the Russian Federation V.V. Putin (<i>July 24, 2019</i>)	22

ANNIVERSARY

To the 80th Anniversary of Nataliya Solzhenitsyna

Nataliya Dmitrievna Solzhenitsyna: «Both of us did not have a “zayachie serdtse”» (<i>Interview with Katerina Gordeeva</i>).	25
---	----

LITERARY HERITAGE:

IVAN SERGEYEVICH SHMELEV

<i>T.V. Marchenko</i> . The Ivan Shmelev Collections Filed in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad: Far-Sighted Research and Publishing Strategies	45
<i>Application. T.V. Marchenko, O.N. Patoka</i> . Fund 41 Ivan Sergeyevich Shmelev in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Archive: Historical Look and Modern Status	52
<i>O.N. Patoka</i> . The Culture of the Heart	63
<i>A.D. Zorina</i> . I.I. Novgorod-Severskiy and Y.A. Kutyrina: Mystery of the First Meeting (Based on Documents from Archival Funds of Close People by I.S. Shmelev)	72

ARCHIVE

<i>P.E. Kovalevsky</i> . The Diaries (January–February of 1924). <i>The publication, introduction and comments by N.V. Likvintseva</i>	85
--	----

<i>S.V. Romanova, M.G. Talalay.</i> The Fond of the Composer Natalia Pravosudovich (1899–1988) in the Archive of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad	119
---	-----

RUSSIAN ITALY

<i>A.B. Shishkin.</i> «The Metaphysical Palladian» Andrey Beloborodov.....	139
<i>M.A. Vasilieva.</i> Eternal City and Great Island of Andrey Beloborodov.....	155
<i>A.Ya. Beloborodov.</i> Memories. <i>The publication was prepared by E. Derevyago and M. Pchelintseva edited by A. Shishkin.</i>	164

TO THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR FEDOR POLYAKOV

<i>F.B. Polyakov.</i> The Encounters of Lev Shestov with his Translator Hans Ruoff	185
<i>G.A. Tuirina.</i> «The Science of the Young Men Feeds...»: On the Enduring Benefit of Greek Paleography for the Development of European Slavic Studies	190
<i>M.Yu. Sorokina.</i> Roman Jakobson in Prague: Slavic Institute	195
<i>M.A. Vasilieva.</i> Conjunction as a Notional Part of Speech (about One Poem by Georgy Ivanov).....	207
<i>N.Yu. Masolikova.</i> «Letters to the Homeland» by V.Ya. Iretsky.....	215
<i>I. Antanasijevich.</i> Balkan vs Soviet: Russian View (Notes on the Yugoslav Posters of the Period of German-Fascian Occupation (1941–1944))	220
<i>I. Dubowy-Luzyanina.</i> Boris Elkin (1887–1972): Life and Fate	233
<i>A.S. Bykova.</i> Paul Mouratoff (1881–1950): Forgotten Name in Ireland	241

«PROBLEMS OF BIOGRAPHY OF RUSSIAN EMIGRATION
IN THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENENES»:
MATERIALS OF THE ROUND TABLE

<i>M.Yu. Sorokina.</i> The Personal History of the Russian Emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenenes / Kingdom of Yugoslavia: Progress and Problems . . .	249
<i>I. Antanasijevich.</i> In Life Everything is not so in Reality: Biographical Data and its Importance.....	253
<i>N.V. Bondarev.</i> Comintern and the Balkans in the 1920s (Illustrated by the Cases of V. Sakun and B. Rudin-Foss)	264

<i>M. Yu. Sorokina.</i> Roman Jakobson in Prague: Yugoslavian Case.	280
<i>A. Yu. Timofeev.</i> Broken Fates. 1948–1953. Repression against Russian Emigration in Yugoslavia during the First Post-War Decade (by Materials of Public Safety Management)	294
<i>R. Radzhenovich.</i> Roman Osipovich Yakobson — Member of the Serbian Academy of Sciences.	312
<i>S. Mandich.</i> Biographical Sources for the Russian Emigration History at the Historical Archives of Belgrade.	318
<i>M.M. Gorinov-jun.</i> What Did the Russian Secret Police Know about Yevgeny Anichkov?	323
<i>K.K. Semenov.</i> Russian Merchantability in Serbia (1924): Albanian Adventure in the Biography of White Officers	336
<i>T.M. Simonova.</i> To the Biography of Vasily Vitalievich Shulgin (1878–1976): Visit to the Polish Republic in 1938.	347
<i>M. Zhivanovich.</i> Hammer in the Hands of the «Reds»: The Faith of the Russian House after 1944.	355
<i>G.N. Engelhardt.</i> «Emigrees» or «Fellow Russians»? Soviet Embassy in Belgrade on the Cossack Memorial in Korbevac (Vranje Municipality) in early 1990-s.	372
<i>I.A. Konoreva.</i> On the Realization of the Project «Russian Necropolis in Belgrade and other Serbian Cities»	378

NEW MATERIALS

<i>N.I. Gerasimov.</i> «Hitler’s Defeat is a Necessary <Condition> of... Revolution»: From the Journal Editorial Correspondence «Dielo Truda — Probuzhdenie» (March–April 1941).	393
<i>P.A. Tribunskii.</i> B.S. Slepchenko and Russian Studies at University College Nottingham	409

NECROPOLIS OF RUSSIAN EMIGRE

<i>A.S. Bykova.</i> Russian Graves on Mount Jerome Cemetery (Dublin, Ireland)	421
---	-----

ACADEMIC EVENTS

<i>M. Yu. Sorokina.</i> The Week of the Russian Yugoslavian Diaspora Legacy at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad	451
---	-----

Content

<i>I.N. Kosichenko.</i> «Russian Scientific Presence in Latin America»: The Scientific-Practical Seminar	456
<i>V.V. Leonidov.</i> «Faces of a Neskuchny»: Exhibition in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. <i>May 27, 2019</i>	466

NEW EDITIONS

<i>M.A. Vasilieva.</i> The Chronicle of P.M. Bicilli Life and Creation. <Birman M.A. P.M. Bicilli (1879–1953). The life and art. — Moscow: Vodoley, 2018. — 444 p.>	471
---	-----

IN MEMORIAM

<i>M.A. Vasilieva.</i> In Memory of Tatiana Georgievna Varhsavsky (August 25, 1923, Berlin — January 9, 2019, Ferney-Voltaire)	479
Summary in Russian	485
Summary in English	503
About Authors	519

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Е-361 2019 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александ-
дра Солженицына, 2019. — 536 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Очередной выпуск «Ежегодника...» открывается стенограммой церемонии торжественного открытия первого в России государственного Музея русского зарубежья 28 мая 2019 г. и репортажем о посещении ДРЗ Президентом РФ В.В. Путиным 24 июля того же года. Специальный раздел тома посвящен юбилею президента Русского благотворительного фонда А. Солженицына Наталии Дмитриевны Солженицыной. Публикуется интервью юбиляра, данное К. Гордеевой.

В раздел «Литературное наследие: Иван Сергеевич Шмелев» вошли материалы о документах писателя и его окружения в архивных фондах ДРЗ. Впервые публикуемые дневниковые записи церковно-общественного деятеля П.Е. Ковалевского и обзор фонда композитора Н.М. Правосудович из собрания ДРЗ составили раздел «Архивное». Тематический блок «Русская Италия» посвящен жизни и творчеству русского художника-архитектора А.Я. Белобородова. Статьи и публикации коллег профессора Ф.Б. Полякова, рассказывающие о многообразном наследии деятелей русского зарубежья — Р.О. Якобсона, Г.В. Иванова, В.Я. Ирецкого и др., — составили раздел в честь юбилея известного слависта. Материалы круглого стола «Проблемы биографики русского зарубежья в КСХС / Королевстве Югославия» отражают ранее неизвестные страницы истории Русского дома в Белграде, деятельности агентов Коминтерна на Балканах, наследия русских славистов-эмигрантов и др. В «Ежегоднике...» также публикуются новые работы об анархистской периодике русского зарубежья (журнал «Дело труда — Пробуждение»), о британском руссизмании (В.С. Слепченко), а также о русских захоронениях на ирландском кладбище Маунт Джером (Дублин).

В «Ежегоднике...» традиционно содержатся хроника научной жизни Дома русского зарубежья, рецензии на новые издания, раздел «In memoriam» и большое количество иллюстраций.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2019

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*
Корректор *Н.С. Самбу*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 10.12.2019. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 33,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64
Тел.: +7 (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Солженицын: взгляд из XXI века: *Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г.* / сост. Л.И. Сараскина; Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Правительство Москвы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская государственная библиотека, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

Сборник «Александр Солженицын: взгляд из XXI века» составили материалы докладов, прозвучавших на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя и проходившей 10–12 декабря 2018 г. в Российской государственной библиотеке (Пашков Дом) и в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. В сборник включены также выступления организаторов конференции — представителей Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Правительства Москвы, Российской государственной библиотеки и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Авторы статей — филологи, философы, историки, искусствоведы, культурологи, литераторы, педагоги и переводчики книг Солженицына на иностранные языки из России, США, Великобритании, Австралии, Франции, Швейцарии, Швеции, Италии, Польши, Чехии, Венгрии, Сербии, Черногории, Китая.

Основными и приоритетными направлениями статей сборника стали темы, посвященные Солженицыну как исследователю и историку русских революций, как художнику и публицисту, чьи произведения оказали огромное влияние на самосознание российских и зарубежных читателей, на русскую и мировую литературы. Ряд сообщений посвящен недавно выявленным документам, письмам и свидетельствам, связанным с жизнью писателя, а также созданию архивов и музеев, посвященных ему.

Солженицынские тетради: *Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 7* / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер].

Альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются воспоминания Солженицына о школьных годах, архивные документы, связанные с присуждением А.И. Сол-

женицыну Нобелевской премии 50 лет назад, переписка писателя с Генрихом Бёллем (1968–1982), фотоматериалы, связанные с фронтовой биографией Солженицына, размышления сына писателя дирижера Игната Солженицына об опере Александра Чайковского «Один день Ивана Денисовича». Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, музеях и выставках, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е.Ю.) Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки / Мать Мария (Скобцова; Елизавета Кузьмина-Караваева); [сост. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой; примеч. Н.В. Ликвинцевой при участии Л.В. Крошкиной; оформл. Е.Л. Марголис].

Мать Мария (Скобцова, Е.Ю. Кузьмина-Караваева; 1891–1945) — религиозный мыслитель, поэт Серебряного века, прозаик, художник. В эмиграции в 1932 г. приняла монашеский постриг, основала общество «Православное Дело», помогала всем нуждающимся и обездоленным. Во время Второй мировой войны участвовала во французском Сопротивлении, спасала от преследования евреев, была арестована и погибла в нацистском концлагере Равенсбрюк. В 2004 г. причислена к лику святых как преподобномученица.

В книгу вошли произведения, написанные Е.Ю. Скобцовой в первые годы ее эмигрантского существования, еще до принятия пострига: жития святых; религиозно-философские очерки, посвященные русским мыслителям, истории мысли и судьбе России; ранняя газетная публицистика; письма и записные книжки данного периода. Поскольку большинство материалов публиковалось до сих пор только в эмигрантской периодике, а часть материалов публикуется впервые, книга поможет составить представление о новых, малоизвестных сторонах жизни и творчества матери Марии. Все материалы сопровождаются тщательными и подробными примечаниями, приложениями, подробной библиографией и вступительной статьей. Книга предназначена как для специалистов, изучающих историю и культуру русской эмиграции, религиозно-философскую мысль XX в., так и для широкого круга читателей.

Посмотреть подробную информацию о книгах и заказать их вы можете на сайте издательства «РУССКИЙ ПУТЬ»: www.rp-net.ru или русский-путь.рф,

Приобрести книги можно также

в книжном магазине «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. Таганская (кольцевая)), тел. (495) 137-84-01,
сайт: www.kmrz.ru

Отдел продаж издательства «Русский путь»: (495) 137-84-06